

УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ и АМЕРИКИ

XVI–XIX века

Часть

2

ВЛАДОС

УДК 94(4+7)"15/18"(075.8)
ББК 63.3(4)5я73+63.3(7)5я73
Р60

Авторы коллектив:
Содержание
Золотухин М.Ю., доктор исторических наук, профессор — §1,2, 4, 5.
Родригес А.М., доктор исторических наук, профессор — § 6
Демидов С.В., доктор исторических наук, профессор — § 8
(в соавторстве с Пономаревым М.В.), 9, 10, 12.
Пономарев М.В., кандидат исторических наук, доцент — § 3.
Велюсова К.А., кандидат исторических наук — § 7.
Рафалюк С.Ю., кандидат исторических наук — § 11.

Новая история стран Европы и Америки XVI-XIX века.
Р60 В 3 ч. Ч. 2 : учеб. для студентов вузов / [А.М. Родригес и др.];
под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. - М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. — 621 с. — (Учебник для вузов).
ISBN 978-5-691-01419-2.
ISBN 978-5-691-01491-8 (4.2).
Агентство СІР РГБ.

Учебник посвящен истории стран Европы и Америки в XVI-XIX вв. В нем рассматриваются важнейшие события и проблемы истории Нового времени, анализируются основные тенденции социально-экономического и государственно-правового развития западного общества в указанный период, эволюция общественной мысли и культуры. Оригинальная структура учебника позволяет использовать его как в рамках учебного процесса, так и для самостоятельной подготовки студентов и аспирантов.

Учебник издается в трех частях. Во второй части рассматривается история международных отношений в Новое время, а также история ряда стран Западной Европы в XVI-XIX вв. Учебник является частью учебно-методического комплекта «Новая и новейшая история зарубежных стран».

УДК 94(4+7)"15/18"(075.8)
ББК 63.3 (4)5я73+63.3(7)5я73

ISBN 978-5-691-01419-2
ISBN 978-5-691-01491-8(4.2)
2006

© Коллектив авторов, 2006

© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2006

© Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2006

© Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС»,

Содержание

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ	
§ 1. Становление общеевропейской системы международных отношений (конец XV — первая половина XVII вв.)	7
§ 2. Консолидация и кризис Вестфальской системы международных отношений (середина XVII — конец XVIII вв.).....	52
§ 3. Международные отношения в эпоху революционных и наполеоновских войн (конец XVIII — начало XIX вв.)	123
§ 4. Венская система международных отношений (1815-1870)	160
§ 5. В преддверии новой эпохи: международные отношения в последней трети XIX в	268
§ 6. Феномен колониализма в Новой истории стран запада.....	333
РАЗДЕЛ III. СТРАНЫ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVI-XIX вв.	
§ 7. Нидерланды в XVI — начале XVII вв.....	379
§ 8. Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Швейцария в XVII-XIX вв	401
§9. Англия в XVI-XVII вв	429
§10. Англия в XVIII-XIX вв	477
§11. Английские переселенческие колонии в XVIII-XIX вв	535
§12. Испания и Португалия в XVI-XIX вв	564

Раздел II

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Становление общеевропейской
системы международных отношений
(конец XV в. — первая половина
XVII в.)

Политическая карта Европы на рубеже XV—XVI вв.

В конце XV столетия Европа представляла собой конгломерат этносов и государственных образований, разных по величине и уровню социально-экономического и политического развития. Многие народы европейского континента испытывали на себе различные формы чужеземного господства.

В первую очередь это относилось к населению Юго-Восточной Европы, которое, лишенное государственной самостоятельности, зависело от власти Османской империи, а также Венеции и австрийских Габсбургов. Вместе с тем, все более зримые очертания приобретал процесс становления национальных государств. Общими для развития большинства из них явились тенденции объединения территорий вокруг единого центра, складывания отличных от средневековья органов государственного управления, изменения роли и функций верховной власти. Формирующийся абсолютизм играл, как правило, не только централизаторскую роль, но и проводил экспансионистскую политику. В то же время сохранялась и большая роль сословных институтов. Во многих странах Центральной и Восточной Европы это имело неоднозначные последствия — государственно-политическая элита зачастую исходила из своих узко сословных интересов и отказывалась от проведения активной внешней политики. Специфической особенностью взаимоотношений стран этих регионов стало создание уний нескольких монархий. Так, в 1490 г. на венгерский престол был избран чешский король Владислав II Ягеллон (1471-1516) — сын Казимира IV Ягеллончика, который являлся в свою очередь Польским королем и Великим князем Литовским (1444-1492). При возникновении таких объединений, входившие в них государства полностью сохраняли свою внутреннюю самостоятельность, и объединяла их только личность правителя, а их возникновение объяснялось внешнеполитической конъюнктурой. Все процессы изменения государственности в европейских странах обостряли старые территориальные притязания, политические и династические споры.

Ведущее положение на международной арене в XVI в. занимала Испания. Брак Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского привел в 1479 г. к личной унии Кастилии и Арагона и образованию единого Испанского государства. С отвоеванием в 1492 г. Гранадского эмирата — последнего оплота мавров на Пиренейском полуострове — завершилась Реконкиста. Временный распад каталонско-арагонской унии (1504-1506) не смог помешать процессу национально-государственной консолидации. В состав Испании, помимо большей части территорий на Пиренеях, входили европейские владения Арагонской короны в Южной Италии — Неаполитанское королевство, а также острова Сицилия, Сардиния и Балеарские. Владение всеми крупными островами в Западном Средиземноморье (кроме Корсики) помогало богатым приморским городам Каталонии оспаривать торговую гегемонию итальянской республики Генуи в этом регионе. В Европе Испания проводила активный внешнеполитический курс, подкрепленный помимо экономических и социально-политических факторов религиозной нетерпимостью испанской католической церкви.

Португальское королевство — еще одна страна Юго-Западной Европы, — вступило с конца XV в. в сравнительно недолгий период расцвета. Всецело занятая колониальной экспансией Португалия старалась жить в мире с пиренейской соседкой (португальская и испанская короны были тесно связаны династическими узами), воздерживалась от участия в европейских войнах, чему способствовало и ее географическое положение.

Решающую роль в формировании политической карты Западной Европы в начале Нового времени сыграло объединение всех французских земель — уже в годы правления Людовика XI Валуа (1461-1483) Франция превратилась в одно из крупнейших европейских государств, самое населенное и обладающее сильнейшей постоянной наемной армией. Переломными стали события 1477 года, когда со смертью герцога Бургундского Карла Смелого был поднят вопрос о «бургундском наследстве». Раздел обширных территорий распавшегося Бургундского государства состоялся следующим образом: Людовик XI

присоединил к своим владениям большую часть Бургундии и Пикардию. Другая часть Бургундии — Франш-Конте, наряду с Лотарингией, Люксембургом и Нидерландами перешли во владение Максимилиана Габсбурга, который был женат на дочери Карла Смелого. Максимилиан, ставший в будущем императором Священной Римской империи (1493-1519), претендовал на владения своего тестя, в том числе на французские земли.

Максимилиан стремился препятствовать объединению Франции, выступал и качестве покровителя последнего крупного феодального владения на французской земле — Бретонского герцогства, знаменитого своим торговым мореходством. В свою очередь Людовик XI рассчитывал на присоединение Франш-Конте и особенно южнонидерландских земель (Артуа, Геннегау Эно, Фландрии). В 1481 г. в состав французской короны вошел Прованс (юридически он являлся частью Империи), с прекрасными портами, ставшими базой для строительства французского средиземноморского флота, а в 1491 г. — Бретань. Через год после вторжения французских войск в Бретань, военные силы Империи были направлены в Франш-Конте, который уже ранее был занят французами.

Отношения Франции с Испанией резко обострились и из-за обоюдных династических притязаний на Неаполитанское королевство, а также небольшое королевство Наварра в Пиренеях. Неаполь со второй половины XIII в. находился под властью Анжуйской династии и ее венгерской линии, пока в 1442 г. не был захвачен Арагоном. Наварра, формально входившая в состав Арагонской короны, с 1479 г. находилась под управлением южнофранцузских домов и испанские политики считали невозможным утверждение в этой стратегической области французского влияния. К концу XV в. Франция была готова не только к ведению активной внешней политики, но и к открытому столкновению с Испанией в борьбе за европейскую гегемонию. Это противостояние станет главным содержанием внешнеполитической истории Западной Европы на протяжении всей первой половины XVI столетия.

Две страны, располагавшиеся на Британских островах — Англия и Шотландия, — в начале Нового времени играли незначительную роль в международной жизни Европы. Англии, ослабленной длительной династической войной Роз (1455-1485) трудно было соперничать с Испанией и Францией и влиять на ход борьбы на континенте. Генрих VII (1485-1509), основатель новой династии Тюдоров, и его наследники концентрировали усилия для подавления очагов сепаратизма и консолидации страны. Вплоть до второй половины XVI в. Английская внешняя политика отличалась неуверенностью и непоследовательностью. Исторически сложившиеся англо-французские противоречия со второй половины XV в. временно утратили свою остроту. После окончания Столетней войны (1337-1453) единственным местом на французской земле, оставшейся в руках англичан, был порт Кале с округой. Сюда в 1492 г. Генрих VII высадил войско и начал осаду соседней Булони, но вскоре согласился на заключение мира. Ослабла на время и английская угроза Шотландии. В отношениях двух королевств укрепилось стремление к мирному урегулированию противоречий (договоры 1474 и 1502 гг.). В этих условиях антианглийский союз Шотландии и Франции, сложившийся еще в начале XIV в., все еще сохранял юридическую силу, но утратил реальное значение.

Огромная территория в центре Европы входила в орбиту политических притязаний и влияния Священной Римской империи. Помимо собственно немецких территорий, в ее составе было много славянских земель, находившихся под властью немецких и австрийских князей, а также областей с итальянским, валлонским, французским, венгерским населением. Являясь рыхлым наднациональным союзом небольшого числа средних, сотен более или менее независимых мелких и мельчайших светских и духовных владений, поместий рыцарей, «вольных» и «имперских» городов, Империя служила ареной соперничества внутренних и внешних сил.

Отдельные немецкие государства (Бавария, Пфальц, Саксония) включались в широкий арсенал европейских взаимосвязей и отношений, играя в них, вплоть до середины XVII в. значительную роль. С 1488 по 1534 г. в юго-западных областях Германии существовал Швабский союз, обладавший постоянной военной силой. В то же время, со второй половины XV в. начался упадок союза северогерманских городов — Ганзы, ко- мал самостоятельную политическую позицию во всем бассейне

Балтийского моря. Города Ганзы во главе с Любеком и Гданьском (Данцигом) вмешивались в борьбу между скандинавскими странами, оказывая им финансовую и военную помощь и получая за это торговые привилегии. К концу XV в. стало очевидным и военно-политическое ослабление двух духовно-рыцарских Орденов в Прибалтике — Тевтонского и Ливонского. Первый располагался на землях, захваченных у пруссов, литовцев, поляков, второй — на землях предков латышей и эстов. После Тридцатилетней войны с Польшей Тевтонский орден возвратил ей Восточное Поморье с выходом к морю (1466), и уменьшенное почти вдвое орденское государство признало себя польским вассалом. В 1525 г. великий магистр Альбрехт Гогенцоллерн из династии бранденбургских курфюрстов превратил Орден в светское герцогство Пруссия, признанное леном Польши, которой были обеспечены довольно широкие возможности для вмешательства во внутреннюю жизнь герцогства. Мощь Ливонского ордена подрывали освободительная борьба Балтских народов и его безуспешные попытки распространить свое влияние на восток. Так, в 1501 г. русская армия нанесла ливонцам сокрушительное поражение при Гельмеде.

Внутри Священной Римской империи консолидировалась Австрийская монархия, являвшаяся одной из наиболее мощных ее частей и занимавшая в ней привилегированное положение. С 1438 г. вплоть до конца формального существования Империи (1806) германский престол бесценно занимали правители Австрии. Все члены дома австрийских Габсбургов носили титул эрцгерцогов, что должно было подчеркивать их самый высокий статус среди монархов Империи. Великодержавные замыслы Габсбургов парализовались в известной мере борьбой против них крупных германских князей — как протестантов, так и католиков. К концу XV в. наследственные владения Габсбургов включали, помимо герцогств Нижней и Верхней Австрии, Штирию, Карантию, Крайну, Горицу (южнославянские земли), Тироль, разбросанные немецкие земли в так называемой Передней Австрии и в северо-восточной Италии, Фриуль и порт Триест на Адриатике. В 1526 г. власть австрийских Габсбургов распространилась на королевства Чехию и Венгрию. В Дунайско-Карпатском регионе фактически сложилось новое государственное образование, оказавшееся частично вне пределов Империи, которое под разными названиями просуществовало до 1918г.

Однако Габсбургам, несмотря на все их усилия, не удалось подчинить себе Швейцарский Союз, зависимость которого от Империи превращалась в чисто номинальную. Швейцарские кантоны как арсенал военного наемничества и перевалочного пункта в торговле между Южной и Северной Европой приобрели заметное место в международных отношениях XV в. В частности, они сыграли важную роль в распаде Бургундского государства, нанеся поражение герцогу Карлу Смелому в битве при Нанси в 1477 г. Развязанная императором Максимилианом I и Швабским союзом война 1499 г. против Швейцарии закончилась победой последней и утверждением ее фактической независимости.

Италии — одной из двух «полюсов богатства» Европы (другим были Нидерланды), но разобщенной и раздираемой внутренними конфликтами — суждено было стать в конце XV — первой половине XVI в. главным полем битвы между крупнейшими европейскими державами. Итальянские земли, как и германские, находились в состоянии раздробленности. Некоторые территории Северной и Центральной Италии входили в состав Империи, но фактически были самостоятельными. В Неаполитанском королевстве правила младшая ветвь Арагонской династии, однако государственного подчинения королевства метрополии не произошло. Независимой, политически стабильной, с огромным флотом и множеством баз была Венецианская республика. В ее владения, кроме итальянских территорий, входили южнославянские приморские регионы (Истрия и узкая береговая линия Адриатического моря — Далмация) и греческие районы (приморские города в Пелопоннесе (Морей) с островами в Восточном Средиземноморье — Крит, Кипр, Кифера, Ионические). Венецианцы продолжали господствовать в Восточном Средиземноморье, что позволяло им вести энергичную внешнюю политику. Значительным весом в политической жизни итальянских стран обладали Миланское герцогство и Флорентийская республика. Важную роль на Апеннинах продолжало играть Папское государство. Правда, международное влияние Святого престола к началу XVI в. уже значительно ослабло. В прежней мере оно сохранялось лишь в разрываемой княжескими и религиозными распрями Германии.

В Юго-Восточной Европе международная обстановка к концу XV в. изменилась кардинальным образом. Весь Балканский полуостров (за исключением венецианских провинций и венгерских владений в Хорватии) был захвачен Османской империей. К северу от Дуная, в полной вассальной зависимости от Порты в 1480-х годах оказалась Валахия. Упорное сопротив-

ление османам оказало Молдавское княжество. Его господарю Стефану III (1457-1504) удавалось отражать нападения турецких войск, а также венгерских и польских феодалов. Стефан играл на амбициях и притязаниях соседних с Молдавией стран, умело используя их соперничество, что давало ему возможность действовать в интересах сохранения самостоятельности княжества. Дипломатическую и материальную помощь и поддержку своей политики молдавские господа искали и находили у Российского государства. Все же в середине XVI в. Молдавия признала вассалитет султана. Двигаясь вдоль побережья Черного моря, турки еще в 1475 г. вторглись в Северное Причерноморье. Существовавшие здесь итальянские торговые фактории были уничтожены, генуэзские крепости — разрушены или превращены в турецкие. Крымское ханство оказалось в вассальной зависимости от Порты, сохранив широкую автономию и, на первых порах, определенную свободу действий во внешней политике.

Таким образом, на рубеже XV—XVI вв. на всем огромном протяжении от восточного побережья Адриатики через Дунайско-Карпатский регион до Азовского моря и низовий Дона и Кубани образовывались новые демаркационные линии, в исторически сложившиеся взаимоотношения народов, проживавших на этих территориях, стали активно вмешиваться турки, а на политической карте мира появилась новая евроазиатская держава — Османская империя.

На пути дальнейшей османской экспансии в Центральную Европу оказались владения Венгерского государства на Балканах и в Подунавье. Борьба с турками, которая шла на всех пограничных территориях, выдвинулась на передний план внешней политики венгерских правителей. Между Венгрией и султанской империей заключались краткосрочные мирные соглашения, но венгеро-османские конфликты были постоянными. С утверждением на венгерском престоле чешских Ягеллонов (1490-1526) корона теряла, а феодальная аристократия усиливала свои позиции в государстве. Ягеллоны, не имея прочной поддержки в Венгрии, связывали себя все большими обязательствами с австрийскими Габсбургами. Эти негативные процессы в политической жизни страны проявятся в полной мере в 20-30-х гг. XVI в., когда в результате турецкой агрессии Венгрия окажется в критическом положении.

Османская угроза явственно ощущалась странами Восточной Европы — Польским королевством, Великим княжеством

Литовским и Российским государством. Политическое развитие этого региона определяли новые факторы, сложившиеся к концу XV в.

Во-первых, заметное ослабление угрозы прибалтийским и славянским народам со стороны немецких орденов позволило польским и литовским магнатам усилить колонизацию украинских, белорусских и русских земель, которые входили в состав связанных личной унией Польши и Литвы. Польша в первые десятилетия XVI в. смогла даже вести открытое соперничество с Габсбургами за влияние в Центральной Европе. Это, в свою очередь, способствовало утрате интереса как Польши, так и Литвы к судьбам своих земель, продолжавших оставаться под властью немецких государств.

Во-вторых, в середине XV в. произошел распад Золотой Орды и на ее месте появился ряд новых государственных образований, враждовавших друг с другом и старавшихся заручиться поддержкой у восточноевропейских держав. Если кочевавшая в низовьях Волги Большая Орда пошла на сближение с Казимиром IV Ягеллончиком, а затем с его сыновьями, то крымский хан Менгли-Гирей искал союза с Россией. Во многом благодаря этому альянсу борьба Крыма и Большой Орды завершилась полным разгромом последней (1502). В перипетии острого соперничества на востоке Европы включилась Османская империя, используя с этой целью татарские ханства. Первоначально ее интерес вызвали польско-литовские территории. Когда османо-татарские набеги на польские земли привели в 1498 г. к заключению антиосманского союза (Польша, Венгрия, Молдавия), Порты поменяла направление своей агрессии. Под ее влиянием Крымское ханство перешло к открыто враждебной России политике.

Третьим и самым важным фактором в международной жизни Восточной Европы стало складывание единого Российского государства. Составной частью этого процесса явились русско-литовские войны, которые с небольшими перерывами продолжались с 1487 по 1522 гг. Во время правления Ивана III (1462-1505) была выдвинута программа объединения всех восточнославянских земель, некогда входивших в Древнерусское государство. 90% этих земель составляли территорию Великого княжества Литовского. Успешные внешнеполитические действия России заставили Польское королевство переориентировать свою политику на восточное направление — с начала

XVI в. польский сейм начал вотировать средства на оказание военной помощи Литве. Появление на Востоке Европы новой внушительной политической силы не осталось незамеченным: император Максимилиан I обсуждал с Иваном III возможность заключения военно-политического союза, направленного против Польши и Литвы, а Ватикан и Венеция предлагали Москве присоединиться к антитурецкой коалиции.

В сферу международных отношений, затрагивавших интересы государств Центральной и Восточной Европы, не были вовлечены скандинавские королевства. Находясь на самом севере континента, они стояли в стороне от конфликтов, потрясавших другие европейские регионы в XIV-XV вв. Стержневым вопросом внутривосточной борьбы в Северной Европе начала XVI в. оставалась судьба Кальмарской унии (1397). По ней три государства — Дания, самая развитая и сильная среди скандинавских стран, Швеция и Норвегия (в состав Швеции входила Финляндия, в состав Норвегии — Исландия, Гренландия и Фарерские острова) находились под властью датской династии Ольденбургов. Если в Норвегии господство датских королей неуклонно укреплялось, то зависимость Швеции от Ольденбургов становилась все более призрачной. После расторжения Кальмарской унии (1523) в Северной Европе образовались два государственных блока: Дания и Швеция с подвластными им странами активизировали свою политику и вступили в борьбу за политическое и торговое преобладание в балтийском регионе.

Итальянские войны (1494-1559) и политика имперского универсализма Карла V Габсбурга

Гегемонистские притязания Франции и Испании являлись решающим фактором развития международных отношений в Европе в первой половине XVI в. Открытые формы этот конфликт приобрел в период Итальянских войн.

Пройдя через Альпы, французская армия короля Карла VIII Валуа (1483-1498) в первых числах сентября 1494 г. вторглась на территорию Пьемонта. Не встречая серьезного сопротивления, она прошла через всю Италию и в феврале следующего года вошла в Неаполь. Грабежи и насилие французских солдат по отношению к мирным жителям, равно как и их жестокость на поле боя, потрясла современников. Так начались продолжавшиеся 65 лет с небольшими перерывами Итальянские войны, во время которых было опустошено большинство областей Апеннинского полуострова. Военные действия соперничавших государств разворачивались на фоне острых внутривосточных и социальных конфликтов и народных выступлений против захватчиков.

Стремление Франции укрепить свое влияние в Италии было вызвано надеждой приобрести привилегированное положение на итальянском денежном рынке, а также обеспечить выгодные условия для торговой политики на Востоке. Предпринимать же широкие колониальные акции, подобно Португалии и Испании, у Франции в то время не было ни средств, ни возможностей. Начать завоевание было решено с Неаполитанского королевства и тем самым реализовать старинные притязания французской короны на «Анжуйское наследство». Предлогом для интервенции стала смерть короля Неаполя Ферранте I. Чтобы обеспечить нейтралитет потенциальных противников, Карл VIII отказался в пользу Испании от притязаний на Руссильон (пиренейская область, выходящая к Средиземному морю), а Максимилиану Габсбургу уступил Артуа и Франш-Конте (1493).

Однако уже весной 1495 г., когда сложилась широкая антифранцузская коалиция, обнаружилась вся поверхность дипломатической подготовки войны, равно как и авантюризм самого военного похода. В коалицию, кроме Венеции и Папской области, считавшихся еще недавно союзниками Франции, вошли Испания и Империя. Карлу VIII пришлось отказаться от продолжения военных действий. Его преемник Людовик XII Валуа-Орлеан первоначально оказался более удачливым. В 1500г. Людовику XII окончательно удалось подчинить себе Геную, всю Ломбардию с Миланом — важнейшим стратегическим центром Северной Италии, откуда открывался путь в центральные районы полуострова, — а также договориться с Фердинандом Арагонским о разделе Неаполитанского королевства. На следующий год французские и испанские войска вторглись в Южную Италию и покончили с самостоятельностью Неаполя. Начавшиеся между ними столкновения из-за спорных территорий

переросли в войну. В 1504 г. французы были полностью вытеснены с юга Апеннинского полуострова, а Испания, объединив Сицилию с южной частью континентальной Италии в Королевство обеих Сицилий, включило это государственное объединение в свой состав. Важным итогом военных действий 1499-1504 гг. явились и успехи Венеции, которой удалось захватить целый ряд городов и местностей на Апеннинском побережье Адриатического моря и в Ломбардии. Но претензии Венеции на гегемонию среди итальянских государств восстановили против республики всех ее соседей.

В следующий период Итальянских войн (1508-1517) основной ареной военных действий стала Северная Италия. Образовавшаяся антивенецианскую коалицию сменила антифранцузская «Священная лига». Душой последней стал папа Юлий II, выдвинувший лозунг освобождения Италии от чужеземцев («Изгоним варваров!»), хотя фактически основную военную силу Лиги составляли также иностранные войска — испанцы и швейцарцы. Преследуя свои собственные цели, итальянские правители лавировали между Францией и Испанией, заключали отдельные соглашения друг с другом. Этот период, полный драматических событий, не привел к каким-либо крупным территориально-политическим изменениям. Франция сохранила свои завоевания в Северной Италии. Ей удалось вернуть Турне (старинный французский анклав во Фландрии), потерянный во время войны с Англией (1512-1514). Англия же, не имея ни собственных планов в Италии, ни торговых интересов в Средиземноморье, примкнула к «Священной лиге» с целью приобретения новых опорных центров в северо-западной части континентальной Европы. Испания, присоединив к своим владениям на юге Апеннин важные торговые порты Апулии и добившись признания Франции на захват ею Наварры (1513), больше участия в Итальянских войнах не принимала. Венеция лишилась всех захваченных ранее областей. После сокрушительного поражения швейцарцев от франко-венецианских сил в битве при Мариньяно (1515) в Ломбардии Швейцарская конфедерация как государство в Итальянские войны уже не вмешивалась; между Францией и всеми швейцарскими кантонами, кроме Цюриха, был подписан договор о союзе (1521), позже не раз возобновлявшийся и действовавший до конца XVIII в. Камбрейский мирный договор 1517 г. между Францией, Испанией и Империей привел к временному умиротворению на основе взаимного признания фактических границ.

В 1519 г. произошли события, которые в корне изменили характер борьбы в Италии и расстановку политических сил в Западной Европе в целом. Испанский король Карлос I принял титул императора Карла V. Новый глава Священной Римской империи, являвшийся одновременно внуком королей-объединителей Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского (по линии отца) и Максимилиана I Габсбурга (по линии матери), собрал под своей властью обширнейшие территории Испании и Империи и лелеял средневековый идеал «универсальной империи» — эпицентра всего христианского мира. Теперь Францию почти отовсюду окружали владения Габсбургов и ей противостояла вся мощь объединенных испано-имперских сил.

Первая франко-габсбургская война (1521-1526), главным образом за обладание Миланом, шла с переменным успехом. Военные действия происходили также на северофранцузской и наваррской границах и в Провансе. Развязка наступила в 1525 г., когда французская армия была разгромлена имперцами в битве при Павии (в Ломбардии), а сам король Франциск I Валуа Ангулем (1515-1547) попал в плен. Франциска отправили в Мадрид и посадили в тюрьму как простого узника и выпустили только после того, как он подписал предъявленные ему условия: отказ от Милана и возвращение Бургундии. После этого французский король смог вернуться на родину, оставив при испанском дворе своих детей в качестве заложников.

Известие о результатах сражения при Павии всколыхнуло Италию. Стало ясно, что, если не изменить ход событий, итальянским государствам останется только склониться перед волей всемогущего победителя. В 1526 г. во французском городе Коньяке был заключен союз между Венецией, Флоренцией, папой Климентом VII и не собиравшимся выполнять навязанные ему обязательства Франциском I. Протектором Коньякской лиги объявил себя король Англии. Истинными хозяевами Лиги являлись итальянцы, они же составили основу ее армии. Однако раздоры среди членов Лиги и нерешительность военных операций не позволили итальянцам изгнать имперцев из Ломбардии. Это дало возможность Карлу V 6 мая 1527 г. взять Рим. Немецкие ландскнехты и испанские солдаты подвергли город и его окрестности страшному разгрому и опустошению. Поход французской армии на юг Италии (повторивший маршрут Карла VIII Валуа) и осада Неаполя союзным флотом Франции и Венеции окончились неудачей.

Вторая франко-габсбургская война (1526-1529) завершилась подписанием Кабрейского мира. Франциск полностью от-

казался от притязаний на Италию и сюзеренитета над фактически принадлежавших Карлу Фландрией и Артуа. При этом Французский король был освобожден от условия возвращения Бургундии, а его дети были отпущены из плена. Для итальянских государств разгром Коньякской лиги означал крах их последней попытки вести самостоятельную политику в борьбе между Францией и Империей. На Болонском соборе 1530 г. Климент VII короновал победителя Италии Карла V немецкой и итальянской коронами. Однако борьба за Италию не прекратилась. В действие вступили новые факторы, которые ослабляли Империю — борьба в Германии между католиками и протестантами, приобретающая международное значение, переход инициативы в соперничестве на Средиземном море в руки Османской империи, новое вторжение турок на территорию Юго-Восточной Европы.

Третья франко-габсбургская война (1536-1538) началась после того, как имперские войска оккупировали Милан, который потеряв формальную независимость, стал владением Габсбургов. Добиваясь компенсации Франция выступила с династическими притязаниями на Савойское герцогство. Войска Франциска I заняли пограничные с Францией области Савойю и Пьемонт. Попытки Карла V выбить их оттуда, равно как и вторжение имперцев в Прованс и Пикардию, оказались безуспешными. Согласно подписанному перемирию, Франция удержала за собой Савойю и две трети Пьемонта.

В ходе четвертой войны Франциска и Карла (1542-1544) произошло «скандальное» для христианского мира событие. Вступивший в тайные сношения с султаном Сулейманом I французский король заключил с ним в 1536 г. союз, следствием которого было соединение в 1543 г. в Марселе турецко-алжирского флота с французскими кораблями. Союзники осадили и взяли Ниццу, признававшую власть савойского герцога. Однако на главном театре военных действий, на полях самой Франции, ситуация для Франциска складывалась катастрофически. Имперская армия во главе с Карлом вторглась в Шампань и дошла почти до стен Парижа, в то время как союзные ей английские войска взяли Булонь. Все же эффектной развязки не последовало: германский император, заботившийся в тот момент прежде всего о том, чтобы освободить себе руки для борьбы с немецкими протестантами, внезапно заключил с французским королем мир на неожиданно мягких условиях статус-кво.

Последняя из франко-габсбургских войн (1551-1559) отличалась широким размахом — военные действия происходили в масштабе всего Апеннинского полуострова, а также захватили лотаринго-фландрский регион. Постоянным явлением было взаимодействие французского флота с турецким на Средиземном море. В Трансильвании, а затем Венгрии Габсбурги вели войну с турками, а в самой Германии антигабсбургские силы активизировали свои действия. В какой-то момент возможность перехода гегемонии над Италией к Франции выглядела вполне реальной.

Первым этапом кампании стала «Пармская война», когда Франции удалось помочь Пармскому герцогству отстоять свою самостоятельность в борьбе с Папским государством. Парма стала важным опорным пунктом Франции в Северной Италии, а сын Франциска I Генрих II (1547-1559) заставил римского первосвященника отказаться от союза с Карлом V. С помощью турецкого флота французы оккупировали почти весь остров Корсику. Удача сопутствовала Генриху и в Лотарингии. Предоставив крупную субсидию немецким противникам императора и воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией в Германии, Генрих захватил три лотарингских епископства — Мец, Туль и Верден. Менее успешными оказались действия Франции в Тоскане (Центральная Италия). После того как Карл V, едва не взятый в плен князьями в своей резиденции в Инсбруке, был вынужден отвести свои войска в Германию, в Сиене при французском содействии был организован заговор и народное восстание. Из города был изгнан испанский гарнизон, и созданная Сиснская республика оказалась под фактическим протекторатом Франции. Однако военное вмешательство в дела республики соседней с ней Флоренции, а вслед за этим разгром флорентийцами сиенско-французской армии под Марчано (1554) привел к утрате профранцузской партией в Сиене своей ведущей роли.

Таково было положение, когда в феврале 1556 г. воюющие стороны заключили общее перемирие. К этому времени Карл V, потерпевший поражение в борьбе с антигабсбургскими силами в Германии, уже отрекся от испанского престола в пользу своего сына Филиппа и был заинтересован, чтобы процесс передачи власти проходил в спокойной обстановке. В сентяб-

ре 1556 г. Карл отрекся и от имперской короны в пользу своего младшего брата, австрийского эрцгерцога Фердинанда I. С этого времени возникли линии австрийских и испанских Габсбургов. Грандиозный план создания мировой католической империи рухнул, несмотря на многочисленные военные и внешнеполитические успехи Карла.

Рассчитанное на пять лет перемирие не продлилось и года. Избрание главой Святого престола Павла IV, выходца из знатного рода неаполитанских эмигрантов, который ненавидел властвующих на его родине испанцев, вновь воскресил надежды французских Валуа на реализацию их династических притязаний на Неаполь. Павел IV, заручившись тайной поддержкой Парижа, вел себя крайне вызывающе по отношению к Испании. Ответом явилось испанское вторжение в сентябре 1556 г. в Папскую область. Чтобы не потерять союзника, Генрих II направил в январе следующего года армию в Италию, но уже в мае ей пришлось вернуться, поскольку стало ясно, что главные события развернутся на северной границе Франции, где сосредотачивались основные силы испанцев. В июне 1557 г. войну Франции объявила Англия. Все решилось в августе того же года, когда испанская армия нанесла сокрушительное поражение французской при Сен-Кантене. Французы сумели ослабить впечатление от этого разгрома, освободив от англичан Кале (1558). Хотя военное превосходство испанцев оставалось неоспоримым, и Испания, и Франция были полностью истощены финансово.

Мир между Францией, с одной стороны, Испанией и Англией — с другой, был заключен в Като-Камбрези 2-3 апреля 1559 г. Франция лишилась всех своих итальянских завоеваний (кроме небольшого маркграфства и ряда городов в Пьемонте, потерянных ею впоследствии). Англии пришлось уступить Франции Кале; так было покончено с последним остатком некогда огромных английских владений во Франции. Испания утвердила свою гегемонию на Апеннинах и во всем Западном Средиземноморье. Более половины территорий Италии вошли в состав испанской монархии — Королевство Обеих Сицилий, Миланское герцогство, область Пресидии (мелкие владения в Тоскане — в основном крепости на побережье Тирренского мо-

ря и островах Эльба и Джильо). Практически все итальянские государственные объединения оказались в той или иной степени в зависимости от Испании. Като — Камбресский мир открыл новый этап в истории международных отношений Западной Европы. Испания, завладев обеими «полюсами богатства» Европы — Нидерландами и Италией — стала крупнейшей военно-политической силой среди европейских государств. Напротив, Франции исход итальянских войн не принес ни военной славы, ни других ожидаемых результатов.

Войны и дипломатия в условиях религиозного раскола Европы

В середине XVI в. во внешнеполитических отношениях возросло значение конфессионального фактора. Со Святым Престолом порвала целая группа германских княжеств и швейцарских кантонов, а также Англия, Швеция, Дания, Норвегия. Протестантизм распространился среди части населения Франции, Нидерландов, Польши, Чехии, Венгрии. Успехи Реформации заставили папство активизировать политические усилия в самых различных регионах Европы. Сотрудничая со светскими суверенами в борьбе с протестантским движением, папы оказывали финансовую помощь, содержали военные контингенты, нередко жертвовали церковные имущества. Пий V поддерживал террористический режим испанского наместника герцога Альбы в Нидерландах, предоставил французскому королю Карлу IX для борьбы с гугенотами свои войска, участвовал в заговорах против английской королевы Елизаветы I Тюдор, которую он отрешил от власти как незаконнорожденную (Елизавета была дочерью Генриха VIII от брака с Анной Болейн, не признанного папой) и отлучил ее от церкви как еретичку. Сикст V отлучил от церкви единственного законного наследника французского престола Генриха Наваррского. Папы покровительствовали антианглийским восстаниям в Ирландии, поддерживали савойских герцогов в борьбе с кальвинист-

ской Женевы, содействовали сплочению швейцарских кантонов, верных Риму, способствовали торжеству католицизма в Речи Посполитой и ряде земель Империи.

Главной политической и военной силой Контрреформации были Габсбурги — в XVI в. испанские, а в XVII в. австрийские. Карл V, подчинив свою политику осуществлению идеи создания всемирной католической империи, стремился к объединению сил испанской и английской монархий. Этому должен был послужить брак между сыном Карла Филиппом и дочерью Генриха VIII и Екатерины Арагонской Марией Тюдор, убежденной католичкой, ставшей в 1553 г. английской королевой. Тем самым Карлу удалось на небольшое время вовлечь Англию в орбиту габсбургских интересов на международной арене и в неудачную войну с Францией. После смерти в 1558 г. бездетной Марии Филипп предложил руку ее сестре — королеве-протестантке Елизавете I, но его притязания были отвергнуты. Пытаясь возродить к жизни замыслы отца, фанатичный католик Филипп II (1556-1598) повел наступление на протестантизм по всей Европе, стремясь сокрушить его самую главную цитадель — английскую монархию. Воинствующий католицизм стал ведущим принципом внешней политики Испании и идеологическим обоснованием ее гегемонии.

Испано-английские и испано-французские противоречия стали решающим фактором в развитии системы международных отношений с момента заключения Като-Камбресского мира 1559 г. до начала в 1618 г. Тридцатилетней войны. В этом периоде отчетливо выделяются два этапа: с 60-х до середины 80-х гг. XVI в. — время осторожного маневрирования и конфликтов, не доходивших до решительной схватки; с середины 80-х гг. XVI в. — открытое столкновение Испании с Англией, прямое испанское вмешательство во внутренние дела Франции, складывание антииспанской коалиции Англии, Франции и освободившихся от испанского гнета Северных Нидерландов. С перипетиями борьбы «великих держав» на протяжении всего этого времени тесно переплетались события Нидерландской буржуазной революции и французских гражданских (религиозных) войн.

Со вступлением на английский престол Елизаветы I (1558-1603) определился новый внешнеполитический курс Англии. Окрепшая английская буржуазия и новое дворянство начали всерьез интересоваться трансокеанскими и торгово-колонизаторскими предприятиями. Но залогом успеха в колониальной экспансии был подрыв монополии испанской короны на торговлю с колониями в Америке. Начиная с 1560-х гг. Англия стала главным противником Испании и Португалии. Ведя борьбу за торговую монополию на Атлантике, англичане в небывалом масштабе развернули контрабанду и пиратский промысел. В 1568 г. дело дошло до международного конфликта. Английские корсары предприняли грабительское нападение на мексиканский порт Сан-Хуан де Ульоа, но потерпели неудачу, потеряв почти все свои корабли. В ответ Елизавета распорядилась захватить зашедшие в английские порты испанские корабли, которые везли деньги, данные в долг Филиппу II генуэзскими банкирами для оплаты испанских войск в Нидерландах. В свою очередь наместник Нидерландов герцог Альба наложил секвестр на все торговавшие в Нидерландах английские суда. Разрыв дипломатических отношений между Англией и Испанией продолжался до 1574 г., когда обе стороны урегулировали взаимные претензии. Очень успешно действовал английский корсар Ф. Дрейк, которому покровительствовала сама Елизавета. В 1578 г. он захватил у тихоокеанского побережья Перу испанские галеоны с большими запасами золота и серебра. Несмотря на все протесты Испании, привезенные Дрейком в Лондон сокровища поступили в королевскую казну. А в 1587 г. произошли события положившие начало англо-испанской морской войне.

К этому времени Англия превратилась в европейского лидера протестантских государств. Поддерживая активные дипломатические контакты с немецкими князьями-протестантами, посылая экспедиционные корпуса на помощь восставшим Нидерландам и французским гугенотам, Елизавета снискала репутацию «протестантского папы». Вместе с тем королевская Реформация и усиление абсолютизма в Англии обострили противоречия официальных властей с определенными религиозно-политическими кругами общества, чем неприминули воспользоваться католические державы. Когда Филипп II одержал победу над претендентами на опустевший престол Португалии и португальские кортесы были вынуждены в 1581г. провозгласить его своим королем, могущество Испании (под ее власть перешли и португальские колонии) достигло своего

пика. Теперь поставленная Филиппом задача сокрушить Англию, это «еретическое и разбойничье гнездо», стала казаться вполне осуществимой. Испания тайно оказывала денежную и военную помощь католическим силам на Британских островах, борющимся с режимом Елизаветы. Главные надежды испанские политики связывали с шотландской королевой, ревностной католичкой Марией Стюарт, которая претендовала на английский престол. Испанские агенты в Англии организовали целый ряд заговоров, чтобы свергнуть Елизавету, поднять восстание католиков в Англии и Ирландии и возвести на престол Марию. При испанском дворе активно обсуждались планы военного вторжения на Британские острова. С английскими заговорщиками и шотландскими католиками поддерживали постоянные контакты и во Франции — Мария Стюарт была женой французского короля Франциска II и состояла в родстве с Гизами, могущественным аристократическим домом, главой французской католической дворянской партии.

В 1587 г. в Лондоне был раскрыт очередной заговор против Елизаветы. Мария Стюарт (с 1567 г. она, отрекшись от шотландского престола, являлась пленницей английской королевы) была предана суду и обезглавлена. Испанские силы вторжения готовились к интервенции, но неожиданная контратака английского флота сорвала эти планы. Эскадра под командованием Дрейка подошла к порту Кадис и атаковала стоящий на якоре испанский флот, потопив корабли и захватив сам город. После этого беспрецедентного по дерзости набега испанцам потребовался год, чтобы снарядить новый флот, заранее названный «Непобедимой армадой». Грандиозно задуманное предприятие закончилось сокрушительным поражением Испании (1588). Гибель Армады и ряд успешных экспедиций англичан в 90-х гг. XVI в., действующих зачастую со своими союзниками — голландцами, а также активность пиратов — елизаветинских «морских волков» — подорвали морское могущество Испании и ее политический престиж. Англия стала ведущей державой на море, перед ней открылись перспективы колониальных захватов.

На европейском континенте ареной соперничества Испании и Англии стали Нидерланды. Освободительная борьба в Нидерландах затрагивала интересы Англии, как их соседа и важнейшего торгового партнера. Политика религиозных пре-

Раздел II. История международных взаимоотношений в Новое время

следований, неуклонно проводившаяся Филиппом II в его нидерландских владениях, привела к тому, что протестантская Англия превратилась в крупнейший центр эмиграции из Нидерландов. В английских портах находили убежище борцы против испанской тирании — морские гезы, которым Англия оказывала негласную помощь. Однако политика Елизаветы I в нидерландском вопросе отличалась неустойчивостью и противоречивостью. Интересам Англии соответствовало не быстрое и полное освобождение Нидерландов от испанского владычества, а состояние гражданской войны в этой богатой стране, ослаблявшей ее как торгового соперника. Даже помогая гезам, Елизавета ни в коем случае не хотела довести дело до открытой войны с Испанией.

После того как весной 1572 г. гезы заняли почти всю территорию Голландии и Зеландии (Северные Нидерланды), Англия вместе с Францией (между ними был заключен оборонительный союз) активизировали свою политику. Оказывая военную помощь восставшим, они стремились взять под свой контроль нидерландские земли. Варфоломеевская ночь (24 августа 1572 г.), вновь ввергнувшая Францию в пучину религиозных войн, на время устранила возможность французского вмешательства в нидерландские дела. Оставшаяся без союзника Елизавета поспешила взять курс на примирение с Испанией.

Ситуация повторилась в 1578 г., когда после общего восстания в Южных Нидерландах, созыва Генеральных штатов и начала их войны с испанским наместником, Елизавета заключила с Генеральными штатами договор. За свою поддержку Англия выторговала города Флиссинген, Мидделбург, Брюгге и Гравелин. Однако достаточно было армии штатов потерпеть серьезное поражение, чтобы королева отказалась от своего обещания о посылке войск. В Лондоне предпочитали воевать чужими руками, предлагая штатам обратиться за помощью к своим «представителям» — немецкому курфюрсту Пфальца Иоганну Казимиру и французскому принцу Франциску Алансонскому. С принцем Франциском в то время велись переговоры о его браке с Елизаветой. Дело дошло даже до помолвки и военного союза на обычной для английской политики основе — Англия дала деньги, а принц ввел в Нидерланды своих солдат.

Когда осенью 1585 г. испанские войска отвоевали южнонидерландские провинции и непосредственная опасность покорения Северных Нидерландов могла стать прологом к испанскому вторжению в Англию, Елизавета поспешила заключить договор с Генеральными штатами. Королева согласилась принять титул «протектора Нидерландов» и прислала войска под начальством графа Р. Лейстера в качестве своего наместника. Исполняя полученные инструкции подрывать экономический потенциал страны и упрочить ее зависимость от Англии, Лейстер запретил провинциям вести торговлю с Францией и Германией, объявив их «союзниками» Испании. В войне с ис-

§ 1. Становление общеевропейской системы международных отношений

панцами армия Лейстера терпела поражения, а подкупленные английские офицеры сдавали города и крепости. Генеральным штатам стало известно о предательских переговорах о мире, которые наместник королевы вел с испанцами. В 1587 г. Лейстеру пришлось возвратиться в Англию.

После смерти Елизаветы I английский престол унаследовал сын казненной шотландской королевы Марии Стюарт Яков I (1603-1625), который, объединив под своей властью Англию, Шотландию и Ирландию, положил начало Соединенному королевству Великобритании. Во внешней политике Яков I отошел от антииспанского курса. В 1604 г. был заключен мир с Испанией, в соответствии с условиями которого Англия перестала оказывать помощь северонидерландским провинциям.

Внешнеполитическая активность Франции во второй половине XVI в. заметно снизилась. Причиной тому стали Гражданские (религиозные) войны, длившиеся с небольшими перерывами с 1562 по 1594 гг. Англия, встав на сторону гугенотов, заключила с ними договор об уступке англичанам Гавра (что означало бы контроль Англии над устьем Сены). Однако, после временного примирения католиков и гугенотов Гавр был отбит у англичан (1563). Испания пошла на сближение с католической знатью Франции. За помощь, оказанную партии Гизов, Филипп II требовал свое «бургундское наследство» (т.е. французскую часть Бургундии и Пикардию), а также Прованс или какую-нибудь южную провинцию, например, Дофине.

В конце 1560-х гг. гугеноты добились существенных успехов, в том числе благодаря помощи дважды вторгшихся во Францию немецких войск кальвиниста Иоганна Казимира Пфальцкого. Вождь гугенотов адмирал Г. Колиньи стал оказывать большое влияние на формирование французского внешнеполитического курса. Он стремился втянуть Францию в большую войну с Испанией и помочь Вильгельму Оранскому утвердиться в Нидерландах. В свою очередь, Оранский — один из лидеров Нидерландской революции — начал в 1571 г. секретные переговоры с Францией и Англией, чтобы заручиться их военным содействием. В уплату за «помощь» Франции были обещаны провинции Артуа, Фландрия и Геннегау; Англии — Голландия и Зеландия.

В 1578 г. в Нидерланды вступили войска французского принца Алансонского и Иоганна Казимира Пфальцкого. Обе эти экспедиции закончились провалом. Спустя четыре года Франциск Алансонский вместе с наемными французскими войсками вторично прибыл в Нидерланды в качестве ее «государя». Быстро поссорившись с теми, кого он должен был защищать от испанцев, и, предприняв неудачную попытку государственного переворота с целью присоединить к Франции Фландрию и Брабант, французский принц был вынужден вернуться домой.

Смерть в 1584 г. Франциска Алансонского, младшего брата бездетного короля Генриха III, привела к тому, что дофином Франции стал Генрих Наваррский, первый принц крови из династии Бурбонов и глава французских гугенотов. Политическая анархия в стране позволила Испании начать военную интервенцию во Францию. В том же 1584 г. Филипп II заключил тайный договор с восстановленной французской Католической лигой. По его условиям Генрих Наваррский лишился прав на престол, наследником объявлялся его дядя — кардинал Карл Бурбон, Испания в случае необходимости обязалась оказать помощь Лиги деньгами и войсками. Когда Генрих III пал от руки подосланного Лигой убийцы, а глава гугенотов был провозглашен королем Генрихом IV (1589-1610) и родоначальником новой династии Бурбонов на французском престоле, Филипп II открыто объявил о военной помощи Лиге. В августе 1590 г. во Францию вторглась большая испанская армия во главе с наместником Нидерландов А. Фарнезе. Испанцам удалось прорваться в Париж (его удерживали военные силы Лиги), где с февраля 1591 г. разместился испанский гарнизон. В 1592 г. особый испанский отряд высадился и закрепился в Бретани. Военными действиями на территории французского королевства воспользовалось Савойское герцогство, расположенное на границе Франции и испанских владений в Италии. Еще в 1588 г. Савойи удалось отнять у Франции ее последнее итальянское владение — маркизат Салуццо, а в 1590 г. она, выступая в качестве союзника Испании, направила свою армию в Прованс, которая весной следующего года даже заняла на некоторое время Марсель.

Интервенция Испании оказалась достаточной лишь для того, чтобы затянуть гражданскую войну, не допустить быстрой победы короля-гугенота. Но нанести ему решительное поражение Филипп II был не в состоянии, поскольку ситуация в Нидерландах постоянно требовала присутствия там главных сил испанской армии. Зато Генрих IV получал военную и финансовую помощь из Лондона, английские солдаты сражались против испанцев в Нормандии и Бретани. Отрекшись от кальвинизма и будучи официально коронован, Генрих IV в марте 1594 г. вступил в Париж. В январе 1595 г. он объявил войну Испании, заключив союзный договор с Англией и Республикой Соединенных Провинций (Голландской республикой). Общий итог войны был ясен уже тогда. Завоевательные планы Испании в отношении Англии и Франции, ее попытки покончить с независимостью Соединенных Провинций провалились. Но и союзники не были достаточно сильны, чтобы изменить характер войны, превратить ее в наступательную. В 1598 г. Генрих

IV заключил сепаратный Вервенский мир с Испанией и Савойей на основе статус-кво. Отношения Франции с Савойей были окончательно урегулированы в 1601 г., когда савойский герцог получил Салуццо в обмен за уступленные им франкоязычные территории в Южной Бургундии. Выход Франции из войны не означал разрыва ее союзнических отношений с Республикой Соединенных Провинций — франко-голландский союз стал традицией, одной из доминант политической жизни Европы на последующие три четверти века.

Исключительно большое международное значение имела победа Нидерландской революции. Заключив в 1609 г. перемирие с Соединенными Провинциями, Испания признала их фактическую независимость. Небольшая республика с динамичным экономическим развитием и самым большим флотом оказалась в фокусе политической жизни Европы. Столь же много значил ее выход на европейскую арену и в качестве колониальной державы.

Османский фактор в европейской политике

Геополитическое положение Османской империи, как сильнейшей мировой державы с экспансионистской политикой в Средиземноморье и на европейском континенте, делало ее неотъемлемой частью складывавшейся общеевропейской системы международных отношений. Любое движение империи в направлении Европы — дипломатического или военного характера — влияло на европейские дела. В Стамбуле (Константинополе) для реализации своих целей использовали франко-габсбургские противоречия и конфронтацию в Центральной Европе между австрийским домом и польскими Ягеллонами. В европейской политической фразеологии османы фигурировали как «естественный враг», который должен быть изгнан из Европы. Инициаторами большинства антитурецких акций и планов в XVI-XVII вв. выступали испанские и австрийские Габсбурги, а также и папы римские. В период Итальянских войн антитурецкие лозунги имели большое значение для складывания коалиций. Однако соперничающие между собой державы не хотели поступиться собственными интересами ради изгнания турок. К тому же ни одна из них не обладала военным потенциалом чтобы в одиночку справиться с османской агрессией. Иногда европейские монархи даже обращались к султану за помощью против своих противников. Первое подобное предложение о совместном выступлении (против Венеции) было сделано Порте (так называли османское правительство)

в 1510 г. императором Максимилианом I. Христианские страны стали рассматривать мусульманское государство не только как врага, но и как потенциального союзника в европейских конфликтах. Союзный договор 1536 г. французского короля Франциска I и султана Сулеймана I был вполне закономерен в реалиях того времени, хотя и вызвал бурю негодования и осуждения в европейских политических кругах и в обществе под влиянием папской и габсбургской пропаганды.

В Восточном Средиземноморье наиболее опасным противником Османской империи являлась Венеция. Пытаясь поддерживать мир с опасным соседом Венеция неоднократно заключала мирные договоры с Портой и давала обязательства не вступать в антиосманские союзы. Тем не менее, адриатическая республика финансово поддерживала антитурецкие предприятия других европейских держав и даже сама участвовала в семи войнах с султанской империей за период 1464-1718 гг. В их ходе Венеция постепенно утратила почти все свои главные владения — побережье Пелопоннеса (1540), острова Кипр (1570) и Крит (1669). С 1520-х гг., когда интересы испанской монархии в Северной Африке пришли в непосредственное столкновение с турецкими, в борьбу с Османской империей во всем средиземноморском бассейне активно включилась Испания — военные действия развернулись на море и на североафриканском берегу.

Венециано-турецкая война 1570-1573 гг. стала первым крупномасштабным столкновением между Европой и Османской империей. По инициативе папы Пия V была создана «Святая лига», участниками которой стали Венеция, Испания, большинство итальянских государств и Мальтийский орден. Результаты войны оказались неудачными для союзников — захваченный турками Кипр остался за ними, а испанцы окончательно потеряли Тунис, который признал вассальную зависимость от султана. Но в ее ходе была одержана знаменитая победа испано-венецианской флотилии под командованием побочного брата испанского короля Филиппа II Хуана Австрийского над османским флотом в Коринфском заливе близ местечка Лепанто (7 октября 1571 г.). Часть кораблей турецкого флота, фактически представлявшего собой все морские силы султана, была уничтожена, другая — взята в плен. Эта победа положила начало закату морского могущества Османской империи, расширение которой в Средиземноморье отныне осуществлялось только за счет островных владений слабеющей Венеции.

Новый натиск османов в Дунайско-Карпатском регионе, главным объектом которого стало Венгерское королевство, начался и 1521 г. захватом Белграда. В битве у Мохача (1526) венгеро-чешское войско потерпело сокрушительное поражение: погибли король Лайош II Ягеллон, весь цвет венгерской аристократии, высшие светские и духовные чины. Не встречая сопротивления, Сулейман I во главе своей армии прошел до столицы королевства Буда, подвергнув страну страшному разорению. Лишь надвигавшаяся зима вынудила турок покинуть Венгрию. Враждующие феодальные группировки выдвинули на венгерский престол сразу двух претендентов — трансильванского воеводу Яноша Запольяна и австрийского эрцгерцога Фердинанда, ненадолго до этого избранного королем Чехии. Последующие полтора десятилетия соперничества и войн между Фердинандом Габсбургом и Яношем Запольяном, который обратился за помощью к султану, привели к новым вторжениям в Венгрию турецких войск, походу последних на Вену и ее осаде в 1529 г. Когда в 1541 г. пала Буда, Венгрия перестала существовать как единое государство и распалась на три части: узкой полосой с запада на северо-восток тянулись территории, попавшие под власть Габсбургов (земли Хорватии, Словонии, Западной Венгрии, Словакии) и сохранившие название и статус Венгерского королевства; центральная и южная часть Венгрии вошла в состав Османской Империи; на востоке Венгрии сложилось Трансильванское княжество, оказавшееся в двойной зависимости — оно стало вассалом Порты, в то же время ее князя признавали главенство над собой венгерского короля, т.е. австрийских Габсбургов.

Венгерские территории, которые в Стамбуле рассматривали как плацдарм для дальнейших вторжений в Центральную Европу, стали ареной австро-турецких войн и вооруженной борьбы между венгерскими магнатами. Обращение Фердинанда I за помощью к другим христианским правителям, в том числе к своему брату императору Карлу V, результата не имели. Адрианопольский мир 1568 г., завершивший эпоху экспансии Сулеймана I, на время положил конец длительной полосе войн. Сложившийся раздел бывшего королевства Венгрии был признан Веной и Стамбулом, хотя твердо установленных границ на ее территории не существовало. Австрия продолжала выплачивать установленную еще в 1547 г. ежегодную дань Порте, позиции которой в Среднем Подунавье очень усилились.

Османская империя укрепила свое господство и в других областях Дунайско-Карпатского региона. К середине XVI в. Дунайские княжества — Молдавия и Валахия — были официально лишены права вести самостоятельную внешнюю политику. Еще в 1484 г. турки захватили Килию и Белгород (Аккерман), портовые города в устьях Дуная и Днестра — «ворота» из Молдавского княжества на Черное море. В 1538 г. в состав султанских владений вошли все молдавские земли между устьями Дуная и Днестра, турецкой крепостью стали и лежавшие выше Белгорода по Днестру Бендеры, а в 1590 г. Порта отторгла от княжества область Добруджу и крепость Измаил на Килийском рукаве Дуная. Эти захваты, лишившие Молдавию выхода к Черному морю, привели к еще большему упрочению османского «присутствия» в Восточной Европе.

Поскольку борьба с Австрией в Среднем Подунавье заставляла Порту сохранять мирные отношения с польско-литовскими Ягеллонами, новым объектом османской экспансии в XVI в. стало Российское государство. С этой целью Турция способствовала военному усилению вассального Крымского ханства и направляла его агрессию против южных рубежей России. В Стамбуле обсуждались и планы объединения татарских ханств под протекторатом султана как главы всех мусульман (халифа). Этим замыслам не суждено было сбыться. В 1550-х гг. Казанское и Астраханское ханства были присоединены к России. В вассальной зависимости от нее оказалась Ногайская орда. Постепенно укрепились отношения русского правительства с адыгейскими и кабардинскими князьями, искавшими в Москве защиты от крымского хана и султана. Все это способствовало усилению русского влияния в Поволжье и Северном Кавказе за счет ослабления там позиций Османской империи. Стремясь исправить положение, Порта в 60-х — 70-х гг. XVI в. организовала ряд турецко-крымских вторжений на русскую территорию. Ожидаемых результатов они не дали, хотя основные вооруженные силы России были задействованы тогда в изнурительной Ливонской войне. В частности, провалом закончился поход султана Селима II на Астрахань в 1569 г.

В 1593 г. Порта развязала новую войну, на этот раз с Австрией. Вновь встал вопрос о создании европейской коалиции против Османской империи. Попытки папы Климента VIII возродить «Святую лигу» оказались безрезультатными. Не считывая на помощь Запада, император Рудольф II (1576-1612) предпринял шаги с целью создания антитурецкого блока из

стран Восточной и Юго-Восточной Европы, но ее достижению мешали не только противоречия между державами, но и территориально-политические притязания Габсбургов, а также жесткая контрреформационная линия, проводившаяся Рудольфом во владениях и подвластных австрийскому дому странах с православным и протестантским населением. Обращаясь к правительству России с просьбами о финансовых субсидиях на войну с османами, Тайный совет императора вовсе не стремился привлечь Россию в ряды антитурецкой коалиции. Поддержки не получили и стремления правителя Ирана (в 1603 г. шах возобновил войну с турками) координировать свои действия с европейскими противниками султана и с этой целью пославшего несколько посольств в страны Западной Европы. В качестве союзника в Вене и Риме охотно видели бы Польско-Литовское государство, где именно в 90-х гг. политика Контрреформации резко усилилась. Однако в своей основной массе польско-литовские магнаты выступал за прежний курс на сохранение мира с османами, а правительство пыталось прежде всего усилить собственные позиции в Молдавии и Трансильвании. В конечном

итоге Австрии удалось вовлечь в союз только Трансильванию, Валахию и Молдавию.

Первоначально наемная армия Рудольфа II добилась определенных успехов. Балашский господарь Михай Храбрый в конце 1594 г. начал задунайский поход и дошел до Балканских гор. В сражениях против турок принимали участие болгарские и сербские гайдуки. В 1595 г. Михай с небольшими силами одержал блестящую победу у Тырговиште над османской армией. С помощью трансильванских и молдавских войск, а также больших отрядов украинских казаков, ему удалось освободить от турок всю Валахию. Однако для победоносной войны с султанской империей сил коалиции оказалось недостаточно, к тому же внутри нее возникли серьезные разногласия. В 1601 г. в результате заговора был убит Михай Храбрый. Не получавшие жалования наемники Рудольфа грабили Венгрию и Трансильванию, внушая населению не меньший ужас, чем турки и их союзники — крымские татары. Вспыхнувшее в 1604 г. антигабсбургское восстание в королевской Венгрии стало началом внутривосточного кризиса в центральноевропейских владениях Габсбургов, где протестантские круги стали выступать

против официальной религиозной политики и в поддержку окончания войны. В 1606 г. был заключен Житворокский мир, территориально восстанавливавший статус кво, но освобождавший Австрию от обязательства платить дань туркам. Впервые за длительную историю османо-габсбургской борьбы было заключено соглашение, содержавшее серьезные уступки Порты. «Долгая война» 1593-1606 гг. завершила период постоянной османской агрессии в Европе.

Борьба за преобладание на северных путях

В XVI в. королевства Северной Европы — Дания и Швеция — оказались вовлечены в сферу международных отношений. Революция цен и развитие европейского рынка, рост мануфактуры и мореплавания, увеличение армий и флотов привели к усилению связей западноевропейских государств со Скандинавией, Польшей, Прибалтикой, Россией и повышению значения балтийского торгового региона. Вопрос о господстве на Балтийском море и прилегающих к нему областей приобрел общеевропейское значение. Менялось и соотношение сил между прибалтийскими странами.

Во время Гражданской войны в Дании («графская распря» 1534-1536 гг.) Любек, самый влиятельный город в Ганзе, вмешался в эти события, направив на датские территории наемные войска. Дания одержала верх над некогда могущественным ганзейским купечеством и теперь ее главным соперником на Балтике стала Швеция. В войнах с ней (1563-1570; 1611-1615) датское государство сохранило свое военное преобладание на Балтийском море. У шведской короны были отобраны важный балтийский город-крепость Кальмар и ее единственный порт на Северном море — Эльвсборг. Дания продолжала владеть очень значительными в стратегическом и торговом отношениях островами на Балтике и обеими берегами пролива Зунд, который лежал на пути из Балтийского моря в Северное.

Дания, а в еще большей степени Швеция, приняли участие в крупном международном военном конфликте второй половины XVI в. в Восточной Прибалтике. Разложение военной организации Ливонского ордена, постоянные конфликты с Орденом богатых прибалтийских городов и его собственных ленников не

могли не привлечь внимание соседей этого духовно-рыцарского государства. Ливония — одна из житниц Европы — с городами Ригой, Таллинном, Нарвой, имеющими особое значение в посреднической торговле между различными европейскими регионами, представлялась богатой и доступной добычей.

Ливонские города при поддержке Ордена всячески препятствовали Великому княжеству Литовскому и Российскому государству расширить выход к Балтийскому морю (Литва выходила к морю лишь небольшим участком своего побережья, и Россия владела Ижорской землей, — лишенной крупных населенных пунктов территорией вдоль Финского залива между устьями рек Плюса и Сестра). К середине XVI в. стремление устранить эти барьеры стало занимать видное место в политике польско-литовского короля Сигизмунда II Августа (1548-1572) и русского правительства. С попыток Москвы военной силой принудить Орден к соблюдению достигнутых ранее между ними соглашений началась Ливонская война (1558-1583).

В мае 1558 г. русские войска взяли Нарву, ставшей на несколько десятилетий первым портом России на Балтике, а в начале следующего года заняли большую часть Ливонии. Когда 11 августа 1560 г. русские разгромили лучшие вооруженные силы Ордена, государство рыцарей-меченосцев в качестве самостоятельной военной силы перестало существовать. Впечатляющие успехи России заставили другие государства вмешаться в схватку в Прибалтике. Император Фердинанд I, считавшийся сеньором Ордена, обратился к царю Ивану IV с предложением прекратить войну в Ливонии, а получив отказ, объявил блокаду Российскому государству. Дания захватила эстонские острова Эзель (Сааремаа) и Муху и купила владения Курляндского епископства. Швеция утвердилась в Ревеле и стала расширять свое военное присутствие в Северной Эстонии. Литва предприняла поход на Ригу и Пярнов. Таким образом, России пришлось столкнуться уже с мощной коалицией европейских стран. На заключительной стадии войны против нее выступило и Польское королевство во главе с королем Стефаном Баторием (1576-1586). Чтобы отвлечь силы русских от Прибалтики польские правители пытались вовлечь Крымское ханство и Османскую империю в войну на южных границах России.

При общем желании противников России не допустить ее на Балтику, соперничество в разделе ливонского наследства делало их соглашения между собой временными и непрочными. Царское правительство пыталось использовать это обстоятельство. В ходе войны в Прибалтике датская корона обычно выступала его союзником против их общего врага — Швеции, что впрочем не мешало датчанам использовать затруднения России в своих торговых интересах. Иван IV (1533/47-1584) рассчитывал на поддержку Дании, пытаясь создать на Балтике собственный флот для защиты пльвущих в Нарву торговых судов от шведских и польских каперов. В Копенгагене на это не пошли. В 1570 г. в Москве был провозглашен «королем Ливонии» брат датского короля — принц Магнус, которого Иван IV женил на своей племяннице. Но попытка создать в Ливонии вассальное от России государство не увенчалась успехом. Магнус, получивший еще в 1560 г. от брата владения Курляндского епископства, перешел на службу к Баторию.

В конфликте со Швецией оказалась Польша, которая стремилась к власти над Северной Эстонией в целях подчинения своему контролю торгового пути, ведущего из России на Запад по побережью Финского залива. Острые разногласия по поводу раздела земель Ливонского ордена возникли в самом Польско-Литовском государстве. Когда в 1563 г. русские войска заняли Полоцк и начали угрожать Вильне, Великое княжество Литовское оказалось на грани военно-политического краха. Влиятельные группировки польской шляхты использовали этот момент для осуществления своих давних планов — лишить Литву политической самостоятельности и открыть себе возможности для колонизации белорусских и украинских земель, входивших в ее состав. По Люблинской унии 1569 г. Польша и Литва объединились в одно государство — Речь Посполитую, где при формальном равноправии сторон главенствующая роль принадлежала полякам.

Ливонская война завершилась тяжелым поражением России, которая потеряла не только все завоевания в Восточной Прибалтике, но и уступила Швеции свою территорию, прилегающую к Финскому заливу (кроме узкого коридора вдоль реки Невы), а также часть Карелии с Приладожьем. Владения Ливонского ордена поделили Речь Посполитая и Швеция. Вся Латвия и большая часть Эстонии отошли к Речи Посполитой. Власть ее королей к началу 80-х гг. XVI в. распространилась на значительную территорию балтийского побережья, но отсутствие у Речи Посполитой большой постоянной армии и, глав-

ное, военного флота делало позиции этой державы на Балтике очень уязвимыми. Финский залив с Северной Эстонией и городами Ревелем и Нарвой оказались под властью Швеции, что гарантировало ее казне большие финансовые поступления и создавало удобный плацдарм для установления господства на северных торговых путях.

После окончания Ливонской войны началась борьба за передел бывших владений Ордена между Швецией и Речью Посполитой. Королем последней в 1587-1632 гг. владел Сигизмунд III Ваза, сын шведского короля и его жены польской принцессы и единственной наследницей своего брата Сигизмунда II Августа. Избирая его, шляхта надеялась мирным путем урегулировать польско-шведские столкновения из-за Восточной Прибалтики (в Кракове мечтали о присоединении всего балтийского побережья с западными областями Эстонии) и создать мощную польско-шведскую коалицию против Российского государства. 15 90-х гг. XVI в. Речь Посполитая и Швеция оказались соединенной личной унией: Сигизмунд III после смерти отца стал одновременно и шведским королем. Для скандинавского королевства возникла угроза включения в польско-литовское государство и начала католической Контрреформации (шведский принц был воспитан иезуитами и являлся фанатичным католиком). Мощное сопротивление в лютеранской Швеции привело к низложению Сигизмунда III со шведского престола. В 1598 г. он вовлек Речь Посполитую в войну со Швецией. Война, длившаяся с перерывами около четверти века, имела характер религиозно-политического конфликта. Сигизмунд III опирался на католические силы Европы, в том числе получал финансовую помощь и военные контингенты от австрийских и испанских Габсбургов. В Мадриде даже обсуждался проект отправки испанского флота на Балтийском море. В ответ шведское правительство сблизилось с протестантскими странами — противниками Габсбургов, подписав в 1612 г. договор о союзе с Голландией. Изменение взаимоотношений Речи Посполитой с австрийскими Габсбургами стало новым явлением европейских международных отношений рубежа XVI—XVII вв.. Традиционное австро-польское соперничество в Дунайско-Карпатском регионе стало сменяться политическим сотрудничеством. Провозглашение Сигизмундом III распространения католицизма как одной из целей государственной политики особенно упрочило это сотрудничество. Габсбурги стали рассматривать Польшу

как орудие собственной политики Восточной Европе. Папство, в свою очередь, пыталось придать войнам Сигизмунда против России и Швеции характер крестовых походов. Соглашение породнившегося с австрийскими Габсбургами Сигизмунда и императора Маттиаса превратилось в межгосударственный союз. В 1615 г. его ратифицировал польский сейм.

Ведя борьбу со Швецией, Польша шла на уступки своему западному соседу — Бранденбургу, ослабляя прежние позиции, завоеванные Ягеллонами на Балтике. Еще в годы Ливонской войны Сигизмунд II Август и Стефан Баторий отказались от некоторых ленных прав на герцогство Пруссия в пользу Бранденбурга. В 1611 г. бранденбургский курфюрст Иоганн Сигизмунд Гогенцоллерн получил от польского сейма право наследования прусского престола, а в 1618 г., когда потомство Альбрехта Гогенцоллерна (основателя прусского герцогства) прервалось, Иоганн Сигизмунд объединил под своей властью Бранденбург и Пруссию (последняя продолжала оставаться польским леном). Тем самым была заложена основа для будущего возвышения Бранденбургско-Прусского государства, которое станет одним из самых опасных врагов Польши.

Соперничество держав Северо-Востока Европы за господство на Балтике обострилось в годы Тридцатилетней войны, когда окончательно сложилась новая расстановка политических сил в этом регионе.

Тридцатилетняя война (1618-1648)

В начале XVII в. главным конфликтом в политической жизни Западной Европы стало возобновившееся противоборство между коалицией ближайших союзников и родственников испанских и австрийских Габсбургов, с одной стороны, и Францией, с другой. Обе силы претендовали на гегемонию в этой части континента.

Испанское правительство рассчитывало, что победа австрийских Габсбургов и католической реакции в Германии создаст благоприятную обстановку для осуществления его стремления вновь покорить Северные Нидерланды: после гибели «Непобедимой армады» река Рейн и Рейнская область сделалась

основным путем сообщения между Испанией и Нидерландами. Разрабатывались различные династические комбинации для слияния обеих ветвей Габсбургского дома. В 1617 г. они заключили тайный договор, по которому испанские Габсбурги получили обещание на земли, образующие «мост» между их владениями в Северной Италии и Нидерландах, а взамен соглашались поддержать кандидатуру эрцгерцога Фердинанда Штирийского на троны Чехии, Венгрии и Империи.

Стратегической задачей внешней политики Франции было стремление не допустить укрепления австрийских Габсбургов в Германии. С этой целью Франция старалась поддержать примерный баланс сил между враждующими группировками немецких князей и охотно использовала в своей пропаганде против центральной имперской власти лозунг защиты «исконной немецкой свободы». Французская монархия имела также территориальные притязания на Эльзас и часть Лотарингии. С испанскими Габсбургами она вела борьбу на нескольких направлениях, стремясь подорвать их позиции в Южных Нидерландах и Северной Италии, не допустить возможность испано-австрийских совместных действий на Среднем и Нижнем Рейне, а также добиться от Испании территориальных уступок на границе с Францией. Генрих IV в последние годы своего правления готовил большой военный поход в Испанию, Северную Италию и на Рейн. Он планировал, что против германского императора и испанского короля вместе с Францией выступят Англия, Голландия, а также Османская империя (при Генрихе IV франко-турецкий союз 1536 г. был подтвержден). Смерть Генриха от руки католического фанатика (1610) сорвала эти планы.

В самой Германии политическая обстановка на рубеже XVI-XVII вв. становилась все более взрывоопасной. Жесткий курс австрийских Габсбургов на Контрреформацию привел к крайнему обострению религиозно-политических конфликтов в стране и созданию в 1608-1609 гг. двух военно-политических союзов на конфессиональной основе — Евангелической (Протестантской) унии и Католической лиги. События в Германии вызвали широкий международный резонанс. Каждая из этих

коалиций получала прямую или косвенную поддержку от своих сторонников вне страны. Главой Католической лиги — объединения духовных и светских князей Южной и Юго-Западной Германии — стал баварский герцог Максимилиан Виттельбах. Австрийские Габсбурги установили с Лигой самые тесные связи, но в нее не вступили из тактических соображений: свободу их действий ограничивала сильная протестантская оппозиция в их собственных владениях. В Мадриде Максимилиану Баварскому оказывали прямую поддержку. В постоянных контактах с Лигой было папство. Вождем Евангелической унии, объединившей протестантских князей Прирейнской Германии и северогерманских государств, был избран курфюрст кальвинист Фридрих V Пфальцский. Хотя в самой Германии явный пересос сил был на стороне католиков, у Унии обнаружились союзники в лице протестантских сословий Австрии и земель Чешского королевства. Уния находилась под патронажем французского короля Генриха IV, а после его смерти, стремилась всячески укрепить контакты с Голландией, Англией, Венецией и швейцарскими кантонами. Для Голландии, продолжавшей войну за независимость с Испанией (с перемирием в 1609-1621 гг.), Евангелическая уния оказалась естественным союзником; в 1613 г. между ними был заключен договор о взаимопомощи. Утверждавшаяся на северных морских путях Англия, как и Голландия, была заинтересована в сдерживании напора испанских и австрийских сил на Нидерланды и Нижний Рейн. В то же время она во внешней торговле конкурировала и со странами намечавшейся антигабсбургской коалиции. Действовать вполне солидарно с ней английское правительство не могло и потому, что вело борьбу внутри страны со складывавшейся пуританской оппозицией. Сам король Яков искренне стремился к установлению всеобщего мира между протестантскими и католическими государствами Европы. Он выдал свою дочь за Фридриха Пфальцкого, но одновременно вел переговоры о браке сына Карла с испанской инфантой.

Первой пробой сил в назревавшем общеевропейском военном кризисе стал раздел «наследства» бездетного герцога прирейнских областей в 1609-1614 гг. На эти земли, не очень крупные, но богатые и важные для стратегических целей обоих лагерей Германии, предъявили претензии сразу несколько немецких и иностранных князей, каждый из которых спешил заручить-

ся политической, финансовой, военной помощью крупных держав. Непосредственным поводом к Тридцатилетней войне послужили майские события 1618 г. в Праге. Открыто попирая религиозные и политические права чехов, габсбургские власти подвергали репрессиям протестантов и сторонников национальной независимости страны. Ответом явились массовые волнения. 23 мая по требованию вооруженной толпы в старом королевском дворце были казнены ставленники Габсбургов: двоих королевских наместников и их секретаря по старому чешскому обычаю расправы с предателями выбросили из окон в ров. Этот акт «дефенестрации» положил начало Тридцатилетней войне, в которой выделяют четыре основных периода: чешско-пфальцкий (1618-1623), датский (1625-1629), шведский (1630-1634) и франко-шведский (1635-1648).

Восставшие протестанты в Чехии избрали свое правительство и установили связи с союзниками в Австрии, Венгрии, а также с вождем Евангелической унии Фридрихом Пфальцским. Одновременно ими велись переговоры с лантагом Моравии о восстановлении государственного единства и образовании вместо Силезии и Лужицами конфедерации по образцу нидерландских Соединенных провинций. Заявив об отказе признать права эрцгерцога Фердинанда на чешскую корону, сейм в августе 1619 г. избрал королем Фридриха Пфальцкого. При его содействии и материальной помощи Венеции и Савойи в Германии был завербован и отправлен в Чехию двухтысячный отряд наемников. Другие протестантские князья заняли выжидательную позицию. В конце ноября 1619 г. чешские повстанцы и их союзник князь Трансильвании Габор Бетлен с большим войском соединились под Веной, начав ее осаду. В этот трудный для австрийских Габсбургов момент венгерский магнат Другет Гомонай во главе отрядов польской шляхты ударил Бетлену в тыл и трансильванцам пришлось срочно снять осаду и отступить. Позже Бетлен, стремясь воспользоваться затруднениями Австрии для восстановления независимого венгерского государства, еще несколько раз предпринимал походы в Моравию, восстание в Чехии и Моравии привело к временному примирению внутренних разногласий в католическом лагере. Максимилиан Баварский согласился принять участие в подавлении восстания, за что новый император Фердинанд II (1619-1637)

обещал ему владения Фридриха Пфальцского и его курфюршеский сан, а также право оккупировать Верхнюю Австрию, пока Бавария не получит возмещения военных издержек. За обещание получить Силезию и Лужицы на сторону Габсбургского дома перешел протестантский курфюрст Саксонии. Папа удвоил финансовые дотации имперской казне, раскошались Тоскана и Генуя. Испания прислала Фердинанду II семь тысяч неаполитанских солдат. Содействие императору обещал король Речи Посполитой Сигизмунд III. В такой ситуации Евангелическая уния отступилась от своего предводителя и от чехов — в июле 1620 г. его члены подписали с Католической лигой соглашение о ненападении.

8 ноября 1620 г. армия Лиги под командованием И. Тилли вместе с имперскими войсками в битве у Белой горы, недалеко от Праги, разбила значительно уступавшее им чешское войско. Католические войска заняли Чехию, Моравию, Силезию и Лужицы. Чешское королевство лишилось политической независимости, на ее землях начался конфессиональный террор. Фридрих Пфальцкий, злосчастный чешский «король одной зимы», бежал в Бранденбург. Он был подвергнут императорской опале, а его звание курфюрста передано Максимилиану Баварскому. Армия Тилли вступила в Северную Германию. Немецкие католические государи принялись сводить старые счеты с протестантами, сталкиваясь лишь с разрозненным сопротивлением. К тому же еще в сентябре 1620 г. под предлогом восстановления власти императора в Нижнем Пфальце на Рейн явился главнокомандующий испанской армии А. Спинола с 25-тысячной армией. Оставив часть своих войск в Рейнском Пфальце, Спинола двинулся к нидерландской границе. Здесь вскоре возобновились военные действия между Испанией и Соединенными Провинциями. Заключив союз с последними, войну на морях с Испанией начала Англия (1625-1630).

В антигабсбургскую коалицию вошла и Дания. Появление войск Лиги в Северной Германии, в непосредственной близости от Балтики, представляло для ее интересов непосредственную угрозу. Серьезные опасения вызывала и судьба находившихся на юге Ютландского полуострова Шлезвиг и Гольштейна, которые были связаны личной унией с датской короной, но входили в состав Священной Римской империи в качестве ленника императора. В то же время датский король Кристиан IV (1588-1648) хотел приумножить свои северогерманские вла-

дения. При помощи англо-голландских денежных субсидий Кристиан набрал армию и весной 1625 г. направил ее против Тилли в междуречье Эльбы и Везера. К датчанам присоединились нижнесаксонские княжества.

Для борьбы с новыми противниками Фердинанду II требовались крупные военные силы и большие финансовые средства. Рассчитывать лишь на войска Католической лиги император не мог — Максимилиан Баварский, которому они подчинялись, все больше склонялся к проведению самостоятельной политики. В такой ситуации Фердинанд принял предложение богатейшего моравского магната Альбрехта Валленштейна — новый союзник был объявлен генералиссимусом императорских войск, а армию сформировал за собственный счет. Валленштейн проявил себя как талантливый организатор и выдающийся полководец. За короткий срок он собрал 30-тысячную армию наемников (позже она выросла до 100 тыс.), которую держал в суровой дисциплине, уделяя большое внимание профессиональному воинскому обучению. В армию набирали солдат любой национальности, но большинство офицеров были убежденными протестантами. Свои затраты Валленштейн быстро и многократно перекрыл за счет налагаемой огромной контрибуции и налогов с территорий, которые занимали его войска, не считаясь при этом с местными правителями. Армия Валленштейна вместе с армией Тилли нанесла ряд сокрушительных поражений датчанам и их немецким союзникам, заняла Померанию, Мекленбург и вторглась в Ютландию. Валленштейн стал хозяином в Северной Германии. Кристиан IV бежал из Копенгагена и вынужден был просить мира, который и был заключен в 1629 г. в Любеке на весьма мягких для Кристиана условиях: ничего не утратив территориально, Дания обязывалась впредь не вмешиваться в германские дела. Контрреформационные силы поспешили воспользоваться поражением протестантов. Фердинанд II издал указ о реституции (восстановлении) прав католической церкви на имущество, захваченное протестантами с 1552 г., когда император Карл V потерпел поражение в войне с князьями. Этим же указом было запрещено кальвинистское вероисповедание. «Реституционный указ» вызвал всеобщее возмущение протестантов. Обеспокоены были и союзники имперской власти (в том числе Валленштейн и Тилли), считавшие, что столь энергичное

перекраивание установившихся порядков в Германии приведет к новому взрыву. Борьба за лидерство в католическом лагере между австрийским Габсбургами и баварскими Виттельсбахами сопровождалась взрывами ревности и подозрения к успехам Валленштейна, получившего в личное владение герцогство Мекленбургское и новый титул — «генерала Балтийского и Океанического морей». Император и сам начал опасаться чрезмерного усиления своего генералиссимуса, все более независимо державшего себя в политических вопросах и проявлявшего намерение превратить Германию в централизованную великую державу с сильным морским флотом. Под давлением лидеров Католической лиги и требованием Испании Фердинанд II дал Валленштейну отставку, а большую часть его армии распустил.

Усиливавшиеся раздоры в габсбургском лагере искусно разжигала французская дипломатия. Католические правители Франции, которая после смерти Генриха IV вновь оказалась охваченной внутренними конфликтами, видели в немецких и чешских протестантах естественных союзников бунтующих французских гугенотов. Кардиналу Ришелье, являвшемуся фактически неограниченным правителем Франции (1624-1642), удалось упразднить политическую организацию гугенотов, что позволило ему сделать расширяющееся участие Франции — сперва косвенно, а затем и прямо — в Тридцатилетней войне одним из главных факторов ее внешней политики. Предвестником грядущей новой схватки Франции с Габсбургами за преобладание в Европе явились военные действия между ней и Испанией в Северной Италии в 20-х гг. XVII в. Поводом для столкновения стала борьба за «мантуанское наследство». При активном участии Франции Дания вступила в антигабсбургскую коалицию с Голландией и Англией. Ришелье приложил немало стараний для заключения Любекского мирного договора и уходу имперских войск с Ютландского полуострова. В Германии агенты Ришелье вели секретные переговоры с противниками Габсбургов в Католической лиге — Максимилиану Баварскому давалось понять, что Франция готова оказать дому Виттельсбахов поддержку в достижении им высокого положения в империи. Одновременно Ришелье поддерживал субсидиями протестантских князей. Возможность утверждения Габсбургов на берегах Южной Балтики и Северного моря, казавшаяся уже вполне реальной, грозила кардинальным изменением всей политической системы Европы. Это положило конец колебаниям Ришелье между интересами католической церкви и «государственным интересом»: лютеранская Швеция стала ежегодно ссужаться крупными суммами для войны с императором Фрид-

рихом II. Впрочем, Ришелье стремился не допустить ни окончательной победы Швеции, направляя ее политику в нужном для Франции русле, ни победы немецких протестантов.

Шведский король Густав II Адольф, борясь за господство в балтийском регионе, строил агрессивные планы в отношении Дании, России, Речи Посполитой. Столбовской мир (1617) закрепил за Швецией русское побережье Финского залива и часть Карелии. По Альтмаркскому перемирию (1629) Швеция удержала завоеванную у Речи Посполитой территорию в Восточной Прибалтике. Таким образом, вся материковая часть Эстонии и латвийские земли до реки Даугавы, включая ее устье вместе с Ригой, стали шведскими провинциями (Эстляндия и Лифляндия). Шведами были захвачены также Гданьск и Пиллау — морской порт Кенигсберга. Альтмаркское перемирие позволило шведской короне начать военные действия уже на немецкой территории. В июле 1630 г. честолюбивый и способный полководец Густав Адольф высадил 13-тысячную армию в устье Одера (Померания) и, планируя объединить немецких протестантов на почве борьбы против «реституционного указа», начал переговоры с лютеранскими князьями — курфюрстами саксонским и бранденбургским. Позже он заключил союз с кальвинистскими городами Юго-Западной Германии. Вступление Швеции в войну означало окончательное перерастание конфликтов регионального характера в европейскую войну на территории Германии.

Ядро небольшой, но однородно-национальной шведской армии, закаленной в сражениях с Польшей, состояло из лично свободных крестьян — держателей государственных земель, обязанных нести военную службу. От наемных войск Габсбургов и Католической лиги шведскую армию отличали не только высокие моральные качества, но и лучшая профессиональная подготовка, маневренность, более широкое применение огнестрельного оружия и полевой артиллерии. Густав Адольф не допускал никаких притеснений местного населения, в то время как солдаты императорской армии вели себя в Германии, как в завоеванной стране. Так, во время штурма перешедшего на сторону шведов Магдебурга имперцы подвергли его диким грабежам и полному разрушению, перебив почти 30 тыс. горожан, не щадя женщин и детей.

7 сентября 1631 г. при деревне Брейтенфельд под Лейпцигом Густав Адольф наголову разбил силы Тилли, который был назначен имперским главнокомандующим. Направив своих союзников саксонцев в Чехию с целью создать угрозу наследственным землям австрийских Габсбургов и, вместе с тем, пре-

дотворить использование ими ресурсов земель Чешской короны для создания новой армии, сам Густав Адольф двинулся к Рейну в земли Лиги. Города, тяжело пострадавшие от Контрреформации, открывали ему ворота. Когда король повернул на Баварию, Тилли, соединившись с баварским курфюрстом Максимилианом, преградил шведам путь на реке Лех, при токе Дуная. Тилли лично возглавил атаку, но был смертельно ранен. В мае 1632 г. Густав Адольф, мечтая уже об имперской короне, вступил в Мюнхен. Господство шведского короля в соседних с Францией областях вызвало серьезные опасения Ришелье, по приказу которого французские части стали занимать пограничные немецкие крепости. Находящемуся в полном смятении Фердинанду II ничего не оставалось как обратиться к Валленштейну. Потребовав для себя неограниченные полномочия, Валленштейн принял главное командование, собрал новую армию и вторгся в Саксонию, начав методично опустошать ее земли. Шведский король поспешил на помощь саксонскому курфюрсту Иоганну Георгу. Утром 16 ноября 1632 г. в самом начале кровопролитного сражения у Лютцена (близ Лейпцига) Густав Адольф был убит. Принявший на себя командование герцог Вернгард Веймарский до наступления темноты пытался сокрушить имперцев. Понеся серьезный урон, армия Валленштейна отступила в Чехию.

По мере того как открывались великодержавные планы Густава Адольфа, в протестантской Германии усиливалось недружелюбие по отношению к Швеции. Его смерть привела к развалу антигабсбургского блока. Двойственная политика «союзников» Густава Адольфа, проявившаяся уже во время кампании 1631 г., теперь сменилась желанием поскорее помириться с Габсбургами, если те откажутся от Контрреформации за пределами своих наследственных владений. Продолжал плести интриги Ришелье. Пытаясь изолировать австрийский дом, он по-прежнему предлагал помощь и дружбу обеим борющимся лагерям в Германии. Разгромленная шведами Католическая лига попала в полную зависимость Фердинанда II. Однако венский двор пугало непомерно возросшее значение Валленштейна. Ведя переговоры с саксонцами, шведами, представителями чешских эмигрантов, французами, генералиссимус далеко не всегда сообщал императору об их ходе и своих замыслах, что внушало Фердинанду II самые мрачные подозрения. В начале 1634 г. Валленштейн был отстранен от командования и

вскоре убит офицерами-заговорщиками, считавшими его государственным изменником. Имперские войска возглавил наследник престола эрцгерцог Фердинанд, который развернул решительное наступление против шведских полководцев, сорвавшихся друг с другом и со своими немецкими союзниками. Характер шведских вооруженных сил, разбросанных по всей Германии, к этому времени сильно изменился: потеряв значительную часть своего первоначального состава, они пополнялись за счет наемников, которые нередко переходили из одного войска в другое, уже не обращая внимания на их религиозные знамена. Шведы теперь грабили и мародерствовали так же, как и все остальные войска. Развязка наступила 6 сентября 1634 г. в битве при Нердлингене, когда армия императора совместно с армией испанского короля (она направлялась из Италии в Нидерланды, а по пути должна была помочь католикам Германии) разгромила войска шведского фельдмаршала Г. Горна и герцога Веймарского. Сам Горн попал в плен, а герцог Веймарский вскоре после нердлингенской катастрофы со своей армией перешел на французскую службу.

В мае 1635 г. в Праге был подписан мир между императором Фердинандом II и саксонским курфюрстом Иоганном Георгом. Проведение «реституционного указа» в Саксонии откладывалось на долгий срок, причем это положение могло быть распространено на все протестантские княжества в случае заключения ими с императором соответствующих договоров. Подавляющее число князей и городов присоединились к Пражскому миру. Положение Габсбургов в Империи заметно укрепилось.

После Нердлингенской битвы и Пражского мира только открытое вступление Франции в войну могло предотвратить ее исход в пользу габсбургского блока. В феврале 1635 г. Ришелье возобновил союзный договор с Голландией, а затем и со Швецией. К новой антигабсбургской коалиции присоединились итальянские государства Венеция, Савойя и Мантуя, а также Трансильванское княжество. Французская армия начала военные действия против испанских и австрийских Габсбургов в Нидерландах, северо-итальянских землях, Пиренсеях, но главным театром военных действий продолжала оставаться Германия. Определяющим фактором в войне стало франко-шведское военное сотрудничество, которое наладилось к концу 1630-х гг.

2 ноября 1642 г. шведский фельдмаршал Л. Торстенссон разбил имперскую армию при Брейтенфильде, после чего шведы заняли всю Саксонию и проникли в земли Чешской короны. Французские войска овладели Эльзасом. Действуя согласованно с силами Республики Соединенных провинций, французы одержали ряд побед над испанцами в Южных Нидерландах, нанесли им тяжелый удар в битве при Рокруа 19 мая 1643 г., а спустя три года захватили Дюнкерк в Па-де-Кале — базу испанских каперов, разбитых еще в 1639 г. на море голландцами. Весной 1645 г., когда державы уже вели переговоры о мире, Торстенссон вновь появился в Чехии и разгромил баварско-имперские силы под Янковом (6 марта). Со шведами должны были соединиться силы Трансильвании, которая, будучи вассалом Порты, с ее разрешения активно участвовала в Тридцатилетней войне. Преемник Габора Бетлена князь Дьердя I Ракоци направился в Моравию с хорошо подготовленным войском. Однако на это раз Порты, не без оснований опасавшаяся усиления Трансильванского княжества и его объединения с Венгрией в случае поражения австрийских Габсбургов, принудила Ракоци свернуть поход. Летом 1646 г. французскому маршалу Тюренну удалось в результате искусно проведенного похода прийти с Рейна и соединиться с Торстенссоном. Над Прагой и Венной вновь нависла угроза их захвата. Императору Фридриху III (1637-1657) становилось все яснее, что война проиграна.

К мирным переговорам обе противоборствующие стороны подталкивало быстрое уменьшение финансовых и военных ресурсов. Армии распадались от голода и болезней, значительный размах приобрело дезертирство. Массовое разорение населения Центральной Европы и чудовищные опустошения ее территорий вызвали возникновение партизанских движений. Менялись и цели войны — религиозный фанатизм истощался, внутримперские разногласия стирались, отдельные неудовлетворенные князья перестали представлять самостоятельную силу. В воюющих странах нарастала социальная напряженность. В 1644 г. открылся конгресс в Мюнстере, где обсуждались взаимоотношения между Империей и Францией. В 1645 г. в еще одном вестфальском городе Оснабрюке началось обсуждение шведско-германских отношений. Империю, Испанию, Францию, Швецию на этих переговорах представляли крупнейшие дипломаты того времени.

Первый министр Фридриха III граф М. Траутманнсдорф, возглавивший имперскую делегацию, был убежден в необхо-

димости скорейшего мира для Австрии и всей Империи и старался не допустить срыва переговоров. В Париже и Стокгольме пытались добиться более выгодных условий в ситуации военного превосходства. Весной 1648 г. французы и шведы, разбив баварского курфюрста Максимилиана, вступили в Австрию. Осенью того же года шведы, овладев аристократической частью Праги на левом берегу Влтавы, штурмовали чешскую столицу. Ограничивая притязания шведов и французов, Траутманнсдорф умиротворял и германских князей, а также отстаивал, насколько это было возможно, интересы австрийских Габсбургов.

Французской дипломатией на конгрессах в Вестфалии руководил кардинал Мазарини, сменивший умершего Ришелье. Его главной задачей являлось парализовать усилия Траутманнсдорфа, стремившегося внести раскол между Швецией и Францией. В Париже сочли полезным поддержать протест Бранденбурга против непомерных притязаний Швеции на территорию по южному побережью Балтики, заставив тем самым своего союзника искать содействия Франции. Вместе с тем, Мазарини рассматривал Бранденбург в качестве потенциального оппонента как Швеции, так и Империи. 24 октября 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке одновременно был заключен мирный договор, который вошел в историю под названием Вестфальского и подвел итог Тридцатилетней войны — первого глобального международного конфликта Нового времени.

В Вестфале были сформулированы новые юридические принципы международных отношений, в том числе важнейший из них — государственного суверенитета. Политическая самостоятельность немецких государств была закреплена, а вместе с ней — раздробленность Германии, которая продолжалась еще два столетия. Международное признание своей независимости получили Швейцарский союз, официально выведенный из состава Империи, и Республика Соединенных Провинций. Еще одним принципом в международных отношениях стало религиозное равенство. Статус официально признанной конфессии получил в Империи наряду с католицизмом и лютеранством также и кальвинизм. Церковные земли, присвоенные протестантскими князьями до 1624 г. (для Пфальца и его союзников устанавливалась дата 1619 г.) были оставлены в их распоряже-

нии, но впредь такие захваты запрещались. Решение религиозно-церковных вопросов Вестфальским миром, при заключении которого папе в отличие от существовавшей ранее практики не было отведено никакой роли, вызвало бурю в Ватикане. Но протест папы результатов не имел. Папский престол перестал быть одним из центров европейской политики, а религиозный фактор — играть существенную роль в международных отношениях.

При решении территориальных проблем в наибольшей степени были удовлетворены требования Швеции. Она получила от Империи всю Западную и небольшую часть Восточной Померании с островами Рюгеном, Узедомом и Волином, два секуляризованных епископства — Бременское и Верденское, а также мекленбургский город Висмар. Тем самым, под контролем Швеции оказались территории, выходящие к Балтийскому и Северному морям, устья важнейших судоходных рек Везера, Эльбы и Одера и крупнейшие порты Северной Германии.

Шведский король, став ленником императора, получил право посылать своих депутатов в германский рейхстаг. Окончательно разрешилось в пользу Швеции и ее соперничество с Данией за лидерство в скандинавском мире. Нанеся датчанам тяжелые поражения в новых войнах (1643-1645, 1657-1658, 1658-1660), шведская корона присоединила к своим владениям Готланд, Эзель, Муху (два последних острова были захвачены Данией в 1559 г. у Ливонского ордена), ряд норвежских областей. Особенно ценным для Стокгольма явилось присоединение датских провинций Холланд, Сконе и Блекинге на юге Скандинавского полуострова — шведы получили доступ к зундским проливам, лишив тем самым Данию монопольных позиций на балтийском пути между Восточной и Западной Европой. В середине XVII в. Швеция стала не только доминирующей силой на Балтике, но вошла в число великих европейских держав.

Франции по договору с Империей отошла большая часть Эльзаса. Через посредство мелких эльзасских князьков, которые по-прежнему считались членами Империи, Франция, как и Швеция, могла теперь «законным образом» вмешиваться во внутренние дела Германии и подрывать и без того слабый здесь авторитет императорской власти. Французская монархия так-

же юридически закрепила за собой три лотарингских епископства — Мец, Туль, Верден, занятых ею еще в 1552 г. во время Итальянских войн. К моменту заключения Вестфальского мира Франция продолжала воевать с Испанией. Война окончилась подписанием 7 ноября 1659 г. Пиренейского мирного договора, по которому Франция получила Руссильон (на пиренейской границе), Артуа, часть Геннегау и некоторые другие земли за счет Испанских (Южных) Нидерландов. Успешное завершение Тридцатилетней войны с Испанией явилось для Франции стартом борьбы за европейскую гегемонию, а некогда могущественная испанская держава продолжала свою агонию, начавшуюся на рубеже XVI-XVII вв.

Среди германских княжеств наибольшие выгоды из войны извлек курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм Гогенцолперн (1620-1688). Несмотря на то, что Фридрих Вильгельм не принимал активного участия в военных действиях и попеременно поддерживал то один, то другой лагерь, покровительство Франции позволило ему получить Восточную Померанию, епископства Хальберштадтское, Минденское и Камин, а также право на присоединение архиепископства Магдебургского после смерти действующего архиепископа (Магдебург был окончательно присоединен к Бранденбургу в 1680 г.). Бранденбургско-Прусское государство, освободившееся еще в 1657 г. от ленной зависимости от Польши, стало, наряду с домом австрийских Габсбургов и баварских Виттельбахов, самым крупным и влиятельным территориальным владением в Германии. Бавария утвердила за собой Верхний Пфальц, а Саксония — Лужицы. Австрийские Габсбурги не стали хозяевами Центральной Европы, но и их монархия вышла из войны окрепшей.

Таким образом, Вестфальский мир не только изменил политическую карту континента, но и заложил правовую основу международных отношений, закрепил новый баланс сил, новые внешнеполитические приоритеты и ценностные ориентиры. Был положен конец вековому периоду острого конфессионального противостояния. Договоры в Мюнстере и Оснабрюке, став юридической основой для всех последующих межгосударственных соглашений вплоть до Великой Французской революции, создали прочную систему международных отношений, получившую название Вестфальской.

§2

Консолидация и кризис

Вестфальской системы

международных отношений

(середина XVII — конец XVIII вв.)

**Характер международных отношений
во второй половине XVII—XVIII вв.**

Распад лагеря Контрреформации, возглавлявшегося испанскими и австрийскими Габсбургами, а также крах идеи возрождения «универсальной» христианской империи деидеологизировали международные отношения. И хотя рецидивы религиозного обоснования некоторых внешнеполитических акций отдельных государств имели место в XVIII в., идеологические мотивы внешней политики потеряли прежнее значение. Планы создания вселенских монархий уступили место стремлению ведущих государств к преобладанию на региональном уровне. Внешнеполитические цели стали более реалистическими, коалиции держав строились теперь на светской, а не на религиозной основе.

Мир 1648 г. привел к формированию первой модели международных отношений, которая получила название Вестфальской, и просуществовала почти полтора века, вплоть до Великой Французской революции. Претерпевая довольно серьезные изменения в течение своего существования, эта модель не только структурировала межгосударственные отношения, но и меняла их характер, привнося новые тенденции. Бессистемность дипломатических взаимодействий, имевшая место до середины XVII в., сменилась известной стабильностью и предсказуемостью. Во второй половине XVII—XVIII вв. заметно расширилась география международных отношений европейских стран. Вестфальская модель, поначалу включавшая в свою орбиту влияния лишь Западную и Центральную Европу, позже интегрировала в сферу своего действия Восточную Европу, Россию, Средиземноморье, Северную Африку, Вост-Индию. Таким образом, система международных отношений являлась в основном своей европоцентристской — перераспределение баланса

§2. Консолидация и кризис Вестфальской системы международных отношений

сил происходило прежде всего в Европе, которая выступала центром этой системы.

Модернизация европейского общества, в свою очередь, прилила решающий импульс оформлению устойчивых национальных государств. Эти факторы серьезно видоизменили характер межгосударственных отношений. После победы буржуазной революции середины XVII в. в Англии на международной арене взаимодействовали уже две группы государств, представлявшие разные социально-политические системы: молодые капиталистические страны (Голландия и Англия) и феодальные (дворянские) государства. Правящие круги раннебуржуазных стран приносили в международные отношения новые мотивы и интересы — борьбу за рынки, контроль над торговыми путями и морскими коммуникациями, за роль «морских извозчиков» и посредников в финансовых и торговых операциях. В этом были прямо заинтересованы также верхушечные слои буржуазии и значительная часть дворянства абсолютистских монархий, что оказывало влияние на политику их правительств. Последние, исходя из собственных целей, пытались в определенной степени отстаивать внешнеполитические интересы «своей» буржуазии. В межгосударственных отношениях на первый план вышло торгово-экономическое противоборство, прежде всего, раннебуржуазных Голландии и Англии с феодально-абсолютистскими Францией и Испанией, а также каждой из названных стран друг с другом.

С середины XVII в. неуклонно возрастало хозяйственное значение заморских владений Голландии, Англии и Франции (именно тогда эти страны превратились в крупные колониальные империи), поэтому эксплуатация колоний становилась экономически более выгодной, чем захват испанских кораблей и присвоение вывозимых ими из Нового Света несметных богатств. Теперь «война на море» приобретала характер ожесточенной борьбы за новые колониальные территории и перераспределение заморских владений между Англией, Францией и Голландией и их расширение за счет колоний слабейших Испании и Португалии. Колониальный фактор приобрел столь важное значение в европейской политике, что часто военные конфликты на территории Европы завершались подписанием мирного договора, который содержал пункты относительно колониальных владений, а результаты морских войн вдалеке

от Старого Света изменяли расстановку политических сил на континенте.

В XVII-XVIII вв. централизованные государства-нации заняли ведущее место в международных отношениях, став их главным действующим лицом и одновременно основным элементом. Именно такие государства — Франция, Швеция, Голландия, Англия, а позже в их состав вошли Россия и Пруссия, — составили опору Вестфальской системы. Средневековые конгломераты, вроде Священной Римской империи, Речи Посполитой, Османской империи, с их слабеющими внутренними связями и растущими противоречиями, вынуждены были шаг за шагом отступать перед натиском крепнущих соседей. Одновременно шло формирование осознанных, долгосрочных государственных интересов, борьба за реализацию которых превращается в главную силу развития международных отношений. Еще политические мыслители в XVI — первой половине XVII вв. (Н. Макиавелли, Ж. Воден, Г. Гроций, Т. Гоббс), развивая идею государства как высшего начала, принципом политики провозгласили служение государственному интересу. Этот «интерес» выглядел, как правило, достаточно просто: борись за новые территории и укрепляй границы. Именно к этому призывал кардинал Ришелье, который и ввел в оборот понятие «государственные интересы». Лишь в XVIII в. стало возможным говорить о формировании относительно целостной концепции государственных интересов ведущих держав. Однако идея преемственности внешней политики при смене у кормила правления монархов еще не была установившейся практикой. Исключение составляла Англия, где окончательно закрепившееся в результате «Славной революции» 1688 г. господство парламента в политике облегчало правительству осуществление необходимого внешнеполитического курса.

В эпоху абсолютистских монархий государственные интересы представляли собой, в конечном счете, интересы господствующего класса в целом. Особое значение приобретали личные взгляды, замыслы и планы монарха, которые часто возводились в ранг государственных интересов. В известной мере на сферу межгосударственных отношений и внешнюю политику накладывались интриги фаворитов и карьеристские расчеты министров. Фаворитизм был особенно распространен во Франции. Династические мотивы, являясь привычным прикрытием борьбы за захват чужих земель, за раздел колониальной добычи, за торговое преобладание путем войн, «брачной дип-

ломатии», использования прав наследования или ссылками на старинные права и привилегии, служили в условиях вызревавшего в недрах «Старого порядка» кризиса выражением различных социальных интересов и имели объективно разное историческое значение. Династическими мотивами обосновывались стремление к поддержанию новых буржуазных порядков и требование реставрации абсолютизма, процесс консолидации народностей в исторически устоявшихся границах и тенденции к увековечению раздробленности. Вместе с тем, в обществе возникло осознание далеко не полного тождества династических и государственных интересов. В раннебуржуазных странах это сказывалось нередко в полном или частичном отказе представительных учреждений от поддержки внешнеполитических действий продиктованных исключительно династическими соображениями. В феодально-абсолютистских странах растущее понимание такого несовпадения нашло отражение в зарождающейся просветительской теории, согласно которой монарх является лишь «первым слугой государства».

Достигнутый уровень развития общественной мысли, характер знаний и представлений о сущности государства и межгосударственных отношений создавали благоприятную интеллектуальную среду для усвоения постулата о необходимости упорядочить и регламентировать поведение государств на международной арене. Появляются новые политико-дипломатические и правовые понятия: о «политическом равновесии сил», о «естественных границах государства», о «праве войны и мира», о «свободе морей», о «незыблемости международного договора». Политики придавали этим понятиям значение международных правил, хотя они весьма часто нарушались. Именно систематичность этих нарушений при повышенной конфликтности и нестабильности тогдашних международных отношений и вызывала потребность в некоей норме. Так развивались принципы и институты международного права.

Доминантой в международной жизни стала система политического равновесия сил или баланса сил, пришедшая на смену прежним концепциям христианского единства или божественного права монархов. Термин «баланс сил» появился на рубеже XV—XVI вв., когда Макиавелли сформулировал гипотезу, превратившуюся позднее в аксиому: устойчивый миропорядок может сохраняться только при примерном равенстве сил

между ведущими государствами или союзом государств и недопущении чрезмерного усиления какого-либо из них. Мирные договоры 1648 г., обязав державы уважать государственный суверенитет друг друга, исходили из принципа политического равновесия. После окончания войны за испанское наследство (1701-1714) эта идея окончательно утвердилась как господствующая теория международных отношений и получила широкое применение. Ею зачастую руководствовались при решении вопросов войны и мира, при выборе союзников и заключении торговых соглашений, при урегулировании спорных династических вопросов. Система баланса сил не предполагала предотвращения войн и оправдывала те из них, которые велись, якобы, для поддержания «европейского равновесия». Функционируя нормально, эта система, согласно замыслу своих политических теоретиков, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. Особенно часто к идеи баланса сил апеллировали в Англии. Там она рассматривалась как наилучший способ сосредоточения внимания и ресурсов на завоевании торговой и колониальной гегемонии. Создавшееся равновесие сил должно было действовать автоматически, тем самым избавляя Англию от излишних расходов на поддержку континентальных союзников.

Хотя в мировой практике продолжали господствовать силовые методы решения внешнеполитических задач, интенсификация международных связей способствовала дальнейшему развитию дипломатии. Еще в XVI в. произошло оформление дипломатической службы, центральных и местных учреждений, которые обеспечивали внешнюю политику государства. Тогда же сложился более или менее прочно институт постоянного дипломатического представительства, установилась строгая дипломатическая иерархия. В XVIII в. во многих странах были созданы ведомства иностранных дел с четкой структурой и штатом чиновников, включавшем помимо дипломатов различных рангов, также переводчиков, шифровальщиков и архивистов. Значительно увеличилось число постоянных дипломатических миссий, которые обзаводились специально подготовленным персоналом. Более точно стал регламентироваться дипломатический церемониал, игравший немаловажную роль с точки зрения международных отношений. Дипломати-

ческий корпус состоял исключительно из лиц дворянского сословия, дипломаты различных стран рассматривали себя как членов своего рода закрытой аристократической корпорации и ревниво следили за поддержанием профессионального престижа. Со времен кардинала Ришелье французские методы дипломатии являлись образцом для всей Европы; до этого их диктовала итальянская дипломатическая школа. Французский язык в XVIII в. стал общепринятым дипломатическим языком, вытеснив латынь. Труд французского дипломата Ф. де Комьера «О ведении переговоров с государями» (1716) считается и в наши дни классическим пособием по дипломатии.

В абсолютистских государствах (особенно после ликвидации сепаратизма вельмож и их контактов с иностранными представителями) информацией о ходе дипломатических переговоров владел лишь узкий круг приближенных к престолу, в раннебуржуазных государствах о том, как осуществляется внешняя политика страны, имела право быть осведомлена и верхушка правящих классов, которая, собственно, формировала общественные настроения. Это заставляло правительства и в Лондоне, и в Гааге все чаще использовать политическую пропаганду для воздействия на представительные учреждения и общественное мнение.

В период существования Вестфальской системы международных отношений главными конфликтами между европейскими государствами были: во второй половине XVII в. — претензии Франции на политическое господство в западной и центральной части европейского континента и противодействие этим претензиям со стороны коалиций стран; в XVIII в. — борьба Англии и Франции за морскую и колониальную гегемонию, Австрии и Пруссии — за преобладание в Центральной Европе, России — за выход к Балтийскому и Черному морям. К этим решающим для судеб континента противоречиям, которые нередко самым причудливым образом переплетались друг с другом, примыкал целый ряд конфликтов меньшего значения.

Завоевательные войны Людовика XIV Бурбона

Справившись с социально-политическим кризисом во время Фронды (1648-1653) и победно завершив в 1659 г. длительную войну с Испанией, французский абсолютизм вступил в самую

блестящую фазу своего развития, связанную с именем короля Людовика XIV (1643-1715). Франция являлась одной из самых больших, населенных и централизованных стран Европы. Благодаря усилиям талантливого государственного деятеля Ж. Кольбера, который в середине 60-70-х гг. XVII в. сосредоточил в своих руках управление экономикой и внутренней политикой и оказывал влияние на внешнюю политику страны, во Франции была создана мощная постоянная армия, намного более многочисленная, лучше обученная и дисциплинированная, чем у любой другой европейской державы того времени. Был построен сильный военно-морской флот, хотя в количественном отношении он уступал голландскому и английскому и был укомплектован менее опытными командами. Сооружение крупного военного порта в Бресте, расположенного с наветренной стороны по отношению к английским гаваням, давала французам возможность контроля торговых путей в Атлантику и высадки десанта на западном побережье Англии и в Ирландии. В 1661 г. после смерти всесильного министра кардинала Мазарини Людовик стал править единолично. В цели Людовика, обладавшего посредственным умом, но непомерным тщеславием, входило установление гегемонии Франции в Западной и Центральной Европе, то есть те планы, которые еще недавно — в первой половине XVII в. — строили в Вене. Объектами территориальной экспансии французского короля являлись владения испанских Габсбургов — Южные Нидерланды, Франш-Конте, Ломбардия (бывшее Миланское герцогство), а также западные территории Священной Римской империи. О подобных границах для Франции — от Пиреней до Рейна — мечтал в свое время кардинал Ришелье, а еще раньше, возможно, и Генрих IV.

С середины 60-х гг. XVII в., когда Людовик XIV встал на путь реализации своих замыслов, международная обстановка, казалась, им благоприятствовала. Потенциальные противники Франции были ослаблены и разобщены между собой. Все дряхлеющая Испания теряла политический престиж. В 1640 г. Португалия вернула себе независимость, и испанская монархия почти 30 лет предпринимала военные действия против нее, но так и не смогла восстановить власть над своей небольшой пиренейской соседкой, получавшей финансовую помощь из Парижа и Лондона. В 1665 г. испанский престол наследовал физически и умственно недоразвитый Карл II, которому не исполнилось и пяти лет. Его мать Мария Анна Габсбург и после-

дующие испанские правительства проявили полную неспособность и нежелание решать государственные вопросы.

Используя условия Вестфальского договора 1648 г. Франция получила довольно широкие возможности оказывать решающее влияние на внешнюю политику германских государей. Подкуп последних Версалем сочетался с созданием в Германии региональных союзов мелких и средних князей. Наиболее крупным был Рейнский союз, имевший постоянное десяти тысячное войско и свою «ассамблею» для улаживания взаимных споров. Этот союз стал главным орудием Франции в ее борьбе с Габсбургами и помощником в ее агрессии против Южных (Испанских) Нидерландов и Голландии.

В результате Тридцатилетней войны наступил новый важный этап консолидации австрийской монархии, но позиции австрийских Габсбургов в Германии ослабли. В то же время в 60-е гг. XVII в. основное внимание императора Леопольда I (1658-1705) было поглощено войной с Турцией и проблемой закрепления и фактического присоединения к Австрии областей Венгерского королевства, что вызвало серьезную оппозицию тамошнего дворянства. Реставрация Стюартов на английском престоле (с 1660 г.) и их попытки установить в стране абсолютистско-католический режим ослабили международное значение Англии. Карл II Стюарт, будучи в непрерывной ссоре с парламентом, искал помощи за границей, прежде всего у Людовика XIV. Любивший роскошь и развлечения, постоянно нуждающийся в деньгах Карл фактически состоял на жаловании у Людовика. В 1662 г. он продал Франции порт Дюнкерк во Фландрии (захваченный англичанами у испанцев в 1658 г.) официально за 5 млн. ливров, но дав при этом тайную расписку в получении 8 млн., положив тем самым 3 млн. в собственный карман. Подобная «финансовая дипломатия» помогла Людовику оказывать определяющее влияние на внешнюю политику Карла, что почти на 30 лет вывело Англию из активной политики на европейском континенте. Людовик убедил Карла в целесообразности для Англии вступить в союз с Португалией. Таким образом была предотвращена возможность англо-испанского альянса.

Еще одной задачей французской дипломатии было не допущение сотрудничества между Англией и Голландией. Острое торговое и колониальное соперничество между этими

морскими державами вылилось в англо-голландские войны (1652-1654, 1665-1667). Противоборство с Англией побудило правящую олигархию Республики Соединенных Провинций стремиться к возобновлению былого союза с Францией. В 1662 г. был подписан договор, по которому французское королевство и Республика взаимно гарантировали друг другу свои владения. Однако франко-голландские отношения не могли быть прочными из-за желания Людовика присоединить Южные Нидерланды и введения Кольбером высокого таможенного тарифа, облагавшего ввоз голландских товаров во Францию (1667). Предложения о разделе испанских провинций в Нидерландах, делавшиеся кардиналом Мазарином еще в 1650-х гг., голландцы отклоняли, полагая, что в этом случае Франция из «доброего друга» превратится в «плохого соседа». И в дальнейшем в Гааге рассматривали возможности противодействия французским планам частичной или полной аннексии Испанских Нидерландов. В Париже недооценили способности буржуазной республики к сопротивлению — именно Голландия станет организатором всех антифранцузских коалиций.

Предлог для первой войны из четырех, развязанных Людовиком XIV, соответствовал духу времени — он был династическим. Еще при заключении Пиренейского мира 1659 г. Мазарини внес в него пункт о браке испанской инфанты Марии Терезии, дочери короля Филиппа IV, с молодым Людовиком XIV. Тем самым, в случае пресечения мужской линии испанских Габсбургов, французские Бурбоны получили бы права на престол Испании. Парируя эту угрозу, Мадрид добился отречения Марии Терезии от прав на испанскую корону, но дал вовлечь себя в ловушку, обязавшись по брачному контракту выплатить Людовику огромное приданое в 500 тыс. золотых экю. Дальновидный Мазарини понимал, что эта сумма окажется непосильной для бюджета Испании и тем самым Франция сможет, как минимум, требовать территориальных компенсаций. Так и случилось. Переход испанского престола к Карлу II (1665-1700) послужил основанием Версалю потребовать от Испании уступки Южных Нидерландов взамен невыплаченного приданого или возврата Марии Терезии (теперь уже французской королеве) права на испанскую корону. Карл был сыном Филиппа IV от второго, Мария Терезия — дочерью от первого брака, а по гражданскому праву во Фландрии (одной из областей Южных Нидерландов) дети от второго брака не наследова-

ли имущество отца при наличии таковых от первого. Людовик придал этому правилу политическое и расширенное толкование, распространив его на престолонаследие и отнеся ко всем испанским провинциям в Нидерландах. Ввиду отказа Мадрида удовлетворить французские притязания Людовик объявил Испании войну, названную им самим деволуционной (от термина «деволюция» из фламандского наследственного права).

В мае 1667 г. Франция начала военные действия; ее войска быстро и легко оккупировали значительную часть Южных Нидерландов. Сохранявшаяся в Западной Европе после Пиренейского мира иллюзия, что Испания, несмотря на очевидный упадок ее военно-политического могущества, явится противником растущей агрессии Франции, и потенциально, — ведущей державой антифранцузского лагеря, теперь окончательно развеялась. Голландия и Англия поспешили закончить вторую войну между собой. Под давлением общественных настроений английский король Карл II вынужден был пойти на союз с Голландией, к которому обещанием субсидий побудили присоединиться также и Швецию. Так называемый Тройственный союз решил выступить посредником между Францией и Испанией, а в случае отказа Людовика XIV от переговоров, объявить ему войну. Испания, со своей стороны, соглашалась признать независимость Португалии. Людовик, затаив злобу на, как он считал, предательство «неблагодарной республики торговцев селедкой», направил в феврале 1668 г. армию под командованием принца Конде в Франш-Конте. Тем не менее, Людовик, неожиданно для себя столкнувшись с коалицией европейских держав, которые еще недавно были союзниками Франции по антигабсбургской борьбе, решил пойти на дипломатические переговоры. По Аахенскому миру, подписанному 2 мая 1668 г., Франция отдавала Испании захваченный Франш-Конте, удержав за собой оккупированные ею пограничные земли со значительным числом городов-крепостей Фландрии и Геннегау.

Главной заботой французской дипломатии, занявшейся подготовкой новой войны, на этот раз с Голландией, стал подрыв возобновленного в январе 1670 г. Тройственного союза. Несмотря на продолжающееся соперничество между морскими державами, Англию и Голландию объединяло стремление ни в коем случае не допустить, чтобы побережье Фландрии оказалось в руках Людовика XIV. В Лондоне и тогда, и в последствии

не сомневались, что переход этих районов под власть Франции соответственно и контроль над проливами Па-де-Кале и Ла-Манш, дал бы ей возможность в любой момент угрожать высадкой десанта на Британские острова. В Гааге, в свою очередь перспективу присоединения Южных Нидерландов к Франции и возрождения в ее руках Антверпена в качестве порта мирового значения, соперничающего с Амстердамом, рассматривали не только как препятствие для мореплавания Голландии, но и угрозу потери ею государственного суверенитета. Самым слабым звеном Тройственного союза являлась английская монархия. Тяготясь сотрудничеством с голландскими кальвинистами и завися от финансовой поддержки Людовика XIV, Карл II, участвуя в Тройственном союзе, хотел продемонстрировать Версальскому двору свою ценность как будущего союзника. Французский и английский монархи вели шифрованную переписку через сестру Карла принцессу Генриетту, которая была замужем за братом Людовика. 1 июня 1670 г. во время визита Генриетты в Дувр в тайне от парламента и большинства министров был подписан договор. Дуврский договор содержал, в частности, обязательство Карла начать войну с Голландией, а Людовика - выплатить Карлу 150 тыс. фунтов стерлингов и по 1 лб тыс. ежегодно в течение военной кампании. Шведское правительство в обмен на солидную денежную субсидию тайно согласилось выйти из Тройственного союза. Впечатляющие успехи французской дипломатии закрепили обещания германского императора - сохранять нейтралитет, кельнского архиепископа — пропустить через свои владения французские войска для нападения на голландцев, баварского курфюрста — перейти на сторону Людовика.

Весной 1672 г. Франция и Англия начали войну против Голландии на море, а летом французская армия, руководимая первоклассными полководцами А. Тюренном и принцем Конде вторглась на ее территорию и стала угрожать Амстердаму. Голландское командование пошло на отчаянный шаг: были открыты плотины, и море, затопив часть страны, создало непреодолимое препятствие на пути наступавших французов. Адмирал М. Рейтер, оставив небольшую эскадру для отвлечения французов, направил главные удары против более сильного английского флота и сумел полностью обеспечить безопасность нидерландского побережья. Центр войны был перенесен в прирейнские области Германии, где французские войска применили принцип

«выжженной земли», произведя страшную резню и опустошения среди мирного населения Пфальца. Крупные силы были направлены Людовиком и во владения испанской короны — Южные Нидерланды, Франш-Конте и на Сицилию. Против Франции начала формироваться новая коалиция в лице Голландии, Испании, Австрии, Бранденбурга, в то время как созданная Людовиком группировка разваливалась. Кельн и Мюнстер вышли из войны. Отсутствие успехов на море, установление голландцами связей с оппозиционными кругами в Англии, которые опасались последствий союза с Францией и принудили Карла II Стюарта подписать в феврале 1674 г. сепаратный мир с Гаагой. Позже, в конце 1677 г., английский парламент заставил Карла вступить в союз с Голландией. Формально новый договор, как и заключенный за десять лет до того соглашения, был направлен на то, чтобы добиться мира между Испанией и Францией. Но теперь договор предусматривал совместные вооруженные действия союзников против той страны, которая откажется от подписания мира, а ею могла быть только Франция. Правда, Людовику удалось вовлечь Швецию в войну с Бранденбургом в Померании. Бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм перебросил свою армию с Рейна на восток и разбил шведов при Фербеллине (1675). Удачные военные действия против Швеции вела и Дания на юге Скандинавского полуострова.

Сложившаяся для Людовика неблагоприятная международная ситуация заставила его пойти на заключение мира с Гаагой, с условиями которого были вынуждены согласиться все другие воевавшие страны. В 1678-1679 гг. в Нимвегене была подписана целая серия мирных договоров. Франция освободила территорию Голландии, но получила «возмещение» за счет Испании — Франш-Конте, несколько новых анклавов в Южных Нидерландах, а также графство Шароле (земли последнего, находясь в границах Франции и под ее суверенитетом, еще в 1493 г. в качестве части «бургундского наследства» Карла Смелого перешли к австрийским Габсбургам, а с 1544 г. — испанской короне; к началу войны 1672-1678 гг. Шароле как самоуправляющаяся провинция сохранила лишь остатки былой самостоятельности). На территории Империи, в Рейнской области, Франция удержала за собой Альт-Брейзах и Фрейбург. Швеция вернула свои южно-скандинавские провинции, а также владения Померании, кроме небольшой их части, отошедшей к Бранденбургу.

В ожидании новой благоприятной возможности для захвата Южных Нидерландов Версаль под различными юридическими предложениями принялся присоединять пограничные с Францией феодальные держания и города в Рейнской области, принадлежавшие Германии и Испании. В 1681 г. французскими войсками был аннексирован центр провинции Эльзас — город Страсбург, а в 1684 г. — герцогство Люксембург, входившее в состав нидерландских владений испанской короны. Беспомощность Мадрида и трудности, которые испытывал император Леопольд I на Востоке, вынудили Испанию и Империю подписать 15 августа 1684 г. в Регенсбурге соглашение с Францией, признав ее захваты. Регенсбургский договор стал вершиной могущества Франции в Европе и успехов Людовика XIV.

Гегемонистская политика французского короля, выражавшего теперь претензии на корону Священной Римской империи, несла прямую угрозу не только вражеским, но и нейтральным и союзным Франции странам. Голландская республика в лице своего статхаудера Вильгельма III Оранского (1672-1702) вновь выступила инициатором создания очередной антифранцузской коалиции. Именно Вильгельм настоял в 1672 г. на прорыве плотин, не допустив таким образом захвата Амстердама французами, а затем добился формального военного союза с обеими габсбургскими монархиями и подписал мир с Англией. Крупный политический деятель, исключительно целеустремленный и искусный дипломат, Вильгельм сразу же после Нимвегенского мира развил энергичную деятельность по изоляции Франции. В его переписке с императором и бранденбургским курфюрстом разворачивались широкие планы совместной борьбы против Людовика XIV. Крупным успехом голландского статхаудера явилось заключение им союза с давнишним «другом» Франции — Швецией (1681). Со своей стороны шведский министр иностранных дел, трезвомыслящий дипломат, Оксеншерна считал, что при создавшейся обстановке Швеции следует идти в союзе с морскими державами, заинтересованными в ослаблении Франции, попытки которой подчинить себе Голландию, державшую в своих руках шведский экспорт опасны для скандинавского королевства. Вместе с тем, Оксеншерна хотел использовать англо-голландское соперничество в целях достижения наивыгоднейших условий для шведской торговли. Перелом в политике Копенгагена и шведско-голландский союз заметным образом сказались на расста-

новке фигур на шахматной доске европейской дипломатии. В 1686 г. на базе противодействия планам французского короля оформилась так называемая Аугсбургская лига, куда, помимо Голландии и Швеции, вошли Испания, Австрия, Бавария, Саксония, Пфальц. Лигу тайно поддерживали папа и итальянские государства.

Однако без присоединения к коалиции Англии с ее флотом реальный отпор Людовику XIV был вряд ли возможен. Английская буржуазия, начинавшая видеть именно во Франции, а не в Испании и в Голландии, своего главного торгового конкурента и политического соперника, все более проникалась антифранцузскими настроениями. Но Карл II и унаследовавший корону в 1685 г. его брат Яков II искали как раз в дружбе с Францией противовес парламенту и буржуазной оппозиции. Внешнеполитический курс Стюартов послужил одной из предпосылок «Славной революции», когда на английский престол был возведен Вильгельм III Оранский, главный организатор Аугсбургской лиги (Англия и Голландия обрели, таким образом, единого правителя). Переворот 1688 г. исключил возможность проведения королевскими министрами внешней политики, не соответствующей воле парламента. Отныне парламент поддерживал правительственный курс путем выделения нужных финансовых средств на его осуществление. Внешняя политика Англии приобрела определенность, ее роль в системе европейских государств резко возросла. Естественно, что новый король стремился добиться прочного включения Англии в антифранцузскую коалицию, что и произошло в 1689 г. Версаль в вопросе об английском престолонаследии потерпел серьезнейшее поражение. Лишившийся же короны Яков II бежал во Францию, где Людовик XIV принял его как законного монарха, свергнутого «узурпатором Англии», т.е. Вильгельмом Оранским, и в будущем предпринял несколько безуспешных попыток произвести вторичную реставрацию Стюартов.

Между тем еще в сентябре 1688 г. войска Людовика XIV вторглись в Рейнскую область. Члены Аугсбургской лиги один за другим выступили против Франции, которая вступила в войну с мощной коалицией держав, оказавшись в состоянии полной международной изоляции. Военные действия велись в Западной Германии, Южных Нидерландах, Северной Италии, Каталонии. Оставаясь победителями на суше, французы терпели поражения на море. При общем истощении соперников

осенью 1697 г. в Рисвике был заключен мир. Результаты девятилетней войны не удовлетворили ни одну из враждующих сторон. Франция была вынуждена вернуть союзникам почти все захваченные ею с 1678 г. территории (кроме Страсбурга и эльзасских земель, а также нескольких анклавов в Южных Нидерландах и Каталонии), Людовик — пойти на унижительное для себя признание Вильгельма III королем Англии.

Рисвикский мир заключался в условиях, когда вся европейская дипломатия была озабочена уже другой проблемой, имевшей не только европейскую, но и мировую значимость. В Европе более 30 лет, едва ли не с момента вступления на престол Испании Карла II, ждали его кончины. Болезненность и бездетность Карла рисовали перспективу раздела испанского наследства, самого богатого из всех, когда-либо существовавших — короны Испании, ее европейских владений и огромной колониальной империи. Претендентами на испанский трон выступали французские Бурбоны и австрийские Габсбурги. Людовик XIV опирался на брачный контракт с Марией Терезией и родство собственных потомков с Филиппом IV. Император Леопольд I, женатый на другой дочери Филиппа IV и сестре Карла II Маргарите Терезе, отстаивал интересы своих наследников. Еще в 1668 г. между Людовиком и Леопольдом был заключен договор о разделе испанских владений. Эта же тема обсуждалась в переписке Людовика и Карла II Стюарта. После Рисвикского мира начались переговоры между двумя смертельными врагами — Людовиком и Вильгельмом Оранским, результатом которых явились два англо-франко-голландских договора о разделе испанского наследства (1698, 1700).

При испанском дворе также шла ожесточенная борьба по вопросу о будущем наследнике престола между профранцузской и проавстрийской группировками. «Французская партия» рассчитывала использовать для вербовки своих сторонников главным образом золото Версаля, особенно после смерти первой жены Карла II Марии Луизы Орлеанской (1689); «австрийская» — опиралась на поддержку второй жены короля Марии Анны Пфальц-Нойбургской (она была сестрой императора Леопольда I). В самый последний момент победила «французская партия». Умиравший Карл II — последний представитель старшей линии испанских Габсбургов — завещал корону Испании со всеми ее владениями французскому претенденту, но все же не сыну Людовика XIV (дофину Франции), а его вто-

рому внуку Филиппу Анжуйскому, с тем, чтобы испанская и французская короны никогда не соединились в лице одного монарха. При этом в Мадриде, желая избежать бесславного конца некогда могущественнейшей державы, считали, что представитель австрийских Габсбургов на испанском престоле, в лучшем случае, мог бы обеспечить ему лишь итальянские владения (Милан, Неаполь, Сицилию); напротив, Франция, учитывая ее центральное географическое положение и наличие сильной армии и флота, была в состоянии помочь своему претенденту сохранить все земли испанской монархии.

1 ноября 1700 г. скончался Карл II, а в начале следующего года в Мадрид в сопровождении свиты французских военных и гражданских чинов прибыл бурбонский принц, провозглашенный испанским королем Филиппом V (1700-1724). Конечно, ни одна из европейских держав не была склонна примириться со случившимся: дело шло не только о явном сдвиге в европейском балансе сил в пользу Франции, но фактически о ее мировой гегемонии. В Англии и Голландии больше всего беспокоились относительно неясной судьбы испанских колониальных владений в Новом Свете. Но ни английская Палата общин, ни нидерландские Генеральные штаты не желали новой войны с Францией с неизбежными в таком случае расходами и нарушением торговли. Хотя и крайне неохотно, Лондон и Гаага признали Филиппа королем Испании. Казалось, что Версальский двор ценой второстепенных уступок, с помощью представившихся дипломатических возможностей сможет предотвратить общеевропейскую войну. Но неумное честолюбие Людовика XIV взяло верх. Пренебрегая завещанием Карла II и своими договоренностями с Вильгельмом III и Леопольдом I, французский король особой грамотой признал права Филиппа V на престол Франции и, ссылаясь на «неопытность» внука в государственных делах, стал от его имени управлять Испанией. Всем испанским губернаторам и вице-королям в колониях было предписано выполнять указы Людовика XVI как «старшего» государя. Привилегии английских и голландских купцов в испанских владениях были отменены. В Милан и Южные Нидерланды вступили французские войска. Когда в сентябре 1701 г. умер Яков II, Людовик в полном противоречии с Рисвикским договором признал его сына английским королем. Этот явный вызов правящей элите Англии явился каплей, переполнившей чашу их терпения: парламент вотировал субсидии на войну.

Вильгельм Оранский вновь стал «душой» новой антифранцузской коалиции, которая выдвинула своего претендента на испанский престол — второго сына германского императора эрцгерцога Карла. Постепенно к этой коалиции, получившей название «Великий союз», примкнули почти все имевшие политический вес западноевропейские государства. Причем в рядах неприятельских армий против Франции дрались целые полки изгнанных или бежавших из этой страны после отмены Нантского эдикта (1685) гугенотов. В числе врагов Франции был и бранденбургский курфюрст Фридрих III. За предоставление в распоряжение Леопольда I 8 тыс. солдат и обещание восстановить в стране католичество (которое так и не было выполнено) Фридрих добился в 1701 г. согласия императора на титул короля Пруссии. Людовик XIV тоже заручился помощью нескольких государств. Однако по мере успехов врагов Людовика союзники один за другим покидали его, как это сделал архиепископ Кельна, заявив о своем нейтралитете, либо переходили в неприятельский лагерь, как король Португалии и герцог Савойский. Курфюрст Баварии вынужден был искать убежище во Франции. Защита трона Филиппа V поглотила значительно больше французских войск и материальных средств, чем можно было получить помощи от Испании: в самой Испании насчитывалось не более 7 тыс. солдат, столько же находилось в Южных Нидерландах, а от ее военного флота осталось всего 15 судов, частью недееспособных. Не оправдались расчеты Людовика на широкое использование потенциально обширных испанских ресурсов — население Фландрии и Милана враждебно встретило французскую оккупацию.

Военные действия развернулись в Нидерландах и пограничных с нею районах Германии, на Аппенинском и Пиренейском полуостровах. Причем, в то время, как шла война за испанское наследство (1701-1714), в Северной и Восточной Европе бушевала другая война — Северная (1700-1721). События этих крупных вооруженных конфликтов практически не пересекались, но их совпадение во времени не позволило Швеции принять участие в войне за испанское наследство, а западным странам ввязаться в Северную войну.

Первоначальные успехи французских армий под командованием опытных полководцев Ш. Катина, Л. Виллара, Л. Вандома сменились годами поражений и неудач. В 1703 г. между Англией и Португалией были заключены военно-политический союз и торговое соглашение. Португалия оказалась на сто-

летия тесно связанной с Англией. В том же году эрцгерцог Карл прибыл в Лиссабон и, провозгласив себя испанским королем, объявил войну Филиппу V. Португальская столица была превращена в базу английского флота для операций в Атлантике и Средиземноморье. В 1704 г. английский флот бомбардировал Гибралтар и, высадив десант, захватил эту испанскую крепость — «ключ» к Средиземному морю. Вскоре англо-австрийские войска высадились в Барселоне, Валенсии и Малаге и заняли значительную часть Испании. На некоторое время Мадрид оказался в руках союзников. Правда, после победы при Альмансе (25 апреля 1707 г.) Валенсия и Арагон были отвоеваны Филиппом V, а в 1710 г. французский маршал Вандом занял Мадрид и завершил разгром австрийских войск, чем помог Филиппу утвердиться, наконец, в своем новом отечестве.

Наступление французов в Юго-Западной Германии было быстро остановлено. В Баварии в сражении при Бленхейме 13 августа 1704 г. англо-голландские полки под командованием герцога Д. Мальборо, соединившись с австрийцами во главе с принцем Е. Савойским, разбили франко-баварскую армию маршала А. Таллара, который был взят в плен. В 1707 г. французские войска были полностью изгнаны из Италии армией Савойского, а в 1708 г. после поражения от Мальборо при Ауденарде (11 мая) — из Южных Нидерландов. Дело дошло до вторжения коалиционных сил в пределы Франции и даже появления их разъездов в окрестностях Версаля. 11 сентября 1709 г. при селении Мальплаке (в Геннегау) произошло сражение между французской и австро-англо-голландской армиями. Такой кровавой битвы в Европе не было потом еще на протяжении целого столетия. С обеих сторон приняло участие свыше 200 тыс. человек и действовало 300 орудий. Потери союзников (около 30 тыс.) были вдвое большими, чем у французов; при этом голландские полки потеряли четыре пятых своего состава.

Хотя сражение при Мальплаке дало Людовику XIV столь необходимую ему передышку, положение Франции представлялось безнадежным. Казна была пуста. Армию нечем было не только оплачивать, но даже кормить. Внутри страны, истощенной еще прежними войнами, царил голод, и не было судов для доставки зерна из портов Леванта и Африки. Переплата золотой королевской посуды на деньги дала ничтожно мало.

Попытки французской дипломатии нащупать почву для компромиссного мира (они уже делались с 1706 г.) оставались безуспешными. «Великий союз», тоже истощенный войной, все же не спешил с заключением мира и выдвигал жесткие для французской короны требования. К 1710 г. Людовик был уже готов согласиться и на такое унижение, как выплата денежных субсидий на содержание войск, которые будут сражаться против его внука, если Филипп не захочет отречься от испанского престола. Но изменение международной обстановки повлияло на соотношение сил воюющих сторон.

Полной неожиданностью для Европы оказалось сокрушительное поражение Швеции от России летом 1709 г. под Полтавой. Осенью того же года была восстановлена антишведская коалиция. Баланс сил в Восточной Европе разом изменился. В резком усилении России в Прибалтике Лондон увидел прямую угрозу своим интересам; там были крайне обеспокоены и возможностью выхода германских государей со своими войсками из войны за испанское наследство для участия в Северной войне на стороне России. Английская дипломатия пустила в ход все средства для усиления проявившихся разногласий в лагере противников Швеции, и ее первоочередная задача состояла теперь в том, чтобы не допустить перенесения Северной войны в Германию. С этой целью в марте 1710 г. в Гааге был подписан «Акт о северном нейтралитете». В то же время английские политики считали активное вмешательство в Северную войну преждевременным и опасным, пока не будет достигнуто примирение с Францией. На парламентских выборах в ноябре 1710 г. победили тори, опиравшиеся на среднее и мелкое дворянство, среди которых война не была популярна из-за связанного с нею роста налогов. Удвоился и государственный долг Англии. Лидер прежнего вигского кабинета и герой многих военных кампаний герцог Мальборо был снят с поста главнокомандующего и отдан под суд за казнокрадство. Считая необходимым прекратить войну, в январе 1711 г. новое правительство вступило в тайные переговоры о мире с Людовиком XIV. А вскоре произошло событие, которое привело к фактическому расколу «Великого союза». В апреле 1711 г. умер бездетный император Иосиф I, наследовавший корону от своего отца Леопольда I. Германский трон, как и династические земли Габсбургов, достались его младшему брату, тому самому эрцгерцогу Карлу, которого союзники прочили на испанский престол, и теперь ставшему императором Карлом VI

(1711-1740). Возникла угроза объединения Империи и Испании под одной короной, как это уже произошло в первой половине XVI в. во времена Карла V. Подобная перспектива была опаснее уже являвшегося эфемерным французского могущества. В сепаратные переговоры с Францией и Испанией вступили и другие участники антифранцузской коалиции, включая Австрию; причем все державы нарушали свои взаимные обязательства.

С января 1712 по февраль 1715 г. в голландском городе Утрехте проходил международный конгресс. Одновременно с открытыми переговорами французы продолжили тайные контакты с англичанами. В июле 1712 г. Франция и Англия заключили перемирие; дипломатические отношения между ними были восстановлены. После этого французы без особого труда добились принятия на конгрессе мирных предложений, заранее согласованных ими с англичанами. 17 апреля 1713 г. Франция подписала мирные договоры с Англией, Голландией, Пруссией, Португалией и Савойей. Допущенная к участию в конгрессе позже Испания заключила в 1713-1715 гг. собственные договоры со своими противниками в войне. Карл VI, недовольный размерами предлагаемых ему территорий, отозвал своих представителей из Утрехта. Однако упорство императора было поколеблено военными успехами французов на Рейне летом 1713 г., а также опасениями за судьбу Южных Нидерландов, попавших в руки его бывших союзников — голландцев, и он был вынужден согласиться на открытие переговоров на основе отвергнутых им в Утрехте французских предложений. 7 марта 1714 г. в немецком городе Раштатте между Францией и Австрией был заключен мирный договор (подписан от имени Людовика XIV маршалом Вилларом, от имени Карла VI — принцем Савойским). В том же году, 7 сентября, условия Раштаттского договора утвердила без изменений конференция германских государств в Бадене (Швейцария).

Договоры, подписанные в Утрехте и Раштатте, имели огромное значение для развития системы международных отношений. Престол Испании был закреплен за Филиппом V (что положило начало испанской ветви Бурбонов), но с обязательством никогда не соединять короны Испании и Франции в одном лице. Заокеанские колонии оставались за Испанией, но она потеряла практически все свои европейские владения.

После Утрехтского мира Испания оказалась надолго втянутой в русло французской политики. Людовик XIV отказывался от поддержки свергнутой в Англии династии Стюартов. За Францией сохранились территории, закрепленные за ней по Вестфальскому, Нимвегенскому и Рисвикскому мирным договорам, но она должна была отдать города, захваченные на правом берегу Рейна, разрушить свои прирейнские укрепления, а также срыть укрепления фламандского порта Дюнкерка. Вместе с тем, Франция поплатилась незначительными отрезками своей земли в пользу Габсбургов (во Фландрии). Наибольшие потери она понесла в Новом Свете: Португалии были уступлены земли в Южной Америке в долине р. Амазонки, Англии — Акадия (Новая Шотландия), обширные территории к северу от реки Св. Лаврентия вокруг Гудзонова залива, о. Ньюфаундленд. В результате войны за испанское наследство Франция фактически лишилась своего политического преобладания на европейском континенте, ее морская и колониальная мощь оказалась подорванной. Англия, наоборот, отгнав Голландию, выдвигалась на ведущие позиции в международной торговле, мореплавании, колониальной экспансии. Кроме североамериканских колоний Франции, Англия получила от Испании о. Менорку в Западном Средиземноморье и Гибралтар, который стал не только важнейшей военно-морской базой англичан, но и опорой для английского купечества в средиземноморской и левантской торговле. Англия получала также особые права в торговле с Испанией и ее колониями, включая так называемое асиенто — монополию на продажу африканских рабов в испанских колониях Америки (в 1701-1713 гг. этим правом владела Франция). Для Голландии потери, понесенные в войнах с Францией, оказались гораздо ощутимее полученных выгод. Еще англо-голландские войны 50-70-х гг. XVII в. серьезно ослабили экономику Соединенных Провинций. Начиная с 1688 г., когда Вильгельм Оранский стал одновременно английским королем, Голландия все чаще стала выступать в роли младшего партнера Англии. После Утрехтского мира Голландия, окончательно утратив статус великой военной и морской державы, перестала играть активную роль в международной жизни.

Итогом Раштаттского договора было значительное территориальное расширение и политическое усиление Австрийской монархии. Габсбурги присоединили к своим

владениям Южные Нидерланды, Ломбардию, Мантую, Область Президии (в Тоскане), о. Сардинию, Неаполитанское королевство. В Модене воцарились герцоги из дома Габсбургов. Спустя несколько лет австрийцы обменяли Сардинию на о. Сицилию (в 1713 г. ее получила Савойя), который, как и Неаполь, они сумели удержать в своих руках лишь до 1735 г. Но северные и центральные части Италии попали в политическую и экономическую зависимость от Австрии. Пруссия приобрела большую часть Южного Гельдерна и Невшатель на Нижнем Рейне и Эмсе. Сумела извлечь пользу из войны за испанское наследство и Савойя, которая еще со времени мира Като-Камбрези (1559) была, не считая Венеции, единственным итальянским государством, проводившим самостоятельную и, притом, успешную политику савойские герцоги, лавируя между претендентами на господство на Апеннинах, добивались расширения своих владений. По Утрехтскому и Раштаттскому договорам Савойя получила Монферрато, некоторые районы в Ломбардии и Сицилию, а ее правитель — титул короля. После состоявшегося обмена между Савойей и Австрией средиземноморскими островами (1720) на карте Европы появилось Королевство Сардиния, которое в дальнейшем играло видную роль в политических судьбах итальянских государств.

Балтийская проблема

Воспользовавшись ослаблением Речи Посполитой в результате национально-освободительной борьбы украинского и балканского народов и понесенных ею в начавшейся в 1654 г. войне с Россией поражений, войска шведского короля Карла X Густава Пфаль-Цвейбрюкена в 1655-1656 гг. оккупировали почти всю Польшу, а также часть Литвы и Белоруссии. Впервые в европейской международной политике шведской дипломатией был поставлен вопрос о разделе Речи Посполитой, которая из субъекта этой политики стала превращаться в ее объект. Вспыхнула первая Северная война (1655-1660). Кроме Швеции, России, Речи Посполитой, на разных фазах в войне приняли участие Австрия, Бранденбург, Гольштейн-Готторп, Трансильвания и поддерживаемая голландским флотом Дания. При посредничестве Франции, выступившей в защиту своего союзника Швеции, в 1660 г. в Оливском монасты-

ре, близ Гданьска, между Швецией, с одной стороны, и Речью Посполитой, Австрией и Бранденбургом — с другой, был подписан мирный договор. Шведская корона закрепила за собой Лифляндию с устьем Даугавы и Ригой, и ей были возвращены владения в Померании, занятые австро-бранденбургскими силами. Речь Посполитая сохранила за собой Латгалию (юго-восточную часть Лифляндии), но ее король Ян II Казимир отказывался сам и от имени своих потомков от претензий, которые он как представитель старшей линии династии Ваза имел на шведский престол. Герцог Голкштейн-Готторпа (союзник Швеции) получил верховные права на Шлезвиг. По Роскильдскому (1658) и Копенгагенскому (1660) договорам с Данией Швеция получила южно-скандинавские области — Холланд, Сконе, Блекинге. Наконец, в 1661 г. Швеция и Россия в местечке Кардисы близ Юрьева (Дерпта) заключили «вечный мир», восстанавливавший русско-шведскую границу.

Северная война не привела к каким-либо существенным изменениям границ в Прибалтике. Швеция утвердила свое лидерство в скандинавском мире и оставалась доминирующей силой на Балтийском море. Ее военный престиж был чрезвычайно высок — неслучайно во время войн Людовика XIV враждующие страны добивались привлечения скандинавского королевства на свою сторону. Со смертью в 1660 г. Карла X Густава эпоха завоевательных войн Швеции кончилась. В Стокгольме, желая сохранить достигнутое положение, стремились жить в мире с соседями. Однако эта внешнеполитическая линия была резко изменена Карлом XII (1697-1718).

Преобразование Балтийского моря в «шведское озеро», контроль шведами торговли на нем нарушали жизненные интересы целой группы стран. Для России со времени подписания с Швецией Столбовского договора (1617) одной из главных внешнеполитических задач являлось возвращение русских территорий на побережье Финского залива (Ижоры, ставшей шведской провинцией Ингерманландия) как непосредственного выхода к морю. Речь Посполитая не желала примириться с потерей Лифляндии, Дания — с южной частью Скандинавского полуострова. При этом в Копенгагене наметили для захвата владения в Шлезвиге герцога Фридриха Гольштейн-Готторпского, женатого на сестре шведского короля Карла XII. Бранденбургские курфюрсты мечтали получить шведскую часть Померании, а правители Саксонии и некоторых других немецких государств рассчитывали на какую-либо часть северогерманских

владений Швеции. Новые военные столкновения Швеции с этими государствами становились неизбежными

Восшествие на престол шестнадцатилетнего Карла XII, имевшего репутацию легкомысленного человека, не обладавшего качествами, необходимыми для государя, привело к активизации политических противников Стокгольма. Переговоры между ними о создании антишведской коалиции велись при живейшем участии известного лифляндского дворянина И. Паткуля, который после раскрытия организованного им антишведского заговора в Лифляндии бежал из страны и был принят на дипломатическую службу Саксонии. Перед саксонским курфюрстом, избранным в 1697 г. при поддержке России и Австрии королем Речи Посполитой Августом II, Паткуль развивал идею создания наступательного союза против Швеции с участием Польши, Дании, Бранденбурга и России. Согласно плану Паткуля Россия могла оказать помощь деньгами и солдатами, но нельзя было допустить, «чтобы этот могущественный союзник выхватил из-под носа жаркое и шел дальше Нарвы и Чудского озера». Между заинтересованными сторонами начались переговоры.

В августе 1698 г. во время свидания Августа II с русским царем Петром I в украинском городке Раве между ними было заключено предварительное устное соглашение о совместной борьбе против Швеции. Переговоры возобновились уже в Москве и велись в глубокой тайне. Шведские послы, приехавшие в российскую столицу за подтверждением Кардисского договора, ни о чем не догадывались. Они были приняты Петром и получили заверения в том, что царь будет соблюдать прежние русско-шведские мирные соглашения. В июле 1699 г. был подписан оборонительный договор между Россией и Данией, который предусматривал взаимную военную помощь против Швеции, а в ноябре того же года в селе Преображенском под Москвой — наступательный союзный договор между Россией и Саксонией. По условиям Преображенского договора Август, выступавший только в качестве саксонского курфюрста, должен был начать войну против шведов немедленно, а Россия — лишь после заключения мира с Турцией, с которой она находилась в состоянии войны. Обе стороны обязались не вступать в отдельные переговоры. Будущие завоевания по окончании войны со Швецией распределялись следующим образом:

Август получал Лифляндию и Эстляндию, а Россия удовлетворялась Ижорской и Карельской землями. В декабре 1699 г. датский посланник в России в особом «артикуле» заявил о присоединении короля Фредерика IV к Преображенскому договору. Так оформился Северный союз в составе России, Саксонии и Дании. Общеввропейская обстановка благоприятствовала началу активных действий против Швеции: Франция, Англия и Голландия, имевшие со Швецией союзные договоры, не могли ей оказать помощь, поскольку готовились к войне за испанское наследство.

В начале 1700 г. Дания и Саксония открыли военные действия против шведского государства. Датчане напали на Гольштинию, являвшуюся союзницей Швеции, но вскоре остановились под крепостью Тоннинген. Войска Августа II вступили в Лифляндию и осадили Ригу. 19 августа, на другой день после получения Петром I известия о заключении мира с Турцией, Россия объявила войну Швеции, и в сентябре русская армия осадила крепость Нарву на берегу Финского залива. Так началась война, длившаяся 21 год и вошедшая в историю как Великая Северная. Но уже в августе 1700 г. из нее была выведена Дания. Действия шведского короля оказались стремительными и грамотными с точки зрения военного искусства. С помощью англо-голландского флота Карл XII во главе своих войск неожиданно высадился под стенами оставшегося беззащитным Копенгагена и вынудил датчан подписать Травендальский мирный договор (между Данией и Гольштейном), по которому датское королевство обязывалось соблюдать все трактаты, заключенные со Швецией ранее, и не оказывать помощи ее противникам. Это дало возможность Карлу перебросить армию в Восточную Прибалтику. В ноябре под Нарвой он наголову разбил русские войска. Энергично начав готовиться к новой кампании, Петр I одновременно стремился упрочить отношения со своим единственным союзником — курфюрстом Саксонии. При их встрече в литовском местечке Биржи (март 1701 г.) был подтвержден Преображенский договор. В 1702 г. Карл XII, посчитав исход войны с Россией предрешенным в пользу Швеции, перенес свои главные действия против Августа. Шведы вторглись в пределы Речи Посполитой и сумели быстро овладеть Варшавой, Краковом и другими польскими городами. Август начал склоняться к сепаратному миру, но все его предложения отклонялись Карлом, продолжавшим варнареки опустошать оккупированные земли. Среди влиятель-

ных магнатских кругов Речи Посполитой произошел раскол. Собранный шведами в Варшаве в июле 1704 г. сейм объявил Августа низложенным и избрал королем познанского воеводу Станислава Лещинского. Другая, большая, часть литовской и польской шляхты считала необходимым порвать с политикой нейтралитета и искать защиты у России. В августе того же года между Речью Посполитой и Россией был подписан Нарвский союзный договор, по которому обе стороны брали обязательства совместно действовать против шведов и не заключать сепаратного мира. Август же, преследуемый Карлом, бежал в Саксонию, куда вслед за ним устремились шведы. Август капитулировал и по тайному Альтранштедтскому соглашению 1706 г. отрекся от короны Речи Посполитой и союза с Россией, сохранив Саксонское курфюршество. Одним из условий соглашения была выдача шведскому правительству Паткуля, который, формально оставаясь подданным шведского короля, в 1702 г. перешел с саксонской на русскую службу и стал выполнять отдельные поручения царя, а позднее находился при дворе Августа уже в качестве посла России. Несмотря на протест Петра I, Паткуль был выдан и казнен как государственный преступник за попытку мятежа в Лифляндии.

Северный союз распался. Речь Посполитая, хотя и подтвердила союз с Россией, однако практически никакой поддержки она оказать не могла и после 1710 г. фактически вышла из войны. Россия осталась один на один против шведов, все еще окруженных ореолом непобедимости. Вся Европа с трепетом ожидала, куда дальше из Саксонии двинется шведская армия. Французский король Людовик XIV пробовал склонить Карла XII оказать помощь Франции в Войне за испанское наследство. Англия со своей стороны направила к нему главнокомандующего и лидера вигского кабинета герцога Мальборо. Но Карл отказался вмешиваться в войну на западе континента до завершения войны на востоке. В августе 1707 г. его армия направилась к русской границе. Положение дел заставляло Петра I пытаться заручиться благожелательным посредничеством западноевропейских держав для заключения мира с Швецией на весьма умеренных условиях сохранения за Россией отвоеванного в 1702-1704 гг. побережья Финского залива. С этой целью в мае 1707 г. в Лондон прибыл русский посол в Голландии А.А. Матвеев, предложивший правительству Англии как

самому влиятельному участнику «Великого союза» военные и материальные услуги России против Франции. Но в то время в Западной Европе не верили в силы России. Английские политики не хотели допускать ее в «Великий союз» и уклонились от посредничества из опасения вызвать этим недовольство шведского короля. Матвееву пришлось покинуть Лондон, не добившись успеха. Пребывание Матвеева в Англии было омрачено инцидентом, оскорбительным как для самого посла, так и для русского правительства. Поздно вечером в своей карете Матвеев подвергся нападению неизвестных лиц, жестоко его избивших, и был доставлен в долговую тюрьму под предлогом неуплаты незначительного долга английским купцам. Случившееся возмутило весь дипломатический корпус. Уже на следующий день русского посла освободили, но, не получив желаемого удовлетворения, он покинул страну, не вручив отзывных грамот и не взяв обычного королевского подарка. С большим трудом английскому правительству удалось уладить этот инцидент, а парламент при участии аккредитованных в Лондоне представителей иностранных держав принял особый закон об охране привилегий лиц дипломатического персонала, который лег в основу современного посольского права.

Тем временем 8 июля 1709 г. под украинским городом Полтавой армия Карла XII была разгромлена Петром I. В русский плен попало около 19 тыс. шведских солдат, в том числе почти все генералы. Карл вместе с перешедшим на его сторону украинским гетманом И.С. Мазепой (в 1654 г. произошло присоединение Левобережной Украины к России), бежали на территорию Турции. Полтавская победа перевернула всю политическую обстановку в Европе. Международный авторитет России поднялся на небывалую высоту. Державы-участники «Великого союза» и Франция стремились теперь привлечь Россию на свою сторону. Ход Северной войны был в корне изменен, Северный союз — восстановлен. Из рядового участника союза, каким Россия была вначале войны, она превратилась в его руководящую силу. Антишведская коалиция расширилась — теперь многие хотели урвать свою долю в наследии рушившейся шведской державы, используя военные успехи русских. Северная война приобрела общеевропейское значение.

26 июля 1709 г. в Кельне Саксония, Дания и Пруссия заключили антишведское соглашение. Спустя две недели в Дрездене союз между Саксонией и Россией был возобновлен, а в октябре —

между Данией и Россией. В том же месяце Петр I прибыл в Торунь, где встретился с Августом II. Результатом переговоров стало подписание двух соглашений, уточняющих и расширяющих достигнутые в Дрездене договоренности. Было решено, в частности, что территориальные приобретения Августа будут ограничены одной Лифляндией, а к России перейдет, кроме Ингерманландии, Эстляндия. 21 октября 1709 г., на следующий день после заключения Торуньских союзных договоров, Россия присоединилась к Кельнскому соглашению. В 1714 г. был заключен союзный договор между Россией и Пруссией, по которому прусский король Фридрих Вильгельм I получил гарантию на передачу ему порта Штеттина в Померании, а в ответ обязался признать все прибалтийские завоевания Петра I (в конце 1690-х гг. бранденбургский курфюрст вел переговоры с будущими членами Северного союза, но предпочел участвовать в готовящейся войне за испанское наследство, за что и получил титул прусского короля). В следующем году союзный договор с Россией подписал Ганновер. Петр придавал союзу с Ганновером особое значение: ганноверский курфюрст в 1714 г. стал также королем Англии, под именем Георга I, родоначальником ганноверской династии на английском престоле. Русский царь брал на себя обязательство содействовать при заключении мира с Швецией разделу ее владений в Германии между Ганновером (курфюршество были обещаны герцогства Бремен и Верден), Пруссией и Данией. В 1716 г. на союз с Россией пошел и герцог Мекленбургский, предоставивший свою территорию для размещения русских войск в обмен на обещание о включении в состав Мекленбурга лучшего порта на Балтийском море Висмара. Еще в 1710 г. русские войска вытеснили шведов из Польши, Лещинскому пришлось покинуть страну, корона вновь перешла к Августу II. Россия овладела почти всей Восточной Прибалтикой, а в 1712 г. ее армия вступила в Померанию. Союзные силы русских, датчан, саксонцев и пруссаков полностью изгнали шведов из Германии, последним пал Висмар (1716). Русские войска вели успешные военные операции в Финляндии. 27 июля 1714 г. у полуострова Гангут молодой Балтийский флот России одержал первую крупную победу над шведской флотилией и скоро занял господствующее положение в балтийских водах.

Столь значительные военные и дипломатические успехи России усиливали тревогу в Англии, выступавшей главной

движущей силой антирусской политики. В выходивших там политических памфлетах резко критиковалась политика правительства, которое не выполняло своих союзнических обязательств в отношении Швеции. До сведения Петра I было доведено, что Англия не допустит разорения Швеции и нарушения равновесия сил между северными странами. Английская дипломатия, усиленно распространяя слухи о широких завоевательных планах русского царя в Европе, разжигала подозрения к России со стороны ее союзников. Копенгаген потребовал вывода русских войск из Дании. Август II, дважды получивший престол Речи Посполитой благодаря помощи России, перешел в лагерь ее противников. Ганновер вместе с Англией и Австрией настаивал на очищении Мекленбурга от русских войск.

В конце 1715 г. шведский король Карл XII вернулся на родину и приступил к созданию новой армии и мобилизации ресурсов для продолжения войны. Организовав оборону Швеции от угрожавшей ей высадки войск Северного союза, он сконцентрировал свои усилия на захвате принадлежавшей Дании Норвегии. С целью предпринять еще одну попытку заручиться посредничеством держав для заключения мира со Швецией Петр I выехал за границу. В июле 1717 г. в Амстердаме между Россией, Францией и Пруссией был заключен оборонительный союз. Французское правительство отказывалось от пролонгации истекавшего в следующем году франко-шведского союзного договора и обязалось прекратить финансовую помощь шведам. Русский царь и прусский король принимали посредничество Франции в заключении мира. Хотя Амстердамский договор остался только на бумаге, он лишил Швецию поддержки со стороны Франции, и это оказало влияние на решение Карла XII начать переговоры о мире с Россией, чтобы с ее помощью попытаться приобрести эквивалент потерянным владениям за счет Дании и Ганновера. С мая 1718 по октябрь 1719 г. на о. Суншере Аландского архипелага в Балтийском море шли переговоры между русскими и шведскими уполномоченными, так называемый Аландский конгресс. Согласно проекту царского правительства к России присоединялись все захваченные ею земли, за исключением Финляндии; Россия соглашалась на признание королем Речи Посполитой ставленника Швеции и Франции Лещинского и брала обязательство предоставить Карлу XII 20 тыс. человек для войны с Ганновером за возвращение

Бремена и Вердена; Швеция получала право вознаградить себя также за счет датских владений в Норвегии. При этом Петр I отвечал решительным отказом на требования Карла о совместных военных действиях как против оставшейся союзником России Дании, так и предавшего ее Ганновера. Переговоры были близки к успешному завершению, когда в декабре 1718 г. пришла весть о гибели Карла при осаде норвежской крепости. В Стокгольме взяли верх возглавляемые сестрой Карла королевой Ульрикой Элеонорой проанглийски настроенные сторонники продолжения войны. В Лондоне всячески стремились затянуть войну для России, тем самым ослабив ее и лишив плодов победы. Новое шведское правительство не хотело идти на уступки, и Аландский конгресс был сорван.

Под давлением Англии союзники России вышли из войны, получив почти все, что они хотели. В конце 1719 г. сепаратный мир с Швецией подписал Ганновер, в следующем году его примеру последовали Пруссия и Дания. Английский король Георг I купил за 1 млн талеров Бремен и Верден, присоединив их к своим владениям в Германии. Прусский король Фридрих Вильгельм I выложил 2 млн талеров за часть Западной Померании с устьем Одера, островами Узедомом и Волином и портом Штеттином. Датский король Фредерик IV получил владения герцогов Гольштейн-Готторпских в Шлезвиге (последний целиком стал датским), и Дания вернула себе право взимать зундскую пошлину со шведских торговых кораблей. В начале 1720 г. Англия заключила новый союз с Швецией, направленный против России. Английская эскадра трижды — в 1719, 1720 и 1721 гг. — приходила в Балтийское море, но так и не решилась открыто выступить на стороне Швеции. В Лондоне в эти годы вынашивали план совместного выступления западноевропейских государств и Турции против России, но он потерпел неудачу. Между тем русские войска и флот совершали опустошительные экспедиции в Швецию. 7 августа 1720 г. шведская эскадра была разгромлена в сражении вблизи о. Гренгам. В качестве дополнительного средства давления на Швецию Петр I искусно использовал претензии на ее престол герцога Гольштейн-Готторпа Карла Фридриха, являвшегося племянником Карла XII. Поскольку у погибшего шведского короля не было ни детей, ни братьев, его наследники — сестра (Ульрика Элеонора) и зять (Фридрих Гессен-Кассельский, в пользу которого его жена Ульрика отказалась в 1720 г. от короны) — не

имели бесспорных прав на престол. По приглашению царя, в начале 1721 г. Карл Фридрих Гольштинский прибыл в Санкт-Петербург, новую столицу России, построенную на отвоеванном у шведов побережье Финского залива в устье Невы. Здесь он был помолвлен со старшей дочерью Петра и Екатерины Анной, и ему оказывалось подчеркнутое внимание, что дало Стокгольму лишний повод для тревоги.

Оказавшись в отчаянной ситуации, Швеция 10 сентября 1721 г. подписала с Россией Ништадский мирный договор. К России перешли Лифляндия, Эстляндия с островами Эзель и другими — территории в границах современных Латвии и Эстонии, — Ингерманландия и Юго-Западная Карелия, а вместе с этими землями и первоклассные порты на балтийском побережье — Рига, Ревель, Выборг. Финляндия возвращалась Швеции. Царское правительство отказывалось от поддержки притязаний гольштинского герцога на шведский престол. Так закончилась Великая Северная война. Мирные договоры 1719-1721 гг. лишали Швецию практически всех ее прежних завоеваний в Прибалтике: за ней остались часть Западной Померании с о. Рюген и порт Висмар. Первенствующее положение на севере и востоке континента, которое занимало это скандинавское королевство со времен Тридцатилетней войны, теперь перешло к России. Превратившись в мощную морскую и военную державу, Российская империя (таков был новый статус государства после присвоения Сенатом Петру I титула императора в связи с заключением Ништадского договора) стала все более активно участвовать в решении общеевропейских проблем.

После Ништадского мира 1721 г. западноевропейские страны, в первую очередь Англия и Франция, продолжали активно бороться против включения западной части Балтики в сферу влияния России. Курс России на укрепление достигнутых позиций в Балтийском бассейне был связан с ее политикой в германском и польском вопросах. Это соперничество держав в значительной мере определяло внешнеполитическое положение скандинавских стран, а в отдельных случаях оказывало сильное влияние на исход борьбы партий в этих странах, особенно в Швеции. Северная война не сняла шведско-датского антагонизма, который после ее окончания проявлялся главным образом в проблемах зундских проливов, соединяющих Балтийское и Северное море, и Шлезвиг-Гольштейна, расположенного в южной части Ютландского полуострова. Балтий-

ский вопрос продолжал оставаться одним из стержневых направлений международной политики XVIII в.

Петр I стремился не только утвердить за Россией полученные от Швеции земли. Он осуществил возникший еще на Аландском конгрессе проект, заключив в 1724 г. с Швецией союзный договор, с обязательством взаимной военной помощи при нападении со стороны другого государства. В секретной статье договора обе стороны обязывались всеми средствами способствовать гольштинскому герцогу в возвращении захваченному Данией Шлезвига. Дело заключалось в том, что Карл Фридрих Гольштинский, вынужденный отказаться от намерения занять шведский престол, заключил брак с Анной Петровной и выдвинул претензии на Шлезвиг, за отдельные части которого столетиями велась борьба между немецкими гольштейн-готторпскими владетелями и датскими королями, закончившаяся окончательной победой Дании (1720). В этом гольштинский герцог рассчитывал исключительно на помощь своих российских венценосных родственников (Петра I, а после его смерти в 1725 г. Екатерины I). В Петербурге первоначально такую помощь хотели оказать, что нашло отражение в русско-шведском договоре. Сведения о морских приготовлениях для войны с Данией поступили в Лондон, и английское правительство направило в Балтийское море эскадру, которая в мае 1726 г. бросила якорь у Ревеля, заперев русские корабли в балтийских портах. Под угрозой войны с Англией при российском дворе отказались от поддержки Карла Фридриха.

В 1735 г. русско-шведский союз был возобновлен, но уже без статьи о Шлезвиге. А. Хурн, возглавивший шведское правительство в 1720 г., пользовался поддержкой Англии и Франции, но вместе с тем вел политику дружественных отношений с Россией, примером чего явился его отказ от союза с Англией в пользу России. Однако победа на риксдаге 1738 г. противников Хурна привела к усилению реваншистских настроений против России в шведских дворянских и купеческих кругах. Добившись в том же году заключения союза с Францией, в Стокгольме рассчитывали при ее поддержке восстановить прежнее международное положение страны и вернуть утраченные в Северной войне владения в Восточной Прибалтике. В 1741 г. Швеция, инспирируемая Версалем, и заручившись его финансовыми субсидиями, объявила России войну, которая в 1743 г. окончилась для шведов потерей юго-восточной части Финлян-

дии. По настоянию царского правительства шведским престолонаследником был признан родственник династии Романовых Адольф Фридрих из дома Гольштейн-Готторпов; Адольф Фридрих приходился двоюродным дядей Карлу Петру Ульрихту (сыну и наследнику герцога Гольштейн-Карла Фридриха и Анны Петровны), будущему российскому императору Петру III. Расчет Петербурга на усиление влияния России в Швеции при опоре на занявшего в 1751 г. шведский престол Адольфа Фридриха Гольштейн-Готторпского оказался ошибочным: он показал себя пруссофилом и покровителем антирусских групп шведской аристократии. В 50-х гг. во время войны за австрийское наследство Швеция предприняла новую тщетную попытку вернуть себе утраченное, но теперь уже в Германии.

Дания после подписания мирного договора с Швецией (1720) придерживалась политики нейтралитета, что весьма способствовало ее внешней торговле. В этом Копенгаген поддерживала Россия, усматривавшая в датском нейтралитете гарантию свободы прохода русских судов через зундские проливы. Во время Войны за независимость в Северной Америке, когда англичане не считались с правами нейтральных государств и задерживали их торговые корабли, датский министр А. Бернсторф-младший в 1778 г. выдвинул пять принципов международного права, которые были положены в основу провозглашенного Россией «вооруженного нейтралитета» (1780). Большим успехом датского правительства И. Бернсторфа-старшего было решение вопроса о Гольштейне. В результате продолжительных переговоров с Россией был заключен оборонительный союзный договор 1767 г., по которому Дания получила это герцогство, граничившее с ее владением Шлезвигом, в обмен на северогерманское графство Ольденбург и Дельменхорст: русский цесаревич Павел, имевший от своего отца Петра III наследственные права на Гольштейн, отказался от них по достижению совершеннолетия в 1773 г. Права на Ольденбург и Дельменхорст Павел уступил своим немецким родственникам. Этим актом царское правительство показало свое дружественное отношение к Дании и незаинтересованность России в территориальных приобретениях в районе западной части Балтийского моря. Во владении же датской короны оказался весь Шлезвиг-Гольштейн.

В русско-шведской войне 1788-1790 гг. датский король Кристиан VII выступил как союзник России. Эта война, развязан-

ная шведским королем без согласия риксдага и непопулярная в стране, имела характер внешнеполитической авантюры. Подталкиваемый Англией и Пруссией, Густав III Гольштейн-Готторпский предъявил России (ее основные силы были отвлечены войной с Турцией) на редкость дерзкие требования: вернуть Швеции все земли, захваченные Россией со времен Петра I, а Турции, с которой Густав заключил военный союз, — вернуть Крым. Наступление шведской армии во главе с королем на Петербург в надежде захватить его врасплох результатов не принесло, и шведы покинули пределы России. Офицеры, составившие заговор против Густава, отказались воевать с Россией. Около ста из них направили соответствующее обращение императрице Екатерине II, а генерал О. Армфельд, минуя правительство, подписал перемирие с Россией. Одновременно войска Дании через Норвегию вступили в Швецию и осадили Гетеборг. Несмотря на то, что Кристиан VII, подвергшись давлению со стороны Лондона, заключил со шведами сепаратный мир, русские сухопутные войска и, особенно, флот нанесли противникам сокрушительные удары. Исключительно благодаря сложной международной обстановке, возникшей к началу Великой Французской революции, Швеция вышла из войны без новых территориальных потерь.

В годы наполеоновских войн политическая карта Северной Европы значительно изменится и произойдет важный сдвиг на пути создания национальных государств.

Борьба Австрии и Пруссии в Центральной Европе и политика других государств

В результате Войны за испанское наследство и Великой Северной войны произошли принципиальные изменения в раскладе политических сил Европы. Ведущую роль стали играть Франция, Англия, Австрия, Россия и Пруссия, в то время как Швеция, вслед за Испанией и Голландией, утратила значение великой державы. Главным в международной политике явилось строгое соблюдение принципа баланса сил. Сложилась новая линия связей и противоречий между странами. Новая система государств выявила и основные сферы их борьбы на континенте, к которым относились раздробленные Италия и Германия, раздираемая глубокими внутренними противоре-

чиями Речь Посполитая и находившиеся под турецким владычеством Балканы.

Условия, возникшие после заключения Утрехтского мира (1713), способствовали возникновению тенденции к группированию германских княжеств вокруг Австрии и Пруссии, которые вступили в острое соперничество между собой. Все углубляющийся австро-пруссский конфликт постепенно приобретал характер второго по значимости после англо-французского. Исход этих противоборств решался в XVIII столетии в двух войнах всеевропейского масштаба — Войне за австрийское наследство (1740-1748) и Семилетней войне (1756-1763).

Целью внешней политики бранденбургских курфюрстов, а позже — прусских королей, было расширение границ своих владений за счет слабых соседей, а главным методом — использование противоречий между державами. К концу XVII в. Бранденбург — Пруссия заняла ранее принадлежавшее Баварии место главного соперника Австрии в пределах Германии. С 1701 г. это государство стало именоваться королевством Пруссия, а поскольку территория Пруссии лежала вне границ Священной Римской империи, ее король не считался вассалом императора и стал юридически суверенным монархом. Итогом войн начала XVIII в. для Пруссии было заметное расширение ее территории и укрепление внешнеполитического престижа. При Фридрихе Вильгельме I (1713-1740) окончательно определились специфические черты прусской монархии как милитаристского государства. К концу его правления постоянная армия Пруссии имела 84 тыс. штыков и при сравнительно небольшом ее тогдашнем населении занимала в Европе четвертое место по своей численности. Военно-политическое усиление Пруссии дало основание Фридриху II (1740-1786) выдвигать амбициозные планы установления господства в Германии и всей Центральной Европе.

Австрийские Габсбурги в первые десятилетия XVIII в. достигли зенита своего внешнего могущества. Раштаттский мир с Францией (1714) и Пажаревацкий мир с Турцией (1718) обеспечили значительное расширение территории Австрии. Владения Габсбургов простирались от Альп до Карпат и омывались водами трех морей — Адриатического, Средиземного и Северного. Триест и Фиум на Адриатике должны были стать базами военно-морского флота, к строительству которого приступил император Карл VI (1711-1740). Вместе с тем, на международной арене Австрийская монархия имела серьезных противни-

ков, а политическая и экономическая неоднородность дома Габсбургов ослабляла ее изнутри. В самой Германии Габсбургам завидовали крупные имперские князья, ищущие любой повод заявить о своих претензиях на часть их наследственных земель. Традиционным врагом Австрии оставалась Франция. Борьба Австрии с Испанией за господство в Италии продолжилась и после окончания Войны за испанское наследство. В 1733 г. состоялось заключение «Семейного пакта» между Парижем и Мадридом, то есть между двумя правящими ветвями династии Бурбонов. Это значительно осложняло внешнеполитическое положение монархии Габсбургов.

В 1733 г. началась франко-австрийская война за польское наследство. Поводом для нее послужил вопрос о престолонаследии в Речи Посполитой. Ее корону с помощью русских войск получил ставленник Австрии и России Август III — сын умершего саксонского курфюрста и польского короля Августа II, а кандидат Франции и Швеции Станислав Лещинский был вынужден снова бежать из Польши (Лещинский, покинув Польшу еще после разгрома шведов под Полтавой в 1709 г., после долгих мытарств по Европе выдал свою дочь Марию замуж за французского короля Людовика XV; опираясь на родственные связи с Версальским двором и на его финансы, он пытался вернуть себе польский престол). Против Австрии на стороне Франции выступили Испания и Сардиния. Несколько лет вялых военных действий были в целом неудачны для австрийцев. В 1738 г. в Вене был заключен мир. Союзники признали Августа III королем Речи Посполитой. Лещинскому передавались имперские владения Лотарингия вместе с небольшим графством Бар, которые после его смерти должны были перейти к Франции. Лотарингский герцог Франц Стефан — зять Карла VI и кандидат на имперский трон — в качестве компенсации за утрату своего прежнего владения получил в Италии Тоскану, Парму и Пьяченцу. Австрия отказалась от Неаполя и Сицилии в пользу младшей ветви испанских Бурбонов без права объединения с Испанией под одним скипетром (эти южноитальянские территории испанцы отобрали у австрийцев в 1735 г., восстановив автономное от Мадрида Королевство Обеих Сицилий). Сардиния получила часть земель в Австрийской Ломбардии (Наварра, Тортон). Венский мирный договор значительно ослабил позиции Габсбургов на Апеннингах.

Для Франции он оказался крупным успехом — ей удалось закрепить за испанскими Бурбонами юг Апеннинского полуострова и завершить воссоединение своей национальной территории. После смерти Лещинского в 1766 г. Лотарингия будет официально включена в состав земель французской короны. Способствуя поражению Австрии, вступившей в русско-турецкую войну 1735-1739 гг., французская дипломатия нанесла ей новый урон.

Сильнейшее беспокойство дома Габсбургов вызывал тот факт, что у императора не было сыновей, так же как и прямых родственников мужского пола. Династии грозило вымирание, а вместе с ним распад всей Австрийской монархии. С целью избежать ситуации, аналогичной той, которая имела место ранее в Испании, было решено изменить старинный закон о престолонаследии с целью возвести на престол после смерти Карла VI его дочь Марию Терезию. Прагматическая санкция, изданная в 1713 г., объявляла о неделимости владений Габсбургов и о возможности их наследования по женской линии. Вена приложила огромные усилия, чтобы добиться признания Прагматической санкции сначала сословными собраниями подвластных земель, а затем иностранными дворами. Однако к моменту кончины императора многие уже не признавали новый порядок наследования. Вступление на австрийский престол Марии Терезии (1740-1780) предоставило удобную возможность отказать ей в праве полного наследования, а заодно прекратить 300-летнее владение Габсбургами короной Священной Римской империи. Права Марии Терезии начали оспаривать находившиеся в родстве с Габсбургами государи Баварии, Саксонии и Испании. Главным среди претендентов на австрийское наследство оказался прусский король Фридрих II. Получив отказ Марии Терезии на требование передать Пруссии часть Силезии, Фридрих в декабре 1740 г. объявил войну Австрии, вторгся в Силезию и захватил ее. Начавшаяся силезская Война переросла в Войну за австрийское наследство.

При деятельном участии французской дипломатии оформилась антиавстрийская коалиция, куда вошли Франция, Испания, Королевство Обеих Сицилий, Сардиния, Пруссия, Бавария, Саксония и некоторые мелкие германские княжества. В Берлине намеревались захватить Силезию, в Париже и Мюнхене — Австрийские Нидерланды (Бельгию), а по возможности и территорию в Голландии. Версальский и мадридский дво-

ры активно поддерживали кандидатуру баварского курфюрста Карла Альберта на престол Империи, который оказался вакантным после смерти Карла VI. Фридрих II, несмотря на свои эмоции, учитывал, что интересам большинства противников Австрии, в особенности Франции, вовсе не соответствовало ее низведение до роли второразрядного государства (это нарушило бы баланс сил), особенно при одновременно быстром возвышении Пруссии. В то же время Фридрих считал в 1740-х гг. необходимым укреплять Баварию как противовес Австрии. В этой крайне тревожной для габсбургской монархии ситуации Мария Терезия показала себя проникательным и энергичным политиком. Проявив максимум изворотливости, она сумела заручиться поддержкой главных торговых соперниц Франции — Англии и Голландии.

В августе 1741 г. первые французские полки пересекли Рейн, в сентябре баварцы вторглись в Верхнюю Австрию, угрожая самой Вене, и скоро вместе с саксонцами заняли Прагу. Франко-баварские войска захватили Тироль. В том же году французский король Людовик XV направил крупные силы в Бельгию, где они нанесли поражение английским войскам, а также в Италию. В январе 1742 г. германские курфюрсты избрали баварского государя Карла Альберта императором под именем Карла VII. Монархию Габсбургов спасла Венгрия. Вняв мольбам Марии Терезии и забыв свои обиды, венгерское дворянство предоставило в ее распоряжение войска и необходимую сумму денег. Быстро восстановив свою власть в Чехии, Мария Терезия нанесла контрудар, заняв Мюнхен и изгнав Карла Альберта из его владений. Далее борьба шла с переменным успехом, но при общем преобладании Австрии и Англии (на море). Попытка прусского короля завоевать Чехию не удалась. Карл Альберт сумел вернуть себе Баварию, но его сын после смерти отца (январь 1745 г.) отказался от притязаний на имперскую корону во имя сохранения наследственных владений. Сардиния и Саксония перешли на сторону Австрии.

За годы войны Фридрих II трижды предавал своих союзников. Полностью игнорируя их интересы, он заключал тайные соглашения с Венной, что разом меняло ситуацию на германском театре военных действий. Причем, по договоренности с Марией Терезией было решено делать вид, что Пруссия продолжает сражаться с австрийцами. Правила, которыми руководствовался Фридрих при проведении внешней политики, были

им самим сформулированы следующим образом: «Раз должно произойти надувательство, то лучше уж надувать будем мы». Правда, прусскому королю нельзя было отказать ни в военных способностях, ни в дипломатической ловкости. 25 декабря 1745 г. в Дрездене им был заключен сепаратный мир с Австрией, по которому Силезия (за исключением небольших южных княжеств Опава и Тешин) отошла к Пруссии, а в обмен Фридрих признал избрание Франца Стефана — супруга Марии Терезии и ее соправителя в Австрии — германским императором. К слову, когда махинации Фридриха стали известны в Париже, негодованию не было предела. Состоявший в «дружеской» переписке с прусским королем французский философ-просветитель Вольтер, который не совсем понимал, что произошло, и поздравлял Фридриха с успехом, принужден был публично отречься от поздравительного письма, чтобы не попасть в Бастилию.

Захватив еще в 1744 г. выходящую к Северному морю Восточную Фрисландию (до этого времени в качестве особого графства входила в состав Империи) и получив Силезию, Пруссия вышла из борьбы. Другие ее участники еще некоторое время продолжали военные действия. Однако крайнее истощение воюющих сторон побудило главных участников начать переговоры, закончившиеся 18 октября 1748 г. подписанием Аахенского мирного договора между Англией и Голландией, с одной стороны, и Францией — с другой. В следующем месяце к нему присоединились Австрия, Испания и Сардиния. Подведший итог Войны за австрийское наследство Аахенский договор прежде всего утвердил Прагматическую санкцию Карла VI. Австрийский престол сохранялся за Марией Терезией, а имперский — за Францем I Стефаном (1745-1765). Территориальные вопросы на европейском континенте решались следующим образом: за Пруссией закреплялась Силезия; Австрия уступала Королевству Обеих Сицилий Парму и Пьяченцу, а Сардинии — небольшую область в Ломбардии; Франция возвращала Австрии оккупированные земли в Бельгии. Получив богатую и промышленно развитую Силезию, Пруссия сразу увеличила свою территорию на одну треть и утвердилась в качестве великой державы. Габсбурги сохранили господство на севере Апеннинского полуострова и сильные позиции в ее центральных областях. Было закреплено присутствие в Италии испанских Бурбонов. С этого времени началось заухание австро-испанско-

го соперничества в Италии, а ее политическая карта почти столетия не претерпит каких-либо существенных изменений.

Аахенским договором остались неудовлетворены едва ли не все заключившие его государства, при этом союзники были недовольны поведением друг друга. Людовик XV считал себя обманутым Фридрихом II. Испания выражала разочарование пол ученной от Франции помощью. Мария Терезия была в ярости. Она заявила английскому послу, который имел неосторожность поздравить ее с миром, что скоро надеется вернуть свое, «хотя бы ей пришлось отдать на это последнюю юбку». В Вене считали, что англичане оказали им недостаточную финансовую поддержку и совершенно не интересовались судьбой австрийских провинций, ведя ограниченные военные операции лишь в Бельгии. Лондон, со своей стороны, не только не видел для себя никакой пользы от войны Австрии против Пруссии за преобладание в Германии, но и считал, что этот конфликт прямо противоречит британским интересам. Идеальным с точки зрения английского правительства было бы положение, при котором Австрия и Пруссия совместно обратили бы свое оружие против Франции. Определяющим для развития внешнеполитической ситуации в Европе явилась новая фаза борьбы между Англией и Францией за торговое и колониальное преобладание. В начавшуюся в 1739 г. испано-английскую войну, спустя четыре года включилась Франция. Вооруженные столкновения между англичанами и французами в колониях фактически не прекращались и после Аахенского мира. Англо-французский конфликт вызвал кардинальную смену династических пристрастий, получившую у историков название «дипломатической революции» 1756 г.

Когда с 1714 г., на протяжении более чем столетия, ганноверские курфюрсты являлись одновременно королями Великобритании, судьба Ганновера находилась в поле неустанный внимания английского правительства. Уния с Ганновером, создавая для Англии форпост на континенте, вместе с тем впутывала ее в различные конфликты в Германии и Северной Европе, серьезно не затрагивавшие британские интересы. Между тем, захват Ганновера (это достаточно легко могли сделать либо Франция, либо Пруссия) превращало его в выгодный залог, который мог быть использован против англичан, несмотря на их успехи на морях и в колониях. В январе 1756 г. между Англией и Пруссией была подписана Вестминстерская конвенция. Сто-

роны давали обещание не вторгаться на территорию друг друга и обязались объединить силы для отпора вторжению в Германию какой-либо иностранной державе. Кроме того Англия обещала уплатить прусскому королю субсидию в 20 тыс. фунтов стерлингов. Секретной статьей конвенции оговаривалось, что положение о нейтралитете не распространяется на Бельгию. Английские политики не сомневались, что Франция предпримет новую попытку захватить бельгийские провинции, и их придется защищать силой оружия. В Лондоне, как и раньше, усматривали в переходе Бельгии в руки французов угрозу своей государственной безопасности. Таким образом, с помощью Вестминстерской конвенции Англия намеревалась обеспечить безопасность Ганноверу и вывести европейский конфликт из сферы надвигавшейся англо-французской войны в Канаде. Прусский король Фридрих II после Аахенского мира хотел сохранить столь удачный для себя союз с Версалем, считая его естественным продолжением политики Франции еще со времен Ришелье: поддержки ею германского протестантизма против Габсбургов. Фридрих даже называл Эльзас с Лотарингией и Силезию двумя сестрами, одна из которых выдана замуж за французского короля, а другая — за прусского. За полгода до заключения Вестминстерской конвенции Фридрих советовал Людовику XV направить в Вестфалию солидный военный корпус, чтобы бросить его затем непосредственно против Ганновера; сам он вторгнется в Чехию и, разгромив австрийцев, Франция и Пруссия завладеют всей Германией. В планы Фридриха входило также передать своему брату Генриху Гогенцоллерну престол Курляндского герцогства и поставить Польшу в полную зависимость от Пруссии. Крайне разочарованный тем, что в Париже не хотят потворствовать его замыслам, Фридрих решил осуществить их при опоре на Англию, подписав с ней Вестминстерскую конвенцию.

Габсбурги, в свою очередь, не собирались мириться ни с потерей Силезии, ни с превращением Пруссии в державу, равную по мощи Австрии и оспаривавшую у нее главенствующее положение в Германии. Венское руководство, поставив задачу добиться пересмотра итогов прошедшей войны, осознавало, что это невозможно будет осуществить, пока сохраняется неизменной прежняя система союзов. После Аахенского мира австрийская политика была ориентирована на противодействие планам Фридриха II. Олицетворением этой политики стал австрийский

канцлер В. Кауниц — широко образованный государственный деятель, выдающийся дипломат своей эпохи, сторонник целенаправленной, жесткой политики на европейской арене и, одновременно, противник любых внешнеполитических авантюр. Противоборство Кауница и Фридриха, длившееся почти четыре десятилетия, оставило яркий след в дипломатических летописях XVIII столетия. Кауниц считал, что сформировавшийся еще в войнах против Людовика XIV союз Австрии и Англии не шел к поставленной после 1748 г. цели. Причина заключалась в том, что Фридрих мог опираться на мощную поддержку Франции, а Англия, которую не разделяли с Пруссией никакие существенные противоречия, выступала против нее лишь как против французского союзника. Поэтому английская помощь Вене могла быть в лучшем случае ограниченной, обусловленной менявшейся дипломатической конъюнктурой. Надежды на успех, по убеждению Кауница, появились бы, если бы удалось перетянуть Францию в лагерь противников Пруссии. Однако путь к созданию австро-французского союза преграждали свежие воспоминания о двухвековой вражде Габсбургов и Бурбонов, а также очевидное стремление Людовика XV поддерживать Пруссию в качестве противовеса Австрии в германских землях. Тем не менее, Кауницу удалось создать при Версальском дворе влиятельную «австрийскую партию», выразительницей настроений и мнений которой стала фаворитка Людовика XV маркиза де Помпадур. Вдобавок Кауниц намекал на возможность уступить Франции часть Бельгии, получить которую из рук австрийцев было куда удобнее, чем отвоевывать ее у них, как это рекомендовал французам Фридрих II. Когда в Париже узнали о заключенной англо-прусской конвенции, означавшей ликвидацию фактически существовавшего до этого времени франко-прусского союза, колебания Людовика XV пришел конец. В мае 1756 г. в Версале между Францией и Австрией был подписан договор о нейтралитете и обороне, по которому обе стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь, если одна из них подвергнется нападению. По тайному пункту договора Людовик отказывался от данной им Фридриху гарантии сохранения Силезии в составе Пруссии.

В январе 1757 г., когда уже шла Семилетняя война, к Версальскому союзному договору присоединилась Россия. Агрессивные устремления прусского короля несли прямую угрозу ее интересам в Прибалтике, в частности, в Курляндии. Эта при-

балтийская дворянская республика, являясь вассалом Польши, находилась де-факто под русским контролем — герцогиня курляндская Анна Иоанновна (племянница Петра I), став российской императрицей, передала Курляндию вместе с герцогским титулом своему фавориту Э.И. Бирону (1737). С этого времени члены фамилии Бирон, подданные России, управляли Курляндией. Петербург еще в 1744 г. отвечал решительным отказом на требование Фридриха II о военной поддержке на основании заключенного годом ранее русско-прусского договора и дал знать правительству Марии Терезии о своей готовности возобновить с ним союзные отношения (в 1726 г. Россия и Австрия заключили союз, определивший их совместное выступление в 30-х гг. в Войнах за польское наследство и с Османской империей). В 1746 г. был подписан второй австро-русский союзный договор, и в конце войны за австрийское наследство Россия направила армейский корпус на Рейн в помощь Австрии и Англии, чем ускорила ее завершение. Теперь, в условиях развязанной Пруссией новой войны, Россия и Австрия заключили в феврале 1757 г. еще один оборонительно-наступательный союз. Таким образом, против Пруссии и Англии образовалась мощная коалиция в составе Франции, Австрии и России, к которым вскоре примкнули Саксония и Швеция. В последующие годы союзники подписали новые соглашения, уточняющие их взаимные обязательства и раздел будущих завоеваний. Так, Австрия должна была вернуть Силезию, Швеция — Померанию, Франция — получить Ганновер. В Петербурге планировали занять Восточную Пруссию, передать ее Польше, а к России присоединить Курляндию. Кроме того, Австрия и Франция заключили тайное от России соглашение о разделе территорий прусского королевства.

К началу Семилетней войны соотношение военных сил двух лагерей распределялось следующим образом. Пруссия имела 150-тыс. хорошо подготовленную армию, значительная часть которой была вымуштрована еще «королем-капралом» Фридрихом Вильгельмом I и прошла школу войны за австрийское наследство. Союзники Пруссии — Гессен-Кассель и Брауншвейг-Вольфенбюттель — выставили 47 тыс. человек. Антипрусская коалиция обладала вдвое большими силами, но в 1756 г. не была готова к войне. Пользуясь этим, Фридрих II во главе своей армии в конце августа 1756 г. внезапно вторгся в Саксонию. Посланная Марией Терезией на помощь саксонцам

австрийская армия проиграла сражение под Дрезденом (1 октября). Саксония капитулировала. Ее территорию Фридрих использовал в дальнейшем в качестве плацдарма для вторжений во владения Габсбургов. В апреле 1757 г. прусская армия двинулась в Богемию (Чехия) и, преследуя отступающих австрийцев, подошла к чешской столице. 6 мая в Пражском сражении австрийцы были разбиты и блокированы в городе. Но подошедшая к нему другая австрийская армия нанесла поражение пруссакам у Колина (18 июня). Фридрих был вынужден снять блокаду Праги и оставить Богемию. Тем временем, в борьбу вступили союзники Австрии. Одна французская армия заняла в апреле Гессен-Кассель, а затем, разбив в сентябре британские полки, — Ганновер, другая армия подошла к Эйзенаху, угрожая вторжением в Бранденбург. В сражении 5 ноября при Росбахе франко-австрийские войска, несмотря на двукратное численное превосходство, потерпели крупное поражение и отошли к Рейну. Саксония осталась в руках Пруссии. Попытка австрийцев отвоювать Силезию не увенчалась успехом — 5 декабря при Лейтене они были разгромлены, потеряв 27 тыс. человек. Русская армия в мае того же года двинулась из Риги (Лифляндия) к реке Неман и, перейдя его, вступила в Восточную Пруссию. Оставленный здесь Фридрихом армейский корпус, 30 августа у Гросс-Егерсдорфа был разбит русскими. В январе 1758 г. пал Кенигсберг и по манифесту императрицы Елизаветы I вся Восточная Пруссия включалась в состав России. Шведы, используя присутствие русских войск в Восточной Пруссии, предприняли осенью 1757 г. безуспешную попытку закрепиться в Померании. В целом период военных действий 1756-1757 гг. был удачным для Фридриха.

Кампании 1758, 1759 и 1760 гг. проходили с переменным успехом, не дав решающего преимущества ни одной из сторон. Крупнейшими битвами за эти годы явились два кровопролитных сражения между прусской и русской армиями на территории Бранденбурга — у Цорндорфа (25 августа 1758 г.) и Кунерсдорфа (12 августа 1759 г.). Во время Кунерсдорфского сражения, в котором вместе с русскими сражались и австрийские части, пруссаки были наголову разгромлены: целые полки сдавались победителям, шляпа и подзорная труба Фридриха, бежавшего с поля боя, стали трофеем преследовавших его по пятам казаков. «Из армии 48 тысяч у меня не осталось и 3 тысяч... У меня больше нет никаких средств, и, сказать по правде, я

считаю все потерянным», — писал прусский король. Паника Фридриха в тот момент была преждевременной. Его решительность и активность продолжали давать ему преимущество перед медлительностью и пассивностью союзников. Помогали прусскому королю и исключительная бездарность французских генералов, военные достоинства которых определяла Помпадур, и обилие английских субсидий. Вместе с тем, среди членов антипрусской коалиции росло взаимное недоверие, что не позволяло вести согласованные действия. Версальский двор склонялся к мирным переговорам. В Вена и Петербурге считали необходимым продолжать войну, полагая, что Пруссия еще недостаточно ослаблена. Летом и осенью 1761 г. Фридрих маневрировал между австрийской и русской армиями в Силезии и Саксонии. Французы, вытесненные англичанами из Ганновера, бездействовали в Вестфалии. На этом фоне впечатляющим успехом оказались действия русского корпуса в Померании, который при помощи объединенной эскадры русских и шведских кораблей заставил в декабре капитулировать крупный портовый город Кольберг. В итоге кампании 1761 г. положение Пруссии стало очень тяжелым. Она лишилась половины Силезии, была отрезана от Польши, где закупила продовольствие. Русские войска с захватом Кольберга утвердились в Померании и угрожали Бранденбургу. В Лондоне отказали Пруссии в дальнейших субсидиях — успехи в колониальной войне с французами породили убеждение в Англии, что соперничество с Францией в основном уже завершилось в ее пользу, в результате чего интерес к прусскому союзнику был потерян. Доведенный до крайности, Фридрих всегда держал наготове в кармане пузырек с ядом.

Однако в логику событий вмешался «его величество случай». 5 января 1762 г. в Петербурге скончалась Елизавета I. В тот же день, вступивший на престол Петр III, боготворивший Фридриха, отправил к нему своего приближенного с заявлением о намерении восстановить с Пруссией мир и дружбу. В мае Россия и Пруссия подписали мирный договор. Фридрих, будучи уверенный, что от него потребуют значительных территориальных уступок, готов был отдать России Восточную Пруссию, но к своему глубочайшему удивлению эти опасения оказались напрасными. Пруссии возвращались все завоеванные Россией территории. Русские войска были срочно отозваны. Корпус генерала З.Г. Чернышева получил приказ присоединиться к ар-

мии Фридриха, и ему пришлось участвовать, правда непродолжительное время, в боевых действиях в Силезии против вчерашних союзников — австрийцев. Задумавший новую войну с целью отобрать у Дании Шлезвиг Петр III заключил в июне военный союз с прусским королем.

Новая ориентация внешней политики России шла вразрез с интересами государства и дворянства. Дворцовый переворот 9 июля 1762 г. низложил Петра III и возвел на престол Екатерину II. Расторгнув военный союз, она оставила в силе мирный договор — страна нуждалась в передышке после войны. Потеряв убитыми и ранеными 60 тыс. человек, Россия ничего не приобрела, конечно, если не считать того, что победы русского оружия еще более укрепили ее международный авторитет и престиж. Выход России из войны предопределил ее окончание. 10 февраля 1763 г. в Париже представители Франции, Испании, Англии и Португалии подписали мирный договор по колониальным вопросам. Пятью днями позже в саксонском замке Губертсбург Пруссия, с одной стороны, Англия и Саксония, с другой, заключили мир на основе статус кво: Австрия отказывалась от притязаний на земли прусского короля; Пруссия возвращала саксонскому курфюрсту его владения; Силезия окончательно закреплялась за Пруссией. Парижский и Губертсбургский договоры отразили важнейшие результаты Семилетней войны. Англия значительно расширила колониальные владения и обеспечила себе господство на океанских просторах. Колониальная империя Франции, которая потерпела поражение и на морях, и в колониях, была почти полностью уничтожена, а ее международные позиции заметно ослаблены. Борьба за лидерство в Центральной Европе между Австрией и Пруссией продолжилась.

Семилетняя война не привела к какому-либо кардинальному изменению в системе европейских межгосударственных отношений, сложившихся в первой четверти XVIII в. Но все же среди держав произошла перегруппировка сил, непосредственным поводом к которой послужили выборы нового короля Речи Посполитой после смерти в октябре 1763 г. Августа III. Польский вопрос стал на время одной из центральных проблем европейской политики.

Слабость центральной власти и ее институтов в Польше при все усиливавшейся в ней политической анархии была давно очевидна и играла на руку ее соседям, стремившимся подчи-

нить внешнюю политику польско-литовского государства своим интересам. Еще в 1720 г. Россия и Пруссия, а через шесть лет к ним присоединилась Австрия, договорились о консервации в Польше существовавших порядков. Борьба заинтересованных держав за желательные им кандидатуры на престол Речи Посполитой стала печальной традицией при избрании ее королей. К выборам 1764 г. интенсивно готовились Франция, Австрия, Пруссия, Россия и Турция. Париж и Вена выдвинули общих кандидатов. Российская императрица Екатерина II стремилась обеспечить престол бывшему своему фавориту Станиславу Августу Понятовскому из старого польского королевского дома Пястов. Со времени Северной войны Россия установила в Речи Посполитой свое преобладающее влияние. Стремясь его закрепить, Екатерина хотела сохранить целостную, но, отнюдь, не сильную Польшу, поставив ее королевскую власть и сейм под полный контроль и зависимость от России. С точки зрения Петербурга Польша имела особое значение как барьер на пути возможного иностранного вторжения (Австрии, Турции) в западные и юго-западные пределы российского государства.

В отличие от Екатерины, прусский король Фридрих II, как и его отец Фридрих Вильгельм I, мечтали захватить территории Польши, и, в первую очередь, земли вдоль нижнего течения Вислы. Это позволило бы соединить Восточную Пруссию в единое целое с Бранденбургом и, кроме того, обеспечить королевству Гогенцоллернов господство над большей частью внешней торговли Польши, совершавшуюся через балтийские порты. Фридрих понимал невозможность осуществления своих планов без согласия России. В свою очередь, в Петербурге считали необходимым использовать Пруссию в качестве противовеса как Франции, которая в течение многих десятилетий натравливала против России на севере Швецию и на юге Турцию, так и Австрии, где с момента смерти польского короля Августа III, заняли откровенно враждебную России позицию, приведшую к распаду австро-русского союза. В апреле 1764 г. Россия и Пруссия, обоюдно заинтересованные друг в друге и при отсутствии между собой принципиальных разногласий, заключили союзный договор. Он предусматривал совместное решение ряда вопросов европейской политики и, в первую очередь, польского. В секретной конвенции, приложенной к соглашению, обе стороны договорились об избрании на польский престол Понятовского и мерах, обеспечивающих это. Было предусмотрено, что в случае военной поддержки ка-

кой-либо третьей державой оппозиции внутри страны Понятовскому, на территорию Речи Посполитой будут введены русские и прусские войска. Вместе с тем, Екатерина решительно отклонила предложение Фридриха о частичном разделе польско-литовского государства, сделанное им во время обсуждения проекта договора.

В сентябре 1764 г. Понятовский под именем Станислава III был избран королем. Начавшиеся реформы в Польше, призванные укрепить центральную власть, вызвали оппозицию в стране, настаивавшую на сохранении шляхетских вольностей, а также решительные возражения в Петербурге и в Берлине. Поводом для прямого вмешательства в польские дела послужил вопрос о диссидентах, т.е. не католическом населении страны. При этом Россия покровительствовала православным (украинцам и белорусам), Пруссия — протестантам. Русский и прусский послы потребовали от польского правительства полного гражданского и религиозного равноправия диссидентов. При деятельном участии послов в белорусском местечке Слуцк была создана православная, а в польском городе Торунь — протестантская конфедерации, которые объединили десятки тысяч недовольных правительством. В октябре 1767 г. в Варшаву, чтобы сломить сопротивление заседавшего там сейма, были введены русские воинские части (войска России находились на территории Белоруссии еще с мая 1764 г.). В феврале 1768 г. между Россией и Польшей был подписан Варшавский договор, урегулировавший диссидентский вопрос и закреплявший архаизм польской государственности. Россия признавалась гарантом неприкосновенности территорий Речи Посполитой, получив тем самым формальное право на вмешательство в ее внутренние дела. Часть шляхетско-магнатских кругов отвергла этот договор и образовала в украинском городке Бар конфедерацию, выдвинув лозунги защиты государственной независимости, привилегий шляхетских вольностей и католической церкви, а также низложения Станислава III. Барская конфедерация обратилась за помощью в Париж, Вену, Стамбул. Франция и Австрия, поставив задачу уничтожить русское влияние в Польше, направили барским конфедератам оружие, деньги и людей; для организации их военных сил на Украину был послан генерал А. Дюмурье. Султан, подстрекаемый французами и австрийцами, в ультимативной форме потребовал от царского правительства вывести

войска из пограничной с османскими владениями Подолии (там находился эпицентр движения конфедератов). Получив отказ, Турция объявила в октябре 1768 г. войну России.

Воспользовавшись ситуацией, Пруссия под предлогом устройства кордона против моровой язвы заняла пограничные с Польшей районы. Фридрих II снова настойчиво предлагал Екатерине II план раздела Речи Посполитой, но получил уклончивый ответ. Союзнические отношения с Россией не мешали Фридриху интриговать против нее в Польше, прибегать к дипломатическому шантажу, пытаясь связать восточный вопрос с польским, искать сближения с венским руководством — лишь бы обеспечить возможность для захвата интересующих его польских земель. В 1768 и 1769 гг. он дважды встречался для этой цели с сыном и соправителем Марии Терезии императором Иосифом II, который в отличие от своей матери разделял намерение прусского короля поделить Польшу. Несколько позже в Петербург был отправлен с особой миссией брат Фридриха принц Генрих. Между тем, победы русского оружия в войне с Турцией привели к резкому обострению австро-русских отношений: в конце 1770 г. австрийцы заняли несколько польских районов на Западной Украине; летом следующего года Вена заключила секретную конвенцию с султаном, направленную против России. В Петербурге положение оценили как угрожающее. Кроме того, движение барских конфедератов, хотя и было летом 1768 г. разбито объединенными силами России и Станислава III, продолжалось в форме партизанской борьбы, и это показывало, что царское правительство не в состоянии держать Польшу под единоличным контролем. Екатерине II пришлось согласиться на частичный раздел Речи Посполитой. Предварительные условия были согласованы зимой 1772 г. между Россией, Австрией и Пруссией, их армии вступили в Польшу и Литву. Петербургская секретная конвенция 5 августа 1772 г. установила окончательные условия раздела. Россия получила Восточную Белоруссию и Латгалию (юго-восточная часть Латвии), Австрия — Галицию (Западная Украина) и часть Малой Польши, Пруссия — Поморье, Вармию и часть Великой Польши.

Новая международная ситуация, которая сложится на европейском континенте с началом Великой Французской революции, а также события в самой Речи Посполитой, приведут ко второму (1793) и третьему (1795) разделам ее территории.

польско-литовское государство исчезнет с политической карты Европы; населявшие его народы войдут в состав России, Австрии и Пруссии.

Возвращаясь к событиям в Германии, отметим, что Австрия, смирившись с потерей Силезии, искала пути упрочить свое положение, подорванное возвышением Пруссии. В проведении внешнеполитического курса она продолжала опираться на союз с Францией, который был закреплен браком (1770) дочери Марии Терезии Марии Антуанетты с наследником французского престола будущим Людовиком XVI. Император Иосиф II вполне усвоил общие принципы политики Кауница, но считал, что канцлер не всегда осуществляет их с достаточной последовательностью. Кроме того, Иосиф был полон решимости сам руководить внешней политикой, отводя Кауницу лишь роль советника и министра, исполняющего волю монарха. После смерти Марии Терезии (1780) и установления единоличного правления Иосифа, роль и влияние Кауница на внешнюю политику Австрии значительно уменьшились, в результате чего она подчас приобретала авантюрный характер. Иосиф поставил целью добиться присоединения к наследственным владениям Габсбургов Баварии, курфюрст которой мог быть компенсирован Бельгией. По мысли императора, обладание Баварией способствовало бы консолидации владений дома Габсбургов, подчинило бы ему всю Южную Германию, в то время как бельгийские провинции были удалены от остальных габсбургских земель, легко уязвимы и, кроме того, порождали трения с Англией и Голландией. Получить Баварию не представлялось трудным. Разорительные для нее последствия войны за австрийское наследство так и не были полностью устранены. Страна находилась в состоянии экономического застоя и запустения. Огромные суммы тратились на содержание пышного двора курфюрста Максимилиана III Виттельбаха, его многочисленных любовниц и внебрачных детей. Армия состояла всего из 15 тыс. плохо обученных и вооруженных солдат, зато на каждых десять рядовых приходилось по одному генералу.

В 1777 г. умер баварский курфюрст, не оставивший прямых наследников. Иосиф II счел момент подходящим для присоединения Баварии к Австрии. Против этого, как и следовало ожидать, решительно выступил прусский король Фридрих II, сумевший привлечь на свою сторону ряд германских князей. В 1778 г. Австрия и Пруссия вплотную приблизились к нача-

лу войны. На основании союзного договора 1764 г. Фридрих потребовал военной поддержки России. Екатерина II предпочла выступить властным посредником. Отказав Пруссии в помощи, российская императрица, вместе с тем, обратилась с грозной декларацией в Вену, настойчиво советуя ей «вполне удовлетворить справедливые требования немецких князей», и категорически предложила Австрии и Пруссии уладить конфликт мирным путем. Австрийское правительство не получило поддержки и со стороны своего союзника — Версальского двора. Франция как раз в то время вступила в очередную колониальную войну с Англией и стремилась не допустить конфликта на континенте, который отвлекал бы французские силы от борьбы с главным противником в заморских владениях. К тому же в Париже, как и в Петербурге, стремились сохранить раздробленность Германии при сложившемся в ней балансе сил. Война за баварское наследство окончилась без единого выстрела поражением Австрии. В 1779 г. Австрия и Пруссия подписали Тешенский договор. Баварский престол закреплялся за старшей линией Виттельсбахов - Пфальц-Цвейбрюккенским домом. Иосиф II должен был удовлетвориться получением от Баварии округа Инна. К Пруссии перешли округа Ансбах и Байрейт. Франция и Россия выступили гарантами этого договора, а также всех других трактатов, заключенных между Австрией и Пруссией, начиная с Вестфальского мира 1648 г.

Позиция Франции в баварском вопросе подорвала устои австро-французского союза, хотя в Париже стремились держать его вплоть до революции 1789 г. Для дипломатии Екатерины II Тешенский договор явился большим успехом. Россия получила право участия во всех германских делах. С этого времени немецкие князья постоянно обращались в Петербург за решением спорных вопросов. Фридрих II до самой смерти (1786) стремился сохранить дружбу с Россией, и призывал своих преемников делать тоже самое (это, впрочем, не мешало ему подумывать о союзе против России и даже предлагать его Австрии). Надежды Фридриха расправиться с Габсбургами при содействии России оказались безосновательными. Когда в 1786 г. Иосиф II попытался осуществить свой план обмена Бельгии на Баварию, прусский король образовал против Австрии «союз князей» Северной и Центральной Германии. Поставленный перед новой угрозой войны и, не находя поддержки ни в Париже, ни в Петербурге, император отступил и на этот раз. Но и Фрид-

риху превратить «союз князей» в грозную антиавстрийскую коалицию и перекроить карту Германии не удалось — Екатерина II решительно этому воспротивилась.

Вихрь событий, обрушившийся на Европу с началом Великой Французской революции, развеет многие мечты и планы монархов и правительств, приведет к сглаживанию старых и возникновению новых противоречий между странами. Австро-прусская антагонизм, не утратив своей остроты и значимости, перейдет в XIX в.

Зарождение Восточного вопроса в системе международных отношений

Житвагортский мир 1606 г. австрийских Габсбургов с турецким султаном обозначил межвоенный период в отношениях между Османской империей и Европой, продолжавшийся более полувека. Но и в это время противостояние христианства и ислама по всему периметру соприкосновения европейских стран с султанской империей сохранилось. С начала 60-х гг. XVII в. и последующие два десятилетия Порты предприняла последние крупномасштабные наступательные военные действия против европейских народов. К концу столетия Европа смогла перейти в контрнаступление. Впоследствии османы перестают представлять для нее реальную угрозу, а влияние Турции на политическую жизнь континента падает.

В 1660 г. турки оккупировали Трансильванию, полностью подчинив это княжество. Спустя три года армия султана вторглась на территорию Моравии и угрожала Вене. Австрию поддерживали войска венгерского дворянства. Летом 1664 г. австро-венгерская армия вместе с военными силами немецких государств и пятитысячным корпусом французов нанесли поражение османам при Сен-Готарде (Западная Венгрия). Австрийцы не стали преследовать беспорядочно отступавшего противника, а император Леопольд I поспешил заключить уничижительный для себя Варшавский мир: в руках турок остались все их завоевания в Венгрии; Австрия обязалась уплатить Порте 200 тыс. талеров в виде «дара». Этот изумивший Европу шаг объяснялся тем, что для Габсбургов первоочередной задачей в тот момент являлась борьба с Францией за европейскую гегемонию, за влияние в Германии и Испании.

Прекратив на время борьбу с Габсбургами за венгерские территории, Турция переключилась на Украину, где сложилась запутанная и напряженная военно-политическая обстановка. Этим обстоятельством, а также серьезными внутренними и внешними трудностями, которые испытывала Речь Посполитая, решили воспользоваться в Стамбуле. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г., подведшего итог изнурительной тринадцатилетней войны Речи Посполитой с Россией, последняя удержала за собой Левобережную Украину (Правобережная Украина осталась под властью Польши); лежащий на правом берегу Днепра Киев с прилегающими к нему землями передавался царскому правительству на два года (после завершения этого срока он так и не был возвращен); Запорожская Сечь, расположенная в низовьях Днепра на границах с подвластными султану территориями, должна была находиться в подчинении обоих государств, но фактически находилась в сфере влияния только России. Андрусовский договор не стабилизировал ситуацию в Приднепровье и не решил всех спорных вопросов в русско-польских отношениях. Тем временем, участвовавшие с середины 60-х гг. набеги крымских татар и осман на украинские земли переросли в большое наступление Турции. Поводом к нему послужило обращение гетмана Правобережной Украины П.Д. Дорошенко к Порте с просьбой о помощи против Польши, причем Дорошенко признал себя вассалом султана. Летом 1672 г. турки овладели Каменцем — крупнейшей и считавшейся до того неприступной крепостью Подолии — и осадили Львов (Галиция). Подписанный в октябре того же года польско-турецкий Бучачский мирный договор передавал Подолию вместе с Южной Киевщиной и Брацлавщиной на Правобережье под власть султана. Варшава при этом кроме уплаты контрибуции должна была вносить ежегодную дань. Сейм отказался ратифицировать договор и война возобновилась. В ноябре 1673 г. польское войско под командованием способного полководца Яна Собеского одержало победу над турками у Хотина. Избранный в следующем году королем Собеский отбил две новые попытки осман и крымчаков вторгнуться вглубь польского государства. Заключенный в октябре 1676 г. Журавинский мирный договор (он также не был утвержден сеймом) освобождал от уплаты дани Польшу, которой возвращалась значительная часть Правобережья.

Турецкое вторжение в пределы Речи Посполитой вызвало сильное беспокойство правительства России. Оно знало о при-

тизаниях Стамбула не только на Правобережную, но и на Левобережную Украину. Русская дипломатия развила энергичную деятельность по организации общеевропейского союза против Турции, но проходившая в то время война между двумя коалициями западных стран не способствовала успеху этого замысла, а переговоры с поляками провалились — правящие круги Речи Посполитой сохраняли надежду вернуть утраченное по Андрусовскому договору. Тогда царское правительство решило действовать по собственному разумению. В 1676 г. объединенное русско-украинское войско под командованием воеводы Г.Г. Ромодановского совершило поход на хорошо укрепленную крепость Правобережья Чигирин, ставшую резиденцией гетмана Правобережной Украины. В результате этого вассал султана Дорошенко был лишен гетманской булавы, а союзник России И.И. Самойлович стал гетманом Правобережья и Левобережья (до 1681 г.). В ответ Турция объявила войну России. В августе 1677 г. 100-тысячная турецко-крымская армия начала осаду Чигирин. В течении двух месяцев 12-тысячный гарнизон сдерживал натиск противника. Царское правительство выслало к Чигирину 32-тысячную армию Ромодановского и 25 тыс. украинских казаков во главе с Самойловичем. После ряда неудачных для османов и крымчаков сражений они покинули пределы Украины. Летом следующего года турецко-крымская армия вновь осадила Чигирин, в окрестностях крепости шли кровопролитные бои. Турки захватили и сожгли крепость, но продвинуться дальше к Киеву, равно как и переправиться на левый берег Днепра, им не удалось. Порта согласилась на мирные переговоры, проходившие в столице Крымского ханства. По Бахчисарайскому договору 1681 г. султан и крымский хан признали Левобережную Украину и Киев за Россией, а казаков Запорожской Сечи — подданными царя. Подолия, Южная Киевщина и Брацлавщина оставались за султаном и его вассалом гетманом Правобережья.

Следующему акту агрессии со стороны Турции вновь подверглась Австрия. Варшавский мир показал, что Габсбурги не стремятся к освобождению Венгрии от осман, предпочитая укреплять власть в своей части венгерских земель. Это вызвало разочарование даже среди прогабсбургски настроенной католической венгерской аристократии; среди дворян-патриотов зрела идея антиавстрийского восстания с целью реставрации национальной монархии. Заговоры и бунты переросли в ши-

рое выступление во главе с И. Текели. Уступки, сделанные Австрией венгерскому дворянству, привели к тому, что часть его отошла от восстания, а Текели по совету французских агентов решил искать покровительства султана. Ободренная успехами повстанческого войска Текели и подстрекаемая Версальским двором Порты направила во владения Габсбургов более чем 100-тысячную армию под командованием великого визиря Кара Мустафы, которая 14 июля 1683 г. подошла к Вене и приступила к ее осаде. Император Леопольд I с двором и министрами бежал, бросив столицу на произвол судьбы. 10-тысячный гарнизон, располагавший небольшим количеством орудий, боеприпасов и продовольствия, вместе с горожанами и пришедшими из сожженных турками пригородов крестьянами вели героическую оборону. Но силы были слишком неравны, и к сентябрю положение осажденных стало безнадежным.

В подготовке османского нашествия немалую роль сыграл Людовик XIV. Борясь против своего заклятого врага Австрии, Франция не одно столетие натравливала на нее как своего давнего союзника Турцию, так и Польшу. В Париже стремились оторвать Польшу от Австрии (сближение этих стран, которое сменило их традиционное соперничество в Дунайско-Карпатском регионе, проявилось уже на рубеже XVI-XVII вв.) и примирить поляков с султаном. Во время осады Вены французские дипломаты приложили максимум усилий, чтобы лишить Леопольда I помощи со стороны других европейских монархов. Людовик XIV рассчитывал, что сам освободив австрийскую столицу и отбросив турок, он выступит в качестве спасителя Европы и уже одним этим установит преобладание Франции на континенте и, возможно, получит корону Священной Римской империи. Но события развивались не по сценарию Версаля. При посредничестве папы Иннокентия XI король Речи Посполитой Ян Собеский заключил военный союз с императором, к которому в 1684 г. подключились Венеция и Мальтийский орден. Так во второй раз в европейской истории образовалась антитурецкая «Священная лига». В момент, когда турки готовились к решающему штурму Вены, на помощь осажденным подоспела 25-тысячная армия Яна Собеского, состоявшая из поляков и украинских казаков. 12 сентября 1683 г. Собеский учинил полный разгром османам. Оставив на поле боя 20 тыс. убитых, всю артиллерию и обоз, турецкие части откатились в Центральную Венгрию, потеряв еще 10 тыс. человек при переправе через Дунай. Преследуя турок, Собеский нанес им новое

поражение, после чего Кара Мустафа бежал в Белград, где был убит по приказу султана. Победа под Веной, остановившая рвущихся в глубь континента османов, имела общеевропейское значение.

Развить успех в войне с султаном Леопольд I мог только по достижении соглашения с Францией, которая пользуясь ситуацией, беспрепятственно хозяйничала в Западной Германии. Заключив Регенбургский договор (1684), Австрия смогла начать наступление против турок в Венгрии; восстание Текели было подавлено. В это время во главе австрийских войск встал принц Е. Савойский. Отпрыск французской линии Савойской династии, принц не подчинился приказу Людовика XIV принять духовное звание и поступил на службу императору. Блестящий полководец и дипломат, он отличился во многих битвах с турками, дослужившись к тридцати годам до фельдмаршала. В 1687-1688 гг. австрийские войска окончательно вытеснили турок из Трансильвании и заняли практически все венгерские территории. Савойский взял Белград, и австрийцы начали продвигаться вглубь Балканского полуострова. Обеспокоенный победами Австрии, Людовик XIV вторгся в Пфальц. Начавшаяся война Аугсбургской лиги с Францией, вынудила Леопольда I перебросить часть сил в Германию, и война на востоке затянулась. В 1697 г. Савойский наголову разбил армию султана у Зенты (Центральная Венгрия).

Против турок удачно действовала на море Венеция, а в украинских и молдавских землях — Польша. Еще в 1686 г. Речь Посполитая и Россия подписали договор о «вечном мире» и наступательном союзе обеих государств против Турции и Крымского ханства. Договор подтвердил территориальные изменения, произведенные по Андрусовскому перемирию. Польша навсегда отказалась от Киева и признала Запорожскую Сечь владением России. Русско-польские противоречия были значительно сглажены, а Россия присоединилась к «Священной лиге». Выполняя союзнические обязательства, царское правительство организовало два похода русско-украинских войск в Крым (1687, 1689). Удача им не сопутствовала. Политическим продолжением их стали походы Петра I на новом операционном направлении — против Азова, сильной турецкой крепости, расположенной в устье Дона и запиравшей выход в Азовское море (1695, 1696). Первый поход оказался неудачным, но

Раздел II. История международных взаимоотношений в Новое время

в результате второго Азов был взят. Для продолжения борьбы России необходимо было активизировать действия западноевропейских союзников, добиться привлечения в состав антитурецкой коалиции новых государств. С этой целью в 1697 г. за границу было послано «великое посольство». Ознакомление с положением дел на месте показало, что западноевропейские страны готовятся к решающей схватке за «испанское наследство» и воевать с Турцией они не намерены.

В октябре 1698 г. в местечке Карловицы (Славония) был созван конгресс для заключения мира между Турцией и «Священной лигой». В качестве официальных посредников на конгрессе выступили представители Англии и Голландии. Конгрессу предшествовали предварительные переговоры в Вене между союзниками. Они обнаружили стремление Австрии заключить с Турцией сепаратный мир, чтобы, обеспечив выгодные для себя условия, уклониться от поддержки требований России. Ввиду этого на конгрессе русский уполномоченный П.Б. Возницын внушал туркам, что для них выгоднее затянуть переговоры до начала назревавшей европейской войны, которая сделает Австрию более уступчивой. Турецкие представители, приняв от Возницына «подарки», не воспрепятствовали сепаратному соглашению венского руководства с Портой. Так же поступили и посредники, получившие от Возницына «ради студеной погоды» собольи шубы. Результатом конгресса явилось подписание в январе 1699 г. каждым из союзников отдельного договора с Турцией. Австрия закрепила за собой Центральную Венгрию (без Баната), Трансильванию, Закарпатье, Хорватию и Славонию. Венеция получила захваченные ею Пелопонесс в Восточном Средиземноморье и несколько расширила свои владения в Далмации на Адриатике. Польша вернула себе Подолию и Правобережную Украину, но отдавала султану шесть занятых ее войсками молдавских городов. Россия не смогла заключить в Карловичах мирного договора с Турцией на приемлемых для себя условиях. Он был подписан в Стамбуле только в следующем году: за Россией остался Азов с окружающими землями и отменялась уплата ею ежегодных «поминою» крымскому хану. Хотя неудача «великого посольства», равно как позиция западноевропейских стран во время подписания Карловицкого и Стамбульского (Константинопольского) мира, не позволили России добиться выхода в Черное море, у Петра I оказались развязаны руки для борьбы за возвращение побережья Балти-ки. Что касалось итогов Карловицкого конгресса, то он знаме-

§ 2. Консолидация и кризис Вестфальской системы международных отношений

новал переход османов от наступления на Европу к обороне. Турция на этот раз не только не получила ни дани, ни контрибуции, как в предыдущие войны, но должна была отдать часть завоеванных ею прежде территорий. Карловицкий конгресс положил начало разделу европейских владений султана.

В XVIII столетии Османская империя пыталась взять реванш у своих главных военных соперников. С потерявшей свою былую славу и величие «царицы морей» Венецией ей это удалось. В противоборстве с Австрией успех в целом был не на стороне турок. В войнах с Россией Турция потеряла полносифаско.

В 1714 г. Порта начала боевые действия в балканских владениях Венеции. После отклонения султаном Ахмедом III посредничества императора Карла VI Австрия вступила в войну. Ее полководец, принц Савойский, в течение 1716—1717 гг. овладел Банатом и вытеснил турок из значительной части Юго-Восточной Европы. В феврале 1718 г. начались предварительные мирные переговоры. Требование императора о передаче Австрии всей Боснии, Сербии, Валахии и Молдавии султанское правительство отвергло и, чтобы оказать давление на Вену, использовало австро-испанские столкновения из-за Сицилии. Завязавшие весной 1718 г. испано-турецкие переговоры о совместных действиях против габсбургской монархии заставили Карла VI умерить амбиции. 21 июля 1718 г. в сербском городе Пожаревац были подписаны австро-турецкий и турецко-венецианский мирные соглашения. К Австрии переходили Банат (таким образом все венгерские земли были окончательно объединены под властью Габсбургов), северные районы Боснии, Северная Сербия с Белградом и область Малая Валахия. Венеция, напротив, лишилась своих приобретений по Карловицкому миру. Итогом ее войн с турками XVI — начала XVIII вв. явилась потеря всех владений в Восточном Средиземноморье, при сохранении лишь прибрежных областей Истрии и Далмации, несколько опорных пунктов на албанском побережье Адриатического моря и Ионических островов.

В 1726 г. был заключен австро-русский союзный договор, обязывающий Австрию оказывать помощь России против Турции. Когда в 1735 г. началась русско-турецкая война, Карл VI предпринял попытки посредничества, стараясь угрозами принудить османов к уступкам, а в июне 1737 г. объявил Порте

войну и неожиданным нападением занял сербский город Ниш. К новой войне монархия Габсбургов готова не была, поскольку еще не оправилась от поражений в недавно закончившейся Войне за польское наследство. Ее выступление против турок объяснялось не столько верностью союзническим обязательствам, но опасениями, что Россия овладеет Дунайскими княжествами — Молдавией и Валахией, а, с другой стороны, надеждой, что русские победы дадут возможность расширить свои владения на Балканах. Предложение Порты о мирном урегулировании спорных вопросов было принято союзниками, рассчитывавшими подготовиться к новой военной кампании. На конгрессе в украинском местечке Немирове (август — ноябрь 1737 г.) отчетливо проявились австро-русские противоречия, главным образом из-за судьбы молдавских и валашских территорий. Еще до официального закрытия конгресса турки сами начали наступление против австрийцев и нанесли им несколько серьезных поражений. 1 сентября 1739 г. у стен осажденного Белграда австрийцы подписали с турками сепаратный мирный договор, который возвращал султану славянские земли к югу от рек Сава и Дунай и Малую Валахию. С начала 40-х гг. усилия Габсбургов были сконцентрированы на борьбе с Пруссией.

После Пожаровацкого мира австро-турецкие противоречия постепенно теряли прежнюю остроту, в то время как антагонизм между Россией и Турцией углублялся по мере продвижения российского государства к побережью Черного моря, а также вследствие роста национально-освободительных движений славянских и других народов, страдавших под османским игом и видевших в России своего естественного союзника. Турецкие правящие круги занимали особенно враждебную позицию по отношению к ней, считая ее главной виновницей волнений балканских христиан и, вообще, чуть ли не всех затруднений Порты. Для царского правительства после заключения Ништадского мира с Швецией (1721) выход к Черному морю являлся первоочередной внешнеполитической задачей.

Еще в ходе Северной войны английская и австрийская дипломатии активно подталкивали султана к нападению на Россию, заинтересованные в том, чтобы ослабить российское государство и избежать его влияния на ход Войны за испанское наследство. В том же направлении действовал и Версальский двор: необходимость воевать для России на два фронта — против Турции и против Швеции — могла бы освободить большую

часть армии шведского короля Карла XII для выступления на стороне Франции. В Стамбуле были недовольны пребыванием русских войск в Речи Посполитой, вблизи турецких границ, и со страхом наблюдали за строительством русского флота в Азовском море и порта Таганрога, начавшегося со времени второго Азовского похода Петра I. После разгрома под Полтавой укrywшийся в молдавских владениях султана Карл XII обратился к Ахмеду III с предложением заключить военный союз против России. В ноябре 1710 г. Порта объявила ей войну. Готовясь к походу против Турции, Петр I особой грамотой призвал народы Балканского полуострова восстать против османского ига. Он заручился поддержкой господарей Молдавии и Валахии Д. Кантемира и К. Брынковяну. С Кантемиром был заключен также договор о переходе молдаван в русское подданство. 20 июля 1711 г. на реки Прут у молдавского селения Станилешти произошло сражение главных сил русских войск во главе с Петром I и превосходившей их в пять раз турецко-татарской армией. Окруженные со всех сторон противником русские проявили непоколебимую стойкость. На следующий день турецкая гвардия — янычары — отказались выполнить приказ о повторной атаке. Начавшиеся переговоры завершились подписанием мирного договора на тяжелых для России условиях. Русские войска ушли из Молдавии, но в турецком плену до выполнения Петром I условий договора остались в качестве заложников вице-канцлер П.П. Шафиров и сын фельдмаршала полковник М.Б. Шереметев. Кантемир со своими сторонниками был вынужден искать убежища в России. Валашского государя ожидала страшная участь. Под давлением протурецких боярских кругов он в решающий момент остался на стороне турок, передав им запасы продовольствия, заготовленные для русской армии, и задержал направлявшийся на соединение с ней большой отряд австрийских сербов. Это не спасло Брынковяну от султанского гнева. Он был вызван в Стамбул вместе с сыновьями, где на глазах несчастного отца палач отрубил головы четырем его сыновьям, а затем казнил и самого государя. Выполнение условий русско-турецкого договора затягивалось. В декабре 1712 г. Порта вновь объявила войну России, но начать военные действия так и не решилась. Только в июне следующего года был заключен окончательный мир: Россия получала право вести войну со шведами на территории Речи

Посполитой, но обязывалась беспрепятственно пропустить через свои земли Карла XII и сопровождавшие его войска, следовавшие на родину; Запорожье переходило под власть султана; Азов с окружающими землями был возвращен туркам, крепость и порт Таганрога разрушены. Вернуть утраченные в результате Прутского похода территории России удалось ценой неоправданно больших потерь (100 тыс. человек) во время ее войны с Турцией и Крымом 1735-1739 гг.

События в Речи Посполитой послужили поводом к объявлению Турцией в октябре 1768 г. новой войны России. Весь штат русской миссии в Стамбуле был посажен в тюрьму — по традиции Порты так расправлялась с дипломатами страны, с которой воевала. В развязывании конфликта приняла непосредственное участие противники царского правительства в польском вопросе — Австрия и Франция, а также союзная Петербургу Пруссия, где дипломаты на протяжении всей войны, занимая внешне дружественную позицию по отношению к России, интриговали против нее. Султан, готовя армию к походу через Дунай, предупредил его, как он обычно делал, набегом конницы крымского хана в южные пределы России. Это последнее в ее истории татарское вторжение было успешно отражено, после чего в схватку вступили главные силы. Широкомасштабные военные действия велись одновременно на нескольких фронтах и выявили превосходство России на суше и на море. В Молдавии и Валахии армия фельдмаршала П. А. Румянцева в 1770 г. одержала ряд громких побед (при урочище Рябая Могила, на реках Ларга и Кагул) и вышла к нижнему течению Дуная. Другая русская армия под командованием В.М. Долгорукого при взаимодействии с Азовской флотилией А.Н. Сенявина заняла в 1771 г. Крым. В Средиземное море, в Архипелаг, были направлены балтийские эскадры, перед которыми стояла задача оттянуть турецкие войска с главного, Дунайского, театра войны и вызвать выступление греков против Турции. В Европе широко обсуждалась блестящая победа эскадры под общим командованием Л.Г. Орлова в Чесменской бухте (1770 г.) у берегов Малой Азии, когда турецкий флот был уничтожен, а оставшиеся у султана корабли оказались блокированы в Черном море.

Порты стала склоняться к заключению перемирия, но это не устраивало Вену и Париж, заинтересованных в создании максимально возможных осложнений для России. Чтобы заставить Турцию продолжить войну, Австрия заключила с ней

секретную конвенцию, по которой обязалась добиться и дипломатическими, и военными способами возвращения туркам всех крепостей и земель, занятых русскими войсками. За эти услуги султан согласился вознаградить Австрию денежной субсидией и передать ей Малую Валахию. В виде аванса турки уплатили австрийцам 3 млн. пиастров. Вена не выполнила своих обязательств: летом 1772 г. Австрия, Россия и Пруссия договорились об условиях раздела Речи Посполитой и послевоенных приобретениях России. Впрочем, это не помешало австрийцам не только не вернуть туркам полученных денег, но и под видом «остатка» компенсации по заключенной конвенции получить от них область Буковину, входившую тогда в состав Молдавского княжества. Не дождавшись рассчитываемой поддержки, Порты согласилась на мирные переговоры. Но на конгрессах в Фокшанах и в Бухаресте (июль 1772 — март 1773 гг.) турки, ободряемые теперь, главным образом, французскими дипломатами, отказались принять требования России. Военные действия возобновились, и весной 1774 г. армия Румянцева форсировала Дунай и вступила в Болгарию. У Козлуджи корпус А.В. Суворова разгромил армию великого визиря, открыв основным силам путь на Стамбул.

21 июля 1774 г. в болгарском селении Кючук-Кайнарджи в ставке русского главнокомандующего турецкие уполномоченные подписали мирный договор, приняв все русские требования. Важнейшие положения договора сводились к следующему: Крым и сопредельные татарские области становились независимыми от Турции; к России переходили территория днепровско-бугского лимана и приазовские земли до реки Ея; Черное море и проливы открывались для русского торгового мореплавания. В 1778 г. в устье Днепра был заложен новый порт Херсон, на верфях которого началось строительство русского Черноморского флота. Статья Кючук-Кайнарджийского договора о независимости Крыма облегчила в 1783 г. присоединение его к России. Тем самым был положен конец крымской агрессии, которая три столетия угрожала спокойствию и территориальной целостности страны. В то же время соотношение сил в районе Черного моря радикально изменилось в пользу российского государства.

События прошедшей войны с турками и раздел Речи Посполитой показали Петербургу, что Пруссия была ненадежным и опасным партнером. Более удобным союзником казалась

Австрия, имевшая старые счеты с Турцией и крайне нуждавшаяся в поддержке России вследствие обострения соперничества с Пруссией. В 1781 г. Екатерина II и Иосиф II заключили союзное соглашение в виде обмена письмами императоров, которое предусматривало совместные военные действия в случае оборонительной войны с Турцией. Опираясь на это соглашение, Екатерина вынашивала широкие планы раздела владений султана и выжидала удобного случая для дальнейшего продвижения вдоль берегов Черного моря. Иосиф так же стремился расширить границы Австрии как в Карпато-Дунайском бассейне, так и на Балканах. Франция, по замыслам Екатерины, за вмешательство должна была получить Египет. В свою очередь, в Стамбуле не хотели мириться с условиями Кючук-Кайнарджийского договора, особенно с потерей Крымского полуострова, и готовились возобновить борьбу с Россией. Помпезная поездка весной 1787 г. Екатерины в Крым, в сопровождении европейских послов, польского короля Станислава III и присоединившегося к ним в Херсоне Иосифа II, была воспринята Портой как угрожающая демонстрация со стороны России. В августе того же года Турция начала против нее боевые действия, высадив десант на расположенной в днепровском лимане Кинбургской косе. Вскоре в войну вступила Австрия, направив в Молдавию крупные силы. России и Австрии пришлось столкнуться с серьезными внешнеполитическими трудностями.

В июне 1788 г. в составе Англии, Пруссии и Голландии оформился Тройственный союз, направленный против России, а шведский король двинул свои войска через русскую границу. Главным организатором Тройственного союза являлся глава английского правительства У. Питт Младший, благодаря стараниям которого Турция и Швеция решились выступить против России. Явно враждебную позицию как по отношению к России, так и к Австрии занял вступивший в 1786 г. на престол Пруссии Фридрих Вильгельм II. В январе и марте 1790 г. он заключил союзные договоры с Турцией и Речью Посполитой. В Берлине стремились сыграть на внутренних трудностях габсбургской монархии и смерти в феврале 1790 г. русского союзника Иосифа II. Революция в Бельгии (Австрийских Нидерландов) и угроза войны со стороны Пруссии вынудили Вену подписать с Берлином Рейхенбахскую конвенцию (июль 1790 г.) и прекратить войну с турками. 4 августа 1791 г. Австрия и Турция заключили Систовский мирный договор на основе довоенного статус-кво. Но

заставить отступить Россию Тройственному союзу не удалось. Угрожая Петербургу войной, английский премьер-министр, поддерживаемый Фридрихом Вильгельмом II, требовал от него принятия посредничества Англии и Пруссии для заключения мира с Портой на основе статус-кво. Екатерина II проявила большое дипломатическое мастерство, чтобы отклонить эти притязания. Заключение русскими мира со шведами (август 1790 г.) явилось полной неожиданностью для формировавших анти-русскую коалицию Англии и Пруссии и смешало все их планы. Гибкая, но уверенная позиция царского правительства была возможной вследствие одерживаемых успехов русского оружия в течении всей войны. Блестящие победы А.В. Суворова (на реке Рымник, взятие Исмаила), фельдмаршала Н.В. Репнина (у Манчина), командующего черноморским флотом Ф.Ф. Ушакова (у Керченского пролива, о. Тендра, мыса Калиострия) шаг за шагом приближали военный крах Турции.

По Ясскому мирному договору 9 января 1792 г. (29 декабря 1791 г.) Порта признала Крым за Россией и уступила ей территорию днестровско-бугского междуречья. Таким образом все северное Причерноморье от Днестра до Кубани было закреплено за Россией (территория между реками Ея и Кубань была присоединена к ней еще в 1783 г. вместе с Крымом). Ясский мир далеко не соответствовал обширным планам российской императрицы перед началом войны и успехам русского оружия: внимание Екатерины II уже было поглощено поиском союзников для борьбы с революцией во Франции.

Войны Османской империи с европейскими государствами, особенно с Россией, способствовали усилению национально-освободительных движений. Последние зачастую использовались европейскими правительствами в своих взаимоотношениях с Портой. Военные неудачи и освободительные движения еще более углубляли внутренний кризис империи. Если раньше христианские монархи в борьбе за свои цели стремились использовать мощь исламского военно-феодалного государства, то теперь султаны начинают искать поддержки иностранных дворов. Борьба держав за влияние в Стамбуле обостряется, при том что до конца XVIII в. преимущественным влиянием там пользовалась Франция. Появляется политическая зависимость Порты от Европы, где формируются общие доктрины по отношению к султанской империи, которые впоследствии станут официальными программами. Вместе с этим усиливается

экономическое проникновение наиболее развитых европейских стран в различные провинции империи. С конца XVIII в. капитуляции, заключавшиеся Турцией с европейскими государствами с XVI в. и ранее не носившие неравноправного характера, стали превращаться в кабальные договоры, закреплявшие привилегии в пользу иностранных государств и их подданных. Таким образом, османский вопрос, т.е. вопрос об отражении агрессивного натиска Османской империи против стран Европы, трансформировался во второй половине XVIII в. в так называемый Восточный вопрос — крупнейшую международную проблему Нового времени, связанную с упадком империи, ширившимся освободительным движением покоренных ею народов и борьбой европейских держав за имперские рынки и раздел владений султана.

Европейские правительства и война США за независимость

Весной 1775 г. английские колонии, расположенные на Атлантическом побережье Северной Америки, начали боевые действия против своей метрополии. 4 июля 1776 г. Континентальный конгресс принял Декларацию независимости, провозгласившую создание самостоятельного государства — Соединенных Штатов Америки. Декларация независимости явилась первым в истории официальным государственным документом, который отвергал феодальные и монархические устои общества и государства и провозгласил идею буржуазной демократии. С началом военного конфликта на североамериканском континенте европейские правительства объявили о своем нейтралитете. Хотя многие из них были прямо заинтересованы в ослаблении Англии, как колониальной и торговой державы, феодально-монархические режимы рассматривали американцев-республиканцев как «мятежников против законного монарха». В условиях Войны за независимость США должны были решить жизненно важную для себя задачу — обеспечить международную поддержку дипломатическими, финансовыми, а, по возможности, и военными средствами. Чрезвычайно важное значение имели отношения с основным соперником Англии — Францией; в ее помощи американцы остро нуждались и на нее возлагали особые надежды.

Франция после поражения в Семилетней войне (1756-1763) стремилась добиться пересмотра ее итогов. Партия реванша с нетерпением ожидала подходящего момента для выступления. События в Северной Америке, вызвавшие во французском обществе огромный энтузиазм, предоставляли такую возможность. В марте 1776 г. министр иностранных дел Ш. Верженн в записке к королю Людовику XVI изложил свои соображения по поводу американских дел: французскому правительству следует вести форсированные приготовления к войне с Англией, всемерно содействуя углублению англо-американского конфликта с целью максимального истощения сил обеих сторон; колонистам надо оказывать тайную помощь деньгами и оружием, делая при этом все возможное, чтобы рассеять подозрения англичан в подлинных намерениях Франции. Предложения Верженна были поддержаны тремя членами королевского совета, но отвергнуты генеральным контролером финансов Р. Тюрго, считавшим их неосуществимыми из-за бедственного положения государственного казначейства. В Версале колебались, не принимая окончательного решения. Еще более затруднял дело уклончивый ответ союзной Испании на сделанное Людовиком XVI предложение Карлу III о совместных военных действиях против Англии. Обе ветви Бурбонов были единодушны в стремлении нанести удар английской короне, невзирая даже на плачевное состояние своих финансов. Но война с Англией пугала Мадрид распространением освободительной борьбы на испанские колонии в Новом Свете. И все же Карл III и его окружение не смогли устоять перед французскими обещаниями возвращения Гибралтара, о. Минорки в Средиземном море и Флориды на североамериканском континенте (они были отобраны у испанцев англичанами по Утрехтскому (1713) и Парижскому (1756) миру. Первоначально осторожная позиция французского правительства в отношении американских повстанцев была в довольно слабой степени связана с идеологическими мотивами. Более вескими причинами явились сомнения в способности колонистов выстоять в борьбе против метрополии и надежды на готовность английского правительства Георга III щедро заплатить за французский нейтралитет, т.е. Парижу представится шанс без боя взять реванш за поражение в Семилетней войне.

Тем временем, в марте 1776 г., Комитет секретной корреспонденции, созданный американским конгрессом для ведения

внешних сношений, направил своего представителя С. Дина в Францию с секретным заданием добиться от нее дальнейшей поддержки (уже с конца 1775 г. французское правительство через торговых посредников стало тайно продавать восставшим колониям оружие и боеприпасы). Официальный статус нейтрального государства не позволял Франции открыто содействовать колониям. Поэтому заняться организацией помощи повстанцам было поручено частному лицу, энергичному коммерсанту и прославленному драматургу П. Бомарше. С этой целью был учрежден фиктивный торговый дом «Родериг Горталез», посредством которого Бомарше и Дин отправили в Северную Америку впечатляющее по тем временам количество военных грузов: ружья, порох, пушки, амуницию, медикаменты. Весной 1776 г. из личных средств Людовика XVI повстанцам была выделена ссуда в 1 млн. ливров; в дальнейшем французские субсидии и займы США составили свыше 8 млн. долларов. Испания также передала фирме «Родериг Горталез» около 300 тыс. долларов. По подсчетам некоторых американских исследователей помощь Франции и Испании в годы Войны за независимость составила более 2/3 общей суммы военных расходов США. После принятия Декларации независимости у Соединенных Штатов появилась легальная возможность послать своего официального представителя во Францию. Американцев мало знали в Европе. Тем более важное значение имела личность посла. Им был назначен Б. Франклин — единственный американец, который к тому времени стяжал европейскую известность своими научными трудами и публичными выступлениями. Франклин много лет прожил в Англии как представитель колоний и располагал большими личными связями и во Франции. В декабре 1776 г. он прибыл в Париж в качестве главы специальной дипломатической миссии. Ее основной целью было подписание франко-американского союза и тем самым вовлечение Франции в войну против Англии. Французская общественность встретила Франклина восторженно. В официальных кругах его ждал более прохладный прием; добиться аудиенции у короля он не смог. На встречах Франклина с министром иностранных дел Верженном рассматривался вопрос о заключении договора о союзе и торговле, но дальше дело не двигалось. Французское правительство продолжало выжидать и заниматься анализом сообщений о ходе военных действий в Северной Америке. Правда, денежно-материаль-

ная помощь американцам увеличивалась. В Лондоне имелась достоверная информация об этом — кроме своих шпионов во французской столице тайным осведомителем английского правительства являлся член американской миссии Э. Банкрофт. Британский посол заявлял протесты Верженну, на что ему неизменно отвечали, что Франция по-прежнему придерживается нейтралитета.

Победа американских войск в сражении при Саратоге (17 октября 1777 г.) не только принесла Соединенным Штатам политический дивиденд на международной арене, но и имела важные последствия. Представители различных политических группировок в Англии активно высказывались за примирение с Соединенными Штатами и признание их самостоятельности. Агенты британского правительства установили контакты с американской дипломатической миссией и пытались нащупать пути к соглашению. Это вызвало настоящую тревогу французского правительства; Верженн опасался вероятного объединения Англии и США против Франции. Французская секретная служба следила за каждым шагом британских агентов, равно как и за членами американской миссии. Впрочем, Франклин не делал тайны из своих переговоров с англичанами, специально подталкивая французов к скорейшему подписанию договора. Подобная тактика полностью себя оправдала, и 6 февраля 1778 г. франко-американский союз был заключен. Франция признавала Соединенные Штаты суверенным и равноправным государством, взяв на себя обязательство выступать гарантом их независимости. Соединенные Штаты, со своей стороны, гарантировали неприкосновенность французских владений в Америке. Фактически договор предусматривал полное изгнание Англии из Нового Света: США получали право заявлять притязания на британские владения на северо-американском континенте и на Бермудские острова, Франция — на английские колонии в Вест-Индии, Испания — на Флориду. Договорившись о совместной войне против Англии, Франция и США обязывались не заключать перемирия с Англией без взаимного соглашения. Одновременно был подписан торговый договор. Молодая американская дипломатия и лично Франклин одержали крупную победу.

После Франции в войну вступила Испания (1779), на следующий год — еще одна колониальная соперница Англии Голландия. Франция направила в Северную Америку значительные

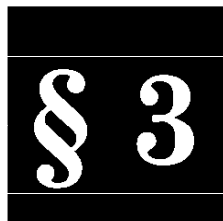
военно-морские силы. Французский флот атаковал английские корабли не только на океанских просторах, но и в английских территориальных водах. Французы осуществляли военные операции также в Индии. Испания осадила Гибралтар. Неизменно благожелательную для США позицию занимала Россия. Еще осенью 1775 г. Георг III, потерпев неудачу в попытке завербовать достаточное количество собственных солдат для борьбы с восставшими колониями, обратился к Екатерине II с просьбой послать 20-тысячный русский корпус в Америку, но получил отказ. К идее привлечения русских войск, славившихся своими боевыми качествами, в Лондоне возвращались и позднее. В начале 1778 г. царскому правительству было сделано предложение о наступательном и оборонительном англо-русском союзе против Франции, США и Османской империи, что тоже было отвергнуто. Более того, когда английские корабли стали бесцеремонно захватывать купеческие суда нейтральных стран, торговавших с Америкой, Францией и Испанией, Россия взяла на себя инициативу объединения нейтралов. Весной 1779 г. одна из ее балтийских эскадр вышла в Северное море для защиты морских коммуникаций, а 11 марта 1780 г. в Лондон, Париж и Мадрид была направлена декларация Екатерины II о принципах морской торговли в период войны. В том же году на основе положений этой декларации Россией была создана Лига нейтральных государств, куда вошли Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. Вооруженные эскадры этих стран стали охранять торговые пути. Провозглашение вооруженного нейтралитета окончательно дипломатически изолировало Англию, в немалой степени способствовало ослаблению ее морского могущества, объективно защищало торгово-экономические интересы США.

В конце 1780 г. французский министр иностранных дел Верженн сделал Лондону предложение о мирной сделке, но оно не было принято. Англия сама возобновила непосредственные контакты с Соединенными Штатами. Только после капитуляции английских войск под Йорктауном (19 октября 1781 г.) и, особенно, создания нового английского кабинета (март 1782 г.), выступившего за прекращение войны, начались реальные англо-американские переговоры, которые велись в Париже. Американскую сторону, кроме Франклина, представляли один из виднейших лидеров конгресса Д. Адаме и верховный судья

штата Нью-Йорк Д. Джей. Согласно инструкции, полученной американскими делегатами, они могли заключить мир только при условии признания Англией независимости США, прочие пункты договора оставлялись на их усмотрение. При этом инструкция со всей определенностью заявляла, что переговоры надлежало вести с ведома и согласия французского правительства и, в конечном счете, делегаты должны были руководствоваться его советом и мнением. Именно это требование было нарушено американскими делегатами, что позволило им, совершив дипломатический маневр, заключить выгодный для США договор с Англией. Американским представителям стало известно, что французский министр иностранных дел пытается сговориться с англичанами и в его планы входит раздел территории северо-американского континента в ущерб интересам Соединенных Штатов. Франклин, тем не менее, считал, что американцы не могут пренебречь союзническими обязательствами перед Францией и должны действовать в соответствии с инструкцией конгресса. Адамс и Джей были убеждены в целесообразности добиться сепаратного соглашения с Англией, играя на англо-французских противоречиях. Они вступили в переговоры с англичанами в тайне как от Верженна, так и от самого Франклина. Позже, под давлением обстоятельств и энергичным нажимом Адамса и Джея, Франклин присоединился к мнению своих коллег. В свою очередь в Лондоне были крайне заинтересованы в том, чтобы разъединить США и Францию и вести переговоры с каждой из сторон в отдельности. Ради этого англичане пошли на уступки Соединенным Штатам.

30 ноября 1782 г. в Париже было заключено предварительное англо-американское соглашение. Для Франции и Испании оно явилось неприятным сюрпризом, но им ничего не оставалось как признать его. При дворе Людовика XVI были «страшно злы на американцев». Неблагодарная миссия — уладить отношения с Францией — выпала на долю Франклина, что он и выполнил с большим тактом. Англия, Франция, Испания и Голландия достигли договоренности по колониальным вопросам. 3 сентября 1783 г. в Версале состоялось подписание текста окончательного мирного договора. Англия признала Соединенные Штаты независимым государством. Тем самым, в международных отношениях появился качественно новый субъект — суверенная конституционная республика. Границы США на

западе устанавливались по реке Миссисипи, на севере — по Великим озерам и р. Св. Лаврентия. Канада, которую так жаждали вернуть французы, оставалась за Англией. Точные границы Канады не были определены, что в течении десятилетий являлось предметом англо-американских споров. Граница США на юге устанавливалась к северу от Флориды по условной линии между Атлантическим океаном и Миссисипи. Причем особой секретной статьей договора признавалась старая английская граница с Флоридой, что вызвало впоследствии конфликты с Испанией. Что касалось союзников США, то Англия возвращала Франции Сенегал и Горэ в Африке и уступала острова Тобаго и Св. Люции в Вест-Индии. Обе страны возвращали друг другу все территории в Индии, захваченные во время войны. Испания получала обратно Флориду и о. Менорку. Гибралтар оставался за Англией, где до настоящего времени располагается ее военно-морская база. Голландцы были вынуждены уступить англичанам факторию в Индии — Непатам. Новый передел колониальных владений был произведен в ущерб британским интересам; поражение в войне привело к временному ослаблению морского и колониального преобладания Англии.

Международные отношения

в эпоху революционных

и наполеоновских войн

(конец XVIII — начало XIX вв.)

Европейская дипломатия в начальный период Великой французской революции

Французская революция конца XVIII в. сыграла переломную роль в развитии системы международных отношений. Революционный взрыв во Франции повлек за собой радикальную перестановку сил на европейской политической арене, привнес в международную жизнь новые принципы дипломатии, дал толчок к возникновению первого военного конфликта глобального масштаба.

К 1789 г. отношения между ведущими европейскими державами представляли собой запутанный клубок взаимных претензий и многообещающих проектов. На фоне окончания войны за независимость североамериканских штатов и наращивания русско-австрийской экспансии в Юго-Восточной Европе началось оформление англо-прусского альянса. Успех в очередной войне с Нидерландами (1780-1784) обеспечил англичанам открытый доступ в голландские колонии в Ост-Индии, но спровоцировал в самих Нидерландах политический переворот. «Патриотическая» партия выступила против власти штатгальтера Вильгельма V. Помощь своему родственнику поспешил оказать прусский король Фридрих-Вильгельм II (брат супруги штатгальтера Вильгельмины Прусской). Вторжение 25-тысячной прусской армии не только восстановило права Оранского дома, но и усилило политическое влияние самой Пруссии. Англия, вступившая в 1785 г. в Лигу немецких князей, использовала эту ситуацию для формирования новой коалиции. В 1787 г. была заключена англо-прусская конвенция, гарантировавшая статус-кво в Нидерландах, а в спустя год был оформлен Тройственный союз в составе Англии, Пруссии и Нидерландов. При дипломатической поддержке Англии и

Пруссии уже в 1787 г. в очередную войну против России вступила Турция, а в 1788 г. — Швеция.

В сложившихся условиях и Россия, и Франция оказались остро заинтересованы в поиске новых союзников. Арман де Монтморен, возглавивший французскую дипломатию после кончины в 1787 г. многоопытного Верженна, предпринял шаги по укреплению отношений двух стран. В Петербург отправился специальный эмиссар К. Нассау-Зиген, который вместе с французским посланником Луи-Филипп Сегюром сумел подготовить проект русско-французского союза. Предполагалось, что союзнические отношения России с Австрией, а Франции с Испанией позволят создать Четверной союз, способный противостоять англо-пруско-голландской коалиции. Однако Франция оказалась не готова к столь радикальному обострению международной обстановки. В январе 1789 г. королевский совет принял решение не форсировать заключение союза с Россией, а когда спустя несколько месяцев в Париже начались революционные события, французская дипломатия была вынуждена окончательно отказаться от активных шагов на европейской арене.

Восстание в Париже 14 июля 1789 г. вызвало большой резонанс в Европе. Впрочем, понять подлинные масштабы революции пока было достаточно сложно. Внимание европейских политиков было приковано к другой половине континента, где Россия, по образному выражению госсекретаря Храповицкого, «оказалась в петле». После смерти в феврале 1790 г. австрийского императора Иосифа II прусская и английская дипломатия вынудили Австрию приостановить военные действия против турок. К тому же в результате национального восстания власть австрийских Габсбургов была свергнута в Бельгии. Преемнику Иосифа II императору Леопольду II пришлось использовать военную силу для подавления бельгийской революции и отказаться на время от активных действий в Юго-Восточной Европе. Используя благоприятную ситуацию Пруссия в январе 1790 г. заключила союзный договор с Турцией, а в марте — с Речью Посполитой. Лишь неожиданное завершение русско-шведской войны (август 1790 г.) спасло Россию от серьезной угрозы.

На протяжении всего этого времени положение дел во Франции не вызывало тревоги у европейских монархов. Пруссия и Англия были даже довольны ослаблением потенциального противника, а Екатерина II после провала неофициальных по-

пыток установить контакты с французскими правительственными кругами весной 1791 г. окончательно потеряла интерес к перспективам союза. Вареннский кризис, вызванный попыткой побега Людовика XVI за пределы Франции в ночь с 20 на 21 июня 1791 г., разом изменил политическую ситуацию. Фактический арест короля, начало эмиграции французского дворянства, радикализация настроений в революционном лагере превращали Францию в глазах феодальной Европы в «гнездо разбоя». Уже 27 августа 1791 г. в замке Пильниц (Саксония) по инициативе Леопольда II была заключена австро-прусская декларация о необходимости военно-политического вмешательства во французские дела. Россия не поддержала эту инициативу, поскольку еще не завершила войну с Турцией. К тому же 3 мая 1791 г. политический переворот произошел в Польше, где к власти пришли сторонники конституционализма. Екатерина II увидела в этом угрозу распространения «революционной заразы», а гибель шведского короля Густава III от руки дворянина-заговорщика еще больше укрепила ее в этом мнении.

Революционные войны Франции

Принятие в сентябре 1791 г. Конституции и последующий созыв Национального собрания придали новый импульс революционному движению во Франции. Среди лидеров Собрания образовались две группировки, одна из которых выступала за проведение миролюбивой внешней политики, а другая ратовала за «малую войну» с теми немецкими князьями, которые дали убежище французским эмигрантам и оказали помощь в формировании их вооруженных отрядов. Представители оппозиционной группировки жирондистов во главе с Ж.П. Бриссо призывали к решительной войне со всей монархической Европой, видя в этом кратчайший путь к торжеству революции. «Партию войны» поддержали и многие лидеры якобинцев, сторонников идеи «революционного патриотизма», а также приверженцы «революционного космополитизма» во главе с бароном А. Клоотцом. И еще более парадоксальный характер этой «коалиции» придавала недвусмысленная поддержка самого короля, который уже весной 1792 г. передал ведущие места в правительстве сторонникам «партии войны». Впрочем, Людовик XVI преследовал особую цель — он полагал, что, втянув-

пись в войну, революционный режим неизбежно обречет себя на поражение.

Декретом от 25 января 1792 г. Национальное собрание предложило королю потребовать от Леопольда II отказаться от любых соглашений, направленных против «суверенитета, независимости и безопасности французской нации». Ответом стало заключение австро-прусского союзного договора, направленного против Франции (7 февраля 1792). После смерти Леопольда II в марте 1792 г. австрийский престол занял Франц I, поддержавший самые решительные действия против Франции. Война становилась неизбежной. 20 апреля 1792 г. Людовик XVI предложил Национальному собранию объявить войну «королю Венгрии и Богемии», т. е. не давая формальный повод для вступления в конфликт ни прусскому королю, ни немецким князьям Священной Римской империи. Это предложение было одобрено большинством Собрания, и уже 28 апреля французские войска вступили на территорию Бельгии. Однако эта кампания оказалась неудачной. Между полками старой французской армией и батальонами добровольцев не было должного взаимодействия. В командовании царил неразбериха. Надежды на возобновление бельгийской революции не оправдались. Французская армия начала откатываться к границам. 6 июля в войну вступила Пруссия. К Рейну подошла армия под командованием герцога Брауншвейгского, а также корпус французских эмигрантов принца Конде. 11 июля 1792 г. Национальное собрание было вынуждено принять декрет «Отечество в опасности» и объявить мобилизацию национальной гвардии. Герцог Брауншвейгский ответил весьма резким манифестом, обращенным «к французам» и объясняющим цели союзных войск: «положить конец анархии, пресечь нападки на трон и алтарь, восстановить законную власть». 30 июля его войска покинули Кобленц и двинулись к границам Франции.

Нарастание внешней угрозы стало одним из поводов парижского восстания 10 августа и прихода жирондистов к власти. Во Франции начал формироваться республиканский режим. Все более влиятельной политической силой становились радикальные группировки, в том числе сторонники М. Робеспьера из Якобинского клуба и эбертисты. В сложившихся условиях армия оказалась полностью дезорганизована. Генералам Демурие и Келлерману не удалось завершить перегруппировку войск у границы, и уже 23 августа пруссаки заняли стра-

тегически важную крепость Лонгви. 2 сентября французы оставили крепость Верден, после чего путь к Парижу оказался открыт. Национальное собрание призвало к чрезвычайным мерам для организации обороны. Париж оказался охвачен волной террора. Но на фронт отправлялись все новые и новые батальоны добровольцев. Дюмурие удалось соединить три французские приграничные армии и добиться численного превосходства над пруссаками.

20 сентября 1792 г. противники заняли позиции у поселка Вальми. После ожесточенной артиллерийской перестрелки ни одна из сторон не решилась атаковать. Спустя десять дней прусская армия начала отступление. Но еще до этого вновь образованная французская армия генерала Кюстина переплыла границы Франции и 24 сентября вторглась в рейнские княжества духовных курфюрстов. Армия Дюмурие вступила в Бельгию и 6 ноября разгромила австрийский корпус в битве при Жемаппе. В эти же дни армия генерала Монтезкью захватила Савойю и Ниццу, которые вскоре были присоединены к Франции. После бурных прений Национальный Конвент принял решение поддерживать на оккупированных территориях революционное движение, проводить отмену феодальных прав и привилегий, создавать временные органы гражданской власти. Был провозглашен лозунг «Мир — хижинам, война — дворцам». Революционные войны приобрели наступательный характер. Судебный процесс над Людовиком XVI и казнь короля 21 января 1793 г. окончательно уничтожили саму возможность примирения республиканской Франции с феодальной Европой.

В течение февраля-марта 1793 г. почти все европейские страны, кроме Швейцарии и Дании, разорвали дипломатические отношения с Францией. После жесткой антифранцузской речи в Палате общин английского премьер-министра У. Пита и инцидентов с французскими дипломатами в Амстердаме и Мадриде Конвент 1 февраля объявил войну Англии и Голландии, а 7 марта — Испании. 11 февраля Англия официально объявила «состояние войны с Францией», а 22 марта германский рейхстаг объявил Франции войну от имени всей Германской империи. Так сложилась первая антифранцузская коалиция в составе Австрии, Пруссии, Англии, Испании, Сардинского королевства и королевства Обеих Сицилий, большинства германских княжеств (1792-1793). Политически коалицию поддержала и Россия. Однако вместо активных действий против Франции лидеры

коалиции оказались увлечены совершенно иным вопросом — проектами нового раздела Польши.

Попытка Речи Посполитой присоединиться к антироссийскому Тройственному союзу в начале 90-х гг. XVIII в. вызвала недовольство в Петербурге, а ее пассивность в роли союзника была вполне «оценена» в Берлине. Провозглашение в Польше конституции окончательно дискредитировало ее в глазах европейских монархов. Уже в октябре 1791 г. в Яссах, главной резиденции Г.А. Потемкина, были собраны польские магнаты, выступавшие против короля Станислава Августа. Вскоре они образовали Тарговицкую конфедерацию, от имени которой в Польшу были призваны русские войска. Под угрозой вторжения Екатерина II вынудила Станислава Августа признать Тарговицкую конфедерацию. Со своей стороны и Пруссия проявила заинтересованность в решении «польского вопроса». В июле 1792 г. Фридрих-Вильгельм II обсудил эту проблему с императором Францем на конференции в Майнце, а в декабре с предложениями Пруссии согласилась и Екатерина II. 23 января 1793 г. Россия и Пруссия подписали договор о втором разделе Польши. В соответствии с ним Пруссия получала Гданьск, Торунь, часть Великой Польши по рекам Варта и Висла (всего 58 тыс. кв. км). К России отошла Белоруссия и Правобережная Украина (т.е. Украина к западу от Днепра), всего 250 тыс. кв. км.

Используя пассивность противника, французская армия под командованием Дюмурье вторглась с территории Бельгии в Голландию (16 февраля 1793 г.). Однако момент для наступления был выбран очень неудачно. Добровольцы массово покидали войска и возвращались домой. Численность армии только с декабря по февраль сократилась почти вдвое. В феврале, в соответствии с декретом об «амальгаме» (слиянии), началась военная реформа — объединение старых линейных полков с батальонами волонтеров. Это была важнейшая мера по укреплению боеспособности французской армии, однако она требовала времени. В результате, голландская кампания Дюмурье завершилась полным фиаско. Захватив несколько приграничных крепостей, французская армия была затем разбита австрийцами при Неервиндене (18 марта) и Лувене (21 марта). После этих поражений Дюмурье перешел на сторону противника и даже попытался повернуть свои войска на Париж. Этот план не удался, но уже к концу марта французам пришлось оставить и Бельгию, и левый берег Рейна.

Поражение в Бельгии, измена популярнейшего генерала республики, начало контрреволюционного крестьянского восстания в Вандее привели к усилению влияния в Конвенте якобинцев. Исполнительная власть, в том числе руководство внешней политикой, было передано Комитету общественного спасения. Под влиянием одного из руководителей Комитета Дантона уже в апреле был принят декрет о невмешательстве Франции во внутренние дела других государств. Это означало отказ от «экспорта революции» и переориентацию Франции на сугубо дипломатическую борьбу. В дальнейшем Дантон попытался широко использовать методы «тайной дипломатии» с целью внести раскол в коалицию и привлечь на сторону Франции нейтральные державы. После прихода к власти якобинцев в результате восстания 31 мая 1793 г. подобная политика была продолжена. Однако сколько-нибудь серьезных результатов она не принесла.

К осени 1793 г. республика сохраняла официальные дипломатические отношения лишь с США и Швейцарией. Между тем, войска стран коалиции уже в конце июля перешли границы Франции. Австрийцы овладели Валансьеном, пруссаки — Майнцем, англичане осадили Дюнкерк, войска Пьемонта заняли Савойю, а испанцы развивали наступление в направлении Байонны. Английской флот начал блокировать все французские порты, перехватывая суда даже нейтральных стран. 29 августа командование военно-морской базы Тулон передало англичанам весь средиземноморский флот Франции и сдало укрепления крепости. В самой Франции ширилась гражданская война — из 83 департаментов восстание распространилось на 60. В этой сложнейшей обстановке Конвент принял решение о всеобщей мобилизации. Под руководством Ж. Карно были осуществлены новые мероприятия по реформированию армии, в том числе усилена дисциплина, обновлен командный состав, завершена «амальгама» волонтерских батальонов и линейных частей, созданы новые армейские соединения — дивизии, с усиленными кавалерийскими и артиллерийскими подразделениями. Конвент мобилизовал все возможные средства для налаживания производства оружия и пороха. Так рождалась новая армия, где новейшие технические достижения сочетались с передовой тактикой, высокий боевой дух — с прочной дисциплиной и отлаженной организацией. Не замедлили прийти и первые успехи на полях сражений. В сражении 6-8 сентября 1793 г. французам

удалось разгромить английский корпус, осаждавший Дюнкерк, а 15-16 октября в сражении у деревни Ваттиньи было нанесено поражение австрийской армии герцога Кобургского. В этих операциях отличились молодые генералы республики Журдан и Гош. Армии Келлермана удалось в октябре 1793 г. отгеснить пьемонтцев и испанцев из южных районов Франции. 19 декабря после длительной осады был взят Тулон.

В ходе весенне-летней кампании 1794 г. французская армия перешла в наступление. Основные военные действия развернулись на франко-бельгийской границе где Северная армия генерала Пишгрю разбила австрийцев под Туркуэном (18 мая), а затем отгеснила главные силы принца Кобургского за Шарлеруа. 26 июня французские войска под командованием Журдана одержали победу в генеральном сражении близ селения Флерюс. После этого началось быстрое отступление австрийских, голландских и английских войск. 8 июля французами был взят Брюссель. 27 июля — Антверпен и Льеж. Прусская армия приняла в кампании 1794 г. самое незначительное участие. Она почти беспрепятственно позволила французам развивать наступление за Рейном. 6 июля французские части вступили в Кельн, 8 июля — в Бонн, а затем и в «эмигрантскую столицу» — Кобленц.

Пассивность Пруссии в отношении своих союзнических обязательств во многом объяснялась новым витком польского кризиса. В марте 1794 г. в Польше началось национальное восстание под руководством Т. Костюшко. Полякам удалось одержать несколько побед над русскими и прусскими войсками. Лишь осенью 1794 г. армия под командованием А.В. Суворова сумела подавить восстание. После длительных переговоров было достигнуто соглашение между Россией, Пруссией и Австрией об окончательном разделе Польши. 3 января 1795 г. был подписан соответствующий русско-австрийский договор, а 24 октября Россия, Пруссия и Австрия подписали конвенцию о демаркации новых границ. К России отошла Западная Белоруссия, Литва, Курляндия (120 тыс. кв. км), к Австрии — 47 тыс. кв. км с Западной Украиной и Краков, к Пруссии — 48 тыс. кв. км с Варшавой. Специальная петербургская конвенция от 26 января 1797 г. обязывала не употреблять болсе и само название «Королевство Польское».

Несмотря на военные успехи, достигнутые в 1794 г., якобинский режим шел к своему краху. Террористическая дикта-

тура М. Робеспьера стала вызывать страх и ненависть в самых различных социальных слоях и среди представителей почти всех политических течений. 27 июля 1794 г. (9 термидора) часть членов Конвента обвинила Робеспьера и его окружение в «тирании» и провела декрет об их аресте. На следующий день Робеспьер и его ближайшие сторонники были казнены. Термидорианский переворот еще больше усугубил внутривнутриполитическую нестабильность во Франции. Однако ее международное положение оставалось вполне благоприятным.

В декабре 1794г.г. семнадцатимесячное наступление французских армий завершилось успешным вторжением в Голландию. 19 января 1795г. французы вступили в Амстердам. Власть штатгальтера была свергнута, и в Голландии образовалась Батавская республика.

От дальнейшей экспансии новое французское правительство отказалось, выдвинув принцип сохранения «естественных границ» страны (по Рейну, Альпам и Пиренеям). 9 февраля 1795 г. был заключен мирный договор между Францией и Тосканой. 5 апреля — между Францией и Пруссией. По франко-прусскому договору Франция получала право продолжать оккупацию левого берега Рейна до установления окончательных мирных отношений между нею и Германской империей. На Пруссию возлагалась обязанность гарантировать нейтралитет северогерманских государств, что фактически означало признание ее протектората над этими государствами. 16 мая в Гааге был подписан договор Франции с Батавской республикой. По нему Франция получала голландскую Фландрию, Маастрихт и Венло. Обе республики вступали в оборонительный и наступательный союз до окончания войны. 22 июля был подписан мирный договор между Францией и Испанией, по которому Франция возвращала занятые ею испанские территории, но получала испанскую часть Сан-Доминго. Испания обязалась также заключить союзный договор с Францией, что и было сделано год спустя (18 августа 1796 г.). И, наконец, декретом Конвента от 1 октября 1795 г. к Франции была присоединена Бельгия.

Несмотря на распад первой антифранцузской коалиции, Англия и Австрия пытались продолжить борьбу против революционного режима. В 1795 г. союз с ними заключила Россия. Екатерина II предполагала даже отправить на Рейн корпус под командованием Суворова. Однако ее смерть в 1796 г.

и восшествие на престол Павла I приостановило реализацию этого проекта. В самой Франции после изменения конституционного строя в 1795 г. реальная власть перешла к Директории, лавировавшей между различными политическими силами внутри страны. В последующие годы внешняя политика Франции становилась все более агрессивной. Первоначально контроль над дипломатией сосредоточился в руках армейских генералов, а в 1797 г. министерство иностранных дел возглавил Ш.-М. Талейран — один из самых изобретательных и талантливых дипломатов своей эпохи. Директория возобновила уже традиционные попытки вытеснить Габсбургов из Северной Италии, а также упрочить французское влияние в Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

В ходе кампании 1796 г. перед французскими армиями была поставлена задача сломить сопротивление Австрии и Англии. Главный удар предполагалось нанести в Южной Германии силами армий Моро и Журдана. Итальянский фронт рассматривался как вспомогательный, и там была сосредоточена малочисленная армия под командованием молодого генерала Наполеона Бонапарта. Гош готовил высадку десанта в Ирландию. Однако все эти проекты провалились. Австрийский эрцгерцог Карл сумел нанести чувствительное поражение армиям Моро и Журдана, отбросив их за Рейн. Успех сопутствовал лишь Бонапарту, который в битве при Монтеотто (12 апреля) разгромил австрийский корпус, а затем в двух сражениях при Миллезимо и Мондови (14 и 22 апреля) нанес поражение пьемонтской армии. Пьемонт был выведен из войны и заключил мирный договор, по которому Франция возвращалась Савойя и Ницца.

Развивая успех армия Бонапарта разгромила основные силы австрийцев в битве при Лоди (10 мая) и 15 мая вступила в Милан. В течение лета и осени 1796 г. французы успешно маневрировали в Северной Италии и постепенно оттесняли австрийцев на восток. В ожесточенных сражениях у Кастильоне (5 августа), при Арколе (15-17 ноября) и Риволи (14-15 января 1797 г.) Бонапарт нанес тяжелые поражения противнику и обеспечил полный контроль не только над Северной, но и Центральной Италией. Герцогство Пармское и Венецианская республика были оккупированы французской армией. Папа Пий VI заключил перемирие с Бонапартом, выплатив 15 млн франков и согласившись на отторжение ряда территорий от папского государства. В декабре 1796 г. конгресс в Реджо провозгласил со-

здание Циспаданской («до реки По») республики на территориях Модены, Болоньи и Феррары, восставших против папской власти. В Ломбардии была провозглашена Транспапанская («за рекой По») республика. В июле 1797 г. два эти марионеточные государства объединились в единую Цизальпийскую республику. Незадолго до этого в Генуе была провозглашена Лигурийская республика, также зависимая от Франции.

Итальянская кампания Бонапарта завершилась уже в 1797 г. В марте ему удалось нанести несколько поражений австрийским войскам под командованием эрцгерцога Карла. Французы оказались уже в 150 км от Вены. Императору Францу пришлось согласиться на заключение перемирия (Леобенский договор от 18 апреля 1797 г.). Окончательно мирный договор был подписан 17 октября 1797 г. в Кампо-Формио. По его условиям Австрия отказалась от Бельгии и Ломбардии, а также делила с Францией венецианскую территорию (к Франции из ее состава отошли Ионические острова, Австрии — Венеция, Истрия и Далмация). Кроме того, Австрия обязалась поддержать притязания Франции на левый берег Рейна. Этот вопрос был урегулирован в конце 1797 г. на конгрессе в Раштадте.

В 1798 г. Директория продолжила политику формирования пояса «дочерних республик». Используя как повод восстание в папском государстве, армия Бертье в феврале вступила в Рим, и уже вскоре Пий VI был лишен светской власти. 20 марта была провозглашена Римская республика. Тот же сценарий повторился в Швейцарии, где восстание в одном из кантонов стало предлогом к вторжению французской армии и установлению Гельветической республики. При этом часть территории Швейцарии, в том числе Женева и Базель, была присоединена к Франции. В июне 1798 г. Франция «оказала помощь» республиканскому восстанию в Пьемонте. Король Карл-Эммануил IV был вынужден отречься от престола. Была образована Пьемонтская республика, которая уже в феврале 1799 г. вместе с герцогством Тоскана оказалась присоединена к Франции. Но главной задачей Директории оставалась борьба против Англии. Талейран разработал масштабный стратегический план, предусматривающий занятие Мальты и Египта, строительство канала через Суэцкий перешеек, привлечение на свою сторону Турции и Персии. Эти шаги должны были позволить Франции не только получить контроль над Восточным Средиземноморьем, но и реально угрожать английскому господству в Индии.

Командование египетской экспедицией было поручено Бонапарту.

19 мая 1798 г. эскадра Бонапарта вышла из Тулона. Счастливо избежав встречи с английским флотом под командованием адмирала Г. Нельсона, французы захватили Мальту и 2 июля высадились в Египте. Бонапарт взял штурмом Александрию и предпринял рискованный поход через пустыню в направлении Нила. 10 июля начались стычки с мамлюкской кавалерией, а 21 июля близ Каира (битва у пирамид) Бонапарт разгромил основные силы мамлюков. Спустя три дня он торжественно въехал в столицу Египта. Однако триумф оказался преждевременным. 1 августа английский флот уничтожил французскую эскадру в бухте Абукир. Армия Бонапарта оказалась заперта в Египте.

Вдохновленный успехами адмирала Нельсона в Средиземном море неаполитанский король Фердинанд IV предпринял наступление против Римской республики. 27 ноября 1798 г. Рим был захвачен и разграблен. Однако французской армии генерала Шампийонне удалось перейти в контрнаступление и рассеять противника. Путь к Неаполю был открыт. В самом королевстве началась революция. Фердинанд IV бежал на Сицилию под защиту английского флота. В Неаполь вступили французы. 23 января 1799 г. здесь была провозглашена Парthenопейская республика. Эти события, а также египетская экспедиция Бонапарта дали толчок для формирования второй антифранцузской коалиции. Основу ее первоначально составил русско-турецкий союз. Турция объявила войну Франции еще в мае 1798 г. Действия Бонапарта в Египте лишь укрепили воинственность султана. В свою очередь, Павел I, являвшийся Великим магистром Мальтийского ордена, воспринял французский захват Мальты как личное оскорбление и вызов России. В июле 1798 г. в Средиземное море была направлена эскадра адмирала Ф.Ф. Ушакова. 3 января 1799 г. заключен русско-турецкий договор, по которому средиземноморские проливы были открыты для русского флота, а обе страны обязались оказывать взаимную поддержку в борьбе против Франции. К этому союзу присоединились Неаполитанское королевство и Англия. Австрия согласилась пропустить через свою территорию русские войска, направленные в Италию. Когда же Директория 12 марта 1799 г. объявила ей войну, Австрия заявила о своем непризнании решений Раштадского конгресса. Пруссия и имперские немецкие княжества в этой ситуации предпочли остаться нейтральными.

Основными театрами военных действий в 1799 г. стали Египет, Италия, Южная Германия и Швейцария. Зная о подготовке двух мощных турецких армий — Дамасской и Родосской — Бонапарт предпринял в начале 1799 г. поход в Сирию. Здесь французам удалось неожиданно легко разгромить Дамасскую армию, однако длительная осада Акры завершилась неудачей. Вернувшись в Египет, Бонапарт сумел нанести поражение в битве при Абукире второй турецкой армии (25 июля 1799 г.). Вслед за этим Бонапарт отправился во Францию, оставив свою 30-тысячную армию в Египте еще на два года. Благодаря новости о победе под Абукиром он был встречен как национальный герой. Бонапарт стал главным действующим лицом в государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), в результате которого во Франции был установлен режим консулата.

На итальянском театре военных действий французы испытывали еще большие трудности. В феврале эскадре Ушакова, усиленной турецкими кораблями, удалось захватить Ионические острова. Развивая успех, союзный флот взял под контроль побережье Южной Италии. 3 июня был захвачен Неаполь. Дальнейшее наступление английского десантного корпуса при поддержке русских подразделений увенчалось капитуляцией Рима. С середины марта военные действия начались и в Северной Италии. Здесь австрийская армия фельдмаршала Меласа достаточно пассивно противостояла французской армии под командованием генерала Шерера. На помощь Шереру из Центральной Италии двигалась армия Макдональда. Ситуация резко изменилась после прибытия двух русских корпусов под командованием Суворова. В битве при Адде (26-28 апреля) Суворову удалось разгромить сменившего Шерера генерала Моро и обеспечить беспрепятственное вступление в Милан. Не давая двум французским армиям соединиться, Суворов быстрыми маневрами вынудил их вступить в сражение поодиночке. 17-19 июня в битве на реке Треббии была разгромлена армия Макдональда, а 15 августа в сражении при Нови поражение потерпел и преемник Моро генерал Жубер. Под контролем французов оставалась лишь Генуя. Цизальпийская республика была ликвидирована, Ломбардия вернулась в состав Австрии, а в Турине восстановилась власть Карла-Эммануила IV.

В Южной Германии австрийскому эрцгерцогу Карлу удалось разбить французскую армию генерала Журдана в битве при Штоках (25 марта). Вслед за этим, при поддержке русского корпуса Римского-Корсакова, австрийцы атаковали армию Массены в Швейцарии. Боевые действия здесь шли с переменным успехом. Французам даже удалось выиграть сражение под Цюрихом (4 июня), но в дальнейшем они были вынуждены отступить. 27 августа англо-русский десантный корпус под общим командованием герцога Йоркского высадился в Голландии. На сторону союзников перешел флот Батавской республики. Стремясь развить стратегический успех, австрийская армия эрцгерцога Карла двинулась из Швейцарии к Майнцу. Для поддержки корпуса Римского-Корсакова в Швейцарию должен был передислоцироваться Суворов. Это план не учитывал численное преобладание французов. Невероятный по своему драматизму переход суворовской армии через Альпы не принес результата. Еще до соединения русских войск Массене удалось разгромить корпус Римского-Корсакова. Дальнейшие бои в Швейцарии шли с переменным успехом и не имели большого значения. Не получили развития события и на голландском театре военных действий. В сражении под Бергеном англо-русские войска потерпели поражение и были вынуждены эвакуироваться в Англию (18 октября).

Таким образом, к началу 1800 г. стратегическая обстановка выровнялась, хотя Франция практически утратила все завоевания в Италии. Бонапарт, вступив в должность первого консула, демонстративно обратился к ведущим державам коалиции с предложением о мирных переговорах. Георг III и Франц II ответили отказом. Совершенно иначе прореагировал русский император. Павел I был разъярен «предательством» и «коварством» австрийцев. Захват же англичанами Мальты окончательно разрушил веру императора в союзников. Русским войскам было приказано возвращаться из Европы домой. Одновременно начались дипломатические контакты между Парижем и Петербургом. Бонапарт и Талейран хитроумно играли на чувствах экзальтированного русского монарха. Павлу были переданы знаки магистра Мальтийского ордена. Русские пленные во Франции были не только освобождены, но и получили новое вооружение и обмундирование. В личных письмах первый консул патетично призывал Павла I использовать все силы для установления в Европе прочного мира. Возник даже

грандиозный план совместного похода в Индию. Однако гибель Павла I 11 марта 1801 г. не позволила заключить многообещающий русско-французский союз.

Весной 1800 г. положение французской армии Массены, осажденной в Генуе, стало критическим. В мае Бонапарт принял свой второй итальянский поход. Во главе 40-тысячной армии он неожиданным броском преодолел Альпы и отрезал путь отступления австрийцам от Генуи на юг. 4 июня Массене пришлось таки капитулировать, но ситуацию это уже не изменило. 14 июня у селения Маренго Бонапарт разгромил превосходящие силы австрийцев и вынудил их подписать перемирие. Австрийская армия была отведена за реку Минчио, а Цизальпийская и Лигурийская республики восстановлены. Возобновление военных действий в конце 1800 г. не принесло австрийцам успеха. Была разгромлена и союзная им неаполитанская армия. Корпус генерала Мюрата совершил рейд до самого Неаполя. Одновременно рейнская армия Моро нанесла поражение австрийцам в сражении у Гогенлиндена (3 декабря 1800 г.). Южная Германия вновь оказалась под контролем французов, и Франц II признал свое поражение. 9 февраля был заключен Люневильский мирный договор, в соответствии с которым к Франции переходили левый берег Рейна, Бельгия и Люксембург, Австрия признавала все «дочерние» республики Франции, но сохраняла Истрию, Далмацию и Венецию. Для того, чтобы укрепить политическую стабильность в Италии, Бонапарт отказался от восстановления республик в Риме и Неаполе. Он признал светскую власть папы Пия VII, а также заключил выгодный мирный договор с неаполитанским королем Фердинандом IV. Но восстановления Савойской династии в Пьемонте Бонапарт не допустил (в сентябре 1802 г. Пьемонт был включен в составы Франции). Оставшись без союзников, Англия была вынуждена согласиться на примирение. Предварительные условия мира были подписаны уже 1 октября 1801 г.

Амьенский мирный договор между Францией, Англией, Испанией и Батавской республикой от 27 марта 1802 г. завершил эпопею революционных войн. Позднее к договору присоединилась и Турция. В соответствии с условиями Амьенского договора Англия возвращала Франции и ее союзникам все захваченные колонии (кроме голландского Цейлона и испанского Тринидада), а также должна была передать остров Мальту под контроль ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Французские

войска выводились из Рима, Неаполя и Египта. Владения Турции гарантировались в довоенных границах. При этом Англия не приняла обязательства признавать «естественные» границы Франции по Рейну и легитимность французских «дочерних» республик. Амьенский мир, который во Франции пропагандировался как «вечный», оказался лишь прологом к новой эпопее войн — наполеоновских.

Дипломатия и войны Первой империи

Заключение Амьенского мира лишь на короткое время снизило напряженность в международных отношениях. Франция упорно стремилась к роли континентального лидера, а Англия всеми силами противодействовала подобному развитию событий. Их новососедство было неизбежно. Прологом к нему стали активные внешнеполитические акции Франции в 1802-1803 гг. К ее территории были присоединены Пьемонт, Парма и остров Эльба. Франция выступила посредником во время гражданской войны в Швейцарии, что закончилось ликвидацией Гельветической республики, восстановлением Швейцарии как союза кантонов и провозглашением Бонапарта ее «медиатором». Под давлением Парижа в марте 1803 г. были упразднены 112 мелких германских княжеств — их территория отошла к Пруссии, Баварии, Бадену и Вюртембергу, из которых Париж пытался создать противовес Австрии. Со своей стороны и Англия, в нарушение своих обязательств, не торопилась с эвакуацией войск с Мальты. Развязка наступила в мае 1803 г., когда английский посол покинул Париж. Англо-французская война началась с массового захвата англичанами французских и голландских судов и грузов в самых различных портах Европы. Бонапарт ответил наложением эмбарго на торговлю с Англией и подготовкой десантной операции в военном лагере в Булони. В действительности, угроза для Британских островов была невелика, поскольку превосходство английского флота в Ла-Манше оставалось подавляющим. Дальнейшее развитие событий во многом зависело от положения на «дипломатическом фронте», где к этому времени появился еще один активный «игрок».

Восшествие на российский престол молодого монарха Александра I и его активное увлечение в первые годы царствования

проектами внутренних реформ значительно снизили внешнеполитическую активность России. К 1804 г. ситуация начала меняться. Деятельность «молодых реформаторов» не принесла заметных успехов, а общественное мнение в России постепенно приобретало все более протестный характер. Сам Александр в эти годы явно тяготел к прожектерству и в мечтах видел себя вершителем исторических судеб Европы. Его юношеское преклонение перед Бонапартом уже сменилось глубоким недоверием, и в начале 1804 г. последовала первая попытка вовлечь Россию в противоборство с французской экспансией. В ходе секретной поездки Н.Н. Новосильцева в Лондон английскому правительству было предложено поддержать глобальный проект — создание континентальной «системы равновесия» с многосторонней дипломатией общеевропейских конгрессов. Александр I рассчитывал, что Франция будет вынуждена примириться с таким положением дел, поскольку лишится роли «освободительницы народов». Однако события шли по совершенно иному руслу. Виной послужил трагический инцидент с молодым герцогом Энгиенским из дома Конде. Он был захвачен на территории нейтрального Бадена, препровожден в Париж, судим военным трибуналом по подозрению в подготовке покушения на Бонапарта и спешно расстрелян. Эта казнь вызвала бурю негодования при всех европейских дворах. Бонапарт со своей стороны отреагировал необычайно остро и занял совершенно непримиримую позицию. К тому же в это время происходила радикальная реформа французского государственного устройства — уже 18 мая 1804 г. Бонапарт был провозглашен «императором французов» под именем Наполеона I.

Провозглашение французской империи стало первым ярким проявлением политики, получившей впоследствии название «бонапартизма». В основе ее лежала идея «Величия Франции», рожденная еще в эпоху «короля-солнца» Людовика XIV и получившая черты национальной идеологии в воззрениях Ж.Ж. Руссо. Бонапартизм дополнил ее особым пониманием политического «порядка». Сам Наполеон любил говорить о «гелеоцентрическом» принципе политики — в общественном организме правящие институты должны быть уподоблены «солнцу», вокруг которого вращаются остальные «планеты». В единовластии он видел не сосредоточение сверхполномочий, а естественное средство борьбы против общественного «эгоизма» и «анархии». Вполне целесообразным представлялся

Наполеону и перенос соответствующих принципов на международную арену — Франция должна была стать «светилом» новой «космической системы», центром единой Западной империи, управляющей судьбами мира, федерации государств со сходными политическими формами и социальным законодательством, единым экономическим пространством и четкой иерархией внутренних взаимоотношений.

К своей цели Наполеон шел бесцеремонно, не видя в европейских монархах достойных противников. В марте 1805 г. он провозгласил себя королем Италии и присоединил к Франции Геную и Луку. Эти события ускорили создание третьей антифранцузской коалиции. 11 апреля 1805 г. был заключен англо-русский союзный договор с целью возвращения Франции к границам по Рейну, Альпам и Пиренеям. В августе к коалиции присоединилась Австрия и Неаполитанское королевство, в сентябре — Турция, Швеция, Дания и королевство обеих Сицилий формально в коалицию не вошли, но подписали союзные договоры с Россией. Пруссия заняла уклончивую позицию.

Уже самое начало кампании 1805 г. продемонстрировало уникальную организованность и боеспособность наполеоновской армии. В сентябре австрийская армия генерала Мака вторглась в Баварию, курфюрст которой являлся союзником Франции. На соединение с нею двигались две русские армии под командованием М.И. Кутузова и Ф.Ф. Буксгевдена. Казалось, что союзникам ничто не угрожает, поскольку армия Наполеона находилась в это время в Булонском лагере. Но уже 25 сентября французы переплыли Рейн, преодолев за 28 дней более 600 км. В октябре, переправившись через Дунай, Наполеон заставил австрийцев втянуться в военные действия, не дожидаясь подхода русских армий. Причем до решающего сражения так и не произошло. Французы блокировали армию Мака в районе Ульма и вынудили ее капитулировать 20 октября. Одержанная буквально на следующий день блестящая победа адмирала Нельсона над франко-испанским флотом под Трафальгаром не имела в этой ситуации стратегического значения. Русские войска остались один на один с грозным противником. Кутузов попытался оттянуть столкновение с основными силами французов и, отступая, вел тяжелые арьергардные бои. В Ольмюце обе русские армии, а также часть австрийских войск соединились, готовясь к генеральному сражению. Столкновение с французами произошло 2 декабря близ Аустерлица (Мора-

вия). Численному превосходству русско-австрийских войск Наполеон противопоставил блестящее маневрирование и сосредоточение ударных сил на направлении основных ударов. Аустерлицкое сражение завершилось сокрушительным поражением союзников, потерявших 27 тыс. человек.

Победа при Аустерлице превратила Наполеона в полноправного хозяина Центральной и Южной Европы. Третья антифранцузская коалиция распалась — Австрия была вынуждена заключить Пресбургский мирный договор (26 октября), в соответствии с которым признавала все завоевания Наполеона, уступала Итальянскому королевству Венецию, Истрию и Далмацию, признавала преобразование Баварии и Вюртемберга в королевства и передавала им часть своих территорий в юго-западной Германии. 27 декабря 1805 г. Наполеон объявил о низложении неаполитанской династии и вскоре возвел на неаполитанский престол своего брата Жерома. В июне 1806 г. Батавская республика была преобразована в Голландское королевство, престол которого получил еще один брат Наполеона — Луи. 12 июля 1806 г. под протекторатом Наполеона был создан Рейнский союз, объединивший Баварию, Баден, Вюртемберг и еще 13 немецких княжеств. После выхода этих государств из состава Священной Римской империи Франц II сложил с себя полномочия императора (6 августа 1806 г.), а сама империя перестала существовать.

Контролируя значительную часть Европы, Наполеон получил возможность использовать против Англии новое мощное оружие — 21 ноября 1806 г. был принят декрет о «континентальной блокаде», вводивший запрет на любые торговые отношения с Англией. Не менее важной дипломатической победой Наполеона стало радикальное изменение внешнеполитического курса Турции. С августа 1806 г. между двумя странами были установлены дружественные отношения, что не замедлило негативно отразиться на русско-турецких отношениях. Развязка наступила в конце 1806 г., когда русские войска вступили в Молдавию и Валахию. В декабре Турция объявила войну России, а в январе 1807 г. разорвала отношения с Англией. Весной 1807 г. французская дипломатия начала активно действовать и в Персии.

Активная перекройка политической карты Европы, осуществляемая Наполеоном, заставила Пруссию присоединиться к России и Англии. 1 июля 1806 г. Фридрихом Вильгельмом III была

подписана секретная декларация о намерениях противодействовать французской экспансии. Так сложилась уже четвертая антифранцузская коалиция, к которой англичанам удалось привлечь и Швецию. Верный своей стратегии, Наполеон попытался разгромить противника по одиночке. В один и тот же день, 14 октября 1806 г., на территории Саксонии произошли два сражения: Наполеон при Иене разбил корпус князя Гогенлоэ, а маршал Даву при Ауэрштедте разгромил основные силы прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского. 27 октября Наполеон вступил в Берлин. Фридрих-Вильгельм III бежал в Кенигсберг под защиту русских войск.

Русская армия вновь осталась без союзника. Но Александр I не думал о примирении с Францией. Более того, указом от 28 ноября 1806 г., впервые после «антиякобинского указа» 1793 г. Екатерины II, из России высылались все граждане Франции. Было заявлено об угрозе национальным границам и начато формирование губернского ополчения (мера бесполезная в военном отношении, но имевшая колоссальный психологический эффект). Апогеем франкофобии стал декабрьский указ Святейшего Синода, призывающий к борьбе с Наполеоном как «лже-миссией», «уличенным в идолопоклонстве, покровительстве иудеям и магометанам, гонителем веры Христовой». Экзальтация русского общества достигла невероятных масштабов. Но военные действия, происходившие на территории Польши, оказались неудачны. Переломным стало кровопролитное сражение при Прейсиш-Эйлау (7-8 февраля 1807 г.), где обе стороны потеряли до 40 тысяч человек. Вскоре корпус Мюрата вступил в Варшаву, а Лefевр захватил стратегически важный порт Данциг. Поражение русской армии под командованием Беннегсена в сражении при Фридланде (14 июня 1807 г.) завершило кампанию. При этом и русские, и французские войска были совершенно измотаны и обескровлены. Наполеон принял предложение Александра I о перемирии.

Личные переговоры двух императоров, единых в стремлении «посчитаться с коварным Альбионом», произошли в конце июня 1807 г. в Тильзите (первая встреча символично состоялась на плоту на пограничной реке Неман). 7 июля были заключены русско-французские договоры о мире и о союзе, а спустя два дня был подписан и прусско-французский мирный договор. В соответствии с их условиями Пруссия передавала все свои земли на левом берегу Эльбы в состав вновь со-

даваемого Вестфальского королевства, а польские земли — в состав создаваемого Варшавского герцогства. Белостокский округ подходил к России. Данциг объявлялся вольным городом под покровительством Пруссии и Саксонии. Кроме того, Пруссия присоединялась к континентальной блокаде без каких-либо дополнительных условий, а также выплачивала контрибуцию. Франция принимала на себя посредничество при заключении мира России с Турцией. В отдельных секретных статьях договора Россия обязывалась передать Франции бухту Каттаро, вывести войска из Молдовы и Валахии и признавала суверенитет Наполеона над Ионическими островами. В соответствии с союзным русско-французским договором стороны обязывались вести совместные действия в войне против любой европейской державы. Так же особо оговаривалось, что, если Великобритания не согласится до 1 ноября 1807 г. заключить мир, то Россия должна разорвать с ней дипломатические отношения и присоединиться к континентальной блокаде.

Условия Тильзитских договоров показывают, что оба императора пытались избежать принятия жестких обязательств в рамках нового альянса и обеспечить себе максимальную «свободу рук» в определении дальнейшего внешнеполитического курса. По сути, в Тильзите шла речь о выработке многовариантной стратегии союзнических отношений, которая должна была конкретизироваться в дальнейшем. В последующие месяцы Наполеон не форсировал дипломатический диалог со своим новым союзником. Британская дипломатия, напротив, предпринимала огромные усилия по развалу русско-французского союза. Однако эта активность привела к обратному результату. Французский посланник Р. Савари в Петербурге сумел инспирировать угрозу «заговора» против Александра, искусно смешав правду и вымысел, но представив в самом невыгодном свете английских дипломатов и главных противников тильзитского курса из высших петербургских сановников. Скандал завершился высылкой английского посла 26 октября и досрочным присоединением России к континентальной блокаде уже в начале ноября 1807 г.

Готовность Александра придать Тильзитскому союзу более прочные основания была связана и с началом новой русско-шведской войны. 1 февраля 1808 г. шведский король Густав IV ультимативно заявил русскому послу в Стокгольме о том, что примирение невозможно до тех пор, пока Россия удерживает

Восточную Финляндию. Пытаясь опередить шведов Александр I приказал армии Буксгевдена перейти границы Швеции и нанести поражение разрозненным силам противника. 15 февраля начались первые стычки между русскими и шведскими войсками на территории Финляндии. Успех сопутствовал Буксгевдену — после стремительного рейда казачьего отряда по льду Ботнического залива беспрепятственно был захвачен Гельсингфорс. 10 марта без боя сдался город Або, а 16 марта Александр I высочайшим манифестом объявил о присоединении Финляндии к Российской империи. Однако война затягивалась. Англия подписала с Швецией договор о ежемесячных субсидиях в 1 млн ф. ст. для борьбы с Россией и о своем участии в защите западной границы Швеции от французской угрозы.

Формирование англо-шведской коалиции значительно осложнило международное положение России. К тому же в борьбе на Балтике Россия не могла положиться на своего союзника Данию — еще в августе 1807 г. английская эскадра совершила неожиданное нападение на Копенгаген и уничтожила датский флот. Значимость союза с Францией в сложившихся условиях необычайно возросла. Наполеон, в свою очередь, предпринял в январе 1808 г. последние попытки установить политический диалог с Англией. Ответом стало необычайно резкое выступление Георга III в парламенте с антифранцузской речью. На этом фоне новости, привезенные Савари из Петербурга, оказались очень своевременными. Новый французский посол в России А. Коленкур получил приказ начать переговоры о реальных перспективах тильзитского союза.

Переговоры Коленкура с министром иностранных дел Н.П. Румянцевым проходили в марте 1808 г. В ходе их быстро выяснилось, что интересы двух империй сталкиваются прежде всего в Восточном вопросе. В ходе острых дискуссий постепенно стали вырисовываться контуры предполагаемых сфер влияния России, Франции и Австрии на Балканах и в Малой Азии. Но камнем преткновения оказалась судьба Константинополя и Дарданелл. Самые изощренные доводы и аргументы не помогли дипломатам выйти из этого тупика — становилось очевидным, что принцип «взаимосогласованной агрессивности» двух империй, положенный в основу тильзитского договора, ведет в их новому столкновению.

Александр I, очевидно, неплохо разбирался в природе возникших разногласий и не смущался фактическим срывом пе-

реговоров. Он считал, что личная встреча с Наполеоном, местом для которой был избран немецкий город Эрфурт, вполне может придать новый импульс союзу. В качестве своеобразного аванса указом Сената от 20 марта 1808 г. Александр наложил запрет на ввоз английских товаров в Россию. Однако реакция Наполеона оказалась неожиданной — вместо подготовки новой конференции с российским монархом он покинул Париж и инкогнито отправился в Байону. Причиной тому стали тревожные известия из Испании.

Весной 1808 г. в Испании началось восстание. Прологом к нему послужило вторжение французского корпуса под командованием генерала Жюно в Португалию в ноябре 1807 г. Португальский королевский двор покинул страну и отправился в Бразилию. Но под фактическим контролем французских войск оказалась и Испания. Когда 19 марта в Аранхуэсе вспыхнул народный бунт, престарелый король Карл IV Бурбон поспешил отречься от престола в пользу сына. Наполеон не признал отречение и объявил испанский престол «вакантным». Все члены испанской королевской семьи были вывезены в Байону, а испанская корона досталась Жозефу Бонапарту (его неополитанский престол занял И. Мюрат). Но кризис разрастался. Испания и Португалия оказались охвачены антифранцузским восстанием. В Португалии высадился английский экспедиционный корпус под командованием генерала Артура Уэлсли, будущего герцога Веллингтона. Жюно был разбит и военные действия переместились на территорию Испании.

Встреча Наполеона и Александра I в Эрфурте состоялась как раз в разгар испанских событий. К этому времени надежды русского императора на упрочение отношений с Францией сменились растущим недоверием к союзнику. Неприятное впечатление на Александра произвела и сама обстановка, царящая на конференции. В Эрфурт были приглашены многочисленные владетельные особы, признавшие сюзеренитет французского императора. Город захлестнула невиданная феерия роскошных приемов и военных парадов, балов и театральных представлений. Все это великолепие должно было, по замыслу Наполеона, продемонстрировать мощь и величие Французской империи. Но Александр был неприятно удивлен такой демонстрацией раболепия поверженной Европы. С удивлением Наполеон обнаружил в молодом императоре опытного, упорного, подозрительного противника. Это стоило ему тактического по-

ражения в ходе переговоров. В тексте новой союзной конвенции (14 октября 1808 г.) вопросы, интересующие Россию — утверждение ее границы по Дунаю, присоединение Финляндии, Молдавии и Валахии, снижение суммы прусской контрибуции — были оговорены предельно четко, а вот совместные обязательства по борьбе с Англией и Австрией, столь важные для Наполеона, звучали в самой общей форме и сопровождались многими оговорками. Для обеспечения надлежащей прочности пошатнувшегося альянса Наполеон приготовил новый козырь — проект своего брака с русской великой княжной (его брак с Жозефиной оказался бездетным, а для императора, собственными руками создавшего престол из обломков монархии, это было серьезной угрозой). Тайные переговоры с Александром по такому щекотливому вопросу Наполеон поручил Талейрану, не подозревая, что тот уже встал на путь предательства и начал использовать свои встречи с русским монархом для подрыва русско-французского союза. В итоге, Александр внешне вполне сочувственно отнесся к стремлению своего союзника породниться с русским императорским двором, но не дал никаких обещаний.

Эрфуртская конференция показала, что русско-французское сотрудничество так и не приобрело характер прочного союза. Однако оба императора охотно использовали даже формальные союзнические отношения для укрепления внешнеполитических позиций своих стран. Для России это развязывало руки в ведении войн со Швецией и Турцией. После первых успехов русской армии в Финляндии военные действия на этом направлении приобрели затяжной характер. Летом 1808 г. шведы при поддержке английского флота взяли под полный контроль Балтийское море, но уступили в нескольких сухопутных сражениях. С ноября по март обеими сторонами было заключено перемирие, а весной 1809 г. русская армия предприняла попытку внести перелом в ход кампании. Пройдя по льду Ботнического залива, русские отряды захватили Аландские острова и высадились на южном побережье Швеции. В это время в Стокгольме произошел государственный переворот. На престол взошел племянник Густава IV Карл XIII. Новый монарх поспешил заключить новое перемирие, но, когда русские войска вернулись в Финляндию, военные действия были возобновлены. В летние месяцы, вновь будучи отрезанной от морских коммуникаций, русская армия медленно развивала наступление в Центральной

Финляндии. Шведы отвечали небольшими десантными операциями, но силы их были истощены. После скоротечных переговоров 17 сентября 1809 г. был заключен Фридрихсгамский мирный договор, в соответствии с которым Финляндия и Аландские острова отходили к России, а Швеция обязывалась расторгнуть союз с Англией и присоединиться к континентальной блокаде.

Весной 1809 г. начался и новый этап русско-турецкой войны. Еще в августе 1807 г. между Россией и Турцией при посредничестве Франции было подписано перемирие. Однако предусмотренный его условиями вывод русских войск из Молдавии и Валахии так и не состоялся. Провал петербургских переговоров о разделе Турции и результаты Эрфуртской конференции заставил Александра I активизировать усилия на этом театре военных действий. Начало кампании было неудачным. Русские войска понесли тяжелые потери при штурме крепости Браилов, а переправившись в июле через Дунай, втянулись в серию мелких стычек с противником. Лишь после назначения главнокомандующим князя П.И. Багратиона были предприняты решительные действия по захвату стратегически важных турецких крепостей. Однако угроза подхода основных сил турецкой армии во главе с великим визирем заставила Багратиона вновь отвести войска за Дунай. В кампании 1810 г. русской армией командовал генерал Н.М. Каменский. Наиболее упорные бои происходили в июле-августе у осажденной крепости Русчук. Несмотря на одержанную победу русской армии вновь не удалось завоевать стратегическое преимущество, и к зиме она вернулась в Валахию.

7 апреля 1811 г. командование Молдавской армией принял генерал М.И. Кутузов. К этому времени политическая обстановка в Европе существенно изменилась. Новое столкновение России с Францией становилось все более реальным. Перед Кутузовым была поставлена задача не только внести перелом в военные действия, но и вывести Россию из затянувшейся войны. Тем не менее, Кутузов отказался от тактики фронтального наступления и осады крепостей. Сконцентрировав свои силы между Русчуком и Бухарестом, он дождался подхода турецкой армии Ахмеда-паши и дал генеральное сражение 22 июня 1811 г. Турки понесли в нем большие потери, но вынудили русскую армию отступить и оставить Русчук. В конце сентября ударные силы турецкой армии переправились через Дунай. Но

здесь они оказались заперты в ловушке — обратный путь был закрыт кораблями Дунайской флотилии, а турецкий лагерь на правом берегу разгромлен русским десантом. 25 октября окруженная турецкая армия капитулировала. После длительных переговоров 16 мая 1812 г. был подписан Бухарестский мирный договор, по условиям которого русско-турецкая граница устанавливалась по реке Прут до соединения его с Дунаем, а затем по руслу Дуная до Черного моря. В составе России остались принявшие ее подданство народы Закавказья, но захваченные в Азии крепости возвращались Турции.

Все внимание Наполеона после завершения Эрфуртской конференции было сосредоточено на Испании. Для «второй кампании» — осенью 1808 г. — здесь было сосредоточено более 250 тыс. солдат. Общее командование на себя взял сам император. Французам противостояла 2 5-тысячная английская армия под командованием генерала Д. Мура и многочисленные, но разрозненные испанские войска. Французам очень досаждали нападения партизан — они впервые оказались на войне, где, по словам Наполеона, «нет ни фронта, ни тыла». Впрочем, существенно изменить соотношение сил испанские партизаны, естественно, не могли. Активные военные действия начались в конце октября, и уже в ноябре Наполеону удалось нанести противнику несколько чувствительных поражений. Испанские армии были деморализованы, а англичане начали отступать в Португалию. 4 декабря был захвачен Мадрид, и на испанский престол вернулся Жером Бонапарт. Французы развернули фронтальное наступление и вынудили англичан эвакуироваться с Пиренейского полуострова в январе 1809 г. Однако решить «испанский вопрос» Наполеону так и не удалось. Уже в апреле 1809 г. в Португалии вновь высадилась английская армия под командованием А. Уэлсли и военные действия на Пиренейском острове затянулись еще на пять лет.

Весной 1809 г. в Европе сложилась пятая антифранцузская коалиция. Ее составили Австрия и Англия. Австрийская армия к этому времени уже оправилась после страшного разгрома при Аустерлице и значительно усилилась после реформ, проведенных эрцгерцогом Карлом. 9 апреля австрийцы перешли реку Инн и начали развивать наступление в Баварии. Однако уже после первых столкновений с французами австрийцам пришлось отойти за Дунай, уничтожая за собой переправы. Наполеон преследовал противника по правому берегу реки и беспрепятственно вступил 13 мая в Вену. Первая же попытка

французов переправиться через Дунай и навязать решающее сражение противнику завершилась неудачей. Из-за разрушения понтонных мостов близ острова Лобау корпуса Ланна и Массены оказались отрезаны от основных сил и разгромлены австрийцами в сражениях у селений Асперн и Эслинг (21-22 мая). Тем не менее, Наполеон сумел организовать переправу своей 170-тысячной армии и в тяжелейшем сражении у селения Ваграм нанес поражение 140-тысячной армии эрцгерцога Карла (5-6 июня). Военная мощь Австрийской империи была сломлена. 14 октября 1809 г. в Шенбрунне был подписан мирный договор, в соответствии с которым Австрия уступала Франции Триест, Крайну, Горицу, часть Каринтии и Хорватии, Баварии — Зальцбург и часть Верхней Австрии, герцогству Варшавскому — Краков и Люблин, России — Тарнопольский округ. Кроме того, Австрия выплачивала Франции контрибуцию, сокращала армию и присоединялась к континентальной блокаде.

Заключение Шенбрунского договора значительно ухудшило русско-французские отношения. В Петербурге были очень недовольны «подачкой» французского императора в виде Тарнопольского округа, хотя русская армия фактически не принимала участие в боевых действиях. Еще большую тревогу вызвало усиление герцогства Варшавского на границах России и беспрецедентное ослабление Австрии. Россия оказывалась все больше вытесняема на периферию континента, а Наполеон уже почти безраздельно властвовал над Европой. Его братья Жозеф, Луи и Жером являлись королями Испании, Голландии и Вестфалии, сын Жозефины Евгений Богарна стал супругом баварской принцессы, а брат Жером — вюртембергской. Многие маршалы Франции превратились во владетельных князей, а И. Мюрат даже стал королем неаполитанским. На этом фоне почти незамеченным осталось беспрецедентное событие — в мае 1809 г. к Франции было присоединено папское государство, а сам Пий VII оказался на положении пленника в Фонтенбло! Становилось очевидным, что следуя железной воле французского императора Европа приобретает совершенно новую политическую организацию. Россия, сохраняющая лишь формальный статус союзника, оказывалась слишком независимой и опасной для этого замысла.

Понимая необходимость упрочения отношений с Россией Наполеон в ноябре 1809 г. решил на откровенный полити-

ческий шантаж. Посланнику в Петербурге Коленкуру были предоставлены полномочия по заключению конвенции о Польше — с желанными для России обязательствами не восстанавливать Польшу и «уничтожить само имя ее в истории». Но одновременно Коленкур должен был прозондировать вопрос о женитьбе Наполеона на сестре русского императора Анне Павловне. Благодаря такому браку русско-французский союз стал бы династическим, а будущее французской империи оказалось бы тесно связано через наследника Наполеона с династией Романовых. Но Александр I решил разыграть собственную политическую партию. Всячески оттягивая решение по «брачному вопросу», он форсировал подготовку текста «польской конвенции». Уже 4 января текст конвенции был подписан и отправлен в Париж для ратификации. А ровно спустя месяц Коленкур получил мягкий, но недвусмысленный отказ в отношении перспектив брака — «по решению матери» Анна Павловна могла выйти замуж не ранее 18 лет (то есть только в 1812 г.).

В это время Париже события развивались по совершенно иному руслу. Объявив еще в декабре о разводе с Жозефиной, Наполеон стремился как можно скорее успокоить общественное мнение. Еще до получения известий из Петербурга он вынес вопрос о новом браке на заседание Государственного совета. Большинство сановников высказалось за династический брак с австрийской эрцгерцогиней. Развязка наступила 5 февраля, когда в Париж были доставлены текст «польской конвенции» и сообщение Коленкура об «отсрочке» решения по браку с великой княжной. На следующий же день австрийскому послу было сделано официальное предложение о браке Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой, а 7 февраля брачный договор без каких-либо дополнительных консультаций с Венной был подписан. Это решение разом изменило политическую атмосферу в Европе. И Александр, и Наполеон сочли себя крайне оскорбленными действиями «союзника». Отношения двух императоров с этого времени наполнились взаимным раздражением, обостренной подозрительностью и постоянными упреками. Что еще более важно, династический альянс Наполеона с Габсбургами не только реанимировал Австрию, но и уничтожил для России надежду «столковаться» с французским императором по поводу польского и турецкого вопросов. Франция превратилась в покровителя соперников России, и отказ Наполеона ратифицировать «польскую конвенцию» стал первым дока-

зательством краха тильзитского союза. Уже весной 1810 г. в Петербурге и Париже начали говорить о том, что новая война двух империй неизбежна.

Летом 1810 г. Наполеон в инструкциях своему петербургскому послу достаточно точно сформулировал требования к поведению своего «союзника». От России требовалось точно соблюдать условия континентальной блокады и отказаться от военных действий за Дунаем. В отношении польского вопроса Наполеон оставлял за собой всю свободу действий. Что касается позиции России, то на деле она оказалась еще более жесткой. Фактически уже в 1810 г. Александр I принял решение о войне с Францией. Но после провала секретных переговоров в Варшаве и Берлине стало очевидно, что русским войскам не удастся беспрепятственно достичь Центральной Европы для ведения там боевых действий. Поэтому осенью 1810 г. вместо проекта превентивной войны русский генеральный штаб разработал несколько планов оборонительной военной кампании на собственной территории — такая стратегия была признана наиболее эффективной и сохранялась в дальнейшем.

На протяжении последующих полутора лет постоянное ухудшение русско-французских отношений стало основным лейтмотивом европейской политической жизни. Россия болезненно реагировала на беспрецедентное наращивание французского влияния на континенте. В 1810 г. французский маршал Ж.Б. Бернарот был избран новым королем Швеции. В июле того же года, якобы для укрепления системы континентальной блокады, к Франции было присоединено Голландское королевство, а в начале 1811 г. — города Гамбург, Бремен и Любек. Особое недовольство в Петербурге вызвал ввод французской администрации в феврале 1811 г. в герцогство Ольденбургское, династически связанное с домом Романовых. Впервые после убийства герцога Энгийенского петербургский двор распространил по дипломатическим каналам официальный протест против действия Франции. Наполеон воспринял эту акцию как открытый вызов. Все чаще он называл Россию главным виновником срыва континентальной блокады.

В действительности, вопрос о континентальной блокаде был достаточно сложен. Наряду с Россией основными «поставщиками» английской контрабанды в Европу являлись и Голландское королевство в период правления Луи Бонапарта, и Австрия, и Испания. Что же касается России, то, вне зависимости

от зигзагов взаимоотношений с Францией, она шаг за шагом ужесточала свою таможенную политику. Канцлер Румянцев полагал, что неизбежные потери от прекращения торговли с Англией с лихвой компенсируются оживлением внутрироссийского и транзитного рынка, укреплением российского торгового флота и более активным проникновением российского купечества на европейские рынки. Острый же финансовый кризис, поразивший российскую империю в 1810-1811 гг. и списанный критиками правительственного курса на «последствия блокады», был порожден непомерными военными затратами предыдущих лет и разгулом спекуляции. В декабре 1810 г. в России был введен жесткий протекционистский таможенный тариф, что значительно сократило приток и французских товаров. А вот в отношении «нейтральной» торговли, в том числе с США, Россия сохраняла более мягкую позицию, тогда как Наполеон требовал приравнивать все «нейтральные» товары к английским.

Несмотря на большую значимость проблемы торговой политики, взаимные претензии Франции и России по этому поводу были лишь дипломатическим прикрытием подготовки к войне. В 1811 г. к мысли о неизбежности столкновения пришел и Наполеон. В России он не видел серьезного соперника в борьбе за европейскую гегемонию, но и предоставлять Александру I ранг равного партнера также не собирался. В будущей войне он искал средство «вернуть планету, сбившуюся со своей орбиты», т. е. поставить Россию «на свое место» в общеевропейской политической системе. Для Александра I будущая война значила гораздо больше — в стране назревал острейший социально-политический кризис. Ненависть к наполеоновской империи, распространившаяся в самых разных сословиях, служила катализатором всеобщего недовольства правительственным курсом. В этих условиях открытое столкновение с Наполеоном оставалось едва ли не единственным шансом не допустить новой череды дворцовых переворотов.

В ночь с 23 на 24 июня (11-12 июня) 1812 г. наполеоновская «Великая армия», насчитывавшая 420 тыс. солдат, перешла пограничную реку Неман. Ей противостояли три русские армии, общей численностью более 300 тыс. человек. Избегая генерального сражения они начали отходить вглубь страны. 1-я армия М.Б. Барклая де Толли и 2-я армия П.И. Багратиона смогли соединиться лишь у Смоленска. Их попытка

предпринять наступление 7 августа (26 июля) завершилась неудачей, и угроза столкновения с превосходящими силами наполеоновской армии заставила продолжить отступление. 18 (6) августа французы вступили в Смоленск. Однако стратегический план Наполеона был сорван. Вместо решающего приграничного сражения, победа в котором открывала путь к выгодному примирению с Россией, французы втягивались в длительную и тяжелую кампанию. Коммуникации «Великой армии» оказались растянуты, и действия русских диверсионных отрядов наносили все больший урон. По мере того как в борьбу с захватчиками втягивались крестьянские отряды, кампания все больше напоминала испанскую «герилью» — войну без фронта и тыла.

29 (17) августа главнокомандующим русской армии был назначен М.И. Кутузов. Следуя тактике своего предшественника он продолжил отход по направлению к Москве. 3 сентября (22 августа) русские войска заняли позиции близ Бородино (в 12 км от Можайска). Их численность впервые с начала кампании превысила основные силы французов — 155 тыс. против 134 тыс. Выгодной была и избранная Кутузовым оборонительная тактика, заставлявшая Наполеона бросать свои войска в атаку против укрепленных позиций противника. Сражение произошло 7 (26 августа) сентября и оказалось исключительно кровопролитным. Потери французов составили около 42 тыс. убитыми и ранеными, а русских — около 45 тыс. Наполеону удалось сохранить «старую гвардию» — свой тактический резерв, но обескровленная «Великая армия» была больше не способна к активным наступательным действиям. Но и Кутузов, бросив в бой под Бородиным практически все основные силы, вынужден был продолжить отступление. 14 (2) сентября русская армия оставила Москву, устроив в городе гигантские пожары. Французы заняли полупустой и полуразрушенный город. Армия Кутузова отошла по Рязанской дороге и заняла удобную позицию на Калужской дороге, у села Тарутино. Этим Тарутинским маневром французам был прегражден путь на юго-запад к плодородным, не тронутым войной южным губерниям.

Осознав, что захват Москвы оказался ловушкой, Наполеон предпринял попытку начать мирные переговоры. Однако русский император ответил отказом. 18-19 (6-7) октября французы оставили Москву и попытались прорваться на юго-за-

пад по Калужской дороге. После ожесточенного сражения у Малоярославца, Наполеон вынужден был вернуться на Смоленскую дорогу. Его войскам пришлось отступать тем же путем, которым они пришли в Россию — через разоренную дотла, выжженную землю. К тому же в начале ноября ударили ранние морозы, к которым французы оказались совершенно не готовы. Большой урон им наносило партизанское движение, а также удары русских войск. После переправы через реку Березину отступление французов окончательно превратилось в беспорядочное бегство. Сам Наполеон, бросив свою армию, уехал в Париж.

26 (14) декабря 1812 г. Александр I издал манифест об изгнании французов из России. Победа оказалась очень дорогой — из 120-тысячной армии, вышедшей из Тарутинского лагеря к Неману пришло лишь 40 тыс. человек. Тем не менее, Александр I настаивал на немедленном переносе военных действий в Польшу и Германию. 5 января 1813 г. (24 декабря 1812 г.) русские войска вступили в Кенигсберг. Используя ситуацию, против Наполеона вступила Пруссия. 28 февраля был заключен русско-прусская союзный договор, положивший начало шестой антифранцузской коалиции. Вскоре к нему присоединились Англия и Швеция. Наполеон сумел в кратчайшие сроки сформировать новую армию и нанести два тяжелых поражения русско-прусская войскам (при Люцене 2 мая и при Бауцене 20-21 мая). В этот переломный момент многое зависело от позиции Габсбургов. Австрия попыталась играть роль посредника в переговорах с французским императором, но эта попытка не увенчалась успехом. 10 августа Австрия присоединилась к коалиции. После этого инициатива окончательно перешла к противникам Наполеона.

Несмотря на поражение под Дрезденом (6-7 августа) союзники уверенно наращивали свои силы в Центральной Европе. Англичанам удалось вытеснить французскую армию с Пиренейского полуострова, после чего Испания и Португалия присоединились к шестой коалиции. Союзный договор с Австрией подписал король Баварии Максимилиан-Иосиф. Рейнский союз распался. Решающее сражение, вошедшее в историю как «битва народов», произошло 16-19 октября 1813 г. под Лейпцигом. Наполеон потерпел серьезное поражение, и уже в начале 1814 г. союзники вступили на территорию Франции. Наполеону удалось еще два месяца вести маневренную войну, где в небольших сражениях он наносил ощутимый урон разрознен-

ным войскам противника. Но внести перелом в ход кампании он уже не мог.

По мере приближения конца кампании между странами антифранцузской коалиции становились все более заметны противоречия и взаимные претензии. Английской и австрийской дипломатии удалось добиться проведения конференции союзников в Шомоне. 10 марта 1814 г. представителями России, Англии, Пруссии и Австрии здесь был подписан общий союзный договор, предусматривавший отказ от сепаратных переговоров с Францией и предоставление в союзную армию контингентов по 150 тыс. человек (кроме Англии, выплачивавшей субсидии по 5 млн. фунтов стерлингов в год). На Шомонской конференции было подтверждено стремление союзников вернуть Францию в ее довоенные границы, создать в Германии конфедерацию независимых государств, восстановить суверенные государства в Италии (кроме бывших владений Габсбургов, возвращаемых в состав Австрии), соединить в единое государство Голландию и Бельгию, сохранить за Англией захваченные ею в ходе войны колонии, а за Россией — Финляндию.

31 марта 1814 г. русские, прусские и австрийские войска вступили в Париж. Союзниками было принято решение не вести с Наполеоном никаких переговоров и добиваться восстановления на французском престоле династии Бурбонов. 2 апреля Сенат Франции декларировал низложение императора. Наполеон подписал акт об отречении и был выслан на остров Эльба. 30 мая 1814 г. был подписан Парижский мирный договор стран коалиции с Францией. В соответствии с его условиями территория Франции возвращалась к границам 1792 г., восстанавливалась суверенная государственность Нидерландов (под властью Оранского дома), Швейцарии, итальянских и германских государств (за исключением отошедших к Австрии земель). Англия сохраняла за собой Мальту и бывшие французские острова в Индийском океане. Остальные колониальные владения возвращались Франции. В секретных статьях Парижского договора предварительно рассматривался и вопрос о судьбе тех приграничных территорий, которые отторгались от Франции на левом берегу Рейна, по реке Маас и в Северной Италии. Однако для окончательного решения территориальных вопросов был намечен созыв европейского конгресса.

Создание Венской системы

С 1 сентября 1814 по 9 июня 1815 г. в Вене проходил конгресс с участием 216 делегатов от всех европейских стран. Здесь собрался цвет европейской аристократии и дипломатии. На фоне пышных приемов, балов и гуляний шла напряженная работа над документами, призванными изменить политическую карту континента в соответствии с итогами войны и выработать новые принципы международных отношений. Ключевую роль в ходе Венского конгресса играли представители России во главе с Александром I, английская делегация под руководством Кеслри, а затем Веллингтона, австрийский канцлер Меттерних (формально Австрию представлял сам император Франц I), прусские дипломаты во главе с Гарденбергом, а также представлявший Францию Талейран.

По инициативе Талейрана в основу работы конгресса был положен принцип легитимизма — признание исключительных прав тех владетельных домов и династий, которые существовали в Европе до начала революционных войн. В интерпретации Меттерниха принцип легитимизма приобретал более ярко выраженный идеологический и правовой характер — речь шла о сохранении «вечного», «освященного историей» легитимного права монархов и сословий, как важнейшей основы общественного порядка и спокойствия. Но, в действительности, решения Венского конгресса были подчинены стремлению четко разграничить сферы влияния великих держав при формировании стабильной и по возможности равновесной политической карты континента.

Исходя из принципа легитимизма, участники конгресса выступили за сохранение раздробленности Германии. При этом, по предложению Меттерниха, было решено создать Германский союз в составе 38 небольших немецких государств, а также Австрии и Пруссии. Управлять этим союзом должен был сейм, местом пребывания которого был избран Франкфурт-на-Майне. Наиболее острые разногласия между участниками конгресса вызвал польско-саксонский вопрос. Пруссия рассчитывала присоединить Саксонию и большую часть польских земель к своей территории. Александр I был готов поддержать передачу Саксонии пруссакам, но польские земли видел в составе Российской империи как герцогство Варшавское. Австрия, а также Франция и Англия пытались противодействовать уси-

лению России и Пруссии. Талейран добился согласия Меттерниха и Кеслри заключить союз Англии, Австрии и Франции против Пруссии и России. 3 января 1815 г. было подписано тайное соглашение, по которому три державы обязывались не допускать каких-либо перераспределений существующих границ, в том числе предотвратить присоединение Саксонии к Пруссии на каких бы ни было условиях. Была достигнута даже договоренность о совместных военных действиях на случай насильственных попыток изменения границ.

В разгар дискуссий Венского конгресса во Франции произошел государственный переворот. Высадившись на побережье с небольшой группой преданных солдат и офицеров, Наполеон 19 марта 1815 г. триумфально вошел в Париж. Пытаясь внести раскол в коалицию, он передал Александру I текст секретного договора трех держав. Однако угроза восстановления наполеоновской империи оказалась сильнее. Не прерывая работу конгресса, союзники сформировали новую — уже седьмую по счету — антифранцузскую коалицию. В ее состав вошли Англия, Россия, Пруссия, Швеция, Австрия, Испания, Португалия, Голландия.

Ударную военную силу коалиции представляли 110-тысячная англо-голландская армия Веллингтона, наступающая от Брюсселя. Ее левый фланг поддерживала 117-тысячная прусская армия Блюхера, а правый — 210-тысячная австрийская армия Шварценберга. В качестве стратегического резерва на Ривьере готовилась 75-тысячная австро-итальянская армия Фримона, а в центральной рейнской области — 150-тысячная русская армия Барклая де Толли. Наполеону удалось собрать лишь около 280 тыс. солдат. Его единственным шансом было разгром английских и прусских войск еще до окончания передислокации русских и австрийцев. 16 июня в сражении при Линьи Наполеону удалось нанести поражение Блюхеру, но недостаток сил помешал преследованию пруссаков и их полному разгрому. С армией Веллингтона французы встретились близ Ватерлоо 18 июня. Наполеон имел в этом сражении 72 тыс. человек против 70 тыс. у противника. Французы дрались отчаянно, но неожиданное появление на поле боя прусского корпуса позволило Веллингтону выиграть сражение. Вскоре Наполеон был вынужден вновь отречься о престола. 6-8 июля союзники вступили в Париж и восстановили власть Бурбонов.

9 июня 1815 г., за несколько дней до битвы при Ватерлоо, представители России, Австрии, Испании, Франции, Великобритании, Португалии, Пруссии и Швеции подписали заключительный Генеральный акт Венского конгресса. Франция лишилась всех своих завоеваний. Бельгия и Голландия были объединены в Нидерландское Королевство, в состав которого вошел и Люксембург. Венский договор узаконил создание Германского Союза. К Пруссии была присоединена Рейнская область, Вестфалия и шведская Померания. Швейцария была гарантирована «вечный нейтралитет», а границы ее расширены за счет провинций на правом берегу Рейна. Норвегия, которая находилась в зависимости от Дании, передавалась Швеции. Было восстановлено Сардинское Королевство, в состав которого вновь вошли Савойя и Ницца, а также Генуя. Ломбардия и Венеция вошли в состав Австрии, а герцогства Пармское, Тосканское и Моденское перешли под власть различных представителей дома Габсбургов. Светская власть папы римского была восстановлена, а границы папского государства расширены за счет Равенны, Феррары и Болоньи. Англия получила Ионические острова и Мальту, а также закрепила за собой захваченные голландские колонии в Азии. К России были присоединены польские земли с Варшавой. На этой территории было создано Королевство (царство) Польское, связанное династической унией с Россией. Кроме того, за Россией признавались более ранние приобретения — Финляндия и Бессарабия.

Генеральный акт Венского конгресса содержал особые статьи, которые касались взаимоотношений между европейскими странами. Устанавливались правила сбора пошлин и судоходства по пограничным и международным рекам Маасу, Рейну и Шельде. Определялись принципы свободного судоходства. В приложении к Генеральному акту говорилось о запрещении работоторговли. В Вене также была достигнута договоренность об унификации дипломатической службы. Устанавливались три класса дипломатических агентов. К первому относились послы и папские легаты (нунции), ко второму — посланники, к третьему — поверенные в делах. Был определен и единый порядок приема дипломатов. Все эти нововведения («Венский регламент»), вошедшие в приложение к Генеральному акту Конгресса, стали нормой международного права и надолго вошли в дипломатическую практику.

Решения Венского конгресса оформили принципы новой системы международных отношений, основанной на идеях политического равновесия, коллективной дипломатии и легити-

мизма. Венская система не привела к ликвидации противоречий между великими державами, но способствовала воцарению в Европе относительного спокойствия и стабильности. С созданием в конце 1815 г. Священного союза она получила ярко выраженное идеологическое и даже этическое обоснование. Но, в целом, эта политическая конструкция весьма противоречила тем бурным и социальным процессам, которые развивались в европейском обществе. Подъем национально-освободительных и революционных движений обрекал Венскую систему на все новые кризисы и конфликты.

§4

Венская система международных отношений (1815-1870)***Европейская реакция в борьбе с революционными и национально-освободительными движениями***

«Сто дней» Наполеона I и военная кампания 1815 г. показали творцам Венского конгресса (сентябрь 1814 — июнь 1815 г.), что подписанным на нем договорам грозила серьезная опасность со стороны Франции, не говоря уже о национально-освободительном и революционном движении. Поддержка армией и значительной частью населения нового захвата власти Наполеоном, молниеносный крах первой реставрации Бурбонов породили в реакционных кругах Европы тезис о существовании во французской столице некоего всеевропейского тайного «революционного комитета», дали новый импульс их стремлению задушить повсюду революционные проявления.

26 сентября 1815 г. российский император Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III подписали в Париже акт Священного союза, по которому его участники обязывались «во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Религиозно-мистические и благочестивые формулы содержащиеся в этом документе противопоставлялись идеям Великой Французской революции, Декларации прав человека и гражданина и прикрывали весьма прозаические цели Священного союза: защищать незыблемость государственных границ и существующих порядков, утвержденных на Венском конгрессе, и вести непримиримую борьбу против всех проявлений «революционного духа».

Созданный по инициативе Александра I Союз являлся идеологической и вместе с тем военно-политической надстройкой над Венской системой, хотя и не был в точном смысле слова оформленным соглашением держав, которое возлагало бы на них определенные обязательства. С подписанием второго Парижского мира (20 ноября 1815 г.) между участниками седьмой антифранцузской коалиции и Францией к Союзу присоеди-

нился Людовик XVIII Бурбон. В дальнейшем к нему примкнули все монархи европейского континента, кроме папы римского; мусульманская Турция исключалась из европейского концерта. Парламентская Англия формально не вошла в состав Союза, даже выступала против некоторых его положений, однако на практике она часто координировала свою внешнюю политику с задачами Союза и участвовала в его деятельности как член Четверного союза (Англия, Россия, Австрия и Пруссия), воссозданного в ходе переговоров о втором Парижском мире. Руководители британской правящей олигархии, сам принц-регент Уэльский (с 1820 король Георг IV) всецело разделяли непримиримую позицию Союза в отношении «революционной гидры».

С сентября по ноябрь 1818 г. в западногерманском городе Аахене проходил первый дипломатический конгресс после образования Священного союза с участием представителей России, Австрии, Пруссии, Англии и Франции. Конгресс снял с Франции опеку Четверного союза, поскольку та уже выплатила большую часть наложенной на нее контрибуции и восстановила рекрутский набор. Это позволяло ей держать в мирное время армию в 40 тыс. человек, что по заключению участников Четверного союза, было вполне достаточно для обеспечения правительству Бурбонов безопасности без помощи союзников. 150 тысячную оккупационную армию держав-победительниц досрочно вывели из Франции, которая была допущена в концерт великих держав и присоединилась к Священному союзу в качестве равноправного члена. Так «четыревластие» (тетрархия), вершившее судьбами Европы, превратилось в «пятивластие» (пентархия). В предназначенном для опубликования протоколе Аахенского конгресса предусматривалось вмешательство пентархии, под флагом защиты «спокойствия и благоденствия народов и сохранения мира всей Европы», во внутренние дела других государств, но только по желанию последних и с предоставлением им права участвовать в соответствующих переговорах. Этот ограничительный пункт был внесен по настоянию британского статс-секретаря Р. Кэстльри (Кэслри), опасавшегося чрезмерного усиления русского и австрийского влияния на малые страны.

На Аахенском и последующих конгрессах Священного союза ведущую роль играли обычно Александр I и занявший руководящее положение при австрийском императоре Франце I К. Меттерних (в 1821 г. ему было присвоено звание канцлера). Российский император хотел придать Союзу характер общеевропейского монархического арсонага с регулярными съездами для рассмотрения текущих международных вопросов. С помощью Союза он рассчитывал добиться значительного усиления России в Центральной Европе и на Ближнем Востоке. Царь был твердо убежден, что Австрия является потенциальным противником России.

Во внешней политике Александра I реакционные тенденции взяли верх в 1820 г. До этого времени он использовал для своих целей конституционные принципы: под его сильнейшим нажимом король Франции Людовик XVIII подписал в 1814 г. «конституционную хартию»; из его рук Царство Польское получило в 1815 г. конституцию; при его поддержке и вопреки сопротивлению австрийского правительства были введены конституции в южнонемецких государствах. Противоречивость и непоследовательность политической линии Александра I отражала организация российской дипломатической службы. Во главе министерства иностранных дел в 1815-1822 гг. стояли два человека с одинаковыми во всех отношениях правами и полномочиями — К.В. Нессельроде, носитель консервативных взглядов и настроений, для которого единственно возможной формой дипломатии была дипломатия Священного союза (в 1845 г. он станет канцлером), и И. Каподистрия, придерживающийся либеральных воззрений, считающий, что Союз не представляет для России существенных выгод и лишь отвлекает ее от жизненно важных задач на Балканах и Ближнем Востоке.

Сотрудничая с венским двором, Александр I никогда не забывал, как Меттерних в 1814-1815 гг. у него за спиной создал враждебную России коалицию держав (Австрии, Англии и Франции). Царь ненавидел артистически лгавшего австрийского министра, хорошо понимая его интриги. Меттерних проводил в жизнь свою «систему», выражавшуюся в борьбе с либеральным, революционным и национально-освободительным движениями. Борьба с ними была для Меттерниха одним из средств оградить от потрясений феодально-абсолютистский строй австрийского государства и обеспечить господство австрийского меньшинства над остальными народами многонациональной империи Габсбургов.

Ближайшим сподвижником Меттерниха по превращению Священного союза в международную полицейскую организацию для борьбы с «революционной заразой» являлся глава Форин-офиса Кэстльри (Каслри). В Вене знали и умело использовали страх короля Пруссии Фридриха Вильгельма III перед возможностью союза Людовика XVIII, а позже его брата Карла X, с Россией. На конгрессах Союза прусский канцлер К. Гарденберг попал в явную зависимость от дипломатии Меттерниха. Участники Союза непреодолимо боялись России; многие соглашались с мыслью Наполеона, высказанной им в изгнании на о. Св. Елены, что Россия при известной предприимчивости может повторить и завершить то дело, которое проводил он сам — покорение Европы. Другие, более трезвые, хотя и не верили этому, но все же беспокоились. Меттерних даже приходил к убеждению, что Австрийской империи грозит распад скорее от соседства русского колосса, чем от внутреннего революционного взрыва. Словом, участники Союза, как и до Венского конгресса, испытывали взаимную подозрительность и враждебность.

Начавшиеся с 1819 г. выступления в Германии, на Апеннинском и Пиренейском полуостровах против феодально-абсолютистских порядков заставили сплотиться членов Священного союза. 1 августа 1819 г. Австрия и Пруссия заключили конвенцию о совместных репрессивных акциях против германских радикалов. Надежды на ранее обещанные в германских государствах конституционные реформы «сверху» рухнули. Революционные волнения гораздо более серьезного масштаба вспыхнули в Испании, Португалии, Королевстве Обеих Сицилий (Неаполитанском королевстве) и Сардинском королевстве (Пьемонте). В октябре — декабре 1820 г. по инициативе Меттерниха в Троппау (Опава, Чехия) был созван второй конгресс Союза. Центральное место на нем заняло обсуждение событий в Неаполитанском королевстве, угрожавших австрийскому владычеству в Ломбардии и Венеции.

19 ноября Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол, в котором провозглашалось право вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств без приглашения со стороны их правительств в случае революций; Австрии поручалось осуществить военную оккупацию Неаполитанского королевства, на чем настаивал Меттерних. Этот документ

наделал в Европе много шума. Даже французский МИД должен был объявить, что мог бы присоединиться к нему не иначе, как с оговоркой о своих конституционных обязательствах. Кэстльри (Каслри) отказался признать «принцип вмешательства» в такой неограниченной форме: внутривнутриполитическая обстановка в Англии (мощное народное движение и кампания радикалов в пользу избирательной реформы) не допускала никакой внешней солидарности сент-джеймского кабинета с планируемой Священным союзом акцией. Больше всего же и в Лондоне и в Париже опасались превращения оккупации Австрией Южной Италии в аннексию, что сразу нарушило бы европейское равновесие. Учитывая эти разногласия, по требованию Александра I в протокол было внесено положение о сохранении неприкосновенности Неаполитанского королевства. Английское и французское правительства, желая снять с себя ответственность перед лицом общественного мнения и продолжая на словах выражать недовольство «безраздельным хозяйничаньем» Австрии в Италии, не собирались мешать Габсбургам расправиться с революционным движением на Апеннингах и дали понять, что не станут препятствовать интервенции.

Для переговоров с итальянскими монархами участники конгресса переехали в январе 1821 г. в Лайбах (Любляна, Словения). Сюда же прибыл и Неаполитанский король Фердинанд I, только что присягнувший конституции и получивший согласие своего парламента на эту поездку. Но покинув границы своего королевства, Фердинанд немедленно отрекся от конституции и стал умолять Австрию и Англию о вооруженной помощи. Все представители итальянских государств на Лайбахском конгрессе, за исключением папского легата, одобрили планы Меттерниха. Когда в марте того же года конгресс был закрыт, а его участники решили остаться в Лайбахе до окончания подавления неаполитанской революции, пришло известие о восстании в Пьемонте. Александр I предложил Австрии 100 тыс. солдат для его подавления. Но помощь не потребовалась. В марте и апреле австрийские войска восстановили соответственно в Неаполе и Турине абсолютистские режимы. После подавления революций на юге и севере Италии пентархию больше всего беспокоили революционные события на Пиренеях.

В октябре-декабре 1822 г. в североитальянском городе Верона проходил четвертый, последний и самый представительный, конгресс Священного союза. Главным предметом обсуж-

дения на нем стала выработка условий выступления против революции в Испании и возможности распространения интервенции на владения испанской короны в Латинской Америке, где вовсю полыхала национально-освободительная война. Россия, Австрия и Пруссия действовали единодушно. Так, ими было принято решение задушить испанскую революцию военными силами Франции. Весной 1823 г. французы пересекли Пиренеи, и осенью того же года испанский король Фердинанд VII Бурбон был восстановлен во всей полноте самодержавной власти.

Французская интервенция в Испанию оказалась последним успехом координированных усилий Священного союза, концом его семилетнего фактического всемогущества на континенте Европы. Появившиеся в начале 20-х гг. внутри Союза различия в подходах к решению международных проблем положили начало кризису его принципов. Тогда же выявились основные противоречия между континентальными державами и Великобританией в связи с различным отношением к национально-освободительной борьбе в Латинской Америке и восстания греков против османского ига. Англо-русские разногласия проявились с особой остротой на Ближнем Востоке. Возобновились давнее англо-французское соперничество на Пиренейском полуострове и в Латинской Америке, где Англия и Франция стремились политическими и торгово-экономическими методами заменить Испанию и Португалию, терявшие контроль над своими американскими колониями.

Незадолго до открытия Веронского конгресса в Англии произошло событие имевшее серьезные международные последствия. В припадке душевной болезни Каслри покончил с собой, и новым статс-секретарем по иностранным делам в сентябре 1822 г. стал Д. Каннинг. Его всегда отличали сильная воля и ясный, быстрый ум. Предпочтя вернуться к традиционной политике «свободы рук» и имея особую программу действий, Каннинг произвел поворот во внешней политике Англии. Выполнение этой программы, по убеждению Каннинга, могло открыть перед промышленными, торговыми и банковскими кругами широкие перспективы экономического подъема и развития, и в то же время ликвидировать революционную опасность в стране, ослабить остроту борьбы за избирательную реформу. В связи с такой установкой следовало не бороться с национально-освободительными движениями в Европе и в Латинской Америке, а, напротив, вся-

чески их использовать. Складывающиеся новые национальные государства неизбежно будут нуждаться в промышленных товарах, в торговом флоте, в финансах, и за всем этим они будут обращаться прежде всего к Англии. Каннинг занял резко отрицательную позицию по отношению к военно-морской экспедиции в Латинскую Америку для восстановления там власти испанской короны. Он заявил, что сент-джеймский кабинет участия в ней не примет и считает ее совершенно бесполезной.

Решительным сторонником военного вмешательства в Латинской Америке выступил Меттерних. Он всячески подталкивал к этому решению Людовика XVIII, а испанский король Фердинанд VII предлагал французскому собранию часть своих южноамериканских владений. Однако экспедиция в Новый Свет без согласия Англии, сильнейшей на море и контролирующей коммуникации между Португалией, Испанией и их колониями, была абсолютно немыслима. Столкнувшись с жесткой позицией Каннинга, австрийский канцлер затеял за спиной главы Форин офис интригу в самой Англии, сговорившись с королем. Георгу IV Каннинг, предавший забвению «великие принципы» Венского конгресса и Священного союза, также был ненавистен. Но британский министр не отступил. Он расстроил планируемую поездку Меттерниха в Лондон по приглашению английского короля и дал понять, что готов апеллировать к общественному мнению по поводу недопустимых попыток монарха вести непосредственные сношения с иностранными министрами, минуя свой Форин офис.

Георгу IV так и не удалось создать серьезную внутреннюю оппозицию Каннингу. Политику правительства в латиноамериканском вопросе целиком и полностью поддерживали буржуазные круги, парламент и пресса. Для противодействия планам Священного союза британское правительство обратилось в Вашингтон с предложением занять совместную позицию в отношении испанских колоний и координировать действия. Результатом явилось выступление США с известной доктриной Монро (2 декабря 1823 г.). Лондон оказывал военную и материальную поддержку испано-американским сепаратистам. «Если мы достаточно ловко поведем дело, — писал Каннинг, — то освобожденная Испанская Америка станет английской». В начале 1825 г. Англия признала независимость Аргентины, Колумбии и Мексики. Успех Каннинга заставил Священный союз отказаться от планов интервенции в Латинскую Америку.

В декабре 1825 г. российский престол занял Николай I, которому предстояло сыграть важную роль в европейских делах. Николай был реакционером от природы, а не в силу убеждений; в отличие от своего старшего брата Александра ему не приходилось каяться в грехах либеральной юности. Приверженец принципов Священного союза, Николай считал своим долгом твердо отстаивать установленный в 1814-1815 гг. порядок и ведущее положение России в Европе.

Июльская революция 1830 г. во Франции всколыхнула революционное движение во многих странах Европы. 25 августа началась революция в Бельгии (Южные Нидерланды). В сентябре вспыхнули волнения в некоторых государствах Германского союза. 29 ноября началось восстание в Царстве Польском. В феврале 1831 г. последовали вспышки революционизма карбонарского типа в Центральной Италии. Под влиянием французской революции усилились движение за парламентскую реформу в Англии, за демократизацию Швейцарской республики, борьба против абсолютистской реакции в Испании и в Австрийской империи. Почти вся Европа оказалась в состоянии революционного брожения. Венская система и Священный союз подверглись новому серьезному испытанию на прочность.

Трехдневные бои в Париже (27-29 июля), которые привели к отречению Карла X и восшествию на престол Франции герцога Орлеанского, принявшего имя Луи Филиппа, вызвали первоначально растерянность и большую тревогу европейских дворов. «Уничтожено дело всей моей жизни», — констатировал австрийский канцлер Меттерних, первой реакцией которого была идея организации вооруженной интервенции против Франции. При австрийском и прусском дворах не только страшились установления во Франции республиканского строя, но и желали реванша нового режима за решения Венского конгресса. Разговоры о вступлении французов в его рейнские владения и необходимости для Пруссии воевать с Францией, приводили Фридриха Вильгельма III в шоковое состояние. Убедившись, что Луи Филипп и его правительство, всячески подчеркивая свое уважение к трактатам 1815 г. и установленным им территориальным границам, ведут консервативную и осторожную политику, в Вене и Берлине успокоились и смирились с произошедшим во Франции. Для создания гипотетического антифранцузского союза принципиальное значение

имела позиция Англии. Ее общественность с восторгом приняла известие о победе буржуазии во Франции. Сторонники парламентской реформы сочли июльскую революцию счастливым для себя предзнаменованием. Сент-джеймский кабинет первым официально признал легитимность Луи Филиппа. Укреплению шаткого международного положения Орлеанской династии способствовал многоопытный и хитрейший Ш. Талейран, назначенный французским послом в Лондоне и быстро установивший тесный контакт между двумя правительствами.

Российский император был неплохо осведомлен о революционных изменениях во Франции и о событиях им предшествующих. Еще в апреле 1830 г., узнав от своего посла в Париже К.О. Поццо ди Борго о намерении Карла X отменить «конституционную хартию» 1814 г., Николай I предупредил его, что «не будет считать себя обязанным оказывать ему помощь», если действия короля вызовут возмущение. Не питая никаких симпатий к конституции, он тем не менее считал, что никакой монарх не вправе отречься от однажды принятых на себя обязательств, тем более если они, как французская хартия, были гарантированы международными договорами.

Нессельроде, которого парижское восстание застало на водах в Карлсбаде (Карловы Вары, Чехия), в переговорах с Меттернихом выработали формулу невмешательства во внутренние дела Франции, если она при новом правительстве не займется «экспортом революции» и не будет проявлять агрессивные поползновения. Карлсбадские собеседники сошлись на том, что дальнейшие шаги союзных дворов в отношении их «заблудшего» собрата должны быть согласованы. Однако идею своего коллеги насчет созыва в Берлине дипломатической конференции по французскому вопросу Нессельроде не принял. Ему, как и Поццо ди Борго, провозглашение герцога Орлеанского королем казалось вполне приемлемым вариантом решения вопроса о власти во Франции. В глазах же Николая I Луи Филипп был прежде всего «фальшивым» монархом, узурпировавшим законные права на французский престол малолетнего внука Карла X герцога Бордосского. На эту узурпацию царь импульсивно откликнулся серией распоряжений, в частности, запретом (вскоре отмененным) на допуск в российские порты французских судов под трехцветным флагом революции. На следующий день после того, как свергнутый король, покинув

с грану, отплыл в Англию, царь порвал дипломатические отношения с Францией; французскому послу в России был послан его паспорт. Но сотрудникам российского посольства было дозволено остаться в Париже. Николай I не желал осложнений, которыми были бы чреваты принятые им самим «санкции» против режима Луи Филиппа, но и поддержать его каким-либо образом царю очень не хотелось. Следовало что-либо предпринять. В Вену и Берлин были направлены генерал А.Ф. Орлов и фельдмаршал И.И. Дибич с предложениями военного похода во Францию и реставрации власти Бурбонов. Меморандум аналогичного содержания был отправлен и в Лондон. Сделал это Николай, скорее, из соображений монаршей солидарности, нежели желая получить положительный ответ. Царь вряд ли удивился и расстроился неудачей миссий Орлова и Дибича. Австрия и Пруссия уже фактически признали законной Июльскую монархию во Франции. В начале октября 1830 г. это сделала и Россия.

Вызовом принципам династической политики и легитимизма, стала и Бельгийская революция, первая нанесшая удар по системе венских границ 1815 г. Начавшееся в Брюсселе восстание быстро охватило почти все крупные города Бельгии и выдвинуло требование полной политической независимости от Королевства Нидерландского. В ноябре 1830 г. Национальный конгресс провозгласил независимость Бельгии и высказался за конституционную наследственную монархию. Нидерландский король Биллем I Оранско-Нассауский попытался силой вернуть себе взбунтовавшиеся провинции. Убедившись в неспособности справиться с революцией собственными силами, он обратился к обеспечившим ему в 1814 г. обладание бельгийскими провинциями великим державам, настаивая на их военной интервенции в Бельгию. Николай I сразу же откликнулся на эту мольбу о помощи, пообещав Виллему усмирить непокорных бельгийцев. Помимо политических причин, позиция царя объяснялась и тем, что его сестра Анна Павловна была замужем за наследником нидерландского трона.

Николай был убежден в поддержке союзными Австрией и Пруссией плана интервенции в Бельгию. Венский и берлинские дворы негодовали против очередного нарушения решений Венского конгресса, но боялись интервенцией развязать всеобщую войну. Прусский король выразил готовность послать на подмогу Виллему войска. Этим дело и ограничилось — из

Парижа последовало заявление, что в случае перехода пруссаками границы Бельгии французская армия немедленно вступит на бельгийскую территорию. Восстание в Царстве Польском, потребовавшее у самодержавия значительных сил для его подавления, вынудило Николая окончательно отказаться от бельгийского похода. Правительства и Франции, и Англии по своекорыстным соображениям были заинтересованы в отделении Бельгии от Голландии и создании на перекрестке важных западноевропейских торговых путей небольшого «буферного» государства. Во Франции рьяно выступали защитницей интересов Бельгии. При этом оппозиция против Луи Филиппа требовала присоединения Бельгии к Франции, апеллируя к настроениям «французской партии» в Бельгии. Луи Филипп лелеял надежду посадить на бельгийский престол своего второго сына герцога Немурского. С целью не дать французам в той или иной форме захватить Бельгию, сент-джеймский кабинет предложил мирным путем уладить бельгийско-голландский конфликт.

В октябре 1830 г. в Лондоне открылась конференция посланцев Франции, России, Австрии и Пруссии под председательством британского статс-секретаря по иностранным делам. В ноябре того же года им стал Г. Пальмерстон, который в последующие 35 лет оказывал определяющее влияние на внешнюю политику Англии. В течении года дипломаты старались примирить противоречивые намерения заинтересованных стран в вопросах устройства и международного статуса нового бельгийского государства. Национальный конгресс в Брюсселе принял решение навсегда исключить Оранский дом из числа претендентов на роль главы государства. После длительных обсуждений конгрессом и общественностью Бельгии различных претендентов на престол победила британская дипломатия, осторожно выдвинувшая кандидатуру немецкого принца Леопольда Саксен-Кобург-Гота, члена английского королевского дома. В июле 1831 г. он стал королем Бельгии. В том же году 15 ноября участники Лондонской конференции подписали с бельгийскими уполномоченными договор об образовании самостоятельного Бельгийского королевства и признании его «вечно нейтральным» государством. Были установлены и границы Бельгии. При их определении французский посол в Лондоне Талейран пробовал выгадать что-нибудь для Франции, но безуспешно, хотя сам в накладе не остался. Получив от нидерландского короля Виллема I взятку в размере 15 тыс. фунтов стерлингов золотом, Талейран в вопросе бельгийско-голландского разграни-

чения оказался благожелательным к Нидерландам, и Бельгия получила меньше, чем ожидала.

Рассчитывая на поддержку тройственного альянса — России, Австрии и Пруссии, — нидерландское правительство не признало Лондонский договор, добивалось его пересмотра и удерживало бельгийский Антверпен. Франция и Англия (в 1832 г. дочь Луи Филиппа стала женой бельгийского короля Леопольда I, которого англичане по-прежнему считали своей креатурой) заключили конвенцию относительно принудительных мер к нидерландскому монарху, не встретив противодействия держав тройственного альянса. Английский флот блокировал голландское побережье, а французские войска заставили капитулировать гарнизон Антверпена. В 1833 г. нидерландский король был вынужден подписать с Бельгией соглашение на основе Лондонского договора. Окончательно бельгийский вопрос был решен в 1839 г. новой международной конференцией в английской столице: нидерландский монарх официально признал независимость Бельгии; были улажены все территориальные споры (проведенные тогда делимитации между Бельгией, Нидерландами и Люксембургом сохранились до настоящего времени).

Еще в феврале 1831 г., в разгар бельгийско-голландского конфликта и начала военных действий царских войск против польских повстанцев, вспыхнули восстания в герцогствах Парма, Модена и в провинциях Папской области. Опасность всеобщей войны в Европе, нараставшей с момента революции во Франции, казалась тогда неизбежной. Однако за короткое время с революционно-патриотическими выступлениями на Апеннинах было покончено. При первом известии о волнениях в Центральной Италии венский кабинет заявил о решении направить туда войска для защиты итальянских государей. Правительство Франции немедленно выступило с протестом против подобного намерения. Французские правящие круги подняли шум об австрийской угрозе национальным интересам. Председатель совета министров Ж. Лаффит заявил, что Франция не меньше Австрии заинтересована в Италии и готова с оружием в руках защищать свои интересы. Австрийский канцлер Меттерних угрозы не испугался и ответил, что Австрия не отступит от своего. Российский император тут же обещал своему союзнику послать на предполагаемый итальянско-

кий театр военных действий 200-тысячное войско. Николай I также дал знать в Берлин, где совещались уполномоченные Пруссии, Австрии, Баварии и Вюртенберга относительно совместных оборонительных действий на случай французского вторжения в Рейнскую область, что готов и для защиты Германии задействовать 200 тыс. своих солдат.

На самом деле французский король Луи Филипп и не предполагал воевать. Лафитт получил отставку, а французское правительство, несмотря на возмущение оппозиции, постаралось по возможности достойно выйти из им же созданного кризиса. Тем временем, к концу марта 1831 г. австрийская армия подавила разрозненные и слабо связанные между собой очаги национального движения в Италии. Парижу удалось добиться для подданных папы римского некоторых весьма крупных административных реформ и эвакуации австрийцев из владений Святого престола. Скоро после этого Ватикан высказал намерение послать в легатства свои войска для разоружения там гражданской гвардии. Тогда, в январе 1832 г. Луи Филипп, заручившись поддержкой Англии, обратился к папе Григорию XVI с предложением, чтобы Франция, как католическая держава, преданная папскому престолу, могла участвовать вместе с Австрией в наведении порядка в тех итальянских регионах, где он был нарушен. При этом было заявлено, что Франция не может без унижения для себя и ущерба своим интересам позволить венскому двору распоряжаться в Италии единолично. Григорий XVI отверг французское предложение. Вступление папских войск в легатства, как и ожидалось, повлекло за собой новые волнения. Почти тотчас же австрийская армия согласно договоренности с Ватиканом появилась в Болонье. А спустя несколько дней французский полк неожиданно высадился перед Анконой и овладел городом. В апреле того же года заинтересованные стороны договорились об одновременном выводе из легатств австрийских и французских войск. Итальянский вопрос на время перестал будоражить политический мир.

Что касается восстания в Царстве Польском, то оно не вызвало той напряженности, которые привнесли в международные отношения бельгийские и итальянские дела. Западноевропейские правительства считали его «внутренней» проблемой Российской империи и портить отношения с Николаем I из-за польских повстанцев не хотели. Ожидаемой от них помощи руководители польского национального движения не получили.

Французская дипломатия выступила с заявлениями по польскому вопросу в столицах причастных к нему держав, но делилось это в угоду полонофильски настроенных общественности и парламентариев. Предпринятая летом 1831 г. попытка французских министров организовать коллективный демарш в пользу поляков особой настойчивостью не отличалась. Поддержку царскому правительству в польском вопросе оказали Австрия и Пруссия — два других совладельца польских земель, на которые могло распространиться восстание. Ими были весьма основательно блокированы все подходы к мятежному Царству Польскому; на прусских и австрийских границах было перехвачено немало замаскированных транспортов с отправлявшимся в Царство Польское оружием, закупленным на средства образованных западной либеральной общественностью «польских комитетов». В то же время Австрия и Пруссия не желали излишне волновать «своих» поляков, естественно, сочувствовавших соплеменникам в России. Венский и берлинский дворы не сочли возможным рассматривать повстанцев, которые в ходе военных действий или после подавления восстания (октябрь 1831 г.) перешли на их территорию, как простых политических преступников и не препятствовали их дальнейшему следованию через прусские и австрийские владения на Запад. Это вызывало возмущение Николая I, но существенным образом на его взаимоотношениях с союзниками не сказалось.

Революции 1830-1831 гг. нанесли удар по феодально-абсолютистской реакции и олигетворявшему ее Священному союзу. Став после июльской революции буржуазной монархией, Франция автоматически исключалась из членов Союза. Одна лишь мысль о приглашении «короля баррикад» Луи Филиппа на встречи монархов казалась Николаю I абсурдной. От образовавшейся в 1818 г. пентархии остались Россия, Австрия и Пруссия. В 1833 г. члены этого охранительного блока заключили между собой конвенцию о согласованных действиях по основным направлениям международной политики и подписали декларацию, касающуюся их общего кредо — права на вмешательство во внутренние дела других государств. Дальнейшая внешнеполитическая практика тройственного альянса в той или иной степени соответствовала духу декларации, хотя до применения подтвержденных в ней принципов Священного союза дело дошло только в конце следующего десятилетия.

тилетия. Общие для всех членов альянса страхи относительно «угрозы с Запада» в разных ее модификациях продолжали способствовать их сплочению. Но насаждать «старый порядок» Петербург, Вена и Берлин могли теперь лишь в «своей» сфере влияния — Центральной и Восточной Европе, — а не на всем континенте, как было в 1815-1822 гг. В ответ на попытку оживить узы Священного союза Англия, Франция, Испания и Португалия заключили в 1834 г. Четверной союз, обязывающий стороны оказывать помощь делу утверждения конституционных правлений на Пиренейском полуострове. Предчувствие очередной волны революций приводило в растерянность правительственные круги Пруссии и Австрии. Меттерних прямо заявлял, что справиться с ними может только самодержавная Россия. Учитывая подобные настроения венского и берлинского дворов, Николай I с горечью констатировал в 1846 г.: «Прежде нас было трое, а теперь осталось только полтора, потому что Пруссию я не считаю совсем, а Австрию считаю за половину». Царь ошибся — самым слабым звеном окажется не монархия Гогенцоллернов, а габсбургская империя.

Охватившие Западную Европу революции 1848-1849 гг. были направлены не только против реакции внутри отдельных стран, но и против всей системы международных отношений, установившейся со времени Венского конгресса. Начало революциям положила Франция, в столице которой 22 февраля 1848 г. на улицы вышли студенты, рабочие и ремесленники. Низвержение Луи Филиппа и провозглашение республики поставило перед монархическими правительствами вопрос об их отношениях к новому государственному строю во Франции. Об интервенции против Французской республики речь не могла идти, поскольку политическая ситуация в Европе была совершенно иная, чем в 1830 г.: Германия и Австрийская империя были охвачены революционным движением, монархи были слишком заняты тем, чтобы противодействовать революции в своих собственных владениях. Во главе пришедшего к власти во Франции Временного правительства стояли представители умеренного крыла республиканской оппозиции в период монархии Луи Филиппа.

До Февральской революции умеренные республиканцы резко осуждали внешнюю политику своего правительства за сотрудничество с Меттернихом и Николаем I против революционных и национально-освободительных движений и требовали отмены венских договоров 1815 г., объявляя их препятствием

для укрепления позиций Франции и расширения ее границ в Европе. Левые республиканцы и часть социалистов (их представители также заняли посты во Временном правительстве) к и первое место выдвигали идею помощи освободительным движениям в Польше, Италии и Германии. Страхи европейских монархических режимов, что теперь, с победой революции во Франции, эти настроения начнут претворяться на практике, оказались напрасными. Умеренное большинство членов Временного правительства, считая, что внешняя политика Республики должна исходить не из абстрактных теорий, а из национальных интересов, т.е. из выгоды и пользы самой Франции, стремились избегать каких бы то ни было внешних столкновений. Они полагали, что открытое выступление против договоров 1815 г. или помощь революционным движениям других народов вызвало бы войну с монархической Европой и привело бы к военной диктатуре в стране, подобно тому как случилось в 1799 г.

4 марта 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава Временного правительства А. Ламартин разослал своим представителям за рубежом циркуляр, уверявший иностранных дворов, что Франция хочет мира и доброго согласия с другими государствами. «Трактаты 1815 г., — говорилось в циркуляре, — не имеют правового значения в глазах Французской республики, однако, территориальные границы, установленные этими трактатами, представляют собой факт, который республика принимает за основу своих сношений с другими странами». Следовавшие затем звонкие фразы о том, что Франция оставляет за собой возможность всесторонней поддержки, в том числе и военными средствами, «угнетенным национальностям в Европе и за ее пределами», предназначались для парижских и провинциальных политических клубов. Конфиденциально же Ламартин заверил иностранных дипломатов, что Французская республика не окажет никакой помощи революционным и национально-освободительным движениям в других странах. Это соответствовало действительности. Основным направлением внешней политики Республики был курс на сотрудничество с Англией. Крайне нуждавшееся в деньгах французское правительство выразило желание заключить союз с британским кабинетом. Глава Форин офис Пальмерстон, ненавидя революции, называл министров Временного прави-

тельства ставленниками парижской «черни». Но он сразу разглядел, что новая власть во Франции будет нуждаться в укреплении отношений с Англией и поведет более удобную для нее политику, чем прежний режим. Тревогу в Лондоне вызывала только возможность французской оккупации Бельгии. Когда же эти опасения были развеяны, сент-джеймский кабинет первым официально признал республику во Франции.

Предложение о союзе было сделано французским Временным правительством и России. Часто цитируемые в литературе слова: «Господа! Седлайте коней, во Франции — республика!», с которыми, якобы, обратился Николай I к присутствовавшим на балу у наследника гвардейским офицерам, когда получил известие о революции в Париже, были далеки от подлинных намерений царя. Свержение Луи Филиппа Николай воспринял не без злорадства: «негодяй», по его мнению, потерял власть тем же путем, каким ее получил, и получил то, что заслужил. Но, как бы ни был плох король, республика была еще хуже, и главной заботой российского правительства стало устройство заслонов против «революционной заразы». Николай предвидел назревание острого политического кризиса в Европе. Его застали врасплох не сами парижские события, а стремительное распространение революционных потрясений на континенте. Чрезвычайно беспокоила царя угроза нового взрыва польского национально-освободительного движения.

Русский посланник в Париже Н.Д. Киселев целый месяц оставался в неведении относительно намерений своего правительства. С пришедшей, наконец, почтой из Петербурга, Киселев получил приказание покинуть Францию; это повеление относилось так же ко всем русским подданным, находившимся во Франции. В отдельном письме канцлер Нессельроде давал подробные инструкции, что следует сказать Киселеву при своем отъезде: Россия не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции, но с той минуты, когда Франция выступит за свои пределы, будет поддерживать революционное движение за границами своей территории, император придет на помощь державе, подвергшейся нападению, в особенности своим близким союзникам — Австрии и Пруссии. Киселев на свой страх и риск решил не уезжать из Парижа, полагая, что пока русский посланник находится во Франции, республиканское правительство вынужденно считаться со взглядами и интересами царя; если же дипломатические отношения будут прерваны, то

у французского правительства не будет никаких оснований церемониться и оно станет пренебрегать интересами России. Логика рассуждений дипломата и вытекающие из нее поступки были одобрены Николаем I, отнесшимся к нарушению своей воли столь терпимо и потому, что ситуация в Европе продолжала кардинально меняться.

Вслед за венскими событиями (13-15 марта 1848 г.), бегством за границу Меттерниха, который 40 лет держал бразды правления габсбургской монархии в своих руках и являлся вместе с русским царем оплотом «старого порядка», последовало восстание в Берлине (18-19 марта). Николай оказался в полной изоляции при том, что Пруссия превращалась в вероятного противника России. Особое раздражение вызывали у царя настроения депутатов германского Франкфуртского Национального собрания по польскому вопросу. Они обсуждали авантюрный план реставрировать Польское королевство, зависимое от Пруссии, как барьер от России, которая в этом случае уже не могла бы препятствовать «воссозданию немецкой военной мощи». Николай сосредоточил в польских губерниях 420 тыс. солдат. В этой ситуации в Петербурге рассматривали Францию (она оказалась не такой революционной, как там вначале полагали) в качестве противовеса революционной и охваченной национальной идеей Германии. Были предприняты некоторые шаги к сближению с французским правительством, но о союзе с ним речи быть не могло.

В декабре 1848 г. президентом Французской республики был избран принц Луи Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I. Царь не без оснований опасался, что Луи Наполеон будет вести широкую завоевательную политику и постарается низвергнуть «систему 1815 г.». К тому же принц Бонапарт открыто поддерживал все протесты Англии против русской политики на Востоке. Только в мае 1849 г. состоялось официальное признание царским правительством Французской республики. Когда восстановление империи во Франции превратилось в реальную угрозу, русский посланник в Париже сделался ревностным защитником республиканской формы правления. Целый год Киселев, следуя строжайшим инструкциям, настойчиво убеждал Луи Наполеона сохранить республику и остаться президентом. Разумеется, русские увещания только раздражали принца-президента, полагавшего, что единственным врагом затеянного им переворота является Николай I. Процедура

признания российским правительством императора Наполеона III, явившегося миру 2 декабря 1852 г., подтвердила подозрения Бонапарта. Общепринятая форма верительной грамоты была изменена, и Киселев оказался единственным среди иностранных дипломатов, кто от лица своего монарха приветствовал императора не как «брата» и «Наполеона III», а как «друга» и «Луи Наполеона». Монархи Австрии и Пруссии, испытывая к французскому императору схожие чувства, пренебрегли договоренностью с Николаем I придерживаться русского варианта обращения. Оскорбительное отношение со стороны Николая, и то, что Россия была последней из держав, его признавшей, Наполеон не забыл.

Политический кризис в Италии в марте 1848 г. привел к формированию мощного революционного и патриотического движения за независимость, которое охватило весь Апеннинский полуостров. Вслед за провозглашением Венецианской республики антиавстрийское движение перекинулось на соседнюю Ломбардию. Милан — главный форпост австрийского господства в Северной Италии — покрылся баррикадами. Армия австрийского фельдмаршала И. Радецкого, изрядно потрепанная, покинула город. Венецианская область и Ломбардия превратились в арену сражений между населением и разрозненными здесь австрийскими гарнизонами. Радецкий передислоцировался на север, к границам Австрии. Одновременно австрийские войска были изгнаны из центрально-итальянских герцогств Пармы и Модены.

Под воздействием общенародного патриотического подъема король Пьемонта Карл Альберт 24 марта торжественно объявил о вступлении войск Сардинского королевства на территорию Ломбардии и Венеции во имя дела национального освобождения «под трехцветным итальянским знаменем и савойским гербом». Наряду с армией Пьемонта в военных действиях против расположенных в Северной Италии австрийских войск принимали участие регулярные армейские части папы Пия IX, неаполитанского короля, герцога Тосканы, а также добровольческие отряды из различных итальянских областей. Во главе их встал талантливый полководец и мастер партизанской войны Д. Гарибальди. Войне сопутствовали активные дипломатические контакты между итальянскими монархами, в ходе которых обсуждались, но безуспешно возможности военного и политического сотрудничества и перспективы объединения

страны. Отсутствие опытного военного руководства, политические разногласия и недоверие между итальянскими правителями, форсирование Савойской династией процесса объединения вокруг Пьемонта соседних территорий обусловили недопустимую медлительность с проведением решительных операций против деморализованного на первых порах противника. Благоприятный момент для полного разгрома австрийских войск и их изгнания за пределы Италии был упущен.

Статс-секретарь по иностранным делам Англии Пальмерстон, поддержанный французскими дипломатами, настойчиво советовал австрийскому императору пойти на уступки Карлу Альберту, чтобы избежать перерастания войны в общеитальянскую революцию. В Лондоне и Париже, встав на сторону Пьемонта, не заботились о поддержке демократического движения в Италии; там были не против некоторого территориального расширения Савойской монархии, как противовеса гегемонии Австрии в Северной Италии. Перепуганный австрийский двор уже готов был уступить Пьемонту Ломбардию, как положение на театре военных действий изменилось. Получив подкрепление, Радецкий перешел к активным действиям. 25-26 июля 1848 г. пьемонтские войска потерпели серьезное поражение при Кустоцце, а затем поспешно, почти без боя, был сдан Милан. Пьемонту грозило вторжение австрийцев. 9 августа Карл Альберт принял капитулянтские условия. Наиболее тяжелыми последствиями стали восстановление австрийского господства в Ломбардии и на большей части Венецианской области, усиление раскола и противоречий в национальном лагере. Народ требовал продолжения войны с Австрией. Чтобы реабилитировать себя и спасти монархию Карл Альберт возобновил военные действия. Исход нового этапа войны, продолжавшегося всего несколько дней, оказался для Пьемонта катастрофическим. 23 марта 1849 г. в битве при Новаре ее армия обратилась в бегство. Карл Альберт отрекся от престола. Новым королем стал его наследник Виктор Эммануил II. Мирный договор между Австрией и Пьемонтом, благодаря заступничеству Англии и Франции, сохранил королевству прежние границы.

Разгром патриотических сил в антиавстрийской борьбе стал прологом к поражению оставшихся очагов итальянской революции. Вследствие австрийской оккупации Пармы, Модены и Тосканы их герцоги — отпрыски Габсбургского дома — вер-

нули себе прежнюю власть. В Неаполитанском королевстве также возобладала реакция, революция в Сицилии была подавлена. Силы итальянской, а, главным образом, международной реакции, сокрушили республику в Риме. В феврале 1849 г. римляне упразднили светскую власть папы и провозгласили республику. Пий IX обратился с просьбой о вмешательстве к Австрии, Неаполитанскому королевству, Испании и Франции. В Париже традиционно хотели не допустить исключительного преобладания Австрии на Апеннинах и ее единоличных действий по наведению порядка в Центральной Италии. Президент Французской республики Луи Наполеон восстановлением власти папы рассчитывал привлечь на свою сторону клерикалов, поддержка которых была ему необходима для реализации задуманной им реставрации империи. Но для посылки войск в Рим надо было обойти статью французской конституции 1848 г., запрещавшую применение силы против свободы других народов. Поэтому кредиты на экспедицию были потребованы у Учредительного собрания под лживым предлогом обеспечения независимости Римской республики на случай австрийской и неаполитанской интервенции и осуществления посредничества между римлянами и Пием IX. Высадившиеся в порту Чивита-Веккья французские войска подошли 30 апреля к Риму и попытались завладеть им, но были разбиты легионом Гарибальди и отступили. Вскоре Гарибальди пришлось отражать двигавшиеся на Рим с юга испанские и неаполитанские армейские корпуса. Одновременно с севера наступали австрийцы. Французские войска, получив мощное подкрепление, снова атаковали Рим. В течении месяца шли кровопролитные бои. Силы были слишком неравны, и 3 июля французы восстановили власть папы. А 22 августа, пережив ужасы четырехмесячного артиллерийского обстрела австрийцев, а также голод, эпидемии тифа и холеры, пал последний оплот итальянской революции — Венеция.

Если Габсбурги свое владычество в Италии смогли отстоять, то справиться собственными силами с освободительной войной Венгрии им не удалось. В 1849 г. весеннее наступление революционной венгерской армии во главе с А. Гергеем поставило Австрийскую империю на грань распада. Франц Иосиф униженно просил Николая I оказать военную помощь. На приеме в Варшаве доверенное лицо императора генерал-лейтенант В. Кабог публично бросился на колени перед заместителем в Царстве

Польском генерал-фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем и, целуя ему руки, умолял спасти Австрийскую империю. Идея венгерского похода вынашивалась в Петербурге длительное время. Не испытывая сомнения относительно целесообразности подобной акции, Николай I не желал соглашаться на ту роль, которая по замыслу австрийского командования отводилась русским войскам (ограничение района их действий и подчинение австрийскому фельдмаршалу). Намечавшееся выступление Николай рассматривал не только как меру по спасению габсбургской монархии, но прежде всего как сокрушительный удар по всем революционным силам Венгрии. Вопрос об интервенции был решен на русских условиях. 21 мая 1849 г. прибывший к царю в Варшаву Франц Иосиф подписал соответствующую конвенцию. Европейские дворы с полным пониманием отнеслись к достигнутой австро-русской договоренности. Узнав о ней, Пальмерстон ограничился репликой: «Кончайте скорее». Такая реакция главы английского внешнеполитического ведомства неудивительна: Австрия была для Великобритании надежным партнером в восточных делах и верным союзником в борьбе с русским влиянием на Балканах. Благожелательный нейтралитет французского президента Луи Наполеона был обеспечен долгожданным признанием Республики российским правительством. Кроме того, Франция не менее России была заинтересована в сильной Австрии в качестве противовеса растущему влиянию Пруссии, стремившейся объединить Германию. В первых числах июня 140-тысячная армия под командованием Паскевича вступила на территорию Венгрии. Однако, молниеносного, сокрушительного удара по революционным войскам, как того хотел Николай I, не получилось. Несмотря на численное превосходство русско-австрийских сил, Гергею удавалось путем маневрирования избегать генерального сражения. Добровольной капитуляцией Гергея, сдавшего свою армию Паскевичу 13 августа 1849 г. при Вилагоше (Ширия, Румыния), завершилась двухмесячная венгерская кампания русской армии. Австрийская империя была спасена.

Национальная идея, как и в Италии, была главным вопросом и главной задачей революции в Германии в 1848-1849 гг. Но если желание Савойской монархии присоединить к себе северо-итальянские территории угрожали интересам лишь австрийских Габсбургов, то создание единого германского государства кардинально меняло баланс сил на европейском континенте и

несло прямую военно-политическую угрозу соседним странам. К тому же в Вене хотели сохранить созданный в 1815 г. Германский союз и свое лидерство в нем. Неслучайно, общегерманское национальное движение во главе с домом Гогенцоллернов привело к резкому обострению австро-пруссских и русско-пруссских отношений. Что касалось Англии, то ее деловые круги уже видели в экономически усиливавшейся Пруссии своего торгового соперника. Добавим к этому, что в борьбе Пруссии и Австрии (двух самых крупных германских государств) за лидерство в Германии и в сохранении ее политической раздробленности, правительства и Англии, и России, и Франции усматривали важное условие своего политического преобладания в делах Европы.

18 марта 1848 г. в указе прусского короля Фридриха Вильгельма IV о созыве Соединенного ландтага содержалось предложение членам Германского союза превратить Германию из союза государств в союзное государство. Спустя три дня, король обратился к народу с прокламацией, где объявил, что перед лицом внутренней и внешней опасности, когда ситуация требует объединения германских князей и народов под единым руководством, он готов взять это руководство в свои руки. Некоторые германские государства поддержали эту инициативу. Казалось выявляется перспектива осуществления национального объединения во главе с Пруссией. Однако дальнейшие действия Фридриха Вильгельма были противоречивыми и непоследовательными. 18 мая того же года открылись заседания общегерманского Франкфуртского Национального собрания, депутаты которого избрали временным имперским правителем австрийского эрцгерцога Иоганна. Главной задачей Национального собрания явилось создание единого германского государства.

Вопрос о том, под чьим главенством — Австрии или Пруссии — это объединение должно было осуществиться, широко дебатировался в немецком обществе. Возможный путь объединения под гегемонией Австрии стали называть «великогерманским», под гегемонией Пруссии, но без включения Австрии, — «малогерманским». Германское национальное движение было тесно связано с шлезвиг-гольштейнской проблемой, обострившейся с начала 1848 г. Большинство населения Гольштейна и южной части Шлезвига составляли немцы. В северной части последнего жили преимущественно датчане. Обои гер-

цогствами управлял датский король, но в состав Дании они не входили. При этом Гольштейн являлся членом Германского союза, Шлезвиг — нет. С 30-х гг. в Гольштейне и Шлезвиге появилось немецкое национальное движение, выдвинувшее план создания единого государства Шлезвиг-Гольштейн в составе Германского союза.

Вскоре после мартовских восстаний 1848 г. в Вене и Берлине датский король Фредерик VII заявил притязания на присоединение Шлезвига к своему королевству, что спровоцировало восстание немецкого населения герцогств против датского владычества. Было образовано временное правительство обоих герцогств, которое обратилось за помощью к бундестагу Германского союза и прусскому правительству. Бундестаг принял решение о вооруженном выступлении против Дании, Фридрих Вильгельм IV также не заставил себя долго просить. При всеобщем одобрении населения германских земель в начале апреля войска Пруссии вошли в Гольштейн и Шлезвиг, и к концу месяца герцогства были в их руках; отдельные прусские части даже вторглись на собственно датские территории. Пруссия претендовала на Шлезвиг-Гольштейн — приэльбские герцогства занимали исключительно выгодное географическое положение на сравнительно узкой полосе Ютландского полуострова, разделяющего Балтийское и Северное моря, — и обладание ими было бы для прусско-германской буржуазии бесценным приобретением в смысле развития морской торговли. Изгнание датчан из Шлезвига-Гольштейна сразу сделали Фридриха Вильгельма кумиром Франкфуртского собрания, рассматривавшего эти действия как первый шаг к объединению Германии.

Германская национальная идея вступила в столкновение не только с национализмом датчан, но и реальной политической и международной ситуацией. Копенгаген обратился за помощью к Англии, России и Швеции, как к наиболее заинтересованным сторонам в сохранении морского равновесия на севере Европы. Все три державы решительно высказались против территориального расчленения Датского королевства и отторжения от него Шлезвига и Гольштейна. Пальмерстон угрожал берлинскому двору послать английский флот для защиты владений Фредерика VII. Россия и Швеция оказали датскому королю реальную поддержку. Николай I предъявил Пруссии ультиматум с требованием вывести ее войска из оккупированной

Ютландии. В подкрепление ультиматума царь направил к берегам Ютландии балтийскую эскадру и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. Шведское правительство перебросило в Шлезвиг 15-тысячный корпус. Фридрих Вильгельм IV и помыслить не мог о войне с Россией. В конце августа 1848 г. было подписано прусско-датское перемирие. Последовавшие за ним переговоры о судьбе Шлезвиг-Гольштейна успеха не принесли. Имея на своей стороне Россию, Англию и Швецию, а также Францию (французский генерал Э. Фавье с разрешения своего правительства занимался реорганизацией датской армии), Фредерик VII денонсировал перемирие, намереваясь восстановить прежнее положение в приэльбских герцогствах.

27 марта 1849 г. Франкфуртское собрание приняло имперскую конституцию и избрало прусского короля императором Германии. Фридрих Вильгельм заявил депутации Собрания, что готов встать во главе общего германского отечества, но принять имперскую корону может только при условии согласия на это германских монархов и вольных городов. Чувствуя прилив сил, 4 апреля Фридрих Вильгельм приказал войскам возобновить военные действия против Дании. На этот раз они оказались неудачными для пруссаков, и в июле было заключено новое перемирие, по-прежнему, оставив нерешенными спорные вопросы в Шлезвиг-Гольштейне. Еще раньше, 28 апреля, под давлением русской и австрийской дипломатии, Фридрих Вильгельм официально отказался от предложенной ему общегерманским парламентом имперской короны. Однако от борьбы с Австрией за верховенство в Германии Фридрих Вильгельм не отступил. 26 мая 1849 г. был заключен союз трех королей — Пруссии, Ганновера и Саксонии, к которому присоединились свыше двух десятков мелких немецких князьков. Берлинский кабинет опубликовал свой проект национального объединения при руководящей роли Пруссии. Австро-пруссские отношения накалились.

Весной 1850 г. Фридрих Вильгельм для поддержания своего авторитета в третий раз начал военные действия против Дании. И снова решающую роль при урегулировании прусско-датского конфликта и внутригерманской ситуации сыграла Россия. 2 июля между Пруссией и Данией был заключен мир на условиях неприкосновенности датской монархии. Эти условия месяц спустя подтвердил международный Лондонский протокол; власть датского короля в Шлезвиг-Гольштейне была

приостановлена. Осенью 1850 г. Пруссия и Австрия оказались ми волосок от войны. Тогда Николай I, желающий примирить обе стороны, но полностью поддерживающий венский двор, с целью снова припугнуть прусского короля пригласил его на аудиенцию в Варшаву. Фридрих Вильгельм уклонился от визита и послал вместо себя своего дядю, министра-президента В. Бранденбурга. Царь в резкой форме отчитал Бранденбурга ни прусский проект унии северогерманских государств. На несчастного Бранденбурга была возложена вина за провал миссии и, испытав нервное потрясение, министр умер. С мечтаниями Фридриха Вильгельма возглавить объединенную Германию было покончено. 29 ноября 1850 г. в Ольмюце (Оломоуц, Чехия) Главы правительств Пруссии и Австрии при посредничестве русского посла в Вене подписали соглашение, долго вспоминавшееся в Пруссии как национальное унижение: прежний, распавшийся во время революции, Германский союз восстанавливался под главенством Австрии; вместе с австрийскими войсками пруссаки обязывались способствовать передаче мятежной Голштинии датской короне.

События 1848-1850 гг. в Германии поставили под угрозу распада блок монархов России, Австрии и Пруссии — основной защитный механизм Венской системы. И хотя былой солидарности государей этих держав более не существовало, в переписке между ними поддерживалась особая теплота и интимность, что должно было свидетельствовать о тесных связях трех дворов. «Дорогой Фриц» — так обращался обычно Николай I к своему шурину Фридриху Вильгельму IV, а тот звал зятя «дражайшим Никсом» (царь был женат на сестре прусского короля). Молодому Францу Иосифу Николай и вовсе говорил «ты», позволяя при этом и к себе обращаться подобным образом. После подавления революций 1848-1849 гг. влияние России в Европе было очень велико, а в ее центральной части — преобладающим; овеянный ореолом восстановителя законности и порядка на континенте, царь находился в зените могущества. За Николаем I, как и за его братом Александром I, закрепилась, и вполне заслуженно, репутация европейского жандарма. Следует, конечно, не забывать, что рядом с ними действовали люди «белого террора» во Франции, австрийский канцлер Меттерних, светская и католическая реакция в Германии, Италии, Испании. Не меньше этих сил в подавлении революций была заинтересована буржуазно-аристократическая плутокра-

тия Англии. Британский министр Пальмерстон, в совершенстве владея всем арсеналом традиционных приемов английской дипломатии, лицемерно провозглашал миссией Англии «защиту свободы и демократии» в Европе. Это не мешало ему использовать деньги, флот и дипломатию, чтобы помешать успеху революционно-освободительных выступлений, свести к минимуму перемены в европейском международном положении. Три волны революционных и национально-освободительных движений 20-40-х гг., наряду с внутренними противоречиями между державами и, в первую очередь, в Восточном вопросе, вели к разрушению и распаду Священного союза и его идейно-охранительных принципов. Похоронила консервативный альянс России, Австрии и Пруссии Крымская война.

Восточный вопрос

С 20-х гг. XIX в. большое влияние на всю систему межгосударственных отношений начинает оказывать Восточный вопрос. Крепнувшая национальная борьба балканских и дунайских народов подтачивала слабеющую Османскую империю, на владения которой продолжали претендовать как Россия, так и Австрия. Составной частью Восточного вопроса являлся режим Черноморских проливов, имевших важное экономическое, политическое и военно-стратегическое значение. Продвижения России на Юг и усиления ее позиций в Средиземноморье опасались и Англия, и Франция. Восточный вопрос превращался в самый сложный и болезненный в Европе. Именно на Балканах и Ближнем Востоке закручивался основной узел противоречий между ведущими европейскими государствами — Великобританией и Россией.

В 1812 г. британская дипломатия способствовала заключению между Россией и Турцией Бухарестского мирного договора, который передавал России юго-восточную часть Молдавии — Бессарабию (русско-турецкая граница устанавливалась по реке Прут до соединения ее с Дунаем, затем по Киликийскому руслу Дуная до Черного моря), подтверждал для Молдавии и Валахии автономию в составе Османской империи, а Сербии ее предоставлял. Но на этом сотрудничество Англии и России в Юго-Восточной Европе на базе борьбы с гегемонистскими планами Наполеона I кончилось и перешло в соперничество.

Сент-джеймский кабинет пришел к выводу, что султан слишком слаб для того, чтобы угрожать английским интересам, но вполне пригоден в качестве привратника у проливов Босфор и Дарданеллы, который будет держать запертым русский военный флот в Черном море.

Новый британский курс воплотился в доктрине статус кво — незыблемости владений Османов. По мнению английской буржуазии это предоставляло ей возможность экономически прибрать к рукам территории султанской империи. В Австрии так же росло убеждение в необходимости сохранения территориальной и политической целостности Турции как условия существования самой габсбургской монархии. Между двумя империями существовало глубокое сходство — обе они подавляли и угнетали многочисленные народы, входившие в их состав. Россия же воспринималась австрийскими политиками как некий центр притяжения славянских народов. В этом качестве она таила угрозу для европейских владений и султана и Габсбургов. На протяжении всего XIX в. в Вене стремились поддерживать союзнические отношения с Англией в Восточном вопросе, применяя надежный прием канцлера К. Меттерниха: чтобы нанести удар противнику, надо блокироваться с его основным соперником, но самому оставаться в тени.

Для России, при том, что восточные дела затрагивали ее национальные интересы, покровительство христианского населения Балканского полуострова было традиционным и одной из наиболее важных задач восточной политики. В силу ряда русско-турецких соглашений и обещаний, данных христианским подданным султана, Россия оказалась связанной системой обязательств, от соблюдения которых зависели ее влияние и вес в Османской империи. Православное население последней к середине XIX в. достигало 12-14 млн человек, и данный фактор, сочетая в себе элементы как конфессионального, так и политического характера, превратился в главное оружие воздействия петербургского кабинета на Порту. Царизм небескорыстно поддерживал на Балканах национально-освободительные движения, стремясь не выпускать их из-под своего контроля. Но с помощью России балканское общество выходило на новые рубежи национального и социального развития.

Первое после окончания наполеоновских войн обострение Восточного вопроса было связано с национально-освободительной революцией в Греции, начавшейся в апреле 1821 г. Серьез-

ные успехи повстанцев сделали возможным созыв Национального собрания, которое в январе 1822 г. приняло декларацию о независимости и конституционный акт: страна объявлялась республикой во главе с президентом, провозглашалась защита личности и собственности, декларировались гражданские свободы. Султан Махмуд II не собирался примириться с потерей Греции. На восставшее население обрушились варварские репрессии. Кровавая резня была учинена весной 1822 г. на о. Хиос. 23 тыс. мирных жителей были убиты, 47 тыс. проданы в рабство. Цветущий остров превратился в пустыню. Летом того же года на полуостров Пелопоннес (Морею) вторглась османская армия. Она была разбита повстанцами, а смелые атаки греческих кораблей вынудили турецкий флот покинуть Эгейское море и укрыться в Дарданеллах.

Временное уменьшение внешней опасности способствовало обострению социальных и политических противоречий в повстанческом лагере, сильно ослабившим движение. Махмуду удалось обещанием уступки о. Крит и территорий в Сирии вовлечь в войну правителя Египта Мухаммеда Али. В феврале 1825 г. две дивизии под командованием его сына Ибрагима высадились на Пелопоннесе. Опустошив значительную часть полуострова, египтяне подошли к Месолонгиону — важному опорному пункту повстанцев в материковой Западной Греции, который тщетно штурмовала турецкая армия. Несмотря на огромный перевес сил, турецко-египетские войска только в апреле 1826 г. смогли ворваться в город. В июне 1827 г. пали Афины. Все греческие области к северу от Коринфского перешейка были оккупированы турецко-египетскими войсками.

Борьба греческого народа за свободу получила широкий международный резонанс. Общественное движение солидарности с восставшими греками охватило многие страны Европы и США. В Лондоне, Париже, Женеве действовали филэллинские комитеты, занимавшиеся сбором средств для сражавшейся Греции; тысячи добровольцев устремились на помощь грекам. Но монархи Европы встретили с неприкрытой враждебностью революцию в Греции. Связанные с ней проблемы обсуждались на последнем, Веронском, конгрессе Священного союза (октябрь—декабрь 1822 г.). Христианские принципы Союза пришли в противоречие с политическими, и конгресс занял сторону «законного правительства турецкого султана» против восставших христиан-греков. Прибывшая в Верону за

помощью делегация греческого правительства даже не была принята. Ведущие европейские державы не преминули использовать восточный кризис для реализации собственных планов на Ближнем Востоке и Балканах. Между Россией, Англией и Австрией разгорелась борьба за лидерство при урегулировании греко-турецкого конфликта.

Сформулировав принципы Священного союза, российский император Александр I сам связал себе руки на Балканах; возвращаться к активной «екатерининской политике» было затруднительно по идеологическим соображениям. Считая необходимым дальнейшее единение Союза и учитывая, что Россия еще не смогла залечить раны, нанесенные ее экономике во время наполеоновского нашествия, Александр занял сдержанную позицию в греко-турецком конфликте. Однако из опасений утратить на Балканах политическое влияние, царское правительство не могло остаться равнодушным к разворачивавшимся событиям в Греции, а так же в Молдавии и Валахии. В феврале-марте 1821 г. там начались восстания против феодального и национального гнета. Султанское правительство ввело войска в Дунайские княжества, препятствуя их автономному управлению.

Путем дипломатического нажима на османские власти Петербург пытался не допустить их расправу с христианским населением Дунайских княжеств. Порты расценила весьма умеренные требования русской дипломатии как признак ее слабости, стала грубо нарушать условия договоров с Россией о свободе торгового судоходства в Проливах. Ультимативная нота царя с требованиями о выводе турецких войск из Дунайских княжеств и восстановления свободы навигации в Проливах была проигнорирована. В июле 1821 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией, но петербургский кабинет подтвердил западноевропейским державам свой курс на мирное урегулирование русско-турецких разногласий и греко-турецкого конфликта.

Стремление Александра играть главную роль при оказании коллективного давления держав на Порту, заставив ее пойти на уступки грекам, успеха не принесло. Усиливавшаяся борьба политических группировок в руководстве греческого движения, вторжение египтян на Пелопоннес заставляли царское правительство действовать более активно. В январе 1824 г. оно разослало в Лондон, Вену и Берлин «Мемуар об умиротворе-

нии Греции». Это был первый конкретный, хотя и весьма непоследовательный, проект нового политического устройства греческих земель. В документе предлагалось разделить континентальной Греции на три княжества с широкой автономией при сохранении Портой верховной власти, а также закрепления прав и привилегий, которыми уже пользовались острова Архипелага.

Западноевропейские кабинеты нашли «Мемуар» слишком опасным: они усматривали в нем предпосылки для преобладающего влияния России в Греции. Над русской дипломатией нависла угроза провала внешнеполитического курса, который она вела с начала восточного кризиса. В Англии, как впрочем и в других западных государствах, с тревогой ожидали военного выступления России против Турции. Это грозило не только усилением русских позиций на Балканах, но и разрушением статус кво султанской империи. Кроме того, освободительная борьба греков разворачивалась в непосредственной близости от важнейших торгово-экономических путей Средиземноморья и в опасном соседстве с Ионическими островами (англичане владели ими с 1815 г.), где еще совсем недавно происходило анти-английское восстание.

Сент-джеймский кабинет, забыв о своей оппозиции к континентальным державам по вопросу о подавлении революций на Апеннинях и Пиренеях, практически встал на сторону Священного союза и объявил восставших греков «бунтовщиками». Главной его задачей стало вырвать из рук России инициативу в урегулировании конфликта на Балканах. Д. Каннинг, возглавивший в сентябре 1822 г. Форин офис, повел решительно наступление на дипломатию партнеров по Священному союзу и начал интенсивные поиски путей укрепления позиций Великобритании в Средиземноморье, в странах Леванта (Сирия и Ливан), на Пелопоннесе. Отношения между Англией и Россией становились все более напряженными из-за стремления и той и другой играть ведущую роль в решении греческих дел. В марте 1823 г. Каннинг объявил греков воюющей стороной. Фактически это был первый шаг к признанию независимости Греции. В 1824-1825 гг. повстанцы получили английские займы.

Наиболее последовательной сторонницей полного восстановления османского владычества в Греции являлась Австрия. На Веронском конгрессе австрийский канцлер предложил вмешаться в греко-турецкий конфликт на стороне султана; по со-

вету Меттерниха Махмуд II обратился за военной помощью к египетскому паше. Нуждавшийся в мощном союзнике в борьбе с европейскими революциями и за гегемонию в Германском союзе, венский двор сохранял лояльное отношение к Петербургу, но на деле направлял усилия на ограничение его свободы действий на Балканах.

Вступивший в конце 1825 г. на российский престол Николай I сохранил общие принципы внешней политики своего брата, но изменил тактику выхода из восточного кризиса. Русская дипломатия в конце царствования Александра I уже фактически подготовила переход России к независимой и жесткой линии в Восточном вопросе. Немалую роль сыграло все более возраставшее недовольство результатами политики многих известных военачальников, государственных деятелей, дипломатов, считавших себя приверженцами «русской партии», которые еще в 1821 г. видели долг страны в оказании грекам военной помощи. Николай I был вынужден также учитывать экономические интересы значительной части помещиков и купцов, связанных с черноморской торговлей. Отказавшись, как ранее Александр, от территориального экспансионизма на Балканах, Николай все более склонялся к необходимости военным путем разрубить узел восточных противоречий (греческий вопрос, защита прав и привилегий народов Молдавии, Валахии и Сербии) и решить проблемы собственно русско-турецких разногласий. Он пошел на заключение соглашений с Англией и Францией по греческому вопросу, лишив их тем самым возможности действовать независимо от России при переговорах с Турцией. Каннинг готов был на основе компромиссов пойти на соглашение с Россией, но лишь затем, чтобы повести ее за собой.

Франция, занятая внутренними проблемами, не играла в начале восточного кризиса первостепенной роли. Но имея собственные интересы в Греции и на Ближнем Востоке, она сделала поворот в сторону поддержки плана действий русского и английского правительств. 4 апреля 1826 г. в Петербурге был подписан англо-русский протокол, ставший первым международным соглашением по греческому вопросу. Царское правительство признало английское посредничество в греко-турецком конфликте, а в случае отказа султана от посредничества, Россия могла единолично выступить против Турции. Что касалось Греции, то ей предлагалось обеспечение автономии. 6 ию-

ля 1827 г. в Лондоне представители Англии, России и Франции заключили конвенцию. Принцип автономии Греции (в форме конституционной монархии) сохранялся, новым стало положение о возможности применения к Порте «крайних мер» в случае непринятия ею посредничества трех держав. После того как Махмуд II отклонил ультиматум держав, в Наваринскую бухту полуострова Пелопоннес направилась эскадра союзников. Она должна была помешать провозу из Египта и Малой Азии военных подкреплений к греческим берегам. 20 октября произошло столкновение союзной эскадры с турецко-египетским флотом, и последний был потоплен. Но Англия и Франция не собирались объявлять войну Турции. Они известили Махмуда о прекращении участия в военных акциях против турок, настаивали на признании посредничества. Порта продолжала упорствовать. Австрия, развившая большую активность, выступила против планируемого ввода русских войск в Дунайские княжества и готовила военную демонстрацию у границ княжеств и Сербии. Венский двор поощрял султана к новым выпадам против России. В декабре 1827 г. Махмуд официально заявил о расторжении ранее заключенных с Россией договоров, и призвал всех мусульман к священной войне против «неверных» — газавату. В марте 1828 г. царское правительство объявило войну Порте.

В Дунайские княжества вступили русские войска, но они оказались слабо подготовленными к войне. Осенью 1828 г. на Пелопоннесе, основную часть которого к этому времени заняли повстанческие силы греков, высадился французский корпус, способствуя тем самым уходу египетских войск. Летом 1829 г. русская армия в результате большого напряжения сил добилась перелома на Дунайском театре. Перейдя через Балканские горы, 20 августа русские вошли в Адрианополь. Казачьи разъезды стали видны с городских стен Стамбула, где возникла паника. В Адрианополь прибыли турецкие делегаты для переговоров о мире. В течении осени 1828 — зимы 1829 гг. между союзниками шло интенсивное обсуждение, касающееся территориального и политического оформления греческого государства. Западные державы выдвигали требования существенного ограничения его территории. Россия неизменно стремилась расширить эти границы, что ей не всегда удавалось. Постановка царским правительством в проекте мирного договора с Портой вопроса о Греции вызывала сопротивление не только турецкой стороны, но также лондонского и венско-

го кабинетов, стремившихся к участию в мирных переговорах. Включение этого вопроса в проект договора означало бы, что именно Россия становится вершительницей судьбы Греции. Британская дипломатия активно добивалась заключения Портой соглашения с греками, причем до ее мирного договора с русскими. Но добиться этого ей не удалось.

14 сентября 1829 г. Россия и Турция подписали Адрианопольский мир. Греция получала автономное управление в соответствии с Лондонской конвенцией 1827 г. Автономия Дунайских княжеств была значительно расширена. Автономия в Сербии утверждалась. (Еще три года после подписания Адрианопольского договора русские дипломаты и военные корректировали турецкую политику в отношении Сербии. В результате в 1830 и 1833 гг. по двум фирманам Сербия получила привилегии автономной области Османской империи, расширила границы, а Милош Обренович был провозглашен наследственным сербским правителем-князем). Россия получила, кроме территорий на восточном побережье Черного моря и Кавказе, дельту Дуная, а вместе с ней контроль над устьем великой реки и подтверждение права прохода своих судов через Босфор и Дарданеллы. Затянувшийся восточный кризис 1821-1829 гг. завершился. Адрианопольский мир явился этапом в восстановлении государственности Греции, Дунайских княжеств, Сербии, и в этом состояло его судьбоносное значение в летописях народов этих стран. Порта потерпела крупное поражение, ее власть в Юго-Восточной Европе была серьезно подорвана. Россия и Англия заметно усилили свои позиции в Восточном вопросе.

Адрианопольский договор создал необходимые военно-политические предпосылки для юридического закрепления греческой независимости. Еще в марте 1827 г. Национальное собрание выбрало правителем (президентом) Греции И. Каподистрию, бывшего статс-секретаря по иностранным делам России, грека по национальности и горячего патриота своей родины. Прибыв в январе 1828 г. в Грецию, Каподистрия основное внимание уделил вопросам централизации управления, повышению боеспособности вооруженных сил и созданию собственной финансовой системы. Греки не желали мириться с сохранением даже формальной вассальной зависимости от Турции. Русское правительство после Адрианопольского мира наста-

ивало в Лондоне и Париже на предоставление Греции полной самостоятельности.

3 февраля 1830 г. Лондонская конференция трех держав — Великобритании, России и Франции — провозгласила независимость Греции, которая стала первой балканской страной ее завоевавшей. Турция была вынуждена с этим согласиться. Длительного времени потребовало у держав-покровительниц решение вопроса о правящей династии в Греции. Престол был предложен немецкому принцу Леопольду Саксен-Кобург-Готу. Но Леопольд не горел желанием ехать в Грецию, греческому престолу он предпочел корону Бельгии (1831). Между тем, в Греции шла острая борьба группировок, которые искали поддержку извне: у России, Англии или Франции. Жесткая позиция президента Каподистрии в отношении политических оппонентов внутри страны в конечном счете привела к падению его популярности среди различных слоев населения; наиболее влиятельные фигуры греческой политики оказались в той или иной степени враждебно настроенными к Каподистрии. В октябре 1831 г. он был убит, став жертвой политических распрей. Возобновившаяся весной 1832 г. конференция в Лондоне утвердила нового кандидата на греческий престол — второго сына короля Баварии Отто Виттельсбаха. 27 июля состоялась его коронация. Конференция окончательно определила и границы Греции. В ее состав вошли: Пелопоннес, южная часть континентальной Греции между заливами Арта и Волос и Кикладские острова. Греческий вопрос в международно-политическом плане был решен, хотя под османским игом продолжала оставаться большая часть греческих земель — Эпир, Фессалия, Крит, острова Эгейского моря.

Не успел разрешиться греческий вопрос, как европейской дипломатии вновь пришлось заниматься Османской империей в связи с конфликтом между Портой и ее могущественным вассалом египетским пашой Мухаммедом Али, ориентировавшимся на Францию. Вспыхнувший в 1831 г. турецко-египетский конфликт как внутренняя проблема империи приобрел международное значение. Франция традиционно имела сильное влияние в Египте, используя его как рынок сбыта и источник сырья. С помощью Мухаммеда Али она стремилась установить безраздельное господство над Левантом (французская буржуазия была главным экспортером шелка-сырца из Сирии и Ливана). Мухаммед Али рассчитывал, как максимум, свергнуть своего сюзерена-султана и занять его трон, как ми-

нимум — добиться независимости и значительных территориальных приращений за счет малоазиатских провинций. Так и не получив Сирию в качестве вознаграждения за помощь Махмуду II в борьбе с греческими повстанцами, он начал готовиться к ее захвату. Египетская армия, организованная по европейскому образцу французскими офицерами и руководимая талантливым военачальником Ибрагимом, быстро шла к цели. Вступив в конце 1831 г. в пределы Сирии, египтяне, спустя год овладели Киликией и вошли в Анатолию. 21 декабря 1832 г. в битве под Коньей турецкая армия была разгромлена. Дорога на Стамбул египтянам была открыта.

Порта обратилась за военной помощью к европейским державам, видя в них единственное спасение. Французское правительство Луи Филиппа, оказывавшее египетскому паше почти неприкрытую поддержку, предложило свое посредничество. Глава Форин-офиса Г. Пальмерстон, стремясь разрешить конфликт чужими руками, предложил Вене оказать военную помощь Турции, но Меттерних не хотел ссориться с Россией. Николай I действовал быстро и энергично. 20 февраля 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор, бросив якорь напротив дипломатического квартала Стамбула, чем привела в замешательство представителей других держав. В начале апреля военно-транспортные суда высадили русские десантные части на азиатском берегу Босфора в местности Ункяр-Искелеси, которые преградили путь египтянам на турецкую столицу. Англии и Франции, чрезвычайно болезненно воспринявшим этот акт, пришлось добиваться скорейшего перемирия между Египтом и Турцией, которое было заключено в мае 1833 г. в местечке Кютахья. Мухаммед Али получил под свое управление Сирию и Киликию и отзывал войска из Анатолии. Кютахийское соглашение, завершившее первый турецко-египетский конфликт, не удовлетворило ни ту, ни другую сторону.

В это же время в Турцию для объединения русского дипломатического и военного руководства прибыл любимец Николая I А. Ф. Орлов. В 1829 г. он удачно провел мирные переговоры с турками. Твердость характера при внешней доброжелательности позволили ему добиться уважения турецких сановников и благосклонности султана. Теперь Орлов с большим искусством повел переговоры о русско-турецком союзном договоре. Идея оборонительного союза исходила от султанского прави-

являвшую, что «солидарность пяти великих держав является обеспеченной и что поэтому Порте следует воздержаться от принятия без их содействия каких бы то ни было окончательных решений и выжидать результатов того интереса, который эти державы проявят к Порте». После того как стало ясно, что Россия не собирается вооруженной силой вмешиваться в события на Востоке, каждая из европейских держав вновь стала заботиться о собственных интересах. Крайне обострились противоречия между Англией и Францией из-за Египта. В Тюильри добивались для нее самостоятельности и рассчитывали сделать Сирию наследственным владением Мухаммеда Али. Пальмерстон защищал суверенные права султана и требовал покончить с владычеством Мухаммеда Али в Леванте. «Сердечное согласие» распалось на глазах. Используя это, Нессельроде предложил Форин офис следующую программу действий: Россия оказывает поддержку Англии в Леванте; обе державы добиваются изоляции Франции в Восточном вопросе и вырабатывают соглашение о Проливах. Пальмерстон, крайне нуждавшийся в тот момент в содействии России, к тому же при ее добровольном отказе от Ункяр-Искелесийского договора, охотно пошел на переговоры. Последние послужили основой для открытия весной 1840 г. в английской столице конференции по делам Востока.

15 июля представители Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Турции подписали Лондонскую конвенцию. Территориальные вопросы между Турцией и Египтом решались следующим образом: султан предоставлял египетскому папе наследственное управление Египтом и пожизненное Сирией; если Мухаммед Али откажется признать волю держав, Англия и Австрия помогут Турции действиями своих эскадр в Средиземном море; Россия от оказания военной помощи устранилась, но была уполномочена в случае опасности защищать Стамбул. Принцип коллективной помощи Порте открыл новую эпоху в истории дипломатических отношений европейских держав с Османской империей — последняя фактически утратила самостоятельность в проведении внешней политики и из субъекта международных отношений стала постепенно превращаться в их объект, ее уделом становились лавирование и игра на противоречиях между участниками европейского ареопага. Другим пунктом конвенции, имевшим общеевропейское значение, было решение о закрытии Проливов для всех иностранных (не-

турецких) военных кораблей. Эта статья положила начало новому режиму Проливов. До 1840 г. проход военных судов через Босфор и Дарданеллы регулировался двухсторонними соглашениями между Турцией и Россией (1799, 1805, 1833) — тогда единственно прибрежными державами. Теперь нечерноморские государства, в первую очередь Англия, получили возможность вмешиваться в правовой режим Проливов. Лондонская конвенция нарушала суверенные права Турции: она лишала ее права открывать или закрывать Босфор и Дарданеллы, являвшиеся частью турецкой государственной территории, по своему усмотрению. Достигнутое соглашение ставило под вопрос безопасность юго-западных пределов России, а ее военный флот оказался запертым в Черном море.

Французское правительство отказалось подписать Лондонскую конвенцию. Мухаммед Али отклонил требование держав возвратить султану захваченные у него владения. В Лондоне и Вене начали готовиться к экспедиции в Сирию. Николай I тоже намеревался отправить свой флот в Средиземное море или высадить десантный корпус на Босфоре, но австрийский канцлер Меттерних заклинал царя в интересах «достигнутого единства» отказаться от этого плана, а Пальмерстон ему решительно воспротивился. В сентябре 1840 г. Англия и Австрия вместе с Турцией начали военные действия против Египта. Правительство Луи Филиппа, делавшее грозные заявления в адрес англичан и обещавшие оружием защищать Мухаммеда Али, оставило его без всякой поддержки. Сирийское побережье блокировала англо-австрийская эскадра, а англо-турецкий десант осадил Бейрут и захватил многие прибрежные населенные пункты. Местная феодальная верхушка немедленно перешла на сторону англичан; горцы Ливана вели партизанскую войну в тылу египетских войск. Ибрагим спешно эвакуировал остатки армии в Египет. В феврале 1841 г. победители продиктовали Мухаммеду Али свои условия: он получал Египет в наследственное владение, но его власть сильно ограничивалась. Англия не только закрепилась в Египте, но и потеснила в Сирии и Ливане Францию. Решив судьбу Египта, Пальмерстон передал в Париж, что союз с царским правительством не исключает совместной с Францией борьбы против России на Востоке, что следует добиться общеевропейского соглашения о Проливах с целью не допустить в будущем самостоятельного вмешательства России в Восточный вопрос. 13 июля

1841 г. была заключена вторая Лондонская конвенция в форме договора между пятью европейскими державами и Турцией. Она была целиком посвящена проблеме Проливов (они оставались закрытыми для военных кораблей всех держав) и явилась выражением нового режима Босфора и Дарданелл, поставив их под международный контроль.

Второй турецко-египетский конфликт 1839-1841 гг. завершился сплошным триумфом Форин офис и лично Пальмерстона. Позиции Англии на Ближнем Востоке усилились, России — ослабли. В Петербурге недооценили русско-английские противоречия в Восточном вопросе и преувеличивали англо-французские. Расчет на то, что отказ от Ункяр-Искелесийского договора укрепит отношения с Англией и приведет к изоляции Франции, оказался ошибочным. В этой связи необходимо отметить, что в Зимнем дворце согласились на изменение режима Проливов, поскольку не видели возможности проводить самостоятельную политику в отношении Турции. Царское правительство учитывало не только утрату политического преобладания в Стамбуле, но и узость торговых интересов России в балкано-ближневосточном регионе, в то время как британская буржуазия после заключения в 1838 г. англо-турецкого торгового соглашения получила широкие возможности для проникновения в этот регион и экономического подчинения Османской империи.

В ходе ближневосточного кризиса 30-х гг. (первый и второй турецко-египетские кризисы) оформились два узла экономических, политических и идеологических противоречий, доминировавших на Ближнем Востоке и Балканах: между западноевропейскими державами и Россией, с одной стороны, и Великобританией и Францией, двумя крупнейшими капиталистическими державами, — с другой. Важнейшим событием в истории международных отношений XIX в. стала Крымская война 1853-1856 гг. — первое общеевропейское вооруженное столкновение на Востоке. Крымская война выросла из разногласий Франции и России относительно прав католического и православного духовенства в Палестине. Представители обеих главных христианских церквей осуществляли покровительство Святым местам в Иерусалиме и Вифлееме. Влияние восточной, греческой церкви основывалось на том, что в течение нескольких веков Палестина входила в состав Византийской империи. Влияние западной, римской, церкви опиралось на латинские завоевания в этих краях в эпоху крестовых по-

ходов. Права и привилегии обеих соперничавших между собой конфессий время от времени закреплялись султанскими фирмаными. К XIX в. исторически сложилось так, что в преимущественном положении оказалась более многочисленная православная община, которая охраняла и поддерживала основные христианские святыни. Однако к середине столетия католики предприняли попытку добиться изменений в свою пользу. Спор вокруг Святых мест продолжался с переменным успехом в течение 1850-1852 гг., то затухая, то разгораясь с новой силой. Он не имел форму прямого русско-французского противостояния, а велся путем давления на султанскую Турцию каждой из противоборствующих сторон, использовавших все средства политико-дипломатического арсенала. События I церковной жизни на Востоке завязывались в тугую политический узел.

Президент Франции Луи Наполеон первоначально использовал конфликт на Востоке для укрепления своих позиций среди влиятельного в стране католического клира. Но в дальнейшем война стала необходима ему для усиления авторитета императорской власти. С ее помощью он надеялся покончить с ненавистной венской системой договоров 1815 г., главным охранителем которой оставалась царская Россия. Вместе с тем в Париже стремились вытеснить Россию с Ближнего Востока, отстранить ее от контроля над Проливами. На это же были направлены и усилия Лондона. Англия и Франция не могли смириться с тем, что российское правительство после подавления революций 1848-1849 гг. получило возможность оказывать решающее воздействие на европейские дела. Ради этих общих целей английские и французские правящие круги готовы были на время забыть о своих противоречиях. Политика царского правительства в Восточном вопросе наталкивалась и на скрытое недоброжелательство Австрии. У нее были свои экспансионистские устремления в Юго-Восточную Европу, в частности в отношении Дунайских княжеств, над которыми Петербург еще со времен Кючук-Кайнарджийского мира (1774) стремился установить свой протекторат.

Для России защита привилегий православной общины Палестины составляла часть общей задачи покровительства всему православному населению Турции. Положение дел на Востоке и обстановка в Европе, по мнению Николая I, благоприятство-

вала тому, чтобы предпринять действенные шаги для усиления русского влияния на Балканах и Ближнем Востоке, для изменения к большей выгоде для России режима Проливов, установленного Лондонскими конвенциями 1840-1841 гг., и всей системы соглашений относительно Османской империи. На протяжении большей части своего царствования Николай был вынужден проводить политику статус кво Турции, однако его не оставляла мысль о возможности распада под влиянием внутренних факторов султанских владений и необходимости позаботиться о судьбе наследства «больного человека». Об этом, например, царь беседовал с австрийским канцлером Меттернихом в Мюнхенгреце (1833), с британскими политиками во время своего визита в Лондон (1844), с английским послом в Петербурге Г. Сеймуром в январе-феврале 1853 г. В начале 50-х гг. Николаю стало казаться, что близится момент, когда сможет осуществиться его идея-фикс — раздел владений султана.

28 февраля 1853 г. в Стамбул на военном пароходе прибыло чрезвычайное посольство А.С. Меншикова, которое мыслилось в Зимнем дворце как предприятие, имевшее целью решительно склонить чашу весов в затянувшемся споре по восточным делам на сторону России. Главное, чего должен был добиться Меншиков, — подписание русско-турецкой конвенции с обязательством Порты соблюдать неприкосновенность православной церкви, т. е. международного договора, дававшего Петербургу правовую основу для покровительства православных, а следовательно, и вмешательства во внутренние дела Османской империи. Вслед за Меншиковым в турецкую столицу приехал британский посол Ч. Стрэтфорд (Каннинг). Мастер политической интриги, к тому же прекрасно разбиравшийся во всех особенностях обстановки в Стамбуле, где он прожил много лет, Стрэтфорд являлся старым врагом русского влияния в Турции. Взяв курс на провоцирование конфликта между российским императором и султаном, Стрэтфорд в отношениях с Меншиковым демонстрировал доброжелательность и вызвался играть роль посредника в споре о Святых местах между русскими, французами и турками.

Если русско-французские разногласия были вскоре урегулированы, то русско-турецкие — обострились. Британский посол сделался, по существу, закулисным руководителем внешней политики Турции, недаром турки в дипломатической переписке именовали его «вторым султаном». Обещая Порте, что она не

останется без поддержки в решающий момент, Стрэтфорд толкал ее на вооруженное столкновение с Россией. Султан Абдул-Меджид согласился на все условия в вопросе о Святых местах, но не желал заключать русско-турецкую конвенцию, как посягательство на свой суверенитет. Когда посланец царя пошел на уступку туркам, то Стрэтфорд разрушил забрезжившую надежду на мирное урегулирование. 21 мая Меншиков со всем составом российского посольства покинул турецкую столицу. Миссия окончилась неудачно, за ней последовало военное решение Восточного вопроса.

4 июля 1853 г. русские войска вступили на территорию Молдавии, а спустя месяц — Валахии. Николай I полагал, что этот раз испытанный в прошлом метод принесет результат — позволит добиться удовлетворения русских требований. Но этого не произошло. В Стамбуле окончательно победили воинственные круги, увидевшие в создавшейся ситуации возможность при помощи западных держав взять реванш за предыдущие войны с Россией. 16 октября Абдул-Меджид объявил о состоянии войны с Россией. По его просьбе через Дарданеллы в Мраморное море вошли английская и французская средиземноморские эскадры, придавшие уверенность туркам, которые 23 октября переправились через Дунай и заняли городок Калафат. Через несколько дней турецкий отряд захватил пост Св. Николая на Кавказском побережье, вырезав его защитников. 1 ноября Николай I подписал манифест о войне с Турцией.

Начиная войну, царь продолжал надеяться, что западные державы не вмешаются в русско-турецкий конфликт. В оценке тогдашней международной обстановки он допустил серьезные ошибки. Николай считал Францию еще слишком слабой после бурных событий 1848-1851 гг., к тому же без Англии на серьезные действия Луи Наполеон не решится. Союз же Франции и Англии, по мнению царя, был невозможен. Не мог же нынешний Наполеон забыть о том, что англичане являлись смертельными врагами его великого дяди! Что касалось самих англичан, то с ними Николай полагал возможным договориться. В беседе с британским послом Сеймуром он предложил Англии Египет и Крит в обмен на протекторат России над Дунайскими княжествами, Сербией, Болгарией и, если обстоятельства принудят ее захватить Стамбул, стать «временной охранительницей» Босфора. Отрицательный ответ Форин офис не показался

царю тревожным симптомом. Его сбивало с толку всегда дружелюбное к нему отношение королевы Виктории и показное русофильство премьер-министра Д. Эбердина. Николай до конца своих дней не знал и не понимал английской конституционной теории и практики. Эбердин действительно проявлял известную склонность к сотрудничеству с Россией, в которой привык видеть противовес Франции на европейском континенте. Однако роль этого человека при выработке правительственного курса была не так велика, как хотелось думать царю.

В сформированном в 1852 г. в Лондоне коалиционном кабинете соперничали две фракции. Одну из них возглавлял премьер-министр Эбердин, другую — министр внутренних дел Пальмерстон, продолжавший и на своем новом посту оказывать значительное влияние на решение вопросов внешней политики. К тому же соперничество различных течений в правящих кругах Великобритании вокруг восточной политики не носило принципиального характера — это была скорее борьба по вопросам тактики. Действуя разными методами, и Эбердин, и Пальмерстон, в конечном счете, стремились к одному — не допустить усиления позиций России в районе Проливов, ближневосточном регионе в целом. Эбердин предпочитал не доводить дело до открытой конфронтации. Пальмерстон был сторонником жесткой линии в отношениях с Россией. Он писал о необходимости низвести Россию до положения второразрядной державы, выдвигая при этом совершенно фантастический план отнять у нее часть Кавказа, Крым, Бессарабию, Польшу, Прибалтику, Финляндию.

Австрию и Пруссию Николай I считал своими верными и надежными союзниками. Австрия, по его мнению, должна была вечно помнить услугу, оказанную ей Россией в 1849 г. (подавление революции в Венгрии). Николай был убежден, что со стороны габсбургской монархии ни малейшего противодействия оказано не будет. Пруссия не имела прямых интересов на Востоке, Восточный кризис мог затрагивать ее лишь в смысле уточнения ориентации Гогенцоллернов либо на Россию, либо на западные державы. В Берлине колебались. Сам Фридрих Вильгельм IV боялся как Николая, так и Наполеона и англичан, не зная на что решиться. О. Бисмарк, бывший в те годы представителем Пруссии в германском Союзном сейме, говорил, что «королевская политика напоминает пуделя, который потерял своего хозяина и в растерянности подбегает то к од-

ному прохожему, то к другому». Не следует думать, что, взяв стратегический курс на военный разгром России, правительства западных стран совершенно отказались от поиска других путей урегулирования кризиса. Опасаясь военной силы России, Франции и Англии было очень нелегко переступить черту, отделявшую европейский мир от войны. Переговоры о возможном примирении сторон шли накануне Крымской войны и продолжались на всем ее протяжении.

Кампания 1853 г. была непродолжительной. Сражения на левом берегу Дуная не принесли явной победы ни русским, ни туркам. Однако главное военное событие произошло не на суше, а на море. 30 ноября в Синопской бухте русская эскадра под командованием П.С. Нахимова уничтожила лучшую эскадру Османской империи, следовавшую к кавказскому побережью с десантом и воинскими грузами. Синопская победа русского флота превратилась в фактор, ускоривший вступление Франции и Англии в войну, ибо стало очевидным, что длительного единоборства с Россией Турция не выдержит. 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море. Петербург был поставлен в известность, что соединенный флот двух держав будет защищать турецкие суда и турецкие порты от нападения русской эскадры.

27 февраля Париж и Лондон предъявили царскому правительству ультиматум с требованием очистить Дунайские княжества. Россия разорвала дипломатические отношения с Францией и Англией. При этом Николай I пытался насколько возможно отдалить, а то и вовсе не допустить англо-французского вмешательства в русско-турецкую войну, полагая, что сделать это можно путем расширения дипломатического и военного наступления. Франц Иосиф отклонил предложения царя об объявлении Австрией нейтралитета в случае войны России с западными державами, а также разделить с ней на равных правах протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией. Тогда в марте 1854 г. русские войска перешли Дунай и осадили турецкую крепость Силистрию на правом берегу реки. Царь рассчитывал нанести поражение султану раньше, чем западные державы сумеют оказать ему реальную помощь. Но принудить турок просить мира не удалось.

12 марта Англия, Франция и Турция заключили союзный договор. Западные державы признали необходимым сохранить суверенитет и территориальную целостность Турции и обяза-

лись направить свой флот и сухопутные войска для освобождения Дунайских княжеств от русской армии. 27 марта королева Виктория объявила войну России, днем позже это сделал император Наполеон III. 10 апреля была подписана англо-французская конвенция, дополнившая союзный договор. Началась «большая война».

В марте 1853 г. английская, а затем французская эскадры вошли в Балтийское море. Союзный флот подошел почти к самому Петербургу, но причинить практического вреда надежно защищенному городу не мог. Русский флот, будучи слабее англо-французского, укрылся в Финском заливе под защитой фортов Кронштадта и Свеаборга. Союзники предпочли ограничиться установлением блокады русских балтийских берегов, нападением на незащищенные пункты побережья, захватом торговых и рыболовецких судов. Единственно серьезной операцией на Балтике в кампании 1854 г. стало взятие французскими войсками укрепления Бомарзунд на Аландских островах. Нападению подверглись и окраины Российской империи: Соловецкий монастырь на Белом море и Кола на Мурманском побережье, а также Петропавловск-Камчатский на Дальнем Востоке. Эти диверсии не принесли союзникам славы.

Летом 1854 г. произошел вывод русских войск из Дунайских княжеств. Причиной тому послужили неудачная осада Силистрии, концентрация англо-французских сил в районе болгарского города Варна, а главным образом, неприязненная позиция Австрии, которая, заключив 20 апреля оборонительный и наступательный союз с Пруссией, угрожающе сосредотачивала в тылу и на флангах русской армии все новые и новые воинские части. Согласно особому договору венского кабинета с Портой от 14 июля территории Молдавии и Валахии занимали австрийские войска. Основные военные действия развернулись теперь на Крымском полуострове, непосредственно на территории России. Стало очевидным, что союзники действуют не во имя защиты Турции, но стремятся подорвать мощь России.

В сентябре 1854 г. в районе Евпатории высадилась 70-тысячная англо-франко-турецкая армия под командованием французского маршала А. Сент-Арно и английского генерала Ф. Раглана. Она сразу же двинулась к главной военно-морской базе в Крыму — Севастополю. Главнокомандующий русскими вооруженными силами в Крыму А.С. Меншиков (возглавлявший

чрезвычайное посольство в Стамбул в 1853 г.) попытался задержать неприятеля у реки Альма (20 сентября), но сделать этого не сумел. Превосходство союзников в численности и вооружении вынудило русских отступить. Вместо того чтобы защищать Севастополь, Меншиков неожиданно отвел армию к Бахчисараю. Фактически Севастополь, почти лишенный сухопутных укреплений, мог быть взят с ходу, но на руку русским пришлись сомнения Сент-Арно в успешном штурме. Союзная армия обошла город, избрав своей основной базой расположенную южнее Севастополя Балаклаву. Этой оплошностью воспользовались вице-адмиралы В.А. Корнилов и П.С. Нахимов, которые организовали строительство укреплений вокруг города. Под угрозой оказался находившийся на Севастопольском рейде черноморский флот России. Состоявший по большей части из парусных кораблей, он количественно четверо уступал армаде противника, в которой преобладали винтовые паровые суда. Чтобы воспрепятствовать проникновению в Большую бухту вражеских судов, пришлось затопить у ее входа часть кораблей, а их пушки и экипажи были переброшены на сушу.

17 октября 1854 г. союзники предприняли первую бомбардировку Севастополя. Началась его героическая оборона, продолжавшаяся 11 месяцев. Меншиков попытался деблокировать город, нанеся неожиданный удар по Балаклаве. Никакого стратегического выигрыша атака русских в Долине смерти не принесла, но в ходе боя из-за опрометчивого приказа Раглана погибла целая бригада легкой кавалерии англичан (25 октября). Намечившийся было успех русских в кровопролитном сражении в районе Инкермановских высот не был развит (5 ноября). К находившимся на грани разгрома английским частям подоспели на помощь французы. Русские отступили, понеся значительные потери. Война стала принимать затяжной характер.

Британская и французская дипломатия приложила энергичные усилия по изоляции России и расширению антиросийской коалиции за счет германских, итальянских, скандинавских стран, Испании. 2 декабря 1854 г. Австрия заключила союзный договор с Англией и Францией. Это решение венского двора объяснялось, главным образом, желанием продлить на неопределенный срок оккупацию Молдавии и Валахии с перспективой их аннексии. Франц Иосиф взял обязательство за-

щищать Дунайские княжества от возвращения туда русской армии. На тот случай, если между Австрией и Россией начнутся военные действия, три договаривающиеся стороны обещали друг другу оборонительный и наступательный союз.

Внешнеполитическое положение России резко ухудшилось. В январе следующего года в войну вступило Сардинское королевство, где рассчитывали заручиться поддержкой французского императора в деле объединения Италии. 16-тысячный итальянский корпус отправился в Крым. Большого добиться англо-французской дипломатии не удалось. Несмотря на все ее попытки втянуть в войну с Россией Швецию, где оживились, казалось, забытые реваншистские настроения, Стокгольм подписал с западными державами лишь оборонительный договор на самом исходе войны. Одной из причин осторожного поведения шведского двора была ничтожность успехов англичан и французов на Балтике, хотя туда в 1855 г. была направлена новая, более мощная эскадра союзников.

Кампания в Крыму 1855 г. стала последней. Вслед за неудачной атакой русскими турецкого лагеря в Евпатории (17 февраля)

последовало увольнение Меншикова с поста главнокомандующего. Меншиков-полководец оказался под стать Меншикову-дипломату. Новый главнокомандующий М.Д. Горчаков также не отличался активностью. К кульминационному моменту севастопольской эпопеи 175-тысячной армии союзников противостояли 45 тыс. русских солдат и офицеров в осажденном городе и 65 тыс. в различных пунктах Крыма. Бой у Черной речки (16 августа) — последней попытке русского командования облегчить положение осажденных севастопольцев контрударом во фланг противника — сложился крайне неудачно для русских. 8 сентября большая часть Севастополя была занята союзными войсками, но, найдя там одни развалины, они вернулись на свои позиции. Крайнее истощение сил обеих воюющих лагерей на полуострове привели к прекращению военных действий. Крупные успехи русских на Кавказе к концу 1855 г. оказать влияние на результаты войны уже не могли. Солдаты уступили место дипломатам.

Взятие Севастополя удовлетворило тщеславие Наполеона III, а его личный недруг Николай I, поборник венских договоров, умер в марте 1855 г. В Тюильри могли считать основные цели войны достигнутыми. Оружие Франции покрыло себя славой, был взят реванш за поражение в 1812-1815 гг., укрепи-

лось положение императора внутри страны и империи в Европе. Мощь России на Юге была сильно подорвана: она потеряла главную черноморскую крепость, лишилась флота. Дальнейшее ослабление России не отвечало интересам Наполеона, это было бы на руку лишь Англии, правящие круги которой во главе с Пальмерстоном (в феврале 1855 г. он стал премьер-министром) настаивали на продолжении военных действий. Однако воевать без Франции и ее сухопутной армии Англия не могла. 25 февраля 1856 г. в Париже открылся завершивший Крымскую войну конгресс. В нем принимали участие воевавшие Россия, Великобритания, Франция, Турция и Сардиния, а также Австрия и Пруссия. Конгресс проходил под председательством двоюродного брата французского императора Ф. Валуевского и продлился чуть больше месяца. Русскую делегацию возглавлял опытный и умелый дипломат А.Ф. Орлов. Он уже подписывал Адрианопольский и Ункяр-Искелесийский договоры. Теперь Орлов должен был выполнить не менее ответственное, чем предыдущие, хотя и не сулившее славы поручение — заключить мир с победителями России. На заседаниях конгресса ему пришлось вести борьбу с английским и европейским министрами иностранных дел Д. Кларендоном и К. Буолем. Валуевский чаще поддерживал русскую делегацию. Это объяснялось сложной игрой, которую вел тогда Наполеон, стремившийся похоронить венскую систему и занять главенствующее положение в Европе. В его ближайшие планы входило укрепление отношений с Англией и Австрией, а в перспективе — постепенное сближение с Россией, поскольку итальянская политика французского императора неминуемо должна была привести к обострению отношений с Австрией. Орлов имел доверительные беседы с Наполеоном и довольно часто находил с ним общий язык, благодаря чему удалось отклонить ряд неприятных для России английских и австрийских требований и, насколько возможно, смягчить условия мирного договора, который был подписан 30 марта.

Парижский мир отменял русское покровительство православному населению Османской империи и заменял его коллективной гарантией всех великих держав; от России отходили к княжеству Молдавия дельта Дуная и прилегавшая к ней Южная Бессарабия; вводилась демилитаризация Аландских островов в Балтийском море (демилитаризованный статус Аландов сохраняется до наших дней). Центральное место

в договоре занимали статьи о нейтрализации Черного моря. Они запрещали России и Турции иметь там военный флот и военно-морские арсеналы. Договор подтверждал Лондонскую конвенцию 1841 г. о запрете прохода иностранных военных кораблей через Босфор и Дарданеллы. Новый режим Черноморского бассейна имел антироссийскую направленность. Принцип нейтрализации Черного моря означал более грубое нарушение суверенных прав России, чем даже принцип аннексии и контрибуции: ее черноморская граница оставалась незащищенной и открытой для военного нападения противника, при этом нейтрализация не содержала международно-правовой гарантии отказа от ведения военных действий. Нейтрализация была дальнейшим выражением политики широкого вмешательства Англии, Франции и Австрии в дела Черноморского бассейна. Россия подорвала влияние не только на Ближнем Востоке и Балканах, но и международный престиж как великой державы.

Поражение России явилось следствием общей технико-экономической отсталости самодержавно-крепостнической страны в сравнении с главными капиталистическими державами Западной Европы и результатом перевеса военных сил союзной коалиции. Турция находилась в лагере держав-победительниц, которые гарантировали ее независимость и целостность равно как и права султана над своими христианскими подданными. Это способствовало дальнейшим внутренним преобразованиям империи. В то же время принцип нейтрализации Черного моря затрагивал ее суверенные права, хотя, контролируя Проливы и располагая военно-морскими базами в Средиземноморье, Турция оказалась в более выгодном положении, чем Россия. Полученные Портой в годы Крымской войны займы от английских и французских банкирских домов наряду с передачей на откуп иностранцам некоторых таможен и реализацией концессий на пути сообщения привели к тому, что процесс закабаления ее экономики и финансов западноевропейскими капиталами пошел невиданно быстрыми темпами.

15 апреля через две недели после заключения Парижского мира, Франция, Великобритания и Австрия подписали соглашение, призванное гарантировать целостность Османской империи и сдерживать политику России в Восточном вопросе. Созданная так называемая Крымская система оказалась недолговечной. Она «испустила дух» в 1870 г., когда российское

правительство заявило об отказе соблюдать ограничительные статьи Парижского договора.

В развернувшейся после Крымской войны соперничестве между Францией и Англией за лидерство на Ближнем Востоке и к Турции чаша весов постепенно склонялась в пользу англичан. В результате Сирийской экспедиции Наполеона III (1860-1861) Франция утратила значительную часть влияния на Востоке, проиграв борьбу с Англией за монопольное положение в Леванте. Поражение Франции в войне с Пруссией (1870-1871) еще больше ослабило ее позиции в Османской империи. Великобритания же, приобретя контрольный пакет акций Суэцкого канала (1875), захватив о. Кипр (1878) и Египет (1882), закрепила свое преобладающее влияние в ближневосточном регионе.

Создатели Крымской системы не смогли предотвратить национально-освободительный подъем на Балканах, начавшийся на рубеже 50 — 60-х гг. На антиосманскую борьбу поднялись боснийцы, герцеговинцы, болгары, сербы, черногорцы, греки, румыны. Наибольшего успеха добились последние.

В октябре 1856 г. Россия выступила инициатором вывода австрийских и турецких войск из Дунайских княжеств. Ее инициативу поддержала Франция, чье влияние в Молдавии и Валахии стало доминирующим еще в 40-х гг. Наполеон III в своей восточной политике уделял им особое внимание, считая их опорными пунктами Франции на Балканах. Под давлением русской и французской дипломатии австрийские и турецкие войска в 1857 г. оставили территорию княжеств. Согласно статье Парижского договора государствам, его подписавшим, предлагалось создать комиссию для выработки статуса Молдавии и Валахии. Население последних выступало за образование единого государства. Обсуждение этого вопроса состоялось на Парижской конференции. Делегаты Турции, Англии, Австрии высказались против объединения, представители России и Франции поддержали национальные устремления румын. В результате в августе 1858 г. было принято компромиссное решение о раздельном существовании Молдавии и Валахии при введении единого для княжеств учреждения — Центральной комиссии по выработке общих законов, единого верховного и кассационного суда. Они получили новое название — «Соединенные княжества Молдавии и Валахии».

Половинчатое решение вопроса о Дунайских княжествах не удовлетворило население. Произошла неожиданная развязка. В начале 1859 г. раздельным голосованием делегатов в Яссах и Бухаресте господарем Молдовы и Валахии был избран Александр Куза, выходец их местного боярства. Так, путем личной унии, произошло фактическое объединение двух княжеств. При этом буква конвенции 1858 г. не была нарушена. Среди стран-гарантов Парижского мира начался переполох: румыны их перехитрили. Австрийцы и турки заговорили о вводе войск в княжества. Однако видя неодолимость движения за объединение, державы шли на уступки. Парижская конференция после продолжительной дискуссии в сентябре 1859 г. признала двойное избрание Кузы. Через два года, после долгих проволочек державы санкционировали слияние Молдавии и Валахии, но лишь на время правления Кузы. Их политическое объединение в единое государство — Румынское княжество — было закреплено 24 января 1862 г. образованием первого общенационального правительства и Национального собрания.

В феврале 1866 г. в результате сложившегося в княжестве заговора, Куза был низложен. Вопросы об устройстве Молдавии и Валахии и избрании нового правителя опять стали предметом обсуждения Парижской конференции стран-гарантов. Наиболее активную роль заняла Франция. В качестве кандидата на румынский престол ею был назван Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген — отпрыск младшей ветви прусского королевского дома, находившийся по материнской линии в родстве с Бонапартами. Порта выступила резко против избрания князя-иностранца, считая это нарушением суверенитета султана. Турецкому делегату предписывалось покинуть конференцию, если будет принято подобное решение. Национальное собрание в Бухаресте без санкции держав и Турции вновь высказалось за единое государство и избрало Гогенцоллерна румынским князем. В мае того же года участники Парижской конференции приняли протест Порты против передачи управления в Бухаресте Карлу Гогенцоллерну. Но во избежание новых осложнений державы, по существу, поддержали решение Национального собрания. Они советовали Порте не вводить войска в Румынию и признать ее нового князя. Султан был вынужден согласиться с этим. Решения Национального собрания и их признание европейскими державами и Турцией явились важной вехой в борьбе румынского народа за независимость.

Великие державы и объединение Германии и Италии

После европейской революции 1848-1849 гг. легитимизм как основа внешней политики сошел на нет. На первое место вышли национальные устремления, что стало теперь характерно для многих стран Европы. Именно под знаком национализма произошли в 1850-1860-х гг. два таких крупнейших события европейской истории XIX столетия как объединение Германии и Италии. Поскольку правящие круги Пруссии и Сардинского королевства (Пьемонта) мыслили эту акцию как исключительно объединение «сверху», они нуждались в поддержке одной или нескольких великих держав. Такая тактика неизбежно превращала объединение Германии и Италии в объект международных противоречий, в предмет дипломатического торга и политических компромиссов.

Первым встал итальянский вопрос. В условиях свирепствующей реакции на Апеннинском полуострове после подавления революционных движений 1848-1849 гг. демократический лагерь Италии переживал глубокий кризис. Организованные Д. Мадзини и его сторонниками попытки вооруженных экспедиций в Италию с целью поднять общенациональное восстание провалились. В этой ситуации часть демократов, в том числе Д. Гарибальди, приходила к выводу о необходимости союза с Савойской династией и либеральными кругами Пьемонта — единственного из итальянских государств, где сохранился конституционно-парламентский порядок, и где правила «чисто» итальянская династия. Авторитетным лидером либералов стал К. Кавур, тонкий и энергичный политик, который с 1852 г. вплоть до своей смерти в 1861 г. был премьер-министром Пьемонта.

Кавур стремился примирить интересы Савойского дома с делом национального освобождения и объединения Италии и рассматривал национальную идею прежде всего как внешнеполитическую задачу. С его точки зрения итальянское единство могло быть осуществлено постепенно, с неизбежным вмешательством великих держав, и, поскольку Пьемонту не под силу было бороться с Неаполитанским королевством, папским государством, а тем более с Австрийской империей (в ее руках находилась Ломбардо-Венецианская область и контроль над герцогствами Центральной Италии), следовало искать сильных внешнеполитических союзников. Претворяя в жизнь свою

программу, Кавур начал с направления в Крым пьемонтских солдат, которые приняли участие в войне 1853-1856 гг. на стороне Англии и Франции. Кавур добился приглашения Пьемонта на Парижский мирный конгресс 1856 г. в качестве равноправного члена, хотя его дипломатические успехи там были невелики: по поставленному на обсуждение итальянскому вопросу никаких решений принято не было; а лишь упомянуто, что произвол и деспотизм царят в Неаполитанском королевстве, что не в лучшем положении находится Папская область, и выражалось пожелание о выводе оттуда австрийских войск. Предложение Кавура рассмотреть возможность передать центральноитальянские герцогства Парму и Модену Сардинскому королевству в качестве территориальной компенсации за участие в войне даже не обсуждалось. Но с этого времени началось сближение Пьемонта с бонапартистской Францией против общего противника в лице Австрии.

После Крымской войны французский император Наполеон III находился в зените славы. Одной из задач его внешней политики, которая стала играть главенствующую роль в Европе, было вытеснение Австрии из Италии и утверждение в ней французской гегемонии. По инициативе Наполеона в июле 1858 г. на французском средиземноморском курорте Пломбьер состоялась его тайная встреча с Кавуром, во время которой были согласованы условия франко-сардинского военного и политического союза, оформленного в виде договора в январе 1859 г. Он предусматривал освобождение всей Ломбардо-Венецианской области от австрийцев и присоединение ее к Сардинскому королевству; последнее передавало Франции за ее военную помощь часть своей территории — провинцию Савойю и округ Ниццу. Наполеон стремился создать крупное североитальянское государство, союзное Франции, с которым вынуждена была бы считаться монархия Габсбургов. Кроме того, Наполеон лелеял план создания в центре Италии королевства во главе со своим двоюродным братом, а на неаполитанский престол посадить также своего ставленника. Римскому папе он отводил роль номинального главы будущей конфедерации итальянских государств Центральной и Южной Италии. Таким образом по-прежнему раздробленная Италия оказалась бы в полной зависимости от Второй империи. Кавур знал об этих замыслах, но надеялся, что события помешают их осуществлению. Готовясь к войне с Австрией, Наполеон пошел на сближение с Россией.

В 1855 г. на российский престол вступил Александр II. Он разделял взгляды своего отца, но, считая необходимым восстановить былое международное величие России, осознавая необходимость перемен, в том числе и во внешней политике. Вскоре после подписания Парижского мира, в апреле 1856 г. место ушедшего в отставку после почти сорокалетнего руководства МИД К.В. Нессельроде занял А.М. Горчаков. Понимая, что система Священного союза исчерпала себя, Горчаков выступил приверженцем нового внешнеполитического курса, отвечавшего национальным интересам страны. Он хорошо ориентировался в расстановке сил на международной арене, верно оценивал истинные стратегические мотивы европейских держав, прекрасно просчитывал их тактические ходы.

В циркуляре Горчакова 2 сентября 1856 г. российским послам в европейских столицах в качестве основы общей линии политики провозглашалось «обретение свободы действий». Это означало, что Россия отныне не намеревается жертвовать своими интересами для поддержания принципов Священного союза и считает себя совершенно свободной в выборе будущих друзей. Фразой циркуляра: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, а сосредотачивается», мгновенно облетевшей всю Европу, Горчаков подтверждал мирные намерения своего государства, но не исключал переход к активным действиям в будущем. В качестве основной внешнеполитической задачи ставилась цель добиться ликвидации статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря, унижающих национальные интересы и достоинство страны. Не менее важным представлялось восстановление утраченных позиций на Балканах, что должно было явиться первым шагом к изменению режима Черноморских проливов в пользу России. Для достижения этих целей ей необходимо было вырваться из международной изоляции.

По вопросу о союзниках в правящих кругах не было единодушия. Сам Александр II тяготел к Пруссии. Горчаков наиболее желательной союзницей видел Францию, тем более что она проявляла склонность к сближению с петербургским кабинетом. Этого никак нельзя было сказать о другом столпе Крымской системы — Англии. Австрии Россия не могла простить «предательства» во время Крымской войны. Что касалось Пруссии, то Горчаков полагал, что союз с ней окажется недостаточен для возрождения утраченных Россией позиций

в Европе, а прусская поддержка русской политики на Востоке будет малоэффективна.

В марте 1859 г. Россия и Франция заключили тайный договор. Согласно ему Наполеон III заручился обещанием русского правительства соблюдать в случае австро-французской войны благожелательный нейтралитет и склонить к аналогичной позиции германские государства, прежде всего, Пруссию. В Петербурге не возражали против присоединения к Франции Савойи и Ниццы, а к Пьемонту — Ломбардии и Венеции. Французское обязательство России фиксировалось соглашением довольно неопределенно. Предусматривалось, что стороны договорятся об изменениях в существующих трактатах в интересах обеих государств при заключении мира. Планам Наполеона III опасность не грозила и со стороны Англии: она только с невероятным трудом подавила восстание в Индии и британские политики опасались раздражать могущественного соседа на континенте. К тому же в Англии дело итальянских патриотов было чрезвычайно популярно.

Австрийцы, почувствовав надвигающуюся опасность, приступили к военным приготовлениям. То же делали Франция и Сардинское королевство. Война практически была предрешена. Вопрос состоял лишь в том, кто первый ее начнет, так как Конституция Германского союза давала право Австрии требовать у немецких государств военной помощи лишь в случае оборонительной войны. Австрийский император Франц Иосиф, боясь войны, осторожничал и выжидал. Тогда Наполеон предложил для обсуждения итальянского вопроса созвать международный конгресс. В Париже и Турине были уверены, что Вена его отвергнет и в глазах международного сообщества будет выглядеть агрессором. Одновременно французская и сардинская дипломатия искусно сбивали с толку Франца Иосифа. Кавур распространял сведения о полнейшей дезорганизации армии Пьемонта, об отсутствии единства при Туринском дворе, о том, что сам Кавур будет отдан под суд, как государственный изменник, продавший французскому императору Савойю и Ниццу. Французские послы в Вене и итальянских герцогствах распространяли слух, будто Наполеон страшится воевать с Австрией и ограничится лишь дипломатической помощью Пьемонту. Тактика союзников увенчалась успехом. Дезинформированное австрийское правительство фактически отказалось от международного посредничества и начало войну пер-

ной, рассчитывая быстро расправиться с Пьемонтом один на один. 29 апреля 1859 г. австрийские передовые части вступили на пьемонтскую территорию. В тот же день французы, стоявшие на границе с Австрией в полной боевой готовности, перешли через Альпы.

Терпя одно поражение за другим, австрийцы были выбиты из Пьемонта, а затем и из Ломбардии. Казалось кампания складывается победоносно для антиавстрийской коалиции. Однако события в Италии начали развиваться совсем не так как хотелось французскому императору. Стремительно набирало силу национально-освободительное движение. В герцогствах Парме, Модене, Тоскане и в отдельных легатствах Папской области произошли народные восстания. Правление в них перешло в руки уполномоченных сардинского короля Виктора Эммануила II. Война с Австрией, сохранившей контроль над Венецианской областью с ее системой мощных крепостей, грозила оказаться длительной и кровопролитной. К тому же Наполеону казалась реальной военная угроза со стороны Германского союза. Тут-то и сказались непоследовательность и противоречивость бонапартистской внешней политики. Возможно, Наполеон, который впоследствии нередко испытывал страх в процессе выполнения задуманного, просто струсил. 5 июля, пойдя на предательство своего союзника, он предложил Францу Иосифу перемирие, а шестью днями позже в Виллафранке оба императора встретились и согласовали его условия. Послав правительству Виктора Эммануила телеграмму: «Я заключил мир с императором австрийским, Австрия уступает мне Ломбардию, а я дарю ее Сардинии», Наполеон вернулся в Париж.

Европа была поражена, узнав о позорном сговоре в Виллафранке. Еще 8 мая в освобожденном Милане, выступая перед восторженно приветствовавшей его толпой, Наполеон призвал итальянцев объединиться под знамена сардинского короля, чтобы «стать свободными гражданами великой страны». Теперь вся Италия негодовала против оскорбительной формы и самого поступка французского императора. В Турине остались неудовлетворенны результатами войны, но для самостоятельной борьбы с Австрией сил не было. Виктор Эммануил согласился с условиями виллафранкских прелиминариев, но Кавур подал в отставку в знак протеста. 10 ноября 1859 г. в результате работы конференции в швейцарском Цюрихе были подписаны окончательные мирные договоры — австро-француз-

кий, франко-сардинский и общий австро-франко-сардинский. Австрия уступала Франции Ломбардию, а Франция передавала эту область Сардинскому королевству. Герцоги Пармы, Модены, Тосканы восстанавливались в своих правах. Из итальянских государств предполагалось создать конфедерацию под почетным председательством папы. Венеция оставалась за Австрией и должна была войти в состав конфедерации в качестве равноправного члена. Пьемонт обязывался выплатить Франции 60 млн. флоринов «для уменьшения тягот, вызванных войной».

Заключенные в Цюрихе договоры представляли собой попытку свести изменения, произошедшие в ходе войны и национально-освободительного движения в Италии к минимуму, но не могли помешать объединительному процессу на Апеннинском полуострове. Итальянские патриоты брали судьбу своих стран в собственные руки. Все попытки реставрации мелких государств и планы создания конфедерации потерпели крах. Парма, Модена, Тоскана и входившая в папское государство провинция Романья присоединились к Сардинскому королевству. Возвращенный к власти Кавур должен был уладить этот вопрос с державами, главным образом, с Францией. Наполеон, утратив полностью контроль над ситуацией в Италии, признал произошедшее, но потребовал Савойю и Ниццу.

24 марта 1860 г. в Турине был подписан франко-сардинский договор о судьбе Савойи и Ниццы. В результате плебисцита население этих областей (в большинстве своем франкоговорящее) под нажимом обоих правительств высказалось за присоединение к Франции. Но уже в апреле того же года восстала Сицилия. На помощь восставшим прибыла военная экспедиция «Тысяча» Гарибальди; к июню весь остров был в руках гарибальдийцев. В августе Гарибальди с освободительной армией переправился через Мессинский пролив, что вызвало повсеместное восстание на юге Италии. Армия неаполитанского короля находилась в состоянии разложения; многие ее солдаты и офицеры присоединялись к освободительной армии. Режим Бурбонов рухнул. В Неаполь на «помощь» гарибальдийцам вошли пьемонтские войска, заняв по пути большую часть папских владений — провинции Марке и Умбрию. Плебисциты, проведенные в октябре—ноябре 1860 г., одобрили слияние бывших Королевства Обеих Сицилий и папских легатств с Сардинским королевством.

Монархи Европы не имели никакого желания братья за оружие для защиты неаполитанского короля и папы римского. Их протесты против нарушения прав итальянских государей были озвучены лишь проформы ради. Австрийский император Франц Иосиф испытывал сильное желание напасть на Пьемонт, когда его войска находились на Юге Италии, и взять реванш. Однако венский двор не мог действовать без соучастия или согласия Европы, а ему не удалось добиться ни того, ни другого. Немаловажную поддержку итальянскому освободительному движению оказало британское правительство, опасавшееся в равной мере как восстановления австрийского влияния на Апеннинском полуострове, так и опасного для своих средиземноморских планов упрочения там Второй империи.

В Англии рассчитывали, что после виллафранкского предательства у нее есть хороший шанс стать лучшим другом складывающегося вокруг Сардинского королевства единого итальянского государства. Неслучайно, в конце июля 1859 г. сент-джеймский кабинет декларировал свои принципы по решению итальянского вопроса: вывод французских и австрийских войск из Папской области, признание Францией и Австрией принципа невмешательства в дела полуострова, а за населением Центральной Италии — права свободно распоряжаться своей судьбой. Англия, по существу, одобряла политику Кавура и первой из держав признала Итальянское королевство. 17 марта 1861 г. общеитальянский парламент провозгласил Виктора Эммануила королем Италии. Вне нового национального государства оставались Венеция и резко урезанная в территории Папская область (Рим с провинцией Лацио).

Австро-франко-сардинская война 1859 г. послужила толчком к новому подъему немецкого общественного движения за национальное объединение. По всей Германии активизировались споры между «великогерманцами» и «малогерманцами». В связи с психическим расстройством Фридриха Вильгельма IV править в Пруссии стал его брат Вильгельм, сперва в качестве регента, с 1858 г., а спустя три года после смерти Фридриха, он был провозглашен королем. В Берлине не могли не радоваться серьезному поражению Австрии. Вильгельм I страстно желал получить возможность отомстить за «олимпийское унижение» (1850). Но разрешить задачу объединения Германии, а, следовательно, преодолеть партикуляристское и легитимистское сопротивление правителей мелких и средних

государств, уничтожить нежизнеспособный Германский союз и покончить с притязаниями Австрии на господство в Германии традиционными средствами прусской кабинетной политики было невозможно.

В сентябре 1862 г. главой прусского правительства и министром иностранных дел стал О. Бисмарк. С этого момента в течение 28 лет он беспрерывно стоял у политического руля Пруссии, а затем и Германской империи. Бисмарк знали как волевого, решительного политика, за плечами у которого был богатый дипломатический опыт (он являлся делегатом Пруссии в Союзнном сейме, а затем послом в Петербурге и Париже). Придя к руководству прусским правительством, Бисмарк имел заранее разработанную программу. Ее целью было объединение всех германских государств во главе с прусской монархией Гогенцоллернов, а главным средством реализации этой программы должны были стать силовые методы. Через несколько дней после своего назначения Бисмарк заявил в ландтаге: «Пруссия должна собрать свои силы для благоприятного момента, который уже не раз был упущен. Не речами и постановлениями большинства (т.е. парламентскими резолюциями. — *Авт.*) решаются великие вопросы времени — это было ошибкой 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью». В конце жизни Бисмарк с гордостью говорил, что на его совести лежат 3 войны и 80 тысяч человеческих жизней, скрепивших фундамент воссоединения Германии.

Готовясь к будущим войнам, Бисмарк искал любые возможности для сближения с Россией. Он хорошо усвоил печальный опыт прусско-датской войны 1848-1850 гг. и полностью отдавал себе отчет, какое важное значение будет иметь позиция российского правительства. В качестве основы для сближения с ним Бисмарк опирался на идею общности династических интересов в борьбе с революционной опасностью в Европе и использовал семейные связи Гогенцоллернов и Романовых (Вильгельм I приходился дядей Александру II). Но главное заключалось в том, что Бисмарк, стараясь заручиться дружбой царя, оказывал ему услуги на международной арене и предлагал сотрудничество. Когда в январе 1863 г. началось восстание в Царстве Польском, по инициативе Бисмарка в Петербург был направлен генерал-адъютант прусского короля А. Альфенслебен, который подписал с министром иностранных дел Горчаковым конвенцию о совместном противодействии повстанцам.

И случае необходимости преследования восставших поляков русским войскам предоставлялось беспрецедентное разрешение вступать на прусскую территорию. Авторитет Пруссии в Зимнем дворце необычайно возрос. В то время как Франция и Англия повели себя откровенно враждебно к России, пытались вмешаться в польские дела и навязать ей свои требования, Вильгельм, в глазах Александра, выступил как преданный друг. Вскоре Бисмарку представился случай приступить к выполнению своей программы и проявить на общеевропейской арене свои дипломатические дарования.

Весной 1863 г. в очередной раз обострился шлезвиг-гольштинский вопрос. Лондонский протокол 1850 г. отнюдь не означал его разрешения и последующие полтора десятилетия продолжал оставаться весьма острым. С одной стороны, в Копенгагене не отказывались от намерения интегрировать Шлезвиг в состав Дании, а с другой — германские государства продолжали отстаивать особый статус Шлезвига, Гольштейна и соседнего с ним маленького Лауэнбурга, добиваясь их полного отделения от Дании и включения в Германский союз как самостоятельного немецкого государства. В то время как датский король Фредерик VII шел на отдельные уступки Франкфуртскому союзному сейму, правящие круги Дании стали склоняться к военному решению шлезвиг-гольштинской проблемы, рассчитывая, как и раньше, на поддержку великих держав, прежде всего Англии, а также Швеции—Норвегии, где были сильны настроения скандинавизма (единства трех североевропейских государств).

В марте 1863 г. датское правительство опубликовало указ о намерении обеспечить Гольштейну и Лауэнбургу независимое положение в государстве со своим законодательным собранием, армией и собственной администрацией; Дании и Шлезвигу должна быть предоставлена общая конституция, что обеспечило бы полное присоединение Шлезвига к Дании. Это нарушало прежние международные соглашения, предусматривавшие, что Дания и приальбские герцогства могли быть связаны только личной унией. В июле Франкфуртский сейм под угрозой оккупации Гольштейна, по-прежнему считавшимся членом Германского союза, потребовал от датского короля отмены мартовского указа, добиваясь установления во всех владениях Фредерика такого режима, который подчинил бы в королевстве скандинавское большинство немецкому меньшинству и,

следовательно, Германскому союзу. Копенгаген заявил, что будет рассматривать вторжение немецких войск в Гольштейн как объявление войны. В Германии тотчас же громко заговорили о чести и национальных интересах. И все же, 13 ноября датский парламент вотировал для Дании и Шлезвига общую конституцию. Переволокнувшийся Фредерик умер, а с его смертью пресеклась старшая ветвь династии Ольденбургов. На престол вступил представитель младшей линии Кристиан IX Глюксбург (его права были гарантированы великими державами в 1852 г.). Под сильным давлением правительства и датского общественного мнения он подписал конституцию. Ответом явилось восстание в приэльбских герцогствах, где было сформировано правительство герцогом Фридрихом Августенбургским, который требовательно заявил о своих правах на Гольштейн, Лауэнбург и Шлезвиг (герцоги Августенбурги принадлежали к дому Ольденбургов, но в 1851 г. отец Фридриха отказался сам и от имени своих потомков от прав на герцогства).

Бисмарк отнюдь не желал создания немецкого государства Августенбургов. Он намеривался захватить и присоединить герцогства к Пруссии и воспользоваться шлезвиг-гольштинским вопросом в качестве инструмента своей политики объединения Германии. С целью замаскировать свои захватнические замыслы прусский министр-президент действовал весьма хитроумно и изобретательно. Он всячески старался показать европейским дворам, что Пруссия не стремится аннексировать Шлезвиг и Гольштейн, а лишь хочет обеспечить населению приэльбских территорий мирное национальное развитие в границах утвержденных протоколом 1850 г. Но, как только Бисмарк убедился, что никакого серьезного сопротивления Пруссии державы не окажут, берлинский кабинет начал раскрывать свои карты. Было заявлено, что Пруссия не может более сдерживать законные требования германского патриотизма в шлезвиг-гольштинском вопросе, и карательные меры федеральных войск в отношении Гольштейна и Лауэнбурга не могут быть отложены. При этом Бисмарк доказывал, что подобные меры не только не нарушат прав Кристиана IX, но даже косвенно их признают, так как из самого факта применения к датскому королю принудительных мер в силу федерального акта вытекает, что король состоит членом Германского союза, законным государем Гольштейна и Лауэнбурга. Это, следовательно, не будет благоприятствовать беспочвенным притязаниям Фридриха Августенбургского.

Готовясь к схватке с Данией, прусский министр-президент предложил австрийскому правительству вдвоем решить шлезвиг-гольштинскую проблему, направив австро-пруссские войска в Шлезвиг. Это было нужно, чтобы не вызвать преждевременный конфликт с Австрией; кроме того, вовлекая австрийцев в войну, Бисмарк ссорил их с Союзным сеймом. В Вене приняли прусское предложение, так как боялись, что единоличное разрешение Гогенцоллернами шлезвиг-гольштинского вопроса может привести к их гегемонии в Германии. Франц Иосиф льстил себя надеждой, что союз с Пруссией позволит ему держать прусскую внешнюю политику под контролем, а также обеспечит гарантии Берлина по сохранению австрийской власти в Венецианской области, обещанные Бисмарком венскому двору. Очень скоро, однако, Австрии пришлось испытать жестокое разочарование.

7 декабря 1863 г. Франкфуртское собрание, поддерживая притязания Фридриха Августенбургского, постановило оккупировать Гольштейн и Лауэнбург. В конце месяца саксонские и ганноверские войска перешли границу на Эльбе. Кристиан IX вывел датские части из Гольштейна. Бисмарк же использовал занятие Гольштейна для захвата Шлезвига. Вслед за ультиматумом датскому правительству об отмене ноябрьской конституции австро-пруссские войска вторглись 1 февраля 1864 г. в Шлезвиг. Протесты так называемой «триады» — Баварии, Саксонии, Ганновера — оказались пустым сотрясением воздуха. Проведя военную демонстрацию на границах двух последних немецких государств, Берлин добился от Франкфуртского сейма «разрешения» для Пруссии и Австрии осуществлять всю полноту власти в трех приэльбских герцогствах. Дания осталась совершенно одинокой — ни одна из европейских держав не пришла ей на помощь.

Пруссия обеспечила себе благожелательную позицию России. Последняя вместе с другими державами побуждала Копенгаген отменить конституцию 1863 г. Когда правительством Швеции обсуждался вопрос об оказании Дании военной помощи, Александр II пригрозил послать войска в Финляндию. Уже во время австро-пруско-датской войны Петербург отклонил предложение Лондона о военной демонстрации держав по примеру 1848 г. Это была щедрая плата Пруссии со стороны России за содействие в польском вопросе. Англия — другой союзник датчан в предыдущей их войне с Пруссией — внешне

проявляла живое участие к Дании (симпатии к ней со стороны английской общественности усилились благодаря браку принца Уэльского с дочерью Кристиана Глюкбурга, который через несколько месяцев после «англо-датской свадьбы» стал королем Дании), но воевать в ее интересах сент-джеймский кабинет не собирался. Тем более, что война за Шлезвиг и Гольштейн была бы сухопутной войной, которую Англия не могла вести без союзников на континенте. В начале датско-германского конфликта британский премьер Г. Пальмерстон заявил в палате общин, что Дания не останется одна. Пальмерстон всячески обнадеживал сперва Фредерика VII, а затем Кристиана IX обещаниями помощи, провоцируя их на сопротивление. Глава Форин офис Д. Рассел стремился найти мирное решение, и в этом его поддерживала испытывавшая горячие симпатии к приэльбским герцогствам и находившаяся под сильным влиянием берлинского двора королева Виктория — дочь немки, супруга немца и теща прусского кронпринца. Рассел повсрился или, скорее, дал Бисмарку себя убедить в его желании мирного разрешения кризиса.

Когда в Англии узнали об австро-прусском ультиматуме Копенгагену, на британскую дипломатию посыпались раздраженные обвинения в прессе и в парламенте. Пальмерстон, ссылаясь на несогласие королевы и своего кабинета, уклонился от предоставления какой бы то ни было помощи Дании. Вместе с тем, на берегах Темзы попытались подтолкнуть Францию выступить на стороне Дании, поссорив ее тем самым с Пруссией и с Россией. Рассел трижды, до войны и после ее начала, предлагал Парижу совместно вмешаться в дела в Ютландии и предотвратить расчленение датской монархии. Но Наполеон III требовал гарантий — военное участие Англии и ее согласие на расширение границ Франции на левом берегу Рейна. В Лондоне не горели желанием предоставить подобные гарантии. Французский император возложил вину за неудачу вмешательства в польские дела на сент-джеймский кабинет, не забыл он и почти оскорбительный ответ Рассела на свое предложение, сделанное в ноябре 1863 г., о созыве европейского конгресса для обсуждения всех спорных вопросов и замене Венской системы новыми соглашениями. Это было на руку Бисмарку, который с конца 1863 г. и в течении всего 1864 г. всячески старался расположить в свою пользу Наполеона, заверяя его о своей мечте «крепкими дружественными узами» связать Пруссию с Францией. Тюильрий-

ский кабинет решил соблюдать нейтралитет в австро-прусско-датской войне и ожидать развития событий.

Военные действия складывались не в пользу Дании. Ее армия под напором превосходивших сил пруссаков и австрийцев отступала, неся тяжелые потери. От заседавшей в Лондоне международной конференции (апрель—июнь 1864 г.) Кристиан IX никакой эффективной помощи не получил. Военные действия возобновились. Датчан вновь ожидало поражение. Между двумя враждующими сторонами начались переговоры, завершившиеся подписанием 30 октября 1864 г. мирного договора. Датский король отказался «от всех своих прав на Шлезвиг-Гольштейн и Лауэнбург в пользу Пруссии и Австрии».

Теперь Бисмарку предстоял второй, самый рискованный этап намеченного им пути — война с Австрией. Еще в 50-х гг. Бисмарк предвидел, что никакими дипломатическими хитросплетениями нельзя будет заставить габсбургскую державу добровольно выйти из Германского союза, что без поражения на поле битвы она не позволит прусскому королю стать главой объединенной Германии. После разгрома Дании Франкфуртский союзный сейм и даже прусский ландтаг требовали, чтобы из приэльбских герцогств было образовано независимое государство во главе с Фридрихом Августенбургским. К подобному решению вопроса стали склоняться и в Вене, где хотели скорее помириться с Германским союзом. Но это шло вразрез с планами Бисмарка. Путем невероятных ухищрений ему удалось убедить Франца Иосифа подписать 14 августа 1865 г. Гольштейн-

скую конвенцию, определившую статус герцогств. Лауэнбург отходил в полную собственность Пруссии за уплату 2,5 млн. талеров. Шлезвиг и Гольштейн оставались совместным владением Пруссии и Австрии, но управление ими объявлялось разделными: Пруссия получала Шлезвиг, Австрия — Гольштейн; при этом Берлин приобретал некоторые права на участие в управлении и Гольштейном, между тем как Вена не имела никаких прав в Шлезвиге. Сознательно созданная Бисмарком административная и политическая путаница в герцогствах была нужна ему в качестве повода для развязывания войны.

В грядущем австро-прусском столкновении больше всего Бисмарка заботила позиция Франции. Наполеон III поощрял политику «триады» во главе с Баварией, которая была направлена против Пруссии, и хотел утвердить свое влияние в Южной Германии. Бисмарк сознавал, что за столь необходимый ему

французский нейтралитет, вероятно, придется расплачиваться землями Бельгии, Люксембурга, рейнских провинций немецких стран. Согласиться на присоединение Бельгии ко Второй империи означало поставить под прямой постоянный удар всю западно-рейнскую Пруссию. Передача же рейнских провинций и Люксембурга грозила непредсказуемыми последствиями в Германии, не говоря о том, что правящие круги Пруссии могли отвергнуть такую сделку. Бисмарк не хотел отдавать ничего, но как тогда предотвратить возможное выступление Франции на стороне Австрии? В сентябре 1865 г., как и год назад, прусский министр — президент отправился на французский средиземноморский курорт Биарриц, где отдыхал Наполеон. Император небрежно отклонил предложенный ему Люксембург, дав понять, что такими мелочами Пруссия не отделается, и ясно намекнул на Бельгию. Бисмарк ничего не ответил, а его собеседник тоже не стал настаивать. Предметом обсуждения в Биаррице явилось и положение дел в Италии.

После провозглашения Итальянского королевства туринский кабинет, под влиянием общественного мнения, пытался дипломатическими маневрами добиться провозглашения Рима столицей государства. Как и в 1859 г. Виктор Эммануил II делал ставку в решении римского вопроса на помощь Франции. Наполеон хотел вовлечь королевство в орбиту французской политики, но ни за что не желал обострять отношения с Ватиканом (где и так не могли простить ему сотрудничества с Кавуром) и ссориться с французскими клерикалами. В Париже, как и в Турине, надеялись убедить папу добровольно отказаться за щедрое вознаграждение от последних остатков светской власти. В мае 1862 г. французская дипломатия предложила Пию IX следующее: папа, не отказываясь от своих светских прав, соглашается фактически пользоваться ими только в пределах вотчины Св. Петра; Итальянское королевство берет на себя римский долг; католические государства договорятся об обеспечении папе приличного гражданского листа и выработают гарантии папскому престолу его духовной власти и обладание Римом с провинцией Лацио. Римская курия ответила категорическим отказом.

В сентябре 1864 г. была заключена франко-итальянская конвенция. Италия обязывалась не только не нападать на владения папского престола, но даже защищать их (имелась в виду возможность освободительных экспедиций гарибальдийцев).

Франция обещала отозвать свой корпус из Папской области, как только Пий IX создаст собственную армию. Столица королевства переносилась из Турина во Флоренцию (было осуществлено в 1865 г.) — итальянское правительство рассчитывало, что из Флоренции, расположенной относительно недалеко от Рима, будет несомненно легче спровоцировать освободительное восстание в вечном городе и под предлогом восстановления порядка ввести туда войска. Наполеон решил отвлечь внимание итальянского правительства от Рима и направить его взоры на Венецию, хотя сам не имел намерения вновь воевать с Австрией.

Император проводил запутанную и противоречивую политику. Фактически подталкивая Пруссию к войне с Австрией, он решил втянуть в нее и Италию. В политических и военных кругах Европы полагали, что прусская армия значительно уступает по своей боевой мощи австрийской. Сделав Италию союзницей Пруссии и придав войне затяжной характер, Наполеон хотел, направить на Рейн свежие французские силы, что позволило бы ему выступить в роли всепильного арбитра и перекроить политическую карту Европы. Вскоре после подписания сентябрьской конвенции французским послом в Берлин был назначен В. Бенедетти, который ранее занимал пост посла в Турине и был хорошо известен в европейских столицах как активный сторонник объединения Италии. Но при этом Наполеон хотел расположить в свою пользу Австрию. Он посоветовал венскому двору полюбовно уступить Венецию Италии. Франц Иосиф, полагая, что у него хватит сил для одновременной борьбы и против Пруссии, и против Италии и вместе с тем страшась предстоящего, дал понять, что мог бы отказаться от Венеции, но только в случае успешной войны и взамен территориальных компенсаций в Германии. За четыре дня до начала австро-прусской войны между Францией и Австрией было подписано соответствующее соглашение.

Тайные замыслы Наполеона были разгаданы Бисмарком. Последнего не надо было убеждать в важности для Пруссии союза с Италией. Он поставил задачу сделать войну короткой (чтобы прусская армия освободилась и была готова к действиям на Рейне раньше, чем опомнятся в Тюильри), а для этого заставить австрийцев сражаться на два фронта. При всей заманчивости для Турина идеи союза с Пруссией против Австрии, там осознавали слабость собственных сил. Бисмарк взял на

себя речательство, что Венеция будет отдана Италии, чем бы ни кончились военные действия на южном театре войны. Виктор Эммануил продолжал колебаться. Бисмарк пригрозил, что обратиться за помощью непосредственно к вождям итальянской революции Мадзини и Гарибальди. Бисмарк отличался не только широким складом ума, но и гибкой совестью — ради достижения поставленной цели он заключил бы союз и с дьяволом. Виктор Эммануил решился. В апреле 1866 г. Пруссия и Италия заключили военно-политический союз. Стороны обязались не прекращать военных действий до тех пор, пока Италия не получит Венецианскую область, а Пруссия — равноценные территории в Германии. Туринскому кабинету была предоставлена значительная денежная субсидия.

Предлогом для разрыва отношений Пруссии с Австрией послужили конфликты между администрациями этих стран в Гольштейне, провоцируемые берлинским кабинетом. 15 июня 1866 г. началась война, спустя пять дней в нее вступило Итальянское королевство. Союзниками Австрии стали Саксония, Бавария, Вюртемберг, Ганновер, Баден. О солидарности с Пруссией заявило лишь небольшое число городов в Тюрингии и Северной Германии. Внутриполитическое положение в Пруссии было крайне напряженным. Депутаты ландтага публично обвиняли министра-президента в развязывании братоубийственной войны. Бисмарк впоследствии говорил, что никогда ему не приходилось до такой степени все ставить на карту, как в июне-июле 1866 г. Вопреки ожиданиям европейской общественности война оказалась молниеносной и победоносной для монархии Гогенцоллернов. Ее армия была отлично подготовлена начальником Генерального штаба Г. Мольтке-старшим и военным министром А. Рооном.

В решающем сражении 3 июля 1866 г. у богемской деревни Кениггрец (битва при Садовой), прусские войска сокрушили австрийцев. Австрийская армия потеряла 42 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Еще раньше были разбиты и немецкие союзники Австрии. В середине июля Главная квартира прусских войска расположилась в Никольсбурге, в 20 км от австрийской столицы. То что австрийцы нанесли итальянцам тяжелые поражения в сухопутном сражении при Кустоце (24 июня) и морском — при о. Лиса (20 июля) ничего изменить для Габсбургов не могло. Получив известие о результате битвы при Садовой, растерявшийся Франц Иосиф телеграфи-

ровал Наполеону III, что передает ему Венецианскую область 0 условием ее переуступки Итальянскому королевству и обращается к его посредничеству, чтобы добиться от Италии мира, а от Пруссии перемирия.

Радость победы омрачилась для прусских господствующих кругов дальнейшими неожиданными для всех шагами Бисмарка. Когда после Садовой ликующие Вильгельм I и генералы, которым очень хотелось триумфально вступить в Вену, заговорили о необходимости полного разгрома Австрии, аннексии у нее Саксонии, Судетской области и австрийской масти Силезии, Бисмарк потребовал немедленного заключения мира. Пригрозив отставкой и выдержав несколько бурных объяснений с королем, он настоял на своем. В любую минуту могла вмешаться Франция, и прусские войска, стоящие в Богемии, потребовались бы на Рейне. Двинуть армию к Рейну французский император так и не решился. Послы Франции в европейских столицах оставались в неведении относительно намерений своего правительства до второй половины июля 1866 г. Находясь под постоянным влиянием дворцовых группировок и выслушивая противоречивые советы министров, Наполеон проявлял непоследовательность и безволие. пользуясь этим и мороча голову императору рассуждениями о важности для Франции того, чтобы ее будущая союзница Пруссия стала сильным государством в Северной Германии, Бисмарку удалось добиться значительно большего расширения границ для Пруссии, чем предусматривалось французским МИД.

26 июля в Никольсбурге Пруссия и Австрия подписали условия прелиминарного, а 26 августа в Праге — окончательного мирного договора. Германский союз распускался и Австрия лишалась права вступить в новое государственное объединение Северогерманский союз. К Пруссии были присоединены Шлезвиг, Гольштейн, а также Ганновер, Гессен-Кассель, вольный город Франкфурт-на-Майне и небольшие территории, приобретенные у Баварии и Гессен-Дармштадта. Таким образом был ликвидирован территориальный разрыв между собственно Пруссией и ее западными землями — Вестфалией и Рейнской провинцией. Владения монархии Гогенцоллернов увеличились на 2400 кв. км, а ее население возросло на 4,5 млн. человек. Итальянское королевство получило Венецианскую область. Процедура передачи ее Виктору Эммануилу II была

аналогична передаче ему Ломбардии в 1859 г. и означала, что Австрия не считала итальянцев победителями.

В апреле 1867 г. под главенством Пруссии был создан Северогерманский союз, объединивший все германские государства к северу от реки Майн (этого территориального ограничения требовали в Тюильри). Австрия, потеряв последние итальянские владения и навсегда оставив свои претензии на ведущую роль в Германии, возобновила, прерванную войной, подготовку соглашения с подвластной Венгрией. В результате достигнутого компромисса страна в начале 1867 г. была преобразована в своеобразное конфедеративное государство на дуалистических началах с двумя центрами, которое стало называться Австро-Венгрией.

Тем временем Наполеон III желал получить компенсации за свой нейтралитет. В начале августа 1866 г. французский посол в Берлине Бенедетти потребовал от Бисмарка согласиться на присоединение к Франции Пфальца и рейнской части Гессен-Дармштадта. Бисмарк ответил, что его государь не считает возможным уступить какие-либо пограничные немецкие территории, а так как посол настаивал, министр-президент бросил холодно: «Хорошо, тогда это означает войну». Правда, он добавил, что если Франция изменит объект своих требований и заговорит о присоединении не относящихся к Германии территорий, то возможно будет договориться. В Париже составили проект тайного союза с Пруссией на условии, что Франции обеспечивается аннексия Бельгии и Люксембурга, а Пруссия в этом случае распространит свою гегемонию на Южную Германию. При тюильрийском дворе не подозревали, что в это самое время южногерманские государства уже подписывали с Берлином соглашения об оборонительном и наступательном союзе. Бисмарк не спешил обескуражить Бенедетти, ожидая окончания переговоров с австрийцами. Как только был заключен Пражский мир, он отклонил все территориальные притязания Наполеона. Невозвратно потеряв время, французский император был попросту обманут. Он был взбешен и подавлен одновременно. Понимая, что без союзников Франция не сможет захватить Бельгию, поскольку Англия никогда бы не позволила ей сделать это, Наполеон сосредоточил внимание на небольшом Люксембурге.

В новый, Северогерманский, союз Великое герцогство Люксембург не вошло, но немцы продолжали считать его частью

Германии; в городе Люксембург — сильнейшей в Европе после Гибралтара крепости — стоял прусский гарнизон. Наполеон обратился к королю Нидерландов и великому герцогу Люксембургскому Виллему III с предложением купить герцогство. Испытывая острую нужду в деньгах и подталкиваемый своей фавориткой, Биллем согласился, но не хотел ссориться с берлинским двором. Бисмарк, от которого Бенедетти потребовал содействия в люксембургском вопросе, прибег к новой хитрости. Не отказывая на словах в желании французского императора, он замедлил дело и спровоцировал внушительную демонстрацию в северогерманском рейхстаге против уступки Люксембурга Франции, а в прусской печати началась антифранцузская кампания. Возникла реальная угроза войны. Люксембургский вопрос получил международное звучание.

В мае 1867 г. в английской столице проходила конференция представителей Франции, Пруссии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Англии, России, Австро-Венгрии и Италии. В основу подписанного договора лег российский проект: корона Великого герцогства Люксембургского признавалась наследственным домом Нассау; герцогство объявлялось независимым и «вечно нейтральным» государством (как ранее Швейцария и Бельгия); Люксембург провозглашался открытым городом, все крепостные сооружения подлежали сносу, и прусские войска выводились с территории герцогства. В вопросе о территориальных компенсациях Наполеон потерпел полное дипломатическое фиаско.

Теперь на пути создания единой Германии стояла лишь Вторая империя. Вне Северогерманского союза оставались немецкие государства, лежащие к югу от Майна — Бавария, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, Баден. Хотя осенью 1866 г. они вынуждены были заключить военные соглашения о совместной обороне с Пруссией, в них преобладали сепаратистские или антипруссские настроения. Южногерманские земли исторически тяготели к Франции и Австрии, связанные с ними общностью религии (католической). Наполеон имел виды на Южную Германию, а французские правящие круги строили далеко идущие планы ликвидации Северогерманского союза, восстановления прежней германской конфедерации, возвращения Пруссии в границы герцогства Бранденбургского. Изменение ситуации в Центральной Европе создало серьезную угрозу преобладающему влиянию Франции на континенте. Ее

пассивная политика во время австро-прусской войны и ничем не компенсированное усиление Германии вызвали резкую критику французской общественности. В довершение к этому 1867 г. стал годом провала французской колониальной экспедиции в Мексику. Ее захват, планируемый Тюильри и называемый придворными лъстцами «самой великой идеей» режима, на деле обернулся позором. В июне, вскоре после эвакуации французских войск, мексиканскими повстанцами был захвачен в плен и расстрелян «император» Мексики — ставленник Наполеона Максимилиан Габсбург (брат австрийского императора Франца Иосифа).

Мексиканская экспедиция нанесла огромный удар престижу Второй империи; французский император предстал перед миром, как авантюрист, бросивший своего союзника на произвол судьбы. К войне, обычному бонапартистскому средству поправить внутренние дела, толкал Наполеона и переживаемый империей политический кризис. Но и Бисмарк не собирался отступать. Он не скрывал, что намерен ликвидировать «линию Майна» и завершить национальное объединение Германии под эгидой Гогенцоллернов. Готовя общественное мнение к новой войне, он любил повторять фразу о том, что его дело «было усадить Германию в седло, а уже дальше она поедет сама». Дипломатическую подготовку к войне с Францией Бисмарк провел превосходно, как, впрочем, и к кампаниям 1864 и 1866 гг. Франция же оказалась в состоянии международной изоляции. Причем, никто так много не поработал над этим, как сам император.

Союз Франции и Англии периода Крымской войны лежал к 1870 г. в развалинах. Между ними за это время накопилось большое число разногласий по вопросам европейской и колониальной политики. Лондон стал усматривать в мощной Пруссии противовес Франции на континенте. Еще в сентябре 1865 г., незадолго до своей смерти, премьер-министр Пальмерстон писал главе Форин офис Расселю: «Принимая во внимание интересы будущего, крайне желательно, чтобы Германия, как целое, сделалась сильной, чтобы она оказалась в состоянии противостоять двум честолюбивым и воинственным державам — Франции и России». Именно поэтому, прусские успехи в 1870 г. (как и в 1866 г.) не вывели из «состояния пассивности» британский кабинет, придерживавшийся нейтралитета. Позицию нейтралитета заняли и на берегах Невы.

Российское правительство, опираясь на планируемый союз с Францией, рассчитывало добиться отмены нейтрализации Черного моря и предлагало в обмен тюильрийскому двору дружбу и сотрудничество. Но поддержка французской дипломатии притязаний России в Восточном вопросе в первые годы после Крымской войны носила весьма ограниченный характер. Наполеон упорно не хотел пересматривать статьи Парижского договора и способствовать восстановлению русских позиций на Ближнем Востоке. Концу сближения России и Франции послужило вмешательство Наполеона в польское восстание 1863 г. Тем не менее министр иностранных дел Горчаков до самого начала кризиса 1870 г. предпринимал шаги к выработке согласованной политической линии с Парижем. В июле 1866 г. царское правительство предложило Наполеону III совместно выступить с протестом против предполагавшегося уничтожения Германского союза и аннексии Пруссией немецких княжеств, поставив этот вопрос на международном конгрессе. Но Наполеон пытался добиться территориального вознаграждения от Бисмарка. Отказ от союза с Россией и даже нежелание улучшить отношения с ней явилось серьезнейшим просчетом, если не роковой ошибкой, бонапартистской дипломатии.

Государством, способным помочь России освободиться от нут, связывающих ее на Черном море, оказалась Пруссия. В Петербурге не без тревоги следили за действиями Пруссии, направленными на подчинение всей Германии своему влиянию, но угрозу, которую это несло России, были склонны недооценивать. Сказывались симпатии к монархии Гогенцоллернов влиятельных кругов сановного дворянства и настроения Александра II, поглощенного чувством династической привязанности. Горчаков считал необходимым оказывать противодействие планам Бисмарка по дипломатическим каналам и весьма осторожно подходил к сближению с Берлином. Лишь упорное нежелание Франции договориться с Россией приводило русского министра к мысли, что соглашение с Пруссией является «менее невыгодной политикой». Узнав о недовольстве Александра нарушениями «легитимных» прав немецких князей и предложении Горчакова созвать конгресс для рассмотрения германских дел, Бисмарк тут же выразил желание уплатить ту цену, которое хотело царское правительство.

Летом и осенью 1866 г. состоялись визиты в Петербург генерал-адъютанта Э. Мантейфеля и прусского кронпринца Фрид-

риха. Была достигнута договоренность о том, что Пруссия окажет поддержку России в отмене статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря, а Россия не будет препятствовать созданию Северогерманского союза во главе с Пруссией. Эти визиты имели далеко ведущие последствия. В феврале 1868 г. начались русско-пруссские переговоры о согласованных действиях на случай франко-пруссской войны, а в июне того же года между Александром II и Вильгельмом I было достигнуто устное соглашение, фактически имевшее силу договора: Россия обязывалась не только соблюдать нейтралитет, но и направить к границе Австро-Венгрии крупные силы и тем самым принудить ее воздержаться от поддержки Франции; в случае вступления Австро-Венгрии в войну, Россия не исключала возможности занятия Галиции; Пруссия официально подтвердила свое намерение содействовать России при пересмотре Парижского договора. В первые дни франко-пруссской войны, в ответ на запрос Берлина, царское правительство подтвердило принятые обязательства. Александр также специально предупредил австрийского императора от желания вмешаться в войну, заверив его от своего имени и от имени прусского короля, что безопасность границ Австро-Венгрии гарантируется, если она останется нейтральной.

Французская дипломатия приложила немалые усилия, чтобы сделать монархию Габсбургов своей союзницей. Наполеон III предлагал на выбор Францу Иосифу Южную Германию или прусскую часть Силезии. В августе 1867 г. состоялась встреча монархов в Зальбурге, а весной следующего года начались австро-французские переговоры о военно-политическом союзе. Они тянулись вплоть до начала франко-пруссской войны, но так и не привели к положительным результатам. Военные и аристократические круги, высший католический клир в Австрии не примирились с поражением 1866 г. и жаждали реванша. Смертельным врагом Бисмарка являлся Ф. Бейст, который после капитуляции Саксонии (союзницы Австрии) по требованию берлинского кабинета был вынужден покинуть свой пост главы саксонского правительства и поступил на службу Францу Иосифу сначала в качестве министра иностранных дел, а затем канцлера Австро-Венгрии. Но монархии нужно было время, чтобы оправиться после полученного удара под Садовой и завершить реорганизацию армии. Франц Иосиф не мог питать к Наполеону особого доверия, а Бейста постоянно мучила

мысль, что французский император способен завлечь венский двор в ловушку, например, столкнув его с Пруссией, а сам договориться с Бисмарком.

Едва ли не решающую роль в срыве стремлений Вены продолжить традиционную антипрусскую политику сыграла позиция Венгрии и лично ее премьер-министра Д. Андраши. В Пеште не хотели присоединения к Австрии германских территорий, неизбежного в случае разгрома Пруссии, поскольку это нарушило бы существующее равновесие в дуалистическом государстве в пользу Австрии. В Зальбурге Андраши прямо заявил Наполеону, что в случае войны с Пруссией Франция не должна рассчитывать на Венгрию. Австрийские немцы тоже противились участию Австрии в войне и через свою прессу старались активизировать чувства германской родственности и старых обид на Францию. При всей враждебности к Гогенцоллернам и прусскому юнкерству австро-немецкие либералы понимали, что реванш меньше всего осуществим через участие в антигерманской войне в качестве французского союзника.

Австро-венгерский канцлер не решался давать Тюильри военные обязательства, опасаясь не только острых внутриполитических осложнений, но и ответных действий России. Убедившись в невозможности заключения союза с Францией на почве германского вопроса, Бейст попытался использовать Восточный вопрос. Вена могла пойти на антипрусское соглашение с Францией, ориентируясь на войну с Россией. Но Наполеон добивался помощи от австрийцев на Западе, а не на Востоке. К тому же восточные проблемы остро затрагивали интересы Англии, и двухстороннее австро-французское соглашение в этой области могло вызвать ее недоброжелательность. Бейст стремился заинтересовать Лондон идеей возрождения комбинации 1853-1856 гг. — союза Австрии с западными державами против России и для изоляции Пруссии. Англичане к ней интереса не проявили. В складывающихся условиях сент-джэймскому кабинету было выгоднее не стимулировать осложнения на Востоке, а вести игру на противоречиях между Францией и Пруссией в Европе, ибо здесь Англия могла рассчитывать на роль третейского судьи, в то время как на Востоке она выступила бы в качестве участника конфликта.

В ходе австро-французских переговоров было решено привлечь к ним Итальянское королевство. На Апеннинах оказались разочарованы итогом итало-австрийской войны. Пра-

вительство Виктора Эммануила II рассчитывало получить, кроме Венецианской области, и другие владения Габсбургов — Южный Тироль (Трентино), альпийскую область, населенную по преимуществу итальянцами, которая во время кампании 1866 г. почти вся была занята армией Гарибальди, а также адриатический порт Триест вместе с землями Истрии. В декабре 1866 г. из Папской области были эвакуированы французские войска, но несколько тысяч французских солдат и офицеров остались на службе Пия IX в качестве волонтеров. Флорентийский кабинет, естественно, протестовал.

Осенью 1867 г. Наполеон III вновь направил в Папскую область экспедиционный корпус в связи с очередным походом Гарибальди за освобождение Рима. 3 ноября при Ментане объединенные силы французских и папских войск нанесли поражение гарибальдийцам. Французский корпус остался охранять Пия IX. Наполеон продолжал противиться включению Папской области в состав итальянского государства, что вызывало ненависть итальянских патриотов и крайнее раздражение при флорентийском дворе. Предпринимавшиеся неоднократно французским императором попытки решить мучительный для него римский вопрос путем передачи его на рассмотрение международной конференции успеха не имели. Державы не проявляли никакого желания помочь Тюильри выпутаться из создавшейся ситуации, судьба светских владений папы их тоже не особенно беспокоила.

Получив приглашение принять участие в австро-французских переговорах, Виктор Эммануил проявил готовность заключить тройственный союз, но потребовал вывода французского корпуса из Папской области. Наполеон ответил отказом. Итало-австрийские же контакты развивались весьма успешно. В Австрии, разрабатывая планы возможных военных операций против Пруссии, большое внимание уделяли безопасности своих юго-западных рубежей, на границе с Италией. С этой точки зрения представлялось весьма целесообразным заключение австро-франко-итальянского союза. Канцлер Бейст сообщал Виктору Эммануилу, что будет ему содействовать овладеть Римом и даже готов рассмотреть возможность передачи Италии Южного Тироля. Но римский вопрос являлся камнем преткновения во франко-итальянских отношениях. В конечном итоге в Вене и Флоренции решили остаться нейтральными в конфликте Франции и Пруссии и ждать развития военных действий.

В Северной Европе Наполеон III рассчитывал привлечь на свою сторону Данию, которая, подвергшись жестокому расчленению в 1864 г., и тупетно ожидавшая от Берлина проведения плебисцита в Северном Шлезвиге (по статье Пражского договора 1866 г. население этой области, где доминировали датчане, должна была соблазниться возможностью взять реванш, объединившись с Францией против Пруссии. В конце июля 1870 г. (уже шла франко-прусская война) французская эскадра бросила якорь у северного побережья Ютландии, а в Копенгаген прибыл французский дипломат А. Кадар с предложением военного союза. В качестве платы датскому правительству было обещано возвращение всего Шлезвига. Французские приготовления на Балтийском и Северном морях способны были нанести ущерб торговле России и ее военно-морским позициям. Российская дипломатия приняла контрмеры для нейтрализации миссии Кадара. Предостережения, полученные из Петербурга, наряду со слабостью военных ресурсов, вынудили Данию соблюдать нейтралитет.

В предстоящей войне с Францией, считал Бисмарк, важно было использовать такой повод, который, продемонстрировав агрессивные устремления Наполеона, не только закрепил бы нейтралитет держав, но и сплотил вокруг Пруссии немецкое общество против «наследственного врага» — Франции, сломил сопротивление антипрусской оппозиции в Южной Германии. Западня, куда прусский министр-президент заманил французского императора, была устроена мастерской рукой. Избрание 1 июля 1870 г. на вакантный престол Испании немецкого принца Леопольда из дома Гогенцоллернов (выдвижение кандидатуры которого инспирировал Бисмарк) и резкий протест Наполеона, переговоры Вильгельма I с французским послом Бенедетти в Эмсе и официальный отказ Леопольда от испанской короны, новое, заведомо неприемлемое и оскорбительное требование Парижа к прусскому монарху, и публикация в «отредактированном» Бисмарком виде «эмской депеши» с изложением беседы Вильгельма и Бенедетти — все эти хорошо известные события позволили Бисмарку с помощью провоцирующих ходов заставить правительство Наполеона взять на себя инициативу военной развязки.

19 июля Франция объявила войну Пруссии. Стратегический план французского командования заключался в том, что-

бы раньше противника открыть военные действия и, нанеся стремительный удар в направлении Франкфурга-на-Майне, разъединить Северогерманский союз с южными германскими государствами и ускорить вступление в войну Австрии и Италии. Этот план оказался нереальным вследствие численного превосходства немецких войск (500 тыс. против 300 тыс. французов) и их преимуществ в мобилизационной готовности. Немецкие армии начали наступление и, разбив французов под Вейсенбургом, Верте и Шпихерном (4-6 августа), оккупировали часть Эльзаса и Лотарингии. 1 сентября под Седаном немцы нанесли сокрушительное поражение французам. Наполеон, находившийся при армии в качестве главнокомандующего, сдался в плен, а вместе с ним должны были сложить оружие 83 тыс. (!) французских солдат и офицеров. Узнав о седанской катастрофе, народные массы Парижа ответили революцией. 4 сентября монархия была низложена, провозглашена республика и сформировано «правительство национальной обороны». Немецкие войска продвигались вглубь Франции и 19 сентября блокировали Париж. Капитуляция Меца 27 октября и сдача противнику Орлеана 4 декабря довершили военный разгром Франции.

Уже первые поражения французских войск поставили под угрозу расчеты дипломатии нейтральных стран, строившиеся на предполагаемом успехе Франции. После Седана в Вене и Флоренции окончательно отказались от военного вмешательства на стороне Франции. Правительства Италии и России решили использовать благоприятную конъюнктуру для решения своих внешнеполитических задач.

«Бедный император! Но я, черт побери, дешево отделался!», — воскликнул Виктор Эммануил, когда ему сообщили о результатах сражений под Верте и Шпихерном. Тщетно теперь просил Наполеон помощи у флорентийского двора. Не помог ему и отзыв французского корпуса из папских владений, где он постоянно находился с 1849 г. (с девятимесячным перерывом в 1867 г.). Но даже сейчас Наполеон не соглашался на занятие итальянскими войсками Рима. Под давлением народа Виктор Эммануил пришел к выводу о необходимости применения решительных мер для обладания Папской областью. 29 августа 1870 г. МИД Италии разослал циркулярную ноту в европейские столицы с призывом к державам безотлагательно решить римский вопрос. После Седана был направлен новый циркуляр, в котором говорилось о решении итальянского пра-

вительства занять территорию папского государства при гарантии «духовной независимости» папы. Протеста со стороны держав не последовало. После безуспешных переговоров с Пием IX королевские войска были введены сначала в Папскую область, а затем 20 сентября в Рим. В ходе плебисцита 2 октября жители области подавляющим большинством голосов высказались за включение в состав Итальянского королевства. Во владениях папы остались Ватиканский и Латеранский дворцы в Риме и загородная вилла (в 1929 г. получили название государства Ватикан). Летом 1871 г. «вечный город» стал столицей Италии. С освобождением Рима завершилось создание итальянского национального государства.

В конце октября 1870 г. российский министр иностранных дел Горчаков решил, что наступил момент «смыть пятно», оставшееся от поражения в Крымской войне. Франция — один из главных гарантов Парижского договора — была повержена. Без нее Австро-Венгрия не рискнула бы оказать России решительное сопротивление, тем более, что ее внимание поглощали германские дела. Турция без сильной европейской коалиции не смела бы выступить против России. Оставалась Англия, но та находилась в известной изоляции. Необходимо было действовать быстро, пока Пруссия еще нуждалась в поддержке России. При петербургском дворе оказалось немало деятелей, считавших рискованным и несвоевременным намерение Горчакова объявить об отмене ограничительных статей Парижского договора (на практике Россия не могла сразу воспользоваться восстановлением прав на Черном море, так как не имела там военного флота). Однако Александр II счел возражения несостоятельными. 30 октября Горчаков направил циркуляр российским послам при правительствах держав — участниц Парижского договора. В нем констатировалось, что Россия точно соблюдала статьи договора 1856 г., в то время как другие державы его неоднократно нарушали. Далее следовало заявление, что российское правительство не может мириться с таким положением вещей и поэтому не считает себя более связанным обязательствами, ограничивающими его суверенные права на Черном море. В заключении послам предписывалось разъяснить правительствам, что демарш имеет целью только ограждать безопасность России, и что все остальные статьи Парижского договора будут ею неукоснительно соблюдаться.

В Западной Европе циркуляр Горчакова вызвал большое возмущение. С наиболее резким осуждением выступила Англия. Заявила протест и Австро-Венгрия. Италия, озабоченная тем, чтобы державы оставили ей право владеть Римом, заняла уклончивую позицию. Решающее слово должна была сказать Пруссия. Бисмарк, не уверенный в том, как будет реагировать Европа на реализацию его аннексионистской программы мира и подготавливаемое провозглашение Германской империи, еще в сентябре 1870 г. напомнил Горчакову о возможности пересмотра Парижского договора. Теперь он выполнил свое обещание. В беседе со вторым секретарем по иностранным делам Англии Расселом, специально направленным на переговоры с прусским министром-президентом, Бисмарк признал справедливыми требования России, дал понять, что на Пруссию нельзя рассчитывать при создании антирусского фронта и предложил созвать международную конференцию.

Конференция проходила в январе-марте 1871 г. в Лондоне. В приложении к протоколу первого заседания был сформулирован важный принцип международного права: никакое государство не может уклониться от обязательств по международному договору или изменить его условия, кроме как с добровольного дружественного согласия всех заинтересованных сторон. Затем последовала острая дискуссия об условиях урегулирования. Английский и австрийский представители соглашались признать отмену нейтрализации Черного моря, но за это требовали, под предлогом обеспечения безопасности Турции, изменить в пользу своих стран режим Проливов и предоставить им в пользование военно-морские базы в Османской империи. Такие претензии противоречили интересам не только России, но и Турции. В конце концов от планов приобретения морских баз английскому и австро-венгерскому правительствам пришлось отказаться. Что касается режима Проливов, то он претерпел некоторые не вполне благоприятные для России изменения по сравнению с Лондонской конвенцией 1841 г.: султану предоставлялось право открывать их в мирное время для военных судов «дружественных и союзных держав» в случае, если Порты найдет это необходимым. Установленный Лондонской конвенцией 13 марта 1871 г. режим Проливов действовал вплоть до Первой мировой войны. Россия же, полностью восстановив свои суверенные права на Черном море, одержала большую дипломатическую победу, которая укрепила ее международные позиции.

В ноябре 1870 г. успешно завершились переговоры о слиянии южногерманских государств с Северогерманским союзом. 18 января 1871 г. в резиденции французских королей — Версале, где разместились ставки прусского короля и куда съехались монархи и члены правительств всех германских государств, и также весь аккредитованный при них дипломатический корпус, — Вильгельм I Гогенцоллерн был объявлен наследным императором (кайзером) Германии. Французское правительство, несмотря на охвативший всю страну патриотический подъем, не смогло организовать эффективный отпор врагу. Нежелание вооружить народ, страх перед революционными выступлениями побуждали его добиваться скорейшего заключения мира. 26 февраля в Версале был подписан прелиминарный, а 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне — окончательный франко-германский мирный договор. Германия получила Эльзас и Восточную Лотарингию, которые с XVII в. находились в составе французского государства. Франция должна была в течение трех лет выплатить гигантскую контрибуцию (5 млрд франков золотом), до уплаты которой на части территории страны размещались германские оккупационные войска. Франкфуртский мир зафиксировал глубокие перемены в политическом положении Европы — Франция, навсегда распрощавшись с претензиями на расширение границ до Рейна, на «особую роль» в германских делах, которую пыталась играть еще со времен Генриха IV Бурбона и кардинала А. Ришелье, утратила преобладающее положение на континенте, где, в центральной ее части, утвердилась мощная Германская империя.

Созданная в 1814-1815 гг. Венская система международных отношений с объединением Италии и Германии окончательно распалась. В Европе установился новый миропорядок.

Внешняя политика США. Дипломатия в годы Гражданской войны и Реконструкции

Весной 1789 г. конгресс США первого созыва принял законы об учреждении органов исполнительной власти. Наряду с департаментом финансов и военным департаментом был создан государственный департамент. Главной функцией возглавившего его государственного секретаря явилось руководс-

тво внешнеполитическими сношениями республики. В целом обязанности госсекретаря в области внешней политики были практически те же, что у его предшественников, стоявших во главе комитетов секретной корреспонденции, а затем иностранных дел. Существенное отличие заключалось в том, что секретари комитетов занимали свои должности «по желанию» конгресса, которому принадлежало право принятия окончательных решений, а госсекретарь назначался на должность «с согласия» сената «по желанию» президента, который стал играть теперь главную роль в проведении внешнеполитического курса. Госдепартаменту придавалось особое значение, его руководитель обрел высший ранг среди членов президентского кабинета. Рядовые налогоплательщики примитивно рассматривали своих дипломатов как лиц, получивших привилегии и наслаждающихся удовольствиями зарубежных поездок за их счет, а дипломатическую службу как самое бесполезное из всех ведомств. Правда недоверие к дипломатии не распространялось на консульские службы, олицетворявшие собой развитие торговых отношений, прибыльные сделки и финансовое благополучие американцев. Конгресс поддерживал консульские связи, а содействие коммерсантам стало традиционно важной функцией госдепартамента.

Когда в 1796 г. истекал второй срок пребывания Д. Вашингтона на посту президента США, он обратился к правительству и народу с документом, получившим известность как «Прощальное послание». Внешнеполитический раздел этого, ставшего одним из наиболее знаменитых, документа американской истории, содержал идеи (они были выработаны еще в начале Войны за независимость) для будущих поколений американцев при определении внешнеполитического курса страны. «Великое правило для нас в отношении иностранных государств, — утверждалось в «Послании», — состоит в том, чтобы расширяя наши торговые отношения, иметь с ними как можно меньше политических связей». Поскольку «Европа обладает системой весьма важных интересов, которые не имеют к нам никакого отношения или очень отдаленное», первый американский президент призывал своих соотечественников не впутываться в европейские конфликты, строго придерживаться принципа нейтралитета, признавая вместе с тем целесообразность и необходимость «временных союзов при чрезвычайных обстоятельствах». Заветы Вашингтона в области внешней политики от-

вечали национальным интересам молодого, еще не окрепшего государства. «Послание» традиционно рассматривалось Соединенными Штатами как основа американской политики изоляционизма. На деле это был один из мифов, которыми так богата американская история. США никогда не были и не могли быть изолированы от остального мира. Вашингтон и другие «отцы-основатели» верили, что созданная ими республика со временем выйдет на мировую арену и будет вести диалог с другими государствами не только на равных. Со свойственным им прагматизмом американские политики надеялись обеспечить себе свободу действий на международной арене в своих интересах.

С самого начала существования США их внешняя политика имела экспансионистскую направленность; расширение территорий стало одной из основных задач американской дипломатии. Еще в «Плане договоров», одобренный Континентальным конгрессом в 1776 г., была включена статья, в соответствии с которой все территории североамериканского континента и расположенные около него острова объявлялись находящимися в «безраздельном и вечном владении» Соединенных Штатов. Важнейшим внешнеполитическим актом их правительства в 20-е гг. XIX в. стало провозглашение доктрины Монро — первой внешнеполитической доктрины США. Происхождение и основные ее принципы были обусловлены не только сложившейся в то время международной обстановкой (проекты интервенции Священного союза в Латинскую Америку для восстановления там испанского господства), но и процессами, происходившими внутри самих Соединенных Штатов (развитие капитализма, пробуждение американского национализма, формирование экспансионистских идей). Для обоснования преимущественных «прав» в Западном полушарии политические деятели США неоднократно ссылались на различные аргументы — теорию «естественных границ», доктрину «политического тяготения», концепцию «американской системы», принципы «неперехода» и «неколонизации».

2 декабря 1823 г. президент Д. Монро обратился к конгрессу с ежегодным посланием. Его основные идеи были сформулированы госсекретарем Д.К. Адамсом. «Политические системы Европы и Америки не только различны, но и противоположны друг другу», — заявлялось в президентском послании. Соединенные Штаты не претендуют на вмешательство во внутренние дела европейских государств, но будут «рассматривать любую

политику с их стороны распространять свою систему (т.е. монархический режим. — *Авт.*) на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности». «Мы не вмешиваемся и никогда не будем вмешиваться в дела существующих колоний», — отмечалось далее, но «американские континенты, пользуясь всеми условиями свободы и независимости, которыми они обладают и которые они поддерживают, впредь не могут рассматриваться как объекты для будущей колонизации какой-либо европейской державы». В последующей части своего послания Монро присваивал США «право» на вмешательство в дела всех других американских государств, причем эти притязания искусно маскировались борьбой против возможного вмешательства в дела Америки со стороны европейских правительств.

Доктрины Монро, основанная на идеях невмешательства и осуждении дальнейшей колонизации американских континентов, явно диссонировала с европейскими принципам легитимизма, «правом» интервенции с целью восстановления власти «законного монарха». Но, одновременно, она содержала и экспансионистское начало. Развивая принципы, заложенные в доктрине Монро, руководство США уже в середине 40-х гг. XIX в. объявило, что их страна претендует на особые отношения с другими американскими странами и рассматривает себя как великую державу, призванную вершить судьбы всего Западного полушария. Для идеологического обоснования подобных претензий большое значение имела теория «предопределения судьбы». Сформулированная журналистом Д. О'Салливаном она гласила, что североамериканцы — избранный народ, которому судьбой предопределено превратить Америку в «зону свободы».

Курс на вмешательство в соседние государства, проводимый в соответствии с доктриной Монро, в конце XIX в. правящие круги США подкрепили возникшим ранее, но активизировавшимся в это время панамериканизмом. (Термин «панамериканизм» впервые использовала одна нью-йоркская газета в 1899 г., впоследствии он получил широкое распространение). В основу этой доктрины был положен тезис о «континентальной солидарности» и существующей, якобы, «общности интересов» всех стран Западного полушария, обусловленной их географическим расположением, взаимосвязью экономики, сходством политических систем и исторических судеб. США,

добиваясь экономической и политической гегемонии над всем Американским континентом, задались целью подчинить движение панамериканизма своим интересам, выгодным для Соединенных Штатов и неблагоприятным для их европейских соперников.

Для США особое значение имели отношения с бывшей метрополией — Великобританией, которая занимала монопольное положение в области их торговли и на протяжении всего XIX столетия являлась главным внешнеполитическим конкурентом Соединенных Штатов. После заключения Парижского мирного договора 1783 г. и Англия, и США высказывали претензии по поводу толкования и выполнения его различных статей, и с самого начала и англичане, и американцы нарушали договор. Англия удерживала за собой ряд американских фортов, расположенных вдоль границ с Канадой, отказывалась возвратить американским плантаторам захваченных во время Войны за независимость негров-рабов, а американские штаты не спешили возвращать долги (около 5 млн ф.с.) английским кредиторам и компенсировать роялистов. Порты британской Вест-Индии были закрыты для американской торговли; в Лондоне не желали заключать с США равноправное торговое соглашение.

Когда в 1792-1793 гг. начались войны европейских монархов против революционной Франции, Англия приступила к ее морской блокаде, начав задерживать торговые корабли нейтральных стран, в том числе американские, идущие во Францию или в ее владения в Вест-Индию. По мере победоносного наступления французской армии международное и внутреннее положение Англии становилось все более тяжелым, и новая война с Америкой не входила в планы сент-джеймского кабинета. В этой связи запрет на торговлю США с французской Вест-Индией был снят. Американское правительство решило использовать благоприятный момент и направило в Лондон с чрезвычайной миссией председателя Верховного суда Д. Джея.

В ноябре 1794 г. был подписан англо-американский «договор о дружбе, торговле и навигации» («договор Джея»). Британское правительство согласилось вывести войска из фортов у американской границы, а для рассмотрения спорных вопросов об уплате довоенных долгов и претензий американских судовладельцев создавались совместные арбитражные комиссии. В пограничных районах США и Канады была узаконена

свободная торговля мехами. В остальном американскому посланнику не удалось добиться значительного успеха: плантаторы, обязанные выплатить свои долги англичанам, не получали компенсации за отобранных у них негров-рабов, а торговля с британской Вест-Индией разрешалась лишь на небольших судах и при условии доставки товаров только из США. Вопрос о захвате судов под американским флагом оставался открытым. В то же время Соединенным Штатам запрещалась принимать в своих портах каперские корабли враждебных Англии государств, а британское судоходство в Америке ставилось в условия наибольшего благоприятствования.

При всей ограниченности достигнутых Джеем результатов договор 1794 г. явился важным событием в отношениях США с бывшей метрополией, поскольку урегулирование разногласий было необходимо молодой республике. После возобновления в 1803 г. войны Францией Лондоном была принята серия указов, направленных на блокирование торговых связей Франции с другими, в том числе и нейтральными, государствами. Англичане снова стали захватывать американские суда и устраивать на них обыски с целью задержания и наказания так называемых дезертиров — американских моряков английского происхождения (на протяжении 1803-1812 гг. англичане захватили более 900 торговых судов США; многие тысячи американских моряков были насильственно сняты со своих кораблей и завербованы в британский флот). Эти репрессивные меры подрывали не только морскую торговлю американцев, но и основы их национального суверенитета. В Соединенных Штатах росли воинственные настроения. В конце 1811 г. в конгрессе преобладающее положение заняли «военные ястребы»; их лидер Г. Клей был избран председателем палаты представителей. За необходимостью объявления войны Англии активно выступал будущий президент, а в то время госсекретарь Монро. Отчетливо проявились и экспансионистские планы. Клей публично «обосновывал» необходимость и легкость захвата Канады, наряду с владениями Испании на североамериканском континенте.

В июне 1812 г. конгресс США объявил войну Великобритании. Она явилась результатом, с одной стороны, своекорыстной политики Англии, ее стремления к подрыву экономики США, деспотичных действий на море и нарушения элементарных прав нейтрального мореплавания, и в этом смысле являлась продолжением освободительной борьбы Соединенных

Штатов за независимость 1775-1783 гг. С другой стороны, война была вызвана экспансионистскими устремлениями правящих кругов самих США. Захватнические планы не вызвали энтузиазма в народных массах. Для завоевания Канады не удалось собрать ни добровольцев, ни сколько-нибудь значительно пополнить небольшую регулярную армию. С огромными трудностями президентской администрации пришлось столкнуться и в финансовой области. Штаты Новой Англии, занимавшие важное стратегическое положение на границе с Канадой и имевшие наибольшую концентрацию населения и материальных средств, отказались предоставить в распоряжение центрального правительства свою милицию и поддержать финансовые мероприятия. Следствием всего этого была позорная капитуляция американских войск в Детройте в августе 1812 г. И в дальнейшем попытки вторжения в Канаду успеха не имели, встречая отпор как со стороны регулярной английской армии, так и со стороны ополчения при все возрастающей поддержке канадцев. Между тем в Северную Америку продолжали прибывать свежие подкрепления английских войск, а британский флот, освободившись от операций против наполеоновской Франции в Европе, установил полную блокаду побережья Соединенных Штатов.

В августе 1814 г. английские моряки, поднявшись на лодках по реке Патуксент и практически не встретив противодействия, захватили столицу федерального Союза — Вашингтон. Англичане сожгли Капитолий, Белый дом, другие правительственные здания и вернулись на свои суда. Все более жесткой становилась позиция Англии и на международной арене; начавшиеся мирные переговоры в бельгийском городе Генте зашли в тупик в результате непомерных требований лондонского кабинета. Характер войны начал меняться и приобретать характер борьбы за обеспечение независимости и территориальной целостности Соединенных Штатов, где начался патриотический подъем для отпора неприятелю. Попытка англичан повторить «вашингтонский вариант» в отношении Балтимора провалилась — уже на дальних подступах к городу они встретили упорное сопротивление и предпочли оставить свое предприятие. В связи с этим событием был написан национальный гимн США. В январе 1815 г., еще не зная о заключении мира, американские войска под командованием генерала Э. Джексона не только отразили наступление крупных сил англичан на

Новый Орлеан, но одержали над ними полную победу. 24 декабря 1814 г. был подписан Гентский мирный договор, который скорее обходился молчанием, чем разрешал вопросы, вызвавшие войну. Но несомненным ее итогом явилась внутренняя консолидация американского народа как самостоятельной нации.

После окончания войны предметом ожесточенных споров между США и Англией явился вопрос об отдельных участках границы, что было связано с заселением свободных земель и торговлей пушниной. Англо-американская демаркационная линия на севере — от оз. Лесное на запад до Скалистых гор — была определена сравнительно легко: в соответствии с конвенцией 1818 г. она стала проходить по 49-й параллели. Договор 1842 г. окончательно уточнил северо-восточную границу США с Канадой: от оз. Лесное на восток через Великие озера, по реке Св. Лаврентия до Атлантического океана.

Гораздо сложнее обстояло дело с Орегоном — обширной областью, простиравшейся от побережья Тихого океана до Скалистых гор и от Аляски до Калифорнии. В связи с отсутствием четко обозначенных границ между владениями США, Англии, Испании и России на северо-западе Америки этот регион был ареной столкновения интересов названных государств. Англо-американская конвенция 1818 г. выработала по проблеме Орегона компромиссное решение: все земли к западу от Скалистых гор, на которые претендуют США и Англия, провозглашались открытыми для доступа подданных обеих договаривающихся сторон. Границы этой территории как на севере, так и на юге конвенцией не фиксировались. Но уже в 1819 г. выяснилось, что согласившись по Трансконтинентальному договору на установление испано-американской границы на Северо-Западе по 42-й параллели, Испания отказалась от всяких претензий на области, расположенные к северу от этой линии, в пользу США. Согласно конвенциям, заключенным Россией с США (1824) и Англией (1825) граница российских владений на Тихоокеанском побережье устанавливалась по 54° 40' с.ш.

К середине 40-х гг. соперничество из-за спорных территориях крайне обострилось. В конгрессе США и на страницах печати велась интенсивная кампания за их захват. Экстремисты выдвинули лозунг: «54° 40' с.ш. или война». Но в Белом доме, озлобленном накалившимися отношениями с Мексикой не собирались вступать в серьезный конфликт с Англией. К мирному урегулированию затянувшегося спора из-за Орегона стреми-

лись и в Лондоне. Договор 1846 г. предусматривал компромиссное решение — линия размежевания между владениями обеих государств устанавливалась к западу от Скалистых гор по 19-й параллели. Англо-американская граница стала трансконтинентальной.

Значительным фактором в англо-американских отношениях являлась Центральная Америка. В связи со стремлением США утвердиться на Тихом океане и включить в сферу своего влияния страны этого региона особое значение приобрели поиски кратчайшего морского пути к западному побережью Америки и в Азию. Согласно договору 1846 г. с новой Гранадой (позже Колумбией) США добились права свободного и беспопытного транзита через Панамский перешеек. Основанная в 1849 г. американская «Компания Панамской железной дороги» получила концессию на строительство железнодорожного пути от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Тогда же в США вынашивались планы постройки межконтинентального судоходного канала на территории Никарагуа. Группа американских дельцов заключила контракт с никарагуанским правительством на его сооружение. Однако в условиях фактической гегемонии Англии в Карибском бассейне США не могли претендовать на полный контроль над межконтинентальными коммуникациями. В связи с этим по инициативе американской дипломатии в 1850 г. был подписан англо-американский договор Клейтона-Бульвера, в соответствии с которым оба государства обязались не добиваться исключительных прав на будущий канал (или железную дорогу) между двумя океанами, гарантировали его нейтрализацию, отказывались от всяких попыток оккупировать, колонизировать или подчинить своему господству какую-либо часть Центральной Америки. Практически это означало, что Англия лишалась Мосkitового берега (атлантическое побережье Никарагуа), утрачивала свои позиции в Никарагуа и Коста-Рике. Хотя США ничего не приобрели, соотношение сил в борьбе за карибские страны явно изменилось в их пользу.

Важное значение для США имели взаимоотношения с Францией, которые развивались неровно и сложно. Начавшуюся в 1789 г. во Франции революцию американцы восприняли с симпатией и энтузиазмом; борьба французского народа против европейских монархий оценивалась как наступление новой эры в Европе. Вместе с тем, союзный договор с Францией, заключенный

еще в 1778 г., осложнял международное положение США как нейтральной державы. Так, согласно этому договору, в случае войны Франции с третьей стороной, Соединенные Штаты обязаны были защищать ее владения в Вест-Индии и пропускать в свои порты только французские военные суда. Американское правительство оказалось перед трудным выбором: либо, противопоставив себя Англии, углублять сотрудничество с Францией, где в 1792-1793 гг. взяли курс на воссоздание союза с заокеанской республикой, вынашивая планы ликвидации английских и испанских владений в Северной Америке, либо за счет Франции урегулировать отношения с «владычицей морей».

В правящих сферах США были сторонники как «французской», так и «английской» внешнеполитической ориентации. С установлением якобинской диктатуры и революционного террора, события во Франции утратили свою привлекательность. Решающим ударом по франко-американскому союзу оказался «договор Джея». В Париже усмотрели в нем антифранцузскую направленность, и французы начали массовый захват американских торговых кораблей. Выступая на чрезвычайной сессии конгресса президент Д. Адамс 16 мая 1797 г. в резких выражениях осудил действия французского правительства. Вместе с тем, он не считал разумным еще больше обострять франко-американские отношения, и было принято решение урегулировать их путем переговоров. Во французскую столицу направились американские уполномоченные. Министр иностранных дел Директории Ш. Тайлеран через своих агентов дал им понять, что без предоставления крупного займа на льготных условиях, извинений за высказывания Адамса в конгрессе и без ... взятки в 250 тыс. долл. бесполезно ожидать не только начала переговоров, но даже официального приема. Эти действия создали у американцев впечатление, будто Франция стремится к разрыву с США. Правительство Адамса аннулировало все действующие соглашения с Францией и занялось военными приготовлениями. Эти действия получили полное одобрение в Лондоне и Петербурге, где посчитали вступление США в войну на стороне антифранцузской коалиции свершившимся фактом. Но ни США, ни Франция войны не объявили, хотя на море между ними происходили стычки. В полной мере военные действия между двумя странами так и не развернулись: в Соединенных Штатах сложилась угрожающая внутриполитическая обстановка, а военные силы Франции были заняты в

кампаниях в Европе. Весной 1799 г. франко-американские переговоры возобновились, и в сентябре следующего года была подписана конвенция, провозглашавшая мир и дружбу между двумя странами. Франция признавала аннулированным договор 1778 г., а США отказывались от требований возмещения ущерба от действий французского флота.

Вскоре франко-американские отношения вновь подверглись испытанию на прочность. Пришедший к власти во Франции Наполеон Бонапарт мечтал о возрождении французской колониальной империи в Западном полушарии. Он заключил тайную сделку с Испанией, добившись возвращения Франции обширнейшей области Луизианы. Американское правительство получило информацию об этой сделке. Оно понимало, что владение ослабевшей Испанией Луизианой не представляло непосредственной угрозы для республики. Захват же французами западной части обширной долины реки Миссисипи и, особенно, Нового Орлеана — ключевого порта в устье Миссисипи, через который проходила вся торговля Запада, мог иметь далеко идущие последствия для США (при том, что сами американские деятели рассматривали испанские владения в Северной Америке как основной объект колонизации). Т. Джефферсон, ставший в 1801 г. президентом, до этого последовательно выступавший за сохранение дружественных отношений с Францией, заявлял в письме к посланнику в Париже, что в случае сохранения Нового Орлеана — «единственного места на земном шаре, владелец которого является естественным и извечным врагом американского народа», американцы должны будут предпочесть в качестве друга и союзника Англию. Белый дом предлагал французскому правительству купить Новый Орлеан вместе с Западной и Восточной Флоридами (Джефферсон полагал, что они также были переданы испанцами французам), но получил отказ.

К весне 1803 г. стали очевидны как неизбежность очередной войны Франции с Англией, так и неудачи попыток французских войск подчинить Санто-Доминго (о. Гаити в Вест-Индии). Эту некогда самую богатую колонию Франции, Наполеон хотел сделать центром колониальной империи в Америке, и без Санто-Доминго Луизиана теряла для него свою ценность. Остро нуждаясь в деньгах для предстоящей войны с Англией, а также будучи заинтересованным в сохранении хороших отношений с заокеанской республикой, Наполеон продал ей Луизиану вместе с Новым Орлеаном за 11 млн. 200 тыс. долл.

Присоединение территории, увеличившей почти вдвое размеры Соединенных Штатов, имело огромное значение для всего последующего развития страны.

Приобретение США Луизианы осложнило их и без того натянутые отношения с Испанией. Правящие круги последней считали, что североамериканское государство представляет потенциальную угрозу испанским владениям в Западном полушарии. Администрация испанского губернатора в Новом Орлеане мало считалась с интересами США. Между тем, свобода торговли по Миссисипи имела колоссальное значение для всего американского Запада, а также южных штатов. Только в 1795 г. в Мадриде был заключен выгодный для США договор: подписав секретное соглашение с Францией и опасаясь неминуемого обострения отношений с Англией, с одной стороны, и боясь англо-американского сближения после заключения «договора Джея», с другой, испанское правительство было по-настоящему заинтересовано в урегулировании разногласий с американцами. Договор 1795 г. закреплял границы Соединенных Штатов с тогдашними испанскими владениями — Луизианой (по Миссисипи) и Флоридой (по 31-й параллели), предоставлял американским гражданам право свободного судоходства по всей протяженности Миссисипи и выхода в море.

Когда США купили Луизиану, ее границы в соглашении точно не определялись, и администрация Джефферсона объявила, что Луизиана включает в себя также и Флориду и американцы, следовательно, должны стать хозяевами обеих областей. Испания опротестовала эти притязания, но правительственные чиновники США в целях давления на Мадрид продолжали использовать угрозы, шантаж, подкуп. В 1810 г. они оккупировали Западную Флориду, а в 1818 г. — Восточную Флориду. Не располагавшая реальными возможностями отстоять свои территории Испания уступила Флориду. Трансконтинентальный договор 1819 г. устанавливал испано-американскую границу по рекам Сабин, Ред-Ривер, Арканзас и далее к западу от Скалистых гор — по 42-й параллели до Тихоокеанского побережья. Рабовладельцев Юга весьма интересовало и еще одно владение Испании — о. Куба в Вест-Индии. В 1848 г. президент Полк дал указание начать секретные переговоры с Испанией о покупке Кубы за 100 млн. долл. Мадрид ответил отказом. Тогда южные штаты предоставили свою территорию для организации флибустьерских экспедиций, которые трижды высажива-

лись на Кубе с целью поднять там восстание против испанских властей и инспирировать обращение кубинцев с просьбой о включении острова в состав США на правах штата. Эти акции потерпели неудачу.

В апреле 1854 г. американское правительство снова предприняло попытку приобрести Кубу, предложив на сей раз 130 млн долл., однако столь же безуспешно. Рабовладельцы Юга, пользуясь участием Англии и Франции в Крымской войне, активизировали политическую кампанию за аннексию Кубы. По указанию госдепартамента американские дипломатические представители в Лондоне, Париже и Мадриде в октябре 1854 г. разработали в бельгийском городе Остенде программу действий в кубинском вопросе. Утверждая, будто интересы безопасности США требуют немедленного присоединения Кубы, они рекомендовали вновь попытаться убедить Испанию продать остров. Если же это предложение будет отклонено, то следует прибегнуть к силе. Несмотря на свой секретный характер, «Остендский манифест» быстро стал достоянием гласности, вызвав крайне отрицательную реакцию Испании, поддержанной Англией и Францией. Госдепартаменту ничего не оставалось, как дезавуировать этот документ.

В середине 30-х гг. чрезвычайно осложнились отношения США с их новой соседкой — Мексикой, бывшим владением испанской короны, провозгласившей независимость в 1821 г. Камнем преткновения, в первую очередь, стал обширный, но малонаселенный Техас. Плантадоров-южан привлекали его плодородные почвы и климат, благоприятные для разведения хлопка и других сельскохозяйственных культур. Вместе с тем, господствующим классам Юга, чтобы обеспечить политическое преобладание в Союзе, необходимо было образование новых рабовладельческих штатов к западу от Миссисипи. Согласно американо-испанскому Трансконтинентальному договору США признали Техас составной частью Новой Испании, а в 1828 г. США вынуждены были заключить с Мексикой соглашение о границе, подтверждавшее положения Трансконтинентального договора, т.е. признание Техаса теперь уже частью территории Мексики.

Несмотря на временное поражение, влиятельные силы в Соединенных Штатах сохраняли экспансионистские планы в отношении техасских территорий. Американская колонизация приобретала здесь все более широкий размах. Установив фак-

тически полный контроль над Техасом, американцы игнорировали законы Мексики и меры ее правительства, направленные против рабства. Обстановка в Техасе все более накалялась. Американские колонисты взялись за оружие и к концу 1835 г. вытеснили мексиканские войска. Весной следующего года конвент «представителей народа Техаса» провозгласил независимость «Республики Техас», конституция которой узаконила рабство и ввоз рабов. Конвент обратился за помощью к правительству США, откуда к мятежникам поступали деньги и оружие. Целью руководителей мятежа было отделение Техаса от Мексики и включение его в состав США. Того же страстно желали и в Вашингтоне, но опасались, что такой шаг может вызвать серьезные международные осложнения: вооруженный конфликт с Мексикой; противодействие европейских держав, прежде всего Англии, которая поставив Мексику в экономическую зависимость, имела свои виды и на Техас. В 1837 г. Соединенные Штаты официально признали независимость Техаса. Вскоре их примеру последовали Англия и Франция, полагавшие, что новая «республика» станет барьером на пути дальнейшего продвижения США на юг.

Американские экспансионисты настойчиво добивались полного поглощения Техаса. Мексиканское правительство категорически отказывалось признать «Республику Техас» и предупреждало, что будет считать его аннексию равносильной объявлению войны. Однако в связи с непрерывной внутриполитической борьбой, Мексика была не в состоянии направить крупные силы для восстановления своего суверенитета над Техасом. На волне очередного приступа «техасской лихорадки», в начале 1845 г. обе палаты американского конгресса приняли совместную резолюцию, предлагавшую Техасу войти в состав США. В ответ Мексика тотчас же порвала дипломатические отношения с Соединенными Штатами, но вместе с тем выразила готовность признать независимость «Республики Техас», если та обязуется не присоединяться к США. Этот шаг подсказала британская дипломатия, которая рассчитывала, что Англия, выступая в роли посредника и гаранта независимости Техаса, сможет фактически установить контроль над ним. Но было уже поздно. В июле 1845 г. на техасскую территорию был введен американский военный корпус, а в декабре того же года президент Полк подписал одобренный конгрессом билль о включении Техаса в состав США на правах штата.

Вторжением весной 1846 г. американских войск в пределы Мексики началась американо-мексиканская война. Поражение в ней Мексики объяснялось не только экономическим, техническим и военным превосходством США, но и антипатриотическим поведением мексиканских господствующих классов, которые, желая сохранить свои привилегии, принесли в жертву национальные интересы. По Гуадахупе-Идильгскому мирному договору 1848 г. Мексика оказалась вынуждена отдать (ША помимо Техаса также Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, северную часть Тамаулипаса, Коауилы и Соноры, т.е. до 55% всей территории страны). Заполучив огромную мексиканскую территорию, экспансионисты США все еще не были удовлетворены. В 1853 г. посланник в Мексике Д. Гадсен добился от мексиканских властей уступки за 10 млн. долл. территории к югу от реки Хила (долина Месилья), которая понадобилась американцам для строительства трансконтинентальной железной дороги. «Покупка Гадсена» в основном завершила процесс формирования южной границы США.

В условиях почти постоянной напряженности отношений с Англией, Испанией, а затем и с Мексикой, американское правительство искало сближения с Россией. В 1809 г. между ними были установлены дипломатические отношения, которым предшествовали благотворные контакты в самых различных областях. Основой этому со времен Войны за независимость стала защита прав нейтрального мореплавания. Провозглашение Россией декларации о вооруженном нейтралитете (1780) получило официальное одобрение Континентального конгресса США и высокую оценку их «отцов-основателей». Правда в Петербурге долгое время отклоняли предложенный в 1823 г. американцами проект соглашения (он объединял все важнейшие принципы вооруженного нейтралитета, запрещал захват торговых судов воюющих держав и предусматривал отмену каптерста) из-за нежелания действовать отдельно от других великих держав и отрицательной позиции Англии. Лишь во время Крымской войны, когда царское правительство столкнулось с сильной коалицией западных держав и Турции, между Россией и США в 1854 г. была заключена конвенция о правах нейтральных стран на море.

Важным фактором в сближении США и России стали взаимовыгодные торговые связи. В 1832 г. был подписан русско-американский договор о торговле и навигации, условия кото-

рого закрепили сложившиеся ранее отношения, и придали им определенную стабильность и надежность. Остававшийся в силе до 1912 г. договор содержал принципы наибольшего благоприятствования. И в Белом доме, и в Зимнем дворце понимали, что у обеих держав общий соперник — Великобритания. Именно поэтому русско-американские отношения, несмотря на противоречия и различия в политических системах, продолжали оставаться благожелательными. Всю выгоду таких отношений США ощутили уже позднее, в годы Гражданской войны, когда позиция России стала важным фактором противодействия попыткам иностранного вмешательства в конфликт между Севером и Югом.

С середины XIX в. США начинают предпринимать энергичные усилия на Дальнем Востоке. Если в Китае США следовали за другими капиталистическими странами (американо-китайские договоры 1844 и 1858 гг.), то в Японии, наоборот, они прокладывали путь (американо-японские договоры о мире и дружбе (1854) и торговле (1858), по образцу которых были составлены соответствующие договоры европейских государств с Японией). Дальневосточная политика США 40-50-х гг. в сравнении с политикой Англии и Франции в этом регионе явилась в каком-то смысле провозвестницей будущего внешнеполитического курса великих держав, при котором мощные силовые средства держатся как бы про запас, сама же политика ведется с помощью искусных дипломатических методов, продемонстрированных еще тогда американцами М. Пери, Т. Гаррисом, К. Кашингом.

Беспрецедентная территориальная экспансия США продолжалась на протяжении многих поколений. На громадных пространствах Северной Америки столкнулись несколько колониальных потоков — испанский, английский, французский, русский, американский. Наиболее сильным и жизнеспособным в конечном итоге оказался американский. Иногда территориальные приращения достигались мирным путем в результате покупок земли. Но не обходилось без захватов, насилия, войн. В ходе колонизации возникла новая американская цивилизация, существенно отличавшаяся от старой, европейской. На всех колонизируемых американцами землях шло развитие производительных сил, распространялись демократические институты и принципы. В середине XIX в. американская внешняя политика сделал шаги, показавшие всему миру, что она

не намерена ограничивать сферу своей деятельности Западным полушарием — акции американских дипломатов и промышленников на Дальнем Востоке были успешными и значительными. Активизация в 40-50-х гг. внешнеполитической деятельности США, ставшими крупным континентальным государством, совпала с постепенным переходом неотвратимого конфликта между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом из тлеющей фазы в войну двух систем.

Победа лидера республиканской партии А. Линкольна на президентских выборах 1860 г. углубила раскол в американском обществе. Южные штаты объявили о сецессии (отделении от Союза) и провозгласили свое рабовладельческое государство — Конфедерацию. В апреле 1861 г. началась Гражданская война. Дипломатии как южан, так и северян предстояло сыграть в ней исключительно важную роль. Правительства ряда европейских держав использовали события войны Севера и Юга для вмешательства в дела Американского континента в целом.

Соотношение сил между Севером и Югом было явно не в пользу последнего. По всем критериям экономического, политического и социального развития преобладал Север. Правда весь кадровый состав федеральной армии состоял из выходцев из среды плантаторов-рабовладельцев. Но решающую роль в своих планах они отводили дипломатии. Южане рассчитывали, что Англия и Франция признают Конфедерацию, организуют вооруженную интервенцию в их поддержку. Возможность такой интервенции казалась южанам несомненной. Рабовладельческие штаты являлись тогда почти монопольным поставщиком хлопка для текстильной промышленности Англии и Франции и помимо этого — рынком сбыта промышленных товаров из европейских стран. Неслучайно еще в марте 1861 г. один из политических лидеров Юга заявил в конгрессе: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча, мы можем поставить на колени весь мир, если они (т.е. республиканцы. — *Авт.*) посмеют начать с нами войну. Что произойдет, если в течении трех лет не будет поставки хлопка? Англия сделает все возможное и мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти Юг ... Нет такой власти на земле, которая посмеет воевать с хлопком. Хлопок правит миром». Руководители Конфедерации сразу же развернули бурную деятельность за границей и в дипломатическом корпусе Вашингтона. Феде-

ральное правительство, наоборот, бездействовало. Лейтмотив речи, которую произнес Линкольн при вступлении в должность президента, сводился к попытке уговорить рабовладельцев отказаться от курса на раскол Союза. Никакой внешнеполитической программы в выступлении президента не было. Вашингтонская администрация не спешила входить в контакты с дипломатическим корпусом по вопросам, касающимся начавшейся войны.

Уже во время сессии стало очевидно, что Англия и Франция поддерживают мятежников. Эти страны были заинтересованы в расколе Соединенных Штатов как серьезного конкурента на мировом рынке; в случае победы конфедератов американское государство стало бы полностью зависимо от них. После начала военных действий прорабовладельческая позиция Англии, выступавшей на международной арене главной ударной силой в борьбе против Севера, стала еще более очевидной. 13 мая 1861 г. британский кабинет Г. Пальмерстона выступил с «Прокламацией о нейтралитете». Торжественно заявляя о нейтралитете в отношении конфликта Севера и Юга, он одновременно признавал Юг воюющей стороной, что являлось первым шагом на пути к полному признанию Конфедерации. Столь же циничным и лицемерным было объявление о нейтралитете французского правительства Наполеона III, сделанное вслед за английским.

Постоянно обмениваясь мнениями, в Лондоне и Париже внимательно следили за развитием событий в Северной Америке, выжидая удобного момента для вступления в войну на стороне Конфедерации. С первых дней своего существования она получала от Англии и Франции военную, экономическую и дипломатическую поддержку. Невзирая на протесты Вашингтона, на верфях Англии по заказу Конфедерации строились военные корабли, участвовавшие в каперских операциях против федерального флота и нанесшие ему колоссальный ущерб. Среди этих кораблей был и знаменитый крейсер «Алабама», потопивший 65 судов северян. Англия внимательно следила за тем, чтобы в результате объявленной Линкольном блокады Конфедерации не было нанесено ущерба ее торговле с южными штатами, которые поставляли ей хлопок. Пальмерстон направил к берегам Америки военные корабли, якобы, для защиты британского судоходства.

Гражданская война в США послужила сигналом к активизации агрессии западноевропейских держав в Латинской

Америке. Весной 1861 г. Испания, имея Кубу в качестве плацдарма, оккупировала Доминиканскую республику, занимающую восточную часть Гаити (ту часть, которая была прежде ее колонией). Следующей оказалась Мексика. Используя в качестве предлога объявленный мексиканским конгрессом временный мораторий по иностранным долгам, Великобритания, Франция и Испания заключили в октябре 1861 г. конвенцию о превентивной военной оккупации Атлантического побережья Мексики как гарантии ее кредитоспособности. Основной целью для всех трех держав было свержение республиканского правительства во главе с президентом Б. Хуаресом и поддержка сил мексиканской феодально-клерикальной реакции. С помощью последней испанская корона хотела восстановить прежнюю власть в Мексике, а Наполеон III, в свою очередь, превратить Мексику в опорный пункт «латинской империи» в Новом Свете под протекторатом Франции. Планируемая интервенция в Мексику имела и четко выраженную антиамериканскую направленность. Организуя ее, Наполеон и Пальмерстон рассчитывали одновременно спровоцировать конфликт с правительством Линкольна, который облегчил бы им вооруженное вмешательство в войну Севера и Юга.

В декабре 1861 г. в Мексике высадились испанские войска, а в январе следующего года — английские и французские. Однако вскоре коалиция агрессоров распалась. В расчеты Англии и Испании не входило способствовать намерениям французского императора в Латинской Америке. Обе страны достигли с правительством Хуареса предварительного урегулирования вопроса о своих претензиях и вывели войска из Мексики. Британский кабинет учитывал, что цели, которые он преследовал при организации интервенции, могли быть теперь достигнуты без военных действий. Мадрид же отступил, убедившись, что у его замыслов в Мексике не было никаких шансов на успех. Наполеон не собирался отказываться от своих намерений и высказался за восстановление монархии в Мексике, выдвинув кандидатуру эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, брата австрийского императора Франца Иосифа. В апреле 1862 г. французские интервенты начали военные действия в Мексике. Американская общественность возмущалась вмешательством европейских держав в дела Нового Света. Но федеральное правительство не могло в тех условиях предпринять против этого эффективных внешнеполитических действий. А выступать

с протестом, не подкрепленным решительными мерами, означало расписаться в собственном бессилии.

Между тем серьезно обострились англо-американские отношения в связи с «делом "Трента"». В ноябре 1861 г. английский почтовый пароход «Трент», на борту которого находились два дипломатических представителя Конфедерации, направлявшихся в Европу, был обстрелян и остановлен федеральным военным кораблем. Эмиссаров-мятежников арестовали и доставили в Бостон. Этот шаг был очень неосторожным и ошибочным с точки зрения международного права, так как нарушал право английского судна, шедшего под нейтральным флагом. На берегах Темзы поднялась кампания против действий федерального правительства. Консервативная пресса требовала объявить войну Соединенным Штатам. Пальмерстон заявил Линкольну протест и направил в Канаду флот и солдат. Возникла реальная угроза войны.

Ситуация для федеральных властей осложнялась тем, что госсекретарь У. Сьюард высказался за войну с Англией. Он полагал, что перед угрозой внешнего врага Север и Юг объединят свои силы против англичан и прекратят военный конфликт между собой. Линкольн подверг резкой критике этот авантюрный проект. Президент проявил большое дипломатическое искусство: пойдя на компромисс с сент-джеймским кабинетом, он сумел разрядить напряженность в англо-американских отношениях. Эмиссары Конфедерации были освобождены, а инцидент с «Трентом» исчерпан. Британское руководство лишилось предлога для интервенции в США. Наряду с методами силовой политики в Лондоне и Париже важное место отводилось идее объединенного европейского посредничества, что открывало блестящие перспективы перед англо-французской дипломатией. Суть так называемого посредничества сводилась к «примирению» враждующих в США сторон на основе признания независимости рабовладельческой Конфедерации. 31 октября 1862 г. французский МИД официально предложил лондонскому и петербургскому кабинетам добиваться от воюющих сторон заключить шестимесячное перемирие и на это же время снять блокаду с южных штатов.

Тем временем положение на театре военных действий стало меняться в пользу федератов. Опубликование в сентябре 1862 г. предварительной Прокламации об освобождении рабов и переход к революционным методам ведения войны определяющим

образом повлияли не только на внутреннюю, но и на международную обстановку. Отмена рабства заметно усилила симпатии прогрессивных кругов Европы к Северу. В Англии резко активизировалось движение интеллигенции и рабочих в поддержку федерального правительства, что не мог игнорировать кабинет Пальмерстона. Дипломатия Севера стала приобретать наступательный характер, создавая максимально благоприятные внешние условия, с целью довести до конца дело освобождения рабов и восстановление единства страны. Правительство Линкольна сумело выиграть самую важную внешнеполитическую битву — вооруженное вмешательство европейских держав было сорвано. Среди факторов, этому способствующих, существенное значение имела позиция российского правительства.

Россия была единственной великой державой, которая с самого начала заняла благоприятную позицию к федеральному правительству и отказалось признать незаконнорожденное рабовладельческое государство. Такая позиция определялась заинтересованностью петербургского кабинета в сохранении единых и сильных Соединенных Штатов в качестве противовеса своим противникам — Англии и Франции. Тем более, что недавно закончившаяся Крымская война привела к изоляции России на международной арене. На Зимний дворец большое воздействие оказывал и тот факт, что на протяжении всей истории США между Россией и заокеанской республикой существовали хорошие, доброжелательные отношения. В депеше, направленной в июне 1861 г. министром иностранных дел А.М. Горчаковым посланнику в Вашингтоне, отмечалось, что «Американский Союз может рассчитывать на самое искреннее сочувствие со стороны нашего государя во время тяжелого кризиса, переживаемого в настоящее время», и подчеркивалось, что Россия выступает против иностранного вмешательства во внутренние дела США. Депеша была доведена до сведения президента и госсекретаря. Линкольн передал Александру II глубокую признательность и заверения, что вся американская нация «оценит этот новый знак дружбы». При этом он выражал убеждение, что сотрудничество с Россией «не только возможно, но и крайне необходимо для благосостояния» Соединенных Штатов.

Дипломатическая поддержка России способствовала успешному решению внешнеполитических проблем, стоявших перед администрацией Линкольна. Российское правительство реши-

тельно отказывалось присоединиться к идее посредничества в его англо-французской интерпретации. На содержавшиеся в вышеуказанной ноте французского МИД предложения, Горчаков ответил, что это было бы не посредничеством, а враждебной акцией по отношению к федеральному правительству, с которым Россия поддерживает дружеские отношения. Руководители внешней политики Англии и Франции сознавали, что без согласия Петербурга посредничество превратится в фикцию и будет отвергнуто Вашингтоном.

В 1863 г. произошло важное событие во внешнеполитической истории Гражданской войны — визит российских военных эскадр в США. Визит был вызван резким обострением противоречий между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, в связи с начавшимся в январе 1863 г. восстанием в Царстве Польском. В июле в Зимнем дворце было принято решение о посылке двух эскадр в США, одна из которых вышла из Кронштадта и взяла курс через Атлантический океан в Нью-Йорк, другая — направлялась через Тихий океан в Сан-Франциско. Инструкции командующим эскадрам гласили, что в случае войны России с Англией и Францией, их корабли должны перерезать морские коммуникации этих держав и начать операции против их флота.

Прибытие российских боевых кораблей в США стало весьма своевременным, ибо федеральное правительство опасалось военного вмешательства Англии и Франции в войну Севера и Юга. Американцы встретили русских моряков исключительно тепло и восторженно. Эскадры не участвовали в военных действиях против южан, но своим присутствием оказали определенное давление на их морские силы. Демонстрация русско-американской дружбы произвела сильное впечатление. На Североамериканском континенте и в европейских столицах упорно циркулировали слухи, что между Россией и США заключен тайный военный союз, действие которого начнется в случае войны русских с англичанами и французами. Визит российских эскадр способствовал срыву англо-французских планов интервенции в Соединенные Штаты.

Западноевропейские державы всячески старались раздуть угасающее пламя Гражданской войны и продолжали цепляться за идею посредничества. Наполеон III публично утверждал, что Юг непобедим и признание Конфедерации все еще остается дипломатической реальностью. Французский император ни

на грош не верил в это, но ему было необходимо затянуть войну и США. Он понимал, что, как только федеральное правительство окончательно сокрушит конфедератов, пробьет роковой час для его авантюры в Мексике (по мере завершения Гражданской войны усиливался поток американских добровольцев в армию Хуареса в Мексике, которая упорно сражалась с французами). Британские политики в прекращении войны в США усматривали угрозу Канаде, куда федералы могут двинуть свою армию. К тому же в Соединенных Штатах оживилась деятельность ирландских фениев, и правящие круги Англии преследовал кошмар начала всемирной освободительной войны в Ирландии, руководители мятежных рабовладельцев все еще продолжали надеяться на признание Конфедерации, но это были не больше, чем дипломатические иллюзии, тем более что южане терпели поражение за поражением на всех фронтах. В мае 1865 г. остатки вооруженных сил конфедератов капитулировали.

Во время войны против антирабовладельческого Севера сложилась мощная коалиция западноевропейских держав в лице Великобритании, Франции, Испании, мечтающих расколоть Соединенные Штаты и нагреть руки на американском конфликте. Несмотря на то, что в аристократических кругах России очень многие симпатизировали Югу, государственные интересы побуждали Петербург искать сближения с правительством Линкольна. И парадокс истории заключался в том, что республиканские Соединенные Штаты получили союзника в лице абсолютистской России. Оказанная ею помощь в жизненно важных для самого существования республики вопросах, была с благодарностью оценена официальными кругами и общественностью США. Главной победой внешней политики Линкольна явился факт, что Англия и Франция так открыто и не вмешались в войну Севера и Юга и не сделали ее для федерального правительства войной на два фронта со всеми вытекающими из этого военными и политическими последствиями. Американский президент не допустил ни одной ошибки, которую можно было бы использовать как предлог для интервенции. При том, что Линкольну, не имевшему никакого практического опыта в сферах дипломатии, противостояли такие изощренные во внешнеполитических интригах деятели, как Пальмерстон и Наполеон III.

С окончанием Гражданской войны последовала Реконструкция США (1865-1877) — переустройство социально-эко-

номической и общественно-политической жизни бывших рабовладельческих штатов. Возникли экономические, военные, политические предпосылки для усиления экспансионизма США. Главная особенность их внешней политики в период Реконструкции заключалась в том, что это был курс победившей и получившей всю полноту власти буржуазии. Внешняя политика приобрела качественно новое содержание. Но важно отметить и другое. От былой революционности американской буржуазии, сражавшейся в годы войны под флагом отмены рабства, мало что осталось. Теперь, в связи с революционными событиями на Юге и ростом демократического движения в стране, буржуазия в своей основной массе стала резко негативно относиться к национально-освободительному и революционному движению в других странах Америки и Европы. Во внешней политике это выразилось в возрастании консервативных течений, которые все более брали верх в международной стратегии. Госдепартамент мог ставить перед собой довольно ограниченные задачи с учетом сложных внутренних проблем. США стремились в первую очередь укрепить позиции на Американском континенте и не дать возможности европейским колониальным державам добиться в этом регионе каких-либо успехов.

Среди многих внешнеполитических проблем, с которыми в Вашингтоне столкнулись после окончания войны, традиционно приоритетное место занимал сложный комплекс англо-американских взаимоотношений. Тяжелым грузом на них давило «дело "Алабамы"» — претензии США к Англии за ущерб, нанесенный им в годы войны крейсером «Алабама» и другими кораблями южан, построенными и вооруженными для них англичанами. Конгресс решительно потребовал от сент-джеймского кабинета материальной и моральной компенсации за действия мятежных каперов. В американской прессе велась мощная антианглийская кампания. Однако в Лондоне не спешили признать обоснованность требований американцев. Несравненно более действенным стало силовое давление на Англию. Причем для этого были использованы прецеденты, которые создал сам британский кабинет во время войны в США, признавая Конфедерацию воюющей стороной и оказывая ей помощь. В июле 1866 г. палата представителей конгресса приняла законопроект, разрешавший на территории Соединенных Штатов вооружать корабли и готовить военные экспедиции против других стран. Реальная опасность для Англии была очевидной: за не-

сколько недель до этого в США заметно активизировалось движение ирландских фениев, а вооруженные группы американских ирландцев перешли границу с Канадой.

После начала в ноябре 1867 г. англо-абиссинской войной Белый дом не замедлил внести в сенат резолюцию о признании ла Абиссинией тех же прав, какие Англия признала за конфедератами. Когда в 1870 г. началась франко-прусская война, то к Лондону отдавали себе отчет в том, что если Англия будет в нее втянута, то США могли бы снаряжать каперы для действий на английских морских коммуникациях. Для британской дипломатии сложилась тупиковая ситуация, и сент-джеймскому кабинету пришлось дать согласие о передаче «дела "Алабамы"» на рассмотрение международного арбитража. Великобритания, США, Бразилия, Италия и Швейцария назначили своих представителей — компетентных юристов, которые встретились в Женеве и подписали в 1872 г. соответствующее соглашение: Англия признавалась виновной в нарушении принципов нейтралитета и обязывалась уплатить Соединенным Штатам 15,5 млн. долл. компенсации. Это был первый в истории дипломатии международный арбитраж, успешно справившийся со своей задачей. Созданный прецедент вошел отныне в международную практику. Другой спорной проблемой в англо-американских отношениях являлась Канада. Ирландские патриоты, проживавшие в Соединенных Штатах, пытались использовать бывших солдат федеральной армии для захвата Канады. 15 дальнейшим они планировали вернуть ее Англии в обмен за предоставление независимости Ирландии. Американские же политики хотели осуществить давно вынашиваемые планы аннексии Канады. Между США и Канадой (в 1867 г. она получила права доминиона) возникли разногласия вокруг рыболовства в Северной Атлантике. Договор 1871 г., урегулировавший спорные вопросы, в целом был более выгоден США. Напряженность в американо-канадских отношениях временно спала.

В отношениях между США и Францией остро стоял вопрос о выводе французских войск с территории Мексики. К моменту окончания войны в Соединенных Штатах французский оккупационный режим сталкивался со все большими трудностями. Вашингтон рассматривал французскую оккупацию Мексики как открытое нарушение доктрины Монро, а наличие иностранных войск на своих южных границах — как прямую угрозу интересам страны. Когда осенью 1865 г. стало ясно, что

§5

В преддверии новой эпохи: международные отношения в последней трети XIX в.

Международные последствия франко-прусской войны

Франкфуртский мирный договор 1871 г., подведший итог франко-прусской войне (в исторической литературе ее называют также франко-германской, поскольку на стороне Пруссии воевали и другие государства Северогерманского союза и Южной Германии), открыл новую страницу в истории международных отношений. Политическая карта и соотношение сил в Европе коренным образом изменились. Важнейшим результатом войны стало образование Германской империи. Вместо Пруссии, слабейшей в концерте великих держав, возникло наиболее мощное экономически и сильнейшее в военном отношении континентальное государство. Война косвенно способствовала завершению процесса объединения Италии. Итальянское королевство стало шестой великой державой Европы, хотя в силу более чем скромных экономических ресурсов и слабости военного потенциала не могла претендовать на равный статус среди других держав.

Приобретение Эльзаса и Восточной Лотарингии принесло Германии немалые материальные выгоды, но еще более серьезным и были военно-стратегические преимущества. Не случайно, что на захвате этих областей настаивал не столько прусский министр-президент О. Бисмарк, сколько начальник Генерального штаба фельдмаршал Г. Мольтке-старший. Дело в том, что Эльзас в составе Франции мог стать важным плацдармом для вторжения французской армии в наиболее уязвимый и ненадежный регион Германской империи — Южную Германию, где преобладало католическое население, во многом тяготевшее к Франции и враждебное Пруссии. После перехода Эльзаса к Германии между двумя государствами, помимо реки Рейн, пролегла еще цепь Вогезских гор, труднопроходимых для крупных военных соединений. С другой стороны, за счет

Лотарингии теперь уже Германия имела удобный плацдарм для наступления на Париж через так называемую «вогезскую дыру» — равнинную местность между Арденнами на севере и Вогезами на юге. Аннексия Эльзаса и Лотарингии объективно усиливала во Франции стремление к реваншу, причем придавала реваншистским идеям оборонительную окраску в силу грабительского характера Франкфуртского договора. Движение за реванш, используемое в своих целях правительственными кругами Франции, находило поддержку и в общественном мнении, что объяснялось как уязвленным национальным самолюбием французов, так и широкой националистической пропагандой. Таким образом, война 1870-1871 гг. не только разрешила противоречий, существовавших между Францией и Германией, но и сделала их главными в Европе на десятилетия вперед, а опасность новой франко-германской войны стала постоянным фактором, определявшим международную обстановку на континенте.

Объединенная Германия несла угрозу и ее восточному соседу — России. В Петербурге со времен Тешенского договора (1779) привыкли выступать верховным арбитром в спорах между многочисленными немецкими княжествами. Теперь место Пруссии, поглощенной непрерывным соперничеством с Австрией, заняла Германская империя, которая, приобретая господствующее политическое влияние в Европе, сделалась потенциальным противником России.

Изменения на Апеннинском полуострове также отразились на межгосударственных отношениях. У Итальянского королевства сразу же возникли серьезные трудности со своими соседями — Францией и Австро-Венгрией. Итальянцы мечтали о возвращении Савойи и Ниццы, перешедших к Франции в 1860, и даже о присоединении о. Корсика. В свою очередь, из Франции еще продолжала исходить инспирируемая клерикалами угроза военной интервенции для восстановления светской власти папы. На Апеннинах во второй половине 70-х гг. XIX в. возникло политическое течение ирредентистов. Ирредентисты считали национальное объединение незавершенным, пока не будут присоединены к Италии альпийская область Южный Тироль (Трентино) и земли Истрии на Адриатике — австрийские владения, где был значительный процент итальян-

ского населения. В Вене были обеспокоены устремлениями к Адриатическому побережью Балканского полуострова римского кабинета, а в Париже — колониальными планами последнего в Восточном Средиземноморье.

Еще одним важным последствием франко-прусской войны стало известное укрепление международных позиций Великобритании и России. В Лондоне стремились использовать результаты войны и последовавшее за ним нарастание напряженности во франко-германских отношениях в интересах своей политики, которую сами британские дипломаты называли политикой «блестящей изоляции». Ее сущность состояла в отказе Англии от постоянных союзов с другими государствами, в поддержании выгодного ей баланса сил на европейском континенте и в сохранении полной свободы действий в решении своих внешнеполитических задач. Великобритания, крупнейшая промышленная, торговая и колониальная держава того времени, умело использовала свое неуязвимое островное положение и предпочитала воевать чужими руками, вынуждая другие стороны вступать в борьбу за ее государственные интересы. Наиболее верным средством политики «блестящей изоляции» считалось дипломатическое поощрение конфликтности в отношениях между великими державами, что открывало для «коварного Альбиона» возможность укреплять и расширять колониальную империю. Залогом успеха этой политики являлось господство на морях английского военного флота.

«Блестящая изоляция» вовсе не означала, что Англия играла роль пассивного наблюдателя в европейских международных делах. Скорее наоборот, стремясь сохранить торгово-промышленное и колониальное лидерство, она активно провоцировала столкновения континентальных держав с целью их максимального ослабления, маневрировала до начала открытого конфликта, а затем присоединялась к той из сторон, временно сблизившись с которой в наибольшей степени отвечало ее интересам. Суть этого внешнеполитического курса была сформулирована в 60-е гг. лидером вигов (либералов) Г. Пальмерстоном: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные, вечные интересы, и им мы должны следовать». В этом контексте итоги франко-прусской войны были чрезвычайно выгодны Великобритании. Политика «блестящей изоляции» наполнилась новым конкретным содержанием. Главный соперник Англии в колониальных захватах и в

претензиях на гегемонию в Европе — Франция — была разгромлена. Германская империя стала рассматриваться как противовес Франции, а вместе с Австро-Венгрией — как противовес России, с которой у Англии все более обострялось соперничество в Средней Азии, а затем и на Балканах. В Петербурге воспользовались франко-прусской войной для решения вопроса о пересмотре отдельных статей Парижского договора (1856). Лондонская конвенция (1871) отменила нейтрализацию Черного моря — Россия восстановила свое право держать там посылный флот и строить укрепления.

Итак, с 70-х гг. в Европе возникают долговременные очаги противоречий — франко-германские, итало-французские, итало-австрийские. Конфликты и кризисы в отношениях между великими державами прежде всего из-за гегемонии на европейском континенте, а также колониальных владений и сфер влияний, заметно участились и обострились. Основной виновницей возрастания напряженности была пропитанная милитаристским духом Германская империя. Еще до того как Бисмарк стал у руля объединенной Германии, он проявил себя как политик, делавший ставку на военную силу чаще и решительнее, чем его современники, стоявшие у руководства других европейских государств. Эти обстоятельства не могли не вызвать по меньшей мере настороженности соседних стран, не без оснований опасавшихся за свою безопасность. Угроза войны стимулировала гонку вооружений и усиливала роль реакционно-милитаристских сил как в экономике, так и в политике. С 1871 г. международное положение в Европе приняло характер «вооруженного мира».

Создание О. Бисмарком системы политических союзов

После франко-прусской войны Бисмарк находился в зените славы, господствующая юнкерско-буржуазная верхушка Германии сделала «железного канцлера» своим кумиром. Положение империи на международной арене выглядело прочным и германская дипломатия, казалось, могла почивать на лаврах: Франция была сокрушена, отношения с Австро-Венгрией можно было считать удовлетворительными, со стороны Великобритании и России не было оснований ожидать каких-ли-

бо осложнений. «Я скучаю, — говорил Бисмарк. — Все великие дела совершены. Империя создана. Враждебные коалиции легко предупредить. Охотиться на зайцев у меня нет никакого желания. Вот если бы можно было уложить крупного кабана — другое дело. Тогда я ожил бы». Разумеется, это была шутка. В действительности положение империи не выглядело так идиллически, и вовсе не легко было предупредить возможность появления антигерманской коалиции. Позор Седана и аннексия Эльзаса и Лотарингии породили реваншистские настроения во Франции. В Австрии не забыли поражение 1866 г. и вытеснение своего влияния из немецких земель, что питало антигерманские настроения у части правящих кругов. В России имелась группа влиятельных политических деятелей во главе с канцлером А.М. Горчаковым, который считал германскую опасность очень серьезной и предполагал действовать в том направлении, чтобы положить предел дальнейшему усилению Германии.

Бисмарк отлично осознавал, что соседние с империей страны неизбежно будут стремиться к сплочению на базе противодействия Германии. Одно время он не исключал возможность австро-русско-французского альянса. По собственному признанию Бисмарка его преследовал «кошмар коалиций». С целью не допустить или, по крайней мере, отсрочить создание антигерманской коалиции, Бисмарк с присущей ему неиссякаемой силой воли, сочетавшейся с трезвостью оценок и четким пониманием долгосрочных целей политики, приступил к решению важнейшей задачи — созданию военно-политического блока под эгидой Германии, с тем, чтобы изолировать Францию, которую он считал «врагом № 1», и обеспечить благоприятную дипломатическую обстановку для превентивной войны против нее. Подобный блок должен был также обеспечить Германской империи внешнеполитическое могущество и доминирующие позиции в Европе.

Бисмарк начал с того, что выступил инициатором сближения Германии с Россией и Австро-Венгрией, используя идею монархической солидарности для укрепления «порядка» на континенте после подавления Парижской коммуны 1871 г. Особых преград на этом пути не стояло. Россия стремилась обезопасить себя на Западе в условиях обострения борьбы с Англией на Востоке, а также не допустить австро-германского сближения на антирусской основе. Для Австро-Венгрии сближение с

Германией являлось естественным в силу общности экономических и политических интересов. К тому же оно могло стать важным фактором укрепления международного и стабилизации внутриполитического положения двуединой монархии в обстановке подъема национально-освободительного движения подвластных ей народов. Назначение в 1871 г. австро-венгерским министром иностранных дел Д. Андраши ознаменовало коренной поворот во внешней политике монархии.

Андраши, венгр по национальности, не испытывал никакого предубеждения по отношению к Пруссии, с которой его родина никогда не сталкивалась. Более того, в Пруссии, а затем и в объединенной Германии, он видел лучшую гарантию против возрождения опасных для Венгрии и дуализма великоавстрийских тенденций. Андраши направил острие своей внешней политики на Балканский полуостров и повел там решительную борьбу с Россией. Впоследствии такая же антирусская направленность отличала политику Г. Кальноки, председателя совета министров и министра иностранных дел Австро-Венгрии (с 1881 по 1895 гг.). Для Андраши, а позже и для Кальноки, была необходима поддержка германского правительства. Бисмарк, отвлекая внимание австрийцев от Центральной Европы, поощрял их активность на Балканах, которые стали рассматриваться венским руководством как главный и единственный объект экономической и политической экспансии. Австро-Венгрия и Россия, ведя соперничество между собой, старалась привлечь Германию на свою сторону.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялось свидание Вильгельма I, Франца Иосифа и Александра II. Монархи присутствовали на военных смотрях, парадных обедах, театральных представлениях. Тем временем сопровождавшие их министры иностранных дел вели деловые переговоры. Бисмарк убеждал Андраши не обострять отношения с Россией и искать с ней общие точки соприкосновения. Горчакова он заверял, что смотрит на тесное соглашение с Россией как на единственно разумную политику для Пруссии и что последняя никогда не забудет оказанных ей Россией во время войны с Францией услуг. Между Андраши и Горчаковым была достигнута устная договоренность, что Россия и Австро-Венгрия будут придерживаться статус-кво на Балканах и принципа невмешательства, если помимо их воли статус-кво на полуострове будет все-таки нарушен.

В мае 1873 г. Вильгельм приехал с ответным визитом в Петербург в сопровождении канцлера и начальника Генерального штаба. Во время визита была подписана русско-германская военная конвенция. В ней говорилось, что если какая-либо европейская держава нападет на одну из договаривающихся сторон, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде 200 тысячной армии. При подписании конвенции Бисмарк заявил русским, что она будет иметь силу только в случае присоединения к ней Австро-Венгрии. Спустя месяц Александр вместе с Горчаковым посетил Вену. Это была первая после Крымской войны поездка царя в австрийскую столицу. Она означала, что российский монарх предавал забвению проявленную тогда «неблагодарность» Австрии. Александр и Горчаков попытались склонить Франца Иосифа присоединиться к русско-германской конвенции. Австрийцы предпочли менее обязывающее политическое соглашение, которое и было подписано 6 июня 1873 г. в Шенбурне, под Веной. Документ имел форму договора между монархами: оба они обещали друг другу в случае возможных разногласий договариваться с целью не допустить разъединения двух стран; в случае угрозы нападения третьей державой, монархи обязывались условиться о совместной линии поведения; если бы в результате достигнутой договоренности требовались военные действия, характер их определила бы военная конвенция, которую в таком случае еще надлежало заключить. 23 октября того же года по приезде в Вену Вильгельм присоединился к Шенбурнскому соглашению. Оно и получило громкое, но неточное название Союз трех императоров — на деле это был не союзный договор, а скорее консультативный пакт.

Для берлинского кабинета главной целью достигнутого соглашения оставалась изоляция Франции. Но как раз в Петербурге не хотели, чтобы оно приобретало антифранцузскую направленность. Российское правительство давало понять, что если на Францию нападут, она получит защиту. Бисмарк считал ресурсы и стойкость России неисчерпаемыми, а войну с ней, тем более одновременно с Францией, катастрофичной для Германии. При этом он не переставал доказывать стратегам из Генерального штаба, разрабатывавшим различные варианты военных планов, что в России нет объектов, овладением которыми германская армия могла бы завершить войну. Бисмарк надеялся, что Россия, занятая восточными делами, позволит

Германии беспрепятственно распоряжаться в Европе. Первым серьезным испытанием Союза трех императоров стала военная тревога 1875 г.

В Берлине были неприятно удивлены, что Франция быстро оправлялась от нанесенного ей поражения. За два года она завершила выплату огромной контрибуции, и германские оккупационные войска должны были покинуть французскую территорию. В немецкой прессе развернулась яростная кампания против Франции, которая, якобы, намеревалась напасть на Германию. За дружественный нейтралитет во время войны с Францией Бисмарк предложил российскому правительству содействие на Востоке. Но Александр II не поддался на эту уловку. Будучи проездом с германской столицы, царь недвусмысленно высказался против воинственных намерений в отношении Франции. Бисмарк ретировался, взвалив всю ответственность на генералов, «ничего не смыслящих в политике». Военная тревога 1875 г. охладила русско-германские отношения. До разрыва Союза трех императоров дело не дошло, партнеры еще сохраняли заинтересованность в его существовании. Однако начавшийся вскоре восточный кризис обнаружил всю глубину противоречий между ними. Враждебность к России австрийской политики во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. была очевидной. Австро-Венгрия совместно с Англией сделали все, чтобы свести на нет успехи русского оружия и ослабить позиции России на Балканах. Бисмарк на Берлинском конгрессе оказал поддержку антирусскому блоку. Союз трех императоров распался.

Восточный кризис 70-х гг. создал ту международную ситуацию, которую Бисмарк считал желательной с точки зрения германских интересов. Кризис заставил канцлера точно сформулировать отношения к его двум союзникам, наполнить определенным содержанием уже существующие, но пока еще не до конца ясные очертания этих отношений. Сохранение монархии Габсбургов было необходимо Германии. В последней существовала, например, уверенность, что в случае развала Австро-Венгрии на ее месте появятся национальные славянские государства с ориентацией на Россию, под влияние которой попал бы и весь Балканский полуостров. Политика Бисмарка после войны 1866 г. была направлена на сохранение Австро-Венгрии: его одобрение системы дуализма и поддержка венгров, когда им грозила опасность усиления славянского элемента в противовес

дуализму и предпочтению интересов Австрии интересам России в Восточном вопросе. Если сохранение австрийской монархии было необходимо, то союз с ней, вытекающий из соображений и внутренней, и внешней политики новой Германии, становился неизбежным, как в свое время для Пруссии был необходим предварительный разгром Австрии. Такой союз обеспечивал германской политике независимость от политики России, а позже — германскую гегемонию на европейском континенте.

Желание Бисмарка установить союзнические отношения с Австро-Венгрией натолкнулось на упорное сопротивление Вильгельма I, который отрицательно относился к идее австро-германского союза и не желал совершать «предательский поступок» против своего племянника, российского царя Александра II. Не смущаясь несогласием кайзера, канцлер приехал осенью 1879 г. в Вену условиться с Андраши о тексте союзного договора. Переговоры не обошлись без серьезных трудностей. Бисмарк добивался, чтобы соглашение было направлено и против Франции, и против России. Андраши настаивал на исключительно антирусском союзе. Бисмарку пришлось уступить. Вернувшись в Берлин, он созвал прусский совет министров и получил от своих коллег согласие на коллективную отставку, если союз с Австро-Венгрией не будет заключен. Противодействие кайзера было сломлено.

8 октября 1879 г. в Вене Андраши и германский посол Г. Рейс поставили свои подписи под союзным договором. Предусматривалось, что при нападении России на одну из договаривающихся сторон, другая выступит на помощь всеми вооруженными силами. Если же одна сторона подвергнется нападению какой-либо иной державы (не России), то другая будет соблюдать благожелательный нейтралитет. Однако, если нападающая держава получала поддержку со стороны России, каждая из договаривающихся сторон обязывалась вступить в войну на стороне своей союзницы. По форме договор имел оборонительный характер, что давало его участникам некоторую свободу маневра. На практике военный конфликт мог возникнуть, скорее всего, из-за противоречий между Россией и Англией и Россией и Австро-Венгрией. И тогда установить «нападающего» предстояло берлинскому кабинету, который мог придать договору наступательный характер — Германия могла напасть на Францию и, если бы Россия вступилась за последнюю, Германии была бы обеспечена поддержка Австро-Венгрии.

Подписание договора 1879 г. явилось рубежом в развитии германской внешней политики. Краеугольным камнем и внешней политики Австро-Венгрии стал просуществовавший до ее конца союз с Германией. Австро-германский договор явился первым в цепи договоров, приведших к созданию в начале XX в. двух противостоящих коалиций. Он оказался самым долговечным из всех соглашений, заключенных Бисмарком. Через много лет австро-германский союз выступит инициатором развязывания Первой мировой войны.

К австро-германскому союзу Бисмарк решил привлечь Италию. Сделать это было весьма непросто. На Апеннингах не забывали, что габсбургская монархия в недавнем прошлом являлась главным врагом объединения Италии, ирредентистская агитация постоянно осложняла австро-итальянские отношения. Венский двор не испытывал никакого желания вступать в договорные отношения с Римом, а в значительной части общественного мнения Италии были сильны традиционные франкофильские отношения. Бисмарк ловко и умело разыграл «итальянскую карту». Подталкиваемая германской дипломатией, Франция в 1881 г. захватила на североафриканском побережье Тунис. Эту османскую провинцию, месторасположение древнего Карфагена, Италия рассматривала как сферу своих интересов. Вести колониальное соперничество с Францией без сильной внешней поддержки Рим не мог. Установление французского протектората над Тунисом усилило в Италии стремление сблизиться с Германией в расчете и на возможную в будущем поддержку с ее стороны в борьбе за колонии. Римский кабинет предпринял соответствующий зондаж. Бисмарк обнадежил его, но подчеркнул, что «дорога в Берлин лежит через Вену». Одновременно германский канцлер использовал все свое влияние на венский двор с целью убедить его в целесообразности союза с Италией.

20 мая 1882 г. Италия заключила с Германией и Австро-Венгрией военно-политический договор, который предусматривал следующие обязательства сторон. Во-первых, не принимать участия ни в каких союзах или соглашениях, направленных против одного из его участников, и оказывать друг другу взаимную поддержку. Во-вторых, Германия и Австро-Венгрия предоставляют Италии помощь всеми своими силами в случае неспровоцированного нападения на нее Франции. Аналогичное обязательство принимала на себя Италия, если Фран-

ция нападет на Германию. Обязательства Австро-Венгрии в этом случае ограничивались сохранением нейтралитета, но до вступления в войну на стороне Франции России. В-третьих, стороны придерживаются взаимного благожелательного нейтралитета в случае войны кого-либо из них с любой великой державой, кроме Франции, и оказывают друг другу военную поддержку в случае нападения двух или более великих держав. Таким образом договор предусмотрел все реально возможные варианты военных действий. Австро-германский союз превратился в Тройственный союз. Заключенный на пять лет с правом пролонгации он просуществовал до 1915 г.

В Берлине и в Вене невысоко оценивали военные силы Италии и видели в Тройственном союзе скорее политико-стратегический выигрыш: Германия усиливала изоляцию Франции, а Австро-Венгрия обеспечивала тыл в случае войны с Россией. Для Италии союз с центральными державами означал упрочение ее положения на международной арене. Но он не обеспечивал поддержку королевскому правительству в его колониальных спорах с Францией и не давал какой-либо компенсации на случай захватов Австро-Венгрией на Балканах. В Риме делались попытки включить в договор 1882 г. статью о сохранении статус кво на Средиземноморье или предусмотреть возможность территориальных приобретений на Балканах.

Крайнее осложнение международной ситуации в конце 1886 г. заставили Бисмарка пойти навстречу итальянским пожеланиям. Он оказал давление на председателя совета министров Австро-Венгрии Кальноки, пригрозив ему в случае саботирования итальянских требований заключением сепаратного соглашения с Римом. Когда в 1887 г. договор о Тройственном союзе был возобновлен, к нему прилагались отдельные австро-итальянское и германо-итальянское соглашения: Италия приобщалась к решению политических вопросов на Балканах, получала гарантии того, что Австро-Венгрия не сможет изменить положение на полуострове исключительно в свою пользу. Риму теперь легче было отстаивать свои интересы в Средиземноморье, но в колониальной политике он имел лишь оборонительную поддержку, не получив право на захват Триполитании (владений Османской империи в Северной Африке между Египтом и Тунисом). В 1888 г. Италия подписала с Германией (без Австро-Венгрии) военную конвенцию, имевшую наступательный характер. Королевское правительство в случае войны

ее партнеров по Тройственному союзу с Францией или Россией обязывалось атаковать Францию на альпийской границе, а также направить в Германию шесть армейских корпусов и три кавалерийские дивизии для участия в военных действиях на Рейне. В 1902 г. конвенция была аннулирована.

К Тройственному союзу примкнула Румыния. В начале 80-х гг. Бухарест, надеясь на поддержку своих претензий в отношении принадлежащей России Бессарабии, начал сближаться с берлинским и венским кабинетами. Румынское правительство приняло предложение Бисмарка заключить союзный договор с монархией Габсбургов, имевший фактически антирусскую направленность. Румыния обязывалась в случае нападения на соседние с ней области Австро-Венгрии прийти на помощь, а Австро-Венгрия взяла на себя аналогичные обязательства на случай нападения на Румынию. Австро-румынский договор был подписан в Вене 30 октября 1883 г. Германия присоединилась к нему в тот же день, Италия — в 1888 г.

Остановив в 1879 г. свой выбор на Австро-Венгрии, Бисмарк нуждался и в тесных отношениях с Россией. Союз с нею позволял предупредить франко-русское сближение, гарантировать целостность монархии Габсбургов и благоприятные возможности для укрепления позиций Германии на Балканах. С целью продемонстрировать царскому правительству значение Германии как союзницы и не допустить усиления в русских правящих кругах франкофильских настроений, проявившихся после Берлинского конгресса, Бисмарк искусственно создавал нервозность в русско-германских отношениях. Так, берлинский кабинет протестовал против возвращения после войны с Турцией русской кавалерии на свои прежние квартиры в прибалтийские губернии, а когда с осени 1878 г. начали действовать европейские делимитационные комиссии по установлению новых границ между балканскими странами, Бисмарк дал указание германским представителям в них проводить линию поведения весьма неблагоприятную для Петербурга. С подачи канцлера в германской прессе муссировалась версия о «неблагодарности» России, которая, якобы, именно Бисмарку была обязана всем, что удалось сохранить на конгрессе в Берлине из условий русско-турецкого прелиминарного договора в Сан-Стефано.

В правительственных сферах России решения Берлинского конгресса вызвали разочарование и растерянность. «Берлин-

кий трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере», — писал в мемуаре царю канцлер Горчаков. «И в моей тоже», — оставил пометку Александр II. Со всей остротой перед царским правительством встал вопрос о выходе России из состояния политической изоляции и обеспечении ее союзниками. Победа в войне с Турцией не укрепила международные позиции России, а напряженность в русско-английских отношениях еще более возросла в связи с агрессивной политикой кабинета Б. Дизраэли (с 1874 по 1880 гг.) на всем Востоке: в Турции и на Балканах, в Ираке и Туркмении, в Афганистане и Китае. Таким образом для решения Восточного вопроса России необходимо было содействие сильных союзников.

Принципиальное решение о восстановлении союза трех императоров было принято уже спустя всего два месяца после окончания Берлинского конгресса, в сентябре 1878 г. в Ливадийском дворце в Крыму, где отдыхала семья Александра II. Ливадийское совещание проходило в отсутствие Горчакова, от которого старались скрывать суть дальнейших переговоров с Бисмарком, так как Горчаков вернулся с конгресса с убеждением, что германская ориентация русской политики себя изжила и необходим поворот в сторону установления более тесных связей с Францией. В 1879 г. Горчакову исполнился 81 год, и он почти устранился от дел. Управление внешнеполитическим ведомством было возложено на Н.К. Гирса, который в 1882 г. стал министром иностранных дел. Основной идеей Гирса являлось твердое убеждение, что Россия должна действовать в согласии с берлинским и венским дворами, при этом он особенно стремился постоянно поддерживать тесные дружеские связи с Германией и быть приятным Бисмарку.

Переговоры о возобновлении Союза трех императоров начались в январе 1880 г. и, сразу выявив серьезные разногласия сторон, растянулись на полтора года. Определяющими в них стали беседы Бисмарка с русским послом в Германии П.А. Сабуровым. Первоначально в Петербурге хотели заключить двухсторонний союз с Германией, но этому решительно воспротивился Бисмарк. В конечном счете страх перед возможностью создания англо-австро-турецкого блока и желание нейтрализовать австрийцев на Балканах заставил царя согласиться на привлечение к союзу Австро-Венгрии. В свою очередь в Вене долго колебались прежде чем встать на путь соглашения с Россией. В правящих кругах Австро-Венгрии боролись две точки

фения относительно внешнеполитической ориентации: курс на сотрудничество с Англией в целях совместной борьбы против России и продолжения экспансии на Балканах, либо курс на достижение соглашения с Россией при том или ином размежевании интересов на Балканском полуострове. Пока была надежда на тесное сотрудничество с Англией, Австро-Венгрия не желала искать компромисса с Россией.

Приход к власти в Англии кабинета У. Гладстона (с 1880 по 1885 гг.) ознаменовал заметное потепление в англо-русских отношениях. Британское правительство отошло от поддержки Порты и заставило ее выполнить ряд условий Берлинского договора, в которых было заинтересовано царское правительство. В Вене также скоро почувствовали враждебность Лондона к продвижению на Балканы габсбургской монархии. В британских дипломатических кругах даже появились сторонники соглашения с Петербургом с целью воспрепятствовать распространению влияния Австрии вглубь Балканского полуострова. Перспективы англо-русского сближения напугали венский кабинет и сделали его более стоворчивым. Со своей стороны Бисмарк стремился быстрее связать Россию союзом и предпринимал энергичные меры давления как на венский, так и на петербургский дворы. Важное место в переговорах занял вопрос о режиме Черноморских проливов.

В России крайне болезненно восприняли тот факт, что сент-джеймский кабинет, не добившись согласия султана, все же па правил в Мраморное море военную эскадру, которая оставалась там до весны 1879 г. Важнейшие интересы российского самодержавия по-прежнему сосредотачивались на проблеме Проливов и их судьбе в случае полного раздела Османской империи, казавшегося неизбежным и скорым после восточного кризиса 70-х гг. В Зимнем дворце не исключали, что при конфликте с Великобританией, ее флот опять появится в Проливах и, возможно, войдет в Черное море. Давнишнее стремление самодержавия захватить Босфор продолжало оставаться мечтой, несбыточной из-за недостатка внутренних ресурсов государства, его военно-морской и финансовой слабости. Сабуров во время бесед с Бисмарком считал вопрос о Проливах главным. Он надеялся получить согласие венского двора на захват Россией Босфора, предлагая взамен перераспределение сфер влияния на Балканах, при котором западная часть полуострова вошла бы в сферу австрийских, а восточная — с Болгарией —

в сферу русских интересов. Александр II считал нужным требовать от Германии поддержки против английской оккупации Проливов. Гире же видел решение проблемы Босфора и Дарданелл делом отдаленного будущего, а главную задачу видел в ограничении австрийской экспансии на Балканах. Он более трезво оценивал ситуацию и справедливо полагал, что проблема Проливов является общеевропейской проблемой, и ее решение зависит не только от Германии и Австро-Венгрии. Наиболее приемлемым было, по его мнению, сохранение принципа закрытия Проливов, признания которого следовало добиваться от Турции.

18 июня 1881 г. австро-русско-германский договор, наконец, был подписан Бисмарком и послами в Берлине Сабуровым и Э. Сечени. Подобно консультативному пакту 1873 г. он вошел в историю под названием Союза трех императоров. На самом деле он представлял собой соглашение о нейтралитете на случай возможной войны одной из договаривающихся сторон с четвертой великой державой. Это условие должно было выполняться «и в случае войны одной из трех держав с Турцией, но только если предварительно между тремя державами будет заключено соглашение, касательно результатов этой войны». Другими словами, Германия гарантировала себе нейтралитет России в военном конфликте с Францией, а Россия — нейтралитет Германии и Австро-Венгрии в военном конфликте с Англией и Турцией. Желая избежать разногласий между собой, три двора брали обязательства взаимно считаться с интересами друг друга на Балканах, обещая при этом, что «какие-либо изменения в территориальном статус кво Европейской Турции могут произойти не иначе, как по взаимному их согласию».

Из специального протокола, приложенного к договору, было видно, какие изменения имели в виду державы. Не возражая против аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в подходящий для нее момент, русское правительство добилося от Вены и Берлина согласия не препятствовать возможному в будущем объединению Болгарского княжества с Восточной Румелией (обеих частей Северной и Южной Болгарий), «если бы этот вопрос был выдвинут силой вещей». Протокол предусматривал также, что союзники должны были приложить все силы, чтобы не допустить оккупации Восточной Румелии или другой части европейских владений султана турецкими войсками, а их агенты на Востоке должны стараться уладить воз-

можные разногласия. Одна из статей договора указывала, что три двора признают взаимную обязанность принципа закрытия Босфора и Дарданелл для военных кораблей и будут «сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила».

Главный выигрыш от Союза трех императоров получала Германия. Она приобретала выгодную роль арбитра в непростых взаимоотношениях России и Австро-Венгрии. Предотвращалось франко-русское сближение и в известной мере стимулировалось англо-русское соперничество, что также было на руку Германии. Но Бисмарку не удалось сделать Союз наступательным против Франции. В 1884 г. при возобновлении Союза русское правительство заявило, что обязательство сохранения нейтралитета во время франко-германской войны трактуется им ограниченно и не распространяется на случай, если нападающей стороной будет Германия. Договор 1881 г. означал существенные преимущества для Австро-Венгрии. Он обеспечивал ее интересы в западной части Балкан — Боснии и Герцеговине, через которые пролегал путь к Эгейскому морю, к Салоникам — заветной мечте Габсбургов, а также связывал активность России на полуострове. Возобновление Союза давало и России определенные выгоды. Она получала известную гарантию против появления английского флота в Проливах. Союз знаменовал улучшение отношений России с Германией и смягчал австро-русские противоречия на Балканах. Наконец, предусматривались меры по предотвращению ввода турецких войск в Восточную Румелию и признавалась возможность создания единой Болгарии, которую в Петербурге видели в то время гарантом своей политики на Балканах.

В силу чрезвычайной сложности и запутанности взаимоотношений великих держав, а отчасти благодаря коварной дипломатии Бисмарка, на европейском континенте сложилась уникальная и во многом противоестественная ситуация. Параллельно существовали возобновленный Союз трех императоров и Тройственный союз. Оба эти союза на две трети состояли из одних и тех же участников — Германии и Австро-Венгрии. Но один из них был заключен вместе с Россией, а другой был направлен против нее. Договор 1881 г., как и 1873 г., носил компромиссный и расплывчатый характер, что свидетельствовало о взаимном недоверии и острых противоречиях между его участниками. Союз трех императоров мог существовать лишь до тех пор, пока на

Балканах было относительно спокойно. Очередное обострение Восточного вопроса, вызванное событиями в Болгарии, привело в конце 1886 г. к распаду Союза трех императоров, и на это т раз окончательному.

Бисмарк, по-прежнему заинтересованный в том, чтобы удерживать на своей стороне Россию, стремился заключить с ней новое соглашение; в виду истечения в июне 1887 г. срока действия договора трех императоров отпадали всякие обязательства царского правительства в отношении его поведения во время франко-германского конфликта. Германский канцлер надеялся добиться от Петербурга безусловного нейтралитета в случае войны с Францией. В Петербурге с помощью сохранения союзных отношений с Берлином рассчитывали восстановить утраченные позиции в Болгарии.

В декабре 1886 г. Александр III, весьма обеспокоенный возможностью реставрации на болгарском престоле Александра Баттенберга, решил просить Вильгельма I запретить свергнутому князю (офицеру немецкой службы) вернуться в Софию. Со специальным поручением в германскую столицу был направлен пользовавшийся расположением Бисмарка Петр Шувалов. Он получил инструкцию действовать совместно с братом Павлом, послом в Берлине. 6 января 1887 г. братья Шуваловы в беседе со статс-секретарем германского ведомства иностранных дел Г. Бисмарком, сыном канцлера, зашли гораздо дальше полученных предписаний и затронули вопрос о замене Союза трех императорских дворов соглашением России с Германией. Не предупредив, что выражают личное мнение и не имеют полномочий на подобные переговоры, они сформулировали условия возможного соглашения, исходя из своей политической концепции сохранения безусловного нейтралитета России во франко-германском конфликте в обмен на поддержку России Германией на Востоке. Разумеется, Бисмарк-отец был в восторге. 10 января за обедом, распив бутылку шампанского, канцлер и Петр Шувалов составили проект русско-германского договора. За признание «исключительного права» России на влияние в Болгарии и обещание не препятствовать ей занять Босфор, Германия получала гарантию нейтралитета России «во всяком конфликте» с Францией. Обе державы обязывались «ничего не предпринимать против территориальной целостности» Австро-Венгрии и признавали Сербию сферой австрийского влияния.

На следующий день после встречи с Шуваловым Бисмарк выступил в рейхстаге, развил в своей речи две идеи: опасность войны с Францией и сближение с Россией. Выступление и последовавшая за ним серия агрессивных мероприятий германского правительства крайне накалили политическую обстановку в Европе. Привезенный Петром Шуваловым проект русско-германского договора не вызвал одобрения в МИД. Александр III вообще высказался против союза с Германией. Проект был отклонен, а в личном письме Павлу Шувалову Гире констатировал, что смотрит на предложение его брата Бисмарку «как на частные переговоры двух друзей, которые не могут иметь никакого официального характера». Поскольку посол настаивал на продолжении переговоров на прежней основе, пока «железо горячо», ему отправили инструкцию совершенно не касаться вопроса возобновления соглашения с Германией.

Бисмарк, не получив подтверждения договоренностей с Шуваловым к середине февраля, понял что проект соглашения провалился и Россия не собирается гарантировать ему нейтралитет в войне с Францией. Во франко-германских отношениях тут же наступила разрядка. Но теперь сильно раздраженный канцлер открыл антирусскую кампанию: он интриговал в Болгарии; германскому послу в Стамбуле рекомендовалось сохранять нейтралитет во всех спорных делах России и Англии, в которых прежде поддержка оказывалась русским; берлинским кабинетом была развязана таможенная и газетная война против России. Давление Берлина, при существовавшем убеждении руководителей российского МИД, что Германия являлась единственной страной способной обеспечить эффективную поддержку восточной политики России, побудило Гирса предложить возобновить переговоры о заключении двойственного союза. Кроме вышеназванных причин в Петербурге не могли не учитывать обстоятельства торгового и финансового порядка: Германия оставалась важнейшим рынком сбыта русских сельскохозяйственных товаров и поставщиком машин для промышленности России, а Берлин был основным рынком ее ценных бумаг.

18 июня 1887 г. Г. Бисмарк и Павел Шувалов подписали русско-германский договор, получивший в историографии название «перестраховочного». Обеспечив себя союзами с Австро-Венгрией и Италией против Франции и России, Германия как бы перестраховывалась путем заключения договора с Россией

от ее вмешательства во франко-германские отношения. По договору 1887 г. каждая сторона обязалась сохранять благожелательный нейтралитет в случае войны другой стороны с любой третьей державой, кроме Франции и Австро-Венгрии; по отношению к этим двум державам нейтралитет обеспечивался только на случай их нападения на одну из договаривающихся сторон. Так и не обеспечив безусловного нейтралитета России во франко-германской войне, Бисмарк остался не доволен договором. Для царского правительства самым важным в нем на тот момент (в Петербурге готовились предпринять важные шаги по решению болгарского вопроса) было признание Германией «исторически приобретенных Россией прав на Балканском полуострове, и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии». Договор предусматривал также признание принципа закрытия Проливов, и обе стороны улавливались наблюдать, чтобы Порта не делала исключения в чью-либо пользу; в случае нарушения этого правила стороны обязывались предупреждать Турцию, что они «будут рассматривать ее как находящуюся в состоянии войны со стороной, которой будет причинен этот ущерб».

В приложенном к договору особом протоколе Германия обещала оказывать дипломатическую поддержку России, если та окажется вынужденной «принять на себя защиту входа в Черное море». «Перестраховочный договор» оказался недолговечным. В 1888 г. после смерти кайзера Вильгельма I и 99-дневного правления Фридриха III престол перешел к его сыну Вильгельму II. Начальником Генерального штаба был назначен генерал А. Вальдерзее, являвшийся откровенным сторонником превентивной войны на два фронта — против Франции и против России. Бисмарк, стараясь сохранить от русской дружбы все, что еще было возможно спасти, в январе 1890 г. начал переговоры с Гирсом о возобновлении соглашения (его срок истекал ближайшим летом). Но в марте последовала отставка Бисмарка, причины которой крылись, в частности, во влиянии на кайзера военной верхушки во главе с Вальдерзее. Преемник Бисмарка генерал Л. Каприви поддерживал курс Вальдерзее на разрыв с Россией и сближение с Великобританией. В мае 1890 г. Вильгельм II принял окончательное решение отказаться от русско-германского договора.

Но вернемся в 1887 год, насыщенный важными событиями международной жизни. Ведя подготовку к заключению с

Россией двухстороннего соглашения, Бисмарк одновременно создавал англо-австро-итальянский альянс, предусматривавший цели диаметрально противоположные и прямо враждебные тем, которые выдвигались русско-германским договором: одной рукой Бисмарк приглашал Россию оккупировать Болгарию и берега Босфора, другой — подталкивал Англию, Австро-Венгрию и Италию дать ей дружный отпор. Еще в сентябре 1886 г., когда наметилась тенденция к англо-австрийскому сближению на базе оппозиции болгарской политике России, Бисмарк ее активно поддержал. Инспирировавший переговоры между Англией и Австро-Венгрией германский канцлер повлек в них и Италию. В декабре того же года он подсказал ей идею заключить военно-политический союз с Англией. Рим настойчиво требовал от своих партнеров по Тройственному союзу гарантий на Средиземном море, а реальные гарантии обеспечил бы только британский флот, кроме того, на англичан можно было переложить поддержку колониальных притязаний Италии. При благоприятном стечении обстоятельств Бисмарк при этом не исключал возможность спровоцировать войну Англии и Италии против Франции из-за противоречий в Средиземноморье. Британская дипломатия, отказавшись от союза с римским кабинетом, до определенного предела готова была поощрять его колониальные устремления, естественные при остроте англо-французского соперничества. Вместе с тем сент-джеймскому кабинету было выгодно иметь поддержку Рима против ближневосточной политики России.

12 февраля 1887 г. в Лондоне состоялось заключение англо-итальянского соглашения путем обмена нотами премьер-министра Р. Солсбери и посла Л. Корти. Итальянская нота состояла из следующих статей: сохранение статус кво на Средиземном, Черном, Эгейском и Адриатическом морях; поддержка Англией акций Италии на североафриканском побережье, но только в случае вторжения туда третьей державы; взаимная поддержка договаривающихся сторон на Средиземном море при разногласиях одной из них с третьей державой. Английская нота избегала конкретных формулировок, а характер англо-итальянского сотрудничества оговаривала «обстоятельствами каждого данного случая». На принятой форме соглашения настоял Солсбери. Обмен нотами менее обязывал, чем подписание договора, и не нуждался в одобрении парламента. Выполнение соглашения, подписанного в духе курса

«блестящей изоляции», было обязательно лишь для данного кабинета. Теперь Бисмарку предстояло привлечь к англо-итальянскому соглашению венский кабинет и таким образом добиться и другой своей цели — обеспечить помощь Великобритании Австро-Венгрии. Когда председатель совета министров Австро-Венгрии Кальноки выразил недовольство тем, что англичане не берут на себя конкретных обязательств, Бисмарк тут же надавил на него. Кальноки было заявлено, что в военных делах ему не следует слишком сильно рассчитывать на Германию, которая «не может оказать Австрии материальную помощь в Болгарии и на Черном море», и если Солсбери «дает в этом обязательство, Австрия должна быстро ловить его на слове».

24 марта в Лондоне между Солсбери и послом И. Кароли состоялся обмен нотами. В австрийской ноте говорилось о при соединении венского кабинета к англо-итальянскому соглашению. Констатировалась общность интересов Австрии и Англии в сохранении статус кво на Востоке, содержалось обязательство препятствовать третьей державе действовать в ущерб другим. Английская нота содержала те же положения. В тот же день Корти передал Кароли итальянскую ноту, в которой выражалась удовлетворенность королевского правительства присоединением Австро-Венгрии к англо-итальянскому соглашению. Так была образована Средиземноморская антанга, направленная против России и Франции на случай, если первая предпримет насильственные действия на Балканах и в Турции, а вторая — на побережье Северной Африки. Средиземноморская Антанга укрепляла Тройственный союз — политика его участников получала помощь Великобритании.

Очередное обострение напряженности из-за болгарской проблемы предоставило возможность Бисмарку добиваться от Англии более конкретных обязательств помогать Австрии и Италии на Балканах и в Турции. На этот раз колебания проявил Солсбери. Дипломатическое сотрудничество уже было обеспечено Англии, а присоединение сент-джеймского кабинета к новому соглашению было бы отходом от его традиционной политики изоляции. К тому же Солсбери настораживало то обстоятельство, что сама Германия не хочет принять в нем участие. Чтобы рассеять эти сомнения Бисмарк обратился к Солсбери конфиденциально. Поскольку канцлер не мог прямо сообщить, что связан союзным договором с Россией, он писал: «Германская политика всегда будет обязана выйти за линию

борьбы, если независимости Австрии будет угрожать русская агрессия или если Англия и Италия окажутся под угрозой вторжения французских армий».

12-16 декабря 1887 г., также в виде обмена нот, была оформлена вторая Средиземноморская Антанга. Новое соглашение предусматривало, в частности, что если Турция захочет сопротивляться «незаконным предприятиям» России, то Англия, Австро-Венгрия и Италия немедленно договорятся о мерах для защиты независимости Турции и неприкосновенности ее территории; в случае передачи Портой русскому правительству суверенных прав на какую-либо часть своей территории, три державы временно оккупируют стратегические пункты султанской империи. Направленная исключительно против России и преследующая цель установить зависимость Турции от англо-австро-итальянского альянса с обязательством участников последнего к совместным действиям, вторая Средиземноморская антанга имела большую значимость в международных отношениях, чем первая. Однако практического применения в европейской дипломатии она не получила. Условий для ее реализации в конце 80-90-х гг. XIX в. не создалось. Россия, потерпев фиаско в Болгарии, перенесла центр тяжести своей внешней политики с Ближнего на Дальний Восток. В начале XX в. для царского правительства Восточный вопрос приобрел большую актуальность, но расстановка сил в Европе была уже другой.

Примечательно, что все вышерассмотренные договоры и соглашения должны были храниться в тайне. Однако Бисмарк, добиваясь необходимого для себя эффекта, мог правдиво или ложно передавать их содержание иностранным правительствам. Так, после заключения австро-германского союза канцлер принудил кайзера подписать составленное им письмо русскому царю с сообщением о, якобы, заключенном Германией с Австро-Венгрией соглашении о поддержании мира и даже предлагал присоединиться к этому мифическому документу. Позже, обсуждая с Павлом Шуваловым проект русско-германского договора, канцлер прочитал изумленному послу полный текст австро-германского договора. Подписав же «Перестраховочный договор», Бисмарк немедленно сообщил о нем Кальноки.

Итак, в течение 15 лет Бисмарк создал систему союзов в Европе — австро-германского (1879), австро-германо-итальянско-

го (Тройственного, 1882), Союза трех императоров (1873, 1881) и русско-германского («Перестраховочный договор», 1887). Центральное положение в системе занимала Германская империя, которая получила преобладающее политическое влияние на континенте. Бисмарк явился вдохновителем и, по существу, главным организатором англо-австро-итальянского альянса (Средиземноморская Антанта, 1887). Со времен наполеоновских войн Европа не покрывалась такой густой сетью коалиций, свитой Бисмарком только при помощи дипломатических средств. Нити от нее находились в руках Берлина. Мастер дипломатической эквилибристики, Бисмарк мог, по выражению Вильгельма I, «жонглировать одновременно пятью шарами», т. е. союзами с Австрией, Италией, Румынией, Россией и дружбой с Англией. При этом его никогда не смущали формально-договорные противоречия. Какие задачи своей внешней политики на посту канцлера Германии и министра-президента Пруссии Бисмарк мог считать решенными? Во-первых, достижение международной изоляции Франции. Во-вторых, существование тесных связей между Германией и Россией. В-третьих, обеспечение Германии военной помощью со стороны Австро-Венгрии и Италии на случай войны с Францией или Россией. Однако главная его цель — учредить повторный военный разгром Франции — так и осталась нереализованной. Вновь разбить Францию для сильнейшей германской армии большой трудности не представляло. План превентивной войны упирался в ее дипломатическую подготовку. Бисмарку необходимо было заручиться нейтральной позицией России, но добиться этого ему не удалось. Трижды он создавал «военные тревоги» (1872, 1875, 1887), но всякий раз из Петербурга следовал решительный протест: при повторном разгроме Франции Германия установила бы гегемонию в Европе и могла угрожать безопасности России. Планирую превентивную войну против Франции, Бисмарк стремился спровоцировать на Востоке военный конфликт между Россией и Англией. Желая загнать царское правительство в «ближневосточную мышеловку», Бисмарк «дружески» советовал тому занять Болгарию и захватить Стамбул. В Петербурге на это не пошли, понимая чем грозит подобная акция. Не смог Бисмарк и выдвинуть британское правительство на передний план борьбы против России. Создавая антирусский блок держав, германский канцлер развивал перед Солсбери идею, что англо-австро-итальянская коалиция явилась бы достаточно сильной против «экспансио-

нистских намерений» России, и в этом случае Германия могла бы сражаться на два фронта — против Франции и против России, а Восточный вопрос был бы разрешен раз и навсегда. Солсбери, самый сильный из всех партнеров Бисмарка в дипломатической игре, без труда разгадал подлинные мотивы желания германского канцлера столкнуть Великобританию с Россией. В сентябре 1886 г. он писал королеве Виктории: «Бисмарк хотел бы, чтобы Россия заняла Константинополь, так как по его мнению Англия, Австрия и Турция будут вынуждены тогда воевать, а он сохранит благоприятный нейтралитет и если подвернется случай нанесет новый удар Франции». Между Бисмарком и Солсбери — выдающимися государственными деятелями своего времени — шел скрытый поединок, каждый из них стремился втянуть другого в конфликт с Россией.

Двигая мастерской рукой фигуры на шахматной доске большой европейской политики и плетя паутину союзов, Бисмарк так и не смог предотвратить по объективным причинам (нарастание русско-германских противоречий, австро-русский антагонизм на Балканах) сближения между Францией и Россией.

Франко-русский союз

Предыстория франко-русского союза восходит к началу 70-х гг. XIX в. — к противоречиям между европейскими державами, порожденным франко-прусской войной и Франкфуртским мирным договором. Франция и Россия получали общего врага — Германскую империю; создание австро-германского, а затем Тройственного союза, еще раз это подтверждало. Франция хотела скорее восстановиться от полученного удара, Россия полагала, что сильная и процветающая Франция могла бы быть дополнительной гарантией сохранения мира и равновесия сил в Европе. Политические интересы двух стран прямо не сталкивались, при том на международной арене они имели еще одного общего противника в лице Великобритании — соперницу Франции, прежде всего, в Египте и на Средиземном море и России на Балканах и в Азии. Помимо военно-политических факторов, явившихся решающими во франко-русском сближении, последнему содействовало также кредитно-финансовое сотрудничество.

Осенью 1887 г. германский канцлер О. Бисмарк, недовольный недостаточностью обязательств России по «Перестраховочному договору» и признаками франко-русского сближения, пустил в ход разные методы давления на Петербург, в том числе и финансовые. Прусское правительство предписало всем своим государственным учреждениям продать принадлежавшие им русские ценные бумаги, вскоре последовал указ, запрещавший Имперскому банку принимать в залог русские бумаги. В такой обстановке на новый заем у немецких банкиров царскому правительству рассчитывать не приходилось, а между тем, Германия являлась тогда главным его кредитором, и в германских руках было сосредоточено 60% русских государственных и частных (иностраных) обязательств. Но выход из сложной для Петербурга финансовой ситуации нашелся. В конце того же года царское правительство получило заем от синдиката французских банков. В 1890 и 1891 гг. на парижском рынке были заключены новые займы. В результате этих операций основным рынком русских ценных бумаг стал Париж, а не Берлин. Французское правительство в своих взаимоотношениях с русским, стало использовать финансовые отношения как средство политики.

Встает вопрос, почему, несмотря на всю естественность и целесообразность союза между Францией и Россией, потребовалось немало времени для его заключения? Имелись серьезные причины, препятствовавшие образованию франко-русского союза. Лидеры умеренных республиканцев, закрепившихся у власти в Третьей республике в 1879 г., ратовали за энергичную колониальную политику и искали помощи в ней у Берлина. При этом они панически боялись Бисмарка. Французские политики считали, что сближение с Россией лишь ускорит наступление угрозы нового германского вторжения, предотвращение которой и должно было стать целью этого сближения. Со своей стороны, Россия настойчиво стремилась решать свои внешнеполитические задачи при помощи Союза трех императоров, а затем при сохранении и поддержании тесных отношений с Германией. Осложняла франко-русское взаимодействие внутривнутриполитическая нестабильность Третьей республики. Частая смена правительств и одновременно усиление реваншистских настроений объясняли осторожность правительственных кругов России. Особое беспокойство на берегах Невы вызывал авантюризм части буржуазных кругов Франции, выразившийся в возглавляемом генералом Ж. Буланже реваншистском

движении. Разжигание антигерманского шовинизма и призыв в возврату Эльзаса и Лотарингии грозили развязыванием франко-германской войны, быть втянутой в которую Россия чрезвычайно опасалась. Все эти обстоятельства убеждали министра иностранных дел Н.К. Гирса в том, что даже безоговорочная поддержка Парижа была для Петербурга менее значимой, чем поддержка Берлина, а следовательно сотрудничество с Францией не дает никакого практического эффекта, скорее ослабит, чем усилит позицию России. И, конечно, царизм испытывал понятную враждебность к республиканскому строю и конституционному образу правления Франции. Александр III как-то высказался, что союз с республиканской Францией внушает ему ужас. Насколько отрицательно относились в Зимнем дворце к французским буржуазным деятелям, свидетельствует реакция Александра в связи с похоронами французского премьер-министра, вождя республиканцев Л. Гамбетты о 1882 г. Во Франции объявили национальный траур. В Париж приехали делегации многих европейских правительств для выражения соболезнования французскому народу. Когда в Петербурге встал вопрос о посылке своего представителя, царь заявил: «Мы никого не пошлем. На собачьих похоронах не следует присутствовать». Царь воспринял как личное оскорбление освобождение в 1886 г. из французской тюрьмы, в связи с политической амнистией, известного русского анархиста П.А. Кропоткина, дав указание своему послу временно покинуть Париж. В 1889 г. Александр с негодованием отверг предложение участвовать во всемирной выставке во Франции, которая устраивалась в ознаменовании 100-летнего юбилея революции.

Внутриполитический кризис середины 80-х гг., обострение отношений с Англией и Италией на почве колониальной политики и напряженные отношения с Германией поставили Францию в изолированное положение в Европе. Единственно не враждебной ей державой, на чью помощь можно было бы рассчитывать, оставалась Россия, к поискам сотрудничества с которой переходят в это время правящие верхи страны.

События бурного и драматического 1887 г. сдвинули с места дело франко-русского сближения. 11 января германский канцлер Бисмарк произнес в рейхстаге речь, полную угроз по адресу Франции. Начальники Генерального штаба и имперского военного кабинета наметили кандидатов на высшие командные должности в ожидавшейся войне. Кульминационным мо-

ментом военной тревоги явилось сосредоточение в начале февраля в Лотарингии, близ французской границы, около 100 тыс. резервистов. Французских политиков охватил смертельный страх перед Германией. Парижский кабинет через неофициальный канал запросил Петербург, может ли он рассчитывать на моральную поддержку России в случае германского ультиматума. Александр III ответил категорически: «Конечно, да». Россия не предоставила Германии гарантий нейтралитета в случае ее нападения на Францию и тем самым заставила Берлин отступить. Военная тревога оказала большое влияние на внешнеполитическую ориентацию Третьей республики. Министр иностранных дел Э. Флуранс планировал направить в Петербург доверенное лицо для переговоров об установлении франко-русского сотрудничества, но Гире, убежденный сторонник соглашения с Германией, провалил этот проект.

Еще одним фактором, усилившим стремление республиканского правительства искать расположения России, послужила вступившая в новую фазу англо-французская вражда из-за Египта (в 1882 г. он был оккупирован Англией, но формально оставался провинцией Османской империи). Франция боролась за вывод британских войск из Египта. Если Англию в этом вопросе поддерживали Германия, Австро-Венгрия и Италия, то на стороне Турции выступали Франция и Россия. Подписанная в мае англо-турецкая конвенция обязывала сент-джеймский кабинет вывести войска через три года, однако он получал право в случае необходимости вновь направить войска в Египет. Это давало Великобритании возможность бессрочно содержать там вооруженные силы. Благодаря деятельности французской и русской дипломатии султан отказался ратифицировать конвенцию. Стремление к дружественным отношениям Франции к России проявилось во время династического кризиса в Болгарии. Флуранс поддержал русскую дипломатию в этом крайне важном для нее вопросе. Вслед за царским правительством Париж объявил о непризнании принца Фердинанда Кобурга, австро-германского ставленника, болгарским князем и поддержал программу Гирса по урегулированию болгарской проблемы путем отправки в Софию русского регента.

В мае 1890 г. в Берлине отказались от продления русско-германского «Перестраховочного договора». Спустя год состоялось досрочное возобновление Тройственного союза, сопровождавшееся демонстрациями дружбы его участников с Великобританией.

И Европе заговорили и ее присоединению к блоку центральных держав. Эти события послужили катализатором оформления франко-русского сотрудничества. Союз между монархией и республикой стал насущно необходим обоим государствам.

Образование франко-прусского союза произошло в три этапа. Первой публичной демонстрацией сближения двух стран явился визит французской военно-морской эскадры в Кронштадт в июле 1891 г. На торжественной встрече эскадры присутствовал Александр III. Стоя с обнаженной головой, российский самодержец прослушал национальный гимн Третьей республики — революционную «Марсельезу». Одновременно с кронштадтской демонстрацией было заключено франко-русское политическое соглашение, носившее характер консультативного пакта. Соглашение было оформлено в виде обмена письмами — 21 и 27 августа — между министрами иностранных дел Гирсом и А. Рибо. Стороны условились советоваться друг с другом по всем вопросам, которые могут угрожать «всобщему миру», а в случае, если мир окажется в опасности и, в особенности, если одна из сторон подвергнется угрозе нападения, договориться о немедленном принятии совместных мер.

Следующим этапом стало заключение военной конвенции. Стремясь избежать втягивания в конфликт, к которому Россия не была готова, руководство русского МИД, по-прежнему не отказываясь от надежды на улучшение отношений с Германией, не спешило принимать каких-либо военных обязательств, на чем настаивала французская сторона. Визит французской эскадры в Кронштадт вызвал в Берлине, Вене, Риме и Лондоне серьезное беспокойство. Попытка Гирса убедить возвращавшегося из Дании на родину Александра III захватить в германскую столицу с целью «сбалансировать» профранцузский курс России не увенчалась успехом. Между тем, в Европе сложилась напряженная обстановка. Особую озабоченность царского правительства вызывали донесения русского посла и военного агента в Берлине о том, что в военных кругах и окружении Вильгельма II раздаются призывы к войне против России, о новых ассигнованиях на военные нужды и внесении в рейхстаг законопроекта об увеличении численности германской армии. Александр III с недоверием относился к кайзеру и проводимой им политике («от нервного и шалого Вильгельма можно всего ожидать»). Оно поддерживалось нелюбовью Александра к немцам, постоянно «подогреваемой» императрицей Марией Фе-

доровной. Дочь датского короля, она никогда не забывала о поражении Дании в войне с Пруссией в 1864 г. Все вместе это подталкивало царя к заключению союза с Францией на случай русско-германской войны.

В декабре 1891 г. Александр во время аудиенции французскому послу выразил пожелание, чтобы представители штабов обеих армий обсудили основные положения военной конвенции. Гире убеждал царя в преждевременности подобной конвенции, в достаточности уже имеющихся с Францией политических обязательств. Но очень торопились в Париже. Прибывший на осенние маневры русской армии заместитель начальника Генерального штаба Р. Буадерф привез текст конвенции, и военные начали его обсуждать. Все споры шли вокруг основного положения: Франция стремилась заручиться поддержкой на случай войны с Германией, Россия — с любой державой Тройственного союза. Победила русская точка зрения.

17 августа 1892 г. в Петербурге начальник Генерального штаба России Н.Н. Обручев и Буадерф подписали проект конвенции. Он предусматривал военную помощь Франции со стороны России, если первая подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией. В свою очередь, Франция должна была оказать военную помощь России в случае нападения на последнюю Германии или Австро-Венгрии, поддержанной Германией. При мобилизации войск Тройственного союза или одного из его участников Франция и Россия должны были немедленно мобилизовать все свои силы и продвинуть их как можно ближе к границам. Определялась численность действующих армий, которые договаривающиеся стороны выставляли против Германии (Франция — 1300 тыс. человек и Россия — от 700 до 800 тыс. человек), с тем, чтобы той пришлось сражаться на два фронта — на востоке и на западе.

Теперь конвенцию, фактически превращавшую политическое соглашение в военный союз, предстояло ратифицировать. Полученный документ для «дальнейшего изучения и возможных дополнений» Гире фактически положил в стол. В августе 1893 г. германский рейхстаг принял закон о значительном усилении армии. Военное руководство Франции и России, оценив его как имеющий исключительно наступательный характер, считали необходимым принять меры военной предосторожности и скорее добиваться ратификации конвенции. В октябре в Тулон с ответным визитом, откладываявшимся более года, при-

была русская военно-морская эскадра. Визит, прошедший с грандиозным успехом, вызвал громкий общеевропейский резонанс. Современники не сомневались в наличии некоего соглашения между Россией и Францией. В газетах выражение «политическое положение, созданное Кронштадтом — Тулоном» становится привычным при характеристике международного положения в Европе. Гире уже не мог сопротивляться. 27 декабря 1893 г. и 4 января 1894 г. министры иностранных дел информировали друг друга об утверждении военной конвенции главами своих государств — российским императором Александром III и президентом Французской республики С. Карно. После этих взаимных извещений франко-русский военно-политический союз стал свершившимся фактом.

По требованию русской стороны консультативный пакт, как и военная конвенция, сохранялись в строжайшем секрете. В суть дела был посвящен крайне узкий круг лиц, четыре — пять человек с каждой стороны. Наследник российской короны цесаревич Николай узнал о соглашении лишь после вступления на престол. Французская сторона неоднократно и безуспешно добивалась возможности его обнародования. Лишь в августе 1897 г., во время прощального завтрака на борту французского крейсера «Потюо», стоявшего на рейде в Кронштадте, Николай II, поднимая тост за здоровье своего гостя, президента республики Ф. Фора, произнес, наконец, долгожданное слово «союзники». Но по-прежнему соблюдалась тайна в отношении содержания и существования соглашения.

Развитие международных отношений с 1871 до середины 90-х гг. в качестве своего логического итога привело к расколу Европы на две мощные и противоборствующие друг с другом военно-политические коалиции — Тройственный союз и франко-русский союз. Их соперничество стало важнейшим фактором, определявшим ход событий на международной арене вплоть до Первой мировой войны.

Восточный вопрос

1875 год вновь поставил на повестку дня международной жизни Европы «вечный» Восточный вопрос. Определяющая роль в восточном кризисе 70-х гг. принадлежала национально-освободительному движению народов Юго-Восточной Европы,

и в этом состояло его отличие от предшествующих кризисов 20-х и 50-х гг. Летом 1875 г. восстали Герцеговина и Босния, и требования жителей выходили за рамки административных и экономических реформ. Боснийские повстанцы высказывали намерения объединиться с сербским княжеством, а в Герцеговине решающую роль играли сторонники ее объединения с черногорским княжеством. Весной 1876 г. восстала Болгария. В ходе турецкой расправы над болгарскими погубило свыше 30 тыс. человек, причем большую их часть составили старики, дети, женщины. В Европе поднялась буря возмущения. 27 июня 1876 г. Черногория, а спустя три дня Сербия объявили войну своему сюзерену и общему врагу Турции. Княжества ставили задачу добиться полной независимости и расширения своих границ за счет соседних и этнически близких им территорий. В Цетинье претендовали на герцеговинские и североалбанские земли, в Белграде — на земли Боснии, а так же Старой Сербии — обширной территории, включавшей бассейн рек Южная Морава, Нишава, Лим и область Косово, где, наряду с сербским, проживало болгарское, македонское, албанское население. При этом черногорский князь Никола Петрович-Негош главные надежды возлагал на помощь России, сербский князь Михаил Обренович — преимущественно на содействие Австро-Венгрии. Осенью 1876 г. сербские войска были разбиты, часть территории княжества — занята турками. От национальной катастрофы Сербию спас ультиматум российского правительства Порте.

28 февраля 1877 г. Сербия и Турция подписали мирный договор, восстанавливающий политическое и территориальное статус кво в княжестве. Иными оказались итоги военной кампании 1876 г. для Черногории. Наступление черногорско-герцеговинских войск в сторону герцеговинского центра Невесинье развивалось успешно: Метохский край был освобожден, Никшич — блокирован, крепость Требинье, где располагалась Главная ставка турок, — осаждена. Удачные наступательные операции черногорцы провели и в Северной Албании. Начавшиеся в феврале 1877 г. черногоро-турецкие переговоры о мире показали желание князя Николы искать компромиссное решение и, наоборот, упорное сопротивление Порты проявлять уступчивость в вопросе расширения границ Черногории. В апреле 1877 г. переговоры были прерваны. Повстанцы Боснии и Герцеговины, несмотря на карательные меры турок, продолжали вооруженную борьбу.

Великие державы хотели не допустить расширения конфликта на Балканах, грозившего серьезными международными осложнениями, и урегулировать его дипломатическими методами. Инициативу в этом направлении проявили две наиболее заинтересованные стороны — Россия и Австро-Венгрия. Установив взаимодействие, они, при поддержке их партнера по Союзу трех императоров — Германии, стали добиваться от султана проведения реформ для Боснии и Герцеговины, предпринимая совместные акции: деятельность консульской комиссии в Герцеговине (август — ноябрь 1875 г.), Венская нота 31 декабря 1875 г., Берлинский меморандум 13 мая 1876 г. Руководители внешней политики трех империй — А.М. Горчаков, Д. Андраши и О. Бисмарк обсуждали не только программу умиротворения, но и возможность распада Османской империи под ударами освободительных движений, а соответственно и позиции правительств относительно возможных политических и территориальных изменений Европейской Турции.

Россия в годы восточного кризиса поддерживала национальные устремления славянских народов Балканского полуострова. Помимо задачи возвращения Южной Бессарабии, отторгнутой в 1856 г., центральное место в планах русского правительства занимала болгарская проблема. Это объяснялось рядом причин: очевидным геостратегическим значением Болгарии, расположенной в восточной части Балкан, в непосредственной близости к Черноморским проливам; тесными связями двух славянских единоверных народов. Укажем также, что царское правительство, ранее считавшее Сербию государством, которое является главным центром славянства и опорой Петербурга, после наметившейся проавстрийской ориентации у Белграда в 1868 г. стало видеть гаранта русского влияния на полуострове в Болгарии. Черногорию — надежного союзника России в войнах с Турцией — петербургский кабинет рассматривал в качестве своего опорного пункта в западной части Балкан. Княжество должно было составить часть того барьера, который бы мешал проникновению Австро-Венгрии вглубь полуострова. Для противодействия последним, приобретение Черногорией выхода к Адриатическому морю заметно увеличило бы военно-стратегическое значение ее территории. При том что российская дипломатия не хотела отдавать Сербию в австрийские руки, она готова была пойти на уступки Вене, чтобы добиваться более благоприятного для себя решения в других вопросах.

Австрия, проиграв войну Пруссии за главенство в Германии, концентрировала силы на экспансии в Юго-Восточную Европу. Венский двор и военные круги при поддержке клерикальных сил вынашивали планы захвата Турецкой Хорватии, а так же Боснии и Герцеговины. Эти области являлись плацдармом на пути экономического и политического проникновения Австро-Венгрии на Балканы, которые приобретали все большее значение как рынок сбыта ее промышленных товаров. Захват Боснии и Герцеговины открывал дорогу в Македонию и Салоники, т. е. к Эгейскому бассейну, и в то же время отвечал торговым и коммерческим интересам Австро-Венгрии на побережье Адриатики. В обстановке расширения освободительного движения на Балканах в ходе восточного кризиса военно-клерикальные круги монархии находили, что соглашение с Россией о сферах влияния на полуострове будет оправдано. Другое мнение имелось у австрийской буржуазии и венгерского дворянства, боявшихся роста удельного васса славян внутри двуединого австро-венгерского государства. Выразителем их интересов являлся Андраши. Для него оккупация европейских владения султана долгое время была неприемлема, а, особенно, совместные с Россией акции в этих целях. Андраши не сомневался в том, что появление русских войск на Балканах приведет там к всеобщему освободительному взрыву, который мог бы повлиять на настроения славянского населения в Австро-Венгрии. Путь распространения австрийского влияния на полуострове он усматривал в укреплении проавстрийской ориентации сербских правительственных кругов. Общеприимский министр иностранных дел был среди тех немногих политиков, кто считал полезным и возможным поддерживать желание Сербии в расширении своих границ. Советуя сербским правителям не идти вместе с Россией, Андраши предлагал им дружбу Австро-Венгрии, ее содействие в приобретении княжествами территорий в Боснии, Герцеговине, Старой Сербии. Предполагаемая делимитация совпадала с внешнеполитической программой Белграда, но шла в разрез с планами Цетинье. Андраши, как, впрочем, все имперское руководство, был решительно против расширения границ Черногории, видя в этом прямую угрозу политическим и коммерческим позициям Австро-Венгрии. Противником мнения министра выступал наследник престола эрцгерцог Альбрехт, заявлявший о целесообразности оккупации Боснии и Герцеговины, куда ни при ка-

ком случае нельзя пускать Сербию и Черногорию. Он считал, что при необходимости оба славянских княжества могут расширить свои границы, но только за счет болгарских и албанских земель. Это красноречиво свидетельствовало о желании Вены оторвать сербское освободительное движение от болгарского, усилить недоверие обеих народов друг к другу наряду с созданием аналогичной напряженности во взаимоотношениях между черногорскими и албанскими племенами.

Начавшаяся сербо-черногоро-турецкая война показала невозможность для Австро-Венгрии решить балканские проблемы изолированным путем. Андраши произвел определенную коррекцию взглядов, в том числе относительно соглашения с Россией. Царское правительство, осознав, что дальнейшее промедление поведет к потере престижа России в глазах балканских народов и авторитета власти среди собственных подданных (русское общественное мнение выражало горячую симпатию борющимся славянским народам и настаивало на оказании им активной помощи), начало дипломатическую подготовку к представлявшейся все более неизбежной войне с Турцией. Бисмарк же, с одной стороны, поддерживал агрессивные планы Австро-Венгрии, с другой — подстрекал Россию к войне с Турцией, рассчитывая, что она, увязнув в Восточном вопросе, не будет препятствовать Германии разбить Францию. Бисмарк убеждал Горчакова и Андраши, что кризис нельзя разрешить проведением одних лишь реформ, России и Австро-Венгрии следует занять ту или иную, согласованную между собой, часть Балкан.

8 июля 1876 г. в чешском замке Рейхштадт Александр II и Горчаков встретились с Францем Иосифом и Андраши. Во время переговоров не было заключено письменного соглашения, а достигнута только устная договоренность. Позднее обе стороны зафиксировали свои варианты этой договоренности, между которыми оказались значительные расхождения. Предусматривались две возможности исхода сербо-черногоро-турецкой войны — поражение или победа славянских народов. В первом случае австрийская и российская записи предусматривали восстановление довоенного положения в Сербии. Далее шли различия. По записи Андраши державы признали бы независимость Черногории без каких-либо ее территориальных изменений. В записи Горчакова ничего на этот счет не говорилось, но имелось положение об административной автономии для

или даже на Черном море (Варна, Синоп, Батум). Конференция в Стамбуле, проходившая с декабря 1876 г. по январь 1877 г., провалилась. Султан Абдул Хамид II, уверенный в поддержке англичан, официально отверг требования держав, а позже — Лондонский протокол 31 марта, явившийся последней попыткой держав призвать Порту к реформам в Боснии, Герцеговине и Болгарии.

24 апреля 1877 г. российский император Александр II, прибывший в Главную ставку командования в Кишиневе, подписал манифест об объявлении войны Турции. Это была десятая русско-турецкая война за 300-летний период. В союзе с Россией выступали балканские страны. 16 апреля между Петербургом и Бухарестом была подписана военная конвенция, регламентирующая проход русской армии через территорию Румынии. Этим соглашением Россия фактически признавала Румынию в качестве суверенного государства. 21 мая румынский парламент провозгласил независимость страны, а правительство объявило войну Порте. Черногория возобновила военные действия с турками, а Сербия 13 декабря начала вторую войну с Турцией. Болгарские ополченцы сражались вместе с русскими частями. В тылу турок действовали партизанские отряды боснийцев и герцоговинцев.

Форсировав Дунай, русская армия в конце июня вступила на болгарскую территорию и захватила стратегическую инициативу. Передовой отряд генерала И.В. Гурко занял важнейший Шипкинский перевал через Балканский хребет. Но 19 июля, опередив русских, в крепости Плевна — главном узле дорог Северной Болгарии, засел самый талантливый из турецких военачальников Осман-паша, совершивший марш-бросок от границ Сербии. Оставлять крупную турецкую группировку в тылу представлялось опасным и основные силы русской армии начали осаду Плевны. Три ее штурма окончились неудачей. По просьбе русского командования под Плевну прибыли румынские войска. Для руководства фортификационными работами приехал военный инженер, герой обороны Севастополя Э.И. Тотлебен. Тем временем в течении почти пяти месяцев русские вместе с болгарскими ополченцами героически обороняли Шипку от пытавшихся прорваться через перевал в Северную Болгарию войск Сулеймана-паши, переброшенных из Черногории. 10 декабря Осман-паша, исчерпав возможности сопротивления, предпринял отчаянную попытку вырваться из

Плевны. Операция не удалась и турки сложили оружие. Русское командование, вопреки существовавшим канонам, решило развернуть зимнее наступление в горах. Генерал М.Д. Скобелев, пройдя через Балканские горы, вышел в тыл турецким частям, защищавшим выходы из Шипкинского перевала, и 8-9 января 1878 г. под Шейново разгромил их. Началось широкое наступление русских войск по всему Балканскому театру военных действий. 20 января был занят Адрианополь. Русская армия, как и в 1829 г., вышла на подступы к турецкой столице. 31 января 1878 г. в Адрианополе были подписаны перемирие и «Основания мира», включавшие максимум русских требований.

Еще летом 1877 г. Горчаковым были намечены первоначальные проекты мира с Турцией в зависимости от военной и международной ситуации. Достигнутые к концу года военные успехи позволили, как казалось, требовать большего. В правящих кругах усилилось влияние сторонников активной политики с целью возрождения былого внешнеполитического могущества России. Составление проекта мирного договора было поручено ярому проводнику такой политики Н.П. Игнатьеву, послу в Турции. Энергичный и чрезвычайно ловкий дипломат Игнатьев имел свою программу решения балканского вопроса. Будучи горячим сторонником идеи союза балканских стран, он считал, что только Россия является защитницей славян и нельзя допускать влияния на Балканах какой-либо другой державы, в особенности Австро-Венгрии. На Стамбульской конференции, где впервые официально была провозглашена необходимость изменения границ Европейской Турции, русский посол играл главную роль. В проектах переустройства владений султана Игнатьев шел значительно дальше опытного и осторожно-го Горчакова, стремившегося придерживаться решений Стамбульской конференции и договоренностей с Веней. В проектах Игнатьева содержалась идея обретения балканскими странами экономической независимости, чтобы успешно противостоять австрийской экспансии. Для этого предполагалось включение в их новые границы плодородных земель, портов, важных экономических центров и путей сообщений. Международная обстановка заставляла Петербург спешить с заключением перемирия и мира — венский и лондонский кабинеты, напуганные успехами русских, выступили с заявлениями о том, что договор между Россией и Турцией должен быть одобрен всеми

державами, так как затрагивает общеевропейские интересы. Царское правительство приняло решение заключить предварительный (прелиминарный) мир, дав согласие представить те его статьи, которые касаются интересов держав, на обсуждение международной конференции (конгресса). В тот же день, 17 января 1878 г., на совещании у Александра II получил одобрение представленный Игнатьевым проект мирного договора и Игнатьев отправился в Адрианополь для ведения переговоров с турками. Не успели они начаться, как 14 февраля Англия, где пресса и правительство трубили о намерении России захватить Балканы и Проливы, ввела в Мраморное море семь новейших броненосцев. В ответ русские войска продвинулись к Стамбулу и расположились в 12 км от него, в местечке Сан-Стефано. Туда же была переведена Главная квартира, и там продолжались переговоры о мире. 3 марта 1878 г., когда был подписан прелиминарный договор, английская эскадра бросила якорь в виду турецкой столицы.

Сан-Стефанский договор освобождал большую часть Балканского полуострова от османского владычества и, по сути дела, разделил европейские и азиатские владения султана. Сербии, Черногории и Румынии предоставлялась государственная независимость. Болгария провозглашалась автономным княжеством. Для Боснии и Герцеговины предусматривалась автономия. Демаркационные линии в Юго-Восточной Европе были проложены следующим образом. Крайняя северо-восточная точка границы Болгарии начиналась на черноморском берегу чуть выше Мангалии, и шла на запад через область Добруджу, выходя к Дунаю выше Рассова, затем — по Дунаю до места впадения в него реки Тимок (участок болгаро-румынской границы); далее граница спускалась на юг, пересекая бассейны рек Нишавы и Моравы (участок болгаро-сербской границы); потом граница огибала область Косово и шла вдоль албанских земель, поворачивала на восток, пересекала Салонинский полуостров, следовала вдоль побережья Эгейского моря и, на конец, пересекала юго-восточную оконечность Балканского полуострова, выходя к Черному морю выше Мидия (участок болгаро-турецкой границы). За этой территорией закрепилось название Великая Болгария. Черногория увеличивала свои владения более чем в 3 раза, а население почти вдвое: за счет земель Герцеговины и Северной Албании с участком Адриатического побережья. Сербия получила относительно неболь-

шие земельные приращения в Старой Сербии. Территориальное вознаграждение Румынии предусматривалось в рамках решения бессарабского вопроса — она получала Северную Добруджу с дельтой Дуная взамен на Южную Бессарабию с Килийским рукавом Дуная, возвращаемую России.

Сан-Стефанский договор открывал для получивших независимость народов возможности для национального, экономического и культурного прогресса. Он ослаблял политическую и экономическую власть Порты над оставшимися под ее властью народами, способствуя их освободительной борьбе. Отмечая значения прелиминария, обратим внимание и на другое. Разрабатывая территориальное устройство Болгарии, российское правительство взяло на вооружение принцип «национальности» (большинства населения), но этот принцип, вопреки ожиданиям других народов, не был применен к ним, хотя самодержавие проводило войну под лозунгом освобождения всех христиан. При том, что в Петербурге согласились на передачу Австро-Венгрии обширных областей с сербским и другим славянским населением, Сербия получила территорий даже меньше, чем освободили ее войска. В состав Черногории вошли в основном местности с одноплеменным с ней населением, но так же и районы, где доминировали албанцы. В предназначенной Румынии Северной Дабруджи значительно преобладало болгарское население. Вопрос о расширении границ православной Греции вообще не стоял. В то же время Великая Болгария, включавшая в себя подавляющее большинство болгарского населения, вобрала целый ряд местностей с славянским, турецким, греческим, албанским населением, где две последние национальные группы численно доминировали над другими народностями. Оставшаяся только на бумаге Великая Болгария при своем многонациональном характере и огромных размерах (она превосходила Румынию, Сербию, Черногорию вместе взятых) накопила бы национальные противоречия на Балканах. Территориальный вопрос остро стоял и во взаимоотношениях России со своими союзниками по войне с Турцией.

В Румынии, недовольные итогом работ Международной делимитационной комиссии определившим в 1857 г. румыно-турецкую границу на Нижнем Дунае, ставили ближайшей целью присоединение земель в дельте Дуная, а в перспективе — между реками Днестром и Прутом (Северная Бессарабия, отошед-

шая к России в 1812 г.). Добиться этого планировалось в союзе с Германией. Инициатором прогерманской ориентации был князь Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген. В переговорах с румынами русская сторона находилась в щекотливой ситуации. Возвращение Южной Бессарабии Александр II считал «делом чести и национального достоинства». Россия являлась одной из держав — гарантов юридическо-политического статуса Румынии, а по русско-румынской военной конвенции царское правительство брало под свою защиту неприкосновенность и целостность княжества. И до войны и после ее начала царь и представители русского руководства в беседах с румынским князем и министрами избегали обсуждать вопрос о бессарабских территориях, давая при этом понять неизбежность его решения в интересах России. Между тем, судьба Бессарабии весьма беспокоила не только правительство, но и общественность Румынии. В Бухаресте были подавлены, узнав накануне Адрианопольского перемирия о решении относительно новых границ княжества. Была предпринята попытка развернуть обсуждение вопроса о территориальных компенсациях. Кароль I предложил Александру II подвергнуть исправлению всю русско-румынскую границу — уступая России Южную Бессарабию, Румыния получала ряд уездов Одесской губернии, в Северной Бессарабии, где румыны составляли большинство населения. Премьер-министр И. Братиану считал, что, если компенсация возможна только за счет Добруджи, следует требовать расширения границ в этом направлении. Эти предложения были отвергнуты, и дальнейшие объяснения лишь усилили взаимное раздражение в Бухаресте и в Петербурге. Борясь за неприкосновенность территории, княжеское правительство надеялось на заступничество западных держав, но предпринятые усилия успеха не имели.

В то время как Бухарест готовился к присоединению Добруджи, представители общественности Румынии предсказывали, что она превратится в «яблоко раздора» между румынами и болгарями. Так оно и случилось. В Сербии, как и в Румынии, ясности относительно того, на какие земельные приращения можно рассчитывать после войны, не было. Князь Милан Обренович и эмиссары белградского кабинета просили Александра II и русское военное командование поддержать национальные интересы страны. Сан-Стефано нанес сокрушительный удар по замыслам Белграда. Положения прелиминария были для него особенно обидны на фоне благоприятных ус-

ловий для Болгарии и Черногории. Раздражение и возмущение охватили общественность страны. Между сербской и русско-болгарской гражданскими администрациями происходили острые конфликты вокруг освобожденных территорий в бассейнах рек Тимок, Нишава и Южная Морава, где в отдельных местах проживало «чисто» сербское, реже болгарское, а, зачастую, смешанное сербо-болгарское население. Князь Милан и министр иностранных дел И. Ристич убедились в необходимости вновь искать помощи у Австро-Венгрии и решили пойти на сделку с ней: отказавшись от Боснии и Герцеговины, они заручились согласием Вены содействовать расширению владений княжества за счет районов в Старой Сербии, которые прелиминарий отдавал Болгарии.

Греками Сан-Стефанский договор был оценен как национальная катастрофа, едва ли не большая, чем падение Константинополя в 1453 г. Надежда на создание единого национального государства, вспыхнувшая с началом восточного кризиса, была похоронена, а в Великой Болгарии виделась смертельная угроза эллинизму. Несмотря на критику широких кругов общественности, политики греческого королевства следовали курсу строгого нейтралитета. Это объяснялось, в основном, своекорыстной политикой Афин, стремившихся переложить на других риск и издержки войны, а также сильным давлением западных держав, не желавших военного выступления Греции. Официальные круги пытались расширить границы королевства дипломатическим путем, опираясь на поддержку западных держав, прежде всего Англии, которая в 1863 г. передала Греции Ионические острова.

Только в Черногории и Болгарии с радостью встретили Сан-Стефанский договор: он учел практически все требования князя Николы; болгары день 3 марта до сих пор отмечают как национальный праздник.

Западные державы, во главе с Великобританией и Австро-Венгрией, встретили Сан-Стефанский договор в штыки, найдя его «неслыханным по своей чрезмерности». Основные возражения касались Великой Болгарии, как оплота России на Балканах и ее усиления в Европе в целом. В Лондоне и Вене не ограничились только протестами, но стремясь оказать давление на царское правительство, приступили к военным приготовлениям. Россия для новой войны, теперь уже со значительно более

сильными противниками, не имела ни экономических, ни военных сил. В Зимнем дворце решили договориться с Австро-Венгрией, надеясь на ее союзнические обязательства. В конце марта 1878 г. в Вену для переговоров прибыл Игнатьев. Но он мало подходил для этой роли будучи непримиримым врагом политики Андраши и творцом Великой Болгарии. Андраши обвинил русских в нарушении соглашений в Рейхштадте и Будапеште не образовывать большого славянского государства и потребовал неприемлемого — кроме значительных сокращений территорий Болгарии и Черногории и права занять Боснию и Герцеговину, новых приобретений за счет Новипазарского санджака и Адриатического побережья. Игнатьев вернулся в Петербург ни с чем.

Горчаков попытался оказать давление на австрийцев, обратившись за помощью к Бисмарку, но тот настоятельно советовал удовлетворить претензии венского кабинета. В этих условиях русскому правительству ничего не оставалось делать как обратиться к сент-джеймскому кабинету, тем более, посол в Лондоне Петр Шувалов, зондировавший там почву, доносил о возможности сепаратного соглашения. На берегах Невы уже смирились с тем, что Болгарию в ее сан-стефанских границах не отстоять, и готовы были пойти и на другие уступки — ограничить приобретения на Кавказе, согласиться с участием Европы в административном устройстве болгарских земель, отказаться от значительного расширения Черногории и общей сербо-черногорской границы. 30 мая глава Форин офис Р. Солсбери подписал с Шуваловым соответствующий меморандум. России пришлось согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора в полном объеме, а не частично, как полагали в Зимнем дворце вначале. Англия же положила предел дальнейшему русскому проникновению на Кавказ и Балканы. Царское правительство считало, что соглашение обеспечило ему прочные позиции на предстоящем конгрессе. Однако сент-джеймский кабинет вел двойную игру. Одновременно шли переговоры Солсбери с Андраши, закончившиеся договоренностью 6 июня о совместном выступлении на конгрессе по болгарскому вопросу. Австро-Венгрии была также обещана поддержка в деле оккупации Боснии и Герцеговины. Лондон для себя тоже определил объект захвата. 4 июля Порте был навязан договор о приобретении англичанами о. Кипра.

С 13 июня по 13 июля 1878 г. в Берлине проходил конгресс, созданный для пересмотра условий Сан-Стефанского договора.

В нем участвовали делегации шести великих держав и Османской империи, которые имели в своем составе по три уполномоченных, обладавших правом решающего голоса; кроме них в каждой делегации находились несколько военных и гражданских экспертов, которые стали членами специально созданной делимитационной комиссии. Делегации Германии и Великобритании возглавляли главы правительств — О. Бисмарк, председательствовавший на конгрессе и Б. Дизраэли и делегации России, Австро-Венгрии, Франции, Италии и Турции — министры иностранных дел А.М. Горчаков, Д. Андраши, В. Вагдингтон, Л. Корти, Каратеодори-паша. Представители балканских государств, чьи судьбы решались на конгрессе, были приглашены в Берлин, но им отводилась роль пассивных наблюдателей; только греческий и румынский делегаты были допущены на заседания (когда обсуждались вопросы, касающиеся их стран), где получили возможность изложить взгляды своих правительств. Первую скрипку на конгрессе играла Англия в лице своего второго уполномоченного Солсбери. С ней солидаризировалась Австро-Венгрия. Английские и австрийские делегаты заняли ярко выраженную антирусскую позицию, не соглашаясь даже с ранее заключенными с Россией соглашениями. Бисмарк, выступавший на конгрессе, по его словам, в качестве «честного маклера», признал позднее, что считал «триумфом государственного искусства оставить открытым восточный нарыв и благодаря этому расстроить единство других великих держав и обеспечить наш (Германии. — *Авт.*) собственный мир». Бисмарк открывал заседания и удалялся, оставляя российских уполномоченных на растерзание англичан и австрийцев. Франция, не оправившаяся еще от разгрома 1871 г. и не выказывавшая тогда большого интереса к Восточному вопросу, активности не проявляла. Вагдингтон обычно поддерживал мнение Дизраэли и Солсбери. Италия присутствовала на конгрессе как зритель; по оценке Горчакова «она ничего не просила и ничего не получала». Россия опять, как и на Парижском конгрессе, оказалась в изоляции.

Наибольшую полемику, как и ожидалось, вызвал болгарский вопрос. В ходе его обсуждения русско-английские отношения настолько обострились, что Дизраэли заявил о намерении покинуть конгресс и вернуться в Лондон (был даже заказан экстренный поезд), чтобы убедить королеву объявить войну России. Этот прямой шантаж не имел, впрочем, серьезных пос-

ледствий. Болгария была разделена по Балканскому хребту. Северная Болгария объявлялась вассальным государством, платящим дань Порте, с правом выбирать себе князя, утверждаемого султаном с согласия великих держав, а также содержать войска и выработать Органический статут (конституцию). Южная Болгария — она получила название Восточной Румелии, обретя административную автономию, возвращалась Османской империи. Права болгарского народа оказались существенно урезанными, но тот факт, что обе части Болгарии получили автономию, был значительным достижением и способствовал их объединению в будущем. Территории Северной и Южной Болгарии значительно сокращались, вне их пределов остались сотни тысяч болгар. И все же общая территория Болгарского княжества с Восточной Румелией являлась более реальной с точки зрения национальной и исторической общности болгарского населения, нежели границы Великой Болгарии. Очертания и площадь территории нынешней Республики Болгарии практически совпадают с границами, установившимися в результате слияния обеих частей Болгарии в 1885-1886 гг.

Конгресс признал независимость Сербии, Черногории и Румынии, но внес изменения в их границы. Территория Черногории по сравнению со Сан-Стефанским договором была заметно урезана, хотя княжество сохранило плодородные герцеговинские земли с Никшичем и участок Адриатического побережья с портом Дульциньо и гаванью Бар. Сербия, наоборот, получила более значительные приращения за счет районов в Старой Сербии с Нишем, Пиротом, Вране. Это произошло благодаря настояниям Андраши: в Вене, добившись согласия от Петербурга и Лондона признания «прав» в северо-западном регионе Балканского полуострова, могли теперь отказаться от анти-сербского курса периода кампаний 1876 и 1877-1878 гг. и взять на себя роль покровителя интересов Сербии. Расширение страны было куплено в обмен на заключение с Австро-Венгрией во время конгресса конвенции по торговому и таможенному вопросам и обязательство княжеского правительства построить нужную для австрийцев железную дорогу Белград — Ниш. Румыния несколько увеличивала приобретения в Добрудже, но передавала России Южную Бессарабию.

Герцеговинцы и боснийцы, первыми поднявшиеся на вооруженную борьбу, вместо обретения свободы попали под новое иго. Получив санкцию конгресса, австрийские войска летом — осенью 1878 г. заняли Боснию, Герцеговину и часть Новипазар-

ского санджака. Хотя султан продолжал оставаться сюзереном этих областей, Вена, введя там свое управление, рассматривала оккупацию как постоянную, рассчитывая в подходящий момент превратить ее в аннексию.

Конгрессом был рассмотрен вопрос о расширении границ Греции. Эту возможность предусматривали еще рейхштадтское и будапештское соглашения России с Австро-Венгрией. Англия и Франция рассматривали эллинское королевство как барьер против продвижения славянских народов, в первую очередь, болгар к Эгейскому и Адриатическому морям. Европейские депутаты призвали Грецию и Турцию приступить к переговорам об исправлении границ и наметили демаркационные линии между ними. Под давлением держав на Порту, Греция, хотя и явилась единственным государством Юго-Восточной Европы не воевавшим в годы восточного кризиса с Турцией, получила самое большое территориальное расширение — почти всю Фессалию и провинцию Арта в Опире.

Во время восточного кризиса 1875-1878 гг. державы фактически отказались от доктрины сохранения целостности Османской империи. Подписанный в Берлине трактат установил новую геополитическую систему в Юго-Восточной Европе, основные компоненты которой просуществовали до Балканских войн 1912-1913 гг. Хотя конгресс существенно урезал постановления Сан-Стефанского прелиминария, западные державы не смогли изменить главных итогов войны — предоставление независимости балканским государствам и политической автономии Болгарии. Берлинский трактат явился значительным шагом в освобождении Балкан и создавал условия его народам для дальнейшего развития. Но в то же время этот договор, оставив под властью Османской империи значительную территорию юго-восточной части Балкан и передав Боснию и Герцеговину под управление Австро-Венгрии, не только затруднил процесс консолидации балканских наций, но и создал очаги конфликтов: в октябре — ноябре 1878 г. в Македонии бушевало Кресненско-Разложское восстание; официально оформленная в июне 1878 г. Призренская лига до ее разгрома турками в апреле 1881 г. возглавляла албанское национальное движение; на протяжении всего 1882 г. шло восстание в Боснии и Герцеговине против австрийского оккупационного режима.

Еще больше запутали узлы межнациональных противоречий и даже вызвали вооруженные столкновения работы международных делимитационных комиссий по проведению границ между балканскими странами (1878-1883). При том, что территориальное разграничение в этнически сложном и смешанном народонаселении балканского региона само по себе представляло невероятные трудности, державы, проводя делимитации, исходили, в первую очередь, из своих собственных торгово-экономических и военно-стратегических соображений. На фоне начавшегося нового этапа освободительной борьбы полуостров превращался в поле ожесточенного межбалканского соперничества, которое переплеталось с давними противоречиями здесь «великих». Первым не выдержало напора и оборвалось самое слабое и непрочное звено в цепи решений Берлинского конгресса — то, что предусматривало разделение Болгарии.

После 1878 г. во весь голос заявило о себе общенародное движение за консолидацию болгарской нации. Созданный в столице Восточной Румелии Пловдиве (Филиппополе) тайный комитет установил контакт с политическими деятелями Болгарского княжества и князем Александром Баттенбергом. С помощью народных чет и восточно-румелийских военных подразделений Комитет осуществил 18 сентября 1885 г. бескровный переворот в Пловдиве. Турецкие власти были изгнаны, а созданное временное правительство провозгласило соединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством под скипетром Баттенберга. Последний вместе с премьер-министром П. Каравеловым прибыл в Пловдив. Они приняли управление Восточной Румелии и обратились к державам с просьбой признать объединение. Отстаивание политическим руководством Софии государственной независимости, с одной стороны, и вмешательство держав в болгарские дела — с другой, привели к возникновению международных кризисов 1885-1886 и 1886-1888 гг.

Западноевропейские кабинеты, признав на Берлинском конгрессе Болгарию сферой интересов России, но, будучи, конечно, не прочь вытеснить Россию из восточной части Балкан, ждали реакции Петербурга на пловдивские события. Царское правительство после 1878 г., принесшего так много тревог, хлопот и разочарований, отказалось от активной балканской политики, но понимало, что окончательная развязка Восточного вопроса — не более как дело времени. На берегах Невы держа-

ли курс на объединение северной и южной частей Болгарии в интересах создания самого крупного балканского государства под своим патронажем. Считалось почти аксиомой, что благодарные болгары будут послушно внимать указаниям «старшего славянского брата». Россия в глазах населения Болгарии действительно обладала высоким кредитом доверия. Александр II даровал Болгарскому княжеству одну из самых либеральных в Европе конституций, русские специалисты создали административный аппарат и земское войско княжества. Однако болгары ожидали от России помощи в завоевании реального суверенитета, а не политики короткого поводка, ярко проявившейся в действиях русских представителей в Болгарии. Отсутствие четкого, системного, рассчитанного на перспективу подхода повлекло за собой целую цепь ошибок, иллюзий, шараханья из одной крайности с другую. Дело доходило до неразберихи: поначалу дипломатические представители России поддерживали болгарских консерваторов против либералов, на чьей стороне стояли русские военные; затем роли диаметрально менялись.

В политических и интеллектуальных кругах Болгарии углубился раскол. Все заметнее становилась прозападная, «цивилизованная», ориентация их представителей. Александр Баттенберг, личность весьма посредственная и склонная к интриганству, использовал внутривнутриполитические и внешнеполитические возможности, чтобы избавиться от бдительной опеки Петербурга, и искал поддержки у английского и австрийского дворов. К 1885 г. Александр III считал болгарского князя своим главным врагом, возлагая на него вину за ослабление русского влияния в Болгарии. Поддержка объединения в таких условиях могла бы привести, как полагали в Зимнем дворце, к превращению Болгарии во враждебную России силу на Балканах. Царь осудил и сам переворот и поведение князя. Кабинету Каравелова дали ясно понять, что Россия никогда не признает единую Болгарию во главе с Баттенбергом. Это нанесло еще один удар по престижу России в глазах болгарской интеллигенции.

Русские дипломаты понимали невозможность возвращения Восточной Румелии Турции, но вынуждены были считаться с амбициями самодержца. На берегах Невы рассчитывали, что нервная обстановка внутри страны при угрозе вступления турецких войск в Восточную Румелию заставит болгар отвер-

нуться от софийского руководства и обратиться к России: тогда удастся освободиться от Баттенберга и «революционера» Каравелова, создать новое болгарское правительство и вслед за этим признать объединение. А пока петербургский кабинет предложил державам собраться на конференции с целью восстановить статус-кво в Болгарии и устранить от власти Баттенберга как нарушителя постановлений Берлинского конгресса. Этот сложный и весьма сомнительный план российский МИД намеривался провести в жизнь при поддержке партнеров по Союзу трех императоров и взаимодействии с султанским правительством. Германский канцлер Бисмарк предложил царю договориться с Австро-Венгрией, т. е. за признание болгарского объединения компенсировать австрийцев аннексией Боснии и Герцеговины. В Вене по мере падения русского влияния в Болгарии зрела мысль, что объединение болгарского народа не усилит, а ослабит это влияние, а Баттенберг может стать полезным для австрийских интересов.

В Турции пловдивский переворот, естественно, вызвал резко отрицательную реакцию. Абдул Хамид II высказал желание действовать сообща с Александром III. После окончания восточного кризиса наметилось сближение между Россией и Турцией. Заметно возросшая активность Англии на Ближнем Востоке беспокоила как Петербург, так и Стамбул (после Кипра, англичане в 1882 г. захватили Египет). Султан и русский посол А.И. Нелидов вели переговоры о заключении союзного договора подобно Ункяр-Искелесийскому (1833). Используя наметившееся взаимодействие в болгарском вопросе, Нелидов добивался от султана отрешить от власти князя Александра. Абдул Хамид колебался, испытывая давление и со стороны Англии. Сент-джеймский кабинет, испугавшись вначале, что Россия использует объединение Болгарии для установления господства в Проливах, затем получил подтверждения о неспричастности русских к перевороту в Пловдиве. В Лондоне спешили упрочить положение Баттенберга и показать болгарам, что Англия является их защитницей. Ставший в июне 1885 г. премьер-министром, Солсбери публично сказал, что если в 1878 г. Болгария не могла быть создана в границах, намеченных Сан-Стефанским договором, так как ее территория была занята русской армией, то теперь она стала независимой от России, и в интересах Великобритании видеть Болгарию сильной. Английский посол в Турции У. Уайт, разгадав рус-

ские планы, убеждал султана и Порту, что царское правительство, добившись низложения Баттенберга и возведя на престол своего ставленника, признает объединение, и Турция потеряет свои права на Болгарию.

Борьба между Нелидовым и Уайтом за позицию Порты являлась главным содержанием конференции послов в Стамбуле (5-25 ноября 1885 г.). В итоге длительных обсуждений все ее участники, кроме Уайта, подписали резолюцию, которая предусматривала направление в Восточную Румелию турецкого комиссара в качестве временного правителя, пока там не будет восстановлено положение, действующее до переворота. Однако сделать это оказалось невозможно. Обстановка на Балканах изменилась. Белградский и афинский кабинеты крайне враждебно встретили события 18 сентября и потребовали территориальной компенсации, первый за счет болгарских земель, второй — македонских.

14 ноября 1885 г. Сербия, сочтя усиление своей соседки угрозой национальным интересам, объявила войну Болгарии. Еще в 1881 г. князь Милан Обренович подписал с австро-венгерским правительством политическую конвенцию, по условиям которой Сербия признавала Боснию, Герцеговину и Новипазарский санджак сферой исключительного влияния австрийцев. Венский кабинет давал, в свою очередь, обещание оказывать поддержку в отношении территориальных приобретений Белграда в Старой Сербии. Конвенция окончательно закрепила проавстрийское направление Сербии и крепко связала Обреновичей с Габсбургами. В сербо-болгарской войне успех сопутствовал болгарским войскам, обученным русскими офицерами. Сербская армия была изгнана с болгарской территории, а болгарские части во главе с князем Александром заняли сербский город Пирот. Возможность разгрома Сербии и падения Милана Обреновича породили настоящую панику в Вене. Угрожая вступлением в войну на стороне Сербии и ее оккупацией, Австро-Венгрия заставила болгар прекратить наступление. Австрийский демарш вызвал негодование и протест царского правительства: изолированное вмешательство венского двора с угрозой оккупации Сербии по условиям договора Союза трех императоров не могло иметь место без согласования с Россией.

3 марта 1886 г. Сербия и Болгария подписали мирный договор, восстанавливающий довоенное положение. Незадолго до этого военно-морская демонстрация держав у берегов Гре-

ции заставила Афины свернуть военные приготовления. Одержанная победа в войне с Сербией укрепила внешнеполитическое положение Болгарии. На своего князя болгары смотрели чуть ли не как на национального героя. Требовать его отречения было уже невозможно. Западноевропейские кабинеты открыто и настойчиво заговорили о необходимости признать объединение в форме личной договоренности Болгарии со своим сюзереном.

При активном посредничестве англичан между султанским и болгарским правительствами начались переговоры, закончившиеся подписанием 1 февраля 1886 г. двухстороннего договора, представленного на утверждение великим державам. Основными его положениями явились передача управления Восточной Румелии князю Александру, который каждые пять лет султанским фирманом должен назначаться ее генерал-губернатором, а также заключение военного союза между султаном и князем. Царское правительство потребовало исключить статью о военном союзе и ввести положение об обязательном утверждении державами болгарского князя (без упоминания имени Александра Баттенберга, что было унижительно для него) генерал-губернатором Восточной Румелии. 5 апреля 1886 г. в султанском дворце Топкапе послы шести великих держав и представитель Турции подписали акт, представлявший собой измененный согласно требованиям России болгаро-турецкий договор. Топкапейский акт означал международное признание объединения двух частей Болгарии.

После объединения ход внутри- и внешнеполитических событий привел к ситуации при которой Болгария была поставлена перед дилеммой: Россия или Баттенберг. В обсуждении вопроса о русско-болгарских отношениях включились все политические силы и группировки в княжестве. В ночь с 20 на 21 августа 1886 г. группа русофильски настроенных офицеров низложила князя Александра и выслал его из страны. Но пока в Зимнем дворце торжествовали, сторонники Баттенберга совершили новый переворот и вернули ему болгарский престол. Понимая, что без поддержки России ему не удержаться в Болгарии, Баттенберг обратился к царю с заверением «беззаветной преданности». Телеграмма заканчивалась словами: «От России я принял корону, готов сложить ее в руки ее владельца». Ответ гласил: «Не могу одобрить возвращения Вашего, предвидя злополучные последствия для страны». Баттенбергу ни-

чего не оставалось делать, как вторично покинуть Болгарию, на этот раз навсегда. Однако Россия от этого не выиграла. Назначенное 7 сентября князем перед его отъездом правительство (регентство) со С. Стамболовым во главе было враждебно ей. Внутренняя политика Стамболова характеризовалась жестоким подавлением инакомыслия, преследованием русофилов, внешняя — откровенно проавстрийским курсом. Царское правительство не признавало законным новые болгарские власти, Стамболов платил явной неприязнью.

В правящих сферах России не было единодушия в вопросе о методах политики в отношении Болгарией. Осторожный Н.К. Гире советовал царю налаживать отношения с Софией. Министр был противником применения военной силы в Болгарии, как того требовали некоторые дипломаты и консервативные общественные круги. Александр III, признавая опасность применения военной силы, считал все-таки нужным действовать в Болгарии решительно, оказывая прямой нажим на софийские власти и одновременно их дискредитируя в глазах болгар. По расчетам императорского двора это должно было вызвать в Болгарии широкое проявление недовольства регентами и министрами, их падение, образование русофильского правительства и избрание желательного для Петербурга князя. В сентябре в Софию был направлен генерал Н.В. Каульбарс. Он должен был служить посредником при передаче регентству требований о прекращении суда над участниками низложения Баттенберга, отмене военного положения, отсрочки выборов в Народное собрание. Миссия Каульбарса означала прямое вмешательство самодержавия во внутренние дела Болгарии. Сам же Александр III и его окружение рассматривали ее как осуществление мирной программы восстановления спокойствия в Болгарии и нормализации русско-болгарских отношений. Двухмесячное «хозяйничанье» Каульбарса накопило до крайности обстановку в стране и привело к результатам, прямо противоположным ожидавшимся. 18 ноября генерал направил болгарскому правительству декларацию о разрыве официальных отношений с ним императорского кабинета, а спустя два дня вместе со всем русским дипломатическим корпусом выехал из Софии.

Враждебную политике России позицию заняла Австро-Венгрия. Председатель общеимперского совета министров Г. Кальноки признал законным регентство, подверг резкому осуждению

поведение Каульбарса, не поддержал кандидатуру Александра III — мингрельского князя Николая Дадиани — на болгарский престол. Глава английского правительства Солсбери полностью солидаризовался с позицией Кальноки. Британские агенты в Болгарии, в контакте с австрийскими спланировали все русофобские элементы в стране. Бисмарк же, афишируя свое расположение к курсу царского правительства и «заботу» о его интересах, пытался спровоцировать общеевропейскую войну и тем самым развязать Германии руки для разгрома Франции. Германский канцлер внушал Петербургу идею о необходимости прибегнуть к оккупации Болгарии и дал понять, что если, в этом случае, Австро-Венгрия решится на войну, то она не будет поддержана Берлином. В то же время германская дипломатия натравливала Англию на Россию и одновременно способствовала установлению тесных англо-австрийских связей в целях противодействия русской политике. При этом Бисмарк всячески сдерживал Кальноки от преждевременных антирусских демаршей, желая выдвинуть на переднюю линию огня Англию — лишь в этом случае он мог допустить выступление Австро-Венгрии против России.

Противоречия между Россией и ее противниками достигли чрезвычайного накала. 9 ноября в своей речи в резиденции лондонского лорд-мэра Солсбери дал понять, что если Австро-Венгрия объявит войну России, Англия последует за ней. Одобренный этой поддержкой, Кальноки выступил 13 ноября в парламенте, заявив, что, в случае появления русских войск в Болгарии, Австро-Венгрия прибегнет к решительным мерам. Несмотря на то, что Лондон и Вена подталкивали друг друга к войне, она так и не разразилась, ибо ни та, ни другая сторона не хотела первой начинать военные действия. Да и разрыв русско-болгарских межправительственных отношений вполне удовлетворил противников России. Выступления Солсбери и Кальноки преследовали цель лишь запугать Россию и заставить ее отказаться от активной политики в Болгарии.

Начало 1887 г. нанесло новый удар по политике России. Выдвинутая ею кандидатура на болгарский престол встретила энергичное противодействие западноевропейских держав. Александр III одно время делал ставку на свержение режима Стамболова путем всенародного антиправительственного восстания. Такие планы разрабатывались болгарскими офицерами — эмигрантами, создавшими в Румынии свою организацию. Общее руководство движением осуществлял дирек-

тор Азиатского департамента российского МИД И. А. Зиновьев. Пользовавшийся большой популярностью в военной и бюрократической сферах, он фрондировал против своего шефа — Гирса. Зиновьев был единственным из руководителей внешнеполитического ведомства, кто одобрял действия генерала Каульбарса и взял под свою «опеку» болгарских офицеров-эмигрантов. МИД должен был выделить им значительную сумму денег и по согласованию с военным министерством 2 тыс. ружей. Координировать действия заговорщиков поручалось чрезвычайному посланнику в Румынии. Восстания военных гарнизонов в Силистрии и Руссе в конце февраля — начале марта 1887 г. были подавлены, а их организаторы и активные участники, которым не удалось бежать, расстреляны. Александр III крайне болезненно переживал неудачу. Известие о расстреле руководителей восстания привело его в ярость, в первый момент он даже был готов пожертвовать тридцатью миллионами рублей из своих личных средств, чтобы направить войска в Болгарию. На берегах Невы наблюдалась полная растерянность.

В июле 1887 г. Великое народное собрание избрало болгарским князем немецкого принца Фердинанда Саксен-Кобурга, который сформировал новое болгарское правительство во главе с тем же Стамболовым. Династический вопрос в Болгарии разрешился, но великие державы и Турция должны были официально признать Кобурга болгарским князем. Петербург сообщил европейским кабинетам и Порте, что решительно осуждает появление Кобурга в княжестве, рассматривая его избрание и приход к власти как незаконные, и предложил направить в Софию русского регента для организации выборов нового князя. В расчетах Гирса важное место отводилось султанскому правительству. Но Абдул Хамид II, ведя переговоры с Нелидовым по урегулированию кризиса, как и раньше боялся одновременно и России, и Англии. Уайт предпринял настоятельный натиск на Порту, умело играя на страхе турок перед возможной гражданской войной в Болгарии, за которой могла последовать российская интервенция. Александр III так и не смог добиться от Абдул Хамида решений об отставке софийских властей, а позднее — об отъезде Кобурга из Болгарии.

В последние месяцы 1887 г. кризис достиг наивысшего накала, как и год назад возникла угроза общеевропейской войны. Генеральные штабы Германии и Австро-Венгрии разраба-

тывали оперативный план военных действий против России. Угроза войны была преодолена, и Гире, в очередной раз, обратился за помощью к Бисмарку. В результате трудных переговоров в Берлине и Стамбуле Россия добилась направления болгарскому правительству ноты великого визиря от 5 марта 1888 г. с уведомлением, что избрание Кобурга не получило согласия держав и его пребывание в Болгарии является незаконным и противоречит Берлинскому договору. Эта нота никого ни к чему не обязывала и никаких последствий не имела. Запад уже де-факто признал Кобурга болгарским князем.

Политика России в Болгарии потерпела провал. Она окончательно утратила позиции в политических кругах княжества, как ранее в Греции, Молдавии и Валахии (Румынии), Сербии. Балканские страны, обретя свою независимость во многом благодаря помощи России, вышли из орбиты ее влияния. Главной причиной неудачи российской политики на Балканах были ее реакционные тенденции, проявившиеся в нежелании считаться с передовыми идейно-политическими установками балканских стран, вмешательстве в их внутренние дела, методах опеки и даже диктата, что вызывало протест не только правящих кругов, но и широкой общественности. Подобные действия отпугивали прогрессивные силы этих стран, не желавшие сотрудничать с самодержавным российским режимом. В итоге вокруг политики царизма и действий его представителей создавался вакуум. Правительство России не находило опоры в общественных кругах балканских стран, те же политические группировки, которые были с ним связаны, не пользовались влиянием. Не следует сбрасывать со счетов и крайне слабые экономические позиции России на Балканах. Наоборот, сильные позиции австро-германского капитала обеспечивали преобладание немецкого влияния в Сербии, Болгарии, Румынии, а англо-французского — в Греции. Они попадали в зависимое положение. Осознание этого приводило к борьбе национальной буржуазии за сохранение и укрепление своих позиций в экономике, а со временем — и к отходу от прозападной политической ориентации. В Болгарии такой поворот произошел в середине 90-х гг., в Сербии — в начале XX в. Возникли условия для нового российско-балканского сближения.

Последнее в XIX в. обострение Восточного вопроса произошло в связи с греко-турецкой войной 1897 г. из-за Крита. Круп-

нейший остров в Восточном Средиземноморье остался во владениях султана, но Турция, вынужденная еще в 1875 г. объявить о своем государственном банкротстве, лишилась финансовой самостоятельности и продолжала катиться по наклонной плоскости зависимости от Запада. На фоне резкого усиления экономической, политической и идеологической экспансии великих держав в балкано-ближневосточном регионе наблюдалось все больше подозрительности и соперничества между балканскими странами. Балканы в начале XX в. превратились в «пороховой погреб» Европы. Окончательный распад Османской империи, уничтожение султаната в Турции и создание Турецкой Республики в 1923 г. привели к ликвидации Восточного вопроса как исторически сложившейся международной проблемы.

Страны Латинской Америки в международных отношениях

Завоевание народами Латинской Америки государственной самостоятельности в первой четверти XIX в. открыло для них возможность активно участвовать в международной жизни. С самого начала молодым латиноамериканским государствам пришлось решать во внешнеполитической области большие и сложные задачи. Им необходимо было наладить экономические и политические связи между собой и внешним миром, добиться признания завоеванной независимости со стороны бывших метрополий, получить дипломатическое признание великих держав и отстоять свой суверенитет от их посягательств. Тяжелое наследие колониального периода — экономическая отсталость и слабость в военном отношении — существенно ограничивало арсенал средств, которые находились в распоряжении дипломатии латиноамериканских стран. В этих условиях важнейшее значение приобретал вопрос: удастся ли странам региона создать прочный внешнеполитический союз, основанный на идеях латиноамериканской солидарности.

Глашатаями этих идей выступали Ф. Мирандо и С. Боливар в Венесуэле, Х. Энганья и Б. О'Хиггинс в Чили, М. Морено, Х. Сан-Мартин и Б. Монтеагудо в Аргентине, Х. Валье в Центральной Америке и другие идеологи и руководители борьбы за независимость. Несмотря на различия во взглядах, эти передовые для своего времени политические деятели выступали защитниками общенациональных интересов. Они стремились к

тому, чтобы молодые латиноамериканские государства наладили тесное сотрудничество между собой, заняли достойное место на международной арене и проводили активную внешнюю политику, руководствуясь принципами справедливости и равноправия. В Венесуэле, которая первой подняла знамя освобождения, патриотическая хунта в 1810 г. обратилась ко всем правителям Испанской Америки с призывом «внести вклад в великое дело создания испано-американской конфедерации». В том же году в Проекте декларации прав народов Чили провозглашалось: «Народы Латинской Америки не могут каждый в одиночку защищать свой суверенитет; им необходимо объединиться для обеспечения внешней безопасности перед лицом проектов Европы и в целях предотвращения войн между собой».

В 1811 г. представители Венесуэлы и Кундинамарки (провинция Колумбии) подписали первый в истории независимых латиноамериканских государств международный договор. Неустанныю борьбу за создание союза латиноамериканских стран на протяжении многих лет вел Боливар. В известном программном «Письме с Ямайки» (1815) он развивал ранее высказанные им идеи об объединении народов Испанской Америки и сформулировал предложения о созыве латиноамериканского конгресса. На исходе войны за независимость Боливар приступил к его подготовке. Конгресс состоялся в Панаме в июне-июле 1826 г. Из четырех подписанных на нем документов, важнейшим являлся договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации». Однако отсутствие прочной экономической основы для установления тесного политического сотрудничества, внутривнутриполитическая борьба, споры и военные столкновения между латиноамериканскими странами, сопротивление Англии и США достижению единства государств региона привели к тому, что решения Панамского конгресса не были претворены в жизнь. Но выдвинутые идеи латиноамериканской солидарности образовали первую общую внешнеполитическую концепцию стран региона. Эта концепция, хотя и не была официально провозглашена всеми латиноамериканскими странами, оказала большое влияние на их внешнеполитическую деятельность на протяжении всего XIX в.

После окончания войны за независимость международное положение латиноамериканских стран стало еще более сложным. На смену прогрессивным деятелям приходили военные

и гражданские диктаторы, которые проводили реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Силы молодых наций подорывала ожесточенная борьба за власть между различными слоями привилегированных классов, часто принимавшая форму междоусобных вооруженных конфликтов. Неоднократно возникала угроза целостности Аргентины, Бразилии, Колумбии и других стран. Отрицательные последствия имел также процесс политического дробления на континенте: некоторые из образовавшихся независимых государств были настолько небольшими по размерам и численности населения и слабыми в экономическом и военном отношении, что им было крайне трудно отстаивать свой суверенитет. Одновременно с этим усиливалось открытое вмешательство в дела латиноамериканских стран иностранных держав. Последние широко использовали свои форпосты в Западном полушарии в качестве опорных баз для проведения экспансионистской политики (к началу XX в. в географических границах региона, главным образом в Карибском бассейне, оставалось более 20 колониальных владений). Примерами такой политики являются захват Англией Мальвинских (Фолклендских) островов (1833) и превращение района по реки Белиз в Центральной Америке в свою колонию Британский Гондурас (1862), американо-мексиканская война (1846-1848), попытка Испании восстановить свою власть над Санто-Доминго (1861-1865), карательные экспедиции Испании против Чили и Перу (1864-1866), завоевательная авантюра Наполеона III в Мексике (1862-1867).

В условиях возраставшей внешней экспансии латиноамериканские страны неоднократно предпринимали попытки объединить силы. Мексика, больше других страдавшая от иностранной интервенции, первой на рубеже 20-30-х гг. XIX в. выступила за созыв нового латиноамериканского конгресса. Инициаторами создания в Латинской Америке оборонительного союза государств выступали также Венесуэла, Перу, Чили, Эквадор, республики Центральной Америки. Наиболее крупными из таких конгрессов или конференций, которые удалось созвать, явились два конгресса в столице Перу Лиме (декабрь 1847 — март 1848, ноябрь 1864 — март 1865) и в столице Чили Сантьяго (сентябрь 1856). Однако добиться ратификации подписанных на них документов (соглашения об оборонительном и наступательном союзе, о взаимопомощи, совместной обороне и др.) и развить первый успех обычно не удавалось. Одни

правительства были поглощены внутривластной борьбой, другие оставались в стороне ввиду острых территориальных споров с соседями, третьи опасались, что участие в латиноамериканском союзе может вовлечь их в конфликты с иностранными державами. И повсюду сказывались происки европейских и североамериканских дипломатов, следовавших испытанной стратегии «разделяй и властвуй».

Учитывая слабость собственных экономических и военных позиций, латиноамериканские государства пытались оградить свои интересы, опираясь на выдвинутую идею разработки «международного латиноамериканского права», призванного вооружить государства региона средствами международно-правовой защиты от иностранных интервенций и создать арбитражный механизм для мирного урегулирования споров между ними без участия США. С этой целью в 1888 г. в столице Уругвая Монтевидео состоялся специальный конгресс, в работе которого участвовали представители семи стран Южной Америки (позже, в 1906 г., согласно принятым на нем рекомендациям, начала работу комиссия юристов по подготовке кодекса частного и публичного международного права Западного полушария). Крупной акцией в этом направлении стала доктрина, сформулированная известным аргентинским юристом и дипломатом К. Кальво (1885). Предлогом для нее послужило решение конгресса Мексики о временном прекращении платежей по иностранным долгам (1861). Основываясь на принципах национального суверенитета и юридического равенства всех государств, доктрина Кальво провозглашала недопустимость дипломатического вмешательства, а тем более вооруженных интервенций с целью взыскания долгов с другого государства или получения возмещения за убытки, понесенные иностранными подданными. Но добиться на практике «континентальной солидарности» и обеспечить защиту от иностранных вторжений не удавалось.

Олигархические группы латифундистов и буржуазии, контролировавшие государственную власть в большинстве стран региона, во внешнеполитической области стремились не столько защищать национальные интересы своих стран, сколько обеспечить поддержку великих европейских держав. Национализм этих кругов во многих случаях носил реакционный характер. Между двумя крупнейшими государствами Южной Америки — Аргентиной и Бразилией — развернулось соперни-

чество за роль лидирующей державы. Другие страны проявляли повышенную заботу о «балансе сил» в сопредельном с ними районе континента. Нерешенные территориальные проблемы, уходящие корнями в колониальный период, и соперничество США с европейскими державами в борьбе за сферы влияния на континенте привели к возникновению серии войн между латиноамериканскими государствами: аргентино-бразильская война 1825-1828 гг., вооруженный конфликт Чили, Боливии и Перу в 1836-1838 гг., аргентино-уругвайский конфликт 1843-1851 гг., война Тройственной коалиции (Аргентина, Бразилия, Уругвай) против Парагвая в 1864-1870 гг., Вторая Тихоокеанская («Селитряная») война 1879-1883 гг., которую вела Чили с союзными Боливией и Перу. Эти войны серьезно осложняли обстановку в регионе, на многие десятилетия отравляли отношения между их участниками, создавали очаги постоянно тлеющих конфликтов.

Неспособность многих латиноамериканских государств в полной мере осуществлять на международной арене свой суверенитет объяснялся также экономическими причинами. Вовлечение латиноамериканских стран в мировой рынок после завоевания ими независимости осуществлялось в условиях экономического подчинения развитым индустриальным державам, стремившимся превратить эти страны в поставщиков дешевого минерального и аграрного сырья, зависимых от иностранных рынков сбыта. Англии и Франции удалось уже в 20-40-х гг. XIX в. навязать многим странам региона торговые договоры, открывавшие путь для завоевания внутреннего рынка Латинской Америки. Почти все латиноамериканские государства начинали свою внешнеполитическую деятельность с переговоров о получении займов в Европе с целью подправить разоренную экономику и выплатить долги, навязанные им бывшими метрополиями при признании последними их независимости. Главным кредитором в Латинской Америке выступала Англия, которая раньше других начала проникновение в экономику региона и до конца XIX в. могла считать себя здесь хозяином положения. Североамериканские дельцы, появившиеся в регионе почти на полстолетие позже британских, прежде всего стремились утвердить свое влияние в географически близких Карибском бассейне и Мексике.

В последней четверти XIX в. интеграция латиноамериканских стран в систему мирохозяйственных связей происходила

нарастающими темпами. К этому времени в Латинской Америке почти повсеместно утвердилась консервативная тенденция капиталистического развития. Ее пропагандистами выступала местная посредническая буржуазия, крупные землевладельцы и финансовая олигархия, одержавшие верх над теми кругами, которые пытались отстаивать курс на экономическую самостоятельность. Для них идеальной была экономическая модель, строившаяся на использовании «сравнительных преимуществ» латиноамериканских стран в международном капиталистическом разделении труда, основанных на богатейших природных ресурсах и дешевизне рабочей силы. В экономической политике они ориентировались на обеспечение внешних рынков для прибыльного сбыта сельскохозяйственных и минерального сырья и получение иностранных «дешевых» промышленных товаров. Уровень социально-экономического развития стран Латинской Америки намного отставал от уровня передовых государств Европы и США, и их экономика почти полностью зависела от экспорта ограниченной номенклатуры сырьевых товаров и импорта промышленной продукции. Все эти обстоятельства обуславливали слабость внешнеполитического потенциала латиноамериканских государств.

Важным фактором в межамериканских отношениях являлась латиноамериканская политика США. В Вашингтоне всегда подчеркивали, что Латинская Америка — это особая зона влияния Соединенных Штатов. В отличие от европейских держав, США добивались обеспечения стабильности в регионе, исходя из необходимости сохранения статус-кво, и наряду с продвижением своих стратегических, экономических и политических интересов внимательно заботились об упрочении своих моральных и психологических позиций на американском континенте. США оказались во много крат могущественнее, чем другие страны Америки, и это доминирующее положение стало определяющим моментом в межамериканских отношениях. Соединенные Штаты всегда исходили из того, что защита жизни и собственности американцев за границей является одной из важнейших задач дипломатии, и по мере роста экономических интересов США в странах Латинской Америки и ослабления препятствий, чинимых основными европейскими соперниками, правительство США обнаруживало все больше поводов для вмешательства в дела соседних стран. Экспансия США направлялась в латиноамериканские страны еще до до-

стижения ими государственной самостоятельности. В годы их нойн за независимость США захватили часть территорий восставших испанских колоний. Позже они отторгли у Мексики Техас, территории Калифорнии и Новой Мексики. В течении всего XIX в. в Соединенных Штатах вынашивались планы захвата о. Кубы. Под различными предлогами США направляли ограниченные военные контингенты в Мексику, Никарагуа, Колумбию, Аргентину, Чили, на Гавайские острова.

В ходе войны за независимость Латинской Америки руководители США заняли недружелюбную позицию в отношении борющихся за свободу народов Испанской Америки: рабовладельцы были напуганы революционной борьбой, которая велась так близко от Соединенных Штатов и в которой участвовали негры; купцы, занимавшиеся торговлей с Кубой и Пуэрто-Рико, стремились умиротворить испанские власти; конгрессмены готовы были пожертвовать интересами южноамериканских республик ради сохранения благоприятной атмосферы для переговоров о приобретении Флориды у Испании. Занятая Вашингтоном позиция нейтралитета, учитывая неравенство сил противоборствующих сторон, была на пользу Испании. Более того, американские корабли снабжали оружием и продовольствием роялистские крепости Гвианы, блокированные восставшими. Патриоты Испанской Америки, питавшие известные иллюзии относительно своего северного соседа, надеясь, что США окажут им действительную помощь в деле завоевания независимости, испытали горькое прозрение и выступили с резкой критикой Соединенных Штатов, осуждением эгоизма и своекорыстия североамериканской буржуазной демократии. Многие руководители и участники освободительной борьбы осознавали растущую угрозу с Севера.

Долгое время США, несмотря на обращенные к ним просьбы, воздерживались от признания южноамериканских республик, и только когда независимость восставших колоний стала неоспоримым фактом, американский конгресс принял решение об их официальном признании — в противном случае влияние и престиж Соединенных Штатов в Западном полушарии мог быть подорван, а молодые латиноамериканские страны попали бы в зависимость от политики Англии и других европейских держав. Государственные деятели, дипломаты и историки США не жалели усилий, чтобы убедить весь мир, что провозглашение в 1823 г. доктрины Монро отвратило угрозу интер-

венции Священного союза в Латинскую Америку, защитив тем самым демократические принципы государственного устройства на Американском континенте. В действительности подобной угрозы не существовало, что прекрасно понимал главный идеолог доктрины государственный секретарь Д.К. Адамс. Настоящая же цель тогдашних американских руководителей заключалась в том, чтобы заложить основы для гегемонии США на континенте.

Доктрина Монро по существу была направлена не только против европейских держав как конкурентов Соединенных Штатов в борьбе за влияние в Западном полушарии, но и против стран Латинской Америки. Провозглашая доктрину Монро, в Вашингтоне преследовали конкретную цель — нанести упреждающий удар, направленный против внешнеполитического союза латиноамериканских стран, и одновременно отмежевывались от любых совместных выступлений со своими южными соседями на международной арене, резервируя за собой право на вмешательство в их дела. Показательно, что Соединенные Штаты, хотя и получили приглашение, не приняли участие в Панамериканском конгрессе 1826 г. и отвергли предложения ряда латиноамериканских стран заключить двусторонние договоры о союзе, которые гарантировали бы поддержку США в случае внешней угрозы.

После завершения Второй буржуазной революции США усилили проникновение в Южную Америку, примером чего может служить их политика в период «Селитряной» войны. Тогда позиции Соединенных Штатов в воюющих государствах Тихоокеанского побережья были еще довольно слабыми. Объем американской торговли с этими странами был много меньше, чем объем торговли с ними Англии, Франции и Германии. У США еще не хватало сил оспаривать морское могущество Великобритании. Это вынудило государственный департамент придерживаться в южноамериканских странах политики менее грубой, чем та, которая стала нормой в странах Центральной Америки.

Дипломатия США действовала в двух направлениях: стремилась сохранить за американцами их довоенные торговые привилегии в Чили, Боливии и Перу и хотела взять на себя роль посредника, что дало бы ей преимущества перед более сильными европейскими конкурентами. В первом направлении в Вашингтоне действовали часто совместно с европейс-

кими кабинетами, которые тоже были заинтересованы в незыблемости режима привилегий для иностранцев в воюющих государствах. При этом американская дипломатия и ее европейские соперники, нередко объединяясь, вмешивались в ход военных операций и внутренние дела противоборствующих сторон. В роли посредника Соединенные Штаты действовали самостоятельно и вопреки европейской дипломатии, добивались выгод, с одной стороны, за счет воюющих стран, а с другой — за счет уменьшения влияния европейских держав. Ан- (?)-онский мирный договор (1883) закрепил за Чили завоеванные ею территории с богатыми залежами селитры и запасами гуано. Ставка США на то, что видимость их поддержки перуано-боливийских союзников, в случае победы последних, принесет американцам те плоды, на которые рассчитывали чилийцы и поддерживающие их англичане, оказалось битой. Однако неудача, которую потерпели вашингтонские политики, не обескуражила их. Авангардный дипломатический бой, данный Соединенными Штатами Англии в период «Селитряной» войны, знаменовал начало жесткой борьбы между ними в масштабе всей Южной Америки.

Война латиноамериканских стран Тихоокеанского побережья послужила удобным поводом для дипломатии США попытаться реализовать идеи панамериканизма. Вопреки утверждениям своих идеологов, панамериканизм принципиально отличался от концепции союза латиноамериканских стран С. Боливара, который выступал за совместное решение спорных проблем, поддержание мира в Западном полушарии, дискуссии на основе равноправия, был противником засилья США. С октября 1889 по апрель 1890 г. в Вашингтоне проходила первая Межамериканская конференция. Государственный секретарь Д. Блейн — главный ее организатор, прозванный «американским Бисмарком», — заявлял, что созывая конференцию, США преследует цель содействовать увеличению экспорта США в Латинскую Америку. Иначе говоря, под видом сотрудничества государств региона Соединенные Штаты стремились установить здесь экономическую гегемонию и обеспечить свою руководящую политическую роль.

Подводя итог, отметим, что, в целом, большинству государств Латинской Америки удалось сделать заметный шаг вперед в своем развитии, добиться международного признания завоеванной ими независимости и отразить покушения

иностранных держав на их суверенитет. Однако в финансово-экономическом отношении страны Южной и Центральной Америки находились в полной зависимости от иностранных государств, в первую очередь от Англии и США, что давал возможность последним оказывать воздействие на внешнеполитическую деятельность многих стран региона, а к концу XIX в. осуществлять политический контроль над ними. К этому времени Англия и США стали главными соперниками и борьбе за Латинскую Америку. Страны этого региона занимали подчиненное положение в системе международных отношений. Национальная государственность многих из них на протяжении десятилетий не реализовывалась в самостоятельных акциях на мировой арене. Показательно, что из 18 независимых государств Латинской Америки лишь Мексика была участницей первой Гаагской международной конференции и 1899 г. по проблемам ограничения вооружений и обеспечения мира, в которой приняло участие 26 государств.

§ 6

Феномен колониализма в Новой истории стран Запада

Эпоха колониализма является особым периодом истории человечества. Прологом к нему стали Великие географические открытия, начало которым были положены плаваниями Васко да Гаммы и Христофора Колумба в конце XV в. С эпохи Великих географических открытий история человечества начала впервые приобретать всемирный характер. Мир был объединен в ходе формирования системы Мирового капиталистического хозяйства (МГХ) и единого экономического пространства, в рамках которых небольшая группа государств превратилась в метрополии (государства Европы, США, позже — Япония), а подавляющее число стран мира (страны Азии, Африки, Центральной и Южной Америки) — в зависимые, т.е. колонии и полуколонии.

Собственно, колониализм как таковой не был изобретением развивающегося капитализма, также как европейские конкистадоры не были первооткрывателями феномена колонизации. В предыдущие исторические эпохи также существовали — иногда в течение многих столетий — крупные колониальные империи (египетская в XVI-XI вв. до н.э., иранская в VI-IV вв. до н.э., римская в I в. до н.э. — IV в. н.э., китайская, монгольская, османская, а также в доколумбовой Америке), управлявшиеся к тому же далеко не идиллическими методами. Основное отличие состояло в более высоком организационно-технологическом базисе европейской колонизации (опирающейся на результаты культурно-научных достижений XVI-XVIII вв. и промышленной революции), а также в ее абсолютных и относительных «размерах». Именно европейский капитализм осуществил насильственное объединение мира в рамках формирующейся системы мирового колониального хозяйства.

**Влияние колониализма
на экономическое развитие метрополий
в период первоначального накопления капитала
и промышленного переворота**

Колониальная система, связав воедино мир, одновременно разделила его на две группы стран: метрополии и колонии. На одной стороне оказалось небольшое количество капиталистических наций, на другой — подавляющее большинство народов мира. За счет последних в значительной степени происходило развитие капитализма в метрополиях.

Следует оговорить, что межконтинентальная торговля составляла в XVI-XVIII вв. незначительную часть внешнеторгового оборота как европейских, так и азиатских, центрально- и южно-американских стран. Однако помимо собственно «колониальной торговли» происходило прямое ограбление колоний, вывоз драгоценных металлов, сокровищ и рабов. По мере расширения колониальной экспансии росли доходы не только от колониальной торговли с различными частями Азии, но и от прямой эксплуатации населения (Молуккские острова, они же — острова пряностей в XVI-XVIII вв., Сурат, Мадрас, Пуркат с 1615 г., Ява в XVII-XVIII вв., Бенгалия с XVIII в. и др.). Все это оказывало существенное влияние на развитие экономической инфраструктуры в самих европейских странах, в том числе на формирование крупных портовых городских центров, развитие транспорта, страхового и банковского дела, средств связи. Колониальная экспансия превращалась и в важнейший фактор первоначального накопления капитала.

Сам процесс первоначального накопления представляет собой только одну из сторон генезиса капитализма в Европе. Насильственно разрывая связь между непосредственным производителем и средствами производства, являющуюся основой феодальной экономической модели, этот процесс вел к соединению рабочей силы и средств производства на новой капиталистической основе. Он формировал с одной стороны капитал, а с другой — массу ищущих применения рабочих рук. Иной характер носило первоначальное накопление капитала, связанное с колониальной экспансией.

Во-первых, ценности и сокровища, экспортированные колонизаторами, вывозились в метрополии и только там превращались в капитал. Для ограбленных стран это была ничем не

возмещаемая потеря, подрывавшая их хозяйства. По далеко не полным данным самой английской Ост-Индской компании, англичане за первые 100 лет своего господства в Индии (1757-1857 гг.) выкачали оттуда ценностей более чем на миллиард фунтов стерлингов. Разумеется, эти ценности добывались не столько путем незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации территорий и захвата огромных богатств, переправляемых затем в Англию. Не менее показателен пример ограбления Америки. Только в один из многих испанских портов — Севилью в 1503-1660 гг. было открыто ввезено из американских колоний 185 тонн золота и 16886 тонн серебра! Причем нелегально, по ряду данных, было ввезено намного больше. Вот они — мощные стимулы «революции цен» и развития капитализма в Европе.

Во-вторых, грандиозная экспроприация земли, произведенная колонизаторами, ни в одной из колоний не вела к развитию сельского хозяйства или возникновению промышленности. Наоборот, следствием этого стало такое увеличение феодальной эксплуатации, которое непосредственно вызывало разрушение производительных сил и гибель миллионов человек. Так, например, голод 1770 г., непосредственно вызванный налоговым хищничеством англичан, унес треть населения богатого и многолюдного Бенгала — свыше 10 млн человеческих жизней. Так же действовали и другие колонизаторы: хищничество голландцев привело к обезлюдению целых областей на Яве, вымиранию населения, бегству уцелевших в горы.

В связи со значительным расширением английского, французского и голландского плантационного хозяйства в Вест-Индии (Америке) неуклонно росла и до этого процветавшая работорговля. За сто лет, с 1680 по 1780 гг., из Африки на Антииллы и в английские северо-американские колонии было вывезено 2 млн 200 тыс. рабов. К концу XVIII в. ввоз рабов доходил до 80 тыс. ежегодно. Половина этой высокоприбыльной торговли приходилась на долю Англии, как самой сильной в это время колониальной и морской державы. Ливерпуль, а затем Бристоль и Лондон богатели на работорговле. Если в 1630 г. к ливерпульскому порту было прописано 15 невольничьих кораблей, то в 1692 г. там уже насчитывалось 132 корабля.

Крупную роль в первоначальном накоплении за счет народов Востока сыграло установление европейцами своего господства на новом морском пути из Европы в Индию, а также

товаров и источники сырья. К старым методам колониальной эксплуатации прибавились новые.

Западный колониальный капитал не стремился осуществить замену феодальных производственных отношений отношениями капиталистического порядка. Наоборот, местный феодализм не только приспособлялся к потребностям колониальной эксплуатации, но и консервировались не только феодальные, но и дофеодальные (патриархальные) пережитки в земельных отношениях, в области политического устройства, идеологии и быта.

Приспособление феодальных отношений к потребностям колониальной эксплуатации сводилось в основном к уничтожению феодально-государственной собственности на землю (там, где она была) и превращению земли в товар, который свободно продавался и покупался. Значительную часть земельного фонда захватывали сами колонизаторы.

Ряд стран Востока (Китай, Япония, Османская империя и др.), главным образом из-за жестокой конкуренции между западными державами, не стали колониями одной из них, а сохранили видимость независимости. Для их экономического закабаления и колониальной эксплуатации вырабатывались особые механизмы. Это прежде всего были так называемые «неравноправные договоры» или «капитуляции», которые навязывались с позиций силы, не обсуждались в двустороннем порядке и становились государственными обязательствами полуколониальных стран. Эти «капитуляции» были весьма разнообразными, со временем становились все более обременительными для зависимых стран, но в основном выражались в следующем: свободный ввоз иностранных товаров, облагаемых при этом минимальной пошлиной (нарушение таможенной автономии), свободный доступ иностранным купцам, предпринимателям, миссионерам и т.п. («режим экстерриториальности»), открытие иностранных консульств в столицах и крупных городах, неподсудность иностранцев местным судам, освобождение их от налогов («консульские юрисдикции»), возникновение поселений европейцев и американцев в столицах и портовых городах, не подлежавших местной юрисдикции и обладавших самоуправлением (сеттльменты). Все эти «договорные привилегии» дополнялись прямым вмешательством европейских дипломатов, финансистов и предпринимателей во внутренние дела зависимых стран.

Экономическая роль колониальной экспансии в эпоху империализма

С 70-х гг. XIX в. начался новый период развития капитализма — период перерастания «свободного» в монополистический, т. е. «империализм». Между ведущими промышленными державами развернулась острая конкурентная борьба за сферы и регионы наиболее выгодного помещения капитала, а также рынки сбыта товаров.

В последней трети XIX в. завершилась эпоха создания огромных колониальных империй, самой крупной из которых стала Британская империя, раскинувшаяся на громадных пространствах от Гонконга на Востоке и до Канады на Западе. Весь мир оказался поделенным, почти не осталось «ничейных» территорий. Великая эпоха европейской экспансии закончилась.

Завершение территориального раздела мира в последней трети XIX в. означало вместе с тем окончательное превращение колониальной системы домонополистического капитализма в колониальную систему империализма.

Главной и решающей особенностью колониальной системы империализма являлось то, что она охватила весь мир, все территории земного шара, стала неотъемлемой частью мирового капиталистического хозяйства. Колониальная система включала в себя как колонии в собственном смысле слова, т. е. страны и территории, лишенные какой бы то ни было формы самоуправления, так и полукolonии, в том или ином виде сохранившие свои традиционные системы управления. По своей социально-экономической структуре полукolonии не отличались от колоний. В условиях империализма ярко проявились тенденции к полному закабалению зависимых стран, к превращению полукolonий в колонии.

Превратив большинство стран мира в колонии и полукolonии, монополии стали выжимать огромные сверхприбыли путем жестокой эксплуатации труда сотен миллионов населения зависимых стран. Эти страны продолжали служить рынками сбыта, источниками сырья, поставляли почти даровую рабочую силу, но новой и со временем главной формой колониального порабощения стал вывоз капитала, он же превратился в одну из важнейших закономерностей существования монополистического капитализма.

Вывоз капитала в колонии и зависимые страны осуществлялся в различных формах. Широкое распространение получили кабальные займы, предоставляемые банками империалистических держав правительствам зависимых стран. В колониях, например в Индии, соглашения о займах заключали колониальные власти, а оплачивались они за счет налогов, выбиваемых из населения. Займы не только приносили высокие прибыли банкам метрополий, но и приводили к установлению финансового контроля над странами должниками. Создавалось такое положение, когда банки контролировали целые страны. Именно в их напряжении сосредоточивались главные нити экономической, а следовательно, и политической жизни страны. Банки непосредственно владели многими предприятиями, контролирующими вывоз сырья, добычу полезных ископаемых, и, как, например, в Индонезии, осуществляли опиумную и водочную монополию. В Корее японский банк выполнял роль государственного банка, он выпускал банкноты и облигации, совершал валютные и казначейские операции. Такую же роль играл в Египте так называемый «Национальный банк», активы которого находились в Лондоне. В закабалении Турции и Ирана огромную лепту внесли англо-французский «Османский банк» и английский «Шахиншахский банк» и т.п. К началу XIX в. только Англия имела 50 колониальных банков, а число отделений в различных городах превысило 5 тыс. Банки управляли не только экономикой зависимых стран, они определяли и политику их правительств.

Вывоз капитала никоим образом не ослаблял вывоза товаров. Обычно при заключении займов кредиторы оговаривали для себя наиболее выгодные условия торговли. В конце XIX в. значительно выросла роль колоний как рынков сбыта изделий фабричной промышленности метрополий, и этот же период отмечен заключением новых неравноправных договоров, подчинением таможенной политики интересам метрополий. В то же время сохраняли силу и старые капитуляции.

Монополии империалистических стран в больших масштабах скупали за бесценок или захватывали земли в колониях и полуколониях, создавая плантации необходимых им сырьевых и продовольственных культур. Так, в руках английского капитала очутилась большая часть чайных плантаций Индии, голландские монополии владели обширными плантациями в Индонезии. Экспроприация земель приобрела особо широкие

размеры в Африке. В частности, французы огнем и мечом провели колонизацию Алжира, различными махинациями им удалось захватить обширные земельные массивы в Марокко и Тунисе.

Дальнейший процесс превращения стран Азии и Африки в источники сырья для капиталистической промышленности подрывал там основы натурального хозяйства и при этом связывал эти страны с мировым рынком, насильственно втягивал в мировое капиталистическое хозяйство (МХК). Метрополии диктовали своим колониям характер и способ ведения сельского хозяйства, пересводя его на производство выгодных им культур. Многие зависимые страны стали специализироваться на выращивании одной культуры в ущерб всем остальным. Так, например, Ассам, Цейлон, Ява стали районами выращивания чая. Бенгалию англичане специализировали на производстве джута, Ирак — поставлял им ячмень, Северная Африка — оливки, Вьетнам — рис, Уганда — хлопок, Египет также превратился в хлопковое поле для английской текстильной промышленности. В то же время многие из этих стран лишились собственной продовольственной базы.

Важным объектом приложения капиталов в колониях и зависимых странах оставалось строительство железных дорог, портов, телеграфных линий, имевших огромное военно-стратегическое значение. Поэтому такое строительство, осуществлявшееся с применением почти дарового труда местного населения, служило орудием колониальной экспансии. Такую роль, например, сыграло строительство немецкими монополиями Багдадской железной дороги; только в Южно-Африканском Союзе, в бельгийских и французских колониях было проложено свыше 7 тыс. миль железных дорог. Интересам колонизаторов служил прорытый на территории Египта Суэцкий канал.

В колониях и зависимых странах создавались также иностранные промышленные предприятия, в первую очередь в добывающей промышленности. Колонизаторы интенсивно захватывали все источники сырья, уже открытые и еще неоткрытые.

С этой целью широкое распространение получили различные концессии, предоставляемые монополиям. Нередко территория концессии, недра которой можно было эксплуатировать бесконтрольно, становилась своеобразным государством

в государстве. Такой была, в частности, концессия Англо-персидской (будущей Англо-иранской) нефтяной компании в Иране. На территориях иностранных концессий в Китае державы имели свои органы власти, суды и полицию. Нефть, уголь, руды, редкие металлы, фосфаты — все переходило в руки иностранных монополий. Создавались многочисленные компании по эксплуатации недр, по разведке полезных ископаемых. Нефтяные компании захватывали основные нефтеносные районы в арабских странах, Иране, Индонезии. Иностранцы присваивали монопольное право на добычу и продажу соли в Египте, Индии, Вьетнаме, Турции. Богатейшие алмазные и золотые россыпи в Индии, африканских странах перешли в руки английских, французских и бельгийских компаний.

Иностранные компании захватывали не только внутренний рынок, но и внешнюю торговлю стран Востока. Само по себе превращение зависимой страны в страну монокультуры и в источник сырья не было столь эффективным для финансового капитала без господства в сфере экспортных и импортных операций. И каждая империалистическая держава, ввозящая капиталы, огромную их часть вкладывала в данную сферу. Анализ структуры ввоза и вывоза товаров колониальных и зависимых стран показывает громадное преобладание в экспорте сырья и в импорте фабричных товаров. Так, в Индии на грани XIX и XX вв. половину ввоза составляли английские хлопчатобумажные ткани, а три четверти вывоза — колониальное сырье и продовольствие. Египет ввозил в больших размерах хлопчатобумажные ткани и продовольствие, вывозил главным образом хлопок. На Филиппинах 90% всего вывоза составляли сахар, пенька, кокосовые орехи и табак. Этот список можно продолжать долго. Очевидным является следующее: во внешнеэкономических отношениях между метрополиями и зависимыми странами господствовала система неэквивалентного обмена. Население колоний и полукolonий подвергалось двойному ограблению.

Вся таможенная политика подчинялась метрополиям. Американцы на Филиппинах, французы во Вьетнаме, англичане в Индии и Египте устанавливали таможенные и железнодорожные тарифы, дававшие им наибольшую выгоду.

Империализм консервировал в колониях и зависимых странах феодальные пережитки. Хотя в конце XIX в. в большинстве стран Азии и некоторых странах Африки натуральное хозяй-

ство было подорвано и в деревню проникали товарно-денежные отношения, эксплуатация лишенной земли крестьянства по-прежнему носила феодальный или полуфеодальный характер. Не только свои помещики, но и монополии империалистических государств эксплуатировали крестьянство Азии и Африки полуфеодальными методами. На плантациях, принадлежащих иностранному капиталу, рабочие, по сути дела, находились на положении полурабов-полукрепостных. Стремясь сохранить колонии и зависимые страны в качестве своих аграрно-сырьевых придатков, империалистические державы поддерживали господство землевладельцев и другие пережитки средневековья. Внедрение иностранного капитала сопровождалось усилением феодальной эксплуатации крестьянства. Империалистический гнет был неразрывно связан и тесно переплетался с феодальным гнетом.

Этот далеко не полный перечень новых методов и форм эксплуатации зависимых стран привел к серьезным изменениям в социально-экономической структуре восточных обществ, в условиях их вынужденного колониально-капиталистического синтеза.

Одной из важнейших проблем развития стран Азии и Африки период колониальной системы империализма является проблема взаимодействия их традиционных укладов с западным колониальным капиталом в условиях его перехода на новую стадию. Ведь за весь предшествующий период складывания колониальных структур практически ни в одной восточной стране не зародились активные элементы колониального синтеза ни в базисных, ни в надстроечных структурах. Однако уже ранняя торговая экспансия будущих метрополий (выкачка сырья, монопольные откупа, системы принудительных культур, налоговый гнет и т.д.) подрывала, а иногда разрушала саму экономическую структуру традиционного производства в тех районах, которые оказывались колониальными владениями. Некоторые страны Востока, чтобы избежать открытой западной агрессии, сознательно отказывались от контактов с иностранцами и от активной внешнеэкономической деятельности, закрывая свои порты и страны от европейцев и американцев. Так было в Китае, Японии, Сиаме. И это, безусловно, вызывало замедление темпов трансформации старого способа производства в этих странах.

Последующие фазы колониализма были связаны с промышленным переворотом в Западной Европе и Северной Америке, но особенно с переходом капитализма к империалистической

стадии, что полностью скажется на восточных обществах, начиная с последней трети XIX в. К концу XIX в. нуждам и целям промышленных стран были подчинены целые континенты с их многомиллионным населением. Финансово-промышленные монополии изменили традиционное производство и аграрную структуру, вызывая в то же время кардинальные изменения в социальных структурах восточных стран.

Основой хозяйств стран Востока всегда было сельское хозяйство. В нем было занято более двух третей населения, и оно долго сохраняло традиционные методы и способы организации производства. Естественно, что многие важные перестройки в аграрных структурах и системе земледелия, проводимые колониальными властями с целью поощрения развития колониального хозяйства, прямо или опосредованно затрагивали весь социально-экономический и демографический комплекс колоний.

Методы формирования аграрного сектора колониальных стран были разнообразны, но все они сводились к двум основным тенденциям: первая — перевод традиционных общинно-крестьянских хозяйств на выращивание экспортных культур, создание мелкотоварного производства в экспортном секторе, а затем на базе возникающей в ходе колониального развития земельной собственности и аренды земли крупного производства помещичьего типа; вторая — насаждение крупного производства плантационного типа. Иностранное плантационное хозяйство, раньше и быстрее других модифицировалось и постепенно превращалось в современное капиталистическое предприятие. Развитие плантационного хозяйства способствовало становлению капиталистического уклада в колониях.

Первые плантации, появившиеся в XVII-XIX вв. на Молукках, позже в других районах Юго-Восточной Азии, были еще эпизодическими явлениями. Только в конце XIX в. развернулся мощный процесс по освоению новых, неиспользованных ранее земель и внедрению новых технических культур. Возникла целая система плантационного хозяйства в Индии, Индонезии, Бирме, Египте, Малайе, на Шри-Ланке, Филиппинах и в других странах. Под плантации отводились огромные земельные массивы, расчищенные от джунглей, осушенные от болот или обводненные при помощи оросительных систем, включавших сложные инженерно-строительные сооружения — дамбы, плотины, каналы, насосные станции и т.д. Плантации обрас-

тали инфраструктурой: железными и шоссейными дорогами, складскими помещениями, жилыми строениями для рабочих и впоследствии современными предприятиями по первичной переработке продукции.

Появление подобных комплексов представляло собой как бы прямое импортное капитализма в восточные страны. Строительство и содержание крупных плантационных хозяйств базировалось на использовании как современных технических средств и кадров, так и значительных масс низкооплачиваемого ручного труда — законтрактованных кули, плантационных и подсобных рабочих и местного населения (вчерашних крестьян-арендаторов, лишившихся традиционных занятий и средств существования). Иными словами, в конце XIX в. зарождается, а в первой половине XX в. уже активно действует колониально-капиталистический синтез — своеобразное колониальное разделение труда в рамках системы метрополии — зависимых стран.

Выше говорилось о насильственном приспособлении сельского хозяйства колоний к экспортным нуждам метрополий. Но особо следует отметить, что в зависимых странах с этого времени стали производить в больших количествах экспортные культуры, которые прежде здесь вообще не возделывались: чай в Индии, кофе в Индонезии, каучуковые практически во всех странах Южной и Юго-Восточной Азии. Увеличилось во много раз и производство ряда местных растений, таких, как хлопчатник, джут, сахарный тростник, табак, кокосовая и масличная пальма, виноград, цитрусовые и другие, также предназначенные на экспорт. В некоторых странах Востока, например в Египте, земельные компании организовывали многоотраслевое хозяйство, специализируясь на производстве фруктов, овощей, хлопчатника, а дополнительно выращивали зерновые, кормовые травы, тут же создавали крупные животноводческие фермы, строили заводы по переработке своей продукции. В Алжире, благодаря широкому притоку населения из Европы, доминирующим стало крупнокапиталистическое и высокодоходное хозяйство, ориентированное на рынок метрополии.

При организации плантационных хозяйств у акционерных обществ и частных лиц возникали немалые трудности в связи с наймом рабочих. Массовый рынок рабочей силы и лиц наемного труда в странах Востока только начинал формироваться, и поэтому обычно на плантациях были заняты законтракто-

ванные рабочие, сезонники-мигранты из менее развитых районов или сопредельных стран (например, из Китая и Индии в странах Юго-Восточной Азии).

Администрация плантаций, если это были крупные хозяйства, основанные акционерным капиталом, или владельцы средних и мелких плантаций все дела и расчеты вели не с самими рабочими, а с главными вербовщиками, с которыми оформляли договоры на поставку кули. Кули, подписав контракт и получив аванс, попадал к вербовщику в кабальную зависимость до истечения срока договора (формально система контрактации кули была отменена лишь в конце 20-х г. XX в., но фактически продолжала действовать и позже).

Хотя основная деятельность плантационного хозяйства и была направлена на производство только товарной продукции, на первых порах оно не было ни чисто капиталистическим, ни интегральной частью местной (национальной) экономики. Рабочих на плантациях по многим показателям еще нельзя рассматривать как лиц свободного найма, а продукция целиком вывозилась в метрополию, поначалу даже не подвергаясь первичной обработке. Но в целом иностранным земельным компаниям было легче организовать хозяйство на капиталистической основе, нежели местным крупным и средним землевладельцам, которые и земель-то все еще обладали на условиях добуржуазного права, а эксплуатация крестьян и арендная плата сохраняли в своей основе полуфеодалные черты.

Последствия воздействия капиталистического Запада на традиционную промышленность Востока и соответственно возникший синтез традиционного и современного в городской экономике и несельскохозяйственных отраслях были противоречивы и неоднозначны. Промышленный переворот в Западной Европе начался с текстильного производства. Именно импорт дешевых фабричных изделий этой отрасли промышленности в восточные страны вызвал там сокращение общего объема кустарного хлопчатобумажного производства. Сначала разрушению подверглось прядение, так как наплыв машинной пряжи сделал этот промысел невыгодным и неконкурентоспособным. Ввозилась импортная пряжа западного фабричного производства и крестьяне забрасывали собственный ручной прядильный промысел.

Этот первый своеобразный синтез в промышленном производстве просуществовал в течение длительного периода коло-

ниальной зависимости и продолжал проявляться и в течении всего рассматриваемого периода (и позже). Положение, когда мелкие производители использовали пряжу не домашнего производства, а фабричную, поставляемую капиталистическими предприятиями (первоначально из метрополий, а затем фабриками), стало губительным сначала для домашнего прядения, а затем для ручного ткачества. Появившиеся местные текстильные фабрики постепенно вытесняли ткачей-ремесленников. Наиболее очевидным этот процесс был в Индии, где на рубеже XIX и XX вв. фабрики, на которых работало примерно 8% общего числа занятых производством хлопчатобумажных тканей, давали более половины выпускаемой в стране продукции этого рода.

Разумеется, подобные процессы не стали всеобщим явлением, как это было в классической колониальной стране — Индии. Там наряду с разрушением ремесленного хлопчатобумажного производства еще во второй половине XIX в. возникли первые местные мастерские по производству пряжи и хлопчатобумажных тканей. Основателями этих предприятий были как местные купцы, нажившие капиталы на торговле опиумом и хлопком, так и английские капиталисты. Первоначально фабричная продукция, особенно пряжа, поступала в Китай, однако с конца XIX в. она стала поступать и на внутренние рынки Индии, но уже в виде готовых тканей.

Возникновение и развитие иностранного сектора экономики, включавшее созданные зарубежным капиталом промышленные, горнодобывающие, транспортные, банковские, коммунальные предприятия, знаменовали становление колониально-капиталистического синтеза в несельскохозяйственных отраслях производства. Пересаженные на восточную почву развитые капиталистические отношения, опирающиеся на машинную индустрию, испытывали на себе серьезное воздействие традиционных социальных и экономических структур и в то же время сами оказывали на них намного большее, нежели внешняя торговля и экспортное земледелие, трансформирующее влияние. Эти отношения стали мощным стимулом роста национального частного промышленного предпринимательства. На Востоке на месте прежде монолитной единообразной докапиталистической структуры стала формироваться многоукладная система: рядом с количественно преобладавшим традиционным способом производства появились элементы капиталистического уклада, со-

стоявшего из двух разновидностей — современного машинного (современный капитализм) и национального (первоначально в основном мануфактурно-раздаточный капитализм).

Достаточно интенсивно проходило и складывание многообразной промежуточной среды между современными и традиционными социально-экономическими типами хозяйства. Синтез в промышленности и других отраслях хозяйства, коренящийся в самой невозможности быстрого и широкого преобразования старых и низших форм производства, с конца XIX в. превращается в ведущее направление колониально-капиталистического и зависимого развития.

Новые виды производства, отрасли хозяйства и особенно система машин на Востоке в отличие от Запада стали осваиваться в «обратной последовательности». Если в странах Западной Европы и Северной Америки система машин первоначально стала применяться в промышленности, то в странах Востока — на транспорте. Паровое судоходство, железные дороги и телеграф стали теми первыми системами машин, которые узнали жители колониальных и зависимых стран. Такая последовательность определялась как особенностями развития колониальной независимой периферии, так и экономическими и военно-политическими потребностями метрополий. На Западе, начиная с Англии, появление усовершенствованных текстильных станков способствовало развитию отраслей хозяйства, связанных с металлургической и металлообрабатывающей промышленностью, а затем и машиностроения, что в конце концов привело к техническому перевооружению и переоборудованию всей экономики.

Системы машин и та последовательность, в которой они появлялись на Востоке, не влекли за собой глубоких перестроек в структуре доминирующего количественно ремесленно-дофабричного и даже домануфактурного производства и не могли вызвать немедленную замену домашнего производства фабрично-заводской промышленностью. Традиционная раннемануфактурная стадия не была подготовлена к внедрению иностранных производственных и технических форм, их освоению, восприятию и применению. Машинное производство на Востоке не было продуктом самостоятельного (как на Западе), внутреннего и последовательного развития. Фабричные формы в готовом виде пересаживались извне. Машинное производство, первыми представителями которого оказывались иностранные или местные, но работавшие на импортном оборудовании фабрики, наслаивалось на ремесленное и раннемануфактурное

производство, причем последнее в таких странах, как Индия, Китай, Египет еще не окрепло, а в других — Вьетнаме, Бирме и т.д. — и не развивалось.

Таким образом, в последней трети XIX в. начинался процесс, развитие которого наиболее ярко обозначилось в XX в. Это взаимодействие и взаимосвязь, впоследствии и синтез современного, колониального и традиционного. Этот синтез был не везде перспективным и успешным. Современное появлялось и распространялось, подчиняя, вытесняя традиционное или сосуществуя с ним, прежде всего в крупных городах или специальных европейских поселениях, осуществлявших связи (промышленные, торговые, административные и т.п.) с метрополией, а также на побережье, где развивалась промышленность, инфраструктура и экспортное земледелие. Традиционное из-за ограниченных контактов с привнесённым современным удерживалось, а порой «замыкалось» во внутренних глубинных районах, мало связанных с территориями, подвергнутыми трансформации. В этих отдаленных районах и провинциях доминировали традиционное производство, прежний образ жизни, старые системы образования, социальных отношений, ценностей, управления. Традиционное и современное как бы имели свои своеобразные территориально-географические, экономические и социальные границы в воспроизводстве общественной жизни.

Колониализм и динамика социального развития стран Запада и Востока в Новое время

Колониализм, как следствие Великих географических открытий, одновременно возникал как на Востоке, так и в Латинской Америке. Однако сама система складывающихся колониальных отношений, как и облик колониализма, определялись особенностями эксплуатации стран Азии и Африки. Именно там располагались основные богатства мира и подавляющее большинство его населения.

Вопреки широко распространенному мнению об известной «отсталости» Востока и «авангардной» роли Запада на рубеже Нового времени положение было иным. К началу XVI в. на Востоке проживало 288 млн человек или 68% всех жителей

Земли в то время. Именно на Восток вплоть до конца XVII в. приходилось около 77% промышленного (т. е. в соответствии с канонами эпохи мануфактурно-ремесленного) производства.

В 1500 г. в мире был 31 крупный город с населением свыше 100 тыс. человек. Из них 25 находились на Востоке и лишь 4 — в Европе. Вплоть до начала XIX в. Европа импортировала из стран Востока многие товары высокого качества, особенно ткани, шелк, ювелирные изделия и прочую готовую продукцию, медикаменты, пряности, кофе, чай, сахар. Даже в 1875 г. доля горожан на Востоке была выше, чем на Западе.

Европейцев восхищали в XVI-XVII вв. изобилие, роскошь и могущество Востока, а сама Европа казалась им тогда гораздо более бедной и отсталой частью света. Особенно низок был уровень материального производства, прежде всего промышленного. Всего на Европу (без России) тогда приходилось 16% всего населения Земли (68 млн человек) и 18% мирового промышленного производства.

Лишь на юге Европы, в связанных с Востоком странах Средиземноморья, экономическое и социальное положение было намного лучше, особенно таких итальянских городов-республик, как Венеция, Генуя, Флоренция, Пиза, Амальфи, Ливорно, в значительной мере благодаря постоянной торговле, хозяйственным, культурным и прочим связям с Ближним Востоком и Северной Африкой. К тому же с раннего Средневековья, особенно с эпохи крестовых походов, с Средиземноморских странах Европы жили представители народов Востока. Это были колонии мусульманских купцов в Неаполе и Марселе, военнопленные, занятые на различных работах, например, в Провансе, арабские врачи, ювелиры, ремесленники, архитекторы. Кроме того, это могли быть наемники и рабы. Работоторговля долго процветала в Европе, особенно в зоне Средиземноморья. В частности в Италии почти не было зажиточного семейства, не имевшего в услужении рабов и рабынь с Востока в XVI-XVII вв. Среди рабов в Европе преобладали арабы, турки, славяне, греки.

К XVI в. Восток и Запад подошли в состоянии перманентной конфронтации. Начавшееся еще в VIII-IX вв. противоборство ислама и христианства приняло характер военно-религиозной борьбы между цивилизациями, особенно в районе Средиземноморья. Крестовые походы XI-XIII вв., познакомив Европу с мусульманским Востоком, его культурными и прочими цен-

ностями, парадоксальным образом усилили эту борьбу. Однако главной причиной этого были не цивилизационные, а иные различия. На первом месте было все же не идеологическое соперничество двух мировых религий (что, впрочем, являлось естественным для органичной в Средние века религиозности сознания людей), а многократно усилившееся экономическое и политическое соперничество.

Дополнительным фактором взаимной вражды было пиратство, опустошавшее побережье целых стран, подрывавшее цветущие города, внедрявшее самые безжалостные формы заложничества и работорговли. Притом вопреки утвердившемуся среди европейцев мнению, инициатива в этом принадлежала отнюдь не мусульманам. Арабы долгое время были слабы на море и, лишь научившись многому у норманнов и византийцев, развернули пиратство в XI в. Но тогда же этим промыслом занялись Греция, Венеция, Каталония, мальтийские рыцари, контролировавшие центральную зону Средиземноморья и другие европейцы.

Великие географические открытия (наряду с иммунными факторами развития, наметившемуся в XVII-XVIII вв.) способствовали ослаблению ряда восточных деспотий. Они способствовали, с одной стороны, перемещению торговых путей и центров на берега Атлантики, что обрекло на подрыв и запустение караванные и морские пути. С другой — «революции цен», связанной с наплывом золота и серебра из колоний, захваченных европейцами в Америке и Африке. В предыдущем разделе приводилась в пример Севилья, куда в 1503-1560 гг. было открыто ввезено из американских колоний 185 тонн золота и 16866 тонн серебра. Причем нелегально, по ряду данных, было ввезено намного больше.

«Революция цен» вследствие притока золота и серебра оказала огромное воздействие и на Европу, и на Восток. Но там, где было развито товарное производство (в первую очередь в Англии и Нидерландах) это лишь обогатило производителей, чья продукция стала намного дороже. Иными словами, был дан очередной толчок росту капитализма и разложению феодализма, так как в массовом порядке разорялись те, кто преимущественно покупал, а не производил, т. е. дворянство и феодалы, бюрократия и военные. По иронии судьбы именно потери Испании от «революции цен» были в Европе наиболее значительными. Но наиболее негативными были последствия это-

го на Востоке. В Османской империи, особенно тесно соприкасавшейся с Европой в XVI-XVII вв. цены выросли примерно в 6 раз, в Индии в XVIII в. — на 50% и т.п. Таким образом, одно из последствий Великих географических открытий — «революция цен» — способствовала общему изменению соотношения сил между странами Азии и Африки и Европой.

Таким образом, складывание колониальной системы во многом способствовало ускорению социального развития западного общества и относительному замедлению динамики развития стран Востока. Однако проблема «опережающих темпов развития» Запада не может рассматриваться вне конкретного исторического контекста. Совершенно необоснованно объяснять отличие динамики развития Востока и Запада в Новое время с точки зрения «превосходства» западной цивилизации над восточной. Первые крупные цивилизационные центры появились именно на Востоке и, что вплоть до позднего средневековья Восток значительно превосходил Запад по многим параметрам общественного развития. Уже в VIII-X вв. арабо-исламская цивилизация, полная сил и энергии, ворвавшись в авангард мирового развития, победила раннефеодальную Европу, более слабую экономически и политически, с еще не оформившимися социальными институтами и отношениями, находившимися в процессе становления.

Эпоха крестовых походов XI-XIII вв. стала своего рода периодом равновесия сил между Востоком и Западом. В это время все еще сохранялось преимущество Востока и ярко выраженная зависть европейцев в отношении мусульманских богатств и условий жизни. Например, Джон Уиклиф, чья деятельность приходилась на вторую половину XIV в., писал, что Европа взирает на мусульманский Восток, как в самой Европе низшие сословия на высшие: с завистью, негодованием и надеждой поживиться за их счет. В общем и целом еще сохранялась большая эффективность, организованность, «культурность» восточного феодализма по сравнению с западным. К XVI в. это преобладание было утрачено, а сама отлаженность, монолитность и большая устойчивость феодализма на Востоке превратилась в препятствие его дальнейшему развитию, а главное, потенциальному преобразованию. Сдерживалось развитие капиталистических элементов в недрах феодального общества, и возрастали кризисные явления. В то же время на Западе феодализм эволюционизировал, а кое-где уже изживался, открывая путь более динамичному об-

ществу. В дальнейшем западная цивилизация, более молодая, стремившаяся к экспансии и нуждавшаяся в ней, победила богатый и, главное, самодостаточный Восток.

Итак, ни в социально-экономическом, ни в каком-либо другом аспекте было бы неправильно объяснять опережающий темп развития Запада (и как постепенный процесс XVI-XIX вв., и как явление наших дней) каким-то одним фактором: качеством той или иной цивилизации и такими ее «важнейшими» составляющими, как «динамизм и свобода» западного человека; тем, что он являлся «самостоятельным и независимым индивидом, обладавшим личными правами и привилегиями», к тому же проникнутого идеей «христианской богочеловечности и бесконечного самосовершенствования». Не так уж свободен и самостоятелен был человек на Западе в XVI-XVII вв., в эпоху его полного подчинения церкви, сеньору, монарху. Конечно, у дворянства были «личные права и привилегии», но никакому особому социальному «динамизму» они не способствовали, так как понимались именно как право не работать, не заниматься «презренным» сельским или ремесленным трудом, каковой оставался печальной «привилегией» бесправного большинства. Притом, это большинство никаким стимулом, кроме страха умереть с голоду или, в лучшем случае, бескорыстного побуждения к творчеству, к данному труду не поощрялось.

Что же касается наиболее просвещенной части дворянства и других слоев общества, которые иногда и в средние века вспоминали о естественных для человека правах и свободе, то они даже в XVI-XVII вв. обычно терпели поражение в борьбе с господством духовенства, незыблемой феодальной иерархией и властью короля, а также — религиозным фанатизмом невежественной черни, заменявшим в те времена общественное мнение. Пытки, казни, суды и костры инквизиции тогда определяли лицо Европы. Возможно, лишь в некоторой степени исключениями являлись Голландия и Англия, превратившиеся в XVI-XVII вв. в оплоты протестантизма, протестантской этики и постепенно внедрявшихся в местное общество экономических и, в меньшей степени, прочих свобод. Но не стоит забывать о том, что и у протестантов в то время суды, костры и расправы с инакомыслящими были обычным делом, а религиозный фанатизм совершенно подавлял свободу личности.

Иными словами, не представляется верным объяснять уход Запада в отрыв и отставание Востока каким-то особым «дина-

мизмом», самостоятельностью и индивидуализмом «человека Запада». Вплоть до XVIII-XIX вв. (в зависимости от степени развития европейских обществ) человек западного общества был зависим от церкви, местной общины (сельской или городской), власти монарха, своего положения в структуре общества и определяемой всем этим собственной ментальности. В данном случае имеет место неоправданная «модернизация» исторической реальности, перенесение на ситуацию XVI-XVIII вв. того, что не было фактором эволюции XVI-XIX вв., а само явилось результатом, итогом этой эволюции.

Безусловно, сравнительно более высокий уровень материального благосостояния Востока не побуждал его жителей так заботиться о производстве и его всемирном развитии, как жителей Европы, находившейся, как уже отмечалось, в худшем положении. Поэтому-то, даже весьма ценные изобретения, бывшие достоянием Востока, европейцами были использованы более рационально и действенно: бумагу, когда-то изобретенную в Китае, Европа, наладив ее производство у себя (с помощью арабов в Испании XII в.), с XV в. уже экспортировало на Восток. То же самое произошло с сирийским стеклом и оружием (знаменитую дамасскую сталь лучше сумели делать в Толедо), с китайским порохом, компасом, персидскими тканями. Изобретенные в Китае и впервые примененные в XIII в. монголами пушки уже в XVI в. применялись европейцами (португальцами) против тех же китайцев, став при этом значительно совершеннее.

Западный человек, создавший колониальную систему, становится более динамичным, активным и лучше вооруженным, чем человек Востока, не благодаря свободе личности, о которой тогда приходилось лишь мечтать, а ввиду постоянного страха перед нашествием с Востока. Европа долго помнила гуннов, ужас, внушаемый ордами Чингизидов и Тимура, арабское завоевание Пиренейского полуострова, юга Франции, Италии, Кипра, Крита, Мальты, Сардинии и Корсики в VII-XI вв., а после XI в. — постоянную, вплоть до XVIII в. угрозу корсарства и экспансии Османской империи. Войны и крестовые походы приносили европейцам потерь и неудач больше, чем добычи и преимуществ. Не случайно и то обстоятельство. Что первыми колонизаторами явились на Востоке португальцы и испанцы, т.е. те европейцы, которым пришлось отстаивать свою независимость и государственность в многовековой борьбе с мусуль-

манами. Освободившись от последних они по инерции продолжили борьбу уже вне Европы, стремясь не только закрепить победу, но и реализовать накопленный за века сражений боевой, технический и духовный потенциал.

Таким образом, в XVI-XIX вв. происходило постепенное ослабление Востока, но не абсолютное, а относительное, как следствие определенной самоуспокоенности и довольства собой, своими порядками, которые жители Востока считали в большинстве случаев идеальными (а власти и духовенство всячески их в этом заверяли), так и по причине воздействия внешних факторов — упадка торговли почти всех стран Востока ввиду перемещения торговых путей в Атлантику в XV-XVI вв.; «революции цен» и инфляции вследствие серебряной интервенции; обеднения государства почти всюду, как в связи с уменьшением стимула к производству и сокращением налоговых поступлений от него, так и в связи с падением доходов от завоеваний (с рубежа XVII-XVIII вв. Восток стал регулярно терпеть поражения в войнах с Западом). В результате постепенно сложились благоприятные условия для военной, политической и экономической экспансии Запада, что и привело к колониальному закабалению Востока.

Необходимо отметить и еще один аспект проблемы. Колониализм как исторический феномен обычно воспринимается резко негативно. Между тем именно за счет колонизации ближних окраин, а иногда и дальних заморских территорий и период Новой истории, и в более древние эпохи шел процесс взаимовлияния, взаимообогащения культур, что вносило немалый вклад в развитие всего человечества.

Основные модели колониализма

Колониализм в широком смысле слова — это важное явление всемирно исторического значения, включавшее в себя хозяйственное освоение пустыющих либо слабозаселенных земель, оседание на заморских территориях мигрантов, которые приносили с собой привычную для них организацию общества, труда и быта и вступали в сложные отношения с местным населением, находившимся, как правило, на более низкой ступени развития. В каждом случае складывалась конкретная ситуация, очень часто зависящая от уникального стечения об-

стоятельств. Но при всей их субъективности проявились и некоторые общие закономерности, позволяющие свести феномен колониализма к нескольким основным вариантам.

Один из них — постепенное освоение отдаленных чужих, но пустующих либо слабозаселенных земель поселенцами-колонистами. Местное население при этом обычно оттеснялось на окраинные и худшие земли, где оно постепенно вымирало, частично истреблялось и ассимилировалось. Так были освоены и заселены Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия. В какой-то степени этот механизм был апробирован и в южно-африканских республиках буров. На этих землях со временем возникали государственные образования по европейской модели — той самой, что была перенесена европейцами-мигрантами как единственно для них возможная.

Еще один вариант — миграция новопоселенцев в районы со значительным местным населением, находившимся на ранних стадиях государственности и в рамках развивавшихся социально-политических структур и цивилизационных традиций. Однако, как правило, такие традиции, часто являясь многовековыми, оказывались непрочными и локально ограниченными, что в немалой степени объясняет ту легкость, с которой их слабые ростки были уничтожены колонизаторами.

Наиболее ярким «примером» колонизации данного типа являлись общества Южной и Центральной Америки. Там колонизация привела к другим результатам, чем, например, в Австралии или Северной Америке. Не слишком большое процентное отношение переселенцев из Европы (испанцев и португальцев) по сравнению с местными индейцами, ввезенными африканскими неграми (как результат преобладание мулатов и метисов) иные традиции, низкий уровень исходной точки развития привели к тому, что сложившиеся в Латинской Америке формы социальных отношений оказались гибридными. Второй вариант колонизации не вел к быстрому развитию колонии. Испанские и португальские колонизаторы сами были выходцами из феодальных обществ, и синтез феодального католицизма с традиционными индейскими формами не способствовал энергичным формам развития, появлению передовых форм производства и т.п. Но все же этот вариант содержал потенциал для некоторого прогресса за счет наличия пусть небольшой, но все же существовавшей и игравшей свою роль доли европейской частнопредпринимательской традиции.

Следующий, третий вариант — колонизация районов с неблагоприятными для европейцев условиями обитания. В этих нередких случаях местное население независимо от его численности было преобладающим. Европейцы оказывались лишь малочисленным компонентом, как то имело место повсюду в Африке, в некоторых (немногочисленных) регионах Азии (например, Индонезии), Океании. Эти регионы отличались слабостью, а то и полным отсутствием политической администрации и государственности. Это открывало широкие возможности колонизаторам легко и с минимальными потерями не только укрепиться на чужих землях, создавая системы форпостов, портов, торговых колоний и кварталов, но и захватить всю местную торговлю. В некоторых случаях под контроль колонизаторов очень быстро попадало также практически все хозяйство прилегающих районов, что позволяло навязать регионам или целым странам свою волю, свой принцип рыночных связей, используя систему неравноправных договоров. Со временем такая форма колониализма перерастала в иную — форму политического господства.

Последний, четвертый вариант, оказался наиболее типичным для большинства стран Востока. Это те случаи, когда колонизаторы попадали в страны с развитой многовековой структурой и богатой традицией государственности. В создании будущей модели и механизма колониального владычества большую роль сыграли различные обстоятельства: и представление европейцев о богатстве той или иной страны, и степень развития капитализма в будущей метрополии, и характер кризисных явлений, включая политическую раздробленность в будущей колонии. Но пока те или иные страны, испытавшие на себе данный вариант колониализма, еще не стали политически подчиненными метрополии (это произойдет, в основном, лишь в XIX в.), характерным для них следует считать следующее: колонизаторы в таких странах являлись меньшинством, которое действовало в условиях достаточно развитого колониального общества, управляемого местными правителями и живущего по собственным законам.

В рамках данного варианта колонизаторы не могли ни создать структуру по европейской модели (как в первом варианте), ни создать смешанную (гибридную) структуру (как во втором), ни просто доминировать, благодаря своей мощи и направлять целиком по желаемому пути жизнь отсталого местного населения, как то было в Африке, на «Островах Пряностей» и

т.п. (вариант третий). Здесь можно было лишь активно развивать торговлю и за счет неэквивалентного рыночного обмена получать выгоду. Но при этом, что весьма существенно, европейцы, за редкими исключениями, должны были платить наличными, золотом и серебром. Хотя в качестве платы принималось также европейское оружие и некоторые другие товары, восточный рынок, тем не менее, не нуждался в том, что европейцы до XIX в. могли ему предложить. Вот здесь то и начали действовать механизмы насильственного проникновения в страну (капитуляции и др.), способствовавшие захвату внутреннего рынка, установлению экономического диктата, принявшего со временем также и политическое оформление.

Стадии и методы колониальной экспансии

Начальный этап истории колониализма связан с испано-португальской экспансией. Еще в позднее Средневековье в 1415 г. португальцы захватили Сеуту на северном побережье Марокко, превратив ее в плацдарм для последующих завоеваний. В течение последующего столетия в ходе непрерывных войн были захвачены основные города и порты (Эль-Ксар Эс-Сегир в 1458 г., Анфу в 1468 г., Арсила и Танжер в 1471 г., Агадир и Сафи в 1505 г. и 1507 г.) севера страны, после чего с падением в 1514 г. Мазагана их власть распространилась практически на все побережье Марокко (кроме Рабата и Сале). Несколько позже Португалией были захвачены обширные территории в Африке, Южной Америке и Юго-Восточной Азии. Власть португальцев в Марокко была ослаблена, а потом и сошла на нет после 1578 г., когда под Эль-Ксар Эль-Кебиром погибла почти вся португальская армия вместе с королем Себастьяном. К тому же с 1580 г. по 1640 г. Португалия оказалась в составе Испанской империи. Ослабленная испанцами, борьбой с населением завоеванных стран Португалия не смогла противостоять натиску новых колониальных держав — Англии и Нидерландов. Однако многие крепости и опорные пункты по-прежнему обеспечивали португальское господство в Бразилии, Африке (Восточное побережье), Индии (порты Дну, Даман и Гоа), Макао в Китае (вплоть до второй половины XX в.).

Испанцы больше преуспели в Америке, чем на Востоке, где их либо опередили португальцы, либо им пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением. Поскольку путь на Восток

вокруг Африки был захвачен с XV в. португальцами, корабли Испании, колониальная экспансия которой началась несколько позже — с конца XV в., двинулись на запад через Атлантический и Тихий океаны. После путешествия Магеллана линия разграничения испанских и португальских владений в Тихом океане (Сарагосский договор 1529 г.) прошла на 17° восточнее Молуккских островов, и в 1534 г. испанцы ушли с «Островов Пряностей», где у них был спорный пункт на о. Тидоре. Единственным владением Испании в Азии оказались Филиппины, где в 60-70-х гг. XVI в. она захватила о. Лусон, Палаван, Миндоро, северную часть о. Минданао и Висайские острова.

Говоря о характере, значении и результатах деятельности португальских и испанских колонизаторов в XIV-XVII вв. необходимо отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, первые колониальные захваты совершались италийцами Испании и Португалии, а финансировали экспедиции купцы Фландрии и Брабанта; конкистадоров толкали за моря и океаны жажда наживы или дух приключений, но потребность в золоте возрастала в Европе в гигантских масштабах именно благодаря развитию рыночных отношений, требовавших все более значительных средств обмена. Именно тем, что колониальная экспансия (даже осуществлявшаяся сначала самими «феодальными» странами Европы — Испанией и Португалией) отвечала потребностям развивающегося капитализма (в отличие от эпохи крестовых походов, морской экспансии арабов и китайцев) объясняется та особенность этого движения, что оно, развиваясь вместе с капитализмом, становилось всеохватывающим, неся все более глубокие последствия для колонизаторов и колонизируемых. Испания и Португалия, не будучи капиталистическими странами, предпринимали заморские завоевания, не предполагая, что плодами их побед со временем воспользуются их европейские соперники с более развитыми буржуазными отношениями.

Во-вторых, как уже отмечалось, пионеры колониальных захватов зарождающегося капитализма — Испания и Португалия — в рассматриваемый период еще оставались феодальными государствами. Сильная королевская власть играла решающую роль в управлении колоний. Их колониализм был по преимуществу торговым, причем основные доходы добывались за счет внутренней торговли восточных стран. Для этой стадии

колониализма было характерно стремление установить торговые монополии (португальцы — на путях в Африку и Азию, испанцы — в Центральной и Южной Америке), а также открытое вооруженное насилие, прямой грабеж захваченных территорий, религиозный фанатизм, работорговля.

Испания и Португалия проложили дорогу европейской колониальной экспансии, однако их плодами воспользовались (как уже говорилось) их соперники — Нидерланды и Англия. К ним с конца XVI — начала XVII в. перешла ведущая роль в европейской колониальной экспансии. Именно тогда было положено начало развитию ранних форм непосредственно капиталистического колониализма.

С начала XVII в. ведущей колониальной державой стала Голландия. Именно голландцы создали колониальную систему торгового капитала, чему, в частности, способствовало учреждение в 1602 г. Голландской (Нидерландской) Ост-Индской компании. В 1602 г. торговые палаты шести городов — Амстердама, Мидлбурга, Делфта, Роттердама, Хоорна и Энкхьюзена — предоставили свой капитал Ост-Индской компании. Это была первая компания-монополия, получившая в своей стране исключительное право торговли и мореходства практически во всем афро-азиатском регионе: внутренняя конкуренция внутри страны с этой компанией запрещалась. Ее будущая сфера деятельности изначально определялась широкими и монопольными полномочиями: содержать свои войска, объявлять войну и заключать мир, чеканить монету, строить крепости и фактории. Эта компания действовала эффективнее португальцев и вскоре вытеснила их из главных зон — Индонезии, Цейлона, Тайваня, ряда островов Индийского и Тихого океанов.

По образцу, а часто и при поддержке голландцев, возникали Ост-Индские компании Швеции, Дании, Курляндии и т.д.

Образ действий голландских капиталистов широко использовали англичане и французы. Английский колониализм начинал развиваться практически одновременно с Голландским. В Англии также были созданы компании — монополии Ост-Индская (1600 г.), Вест-Индская и Левантийская. Вначале англичане активнее работали на Западе, в Вест-Индии. Двор и знать совместно с купцами из Сити снаряжали пиратские экспедиции, нападавшие на испанские суда, а затем способствовали созданию баз для действий против испанских колоний в Америке. Тогда же стали возникать первые английские коло-

нии в Северной Америке: Ньюфаундленд, Вирджиния, Британский Гондурас, Бермуды.

Со второй половины XVII в. Англия стала постепенно наращивать свое военное могущество на море и на суше. Тогда же большее внимание стало уделяться колонизации Востока. Английская Ост-Индская компания сумела закрепиться в начале путем создания отдельных факторий на Молуккских островах, Сулавессе, Яве, Суматре, в Индии и Сиане. Очень скоро конкуренция с более прочно обосновавшимися в Юго-Восточной Азии голландцами привела к войне между соперничающими компаниями.

Первоначально перевес был на стороне голландцев. В 1619 г. голландский флот в нескольких сражениях разгромил английский в Сиамском заливе, а в начале 1620-х гг. англичане были вытеснены с Молукк. Потеряв позиции в Юго-Восточной Азии Английская Ост-Индская компания сосредоточила внимание на Индии. Им удалось добиться торговых привилегий в Могольской империи и основать ряд торговых факторий на территориях Сурата, Масулипатана, Мадраса и Пуликата.

Положение стало меняться со второй половины XVII в., когда начались торговые войны, заполнившие историю колониализма вплоть до конца XVIII в. Англия постепенно сумела отобрать у Голландии почти все ее колонии в Азии и проникнуть в главную из них — Индонезию. В трех англо-голландских войнах колониальное и морское могущество Нидерландов было сломлено, а четвертая англо-голландская война (1780-1784 гг.) закрепила гегемонию англичан. Голландия сумела сохранить свою колониальную империю (колонии в Северной Америке, Африке и Азии), но бесповоротно уступив лидерство англичанам, а затем их новым конкурентам — французам. После Наполеоновских войн, Голландия, ставшая второстепенной державой, потеряла еще ряд колоний. Окончательно Лондонский договор 1824 г. декларировал отказ Голландии в пользу Англии от владений в Индии и Малайе и признала захват в 1819 г. Англией о. Сингапур. Главной колонией Голландии в Азии осталась Индонезия.

Со второй половины XVI в. безусловными лидерами в колониальном разбое становятся Англия и Франция. Их борьба стала лейтмотивом колониальной истории XVIII-XIX вв. Авангардом французского колониализма также являлись компании-монополии, крупнейшей из которых стала основанная в

1664 г. Французская Ост-Индская компания. Тогда же у Франции появились первые опорные пункты в Индии — Чандра-нагор и Пондишери. Осуществлялась также французская экспансия на Западе: были захвачены территории в Северной Америке, Канаде и на Антильских островах. Именно эти территории и стали главными объектами англо-французского соперничества.

К середине XVIII столетия Франция добилась преобладания в Южной Индии. Но в Семилетней войне (1756-1763) более капиталистически развитая Англия нанесла тяжелое поражение Франции и заодно основательно подорвала колониальную мощь ее союзницы Испании. Франция потеряла Канаду, ряд островов в Вест-Индии и понесла сокрушительное поражение в Индии: англичане разбили французов под Виндевашем и захватили Пондишери. В 1763 г. был заключен Парижский мир, по которому Франция отказалась от своих владений в Индии, что открывало дорогу Англии не только для утверждения в Индостане, но и для превращения в крупнейшую колониальную державу нового времени.

Выше упоминалось, что еще в начале XVII в. Английская Ост-Индская компания сумела закрепиться на юге Индии. Однако лишь после того, как был одержан верх над колониальными соперниками, началось поэтапное завоевание субконтинента. В 1757-1764 гг. англичане захватили Бенгалию, в 1799 г. завоевали сильнейшее государство Южной Индии — Майсур, а в 1818 г. были разгромлены маратхи. Полное завоевание Индостана завершилось падением сикхского государства в Пенджабе (1849 г.). Впоследствии, используя Индию как плацдарм, англичане активизировали свою деятельность в других странах Азии. В 1876 г. был захвачен о. Пинанг, и началась широкая экспансия в Малайском архипелаге, в 1824 г. началась первая война с Бирмой.

Колониальное соперничество англичан и французов продолжалось и в XIX в. Египетский поход Бонапарта являлся очередной попыткой Франции укрепить свои позиции на Востоке. Однако эта попытка оказалась неудачной: к 1802 г. французский экспедиционный корпус фактически был уничтожен. Поход Бонапарта в Египет и Палестину имел своей дальней целью подорвать господство Англии в Индии. После его провала Бонапарт пытался договориться о совместном ударе по англичанам в Индии с российским императором Павлом I. Вместе с

тем еще в 1808 г. он планировал захват Алжира, что было осуществлено позже, уже при Бурбонах в 1830 г. Впрочем, следует отметить, что завоевание французами Алжира растянулось на полстолетия.

Самых крупных размеров французская колониальная экспансия достигла при Наполеоне III (1851-1870). Именно тогда удалось окончательно подчинить Алжир, проникнуть в Тунис, Египет (там Франция получила концессию на строительство, а потом и на владение Суэцкого канала), Сирию и Ливан, подчинив их экономически, что, естественно, предоставляло «политические» рычаги власти. Эти страны, остававшиеся формально в составе Османской империи, а на деле превращающиеся в полукolonии, являлись ареной жестокого противостояния европейских держав и в первую очередь Англии и Франции.

В этот же период (особенно 1856-1867 гг.) Франция приняла активное участие в войнах Англии с Китаем и в закабалении ослабшей империи Цин. Французы участвовали также в совместном проникновении западных держав в Японию и навязывании ей первых капитуляций; одновременно ими был захвачен Южный Вьетнам. С 1857 г. быстро расширялись французские владения в Африке, а в 1866 г. Франция сделала неудачную попытку захватить Корею, а в 1867 г. был установлен французский протекторат над Камбоджой.

Поражение во франко-прусской войне 1870 г. несколько ослабило колониальные позиции Франции. В 1875 г. ей пришлось уступить контрольный пакет акций Суэцкого канала Англии, что фактически обозначало утрату контроля над Египтом. Тем не менее, Франция возобновила с 1879 г. расширение своих колоний в Африке и странах Индокитая. В 1881 г. был навязан протекторат Тунису и к 1888 г. почти замкнулась цепь французских владений на западе, в центре и на востоке Африки. Установлению окончательного французского господства в этом регионе помешала Англия: битва при Фашоде 1898 года (преддверие первых империалистических конфликтов) остановила захват французами верховьев Нила. Тем не менее, Франция закрепила за собой сплошной массив африканских территорий от Сенегала на западе до Дарфура (Судан) на востоке и от Конго до Средиземного моря, а также — Сомали (Джибути) на побережье Красного моря.

Еще раньше, победив Китай в войне 1884-1885 гг., Франция заняла Тонкин и установила свой протекторат над Вьетнамом

(в то время Аннам). В 1893 г. были навязаны неравноправные договоры Сиаму (Таиланд), которые не только превращали Сиам в зависимую страну, но и вынуждали его признать французский протекторат над Лаосом.

Острое соперничество держав сопровождало всю историю существования колониальной системы. Но особенно оно обострилось на стадии переформирования капиталистической системы колониализма в империалистическую (чему способствовало переформирование свободного капитала в монополистический в наиболее развитых странах Запада). Именно соперничество держав, нараставшее между ними противоречия вызывали два взаимосвязанных процесса: политические и военные конфликты с одной стороны и сложные системы колониальных соглашений за счет народов Востока с другой. В частности, французские завоевания в Африке согласовывались с Англией, Португалией, Бельгией и Германией.

Бельгия и Германия также проводили активную колониальную политику в Африке. Франция сдала ряд своих позиций в Египте Англии и за это получила ее тайное согласие на захват Туниса и подготовку захвата Марокко. Иногда подобные соглашения между колониальными державами включили в себя «размен» теми или иными странами и регионами. Но зачастую, когда страна представляла особый интерес для многих колонизаторов, прибегали к делению ее на «сферы влияния». Так Китай был поделен на целый ряд сфер влияния с участием не только европейских держав, но и США, и даже присоединившейся позже (конец XIX в.) к «колониальному клубу» Японии. Сиам в конце концов был поделен на британскую и французскую, а Иран на британскую и русскую сферы влияния.

Особую роль в истории колониализма сыграла борьба за «османское наследство» и Восточный вопрос. Так называемый Восточный вопрос возник в XVIII столетии вместе с ослаблением некогда грозной Османской империи, простиравшейся от Балкан до Ирана и от Кавказа до Судана. Могущественная держава, перед которой ранее трепетал весь христианский мир, вынуждена была уже в 1740 г. подписать так называемые «генеральные капитуляции», что превращала ее в страну зависимую, полуколонию ряда западноевропейских государств. При этом громадные размеры территории, богатые ресурсы, многочисленные народы империи превращали ее в объект самых различных притязаний и противоречивых амбиций Запада.

Эти державы в основном обезопасили себя от военной угрозы со стороны османов к началу XVIII в. и с этого времени старались использовать ее в противостоянии и конфликтах друг с другом. Однако в XVIII в. у западноевропейских держав появился новый конкурент в борьбе за «османское наследство» — Российская империя.

В 1699 г. османы вынуждены были отдать Австрии почти всю Венгрию (находившуюся под их властью свыше 170 лет), Трансильванию и Славонию, Польше — Подолию и часть Украины, Венеции — Морею — Южную Грецию, побережье Далмации и многие острова. Именно тогда Россия, принявшая под руководством Петра I участие в антиосманской коалиции, получила Азов. Правда успех еще долго оставался единственным. Петр I, потерпев поражение при реке Прут, вынужден был вернуть туркам Азов.

Однако в дальнейшем войны с Россией неизменно заканчивались поражением османов. В 1770 г. русский флот разгромил османов при Чесме и оказал помощь восставшим против султана грекам. В 1783 г. Крым был включен в состав России, которая присоединилась к режиму капитуляций, ранее навязанному Османской империи Западом. Именно вмешательство России в борьбу за «османское наследство» способствовало возникновению Восточного вопроса и участвовавшего в его решении так называемого «европейского концерта». Восточный вопрос как часть борьбы за «османское наследство» предполагал разное видение западноевропейских держав и России будущего Османской империи, а также статуса стратегически важнейших проливов Босфора и Дарданелл.

Под «европейским концертом» в документах и переписке тех лет подразумевались чаще всего Англия, Франция, Австрия и Пруссия. Каждая из этих стран имела свой план закабаления Османской империи. Эти державы жестоко конкурировали между собой в борьбе за «османское наследство», но как правило готовы были единым фронтом выступать против России. Россия всячески способствовала развалу Османской империи (в частности поддерживая народно-освободительные движения и феодальный сепаратизм), надеясь в качестве «наследства» получить Балканы (с Константинополем) и некоторые еще бывшие турецкие провинции (в частности придунайские княжества), либо создать там национальные государства, зависимые от нее. Для «концерта» такой ход событий был не-

приемлем. Образование на бывшей территории османов независимых государств, а тем более присоединение их к России означало их освобождение также от неравноправных договоров, признанных турецкими султанами. Поэтому, соблюдая свои экономические и политические интересы, не желая чрезмерного усиления России, державы препятствовали развалу Османской империи и поддерживали власть султана над покоренными народами.

Также яблоком раздора между державами был вопрос о Черноморских проливах: Россия считала, что они должны быть либо открыты для нее, либо закрыты для всех держав. Франция и Англия требовали их открытия для себя. Эти и другие противоречия, боязнь западноевропейских держав, что своими требованиями защиты православных интересов в Турции Россия ведет дело к установлению протектората над Османской империей, привели к ряду войн. Наиболее крупными из них являлись война Англии, Франции, Турции и итальянского государства Пьемонт-Сардиния против России в 1853-1856 гг. (Крымская война) и русско-турецкая война 1877-1878 гг.

Новый характер приобрела политическая борьба метрополий в эпоху империализма. Конец XIX в. был сопряжен с окончанием колониального раздела всего мира ведущими державами Запада, а на грани XIX и XX вв. произошли первые межимпериалистические конфликты — предвестники будущих мировых войн. Это испано-американская война 1898 г., англо-бурская война 1899-1902 гг. и русско-японская война 1904-1905 гг. Предпосылки и причины этих войн формировались, естественно, в предшествующий период, а их хронология непосредственно связана с начавшимся в последней трети XIX в. переобразованием в наиболее развитых странах свободного капитализма в монополистический и первыми попытками колониального передела.

**Межимпериалистические конфликты
и окончательный колониальный раздел мира
на рубеже XIX-XX вв.**

Испано-американская война началась с волнений местного населения на принадлежавшем Испании о. Куба в Карибском море. Американское правительство заявило, что жестокие репрессии, предпринятые в 1898 г. испанской колониальной администрацией, нарушают доктрину Монро и права человека. США послали к берегам Кубы броненосец «Мэйн», но он взорвался или был взорван в кубинском порту. Это и стало по-

водом к испано-американской войне. Американцы не только добились независимости Кубы от Испании (фактически под своим протекторатом), но, кроме того, захватили о. Пуэрто-Рико, находящийся вблизи южных берегов США и высадили свои войска в порту г. Манилы на Филиппинских островах — азиатском владении Испании. Высадка американцев была согласована с лидером филиппинского сопротивления Агинальдо, который в тот момент находился в эмиграции, но обещал поддержку США в их войне с Испанией. После высадки американцев Агинальдо выступил за независимость островов, однако ни по своему вооружению, ни по своей организованности повстанцы долго не могли противостоять американцам. Дело осложнялось и тем, что Филиппины населены не одним народом, а многими, различающимися по языкам и уровню развития. Американцам понадобилось три года, чтобы подавить сопротивление филиппинцев. Одновременно с этим американцы низложили последнюю королеву Гавайских островов Лилюокалани (1893), и затем включили острова в состав США в качестве «территории» (1900 г.; с 1959 г. — штат). В 1899 г. произошел раздел еще одной группы островов Тихого океана — Самоа — между Германией и США. Так Соединенные Штаты вошли в число колониальных держав.

Англо-бурская война имела долгую колониальную предысторию. В Южной Африке, недалеко от мыса Доброй Надежды, находится удобная гавань, с XVI в. служившая пристанищем нидерландским кораблям, плывшим из Европы в Индию. В 1652 г. рядом с гаванью была создана маленькая постоянная голландская колония. Территория Южной Африки к югу от реки Оранжевой была в то время населена редкими бродячими группами готтентотов и бушменов. Кроме того, в колонию было завезено некоторое количество черных рабов. В начале XVIII в. население Капштадтской (Кейптаунской) колонии составляло около 3 тыс. человек, из которых половину составляли рабы. Остальные, европейцы, именовались «бурами» (букв. «крестьянами»). Термин «бурь» применялся сначала к голландскому населению вне укрепленного Капштадта, а лишь затем стал национальным обозначением. В конце века число буров (включавших помимо голландцев также небольшие группы французских гугенотов и т.п.) составляло уже 15 тыс.; они говорили на местной разновидности голландского языка — африканс. Число рабов к концу XVIII в. составило 17 тыс. Начала возникать особая категория населения — так называемые «цветные» и «гриква» — потомки от связей между колонистами и негритянскими рабынями, а также готтентотками. Местные жители постепенно вытеснялись и нередко истребля-

лись, многие вымирали от новых болезней, занесенных колонистами, другие были вынуждены работать на них. С 1779 г. начались войны с племенами коса, свази и зулу.

В 1795 г. Капская колония в Южной Африке была захвачена британцами, номинально действовавшими от имени нидерландского принца Оранского, бежавшего в Англию от республиканцев. В 1806 г. Капская колония была занята англичанами вторично и уже прочно. С конца XVIII — начала XIX в. часть буров, занимавшихся главным образом скотоводством, начинает переселяться в глубь страны (трекен); они получили название трекбуров. Уже в начале XIX в. стали возникать вооруженные конфликты между английскими властями и трекбурами, в том числе из-за обвинений буров в жестоком обращении с готтентотами и с «цветными». В 1835 г. 12 тыс. буров покинули колонию и вместе со скотом и цветными слугами-рабами потянулись в степи на север за пределы власти англичан (так называемый «Великий трек»). Они объявили, что «британцы поставили рабов в равное положение с христианами, в противность законам божеским и естественному различию, веру и расы, так что порядочному христианину стало невозможно склоняться под подобное иго; почему мы и удалились, чтобы таким образом сохранить наши доктрины».

Последующие десятилетия прошли в борьбе, то вооруженной, то политической между англичанами, трекбурами, нгуни и сото. Последние два африканских этноса создали довольно могущественные военизированные царства. Трекбуры в 1852–1854 гг. основали две собственные республики — Оранжевую и Трансвааль. Более трех четвертей буров, однако, остались в британской Капской колонии, которая получила представительное управление, причем ограничение права голоса здесь было не расовое, а только экономическое, что, впрочем, особенно не меняло дела, так как цветные и черные, как правило, не попадали в число избирателей из-за имущественного ценза. В бурских республиках право голоса имели только белые. К концу XIX в. численность населения Капской колонии и соседней колонии Наталь достигла полумиллиона; в большинстве это были лица английского происхождения.

В течение почти всего XIX в. британские власти Капской колонии и Наталь были вынуждены бороться с мощными военизированными объединениями племен (протогосударствами) зулу (группа нгуни) под главенством царей Шака (Чака), Дингаана и Кечвайо на северо-востоке Наталь. Зулусы были окончательно покорены лишь в 1889 г. Картина резко изменилась, когда в 1867 г. были обнаружены алмазы в долинах рек Оранжевой и Вааль и в 1870 г. большие залежи золота в Витватерсранде в Трансваале. Население в следующую четверть века увеличилось почти в четыре раза, строились железные дороги, города быстро росли. Добыча алмазов и золота скоро перешла в руки монопольных англо-бурских компаний.

На этом этапе большую роль в истории Южной Африки сыграл Сесиль Родс, видный английский миллионер и убежденный империалист. Политической идеей Родса было создание единой зоны британских владений от Средиземного моря до Капштадта, соединенных единой железной дорогой. Осуществлению идеи Родса препятствовало наличие в Восточной Африке германских и португальских колоний (нынешние Танзания и Мозамбик) и, конечно, бурских республик. Британия постаралась прочнее окружить последние. Для этого она поставила под свой протекторат, а затем и прямо под власть британской короны соседний Бечуаналенд (ныне — Ботсвана) и Родезию (ныне — Замбия и Зимбабве). Независимость бурских республик оказалась под угрозой в результате огромного наплыва «иноземцев» (уайтландеров, в основном англичан), которые были главным источником налоговых доходов республик. Президент Трансвааля Крюгер и парламент Трансвааля издали законы, практически лишившие уайтландеров права голоса (были повышены возрастной ценз и ценз оседлости). Родс, в то время премьер-министр Капской колонии, тайно поддерживавшийся британским министром колоний Дж. Чемберленом (старшим), организовал в 1895 г. вооруженное нападение на Трансвааль. Англия потребовала контроля над внешней политикой Трансвааля, затем начала переброску войск в Южную Африку, и в 1899 г. буры и англичане почти одновременно предъявили друг другу ультиматумы. Разразилась англо-бурс-

кая война. В начале буры имели успех, но англичане бросили в бой дополнительные войска (отчасти из Австралии, Новой Зеландии и Канады). К осени 1900 г. Трансвааль был завоеван, Крюгер бежал, но партизанская война велась до 1902 г.

Два фактора, впервые введенные англичанами (генералом Китченером) в англо-бурской войне имели впоследствии большое значение в мировых войнах: это, во-первых, тактика выжженной земли, применявшаяся англичанами на этапе отступления, и, во-вторых, система концентрационных лагерей, где содержались женщины и дети партизан.

Буры ожидали поддержки со стороны Германии — декларации императора Вильгельма II давали им такую надежду. Кроме того, нападение громадной Британской империи на маленькие бурские республики вызвало горячее сочувствие к ним во всем мире, в том числе и в России. То обстоятельство, что буры были фактически рабовладельцами и практиковали геноцид, общественное мнение не смущало.

Главным положением мирного договора было признание буррами суверенной власти Англии, в остальных условиях были довольно благоприятными для них: не было ни суровых процессов, ни контрибуций; концлагеря были распущены. Трансвааль и Колония Оранжевой реки, так же, как Капская колония и Наталь, получили самоуправление. Уже в новейшее время (1910) все четыре колонии были объединены в Южно-Африканский Союз; по настоянию буров цветное и черное население не получило право голоса.

Драматические события колониального соперничества держав происходили и на Дальнем Востоке. Китай при маньчжурской династии Цинн стал легкой добычей капиталистических держав. В 1839-1844 и 1856-1860 гг. западные державы военной силой навязывали китайцам капитуляции. В 1850-1864 гг. Китай был еще более ослаблен крестьянской войной тайпинов. Как результат — представители то единого, то другого капиталистического государства стали получать концессии на постройку железных дорог, преимущественное право инспектирования китайских гаваней, заключали с Китаем новые неравноправные договоры; ввозили опиум. Территория Китая была разделена на «сферы интересов» западных держав.

В 1894-1895 гг. произошла война между Китаем и Японией из-за ставшими анахронизмом претензиями Китая на господство в Корее. Китайско-маньчжурские войска были легко

разбиты модернизированной армией Японии — молодого империалистического хищника. Япония заняла Ляодунский полуостров и ряд портов, а также важные пункты по дороге на Пекин. По миру в Симоносеки Китай признал независимость Кореи и уступил Японии Ляодун, Пескадорские острова, Тайнань и должен был заплатить большую контрибуцию. Однако под давлением России, Франции и Германии Япония оставила Ляодун.

Китаю навязали «режим капитуляций», был выторгован ряд портов. Германии досталась бухта Цзяочжоу с портом Циндао. Англия получила Вэйхайвэй, расширила свои захваты на полуострове Цзюлун (Коулун) и продлила аренду о. Сянган (Гонконг). Франция приобрела Гуанчжоувань на юге Китая, Россия — Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний) на полуострове Ляодун. Все это формально — в аренду на 25-99 лет. Россия получила также право на постройку железной дороги через Маньчжурию, сокращавшую путь до Владивостока и Порт-Артура. В зоне железной дороги фактическая власть принадлежала России.

В 1900 г. вспыхнуло народное восстание ихэтуаней («боксеров»), частично крестьянское, но охватившее и деклассированные элементы, городские низы и т.п. Восстание подавляли войска Англии, Франции и России, которые на время захватили (и разграбили) Пекин.

Все эти события на Дальнем Востоке в самом конце нового времени стали прологом третьего межимпериалистического конфликта — русско-японской войны 1904-1905 гг.

В течение XIX в. происходило заселение русскими долины Амура, которая формально по российско-китайскому договору 1689 г. считалась китайской. На огромных территориях Приморья и Приамурья не проживало постоянного оседлого населения, и Китай был неспособен оказать реальное противодействие русскому продвижению, возглавляемому сибирским губернатором Н.Н. Муравьевым (Амурским). По Айгунскому и Пекинскому договорам 1858 г. и 1860 г. к России отошла большая часть Приамурья и край за рекой Уссури с великолепной естественной гаванью, где возник новый важный порт — Владивосток. Еще раньше в 1853 г. русские заняли Северный Сахалин. Этот остров был заселен народностью айнов, а на крайнем его юге были японские поселения. В 1861 г. Россия попыталась создать свою военную базу на острове Цусима между

Кореей и Японией, но под давлением Англии вынуждена была отступить. В 1875 г. Россия заняла весь Сахалин, отступившись в пользу Японии от своих притязаний на Курильские острова. В 1896 г., как уже упоминалось, был заключен договор с Китаем о праве провести железную дорогу от Владивостока через Маньчжурию с веткой от Харбина до Мукдена и Дальнего на Ляодунском полуострове. Полоса вдоль железной дороги должна была охраняться русскими войсками. 80 тыс. русских войск находились в Маньчжурии и Порт-Артуре, а в порту последнего стояла и сильная эскадра (меньшая эскадра находилась во Владивостоке).

Обострение русско-японских противоречий достигло крайней стадии. Поводом к войне послужило приобретение близкими к российскому правительству дельцами лесных концессий на реке Ялу — на корейской территории, в которой была более чем заинтересована Япония. У Японии имелось более полумиллиона солдат (включая призывников), но Россия, конечно, могла постепенно перебросить на фронт вдвое больше. Поэтому для японцев было важно быстро выиграть войну на Дальнем Востоке. В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. главный японский флот напал на Порт-Артур. Японцы потопили несколько крупных кораблей и организовали плотную блокаду гавани. Одновременно было потоплено или захвачено несколько русских военных кораблей в портах Китая и Кореи. Затем началась сухопутная война на Маньчжурском фронте и на периферии осажденного Порт-Артура. Несмотря на переброску ежемесячно по 30 тыс. солдат в Маньчжурию, русские войска потерпели поражения в боях под Ляояном и Мукденом.

Японские сухопутные силы были уже сильно измотаны, но оставшийся на Дальнем Востоке российский флот был намного слабее японского. Российское правительство решило перебросить на Дальний Восток лучшие корабли Балтийского, а затем и Черноморского флота (октябрь 1904 г.). Движение этой эскадры адмирала З.П. Рожественского было очень медленным, так как периодически надо было загружаться топливом и продовольствием, к тому же широко освещалось в печати. По пути до эскадры дошло известие о сдаче японцам Порт-Артура, поэтому ей пришлось двигаться уже на Владивосток через Цусимский пролив, где господствовал японский флот адмирала Того. Он обладал превосходством и в скорости, и в дальнбойной силе снарядов. Почти весь флот погиб в марте 1905 г. — высо-

чить из мясорубки удалось лишь нескольким быстроходным кораблям, ушедшим преимущественно в нейтральные порты. Ввиду нарастания в стране недовольства царское правительство было вынуждено пойти на мир при посредничестве США.

По Портсмутскому договору 1905 г. Россия уступила Японии право на аренду полуострова Ляодун, Южный Сахалин, отказалась от притязаний на Корею и вывела войска из Маньчжурии. Русские корабли, затопленные на рейде Порт-Артура и в корейских портах, в том числе знаменитый «Варяг», были подняты японцами и служили в японском флоте.

Таким образом, к началу XX в. весь мир был практически моделями между великими державами. Это было достигнуто не только в результате тех колониальных войн и договоров, которые были упомянуты выше, но и стало следствием многих «малых войн» и массовых кровопролитий, не отраженных в разделе.

В Азии шесть стран (и то лишь формально) сохраняли независимость и видимость управления своими монархами (а не колониальной администрацией): Китай, Сиам (Таиланд), Непал, Афганистан, Персия (Иран) и Неджд (в центре Аравии); в Африке — Эфиопия. Китай, из которого были вырваны куски Англией, Францией, Германией, Россией и Японией, находился в полуколониальной зависимости и был поделен на сферы влияния. Непал фактически был зависим от британской индийской империи. Персия была разделена между Англией и Россией на негласные «зоны интересов». Сиам был опутан режимами капитуляций, навязанными Великобританией (1832, 1856), Францией (1856), а позднее и другими капиталистическими странами. Афганистан, разгромивший английские армии в ходе I и II англо-афганских войн, все-таки вынужден был признать контроль англичан (частично купленный) над своей внешней политикой. К тому же со второй половины XIX в. эмират испытывал все усиливающееся политическое и экономическое давление не только Англии, но и России.

Колониальными владениями Англии являлись острова Кипр и Мальта в Средиземном море, порт Аден у входа в Красное море (в зависимости от Англии были также некоторые арабские княжества, расположенные на побережьях и островах Индийского океана и Персидского залива), Индия, Цейлон (ныне — Шри-Ланка), Бирма, Малайя (с Сингапуром), Северное Борнео (ныне Калимантан) и Бруней, множество островов в Тихом

океане, в Африке — Британское Сомали, Кения, о. Занзибар, Уганда, Родезия, Бечуаналенд (ныне Ботсвана), Нигерия, Золотой берег (ныне Гана), Сьерра-Леоне, Гамбия; Египет попал под совместное управление (кондоминиум) Англии и Египта. Далее Англия владела островом Св. Елены и в Америке островами Тринидад, Тобаго, Ямайка, Багамскими и Бермудскими островами, Британской Гвианой (ныне — Гайана), Британским Гондурасом и др. Ряд бывших английских колоний, в большинстве из которых число выходцев из Англии намного превышало численность сохранявшегося аборигенного населения, получил статус доминионов в составе Британского содружества наций с правом самостоятельных международных отношений. Это были Канада, Ньюфаундленд (в 1946 г. войдет в состав Канады), Южная Африка (в 1961 г. выйдет из содружества), Австралия и Новая Зеландия.

В колониальные владения Франции входили: в Азии — Французский Индокитай (ныне — Вьетнам, Лаос и Камбоджа), порт Пондишера в Индии, в Африке — Тунис, Алжир, Марокко (с сохранением формальной власти турецкого султана), Французская Западная Африка (ныне — Сенегал, Мали, Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Бенин, Нигер), на Красном море — Джибути, далее — Французская Экваториальная Африка (ныне Чад, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон), в Индийском океане — остров Мадагаскар и другие острова, в Тихом океане — острова Новая Каледония, Таити, Туамоту и ряд других, в Америке — Французская Гвиана.

Соединенные Штаты владели Филиппинами, о. Гуам и частью Самоа в Тихом океане, а также о. Пуэрто-Рико в Карибском море и зоной Панамского канала.

В Западной Африке неграми из США была основана Либерия.

Установить пределы собственно колониальных владений России трудно, так как они примыкали к исконно русской территории или к давно русифицированной, как Сибирь. Все же, несомненно, нерусскими владениями были Польша (кроме частей, отошедших в свое время к Пруссии и Австрии), автономная Финляндия, все Закавказье и «Туркестан», т. е. вся Средняя Азия, а также нынешний Казахстан. К нерусским владениям империи относились и прибалтийские губернии, частью отошедшие к России от Польши, частью от Швеции. Нерусской считали свою территорию часть украинцев, однако

не в границах будущей советской Украины: преимущественно русскоязычной была Новороссия (Черноморское побережье по сути отнятое русскими у Османской империи), восточные регионы были в значительной мере заселены русскими (включая казаков).

Колониальными владениями Италии были Триполитания, Киренаика и Феццан (Ливия), Эритрея и Итальянское Сомали в Африке, остров Родос и Додеканесские острова в Эгейском море.

Португалия владела Азорскими островами (полностью португализированными), островами Зеленого Мыса, Португальской Гвинеей, Анголой, Мозамбиком, портом Гоа в Индии, Восточным Тимором в Индонезии.

От колоний Испании остались незначительные территории в Западной Африке, Канарские острова, испанская Гвинея.

Колонией Голландии (Нидерландов) была богатая Нидерландская Индия (ныне — Индонезия), а также половина острова Новая Гвинея и Нидерландская Гвиана.

Колониальными владениями Дании были Гренландия, Форрерские острова, Исландия (с самоуправлением) и несколько островов в Карибском море.

Особый случай представляло собой Бельгийское Конго (ныне — Демократическая Республика Конго). С 1876 по 1908 г. оно принадлежало не Бельгийскому королевству, а лично королю Бельгии Леопольду II, организовавшему «Международную комиссию для исследования и цивилизации Центральной Африки». В результате «цивилизаторской миссии» захваченная территория подверглась колониальному разорению, а население — поголовной рабовладельческой эксплуатации, в результате чего численность его за 30 лет сократилась наполовину.

Наконец, колониальные приобретения Германии сводились к Юго-Западной Африке (ныне — Намибии), к небольшой колонии Того, Камеруну, Германской Восточной Африке, в состав которой входили Руанда—Урунди (ныне — Руанда и Бурунди) и Танганьика (ныне — большая часть Танзании), к части острова Новая Гвинея и островам на Тихом океане, из которых большое стратегическое значение имели острова северо-восточной части океана и часть Самоа.

Не так легко установить ту часть владений Австро-Венгрии, которую можно считать колониальной. На австро-венгерской территории жили чехи, словаки, русины, поляки, немцы, ру-

мыны, словенцы. В среде всех этих национальностей со второй половины XIX столетия развивались национально-освободительные движения. Кроме того, с 1878 г. Австро-Венгрия объявила о своем протекторате над Боснией и Герцеговиной, считавшейся турецкой и населенную сербами, хорватами и «босняками» (мусульманами), что еще более обострило этно-конфессиональную ситуацию в империи.

К началу Новейшего времени окончательный колониальный раздел мира состоялся: в ближайшем будущем предстоял его кровавый передел.

Раздел III

СТРАНЫ ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ
В XVI—XIX вв.

§ 7

Нидерланды
в XVI — начале XVII вв.

***Социально-экономическое развитие Нидерландов
в первой половине XVI в.***

В состав Нидерландов входили 17 провинций, расположенный по нижнему течению Шельды, Мааса и Рейна. Самыми крупными из них были Фландрия, Брабант, Голландия, Зеландия, Фрисландия, Артуа и Геннегау. На небольшой территории, компактным треугольником расположившейся между Францией и Германией, в древности проживали кельтские и германские племена, давшие начало современным народностям валлонцев, фламандцев, голландцев и фризов. Название «Нидерланды», что значит «низовые земли», эти провинции получили из-за того, что почти вся их территория представляет собой низменную равнину, причем 1/3 территории современных Нидерландов расположена ниже уровня моря. Лишь юго-восточная часть современной Бельгии и северная часть Люксембурга покрыта Арденнскими горами. Выгодное географическое и стратегическое положение этих провинций на перекрестке речных и морских торговых путей сделало их в средние века предметом борьбы королей Франции, Англии, Австрии и Испании. Феодалные распри привели к тому, что отдельные города и целые провинции Нидерландов приобретали особые права и привилегии, заложившие вольнолюбивые традиции. Вмешательство великих держав наложило серьезный отпечаток на процесс формирования государственности Нидерландов, Бельгии и Люксембурга и на всю их историю вообще.

С 1519 г. Нидерланды были включены в огромную империю Карла V Габсбурга, а после его отречения от престола в 1555 г., как особый имперский округ, попали под власть сына Карла V испанского короля Филиппа II.

В середине XVI в. Нидерланды переживали период расцвета и являлись самой густонаселенной страной Европы. На сравнительно небольшой территории было расположено более 300 городов. В руках нидерландских негоциантов сосредоточилась практически вся торговля с испанскими колониями. Для испанской короны такая провинция представляли огромную ценность. В одном лишь 1552 г. Нидерланды принесли империи Карла V 6692 тыс. ливров.

Основной тенденцией социально-экономического развития Нидерландов являлось быстрое складывание условий для формирования капиталистического уклада, процесс первоначального накопления капитала. По динамике экономического роста и отраслевой специфике хозяйства в составе Нидерландов выделялось три региона. Первый из них — это центральный промышленный район, т. е. Фландрия и Брабант. Второй — это северный промышленный район с ядром, в которое входили Голландия и Зеландия. Третью группу составляли окраинные и по преимуществу сельскохозяйственные провинции — Артуа, Люксембург, Намюр, Гельдерн. Все остальные провинции по своему хозяйственному развитию занимали промежуточное положение между тремя основными.

К середине XVI в. голландская цеховая система пришла в упадок. В особой степени это было заметно на примере таких мощных городов как Гент, Ипр, Брюссель, которые находились во Фландрии и Брабанте. На протяжении длительного времени их городские цеховые организации были центрами ремесленного производства европейского масштаба и вели с помощью корпораций негоциантов активную торговлю. Теперь же их постепенно начали вытеснять новые, более восприимчивые к требованиям времени мануфактуры.

Причин постепенного упадка цехового строя было несколько. Подмастерья оказались низведены до положения бесправных наемных рабочих, а многие цеховые мастера сами обеднели и лишились былой самостоятельности, попав в цепкие руки ростовщиков и скупщиков. Таким образом, значительная часть вчерашних мастеров потеряла интерес к конечному результату своего труда. Наиболее влиятельные и экономически мощные цеховые организации, например суконщиков, под влиянием конкуренции мануфактурного производства потеряли свое былое значение. В свою очередь производство, основанное на новых капиталистических началах, особенно по из-

готовлению шерстяных, льняных, хлопчатобумажных тканей, ковров, гобеленов, кружев, стекольных, кожевенных и металлических изделий стремительно захватывали новые рынки, в том числе и в других странах.

Самый крупный портовый город Брабанта — Антверпен превратился в важный центр торговой и финансовой деятельности. К Антверпену тяготели мануфактуры городов Фландрии и Брабанта, которые, прежде всего, были связаны с экспортом. В антверпенский порт заходили тысячи кораблей из всех стран света, и постепенно порт стал огромным и хорошо устроенным. Особое его значение состояло в том, что в гавани Антверпена собирались суда с грузами колониальных товаров из Америки, Индии Юго-восточной Азии и отсюда потоки весьма ликвидных и ценных товаров расходились по странам Европы. В Антверпене были сосредоточены конторы всех крупнейших финансистов Европы. Ежедневно на биржу для заключения сделок сходилось несколько тысяч купцов, иногда числом до 5 тыс., именно на это количество купцов в 1531 г. магистрат построил новое здание биржи, причем негоцианты были разных национальностей, и разноязыкая речь и пестрота обычаев никого не удивляла.

На севере страны, в Голландии, Зеландии и Утрехте также происходили значительные изменения. Цеховое производство уступало место капиталистическим мануфактурам. В Лейдене в больших количествах производились шерстяные и льняные ткани. Но ключевой отраслью экономики северных территорий было кораблестроение и связанное с ним рыболовство. В середине XVI в. флот небольшой страны насчитывал 15 тыс. кораблей и 150 тыс. моряков. В процентном отношении флот Нидерландов в общем составлял 75% мирового флота. Только в двух городах - Амстердаме и Зандаме - насчитывалось около 130 верфей. Интересно, что строительство кораблей обходилось в 1,5-2 раза дешевле, чем, например, в Англии, и во много раз дешевле, чем в других странах Европы. Именно поэтому в Нидерландах строили корабли почти для всех европейских стран. Практически в каждом городе, особенно на севере, существовали канатные, парусные, бумажные, стеклянные, деревообрабатывающие мануфактуры, а также лесопилки. В рыболовстве было занято более 100 тыс. человек, а в море, в среднем, за год выходило до 2 тыс. кораблей.

В сельском хозяйстве Нидерландов также происходили значительные изменения. Во Фландрии и Брабанте на смену цен-

зиве постепенно приходит краткосрочная феодальная аренда. Постепенно распространяется и капиталистическая аренда. В среде крестьянства, по большей части свободного, происходило расслоение. Все более динамичное развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что увеличивалась масса малоземельных и безземельных крестьян. Более того, лишённые основного средства производства — земли, крестьяне превращались в наемных работников мануфактур, батраков, поденщиков, что значительно меняло социальную структуру нидерландского общества в середине XVI в.

Постепенно менялась и роль дворянства в экономическом развитии страны. Разбогатевшие фермеры и богатые горожане все больше вытесняли представителей аристократии из хозяйственной и политической жизни. Обедневшие дворяне вынуждены были продавать свои земли. Наиболее предприимчивые из них пытались вести хозяйство по новому, по буржуазному образцу, но не все преуспели на этом поприще. Лишь немногие представители дворянства, располагая значительными средствами, заводили на своих землях крупные молочно-животноводческие хозяйства предпринимательского типа.

В целом, утверждение капиталистического уклада привело к подъему сельского хозяйства в Нидерландах. Здесь существовала передовая для своего времени агротехника, в том числе система многопольных севооборотов, происходила товаризация всего сельскохозяйственного производства. В Голландии и Зеландии проводились работы по осушению болот, а с помощью плотин и дамб у моря были отвоеваны тысячи гектаров земли, получившие название полейдеры. Эти земли также использовались для нужд сельского хозяйства. В частности, на этих плодородных землях, представлявшие собой замечательные луга, откармливались тысячи быков из Дании, которые потом с выгодой продавались на европейских рынках.

Таким образом, на протяжении XVI в. в недрах феодального общества в Нидерландах сложились буржуазные отношения. Общий объем годового производства в Нидерландах в середине века оценивался суммой около 100 млн. гульденов. Примерно половину из них давало сельское хозяйство, половину — торгово-промышленная деятельность. Но ускорение экономического развития вело к усилению региональных диспропорций. Центральные, северные и южные группы провинций развивались крайне неравномерно, что впоследствии и привело к выбору

различных путей социально-экономического и политического развития. Мануфактуры Фландрии и Брабанта ориентировались на ввозимое из Испании сырье, и были связаны с традиционно подчиненными испанцами рынками. В этих провинциях крестьянство было все также опутано различными феодальными повинностями, а дворянство сохраняло свое привилегированное положение и политический вес. Городская и сельская верхушка, скупившая земли продолжали обрабатывать землю посредством принуждения крестьян, основываясь на феодальных методах. Кроме того, единый внутренний рынок, в отличие от севера еще не сложился, например, только на речном пути по Маасу от Намюра до устья реки существовало более трех десятков застав, которые взимали пошлину за провоз товаров. На севере даже отсталые сельскохозяйственные провинции были втянуты в товарно-денежные отношения. Дворянство владело сравнительно незначительной частью земли, крестьяне, свободные в своем подавляющем большинстве, владели собственной землей на правах собственности. Наличие мощного торгового флота и ориентация на европейский рынок и Англию в качестве поставщика сырья делали северные провинции независимыми от Испании. Таким образом, на территории Нидерландов образовались два полюса во главе с Антверпеном и Амстердамом, которые так или иначе стали соперниками и имели различную внешнеполитическую ориентацию.

Предпосылки и характер ранней буржуазной революции в Нидерландах

Новый король Испании и Нидерландов, Филипп II, вступивший на престол в 1556 г., проявлял полное равнодушие к экономическим и политическим нуждам страны. Эта страна стала оплотом феодально-католической реакции в Европе. Новые капиталистические отношения в экономической и социальной жизни Испании были практически уничтожены, и Испания вместе с Португалией свой торговый экономический баланс обеспечивали нещадной, жесточайшей даже по тем, весьма немилосердным временам, эксплуатацией Нового света и других колониальных территорий.

Внешнюю и внутреннюю политику Филиппа II определяли его противостояние с Францией, Турцией и с немецкими

протестантскими князьями. Богатые Нидерланды в основном использовались королем как источник материальных средств для ведения бесконечных войн. Подобная политика совершенно истощила казну королевства, и в 1557 г. Филипп II был вынужден объявить государственное банкротство, что было большим ударом для Нидерландов. Во-первых, это принесло огромные убытки финансистам, снабжавшим средствами испанского короля, а во-вторых, в целях «латания дыр» в государственном бюджете, Испания повысила пошлины на многие вывозимые из королевства товары, например на шерсть. Это привело к тому, что вывоз шерсти в Нидерланды сократился сразу с 40 тыс. до 25 тыс. кип в год. Это привело к закрытию многих мануфактур и к пауперизации еще вчера занятого в столь выгодном производстве населения. Более того, проводя агрессивную внешнюю политику по отношению к Англии, Филипп II нанес мощный удар по англо-нидерландским торговым связям, а в этой области также работало огромное число людей. Нидерландские купцы были отстранены от торговли с колониями, потому что этот вид деятельности Испания объявила своей монополией.

Филипп II и его сводная сестра Маргарита Пармская, поставленная им наместницей в нидерландских владениях, считали себя оплотом истинной католической веры в Европе и мире. Население Нидерландов с обилием последователей Лютера и Кальвина Филипп II попросту презирал. Для укрепления позиции церкви в Нидерландах было резко увеличено количество католических епископов, что вызвало недовольство даже местного духовенства — иноземцы стали занимать монастыри и кафедры, истари принадлежавшие выходцам из местного монашества, а церковные доходы пошли на содержание пришлого епископата. При этом каждому епископу придавались инквизиторы для борьбы с еретиками. Они должны были неуклонно и жестко выполнять «плакаты», т. е. указы власти против еретиков, введенные еще Карлом V, но претворявшимся в жизнь с очень большой осторожностью.

В противоречие с новыми реалиями в Нидерландах вошло и государственное строительство Филиппа II. Будучи абсолютным монархом в Испании и в своих итальянских владениях, Филипп II пытался эту практику распространить и на Нидерланды. С этой целью страна была наводнена испанскими войсками, постой которых тяжело лег на население. Практически государственная власть была сосредоточена в руках узкого со-

става государственного совета, во главе которого был поставлен Антуан Гранвелла, уроженца Франш-Конте, что в Бургундии, который вскоре стал кардиналом. Между тем, назначение на данный пост иноземца противоречило нидерландским законам. Таким образом, и этот важный элемент политики Филипп II совершенно не желал учитывать.

Проводимая Филиппом II политика затронула интересы всех слоев населения Нидерландов, в особенности его наиболее активной части. Вызревавший в обществе общественный протест приобретал помимо социально-экономической составляющей, черты национально-освободительной борьбы.

Под влиянием событий 1550 гг. в Нидерландах начались волнения среди городского населения и крестьянства, которые порой выливались в вооруженное противостояние с властями. Широко распространились кальвинизм и лютеранство, как идейная основа отпора официальной католической церкви. В городах и местечках, а также в сельской местности, особенно на севере страны и во Фландрии и Брабанте на юге, происходили столкновения между народом и стражей. В оппозиционную борьбу постепенно стало втягиваться нидерландское дворянство. Ядро дворянской оппозиции сформировалось вокруг трех членов государственного совета. Это были принц Вильгельм Оранский, граф Горн и адмирал Эгмонт. Именно они стали выразителями интересов и дворянства и всего общества на начальном этапе освободительного движения. Требования оппозиции сводились к необходимости восстановления исконных вольностей страны, выводу испанских войск, отставки Гранвеллы, отмены политики плакатов против инаковерующих.

В ноябре 1565 г. в дворянской среде сложился союз, подписавший документ, получивший название «Компромисс». В этом документе дворяне выступили против испанского гнета и католической инквизиции. В этом же документе подтверждалась верность королю, а в специальном обращении, которое стало официальной программой оппозиции, поданной наместнице Филиппа II Маргарите Пармской, говорилось об опасности выступления недовольных положением народных низов.

5 апреля 1566 г. представители дворянства прибыли в Брюссель и вручили Маргарите Пармской петицию с предупреждением о том, что при проведении недальновидной политики

испанским абсолютистским государством возможен социальный взрыв, который грозит крупными неприятностями, как нидерландскому дворянству, так и интересам испанской короны в Нидерландах. Хотя петиция не отражала настроения всех представителей дворянства, Маргарита Пармская, напуганная возможностью народных выступлений, обещала, во-первых, довести до сведения Филиппа II требования созыва Генеральных штатов для обсуждения сложившейся ситуации, а, во-вторых, приостановить чрезвычайный инквизиционный суд. Именно во время этого визита дворян к наместнице в Брюссель родилось название представителей антииспанской и антикатолической оппозиции — «гёзы». «Гёзы», значит нищие, так называли представители высокомерной испанской аристократии, достаточно бедно одетых представителей знати Нидерландов. Но это прозвище было подхвачено всеми оппозиционными силами и приобрело совершенно иную смысловую окраску. «Гёзы», так стали именовать себя все представители национально-освободительного движения в Нидерландах. Дворяне, как нищие, стали носить суму, словно для подаяния, и даже выбили медаль с текстом «Верны королю во всем — до нищенской сумы», но медаль была с эмблемой оппозиционного союза. Летом 1566 г. «Союз господ» заключил соглашение с протестантскими консисториями. Среди протестантских проповедников представители дворянства нашли рупор для проведения своих идей в жизнь, а консистории в лице дворян нашли авторитетных руководителей широкого народного движения.

**Начало национально-освободительного
движения в Нидерландах.
Режим герцога Альбы**

К лету 1566 г. испанские власти в Нидерландах оказались в политической изоляции. Ситуация стала выходить из-под контроля. Антикатолическое движение кальвинистов и лютеран стало катализатором для возникновения национально-освободительного движения. Причем, чем больше инквизиция преследовала противников официального вероучения, тем все более изощренные формы принимал протест. Люди, исповадовавшие «еретические учения», сходились для проведения службы по ночам, чаще всего за городскими стенами. Для того, чтобы защитить себя от возможных репрессий, протестан-

ты начали вооружаться и зачастую приходили с оружием даже на проповеди. В свою очередь, распространение протестантизма наталкивалось на жестокие гонения и казни. Развивался институт доносительства, под которым часто скрывалось сведение личных счетов или попытки решения политических проблем. Все это делалось под эгидой борьбы за религиозную чистоту, а доносчик имел право на часть имущества уличенного еретика.

К лету 1566 г. атмосфера в стране накалилась до предела. Власти уже не могли справиться с тысячными толпами вооруженных протестантов. С августа 1566 г. события приняли уже характер открытого вооруженного восстания. Его первый этап оказался связан с иконоборческим движением — массовым разгромом католических церквей, уничтожением икон и статуй святых. Церковное имущество повстанцы либо уничтожали, либо передавали властям для помощи бедным. Одной из основных целей таких действий было уничтожение документов, которые содержали привилегии церковников; заодно уничтожались церковные владельческие документы и судебные дела. Помимо общего недовольства господствовавшей церковью, ее привилегиями, богатствами, поборами, а также безнравственностью духовенства, особое неприятие вызывало то, что исповедование протестантских религий приравнивалось к преступлению против государства и, соответственно сурово наказывалось. Наместница Нидерландов Маргарита Пармская оценивала происшедшие события не только как «ниспровержение религии, но и как уничтожение судопроизводства и всего политического порядка».

Центрами восстания были промышленные районы севера, такие как Хондсхот, Ипр, Кассель, Армантьер и многие другие. В северных провинциях общий размах восстания был особенно значительным. В целом, власти оказались бессильными перед этим мощным напором народных масс, которые составляли представители практически всех сословий. Всего в Нидерландах было разгромлено 5500 церквей и монастырей. Маргарита Пармская была вынуждена пойти на некоторые уступки. 23 августа 1566 г. было официально объявлено об отмене инквизиции, смягчении политики «плакатов», амнистии членов дворянского союза «Компромисса», и, более того, объявлялось о разрешении протестантам отправлять свои богослужения, но

только в специально отведенных для этого помещениях. Одно это уже было победой, но вся борьба была еще впереди. Власть использовала старый метод раскола оппозиции, тем более, что лагерь восставших был очень разнородным.

Наместница Нидерландов сделала ставку на умеренную оппозицию. Дворяне, составлявшие основу этого движения, приняли условия Маргариты Пармской, распустили свой союз и даже приняли участие в подавлении восстания. Например, Вильгельм Оранский принял участие в событиях в Антверпене под предлогом подавления грабежей. Даже протестантские консистории в лице своих проповедников призывали прекратить мятежи и повиноваться властям. К весне 1567 г. в основном, восстание было подавлено.

Известия, полученные из Нидерландов, привели Филиппа II к мысли о необходимости решительного и беспощадного подавления взбунтовавшегося населения страны. Для этой цели летом 1567 г. в Нидерланды была направлена карательная армия во главе с герцогом Альбой. 22 августа испанские войска вступили в Брюссель. Дон Фердинанд Альварец де Толедо, герцог Альба был талантливым полководцем, видным военачальником, ревностным фанатичным католиком, а самое главное неукоснительным проводником королевской воли. Одно только качество у него отсутствовало, он не мог разобраться с ситуацией в стране, которую ему поручалось привести к порядку. По свидетельству современников, испанские войска, пополненные наемниками, ставшие гарнизонами во всех крупных городах и крепостях, обращались с местным населением как с туземцами из испанских колоний, в частности потому, что те для католиков-испанцев были приверженцами нечистой веры, а значит и не достойными снисхождения.

Для подавления духа мятежа вероотступников герцог Альба развернул кровавый террор. Для этого у него были все полномочия. Маргарита Пармская была отозвана, а сам герцог своим королем был наделен правами неограниченного диктатора. В сентябре был учрежден «Совет по делам о мятежах», в народе получивший название «кровавого». По приговорам этого чрезвычайного суда в стране начались преследования и казни. Всего за период 1567-1569 гг. в стране было казнено свыше 8 тыс. человек, без учета наказанных другими.

Еще до вступления войск герцога Альбы в Брюссель, из страны началась массовая эмиграция. В частности, не надеясь на милость короля, в эмиграцию отправился руководитель оппозиции

принц Вильгельм Оранский. Два других представителя оппозиции, аристократы и лидеры сопротивления, Эгмонт и Горн, рассчитывая на возможность найти компромисс, остались в стране. 9 сентября 1567 г. они были арестованы, а 5 июня 1568 г. руководители дворянской оппозиции граф Эгмонт и адмирал Горн были казнены.

Это случилось потому, что аристократ и сторонник абсолютизма герцог Альба, как и многие в Испании и Нидерландах, не понимая, что социальная обстановка в стране изменилась настолько, что дворянство в экономической и политической жизни не играет прежней ведущей роли, продолжали считать, что виноваты оппозиционные дворяне, а кому как не лидерам быть главными зачинщиками беспорядков и по всей строгости закона отвечать за них. Для режима Альбы было характерно то, что, уничтожая оппозиционные элементы, одновременно он превращал судебные конфискации в источник доходов для испанской короны.

Непонимание Альбой политико-экономической ситуации в Нидерландах и стремление оплатить услуги наемников привело к попытке ввести в стране средневековый испанский налог — алькабалу. В алькабалу входил однопроцентный налог со всех движимых и недвижимых имуществ, пятипроцентный налог с продажи всех недвижимых имуществ и десятипроцентный налог с продажи любого движимого имущества. Для Нидерландов, где практически любой вид товара проходил через множество рук посредников, конечная цена товара была таковой, что введенное налоговое бремя было сродни национальной экономической катастрофе. Естественно, что возмущение охватило всю страну. Только с большим трудом представителям Генеральных штатов удалось убедить всевластного правителя отсрочить введение алькабалы до 1571 г. Тем не менее, несгибаемый герцог упрямо настаивал на своем, и хотя пяти- и десятипроцентные налоги были отложены введением до оговоренного с Генеральными штатами 1571 г., однопроцентный налог был введен. В итоге, помимо традиционного ежегодного платежа в испанскую казну в размере 2 млн флоринов, новый налог дал Филиппу II 3.300 тыс. флоринов. Сумма была огромной. Результаты даже этой половинчатой политики Испании были для Нидерландов катастрофичными. В стране произошли массовые банкротства, и объемы

торговли значительно сократились. Попытки сопротивления жестоко пресекались.

Тем не менее, проводимая герцогом Альбой политика террора и устрашения вызвала небывалое чувство протеста, а бесчинства испанских солдат и насмников — желание сбросить власть иноземцев. В южных провинциях страны получило широкое распространение движение лесных гёзов, со временем переросшее в партизанскую войну. Помимо крестьян и горожан, в движение активно включались возвращавшиеся из-за границы эмигранты. Население деревень во Фландрии и Геннегау всячески помогало повстанцам и от этого партизанское движение лесных гёзов только набирало силу.

Сопротивление испанскому владычеству было очень разрозненным. Достаточно сказать, что лидер оппозиции принц Оранский относился к широкому движению народных масс без достаточного внимания. Вильгельм Оранский пытался делать ставку на дворянскую часть эмиграции и на наемников, которых он нанимал где только мог в целях борьбы с испанцами. Во внешней политике он пытался опереться на помощь иностранных государей, в частности в Англии, и на протестантские силы во Франции и Германии. Можно сказать, что в целом его попытки вести широкую освободительную войну против Испании к успеху не привели. Все его походы в Нидерланды оканчивались поражениями. Но и герцог Альба проявил себя недалёковидным политиком. Уже после начала восстания 1572 г., которое вследствие введения алькабала, стало всеобщим и массовым, Альба все проявления народного недовольства не считал серьёзными, а свои силы и средства направлял против принца Оранского и его союзников. Так в 1572 г. герцог двинул основные силы в Геннегау под город Монс, против захватившего город брата Вильгельма Оранского Людовика Нассауского. В этой битве он победил, но на набравшее силу восстание на севере внимание обратил слишком поздно.

Весной 1572 г. английская королева Елизавета, стремясь избежать открытого конфликта с Испанией, приказала «морским гёзам» покинуть порты Англии. «Морские гёзы» были порождением антииспанского сопротивления более развитых в экономическом плане северных провинций. Еще до восстания 1572 г. «морские гёзы» занимались нападениями на испанские суда и их грабежом. До поры Англия помогала им, так как

Испания была их общим врагом, но Испания настояла, обстановка изменилась и 1 апреля 1572 г. «морские гёзы», изгнанные Елизаветой, внезапно напали на портовый город Бриль в устье Рейна и овладели им. Это событие и послужило сигналом ко всеобщему восстанию на севере. 5 апреля восстал город Флессинген и впустил к себе повстанцев. Вслед за этим восстал главный арсенал испанской армии город Веер, затем Арнемейден, Энкхёйзен, Хоорн и многие другие. Через неделю весь север пылал в огне восстаний.

После очередного поражения принц Оранский обратил внимание на восставшие северные провинции. На помощь городским ополчениям начали прибывать посланные принцем его сторонники — дворяне, более искушенные в военном деле. Летом 1572 г. сам принц Оранский прибыл в Голландию, чтобы возглавить сопротивление испанцам. Этим же летом собравшиеся в Дордрехте штаты Голландии и Зеландии призвали Вильгельма Оранского. Ему была вручена высшая исполнительная власть, а также командование войсками и флотом. Характерно, что статхаудером, т. е. командующим войсками и главой исполнительной власти принц Оранский был назначен не по королевскому пожалованию, а по решению местных национальных органов власти. Тем самым было положено начало суверенизации будущего государства.

Тем времен, герцог Альба также обратил должное внимание на восставший север страны. Всеми, весьма немалыми силами, Альба обрушился на мятежников. Испанские войска осаждали город за городом, но везде они встречали ожесточеннос, иногда доходящее до крайних форм сопротивление. Если испанцы и добивались покорности, то только у полностью сломленного в физическом плане противника. Так, например, было в Хаарлеме. После семимесячной осады, с декабря 1572 по июль 1573 г. из-за угрозы голодной смерти город сдался под обещание Альбой милости побежденным. Испанцы вероломно нарушили обещание и тысячи горожан были репрессированы, а наемные и южнонидерландские солдаты были казнены. Пять месяцев защищался Лейден, его испанцы взять не смогли. Защитники Алкмара предпочли затопить окрестности, чтобы вынудить уйти иноземцев. Этот опыт потом использовался другими участниками сопротивления. Так или иначе, несмотря на отдельные успехи, положение испанцев все более ухудшалось.

**Образование Республики Соединенных провинций:
от «Гентского умиротворения» до Утрехтской унии**

В декабре 1573 г. герцог Альба покинул Нидерланды. Ему не удалось огнем и мечом искоренить ереси и вернуть страну в положение подвластной испанской короне территории. В Нидерланды прибыл новый наместник — Луис Рекезенс. Но правил он недолго, скончавшись уже в марте 1576 г. Луис Рекезенс остался памятен тем, что проводил политику лавирования, поняв, что методом жестоко террора в восставшей стране успеха достичь невозможно. При нем была отменена алькабала, проведена весьма ограниченная амнистия, но эти меры уже не могли решить всех проблем. Антифеодалная борьба, с национально-освободительной составляющей продолжалась. Ставка была сделана на раскол оппозиции. К тому же юг Нидерландов по-прежнему продолжал оставаться католическим, а религиозная политика Вильгельма Оранского была достаточно компромиссной. Вильгельм Оранский стремился обеспечить себе поддержку всех слоев общества, а потому требовал веротерпимости от своих соратников. Его главной целью было свержение испанского владычества, в достижении этой цели было выгоднее использовать массовое недовольство населения разбоем и насилием со стороны испанских солдат, нежели обострять опасное религиозное противостояние.

В испанской армии, вынужденной перейти на «самообеспечение» в восставшей стране, росло недовольство и быстро падала дисциплина. В 1576 г. дошло до того, что испанские солдаты подняли мятеж. Они сместили своих командиров и самовольно двинулись в южные провинции, рассчитывая найти там поддержку среди ревностных католиков. На юге испанцы захватили Антверпен и Гент, а также ряд других городов и крепостей. Но бесчинства наемников лишь усилили сопротивление местного населения.

4 сентября 1576 г. начался новый этап антииспанского восстания, теперь уже на юге Нидерландов. Характерно было то, что даже дворянство и духовенство проявляли сильное недовольство политикой Филиппа II и его ставленников в стране. В этот день представители городского ополчения арестовали в Брюсселе членов Государственного совета, которые представляли интересы испанской короны. Власть перешла к Генеральным штатам Нидерландов, представители которых собрались

в Генте. По своему составу новая власть четко показала какие реалии сложились в стране. Представители южных провинций, по преимуществу дворяне, католическое духовенство и городской патрициат, были настроены достаточно консервативно. Настроение же делегатов северных провинций практически по всем вопросам было весьма радикальным, и, таким образом, сложность ситуации заключалась в том, что север и юг не могли договориться в принципе. Выработке хоть какого-то общего решения помогло страшное событие. Впоследствии оно было названо «испанским бешенством». Захватившие цитадель Антверпена испанские наемники ворвались в город и учинили в нем разгром и резню. Всего было убито более 8 тыс. человек и разрушено и сожжено более 1000 зданий. Общий ущерб оценивался около 24 млн гульденов, сумма по тем временам огромная.

Эти события привели к тому, что 8 ноября 1576 г. появился текст «Гентского умиротворения». Это было соглашение о союзе между северными территориями, в частности между самыми крупными и развитыми из них Голландией и Зеландией, и южными провинциями. В соглашении было оговорены принципы веротерпимости, горячим сторонником которых был Вильгельм Оранский. Но здесь уже был залог будущих противоречий. Кроме того, в этом документе были и взаимоисключающие положения, например, такие как признание в верности суверену Нидерландов Филиппу II и намерения объединить усилия севера и юга по изгнанию испанских войск из страны.

Одни из центральных положений «Гентского умиротворения» отменяли запятнавшее себя кровью законодательство герцога Альбы. При этом многие судебные приговоры отменялись, в результате обреченные сидеть в тюрьме, выходили на свободу, а тем, кто потерял имущество, возвращались владельческие права. Но в целом этот договор удовлетворял далеко не всех участников национально-освободительного движения. И если радикальные северяне хотели более резко отмежеваться от абсолютистской Испании, то многие другие представители генеральных штатов стали искать возможность контакта с «законным» государем.

Тем временем в Нидерланды прибыл очередной наместник, назначенный Филиппом II. Им был побочный брат испанского короля дон Хуан Австрийский. Сначала новый наместник, сообразуясь с требованиями времени пообещал принять усло-

вия «Гентского умиротворения», но король потребовал от донна Хуана полного восстановления католического культа в стране, даже в протестантских северных провинциях. Несмотря на то, что наместник уже подписал так называемый вечный эдикт, т. е. согласен с условиями «Гентского умиротворения», уже в июле 1577 г. он открыто порвал с Генеральными штатами и начал стягивать войска в Намюр.

В ответ на это Генеральные штаты под напором городских буржуа пригласили Вильгельма Оранского. Он прибыл в Брюссель осенью 1577 г., был восторженно встречен и сразу же возглавил антииспанскую борьбу. Однако в дополнении к тому, что войска Генеральных штатов потерпели несколько поражений, национально-освободительную борьбу ослабляли усилившиеся разногласия между католиками и протестантами. Католическое население южных провинций, особенно представители первых двух сословий, т. е. дворянство и духовенство были недовольны компромиссом с кальвинистами. Оказалось, что пути севера и юга все больше расходились, и у короля Испании Филиппа II на юге Нидерландов оказалось гораздо больше сторонников, чем предполагали сторонники независимости Нидерландов.

Военные поражения и общая усталость, постоянная опасность и неустраивенность привели к тому, что определенная часть общества стала искать компромисса с Филиппом II. Такую ориентацию усиливали и религиозные разногласия. Все это привело к тому, что 6 января 1579 г. представители дворянства южных провинций Артуа и Геннегау заключили союз для проведения внешней политики. Результатом этого союза стала Арраская уния. Эта уния подтверждала права Филиппа II как законного правителя Нидерландов, особенно в землях участников унии. Католицизм объявлялся единственным разрешенным вероисповеданием в провинциях подписавших унию. Фактически это было открытое предательство национально-освободительного движения.

В ответ на это 23 января 1579 г. была создана Утрехтская уния. Ее подписали северные провинции Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия и Гельдерн. Позднее к унии присоединились Гронинген и Оверейсел. Целью нового союза было продолжение войны против Испании до победного конца.

Первоначально на волне национально-освободительного движения к унии присоединились и некоторые южные провинции, такие как Фландрия и Брабант. Но вскоре ситуация здесь

осложнилась. Интересы политически более сильного и религиозно сплоченного дворянского класса шли в разрез с интересами набиравшей экономическую мощь и все более амбициозной городской буржуазией. Используя эти разногласия в первой половине 1580-х гг. новый испанский наместник Александр Фарнезе поодиночке разгромил разрозненное сопротивление городов, таких как Гент, Брюссель, Антверпен, Ипр, Брюгге и полностью подчинил Францию и Брабант.

Утрехтская уния в основе своей имела положения, декларированные еще в «Гентском умиротворении». Основной ее целью было объединение всей страны в решимости покончить с кровавым испанским владычеством. Но при всеобщем желании стать независимыми от Испании, участники унии клялись в верности испанскому королю Филиппу II. Возможно, это были политические уловки или выражение разногласий в лагере оппозиции, но такое положение вещей было взаимоисключающим и не могло привести к конструктивному выходу из создавшегося положения.

Повод для преодоления создавшегося положения создал сам испанский король. Используя разногласия в лагере оппозиции, в 1580 г. Филипп II объявил Вильгельма Оранского вне закона. За убийство лидера национально-освободительной борьбы было обещано значительное материальное вознаграждение. В ответ на это, 26 июля 1581 г. в обстановке войны с Испанией, которая осложнялась острыми политическими противоречиями внутри самих Нидерландов, Генеральные штаты пошли на беспрецедентный, но так давно напрашивавшийся шаг. Король Испании Филипп II как суверенный правитель Нидерландов был низложен.

Пытаясь найти поддержку в борьбе против Испании Генеральные штаты и Вильгельм Оранский призвали в страну в феврале 1582 г. герцога Анжуйского, брата французского короля. Но герцог не оправдал возложенные на него надежды. Его действия шли в разрез с целями национально-освободительной войны. Герцог Анжуйский даже рассчитывал присоединить Фландрию и Брабант к Франции. В итоге, его наемные французские войска были разгромлены силами самих восставших.

В 1584 г. принц Вильгельм Оранский был убит испанским агентом Балтазаром Жераром. Его смерть стала тяжелым ударом для складывавшегося республиканского устройства, и для

всех тех, кто лелеял надежду объединить все Нидерланды в антииспанской борьбе. Последовала еще одна попытка пригласить знатного иноземца для осуществления верховной власти в стране. В 1585 г. им стал фаворит английской королевы Елизаветы граф Лейстер. При этом Англия преследовала свои интересы, так как южные Нидерланды стали прекрасным плацдармом для борьбы Испании против Англии. Однако новый правитель также стал вести себя в Соединенных провинциях как абсолютный властитель, тем более, что отстаивал он, в основном, экономические интересы английских купцов. С этой целью исконные союзники Нидерландов такие страны как Франция и Германия были объявлены союзниками Испании, и торговля с ними была запрещена, чем немедленно воспользовались сами английские купцы, попытавшиеся захватить в свои руки традиционные нидерландские рынки. Уже в 1587 г. после ряда военных поражений граф Лейстер возвратился в Англию. На этом поиски легитимных правителей были закончены. В северных соединенных провинциях начали структурироваться республиканские властные институты.

Таким образом, с 1587 г. на основе республиканского правления стало складываться государство Соединенных северных провинций. Она проводило все более самостоятельную внешнюю политику. Защита страны была поручена сыну Вильгельма Оранского Морицу Нассаускому, который в 1585 г. стал статхаудером Голландии. Мориц Нассауский оказался талантливым полководцем, сумевшим не только освободить области, ранее захваченные испанцами, но и присоединить к северным провинциям ряд территорий в Северном Брабанте и Фландрии, то есть областях, бывших оплотом испанского господства. Флот Соединенных провинций господствовал на морских коммуникациях. После гибели в 1588 г. у берегов Англии «Непобедимой Армады» ему не было равных по военной мощи и численности.

Итоги и значение ранней буржуазной революции в Нидерландах

На рубеже XVI и XVII вв. произошло окончательное разделение Нидерландов. Южные провинции были завоеваны испанскими войсками. В 1584 г. были захвачены Брюгге и Гент,

и 1585 г. Брюссель и Антверпен. С 1598 г. южные провинции стали вассальным, по отношению к Испании, государством под управлением эрцгерцога Альберта и его жены Изабеллы, дочери Филиппа II.

В 1609 г. уставшие от бесконечной войны страны заключили перемирие сроком на 12 лет. По этому договору Испания признавала независимость Соединенных провинций и все их вытекавшие отсюда права, вплоть до возможности вести торговлю с субъектами испанского государства, например, с португальскими колониями в Ост-Индии. Кроме того, представители Северных провинций добились закрытия устья Шельды, на котором был расположен их главный торговый конкурент и самих испанских Нидерландах — Антверпен. Это обрекало важнейший и мощный торговый город и порт на неминуемое экономическое разорение. С этого момента центром мировой торговли становится Амстердам.

Таким образом, длившаяся почти 80 лет революционно-освободительная война завершилась победой северной части Нидерландов, при этом южная часть осталась составной частью испанского королевства. В 1621 г. срок перемирия с Испанией закончился и военные действия возобновились. В это время уже полыхала общеевропейская Тридцатилетняя война. Вместе с окончанием Тридцатилетней войны закончилась и война Соединенных провинций с Испанией. Согласно условиям Вестфальского договора 1648 г. была окончательно признана независимость Северных Нидерландов. Устье Шельды осталась закрытым для торговли, и Антверпен окончательно запустел, более того из южных испанских провинций на север шла массовая эмиграция протестантского населения, принесшего в Соединенные провинции немало умелых рабочих рук, предприимчивых и инициативных людей и значительную часть капиталов. С 1648 г. начинается история независимого государства Соединенных провинций, в будущем по имени самой значительной в экономическом плане территории, новая страна получила название Голландия. Испанские южные Нидерланды были названы по имени проживавших там в древности племени белгов Бельгией.

В результате всех произошедших событий, в середине XVII в. в феодально-абсолютистской Европе появилось первое буржуазное государство. Сброшенные феодальные и религиозные оковы, тормозившие развитие хозяйства на новых буржуазных

началах, привели к его бурному экономическому развитию. Основные достижения в экономике страны были достигнуты благодаря мореплаванию и связанной с ним внешней торговле. В середине XVII в. флот республики Соединенных провинций вдвое превосходил флоты Англии и Франции вместе взятые, при этом общий торговый оборот достигал 100 млн. флоринов в год.

Центром голландской, да и мировой торговли становится Амстердам. На Амстердам приходилось около 50% внешней торговли всей страны. Амстердам стал крупнейшим транзитным центром Европы, именно там расходились по морским и иным путям гигантские товаропотоки со всех стран и континентов. Как ранее в Антверпене, теперь в Амстердаме появилась товарная биржа, на которой заключались сделки. Это привело к развитию сначала товарного кредита, а потом и развитию кредита вообще, как основе финансовой системы. Уже в 1609 г. в Амстердаме появился банк, занимавшийся депозитными и кредитными операциями в достаточно широких масштабах. К середине XVII в. основной капитал составлял огромную сумму около 300 млн золотых гульденов.

На волне экономического подъема возник ряд торговых компаний, таких как Ост-Индская, Вест-Индская, Московская и др. Это были самостоятельные хозяйствующие субъекты, вплоть до того, что они могли иметь свои вооруженные силы и осуществлять самостоятельные внешние сношения особенно на вновь открываемых территориях. Так или иначе, деятельность компаний шла в русле общегосударственных интересов, и громадные средства от общего товарооборота ложились в копилку страны.

Рост доходов торговой буржуазии стимулировал промышленное производство. В стране сложились крупные состояния, и владельцы этих состояний стали вкладывать средства в давно развивавшееся мануфактурное производство. Раннекапиталистический уклад окреп, прежде всего, в таких традиционных отраслях как сукноделие. Например, Лейден стал поставлять на рынок значительное число шерстоткацкой продукции — от 70 до 120 тыс. кусков тканей в год. В Роттердаме и других городах развивалось производство самых разных изделий: плюша, шелка, льняных тканей, сахара, пива, полотна, стекла. На новом уровне развивалось кораблестроение и для нужд республики, и для иностранных государств. Примерно половина судов, сходявших со стапелей кораблестроительных верфей, шла на экспорт, что давало немалую прибыль казне. Количество кораблей и моряков для маленькой страны было огромно, соответственно 200 тыс. моряков и 4300 кораблей. Ре-

кордными темпами развивалось традиционное рыболовство, к середине XVII в. одна Голландия практически кормила сельдью больше половины европейцев.

В сельском хозяйстве Соединенных провинций также произошли перемены, но не столь значительные как в других отраслях экономики. В деревне по большей части сохранились феодальные пережитки. Можно сказать, что из всех возможных реформ была только осуществлена секуляризация церковного землевладения и перераспределение этих земель между новыми собственниками. Более того, в северных провинциях, где крестьянство было исконно лично свободным, его разорение приводило к тому, что земля переходила в руки буржуазии, чаще всего городской. Крестьяне или уход в город, где пополняли ряды матросов, рабочих, а в худшем случае пауперов, либо оставались уже на чужой земле, причем условия аренды мало отличались от предшествующих им феодальных форм.

Более того, в сельскохозяйственных районах юга Нидерландов, на территории Северного Брабанта, или в северных аграрных провинциях Гельдерне и Оверейсселе, дворяне удержали в своих руках собственность на землю и, частично свои привилегии, а феодальная зависимость крестьян сохранялась вплоть до конца XVIII в.

Существовали в экономике и другие противоречия. Во-первых, капиталистические начала хозяйствования были опутаны средневековыми феодальными порядками и традициями, например, традициями цехового устройства и цеховой регламентации. Во-вторых, объем вложений в промышленное мануфактурное производство был невысоким по сравнению с вложениями в торговые операции. В третьих, сказались беспринципные предпочтения купечества, которые не стеснялись торговать с врагами даже в период военных действий, а в экономике это выразилось в том, что собственное и так недостаточно сильное производство не было защищено. При отсутствии защитительных таможенных тарифов сами негоцианты ввозили в страну более дешевые иностранные товары. Все это предопределило в середине XVII в. мощный спад в экономике и то, что со временем приходилось уступать мировой рынок более развитым в промышленном плане конкурентам.

Еще одной тенденцией в XVII в., которая вытекала из всего предшествующего развития страны, была мощная колониальная экспансия Соединенных провинций. Голландцы стали теснить испанцев и португальцев по всему известному тогда миру.

В 20-х гг. XVII в. Вест-Индская и Ост-Индская компании по договоренности поделили весь мир между собой по оси мыса Доброй Надежды на зоны влияния. К 1650 г. колониальные владения Голландии были в 60 раз больше самой метрополии.

Таким образом, несмотря на все противоречия, имевшие место в восходящем революционном процессе, окрашенном национально-освободительной борьбой и влиявшие на экономическую, политическую, социальную и духовную сферы жизни общества Республики Соединенных провинций — Голландия стала первым буржуазным государством в мире.

§ 8 Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Швейцария в XVII—XIX вв.

Нидерланды

Став суверенным государством после длительной национально-освободительной борьбы, Северные Нидерланды получили официальное название Республика Соединенных провинций. Теплый морской климат, мягкая зима и обилие осадков создают благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Серьезной проблемой была никогда не прекращавшаяся борьба с наводнениями. Население Нидерландов издавна буквально отвоевывало у моря участки суши. Первые плотины в Нидерландах появились еще в средние века. При помощи сложной системы плотин и шлюзов в XVII в. нидерландцы противостояли «внешним водам» — так они называли воды моря и рек. Для борьбы с «внутренними водами» (осушения обширных заболоченных участков, сильно препятствующих земледелию) применялась система польдеров (голл. — «земли, сжатые плотинами»). Так назывались болота, которые обитатели страны обнесли плотинами и снабдили шлюзами. Система польдеров развивалась по мере развития земледелия и промышленности. Для осушки была приспособлена сила ветра, первые ветряные мельницы для откачки воды из польдеров применялись еще в XV в. Пахотные земли к середине XVII в. составляли не более четверти всех сельскохозяйственных угодий, причем урожаи хлебных культур были весьма скудны, в некоторых провинциях даже не высевали пшеницу. Ржаной хлеб, рыба и картофель составляли основу пропитания крестьян и многих горожан. Недостаток хлеба покрывался за счет импорта.

Еще с середины XVI в. сельское хозяйство Нидерландов все больше втягивается в товарно-денежные отношения. Это выразилось в активном внедрении технических культур в южной

части страны, где возделывали рапс, лен, коноплю, хмель, табак, а также пастель и марену, использовавшиеся при крашении тканей. Развитое овощеводство, садоводство и цветоводство также ориентировалось на рынок: голландские тюльпаны и гиацинты и сегодня пользуются всемирной известностью. Урожай, благодаря ротации культур и вносимым удобрениям, получались выше, чем в остальной Европе. Скотоводство носило ярко выраженный интенсивный характер, в Нидерландах были выведены ценные породы лошадей, коров, овец. Сыр, производимый в северной Голландии, и масло из Фрисландии и южной Голландии составляли немалую часть сельскохозяйственного экспорта.

По мере развития технических сельскохозяйственных культур крестьяне Нидерландов все больше втягивались в рыночные отношения, вынужденные закупать для себя продовольствие, дрова или торф. Крупные деревни превращались в торговые и производственные центры, при них возникали ярмарки. Богатые деревни все больше приближались по уровню жизни к городам.

Плотность населения и степень урбанизации в Нидерландах в то время была самой большой в Европе, в городах проживало больше половины всех жителей страны. С 1550 по 1650 г. население удвоилось — с 1 до 2 млн человек. В не малой степени это происходило за счет иммигрантов из других стран, становившихся источником дешевой рабочей силы. В XVII в. мануфактурное производство переживало быстрый подъем. Шерстоткацкая и суконная промышленность процветала в Лейдене, Роттердаме, Гарлеме, Делфте, причем в начале XVII в. английские производители не могли конкурировать с нидерландскими по качеству и цене готовой продукции. В Роттердаме и ряде других городов развивалось производство плюша, шелка, льняных тканей. Крупные централизованные мануфактуры со сложным оборудованием и сотнями рабочих возникали в новых отраслях: ситценабивной, сахарорафинадной, шелкоткацкой, стекольной. В пивоварении сложился союз предпринимателей. Издавна испытывавшая недостаток камня страна производила в год до 200 млн штук кирпича и черепицы, частью шедших на экспорт.

На верфях Амстердама, Роттердама, Заандама ежегодно строилось до 1 тыс. судов всех типов, половина которых шла на экспорт. Судостроительная отрасль переживала разложение цеховой структуры, все больше формируясь по капиталисти-

ческим принципам. Нидерландские суда отличались меньшей стоимостью из-за применения новейших производственных приемов и оборудования, конструктивных особенностей и использования дешевого сырья. Корабельный лес, вар, канаты поступали прямо из стран Балтийского бассейна, значительная часть из России.

Важной отраслью оставалось рыболовство, в котором было нанято до 2000 кораблей, а годовой улов оценивался в 22 млн. флоринов. Голландская копченая и соленая сельдь продавалась по всей Европе, даже в Англии, где она стоила дороже, чем выловленная английскими рыбаками.

Главное богатство страны было сосредоточено во внешней торговле и мореплавании. В середине XVII в. флот Соединенных провинций почти вдвое превосходил флоты Англии и Франции вместе взятые, а общий торговый оборот достигал 75-100 млн. флоринов в год. Амстердам, победивший в конкурентной борьбе Антверпен, который постепенно приходит в упадок, стал европейским центром торговли и кредита. Здесь возникли первые в Голландии страховые компании, а в 1609 г. — банк, который занимался депозитными и кредитными операциями широкого масштаба. Крупную роль в торговле играла основанная в 1602 г. Ост-Индская торговая компания, ставшая государством в государстве, подчинявшим порой своим интересам внешнюю политику республики. Монопольное положение Амстердама как перевалочного центра всей европейской торговли постепенно начало утрачиваться в конце XVII в.

Государственное устройство Республики Соединенных провинций было весьма своеобразно для тогдашней практически полностью монархической Европы. В нем сохранилось множество традиционных для Нидерландов периода испанского владычества государственных институтов. По положению Утрехтской унии 1579 г., бывшей по сути военным договором восставших провинций, основное законодательство, решение общегосударственных вопросов и налогообложение являлись прерогативой Генеральных штатов. Каждая из 7 провинций Голландия, Зеландия, Утрехт, Гельдерн, Оверейсел, Фрисландия, Гронинген — пользовались в них, независимо от числа депутатов, одним голосом, провинция Дрент не имела представительства в Генеральных штатах. Депутаты должны были голосовать строго в соответствии с инструкциями избирателей,

каждое решение должно было приниматься единогласно. Исполнительная власть сосредотачивалась в руках штатгальтера или наместника, которому предоставлялось право арбитража в случае, если Генеральные штаты не приходили к согласованному решению. Генеральные штаты формировались из депутатов провинциальных штатов и собирались с 1584 г. в Гааге.

Исполнительная власть на местах принадлежала штатгальтеру провинции (обычно представитель какого-либо княжеского германского дома, например в Фрисландии наследственным штатгальтером был принц из дома Нассау), которому помогал государственный адвокат или пенсионарий совета (т.е. советник на жаловании). Составленный из депутатов от провинций Государственный совет ведал преимущественно военными вопросами. В нем места распределялись в зависимости от доли общей суммы налогов, которую уплачивала каждая провинция, в результате Голландия и Зеландия имели 5 мест из 12. Адмиралитеты в Голландии, Зеландии и Фрисландии стояли во главе морского дела. Социальный состав штатов провинций и форма их работы были различны. В целом, можно сказать, что руководящее положение в политической жизни республики занимала торговая и крупная промышленная буржуазия. Каждая провинция во внутренних делах пользовалась широкой автономией и ревностно оберегала свои привилегии, из-за чего один из современников, анализируя государственное устройство Нидерландов, назвал их «Разъединенными провинциями». От всякого расширения союза провинций Северных Нидерландов отказались наперед. Отнятые у испанцев части Гельдерна, Брабанта и Фландрии не были приняты в состав республики на правах провинций, а управлялись Генеральными штатами, составив так называемые «генералитетные земли».

Особенности государственного устройства Нидерландов практически с самого начала их существования породили столкновение двух политических течений, или партий: «унитаристов» и «провинциалистов». «Унитаристы» представляли собой сторонников штатгальтера провинций Голландии и Зеландии в 1585-1625 гг. принца Морица Оранского, добивавшегося усиления личной власти, ослабления сепаратизма и более тесного объединения провинций. Их идеологией являлся непримиримый воинствующий кальвинизм, главой которого выступал Гомар. Правящая буржуазия Нидерландов, не желая предоставлять штатгальтеру диктаторских полномочий, отстаивала традиционную автономию провинций и опиралась на политику веро-

терпимости, которую отстаивал Арминий. Когда голландские власти встали в религиозном споре «гомаристов» с «арминиянами» на сторону последних, Мориц Оранский, талантливый полководец, неоднократно побеждавший испанцев и пользовавшийся популярностью у населения, прибег к политике защиты «гомаристов», составлявших большую часть народных масс. Восстание, поднятое в 1619 г. непримиримо настроенной против принца Оранского буржуазией, было им легко подавлено, руководители восставших попали в плен. Великий пенсионарий провинции Голландия Олденбарнвелде по обвинению в государственной измене был казнен, Гуго Гроций и Гоогербетс были приговорены к пожизненному заключению.

Наследник Морица Оранского, его брат Фридрих-Генрих сумел добиться внутренней стабильности путем объявления амнистии и прекращения религиозных преследований. Возобновившаяся в 1621 г., после двенадцатилетнего перемирия, война с Испанией облегчалась для Нидерландов борьбой, которую вели против Габсбургов протестантские князья Германии и союзом с Францией, заключенным в 1635 г. Военные действия, связанные с общим ходом Тридцатилетней войны, шли с переменным успехом. Нидерландской армии удалось взять Хертогенбос, Везель, Маастрихт и Бреду. Испанскому флоту было нанесено несколько поражений, в 1628 г. была получена большая добыча в результате захвата «серебряного флота» испанцев, перевозившего награбленные в Америке драгоценные металлы. С окончанием Тридцатилетней войны окончилась и война Соединенных провинций за независимость. Вестфальский мирный договор 1648 г. и договор, заключенный между Испанией и Нидерландами в Мюнстере в том же году, признавал независимость Соединенных провинций и ликвидировали ее формальную связь со Священной Римской империей. Республика удержала свои завоевания на юге и в обеих Индиях, получила полную свободу торговли в испанских портах. Вест-Индская торговая компания, образованная в 1621 г. и служившая прикрытием для ведения военно-пиратских и контрабандных операций в Атлантике, даже захватила в 1636 г. на короткий срок Бразилию. Устье Шельды осталось закрытым для торговли, и Антверпен окончательно запустел.

Во время борьбы за освобождение северные Нидерланды стали богатейшей страной Европы, их торговля и промышлен-

ность завоевали все рынки, они обладали значительными вооруженными силами, наука и искусство переживали небывалый подъем. Однако господствующая купеческая буржуазия не смогла в полной мере извлечь выгоды из передового положения страны. В условиях, когда основные капиталы (до 86%) обращались в сфере торговли и финансов, а не вкладывались в развитие промышленности, Нидерланды неизбежно обрекли себя на отставание в конкурентной борьбе с набиравшей силу Англией.

В 1650 г. осложнилась внутривластная ситуация в стране. Фридрих-Генрих умер в 1647 г. Правителем стал его сын Вильгельм II Оранский, человек неуравновешенный и вспыльчивый. Он вступил в конфликт со штатами провинции Голландия, настаивавшими на сокращении постоянной армии и податей, необходимых для подготовки военных действий против Англии и Испании, которые своей политикой все более угрожали интересам Республики. Вильгельм II самонадеянно хотел разрешить кризис при помощи военной силы, но в разгар готовившейся им осады Амстердама скоропостижно скончался. Аристократическая партия, пользуясь малолетством его сына Вильгельма III, провела в Генеральных штатах и штатах провинций решение об объявлении должности штатгальтера «незамещенной» и о запрете совмещения должностей штатгальтера вооруженными силами Республики. Аристократическая партия захватила контроль над политической жизнью страны. В качестве слабой компенсации Оранскому дому малолетний принц получил титул «дитя государства». Все это происходило, когда Республика уже втянулась в смертельно опасную для нее серию войн с Англией.

Первая война Нидерландов с Англией (1652-1654) была вызвана навигационным актом О. Кромвеля, нанесшим морской торговле Республики смертельный удар. Война велась с большим ожесточением с обеих сторон и принесла Нидерландам большой вред, закончившись после серии поражений их флота признанием навигационного акта. Глава аристократической партии пенсионарий провинции Голландия Ян де Витт подчинил все силы Республики для подготовки реванша и в 1664 г. начал вторую войну с Англией. После переменных успехов война закончилась миром в Бреде в 1667 г., не решившим вопроса о морской гегемонии. Внешнеполитическое положение Республики ухудшилось после объявления ей войны Францией, чей

король Людовик XIV желал отомстить Нидерландам, вмешавшись в его войну против Испании и лишившим его завоеваний в южных Нидерландах. Война, длившаяся с 1672 по 1678 г., чуть было не стоила Соединенным провинциям независимости. Против них выступили также Англия и Швеция, союзниками были Испания и Бранденбург. Французское вторжение практически не встретило сопротивления, и вскоре Людовик XIV овладел четырьмя провинциями, захватив 83 крепости. Отчаявшееся население обратилось против аристократической партии. Ян де Витт вместе со своим братом как предполагаемые виновники трагедии были растерзаны на улицах Гааги, и молодой Вильгельм III Оранский избран наместником, а в 1674 г. — наследственным наместником пяти провинций. Ценой крайнего напряжения сил молодой правитель сумел при помощи союзников, очистить страну от захватчиков. В немалой степени этому способствовала изменившаяся политика Англии, которая, озабочившись успехами Франции, на последнем этапе войны примкнула к союзникам Нидерландов.

В 1686 г. Нидерланды по инициативе Вильгельма III, сумевшего преодолеть сопротивление части буржуазии, примкнули к антифранцузской коалиции, созданной в Аугсбурге совместно с Швецией, Австрией и некоторыми германскими государствами для противодействия французским притязаниям на Пфальц. Вильгельм III после свержения Якова II в результате «славной революции» 1688-1689 гг. был призван на английский престол и стал править совместно с женой Марией II Стюарт, в результате этого Англия также вступает в антифранцузскую коалицию. К этому союзу государств присоединяются также Испания и Дания, он получает название «великого». Нидерланды вступают во вторую войну с Францией (1689-1697) и с напряжением всех сил принимают участие в борьбе. Оставшись верной союзу и после смерти Вильгельма, Республика помогла сломить силы Франции в Войне за «испанское наследство» (1701-1714). При этом силы Соединенных провинций были серьезно подорваны, они не получили иной выгоды кроме права занять крепости на французской границе. Главным итогом этой череды почти непрерывных войн стало укрепление английского морского и колониального могущества.

После прекращения со смертью Вильгельма III старшей линии Оранской династии штатгальтерство вторично было унич-

тожено в большинстве провинций, управление перешло к аристократической партии, которая после Утрехтского мира 1713 г. последовательно придерживалась мирной политики. Сухопутные и морские силы были до предела сокращены и пришли в упадок. Военственный дух, энергия и предприимчивость угасли и это парализующим образом сказалось на промышленности, вследствие ее упадка масса народа терпела недостаток. В то же время правящие классы утопали в роскоши и сосредоточились главным образом на удержании за собой всех государственных должностей. Крайне неудачное участие Нидерландов в Войне за «австрийское наследство» (1741-1748) против Франции привело к потере всех пограничных крепостей и вторжению врага на территорию Республики. Возмущенное население Голландии и Зеландии вновь провозглашает штатгальтером принца Вильгельма Оранского из ветви Нассау-Диц, до тех пор бывшего наследственным штатгальтером Фрисландии, а с 1718 и 1722 г. — также Гронингена и Гельдера. Этому примеру последовали другие провинции, и Вильгельм IV стал первым наследственным штатгальтером и генеральным капитаном всех семи провинций. Ему же было доверено правление генералитетскими землями и генеральное директорство в Ост-Индской и Вест-Индской компаниях.

Соперничество с Англией привело к очередной войне 1780-1784 гг. Эта война, к которой Нидерланды оказались совершенно не готовы, была с энтузиазмом принята населением ввиду ненависти к англичанам, подрывавшим торговые и колониальные интересы страны. Тем не менее, покинутые Францией, Нидерланды вынуждены были уступить Англии Непатам и открыть английским предпринимателям доступ в свои другие колонии в Ост-Индии. Стесненным положением Нидерландов искусно воспользовался император Иосиф II, добившийся от обессиленной Республики территориальных уступок и уплаты 10 млн. гульденов. Так называемая «патриотическая» партия, состоявшая из представителей аристократических и демократических элементов, использовала народное недовольство для борьбы против штатгальтера. Только вмешательство прусского короля Фридриха-Вильгельма II, брата жены наместника, принцессы Вильгельмины Прусской, пославшего в Нидерланды двадцатипяти тысячную армию, спасло штатгальтера Вильгельма V. Права Оранского дома и конституция Республики были гарантированы Пруссией и Англией в апреле 1788 г.

Великая Французская революция оказала большое влияние на исторические судьбы Соединенных провинций. Нидерланды примкнули к антифранцузской коалиции, инициатором которой выступила Англия, и согласились на высадку английской армии на своей территории. Французская армия под командованием генерала Пишегрю одержала ряд значительных побед в 1793-1794 гг. Чрезвычайно морозная зима, сковавшая действия нидерландского флота и всеобщее восстание революционно настроенных «патриотов» облегчила французское завоевание Нидерландов. Штатгальтерская семья бежала в Англию, Генеральные штаты объявили наследственное штатгальтерство отмененным и провозгласили 26 января 1795 г. Соединенные провинции Батавской республикой, по названию населявших страну в древности племен батавов. Новая республика заключила союз с революционной Францией, наложивший на нее тяжелые обязательства: помимо уступленных Франции Маастрихта, Венло, нидерландских Лимбурга и Фландрии Нидерланды уплатили 100 млн. гульденов и обязались содержать тридцатитысячную французскую армию. Ставшая теперь врагом Англия парализовала всю нидерландскую торговлю и перешла к захвату колоний.

26 мая 1806 г. по приказанию Наполеона на территории Нидерландов было образовано королевство Голландия, корона которого была передана брату императора Людовику Бонапарту. Были введены французские законы, голландские войска вынуждены были принимать участие во всех наполеоновских войнах. Летом 1810 г. после отречения Людовика от трона Наполеон издал декрет о включении Нидерландов, которые он пренебрежительно называл «наносом французских рек», в состав Французской империи. Континентальная блокада, от которой страдали широкие слои населения Нидерландов, а также тяжелые людские и материальные жертвы постепенно настроили весь народ против французских захватчиков. Поражение Наполеона под Лейпцигом в 1813 г. было встречено в стране с ликованием. Приверженцы староранской партии создали в Амстердаме временное правительство, и 1 декабря 1813 г. объявили об освобождении страны. Сын последнего наследственного штатгальтера Вильгельма V, который высадился с отрядом своих сторонников 30 ноября в Схевенингене, был провозглашен королем под именем Вильгельма I.

В результате решений Венского конгресса 1815 г. путем присоединения к Нидерландам Бельгии было создано буферное Нидерландское королевство, которое Англия стремилась превратить в опору своего влияния на континенте. Однако более чем за два столетия раздельного развития в каждой из двух составных частей искусственно созданного государства сложились свои нации, окрепла национальная буржуазия определился культурно-духовный облик двух народов, развивавшихся в разных религиозных направлениях — протестантском и католическом. Непрочность искусственного государственного образования усугублялась торгово-экономическими противоречиями голландской (преимущественно торговой) и бельгийской (преимущественно промышленной) буржуазии. Уже в 20-е гг. XIX в. Южные Нидерланды (Бельгия) становятся «маленькой мастерской мира». Вспыхнувшая в Бельгии национально-освободительная революция привела к ее отделению от Нидерландов в 1830 г.

Конституционные реформы 1849 и 1886 гг. существенным образом демократизировали внутриполитическую жизнь Нидерландов, реорганизовав судебную систему и на деле предоставив их жителям свободу политических собраний, вероисповедания, местного самоуправления. Было ликвидировано деление провинциальных штатов по сословиям, введены прямые выборы в нижнюю палату, под давлением усилившихся социал-демократов и из страха перед гражданскими беспорядками в Амстердаме и других городах правительство снизило избирательный ценз, увеличив число избирателей на 200 тыс. человек. Из-за пресечения мужской линии королевской фамилии после смерти кронпринца Александра в 1884 г. были внесены поправки в закон о престолонаследии. В 1890 г. Вильгельму III наследовала его дочь Вильгельмина (1880-1962), из-за несовершеннолетия которой регентшей была назначена королева Эмма. Королева Вильгельмина царствовала до 1948 г., пережив нацистскую оккупацию своей страны в эмиграции. Она отреклась в пользу своей дочери Юлианы.

Реформы в экономике, проведенные в Нидерландах в середине — последней трети XIX в., способствовали ускорению процесса индустриализации. Преимущественное развитие получили легкая, пищевая, промышленность (в том числе связанная с переработкой колониального сырья), а также судостроение. Началась добыча бурого угля, возникли электротехнические

и химические производства. Помимо эксплуатации колоний, благосостояние страны в этот период основывалось на международных торговых и финансовых операциях. Вступление Нидерландов на путь промышленного развития, создание новых предприятий способствовало организации рабочего движения в стране. Несмотря на большую роль протестантской церкви, сильное влияние возникших в конце XIX в. клерикальных партий, начинают создаваться первые профсоюзы, рабочие партии. В 1894 г. возникла Социал-демократическая рабочая партия, а в 1909 г. из ее левого крыла выделилась самостоятельная Социал-демократическая партия, одна из многих левых марксистских партий во II Интернационале.

Бельгия

Свое название страна, отделившаяся от Нидерландского королевства в 1830 г., получила в память о римской провинции Бельгика, которую населяли воинственные кельтские племена белгов. Они и дали начало двум нынешним народностям Бельгии: валлонцам и фламандцам. В Средние века на территории Бельгии существовало несколько светских и церковных феодальных владений, крупнейшие из которых, — графство Фландрия и герцогство Брабант, — вели бесконечные войны за господство над соседями. После провозглашения независимости Соединенных провинций южные Нидерланды, т.е. нынешняя Бельгия, остались под владычеством испанцев, что способствовало сохранению здесь католической религии. С конца XVI в. развитие северных и южных Нидерландов в историческом, культурном и национальном отношении пошло в разных направлениях.

На короткое время Бельгия, которую Филипп II Испанский в 1598 г. уступил своей дочери Изабелле и ее мужу эрцгерцогу Альбрехту VII, сделалась фактически самостоятельным государством. Новые правители реформировали судостроительство и всячески способствовали подъему промышленности, расстроенной политикой Филиппа II. Изабелла и Альбрехт не имели детей, и в 1621 г. южные нидерландские провинции снова отходят к Испании, испытав на себе все последствия упадка этой некогда великой европейской державы. Территория страны становится ареной беспрестанных войн, прежде всего с Францией и Голландией.

После Войны за «испанское наследство» по решению Утрехтского конгресса 1713 г. южные Нидерланды переходят под власть австрийских Габсбургов. Австрийцам не удалось добиться отмены закрытия для торговли устья Шельды, это условие твердо отстаивали Соединенные провинции. Результатом явился почти полный упадок Антверпена, бывшего до этого главным торговым центром Испанских Нидерландов. Во время Войны за австрийское наследство французы завоевали почти всю Бельгию, которая вернулась к Австрии по Аахенскому миру 1748 г. В последовавший вслед за этим сорокалетний мирный период благосостояние Бельгии поднялось. В стране сохранялся внутренний мир, поскольку австрийские штатгальтеры не посягали на оставшиеся у некоторых провинций особые права и привилегии.

Неосмотрительная политика императора Иосифа II, привела к так называемой Брабантской революции 1789-1790 гг. После объявления главой брабантских революционеров адвокатом ван дер Ноотом о непризнании власти Иосифа II в страну вторглись вооруженные отряды бельгийских эмигрантов и захватили многие важные крепости. Попытки австрийцев подавить мятеж закончились их поражением при Турнгуте. 11 декабря 1789 г. вспыхнуло восстание в Брюсселе, австрийский гарнизон, защищавший его, капитулировал. 11 января 1790 г. была окончательно провозглашена независимость Бельгии. Конгресс вставший во главе страны, отверг мирные предложения австрийцев, которые удержали за собой лишь Люксембург, стянув туда значительные силы. Преемник Иосифа II император Леопольд II, исчерпав все мирные средства, двинул в Бельгию сильный австрийский корпус и покорил ее без особого труда. Было восстановлено австрийское правление, объявлена амнистия, а сопротивление государственных чиновников строго пресечено. Однако начавшиеся вскоре французские революционные войны навсегда положили конец австрийскому господству в Бельгии. Первое вторжение французов в 1793 г. было отброшено, но после победы генерала Пишегрю при Флерюсе французы 9 июля 1794 г. вступили в Брюссель. Вскоре Бельгия была присоединена к Франции и разделена на девять департаментов, получив законодательство и систему управления, совершенно сходную с французской, в том числе знаменитый Кодекс Наполеона.

После крушения наполеоновской империи великие державы — Россия, Австрия, Пруссия и Англия — приняли решение создать на северо-восточной границе Франции сильное госу-

дарство, чтобы лишить ее возможности снова угрожать спокойствию Европы. Корона нового Нидерландского королевства была передана голландскому королю Вильгельму I. Провозглашенная 24 августа 1815 г. конституция с самого начала вызывала недовольство бельгийцев. Особенно они протестовали против участия Бельгии во всей сумме голландского государственного долга, против исключительных прав короля на управление колониями. Вызывало недовольство система равного представительства между северными и южными провинциями, так как из 110 депутатов на долю более населенной Бельгии (3 млн. человек против 2 млн. в Голландии) должно было приходиться по меньшей мере 68. Наконец католическое население Бельгии не одобряло установленной конституцией свободы вероисповеданий.

Сама процедура принятия конституции, когда большинство бельгийских депутатов проголосовало против, давала повод считать ее насильственно навязанной южным провинциям. Силу оппозиции придавало то, что во главе ее встало католическое духовенство Бельгии, частью отказавшееся присягать конституции и подвергнувшееся за это судебным преследованиям. Постепенно и либерально настроенные круги переходили в лагерь оппозиции. Особенно сильное озлобление вызывали попытки правительства сделать в областях со смешанным населением голландский язык обязательным для употребления в судебных и административных делах. Налицо было и явное отстранение бельгийцев от государственной службы. Так, например, в начале 1830 г. из 7 министров только 1, из 117 чиновников министерства внутренних дел только 11, из 102 чиновников военного министерства только 3, из 1573 пехотных офицеров только 274 принадлежали к уроженцам южных провинций. Все это не могло не раздражать бельгийцев, чье национальное самосознание поднялось к тому времени на достаточный уровень, хотя голландские публицисты презрительно называли Бельгию «привычной колонией всех держав», «собранием областей, где последовательно паслись все кони Европы», противопоставляя этому двухвековой опыт голландской государственности.

Экономическая политика нидерландского правительства также велась в интересах торговой Голландии, ущемляя интересы промышленной и сельскохозяйственной Бельгии. До-

статочно упомянуть лишь ненавистные бельгийцам налоги на убойный скот и помол муки и низкие тарифы на иностранные товары, не защищавшие бельгийских производителей.

Простота и добродушие Вильгельма I первоначально очень импонировали бельгийцам, однако король постоянно колебался между желанием расположить к себе новых подданных и страхом выказать слабость. Сохранению голландского владычества способствовало разделение бельгийской оппозиции на две непримиримые группы, так называемые либеральную и клерикальную (или католическую) партии. Однако король Вильгельм I не хотел или не сумел привлечь на свою сторону либералов, он, уверенный в своей непогрешимости и интеллектуальном превосходстве над своими министрами и советниками, не отказался ни от одного пункта политической, хозяйственной и религиозной программы и в конце концов объединил против себя и либералов, и консерваторов.

Располагая значительными силами, оппозиция, быстро распространила свои идеи среди городского и сельского населения Бельгии. Лозунгом ее стало требование свободы совести, слова и преподавания. В 1828 г. развернулось массовое петиционное движение, требовавшее от короля отменить обременительные налоги на помол и убой. Недовольство находило выражение в многочисленных органах бельгийской печати, жестко преследовавшейся нидерландскими властями. Репрессии, чередовавшиеся с уступками оппозиции, выказывали нерешительность правительства и придавали смелости патриотическим элементам. Весной 1830 г. кое-где дело доходило до враждебных столкновений между бельгийцами и голландцами.

Вспыхнувшая во Франции июльская революция 1830 г. стала катализатором событий в Бельгии. Мероприятия промышленной выставки в Брюсселе и празднества по поводу 59-й годовщины рождения короля вылились в массовые волнения 25 августа, переросшими в открытое восстание, к которому присоединились вскоре другие крупные города Бельгии. Переговоры, на которых бельгийцы сперва требовали лишь предоставления особой конституции южным провинциям, не принесли успеха. Появление в Брюсселе среди баррикад наследного принца Оранского, женатого на дочери российского императора Павла I Анне Павловне и популярного в народе по причине своих пробельгийских симпатий, также не остановило революцию. Тогда король поручил младшему сыну принцу

Фридриху подавить мятеж, предоставив ему 10 тыс. голландских солдат. В Брюсселе образовался комитет общественного спасения, жители его оказали отчаянное сопротивление голландским войскам, вынужденным 27 сентября бесславно отступить от бельгийской столицы. Открытое столкновение сделало мирное решение кризиса невозможным, вскоре все южные провинции восстали.

4 октября 1830 г. временное правительство, образованное в Брюсселе, объявило, что бельгийские провинции, «насильственно отделившиеся от Голландии», составляют независимое государство, и что вскоре будет созван национальный конгресс. К ноябрю голландцы удерживали за собой лишь Люксембург и Антверпенскую цитадель. Открывшийся 10 ноября 1830 г. бельгийский национальный конгресс провозгласил независимость страны, высказавшись 174 голосами против 13 за конституционно-монархическую форму правления и лишив при этом Оранско-Нассауский дом всех прав на престол. Конституция предусматривала значительное ограничение королевской власти, следовала принципу разделения властей, предоставляла бельгийцам свободу совести, печати, обучения, право создания политических партий и подачи петиций. Новый основной закон был утвержден единогласно, его претворение в жизнь завесело теперь от воли великих европейских держав, которые в свое время создали Нидерландское королевство. Связи великого герцогства Люксембургского с германским союзом, а также родство Нассауской династии с русским и прусским правящими домами, усугубляли ситуацию. Однако великие державы были заняты своими проблемами: Австрия — итальянскими делами, Россия — восстанием в Польше, Пруссия не решалась вмешаться в одиночку, страшась столкновения с Францией, а Англия желала скорейшего расчленения Нидерландов, страшась, что французы усилят свое влияние и на севере страны. Поэтому созванная в Лондоне конференция послов великих держав 20 декабря 1830 г. объявила о признании независимости Бельгии, несмотря на протесты нидерландского короля. Хотя Бельгия заранее объявляла о готовности «не нарушать отношений Люксембурга к Германскому союзу», великие державы постановили оставить его за Голландией.

Вопрос об избрании нового короля некоторое время оставался не решенным, так как кандидатура того, или иного европейского принца не встречала поддержки всех великих держав

или самих бельгийцев. Наконец всех устроил принц Леопольд Саксен-Кобургский, связанный родственными узами со многими европейскими царствующими домами, человек весьма энергичный и способный. Он был избран бельгийским королем 4 июня 1831 г., его положение укрепилось благодаря браку с дочерью французского короля Луи-Филиппа принцессой Луизой Орлеанской. После этого великие державы, не останавливаясь перед применением военной силы, стали вынуждать Голландию признать независимость Бельгии на выработанных ими условиях. Но только в 1838 г. Вильгельм I выразил на это свое согласие, и окончательное урегулирование всех спорных вопросов было достигнуто договорами между Голландией и Бельгией 1839 и 1842 г. При этом территория Бельгии увеличилась на 1/4 за счет большей части великого герцогства Люксембургского (бельгийская провинция Люксембург сегодня почти вдвое превосходит само герцогство) и голландской провинции Лимбург.

За время своего правления Леопольд I (1831-1865) благодаря мудрой внешней и внутренней политике упрочил свою популярность среди подданных. Бельгия добилась благоприятных для своей промышленности торговых договоров с Францией, Голландией и странами Германского союза. Личные связи короля, который был зятем Луи-Филиппа, приходился дядей английской королевы Виктории и мужу португальской королевы, также был близок прусской королевской семье, обеспечили поддержку государственного суверенитета страны. Во внутренней политике Леопольд I зарекомендовал себя убежденным унитаристом, стараясь создавать правительства из представителей обеих партий: клерикальной и либеральной. Это удавалось до 1840 г., затем партии до первой мировой войны попеременно менялись у власти, делая бельгийскую систему парламентского правления похожей на английскую. Бельгийский парламент, делящий с королем верховную власть, состоит из двух равноправных палат (сенат и палата депутатов), которые переизбираются каждые четыре года.

Начиная с 70-х гг. XIX в. бельгийские правящие круги участвовали в колониальном разделе Африки. На Берлинской конференции 1884-1885 гг. Бельгия с помощью Англии и Франции добилась признания ее особых интересов в Конго, получив право эксплуатировать богатейшую страну, «геологическое чудо Африки», в 80 раз превосходившей по территории площадь

метрополии. Король Леопольд II (1865-1909) получил от парламента полномочия принять титул государя страны Конго.

Вторая половина XIX в. характеризуется подъемом бельгийской промышленности, чему способствовала протекционистская политика правительства. С 1834 г. начато строительство железных дорог в стране. Благодаря большим запасам железной руды и каменного угля ускоренно развивается металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность, строятся оружейные заводы, приобретшие вскоре известность по всей Европе. Переживают подъем и традиционные отрасли легкой промышленности: кожевенная, льняная, шерстяная, хлопчатобумажная, развивается знаменитое брабантское кружевоплетение. В 1879 г. в связи с ростом численности рабочего класса и повышения его роли в жизни страны возникает Бельгийская социалистическая партия, преобразованная в 1885 г. в Бельгийскую рабочую партию. Она неуклонно наращивала свое влияние и отодвигала либералов на задний план. В конце XIX — начале XX в. Бельгийская рабочая партия становится влиятельной партией II Интернационала, а ее лидер Э. Вандервельде избирается председателем постоянного органа Интернационала — Международного социалистического бюро с резиденцией в Брюсселе. Быстрый рост бельгийской промышленности сопровождался чрезвычайно сильной эксплуатацией рабочих предпринимателями, что вызывало открытые выступления трудящихся. В 1866 г. в Люттихе, Шарларуа и других промышленных центрах прошли массовые демонстрации рабочих против произвола работодателей, против эксплуатации женского и детского труда. Представители крупной буржуазии противились принятию прогрессивного рабочего законодательства, главным орудием правительства в сфере урегулирования спорных вопросов между трудом и капиталом вплоть до первой мировой войны оставались репрессии против бастовавших рабочих.

Люксембург

Название страны происходит от замка Люцилинбург, возникшего в средние века на месте римской крепости. В X в. возле замка возник город, расположившийся в живописной узкой долине реки Альзетт и вскоре ставший центром постоянно

увеличивавшегося феодального владения, один из правителей которого стал основателем люксембургской династии германских императоров. С 1477 г. герцогство Люксембург принадлежало Габсбургам, войдя наряду с другими провинциями в Испанские Нидерланды.

В результате войн Людовика XIV Люксембург в 1684 г. целиком попал под его власть. По Утрехтскому миру 1713 г. небольшая часть герцогства, которая почти совпадает с территорией современного Люксембурга, перешла в руки Австрии, как и другие провинции Бельгии. В 1794 г. армия революционной Франции заняла герцогство. Венский конгресс передал некоторые области Люксембурга Пруссии, изменив довольно произвольно его границы, повысив статус государства до великого герцогства, которое входило до 1866 г. в Германский союз. Укрепления Люксембурга, представлявшие собой сильнейшую в Европе крепость после Гибралтара, были заняты прусскими войсками. Корона великого герцога была передана Вильгельму I, королю соединенных Нидерландов, составленных из Голландии и Бельгии.

Население Люксембурга без восторга приняло новое правление, тем более, что нидерландские короли повели наступление на бывшие свободы граждан. После бельгийской революции 1830 г. территория Люксембурга была почти поровну поделена между Бельгией и Голландией. Перипетии исторического развития привели к утверждению в стране двух языков: немецкого, на котором говорило большинство простого народа, и французского, ставшего языком образованных и имущих классов. В обиходе были оба языка, и почти каждый житель Люксембурга практически свободно им владел, духовное и культурное тяготение испытывалось явно не к Голландии. Ситуация усугублялась соперничеством Франции и Пруссии за преобладание в этом небольшом буферном государстве, французы с тревогой следили за усилением прусского влияния.

После того, как Германский союз прекратил свое существование в 1866 г. французский император Наполеон III начал переговоры с королем Нидерландов Вильгельмом III о покупке Люксембурга. Это обеспокоило Пруссию, и судьба Люксембурга решалась на Лондонской конференции великих европейских держав 1867 г. Французы отступили от своего намерения приобрести Люксембург, добившись взамен обязательства на эвакуацию прусских войск и уничтожение укреплений. Провозглашался «вечный нейтралитет». Тем не менее, был сохранен

таможенный союз с Пруссией, продленный в впоследствии уже с Германской империей. Таможенный союз неизбежно подчинял торговлю и промышленность страны системе германских акцизов, фактически нарушая самостоятельность государства. В следующем году великому герцогству была дарована весьма демократическая конституция.

После династического кризиса, вызванного смертью в 1890 г. нидерландского короля Вильгельма III, не оставившего наследника мужского пола, в Люксембурге утвердилась новая династия — младшая ветвь Оранско-Нассаусского дома. Новым правителем стал Адольф, бывший герцог Нассауский. В речи, произнесенной в палате депутатов на следующий день после своего въезда в Люксембург, новый великий герцог твердо обещал защищать свободу, независимость и политические институты страны. «Короли умирают, династии угасают, но народы остаются», — говорил он. Однако популярность его сильно пошатнулась после внесенных в палату депутатов проектов об имуществе великого герцога и об утверждении расходов на улучшение его резиденции. Настроение населения сразу же изменилось в пользу сближения с Францией, и прокатилась волна антигерманских демонстраций.

Практически до начала XX в. Люксембург оставался аграрной страной, около половины территории этого маленького (2587 кв. км.) государства находилось под пашней. В долинах рек Мозель и Зауэр возделывался виноград. Животноводство было развито весьма слабо. Кроме традиционных винокуренных, полотняных, фаянсовых, табачных и бумажных производств в последней четверти XIX в. стала развиваться тяжелая промышленность: были построены сталелитейные заводы и фабрики по производству машин.

Швейцария

Первым шагом к оформлению будущего швейцарского государства стало образование в 1291 г. конфедеративного союза трех альпийских кантонов (земель) — Швица, Ури и Унтервальда. По названию первого из них союз получил название Швейцарского. Вскоре к нему присоединились и «городские» кантоны, в том числе Цюрих, Берн и Люцерн. В борьбе про-

тив Священной Римской империи Швейцарский союз отстаивал свою независимость. После победы над союзом южно-германских княжеств в Швабской войне 1499 г. Швейцария фактически стала самостоятельным государством. В XVI в. ее территория увеличилась, а число кантонов достигло тринадцати. К конфедерации присоединились и десять «союзных земель», в число которых входила Женева. Население Швейцарии, преимущественно немецкоязычное, превысило 900 тыс. человек.

По политическому устройству Швейцария оставалась конфедерацией. Причем, единый союзный договор так и не был заключен. Союз основывался на договорах между отдельными кантонами и их группами, а тагзатцунг (верховный орган конфедерации) не обладал четко установленными полномочиями и собирался по мере необходимости. Швейцария не имела постоянной армии, судебной системы и единой казны. Каждый из кантонов сохранял собственную систему управления, обладал своей таможней, почтой, денежными знаками. В городах власть принадлежала цеховой верхушке. В них ежегодно избирались городские советы и магистраты. В Базеле, Фрейбурге и Люцерне были сильны позиции местной аристократии. В сельских кантонах сохранялись традиции общинного самоуправления. Один раз в год происходили собрания взрослого мужского населения кантона, где открытым голосованием решались важнейшие вопросы. В деревнях самоуправлением руководили избираемые на общинных сходах старосты.

Особенности природных условий и географического расположения предопределили специфику экономического строя Швейцарии. Знаменитые альпийские луга позволяли с успехом развивать пастбищное животноводство. Продажа мяса, молока, сыра, кожи, шерсти стала основой экспортной торговли в Швейцарии. Земледельческое хозяйство, напротив, было рентабельным лишь в немногих регионах с плодородной почвой и удобным ландшафтом. Потребности в зерне удовлетворялись преимущественно за счет закупок в соседних странах. Крупнейшими центрами хлебной торговли были Цюрих и Базель. Из отраслей ремесленного производства наибольших успехов достигло сукноделие, льноткачество, шелкоткачество, бумагоделание, книгопечатание, галантерея. Собственное производство металла было невелико — рудники находились лишь в кантонах Берна, Цюриха, Базеля и Граубюнда.

Швейцария являлась важной частью европейской торговой системы. Она связывала транзитную торговлю из Антверпена, средиземноморских портов империи, французских торговых центров. Ярмарки в Женеве и Цюрихе были одними из крупнейших в Европе.

В самой Швейцарии также быстро развивались товарно-денежные отношения. Этому благоприятствовали не только зависимость страны от ввоза зерна и экспортная ориентация мясомолочного животноводства, но и особенности социального строя. Цеховая организация в большинстве швейцарских городов носила необычный характер — цеха объединяли представителей многих профессий и не предполагали запреты на развитие новых ремесел. Поэтому в Швейцарии широко внедрялось производство, построенное по принципу рассеянной мануфактуры. В эпоху Реформации швейцарские города стали пристанищем эмигрантов, многие из которых были высокопрофессиональными мастерами и опытными торговцами.

Товарно-денежные отношения распространялись и среди сельского населения. Феодальные формы зависимости были развиты лишь в недавно присоединенных регионах, приграничных с Италией и Францией. Но и здесь феодальные повинности все чаще заменялись денежной рентой. Большая же часть сельских общин уже в XVI в. состояла из свободных собственников земли. Общинный строй быстро распадался. Доходы от альменды — общинных угодий, в первую очередь лугов, сосредотачивались в руках крестьянской верхушки. Малоземельные крестьяне были вынуждены массово покидать родные места и вербоваться в наемники. Швейцарская наемная пехота снискала себе славу на полях сражений и высоко ценилась во всех европейских странах. В итоге наемничество стало самым специфическим видом швейцарского экспорта и важным источником денежных поступлений в страну.

Неравномерность экономического развития, распад традиционных социальных институтов и ускоренное складывание буржуазных отношений спровоцировали в швейцарском обществе волну конфликтов, крестьянских и городских восстаний. Большое недовольство вызывала церковь, оставшаяся одним из оплотов феодальных порядков. По большей части клир вообще был чужеродным элементом в швейцарском обществе — почти все епископства на территории страны не только не совпадали по своим границам с кантональным делени-

ем, но и включали земли соседних стран. Все это превратило Швейцарию в один из очагов зарождения и распространения протестантизма.

Лидером швейцарской реформации стал известный богослов и проповедник Ульрих Цвингли. Большую известность он приобрел после приглашения в 1519 г. в Цюрих на должность священника городского собора. Евангелические идеи Цвингли быстро распространились во многих городах Швейцарии и Южной Германии. Цвингли резко выступал против как католицизма, так и других реформаторских течений. В противостоянии с цвинглианством в Цюрихе зародилось движение анабаптизма — радикальной христианской секты, выступавшей против института священничества и любой церковной организации. Последователи этого движения подвергались гонениям со стороны городских властей. Цвингли считал, что ложный характер носит и лютеранская реформация, а его отношения с Мартином Лютером приобрели остроту личного конфликта. Попытки сторонников Цвингли силой навязать идеи протестантизма в «католических» кантонах Швейцарии завершились гражданской войной. В одном из сражений в 1531 г. был убит и сам Цвингли.

Впоследствии в Швейцарии широко распространилась лютеранская трактовка протестантизма. Но именно здесь зародилось и движение кальвинизма. Эмигрировавший из Франции Жан Кальвин издал в 1536 г. в Базеле свой главный богословский труд «Наставления в христианской вере». С 1536 г. Кальвин обосновался в Женеве. Под его влиянием женевская городская община превратилась в настоящую теократию. В городе утвердился репрессивный режим, подвергавший жестким преследованиям любые проявления инакомыслия и «порочности нравов». Одновременно Женеве стала одним из крупнейших европейских центров протестантской мысли. В городе действовали более 60 типографий, производивших кальвинистскую литературу. В 1559 г. в Женеве открылась Академия, в которой обучались кальвинистские богословы.

Во второй половине XVI в. в Швейцарии возросло влияние католической церкви. Особым решением папы здесь была введена должность постоянного нунция и созданы несколько иезуитских школ. В 1568 г. был сформирован так называемый «Золотой союз» семи «католических» кантонов, участники которого выступали с единых позиций на заседаниях тагзатцунга и координировали свою внешнюю политику. Религиозный се-

паратизм поставил швейцарскую конфедерацию на грань раскола. Однако прочные экономические связи кантонов, а также гибкая политическая система способствовали преодолению этого кризиса. В дальнейшем швейцарское общество сохранило многоконфессиональный характер.

Эпоха Тридцатилетней войны существенно сказалась на экономическом и политическом развитии Швейцарии. Заключение союза с Францией в 1602 г. способствовало упрочению курса на веротерпимость (благодаря политике Генриха IV) и обеспечило Швейцарии достаточные гарантии от внешней угрозы. Спрос на продовольствие и наемников в странах-участницах Тридцатилетней войны вызвал приток в Швейцарию капиталов и активизацию торговли. Международный авторитет Швейцарии оказался так высок, что бургомистру Базеля удалось добиться при подписании мирных договоров в 1648 г. официального освобождения своей страны от всех обязательств перед Священной Римской империей. Тем самым, Швейцария окончательно стала суверенным государством.

Однако в самой стране нарастал социально-экономический кризис. Усилилось налогообложение, значительно выросли внутренние цены. Сельское население проявляло массовое недовольство, вылившееся в 1656 г. в масштабную крестьянскую войну. Ее подавление значительно укрепило роль городских магистратов в политической системе страны и ускорило развитие экономики по капиталистическому пути. В дальнейшем патриархальные порядки сохранялись лишь в горных кантонах, население которых занималось пастбищным скотоводством. В большинстве кантонов с успехом шло мануфактурное производство. В XVIII в. Швейцария укрепила свое положение одного из ведущих центров текстильного, часового, ювелирного, бумажного производства. Общеввропейское значение сохраняли ярмарки в Женеве и Базеле. Появились и первые швейцарские банки, специализировавшиеся на кредитных расчетах.

Республиканский характер швейцарской государственности избавил страну от противоречий, связанных с формированием и эволюцией абсолютистского строя. Однако на протяжении XVIII в. росло напряжение во взаимоотношениях городского патрициата и зарождавшегося «третьего сословия». Периодически вспыхивали городские восстания. Крупнейшие из них

произошли в 1713 г. в Цюрихе, в 1749 г. в Берне, в 1781 г. в Женеве и Фрейбурге. Достаточно радикальные формы приняло в Швейцарии и просветительское движение. В 1761 г. здесь было создано «Гельветическое общество», среди участников которого были популярны идеи Руссо. После начала революции во Франции Швейцария оказалась охвачена массовым демократическим движением. В 1792 г. в Базеле образовалась Рауракская республика, которая в мае 1793 г. присоединилась к Франции.

В 1798 г. Швейцария была оккупирована войсками французской Директории. На ее территории была провозглашена Гельветическая республика. В стране была введена конституция (по аналогии с конституцией Франции 1795 г.), закрепившая единую структуру законодательной и исполнительной власти, равенство кантонов, отмену личной крепостной зависимости и цеховой регламентации, свободу совести, печати, торговли, ремесла. Однако необходимость выплачивать Франции большую контрибуцию и тяготы, связанные с ведением на территории страны боевых действий французской армии и армий стран антифранцузской коалиции, вызывали все большее недовольство. В стране участились городские восстания, а режим Гельветической республики оказался исключительно нестабилен. За пять лет он пережил пять государственных переворотов, шесть правительств, шесть конституций и наконец прекратил свое существование в 1803 г.

После создания наполеоновской империи Швейцария сохранила вассальную зависимость от Франции. При этом формально было воссоздано конфедеративное устройство страны. После Венского конгресса 1815 г. Швейцария восстановила и свой суверенитет. Причем, по условиям мирного договора был закреплен «вечный нейтралитет» Швейцарии, а также четко зафиксированы ее границы. Число кантонов было увеличено до 22, поскольку подобный статус получили бывшие «союзные земли». Но процесс государственной консолидации шел очень медленно. Показательно, что в стране с населением, не превышавшим 2 млн. жителей, существовало 60 различных мер длины, 80 мер веса, 87 мер сыпучих тел, 81 мера жидкостей. Складыванию единого внутреннего рынка препятствовало сохранение кантональных таможенных пошлин. Союзный сейм по-прежнему не имел почти никаких полномочий.

Перелом в политическом развитии Швейцарии произошел под воздействием революционных событий 1830 г. во Франции. Во многих кантонах были проведены конституционные

реформы, закреплена отмена феодальных повинностей и снижен избирательный ценз. Этим изменениям противился городской патрициат. Демократизация общественно-политического строя встречала сопротивление и аристократических кланов в сорных кантонах. В 1840-х гг. кантоны Ури, Швиц, Цуг, Люцерн, Фрейбург и Валлис даже создали сепаратный военно-политический союз «Зондербунд». В 1847 г. вспыхнула гражданская война. Военные действия продолжались всего три недели, поскольку перевес экономически развитых северо-западных кантонов был очевиден.

В 1848 г. победа сторонников централизации была закреплена новой конституцией. Законодательная власть сосредоточилась в руках общенационального парламента — двухпалатного федерального собрания. Центральная исполнительная власть была передана Федеральному совету (правительству), судебная — союзному суду. Столицей государства стал Берн. Централизованы были почтовая система, телеграф, таможня, система мер и весов. Денежная система была реформирована по французскому образцу. Кроме того, в Швейцарии были провозглашены всеобщее избирательное право, свобода печати, собраний, союзов, вероисповедания. Новая конституция содержала и запрет заключать военные соглашения с иностранными государствами.

В XIX в. Швейцария сохранила достаточно высокие темпы экономического развития. Не имея такого мощного потенциала как Великобритания или Франция, по динамике и характеру модернизационных процессов она, тем не менее, вполне соответствовала закономерностям развития стран «первого эшелона». Большое значение имела транзитная торговля, не только приносящая немалый доход, но и стимулирующая опережающее развитие экономической инфраструктуры в самой Швейцарии. Уже в первой половине XIX в. здесь развернулось активное железнодорожное и шоссеное строительство. Постепенно Швейцария становилась признанным центром кредитно-банковских операций, а также туризма и курортно-гостиничного бизнеса. В стране было построено немало гостиниц, санаториев и курортов. Для обеспечения этих отраслей в 1850-х гг. возникло множество предприятий легкой промышленности, уже не связанных с экспортной торговлей. Создавалась и машиностроительная промышленность, специализировавшаяся

ся в основном на производстве мелких сельскохозяйственных машин.

Таким образом, уже в середине XIX в. в Швейцарии произошёл промышленный переворот. С 1870-х — 1880-х гг. начались процессы концентрации производства и централизации капитала. Наряду со старыми отраслями промышленности (производство часов, шоколада, выделка хлопчатобумажных и шелковых тканей, кожевенное и сапожное, писчебумажное, табачное производство), получили дальнейшее развитие машиностроение, обработка металлов, электротехническая, химическая промышленность. Уже первые монополистические объединения, возникшие в машиностроении, — «Броун, Бовери унд компани», «Эшер-Вис», «Гебрюдер Зульдер»(?) и др. — были достаточно крупными по европейским меркам. В конце XIX европейскую известность приобрели химические концерны «Сандос», «Гейги», «Гофман Ла-Рош». Обеспечить мощный рывок к развитию передовой промышленности позволила модернизация энергетической базы, в том числе строительство на горных реках и водопадах гидроэлектростанций.

По-прежнему были прочны позиции Швейцарии в международной транзитной торговле. К концу XIX в. страну покрывала обширная сеть образцовых шоссейных дорог. Быстрыми темпами шло железнодорожное строительство. Особое значение имело открытие в 1882 г. Сен-Готтардской железной дороги длиной 15 км, установившей прямую железнодорожную связь между Германией и Италией, а также открытие в 1906 г. Симплонского железнодорожного тоннеля, связавшего Париж с Миланом (тоннель стал тогда самым протяженным в мире — 19,8 км). В 1898 г. железные дороги были выкуплены государством у частных компаний, что позволило превратить транзитные перевозки в важнейшую статью национального дохода. Постоянным источником доходов продолжали оставаться туризм и гостинично-курортный бизнес.

Швейцарское сельское хозяйство на этом фоне переживало затяжной спад. Значительная часть разорившихся крестьян устремилась в города, пополняя армию наемных рабочих. Однако экспортно-ориентированные отрасли сельского хозяйства, прежде всего мясомолочное животноводство, сохраняли свою рентабельность и устойчивые рынки сбыта.

На рубеже XIX-XX вв. сложилась знаменитая швейцарская «банковская империя». Были созданы крупнейшие коммерческие банки, большое число ссудных и сберегательных касс.

В 1905 г. был основан Национальный банк Швейцарии. Благодаря законам по защите прав вкладчиков и надежности хранения тайны вклада швейцарская банковская система привлекала деньги со всего света. Размещая у себя огромные средства, Швейцария превращалась и в крупного экспортера капитала. В начале XX в. сумма экспорта достигала уже поистине астрономической суммы, доходившей до 3 млрд. франков ежегодно.

Успешное социально-экономическое развитие Швейцарии способствовало политической стабилизации страны. После конституционной реформы 1874 г. Швейцария стала федеративной парламентской республикой. Федеральная конституция впервые четко зафиксировала исключительную компетенцию центральной власти, куда были отнесены охрана внутреннего порядка страны, защита свободы и прав кантонов, объявление войны и заключение мира, заключение политических и торговых договоров, обеспечение почтовой и телеграфной связи, чеканка монеты и монетное законодательство. Субъектами федерации были 22 кантона, каждый из которых, как и прежде, имел свою конституцию, правительство и парламент. Кантоны были объявлены суверенными «в той мере, в которой их суверенитет не ограничивался федеральной конституцией». Вводилось понятие «федеральных обязанностей» кантонов, связанных, в частности, с соблюдением гарантированных конституцией прав и свобод граждан.

Конституция 1874 г. закрепила равенство граждан перед законом, свободу слова, печати, собраний. Официально было признано равноправие трех государственных языков — немецкого, французского и итальянского. Гарантировалась и свобода вероисповедания, хотя государство оставляло за собой право на регулирование этой сферы общественной жизни. Так, например, федеральные власти осуществляли контроль над образованием епископата, запретили открытие новых монастырей, ввели обязательную гражданскую регистрацию брака.

Специфической чертой политической системы Швейцарии стало активное развитие института референдумов, а также ввод особой практики «народной законодательной инициативы». Требование 50 тыс. граждан было достаточным основанием для рассмотрения любого законопроекта в парламенте, а уже принятый закон мог быть вынесен на референдум по требованию 30 тыс. граждан. Только за первые 25 лет существования

нового конституционного строя из 37 законов, вынесенных на референдум, отклонено было 22.

Важное значение для демократизации государственно-политической системы имело формирование многопартийной системы. Лидирующие позиции принадлежали Радикально-демократической партии, образованной в 1894 г. в качестве партии парламентского большинства и основной политической опоры конституционного строя. Распространение идей социального католицизма и изменение политического курса Ватикана в период понтификата Льва XIII активизировало в Швейцарии деятельность католических кругов. Первоначально католические партийные организации складывались в отдельных кантонах, а в 1912 г. они объединились в Консервативно-католическую партию. Параллельно происходило объединение протестантских общественно-политических организаций. В 1913 г. на их основе сложилась Швейцарская либерально-демократическая партия. Старейшей партией Швейцарии была Социал-демократическая партия, возникшая еще в 1888 г. В рамках II Интернационала представители швейцарской социал-демократии одними из первых перешли на позиции социал-реформизма, отказываясь от идеи пролетарской диктатуры и выступая с солидаристскими лозунгами. Соответствующий курс при поддержке Объединения швейцарских профсоюзов (1880) социал-демократы проводили и внутри страны.

Экономическое благополучие, политическая стабильность и стойкий нейтралитет внешнеполитического курса обеспечили быстрый рост международного авторитета Швейцарии. «Перекресток Европы», признанный центр туризма, быстро превращался в одну из политических столиц мира. Статус нейтрального государства позволил Швейцарии стать не только идеальным убежищем для политических эмигрантов, но и территорией, где развернули свою деятельность различные международные организации — комитет Красного Креста, Лига наций, Международная организация труда и другие. Еще в 1863 г. в Женеве был создан международный комитет помощи раненым, а в 1864 г. была подписана международная Женевская конвенция, в соответствии с которой во многих странах мира были созданы общества Красного Креста.

§ 9

Англия в XVI—XVII вв.

Особенности социально-экономического развития Англии в начале Нового времени

В XVI-XVII вв. Англия по составу населения и специфике экономического развития оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной. В отличие от Нидерландов, где до половины населения было занято в промышленности и торговле, в Англии вплоть до конца XVII в. до трех четвертей 4-миллионного населения страны были заняты в аграрном секторе. В то же время традиционная социальная структура претерпевала существенные изменения, отражающие постепенное становление капиталистического уклада.

Основными отраслями английской экономики были земледелие и овцеводство. Важнейший продукт экспорта — шерсть — скупали приезжие фламандские купцы, а английские предприниматели ограничивались подвозом товара на ближайшие склады по ту сторону побережья «Английского канала», как они именовали Ла-Манш. Крупнейшие из таких складов находились в Кале, отнятом у Франции. В конце XV в. была образована компания «merchant adventurers» (букв. «искателей приключений»), участники которой пытались проникнуть на рынки европейских стран. В XVI в. английская торговля развивалась еще более успешно. Благоприятная конъюнктура на рынке шерсти, сложившаяся в условиях «революции цен», создала особые условия для проникновения в английскую деревню капиталистических отношений, для первоначального накопления капитала. Аграрный переворот, имевший в своей основе экспроприацию крестьянства, совпал с мануфактурной стадией развития капитализма в промышленности.

Уже к концу XV в. в Англии заканчивается процесс коммутации ренты, замены барщины и продуктового оброка его

денежной формой. Ко второй половине XVI в. практически исчезает крепостничество, а преимущественным типом крестьянского землевладения становится копигольд — земельное держание по воле лорда и по обычаю манора. Допуск к держанию копигольдеру обычно предоставлялся в манориальной курии после уплаты вступного файла и принесения присяги лорду. Размеры участка, ставка ренты и срок держания фиксировались в специальном договоре, копия которого выдавалась арендатору. Подобные договорные отношения повсеместно приходят на смену средневековому вилланству. Кроме того, довольно многочисленна была прослойка фригольдеров — свободных мелких землевладельцев, плативших лорду манора лишь символическую плату. Зажиточная верхушка фригольдеров приближалась по своему имущественному положению и социальному статусу к йоменам — крестьянам, обладавшим свободной земельной собственностью. Низшие группы в составе сельского населения составляли лизгольдеры — держатели мелких участков земли на правах краткосрочной аренды, и коттеры — безземельные батраки и поденщики, подмастерья и рабочие деревенских мастерских, имевшие в собственности только свою хижину, или коттедж.

Вместе с городскими бюргерами — членами городских цехов и корпораций, а также домовладельцами, фригольдеры и йомены составляли среднюю прослойку английского общества, которая по традиции называлась «свободными» (middlings). К этой категории принадлежали лица, неблагородного происхождения, но обладающие какой-либо собственностью, уплачивающие налоги и имеющие право избирать депутатов в палату общин английского парламента. Они составляли основу для народного ополчения, созывавшегося во время военной опасности.

Копигольдеры, лизгольдеры и коттеры составляли основу «неблагородного» сословия (niet-gentleman). Из городского населения к «неблагородным» относились наемные работники, ремесленники и мелкие торговцы, не входившие в корпорации и цеха. На самом «дне» общества находились пауперы — бродяги. Характерно, что в XVI в. численность «неблагородных» быстро росла. Это было связано с массовым изгнанием крестьян со своих наделов («огораживанием») и ростом мануфактурного производства. В то же время часть копигольдеров приближалась по своему имущественному положению к сво-

бодным собственникам земельных участков. Эта дифференциация быстро подрывала традиции общинных порядков в английской деревне.

На протяжении эпохи Тюдоров, так же как и столетиями до этого, процесс «огораживания» земли постоянными изгородями протекал по-разному. Имело место огораживание пустошей и лесов для сельскохозяйственных целей; огораживание изгородью земельных участков на открытых полях с уменьшением числа полос в целях улучшения их индивидуальной обработки; огораживание деревенских общинных земель и, наконец, огораживание пахотной земли под пастбища. Все эти виды огораживания повышали благосостояние землевладельцев, и только некоторые из них обездоливали бедняков или способствовали убыли населения. Некоторые огораживания проводились при активной помощи самих крестьян. Другие, особенно огораживания общинных земель, сопровождавшиеся эвикциями — насильственными сгонами держателей с их участков, были глубоко ненавистны и вызывали восстания. В течение первой половины XVI в. практика огораживаний в Англии стала более широкой. За полстолетия цены на ремесленные изделия в среднем выросли более чем в 2 раза, тогда как цены на продукты питания — почти в 3 раза. Образовывался и совершенно новый рынок сбыта — суконные мануфактуры, для которых требовалось большое количество овечьей шерсти. Владельцы земли — лендлорды — в такой ситуации предпочитали эксплуатировать землю более выгодно — отводить ее под пастбища, а не под пашню. При окончании сроков аренды они резко повышали ренту и фактически отбирали земельные наделы у крестьян.

Все более широкой практикой становилось и соединение небольших крестьянских держаний, превращение их в пахотные фермерские участки. Это считалось несправедливым по отношению к населению и ведущим к «уничтожению городков» (т.е. деревень). В 1489 и 1515 гг. были приняты законы, имевшие целью задержать этот процесс, но такие попытки были безрезультатными. Появившиеся впоследствии указы, комиссии и статуты свидетельствуют о тревоге центральной власти в связи с увеличением пастбищ за счет пахотной земли и сопровождающимся уменьшением сельского населения, что означало сокращение основного податного слоя. Впрочем, вопреки сложившемуся мнению, во времена первых Тюдоров огораживание еще не проводилось в сколько-нибудь большом масшта-

бе, если не считать некоторых центральных графств Англии. И даже в этих графствах огораживания под пахотную землю или под пастбище не могли привести к полной ликвидации общинных земель. Даже в XVIII в. многие открытые поля и общинные земли все еще не были обнесены изгородью и оставались неогороженными вплоть до парламентских законов об огораживании, принятых во времена Ганноверов.

Утверждение капиталистических отношений в английском сельском хозяйстве носило неравномерный характер и обладало определенной спецификой в тех или иных регионах страны. На севере Англии доминировали многочисленные йоменские хозяйства, более традиционные по своей экономической ориентации. На юго-западе сохранялись и различные формы феодального землевладения, включая домениальное хозяйство лендлордов. В центральных графствах, напротив, быстрое развитие мануфактур, связанных с производством и обработкой шерсти, стимулировало огораживание и динамичную смену форм землевладения. В целом же можно констатировать, что страна переживала переход от системы широкого распределения земли среди крестьян при низкой ренте, установившейся во времена недостатка рабочих рук в XIV и XV вв., к постепенному отмиранию крестьянских держаний и к их укрупнению в большие (капиталистические) фермы с высокой арендной платой. Это означало дальнейшее сокращение натурального сельского хозяйства и расширение производства для рынка, что было необходимо для удовлетворения спроса растущего населения.

Отмеченные экономические перемены способствовали и дифференциации аристократических слоев населения. Впрочем, в средневековой Англии так и не сложилась жесткая, «закрытая» сословная система. Как в других европейских странах, здесь было два высших сословия — духовное и светское, каждое из которых в свою очередь включало высшую и низшую знать. В состав высшего духовенства входили архиепископы и епископы. Они возглавляли административно-церковные единицы с соответствующими названиями и были как духовными главами, так и высшими распорядителями церковной собственности на этих территориях. Низшее духовенство — священники — возглавляли сельские приходы (церковные общины) и не имели под своим контролем церковной земельной собственности. Подобная иерархия католического духовенства

была частью общеевропейской. Но в XVI в. после проведения в Англии королевской реформации и образования англиканской церкви английское духовенство вышло из-под подчинения папскому Святому престолу.

Светская знать в Англии также состояла из высших и низших групп. Высшее дворянство считалось вассалами короля. Причем, в отличие от континентальных европейских стран, в Англии не действовал принцип «вассал моего вассала — не мой вассал». В Европе земельные владения (феоды) короли передавали на условиях службы лишь высшим дворянам — герцогам. Те в свою очередь наделяли землей своих собственных вассалов и так далее. В Англии после нормандского завоевания установилась совершенно иная система, когда король был не только верховным собственником всей земли, но и каждый феодал считался его вассалом. Но при этом внутри феодального сословия сохранялась и обычная для других стран иерархия — герцогов, маркизов, графов, виконтов и баронов.

Низшая английская знать состояла из баронетов и кавалеров — дворян с наследственными титулами, но без феодальных земельных владений. Эти лица, как правило, тоже имели земельную собственность, но не являлись вассалами короля и владели ею на «коммерческих» основаниях. Еще более низшую ступень в этой группе составляли эсквайры (сквайры) и джентльмены. К этой категории относились лица самого разного происхождения. Главное, что отличало их — это обладание крупной собственностью (землевладельцы без дворянских титулов, купцы, хозяева мануфактур и т.п.) или некоторыми профессиями (офицеры, врачи, юристы). Таким образом, низшее английское дворянство было не родовым. Поэтому категория «господ», т. е. «благородных» (gentlemen) становилась «открытой» для проникновения в нее новых людей из более низких социальных групп.

В XVI в. прежние сословные границы между слоями английского дворянства быстро стирались. Лишь меньшая часть знати оставалась оплотом прежних порядков. Среди этого «старого дворянства» выделялись пары («равные») — крупные лорды-землевладельцы, имевшие наследственное право заседать в Палате лордов английского парламента. Но и их экономическое положение становилось все более сложным. Старая земельная аристократия больше пострадала от инфляции во время «революции цен». Земельная аристократия слишком мало

внимания уделяла управлению своими раскинувшимися в разных графствах поместьями, была менее активна, чем мелкие землевладельцы, реже изгоняла держателей, практически не могла прекращать аренду, налагать штрафы и повышать ренту. Расточительный образ жизни аристократии также играл свою роль в постепенном обеднении старых дворянских родов. Стремление к роскоши, непомерные расходы — все это приводило к долгам и продаже земель. За период 1556-1602 гг. из 40 семейств паров 13 потеряли до половины своих маноров, а 25 — более четверти земельных владений.

В течение всего тюдоровского периода все большее экономическое и политическое влияние получало так называемое «новое дворянство» (джентри). Его основу составляли сквайры, чье богатство особенно возросло в период секуляризации и распродажи монастырских земель. Многие из них наряду с сельским хозяйством занимались также суконным производством и международной торговлей. Ряды «нового дворянства» пополнялись за счет разбогатевшей верхушки сельской и городской буржуазии. Этому способствовал обычай, который поражал иностранных путешественников еще в царствование Генриха VII, посылать младших сыновей из семей сельского дворянства в города, где они начинали самостоятельную жизнь в качестве учеников у преуспевающих купцов и ремесленников, или зарабатывая юриспруденцией. Значительную часть «нового дворянства составляли» и удачливые юристы, вошедшие в круг сквайров в результате покупки земли и постройки господских домов. Большинство из них вело свое хозяйство капиталистическими методами, используя наемный труд. Число английских графских фамилий, основателями которых были юристы, превосходит даже число тех, которые имели предками сукноделов. Таким образом, Англия избежала деления на строго замкнутую касту знати и непривилегированную буржуазию.

Становление английского абсолютизма

С окончанием войны Алой и Белой роз (1455-1485) и воцарением династии Тюдоров в Англии начинается новый период ее истории. Многолетняя усобица привела к почти полному истреблению древних аристократических родов, чьи представители были приверженцами соперничавших кланов Ланкастеров и Йорков. В войне погибли по меньшей мере 80 принцев,

многие пары королевства. Не менее пятой части земельных владений крупных лордов было присвоено короной путем казней и конфискаций. В ходе войны ослабевали власть и влияние не только верхней палаты парламента, состоявшей из представителей знати и высшего клира, но и нижней. Как Ланкастеры, так и Йорки прибегали к произвольным займам, так называемым «добровольным приношениям» со стороны дворянства, горожан и купцов. Очень часто парламент был вынужден по требованию королевской власти выносить приговоры и осуждения за государственную измену, были расширены судебные прерогативы королевского совета.

Все это создавало предпосылки для усиления королевской власти, установления абсолютизма в Англии, расцвет которого приходится на время правления Тюдоров. Основатель династии, Генрих VII (1485-1509) приходился родственником Ланкастеров по женской линии. Закончив феодальную распрю своим браком с дочерью Эдуарда IV Йорка и соединив в своем гербе алую и белые розы, Генрих VII деятельно принялся за решение стоявшей перед ним задачи консолидации страны, подавления оставшихся очагов сепаратизма и упрочения собственной династии. Прежде всего он распустил вооруженные свиты крупных и средних феодалов (так называемые ливрейные дружины) и сровнял с землей замки непокорных лордов, уничтожив аристократические кланы тех, кто по праву крови мог претендовать на английский престол (Линкольна, Варвика, Суффолка, Кортни). Конфискованные земли и имущество мятежников значительнополнили королевскую казну, а частично были розданы сторонникам короля.

Внешнеполитические трудности Англии Генрих VII разрешил, заключив мирные договоры с Францией и Шотландией. Мир с Шотландией, заключенный в 1502 г., имел наиболее важное значение для обеспечения развития страны, особенно ее северных графств. Через год Генрих VII выдал свою старшую дочь Маргариту замуж за шотландского короля Якова IV. Этот династический брак положил конец непрерывным войнам между обоими государствами. Династическая дипломатия весьма широко применялась Тюдорами. Старший сын Генриха VII, принц Артур, был женат на Екатерине Арагонской, что обеспечивало союз с Испанией, важный в период обострения отношений с Францией.

Утвердив свою власть, Генрих VII предпринял широкое наступление на права лордов, в том числе их судебные прерогативы. В 1474 г. лорд-канцлер получил право от собственного имени оказывать защиту истцам, имеющим претензии к обычным судам «общего права». Истцы обращались к королю с просьбой о защите их прав «ради Бога и милосердия», а лорд-канцлер издавал приказы о вызове ответчика в канцлерский суд (что, в случае невыполнения, грозило штрафом). Выполнение приговора канцлерского суда обеспечивалось арестом нарушителя или его имущества. Само же решение лорда-канцлера по делу, принятому к рассмотрению, не было регламентировано никакими традициями, процедурными требованиями, границами юрисдикции — единственной их основой были морально обоснованные «права справедливости» (law equity).

Для обуздания сепаратистских настроений аристократии был учрежден чрезвычайный суд — Звездная палата (по названию помещения, где проходили заседания), имевший право без участия присяжных возбуждать преследования и выносить приговоры по делам, касавшимся короны и фиска. Чтобы уменьшить политическое влияние парламента, в том числе избежать давления парламента при вотировании государственных расходов, Генрих VII ввел режим строгой экономии. Кроме того, он добился закона, по которому право назначать себе преемника принадлежало исключительно королю. Последние 10 лет своего правления Генрих VII почти не прибегал к помощи парламента, который созывался всего лишь однажды. Он принял под свое покровительство торговую и промышленную буржуазию, проявляя особую заботу о развитии торговли и флота, не скупясь для этого на значительные расходы.

Осуществление централизаторских мер было бы невозможным без поддержки самых широких слоев английского общества. Социальная ситуация благоприятствовала этому. Уцелевшие после войны Роз и репрессий Генриха VII представители знати были вынуждены проявлять лояльность по отношению к короне. Взамен старой аристократии Генрих VII, считавший знать естественной опорой престола, стал насаждать новую, так называемую «тюдоровскую аристократию», всецело зависящую от короны, даря титулы и земли своим приверженцам, возвышая их из рядов джентри — нетитулованного дворянства. Его усилия, направленные на политическую стабилизацию и прекращение феодальной анархии, поддержали также массы горожан, заинтересованных в установлении мира и со-

здании благоприятных условий для развития производства и торговли.

Централизаторская деятельность Генриха VII была продолжена его сыном — Генрихом VIII Тюдором (1509-1547). Генрих VIII был незаурядной натурой, получил блестящее образование, питал любовь к поэзии и музыке; его воцарение породило у англичан, в особенности у гуманистов, надежды на наступление эпохи просвещенного правления. Однако его властный, необузданный нрав, подверженность страстям, деспотизм, нетерпимость к любым проявлениям несогласия с его политикой привели лишь к укреплению неограниченной монархии в Англии. Он повел наступление на территории, все еще сохранявшие определенную независимость, отдаленные северные графства и Уэльс. После подавления восстания 1537 года пять северных графств в политическом и административном отношении были окончательно подчинены Лондону, а для управления ими был создан специальный орган — Совет Севера. Та же участь постигла Уэльс. Местных лордов лишили права суда. В Уэльсе была введена английская административная система, а общее управление передано Совету Уэльса.

В первой половине XVI в. происходило идейное оформление абсолютистских притязаний короны, разрабатывалась официальная доктрина королевского суверенитета. Король начал рассматриваться как не только верховный, но и единоличный глава государства, олицетворяющий саму власть и сосредотачивающий неограниченные полномочия. Показательным стало дальнейшее укрепление так называемого «права справедливости», возникшего еще в конце XV в. Формально возникновение «суда справедливости» было связано не с личным вмешательством короля в осуществление правосудия, а с деятельностью лорда-канцлера — «проводника королевской совести». Но постепенно закрепился взгляд на такое судебное решение как на проявление особой «милости короля», более значимой, чем любые законы и обычаи. Для нарушения сложившихся ранее норм «общего права» обвиняемому было достаточно доказать в канцлерском суде, что использование «общего права» ответчиком носило «несправедливый характер».

Королевской власти по-прежнему приходилось считаться с существованием парламента. Если в других западноевропейских странах органы сословного представительства лишились

своего былого значения, английский парламент оставался важным элементом политической структуры абсолютизма, составляя его характерную особенность. В XVI в. парламент не только вогировал налоги по требованию короны, но и активно участвовал в законодательной деятельности государства. Однако Генрих VIII добился закрепления особых прерогатив королевской власти в законодательном процессе. В 1539 г. парламент утвердил право короля на издание особых актов — королевских прокламаций (*Lex Regia*), которые получили полную силу законов и для издания которых не требовалось согласия парламента. При Генрихе VIII был создан и особый государственный орган — Тайный совет, сменивший более аморфный Постоянный совет. Тайный совет приобрел характер постоянно действующего исполнительного органа. Он был немногочисленным (20 чел. — 1526г.) и состоял из ближайших советников короля, высших должностных лиц государства: секретаря, лордов-канцлеров, казначея и др.

Специфичной была система английского местного самоуправления. В отличие от большинства западноевропейских стран, в Англии утвердился принцип выборности местной администрации, не получавшей жалованья из казны. Система местной администрации была довольно разветвленной и состояла из двух «эшелонов» власти, формировавшихся различными способами: путем выборов и путем назначения чиновников графства короной. Центральное место в управлении графствами принадлежало мировым судьям из числа богатых граждан, которые выдвигались на собраниях дворянства графств. На них возлагались такие функции, как судопроизводство, сбор налогов, организация местного ополчения, рекрутский набор, поддержание в порядке коммуникаций и др. Наряду с выборными мировыми судьями в графствах продолжали действовать и шерифы, назначаемые короной. Ведению шерифов подлежали земли королевского домна, располагавшиеся в графствах.

Существенной особенностью английского абсолютизма было отсутствие в распоряжении монарха регулярной армии. Королевская гвардия, созданная Генрихом VII, насчитывала не более 200 человек. В военное время собиралось местное ополчение, основу которого составляли «добрые йомень», воспетые в балладах того времени, и на содержание которого потомки Генриха VII не тратили ни пенса. Каждый пригодный к службе и экономически самостоятельный мужчина был обязан пройти курс обучения военному делу и иметь соответствующую эки-

пировку, а по призыву властей выступить на защиту страны. Подобная практика блестяще оправдывала себя во времена Столетней войны, в битвах при Кресси и Азенкуре, она обеспечила успехи и в новой войне против Франции, и победу в битве против шотландцев при Флоддене (1513). Английская армия обладала лучшими в Европе лучниками, и это превосходство сохранялось до широкого внедрения ручного огнестрельного оружия. В многочисленных военных кампаниях, которые Тюдоры вели на континенте во Франции, Нидерландах, участвовали также наемники или отряды дворян-волонтеров.

Тюдоры уделяли большое внимание флоту, что было стратегически оправдано в силу островного положения государства. Флот был их любимым детищем. Его ядро создал еще Генрих VII, который учредил специальные субсидии для строительства кораблей. Собственно королевский флот был невелик — 4050 кораблей. Но в минуту опасности по требованию монарха к нему присоединились корабли купцов и других частных владельцев, что в несколько раз усиливало мощь английского флота. Средства на его содержание — «корабельные деньги» — собирали с населения всех прибрежных графств и портовых городов.

Начало Реформации в Англии

Важнейшим средством укрепления абсолютистского режима в Англии стало проведение Генрихом VIII «королевской реформации». Первую волну английского реформационного движения вызвало именно стремление государства ликвидировать зависимость от влияния Пап Римских, а также его притязаний на перераспределение земельной собственности и церковных имуществ.

В Англии оппозиция папству существовала со времен короля Эдуарда III (1327-1377), когда парламент отменил ленную подать папам и запретил апеллировать на национальные суды в папскую курию. К тому же времени относится деятельность оксфордского богослова Дж. Виклифа, выступавшего против некоторых догматов католической церкви и ее иерархии. Вплоть до начала XVI в. в Англии активно действовали многочисленные последователи антикатолической секты лоллардов, спо-

собствовавшие Реформации и находившие своих приверженцев среди всех слоев общества. Правящий класс хотел бы иметь независимую национальную церковь, в народе широко распространялась Библия на английском языке. Около 1500 г. под влиянием итальянских гуманистов и Эразма Роттердамского, образовался кружок ученых просветителей, которые ставили целью нравственное очищение церкви и путь к нему видели в изучении античной литературы и отцов церкви.

Генрих VIII по обычаю того времени, по своим склонностям и образованию занял сторону просветителей против церковных обскурантистов. Самый талантливый из оксфордских реформаторов, Томас Мор, был близким к нему человеком, а в 1529-1532 гг. занимал пост канцлера королевства. Впрочем, король пока не думал о реформе церкви. В 1520-х гг., во время религиозного кризиса в Германии, он считался оплотом католичества, огнем и мечом карал последователей Виклифа, сам писал резкие сочинения против Лютера, за что был пожалован папой Львом X титулом защитника веры. Но уже вскоре ситуация изменилась. Поводом стал личный конфликт короля со Святым престолом, в который оказался вовлечен и английский парламент.

После 1523 г., когда Генрих VIII угрозами вынудил у парламента значительную сумму денег, король семь лет не прибегал к созыву сословного представительства. Он попросту не нуждался в его помощи даже для вотирования новых налогов, так как опасался народных волнений, которые часто следовали за их введением, пусть даже с одобрения парламента. Однако вскоре Генрих VIII оказался перед необходимостью скорейшего разрешения обострившегося вопроса о престолонаследии. Его первый брак с испанской принцессой Екатериной Арагонской, вдовой его скоропостижно скончавшегося старшего брата Артура, оказался несчастлив из-за отсутствия наследника мужского пола. Короля и королеву связывали нежные чувства и подлинная привязанность, но из их шестерых детей выжила только принцесса Мария, и Генрих VIII, не на шутку встревоженный судьбой своей короны, решил попытать счастья в новом браке, тем более, что к тому времени он уже успел увлечься придворной красавицей Анной Болейн. Однако намерениям английского короля развестись и жениться вторично воспротивился папа Римский Климент VII, который в то время фактически удерживался в плену императором Свя-

щенной Римской империи Карлом V, племянником Екатерины Арагонской.

Получив от папы отказ в расторжении брака, Генрих VIII решился на открытый конфликт с католической церковью. Он женился на Анне Болейн в 1532 г. и обратился к парламенту и конвокации английского духовенства с призывом поддержать его оппозицию Риму. И парламент, и духовенство последовали за королем и в духе протестов XIV в. высказались против вмешательства папы в дела Англии. Затем парламент отменил аннаты, платившиеся Риму, и запретил исполнять в Англии папские интердикты. В 1534 г. парламент по требованию короля «Актом о супрематии» провозгласил его главой церкви и передал ему право судить священнослужителей, раздавать церковные должности и возводить в сан, распоряжаться доходами духовных учреждений, проводить визитации (осмотры) церквей и монастырей, искоренять ереси и злоупотребления. Новый лорд-канцлер Томас Кромвель, недавний секретарь короля, был назначен генеральным викарием. Генрих VIII сам редактировал религиозные статьи (Articles of Religion), составившие основы новой англиканской веры. Вместо обычной молитвы за папу было предписано в церквях читать: «Избави нас, Господи, от тирании римского епископа!» Духовные лица и светские чиновники обязаны были приносить королю особую присягу, как главе церкви.

Английская королевская реформация, проводимая «сверху», первоначально была очень ограниченной и не означала свободу протестантизма в стране. Напротив, сторонников евангелического направления преследовали и сжигали на кострах как еретиков. Одновременно на основании «Законов об измене» казнили уже в качестве политических преступников католиков, которые не соглашались признать церковное главенство короля. Среди них был Т. Мор, когда-то веривший, что король Генрих VIII станет образцом просвещенного и гуманного государя. Для него мучительную казнь король милостиво заменил отсечением головы. Высоко ценя собственные задатки богослова, король считал себя способным установить истинный религиозный идеал для своих подданных. По его настоянию парламент, чтобы укрепить новое вероучение, в 1539 г. определил неподвижность догматов статутом «Шести статей», признававшим некоторые из католических обрядов. «Шесть кровавых статей», «бич о шести хвостах», как его называли протестан-

ты, отражал религиозный консерватизм короля и запрещал причащение под обоими видами, требовал безбрачия священников, католической обедни и тайной исповеди и грозил за отступничество смертью на костре и конфискацией имущества.

Английская монархия извлекла из церковной реформы большую финансовую выгоду. Томасу Кромвелю в качестве генерального викария короля по церковным делам было поручено произвести ревизию монастырей, церквей и духовных госпиталей под видом проверки благонадежности клириков и образа их жизни. Английское духовенство, как и по всей Европе, было далеко небезупречно, но ревизоры, знавшие настроения короля и желавшие угодить ему, превзошли клир в злоупотреблениях. Кромвель и его подчиненные, используя сплетни и заведомо клеветнические свидетельства, сфабриковали объемистый обвинительный акт, «черную книгу», на основании которой была начата конфискация церковного имущества. Парламентскими актами 1536 и 1539 гг. в Англии были закрыты монастыри, сначала 376 меньших, а затем все остальные: 645 монастырей, 90 коллегий, 2374 богоугодных заведения и 110 госпиталей. Демонстрации изгнанных из монастырей монахов и бедноты, кормившейся при монастырях, использовались королевскими чиновниками в качестве предлогов для усиления борьбы с «противниками короля», массовых казней аббатов. Секуляризация монастырских имуществ порой принимала вид настоящего грабежа: чиновники расхищали драгоценные ризницы, под предлогом «борьбы против язычества» разбивали иконы и распятия; сожгли даже останки борца против королевского деспотизма Томаса Бекета. Монастырские земли распродавались спешно и дешево, покупкою их обогатились многие дворяне. За девять лет с 1536 г. Генрих VIII получил от конфискованных богатств около 1,5 млн. фунтов стерлингов дохода. Из конфискованных земель король одарил многих новых лордов, которых он посадил в верхнюю палату на места, освободившиеся после казни аббатов. Генеральный викарий Кромвель, навлекший на себя подозрения в злоупотреблениях, также был казнен.

Административные реформы и королевская реформация, начавшаяся в Англии при Генрихе VIII, стали закономерным и важным шагом на пути укрепления абсолютной монархии. В результате реформации король стал официально именоваться «протектором и верховным главой англиканской церкви и ее духовенства». Он присвоил себе власть распоряжаться цер-

ковными должностями и бенефициями и получать десятину. Церковь, созданная Генрихом VIII, стала идеальным орудием в руках монархии, полностью соответствуя формуле: «Один Бог, один король, одна вера, одно исповедание». Генрих VIII стал выше законов и религии, деспотизм его не знал пределов. И погоне за наследником престола, которой он отдался со всем мылом своей страстной природы, он женился шесть раз, и две из его несчастных жен — Анна Болейн и Екатерина Говард погибли на плахе.

По мере укрепления абсолютизма в англиканской церкви начали усиливаться прокатолические тенденции. Эта тенденция касалась прежде всего общественной роли церкви. Национальная церковь католического образца (например, галликанская, возникшая во Франции) становилась в условиях абсолютистской государственности важным каналом духовного влияния государства. В лоне огосударственного католицизма формировалась особая массовая политическая культура с высокой степенью эмоциональности, экспансивности, большой ролью коллективных политических символов, идеологических постулатов. Английский абсолютизм нуждался в такой церкви и в качестве дополнительного рычага управления, инструмента прямого политического влияния. Под эгидой церкви ужесточилась политика в отношении инакомыслия. В обществе эти тенденции рассматривались как «угроза папизма». В ответ с конца XVI в. начала формироваться активная религиозная оппозиция — движение за очищение церкви (пуританизм). Спустя несколько десятилетий пуританизм станет одной из наиболее активных общественных сил, бросивших вызов абсолютной монархии и приведших Англию к буржуазной революции.

Политический кризис середины XVI в.

После смерти Генриха VIII престол унаследовал его девятилетний сын от третьей жены Анны Сеймур, умершей после родов, Эдуард VI (1547-1553). Управление страной находилось в руках регентов сначала дяди юного короля, протектора герцога Сомерсета, а затем герцога Нортумберленда, убежденных сторонников протестантизма. При их поддержке и активном участии Томаса Кранмера, архиепископа Кентерберийского,

были предприняты дальнейшие шаги в реформировании церкви. Было введено использование Библии на английском языке, английская литургия, допущено причащение под обоими видами, разрешены браки священников, принят догмат оправдания верой, Священное Писание было признано единственной основой вероучения. Отделившаяся от Рима англиканская церковь все больше усваивала черты лютеранского и кальвинистского вероучения и сохранила, подобно скандинавским церквям, епископальный строй.

Дальнейшие шаги по реформированию церкви поддерживались дворянством, которое стремилось закрепить в своих руках церковную собственность. Но принятый в 1547 г. Акт о ликвидации часовен вызвал крестьянские восстания на юго-западе и востоке страны, особенно в графстве Норфолк. Недовольство низших слоев результатами секуляризации переросло в открытый бунт из-за того, что система поддержания мостов и переправ, школ и благотворительных учреждений, существовавшая на пожертвования часовням, оказалась разрушена опять-таки в угоду дворянству и придворной знати. Крестьянские восстания в Англии были сходны с германским движением 1525 г.: простой народ и здесь выступал во имя понятого по-своему божественного права. Воспользовавшись нерешительностью герцога Сомерсета, который попытался мирно уладить конфликт, организовав комиссии для разбора жалоб крестьян, его злейший враг граф Варвик, герцог Нортумберлендский, добился смещения протектора и его казни. Так как дворянская конница оказалась не в силах справиться с ширившимся восстанием, новый правитель королевства Нортумберленд, прибег к помощи наемников — итальянских мушкетеров и немецких ландскнехтов.

После восстановления порядка в стране архиепископ Кранмер при содействии знаменитых протестантских богословов, среди которых было немало кальвинистов, выработал «42 статьи веры», составивших основу англиканской церкви. В 1553 г. парламент возвел эти статьи в государственный закон, который с небольшими изменениями дошел до наших дней. Кроме этого, Кранмер составил англиканские молитвенники, так называемые «Книги общих молитв», изданные в 1549 и 1552 гг. Протестантское учение превозносило брачное состояние, освящало религией деловую жизнь; это было реакцией на утверждение католицизма о том, что истинная религиозная жизнь заключается в целомудрии и удалении от мира в монастырь.

Разрешение вступать в брак, полученное духовенством при Эдуарде VI, было одним из симптомов этой перемены взглядов. Протестантским идеалом являлась религия семейного очага с домашним чтением Библии в дополнение к церковным службам и таинствам. Домашняя религия и Библия сделались социальным обычаем — общим для всех английских протестантов, не только для представителей их крайних течений. Английская религия нового типа идеализировала труд, посвящая Богу свои дела в торговле и сельском хозяйстве.

Эдуард VI был хорошо образованным, мягким и добрым юношей, делавшим большие успехи в учебе. Его личной инициативе обычно приписывают открытие в Англии грамматических школ, значительно улучшивших светское образование. Серьезной помехой к осуществлению его самовластия стало слабое здоровье. Пользуясь мягкостью характера болезненного короля, Варвик уговорил его отстранить от престолонаследия сестер Марию и Елизавету и назначить в преемницы дальнюю родственницу, правнучку Генриха VII, Джейн Грей, ревностную протестантку и невестку Нортумберленда.

Царствование Эдуарда VI оказалось недолгим. После его смерти герцог Нортумберленд возвел на престол Джейн Грей. Однако недовольное его правлением дворянство приняло сторону Марии Тюдор, дочери Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской. Прочаствовав всего 10 дней, королева Джейн сложила голову на плахе вместе с герцогом Нортумберлендским.

Мария Тюдор (1553-1558), фанатичная католичка, вступившая в крайне непопулярный в стране брак с принцем Филиппом Испанским, уничтожила завоевания Реформации в Англии и восстановила прежнюю римско-католическую религию, готовила реституцию секуляризованных земель. По требованию Марии в 1553 г. парламент отменил законы об утверждении англиканской религии, принятые при Эдуарде VI, и вернул силу законам против протестантов. Сближение Марии с Испанией, самой опасной соперницей Англии, испугало широкие слои англичан, спровоцировав три крупных восстания под лозунгом защиты Англии от испанцев. При их подавлении Мария выказала достаточную твердость и даже храбрость. Опираясь на недовольные абсолютистской политикой слои дворянства, главным образом из экономически отсталых районов Англии, Мария стала преследовать деятелей Реформации. Каз-

ни архиепископа Т. Кранмера, епископов Х. Латимера, Н. Ридлея и их сторонников, общим числом около 300 человек, дали основание протестантам прозвать Марию Кровавой. Однако Мария не решилась после твердого отказа парламента возвратить церкви монастырские земли и имущества, отнятые короной при ее отце и перешедшие в руки светских владельцев. По некоторым данным, около 40 тыс. английских семей к тому времени имели в собственности конфискованные монастырские земли. Мария добилась возвращения лишь тех земель, которые еще оставались собственностью короны.

Внешнеполитический курс Марии Тюдор также вызывал недовольство в стране. Вовлеченная по ее воле в войну против Франции на стороне Испании, Англия потеряла в 1558 г. свое последнее владение на континенте порт Кале.

Расцвет английского абсолютизма. Елизавета I.

После смерти Марии английская корона перешла к Елизавете I (1558-1603), дочери Генриха VIII от второго брака с Анной Болейн, не признанного папой римским. Елизавета восстановила в стране протестантизм в его умеренной англиканской форме. В 1559 г. парламент подтвердил верховенство короны в делах церкви. В реформированной англиканской церкви по-прежнему сохранялся епископ, равно как и блеск, и порядок богослужения. Право назначения епископа оставалось прерогативой королевской власти.

Правительство Елизаветы издало суровые законы против католиков. Переход из протестантизма в католицизм приравнивался к государственной измене. Королева провозглашалась верховным правителем церкви Англии. В соответствии с Актом о единообразии устанавливалась единая форма богослужения на английском языке на основе молитвенника 1549-1552 гг. В 1562 г. собрание духовенства в Лондоне весьма умеренно переработало кранмеровские «42 статьи веры», а в 1571 г. английский символ веры из 39 статей, в котором католические догмы сочетались с кальвинистскими, был принят парламентом в качестве закона.

Недовольство буржуазии и нового дворянства умеренным характером английской Реформации нашло выражение в распространении пуританизма — своеобразной формы кальви-

низма в Англии XVII-XVIII вв. В 50-60-е гг. XVI в. пуритане (лат. «purus» — «чистый») открыто выступали против государственной епископальной церкви, противопоставляя ей демократическое устройство церкви, управляемой выборным духовенством. Пуритане отвергали учение о «благодати», требовали изгнания «идолослужения», т.е. пышных обрядов, поклонения иконам, отвергали алтари, пышные церковные облачения и предметы утвари, решительно осуждали роскошь, праздность, развлечения, ратовали за бережливость, умеренность, предприимчивость в делах. Идеи пуритан выражали настроения наиболее активной части английской буржуазии и нового дворянства, формируя этику эпохи раннего капитализма. Сама манера одеваться отличала пуритан: простой черный костюм с белым воротником и волосы, остриженные в кружок, они противопоставляли ярким, расшитым золотом нарядам придворных щеголей, осуждая в том числе их пышные, завитые парики «локони». Восшествие на трон Елизаветы I внушало пуританам надежду на дальнейшие реформационные преобразования и способствовало отказу от недавних радикальных требований и тираноборческих настроений. Однако церковная политика Елизаветы не оправдала этих надежд. На пуритан обрушились репрессии, но преследования не смогли остановить распространение кальвинистских идей. Пуританское движение в Англии приобретало все более активный характер.

Воцарение королевы-протестантки, восстановление англиканства и королевской супрематии заставили сплотиться европейскую и внутреннюю католическую реакцию. В 1570 г. папа Пий V издал буллу об отрешении Елизаветы от власти как незаконной королевы и отлучении ее от церкви как еретики, об освобождении ее подданных от присяги верности и запрещении повиноваться ей. Тем самым папа санкционировал многочисленные заговоры и покушения на Елизавету I, во главе которых стояли некоторые представители высшей английской аристократии, как например герцог Томас Норфолк.

Католические державы, в первую очередь Испания, и папство использовали в борьбе с Елизаветой шотландскую королеву-католичку Марию Стюарт, заявившую о своих правах на английский престол так как она была правнучкой Генриха VII. Мария Стюарт (1542-1587), дочь шотландского короля Якова V и герцогини Марии де Гиз, долгое время воспитывалась во Франции, готовясь стать супругой дофина. Француженка

по крови и воспитанию, она оказалась чужой в Шотландии, куда вернулась в 1561 г. после скорострительной смерти своего слабого здоровьем мужа Франциска II. Несмотря на блестящее образование, живой ум и склонность к политическим интригам, Мария Стюарт не смогла утвердиться на шотландском престоле. Ее второй брак с лордом Дарнлеем, ее родственником по линии Стюартов и Тюдоров одновременно, не способствовал этому. Мятежи знати и победа в Шотландии кальвинистской Реформации вынудила ее в 1568 г. бежать из страны. Мария оказалась в руках английской королевы, которая содержала ее в заключении почти 19 лет, перевоза из одного замка в другой. Английские и шотландские католики подготовили множество заговоров с целью освобождения Марии Стюарт и возведения ее на английский престол. Елизавета I после долгих колебаний решила на казнь Марии Стюарт, ставшей серьезной угрозой ее власти. Шотландская королева была обезглавлена по обвинению в организации так называемого «заговора Бабингтона», и тем самым в Англии был создан прецедент судебного преследования и осуждения коронованной особы.

Папа Сикст V особой буллой призвал католиков к крестовому походу, к священной войне с Англией и ее «королевой-еретичкой». Испания стала готовить вторжение, Филипп II, которому Мария Стюарт завещала свои права на английский престол, снарядил для этого большой флот — «Непобедимую армаду», — основу которого составили 130 тяжелых кораблей, имевшие на борту 19 тыс. отборных солдат и более 2 тыс. орудий. Армада должна была пройти в Дюнкерк, взять там на борт испанские войска, находившиеся в Нидерландах, и затем высадить десант в устье Темзы, недалеко от Лондона. Испанцы рассчитывали, что их вторжение будет поддержано восстанием английских католиков.

В Англии война с Испанией воспринималась как борьба за национальную самостоятельность страны. Была создана 34-тысячная армия для отпора испанскому десанту и защиты Лондона. Флот, насчитывавший около 200 боевых и транспортных кораблей пополнился купеческими и пиратскими судами. Им командовал лорд-адмирал королевства Чарльз Говард, граф Ноттингем, родственник королевы Елизаветы.

В противоположность испанскому английский флот состоял из легких, быстроходных кораблей и был лучше вооружен артиллерией. Командование английского флота решило избе-

жать генерального морского сражения, но активно атаковать отдельные корабли и мелкие соединения на флангах и в тылу армады. Экипажи английских судов состояли из моряков, прошедших хорошую школу в торговом или рыболовном флоте и нередко участвовавших в пиратских налетах на испанские корабли и поселения в Новом Свете. Ф. Дрейк, Дж. Хокинс, У. Рэйли и другие известные пираты и мореходы этого времени приняли участие в сражении с армадой, командуя кораблями и целыми соединениями. Англичанам помогал флот борющихся за независимость от испанцев северо-нидерландских провинций.

26 июля 1588 г. армада вышла из Ла-Коруньи и через несколько дней достигла английских вод у Плимута; отсюда она направилась к Дюнкерку. Это был момент, удобный для атаки со стороны английского флота. Морские сражения длились две недели, и в итоге армада не смогла дойти до Дюнкерка. Испанскому флоту не удалось принять на борт дополнительные сухопутные войска, необходимые для обеспечения десанта; сам флот был рассеян в битве при Гравелине 9 августа 1588 г. и отнесен в Северное море, потеряв большое количество кораблей. Отступление через Ла-Манш оказалось невозможным из-за сильного южного ветра, разразившаяся буря разбросала корабли армады у берегов Шотландии и довершила ее разгром. На западном побережье Ирландии было взято в плен 5 тыс. испанцев. В испанские порты вернулись лишь 10 тыс. человек на 86 кораблях.

Гибель «Непобедимой армады» ознаменовала начало заката морского могущества Испании. Господство на море стало переходить к Англии и Республике Соединенных провинций, которая также находилась в состоянии войны с Испанией. Продолжавшиеся военные действия способствовали английским колониальным захватам и многочисленным пиратским экспедициям, всячески поощряемым правительством Елизаветы I. Это придавало особенность периоду первоначального накопления в Англии, ускоряя развитие капиталистических отношений. Успехи англичан на море все возрастали, и это при том, что английская армия и флот были по существу полурегулярными, страдали от недостатка государственного финансирования и трудностей в командовании и управлении операциями. Еще в 1581 г. Ф. Дрейк завершил свое знаменитое плавание, вторым после Ф. Магеллана обогнув земной шар. В 1584-1587 гг.

У. Рэйли осуществил несколько попыток колонизировать территорию в Северной Америке, названную им в честь «королевы-девственницы» Елизаветы I Виргинией, а в 1595 г. в поисках легендарной страны Эльдорадо предпринял экспедицию в Южную Америку.

1591 год ознаменовал начало английского проникновения в Ост-Индию, а в 1600 г. королева подписала льготную хартию «Общества торговых предпринимателей», положив начало Ост-Индской компании. В 1596 г. английские корабли разгромили испанский флот в гавани Кадиса. Дж. Хокинс одним из первых стал вывозить с западного побережья Африки чернокожих невольников для продажи их на работы в Америке. В последние годы царствования Елизаветы I флот Ост-Индской компании побывал на «Островах пряностей» (Молуккских островах). Англичане начали постепенно вытеснять португальцев из Индии. В Англии создавались общества для использования выгоды от морских набегов, доходы распределялись между пайщиками, в числе их тайно участвовала королева. Продолжали развиваться также другие компании, обеспечивавшие заморскую торговлю: Московская, Марокканская, Восточная, Африканская, Левантская. Королева присутствовала на открытии Лондонской биржи, ставшей символом процветания английской торговли и знаком развития капиталистических отношений.

В правление Елизаветы I Тюдор английский абсолютизм достиг своего наивысшего расцвета. Однако к концу этого царствования начали проявляться симптомы кризиса. В отношениях с парламентом Елизавета I показала себя искусным политиком, продолжив тюдоровскую практику «приручения» парламентариев, всячески пытаясь через членов Тайного совета и связанных с ними местных магнатов влиять на депутатов палаты Общин. Вообще она крайне неохотно прибегала к созыву парламента. Ее отец, брат и сестра созывали парламент 28 раз за тридцать лет, то Елизавета созвала его 9 раз в первые 13 лет и только тринадцать раз за все время сорокапятилетнего правления. Ее нежелание созывать собрания было общепризнанно и не отрицалось. В 1593 г. лорд-канцлер Пакеринг объявил обеим палатам, что королева «очень не хочет созывать свой народ в парламент» — но это была не критика, а комплимент. Пакеринг заметил, что ее предшественники часто созывали парламент, а «она делала то же самое, но редко и только по самым оправданным, важным и великим случаям».

«Важными причинами» для созыва парламента становились вопросы о введении новых налогов и субсидий для короны, нуждающейся в деньгах для ведения войн, прежде всего против Испании. У двенадцати сессий парламента из всех тринадцати Елизавета просила ассигнований на расходы правительства. Представители королевы, обосновывая в парламенте необходимость этих мер, твердили одно и то же: протестантская религия в опасности, оборона королевства обходится дорого, и королева, при всем своем крайнем сожалении, вынуждена просить денег. Большую часть своего времени на большей части заседаний парламента делал свое дело, голосуя за субсидии, которые просила королева, обсуждая и принимая законопроекты государственного значения, рассматривая частные законопроекты, необходимые, чтобы развязать узлы земельного права и столкновения конкретных интересов. Чаще всего не требовалось ничего, кроме самого мягкого нажима, чтобы добиться завершения нужного дела.

Показательно, что посещаемость заседаний членами парламента не всегда была высокой и падала по мере продолжения сессий. Дело доходило даже до введения штрафов для недобросовестных депутатов. То же наблюдалось и в верхней палате. Так, в 1563 г. сессия палаты лордов началась в присутствии почти 50 человек из максимального числа 80, но в конце посещаемость упала до 34. В последующих сессиях первоначальное присутствие упало приблизительно до 45, хотя уровень в конце сессии оставался постоянным — примерно 30-35 пэров и епископов. Известно, что в каждом парламенте выступало только 10 процентов из числа его членов, хотя, возможно, в 1601 г. это количество удвоилось. Долгая дискуссия о монополиях на сессии 1601 г., похоже, повысила уровень интереса и активности депутатов. В десяти зарегистрированных голосованиях принимало участие в среднем 47% парламентариев, хотя посещаемость варьировалась от 66% от общего числа, когда обсуждался закон о пашне, до 17% по вопросу о законе о банкротстве. Из этого можно сделать вывод, что в парламенте было гораздо больше землевладельцев, чем ростовщиков.

Эта картина плохо посещаемого парламента, где большая часть депутатов палаты общин и пэров не испытывают особого интереса к обсуждаемым проблемам, кажется весьма далекой от рисуемой некоторыми исследователями ситуации острого противостояния королевской власти и нижней палаты.

В сущности почти до самого конца XVI в. не возникало причин для острого конституционного конфликта между короной и парламентом. Когда Елизавета встречалась с депутатами, она не видела перед собой ни «сомкнутых рядов» мятежного дворянства, защищающего свои исконные права, ни представителей общин, отстаивавших «вечные права» английского народа. В заседаниях парламента принимали участие только те, кто либо боялся общественного и королевского порицания за пренебрежение своими обязанностями, либо не имел больше никаких важных дел.

Елизавета была незаурядной правительницей, умело использующей весь предшествующий политический опыт Тюдоров. Она охраняла высокий престиж пэрства, оказывала аристократии всестороннюю поддержку за счет крупных выплат из казны, прощения долгов, земельных пожалований, раздачи должностей и т.д. Орден Подвязки при Елизавете получали почти исключительно пэры, тогда как при ее отце половину кавалеров ордена составляли нетитулованные дворяне. Дальновидность королевы проявилась в том, что она стремилась сделать своей опорой и буржуазно-дворянские круги. Любимым ее символом был пеликан, по преданию, кормящий птенцов мясом, вырванным из собственной груди. Пеликан олицетворял безграничную заботу королевы о ее нации.

Протекционистская политика Тюдоров способствовала прогрессу производства и торговли. Важную роль в развитии сукноделия сыграли статуты Генриха VII, запрещавшие вывоз шерсти и необработанного сукна из Англии. Навигационные акты обоих Генрихов поощряли мореплавание и торговлю английского купечества и привлекали на английский рынок иностранцев. Елизавета I активно насаждала «новые ремесла» — производства стекла, бумаги, хлопчатобумажных тканей и др. По ее инициативе были созданы крупные паевые товарищества, способствовавшие качественному скачку в горнодобывающей промышленности и металлургии.

К концу XVI в. королевская власть столкнулась с жестоким финансовым дефицитом. Расходы на ведение борьбы с Испанией, на помощь протестантам в Нидерландах и Франции, покорение Ирландии опустошили казну. Королева была вынуждена продавать коронные земли. Размеры ее пожалований и прямых выплат из казны знати сократились. Это вызвало недовольство феодальной аристократии, что вылилось в 1601 г.

в антиправительственный заговор молодых дворян во главе с графом Эссексом, авантюристичным любимцем стареющей королевы. Большинство лондонцев, ожидая от победы заговорщиков только возвращения мрачных времен феодальных распрей, не поддержали мятежников, вышедших на улицы столицы с оружием в руках. Солдаты королевы легко разогнали выступивших мятежников, граф Эссекс и его сообщники были схвачены и посажены в Тауэр. Тем не менее Елизавета, опасаясь волнений среди лондонской бедноты, держала столицу на военном положении в течение двух недель. Непокойно было и в соседнем с Лондоном графстве Мидлсекс. В таких условиях Тайный совет поспешил вынести Эссексу смертный приговор. В конце февраля он был казнен; были наказаны и другие участники мятежа.

Одновременно с ростом претензий к королеве со стороны консервативного лагеря назрели изменения в отношениях короны с буржуазно-дворянскими кругами. В последние годы своего правления Елизавета резко усилила нажим на парламент, требуя все новых и новых субсидий, сборов на военные нужды, принудительных займов. Она стала устанавливать дополнительные торговые пошлины и поборы с купеческих компаний. Особое недовольство населения вызывало беспрецедентное увеличение количества частных монополий, которые распространились на большинство отраслей производства и торговлю почти всеми видами товаров. Государственное регулирование экономики, которое до 60-70-х гг. стимулировало ее развитие, теперь превратилось в тормоз. На фоне растущего общественного недовольства происходила консолидация парламентской оппозиции. Ее первым серьезным успехом стала отмена части монополий в 1601 г.

Воцарение династии Стюартов

Перед своей смертью Елизавета I объявила своим преемником шотландского короля Якова VI, сына Марии Стюарт и Генри Дарнлея, как ближайшего родственника Тюдоров. Несмотря на личную неприязнь, оба монарха воспринимали создавшуюся династическую коллизию как повод для укрепления королевской власти. Яков Стюарт строил свои отношения с Елизаветой как королевой тех земель, которыми ему рано

или поздно предстоит править. Даже его религиозная политика велась сообразно с мнением Елизаветы. Демонстрируя отказ от католических устремлений своей матери, Яков женился на протестантке — датской принцессе Анне. В преддверие нападения испанской «Непобедимой армады» шотландский король предоставил Елизавете все свои войска «для защиты общей веры». В 1599 г. Яков Стюарт опубликовал политический трактат «Царский дар», в котором утверждался идеал абсолютной монархии, осмысливались божественные истоки королевской власти, доказывалась необходимость единовластия в сфере законодательства, судопроизводства и управления, опровергалась идея «общего права», не связанного с королевским законодательством. Все эти идеи получили горячее одобрение в окружении Елизаветы I.

После смерти Елизаветы 24 марта 1603 г. Яков Стюарт взошел на английский престол под именем Якова I (1603-1625). Первым из английских королей он объединил под одним скипетром Англию, Шотландию и Ирландию, завоевание которой было закончено за несколько недель до начала его царствования. Яков I приказал разрушить замок, где последние годы томилась его мать, а ее тело перенести из небольшой католической капеллы в усыпальницу всех английских королей — Вестминстерское аббатство.

Умный и энергичный человек, не лишенный политического чутья, Яков I в то же время отличался чрезмерным самолюбием и непоколебимой верой в божественное покровительство королевской прерогативе, т.е. неограниченной власти короля в законодательной и исполнительной сферах. Свои притязания подверженный романтическим порывам и легко увлекающийся король самозабвенно излагал в ученых трудах, речах и манифестах, которые отличались изяществом стиля и безукоризненностью формулировок. Уверенный в том, что «если нет епископа, то нет и короля» Яков I находил сильнейшую опору своим стремлениям в епископах англиканской церкви. По теории, отстаиваемой ими, абсолютная монархия — единственно правильная форма, отвечающая божьей воле и природе человека, те права, на которых настаивает парламент, безбожный захват; народ не может считаться источником власти, потому, что он образует «беспорядочную толпу». Оксфордский университет, находившийся под влиянием высшего духовенства, объявил, что подданные ни при каких обстоятельствах не имеют права сопротивляться своему государю, хотя бы и для собс-

твенной защиты. Это заявление было противоположно знаменитому положению Великой хартии вольностей о праве на сопротивление королю, когда он нарушает закон. Видную роль в отстаивании королевской прерогативы сыграл Фрэнсис Бэкон (1561-1626), выдающийся философ-материалист, юрист и государственный деятель. За заслуги перед короной он был назначен лордом-канцлером и пожалован титулами барона Верулама и виконта Сент-Олбанса.

Стремясь быть справедливым королем для всех частей своего государства, которое он именовал не иначе как «Великобритания», и для всех подданных, как протестантов, так и католиков, Яков I всю строгость свою обратил на пуритан, считая их главными противниками своих божественных прав. С самого начала его правления в Англии пуританское низшее духовенство подверглось гонениям, многие священники лишились своих мест. Это, а также финансовый вопрос осложняли отношения короля с парламентом.

Королевский домен, бывший гарантией финансовой независимости Тюдоров от парламента, значительно сократился к концу царствования Елизаветы I частично из-за пожалований знати, но в особенности из-за распродажи коронных земель. Земельные владения короны за период с 1561 по 1640 г. уменьшились на 75%, к тому же в связи с инфляцией, вызванной «революцией цен» понизилась общая доходность королевских владений. Постоянные столкновения с Испанией и Францией увеличивали государственные расходы. Назойливые притязания Якова I по поводу своей божественной власти не мешали ему просить денег у парламента, в который в период его царствования попадало все больше пуритан и который видел причины постоянной нехватки денег в неумелой политике, злоупотреблении королевских чиновников или огромных тратах двора на увеселения. Яков I предложил парламенту уничтожить старые феодальные выкупы и уплаты, поступавшие в пользу короля при продаже поместий, и заменить их постоянным налогом в размере 200 тыс. фунтов стерлингов. Этот так называемый «большой контракт» не был принят парламентом, в результате чего правительство опять обратилось к практике раздачи монополий, приостановленной Елизаветой I. Кроме того, правительство начало практиковать широкую торговлю дворянскими титулами, был учрежден новый титул баронета,

дававший личное дворянство, также пущенный в продажу. Однако это, как и планы сокращения расходов двора и государственной экономии, не помогало решить проблему нехватки денег, и королю приходилось просить у парламента новые субсидии. Парламент 1614 г. своим твердым отказом вотировать новые налоги вызвал гнев короля и был очень скоро распущен.

Одной из самых непопулярных мер в царствование Якова I стала казнь У. Рэйли, еще в 1603 г. приговоренного к смерти за участие в заговоре в пользу Арабеллы Стюарт, близкой родственницы короля, бывшей также претенденткой на престол. Исполнение приговора было отложено, и Рэйли, проведенному в Тауэре 13 лет и написавшему за это время знаменитый труд «История мира», позволено было возглавить вторую экспедицию в Гвиану. Разрушив испанское поселение в устье реки Ориноко, англичане не нашли обещанных Рэйли золотых россыпей и вернулись на родину. Яков I, раздосадованный обманом старого пирата и его дерзостью, ухудшавшей отношения с Испанией, подписал приказ о приведении старого приговора в исполнение. Эта казнь человека, славившегося воинским опытом и отвагой, казалась всем англичанам неразумной и тем более низкой, что совершалась в угоду испанцам, старинным врагам.

Парламент 1621 г., созданный после семилетнего перерыва, принес жалобы на беззаконие подобной практики и потребовал суда над королевскими чиновниками, которые обогащались при раздаче промышленных привилегий, среди обвиняемых был и лорд-канцлер Фрэнсис Бэкон, в действительности человек далеко не безукоризненный. Король, который к этому времени, казалось, полностью утратил свои царственные задатки, сохранив лишь высокомерие, бестактность и непоследовательность в отношениях с парламентом, выдал Бэкона. Лорд-канцлер на суде признал свою вину и был лишен должности.

Отношения между Яковом I и парламентом обострились: против королевской теории власти пуритане выдвинули свое учение о народовластии. Обе стороны ссылались на Библию и на прошлое Англии, толкуя их примеры в свою пользу. На требование короля воздержаться от обсуждения его политики депутаты заявили, что «свобода парламента составляет древнее и несомненное право и наследие англичан... что при ведении и обсуждении этих дел всякий член палаты должен иметь свобо-

ду речи». Яков велел принести протоколы парламента и собственноручно вырвал страницы, на которых был вписан этот протест.

Внешняя политика Якова I также отличалась крайней непоследовательностью. После событий «порохового заговора», когда злоумышленники-католики чуть было не взорвали здание парламента, предполагая одним ударом покончить и с пуританскими депутатами и с королем-протестантом, не давшим им достаточной свободы, Яков I более активно продолжил антииспанскую политику своей предшественницы, встав на сторону Франции. Он оставался верен этому союзу и после смерти Генриха IV от руки наемного убийцы-католика в 1610 г. В духе средневековой династической дипломатии Яков I пытался поднять свой престиж и укрепить международное положение Англии, выдав свою дочь Елизавету за одного из немецких протестантских князей — пфальцского курфюрста Фридриха V. Он также пестовал идеи династического брака своих сыновей с испанским или французским королевскими домами. В конце концов после неудачного сватовства в Испании наследник принц Уэльский Карл был помолвлен с дочерью Генриха IV Генриеттой-Марией. Однако методы династической дипломатии, не подкрепляемые активными внешнеполитическими акциями, не давали твердо гарантированного успеха. Пассивность Англии во время Тридцатилетней войны содействовала разгрому протестантизма в Чехии, а зять Якова I не только лишился богемской короны, но и потерял свои наследственные земли — Пфальц. Экспедиция на континент, посланная по требованию парламента для ведения военных действий против испанцев, потерпела крах.

Карл I и обострения отношений между королем и парламентом

Восшествие на престол двадцатипятилетнего Карла I (1625-1649) в стране было встречено с большими надеждами. Молодой король в противоположность порывистой и непредсказуемой натуре своего отца был сдержан и рассудителен. Образ жизни его был безупречен, а сам Карл производил впечатление честного и прямодушного человека. Однако вскоре обнаружилось, что наряду со своими положительными свойствами

он обладал большим упорством и «нелегкой рукой». Причем, в решающие моменты королю недоставало то гибкости и ловкости, то решительности и твердости. В конечном счете Карл оказался не в состоянии ни достойно уступить попыткам парламента ограничить королевскую прерогативу, ни окончательно сломить его дерзость. Развитие социально-экономической ситуации, выход на политическую арену новых сил в лице буржуазии и связанного с ней «нового дворянства», привели к складыванию революционной ситуации в стране. Личные качества первых королей из династии Стюартов лишь усугубили эту ситуацию.

Стремление к установлению абсолютной королевской власти и продолжение авантюристичной внешней политики обострили отношения нового короля с парламентом. Особенно вредило его престижу то, что он оставил главным своим советником фаворита отца герцога Бекингема. Герцог имел репутацию человека хотя и умного, способного к государственным делам и порой весьма деятельного, но легкомысленного, занятого только собой и своими успехами, чрезмерно тщеславного и безнравственного. Его не любили ни в народе, ни при дворе также за массу всяких отличий и богатств, которыми он был осыпан, благодаря слабости обеих королев и своей жадности. Руководимая им внешняя политика Англии терпела одну неудачу за другой. Морские экспедиции против Испании и против Франции, которыми командовал сам герцог, провалились. Несмотря на неоднократные требования парламента предать Бекингема суду за злоупотребления, Карл I оставался глухим к всеобщему мнению, защищая своего любимца и распуская по его совету парламенты в 1624 и 1626 гг. Но финансовый кризис монархии все более усугублялся, и в 1628 г. был созван третий парламент.

Консолидировавшаяся оппозиция буржуазии и дворянства выступила на этот раз еще более организованно. Ее лидерами были сквайры Элиот и Вентворт. Оба подвергались ранее судебному преследованию за отказ уплачивать принудительные королевские займы и имели в среде пуритан ореол мучеников. Вентворт, сторонник сильной королевской власти, считал задачей оппозиции лишь защиту народа от деспотического произвола. Элиот, напротив, призывал к усилению полномочий парламента и настоял на подаче королю «Петиции о правах». Составители ее ссылались на основные положения Великой хартии и выводили из нее ряд требований: взимание средств

па государственные расходы только с согласия парламента; ни прет постоа королевских солдат без согласия домовладельцев и отказ короля от взимания налогов с помощью силы; запрет произвольных арестов и заключений в тюрьму без суда. Карл I после долгих препирательств согласился признать «Петицию о правах».

Во время перерыва между сессиями парламента офицером Дж. Фельтоном был убит герцог Бекингем, и на сторону короля перешел один из самых активных лидеров оппозиции — Томас Вентворт, ставший ближайшим советником короля. На открывшейся осенью второй сессии парламента резкой критике подверглась церковная политика короля. Чтобы получить гарантии того, что политика Карла I будет изменена, палата общин отказалась утвердить таможенные пошлины. Когда же разгневанный король приказал прервать сессию, палата впервые проявила открытое неповиновение воле Карла I. 2 марта 1629 г., насильно удерживая спикера в кресле, поскольку без него палата не могла заседать и ее решения считались недействительными, члены палаты приняли три постановления: 1) всякий, кто стремится привносить папистские новшества в англиканскую церковь, должен рассматриваться как главный враг королевства; 2) всякий, кто советует королю взимать пошлины без согласия парламента, должен рассматриваться как враг этой страны; 3) всякий, кто добровольно платит неутвержденные парламентом налоги, является предателем свобод Англии. Король приказал заключить под стражу девятерых лидеров оппозиции, в том числе главного вдохновителя «мятежа» Элиота, который заболел от плохих условий содержания и умер в заключении. Карл I заявил, что намерен управлять без парламента, «врученными ему Богом средствами».

После смерти Бекингема своими главными советниками король сделал архиепископа Кентерберийского В. Лода и Т. Вентворта, назначенного в 1632 г. наместником Ирландии, где он, опираясь на сформированные им воинские отряды, проводил политику беспощадной колонизации и репрессиями на время сбил накал освободительной борьбы. На протяжении 11 лет они являлись вдохновителями феодально-абсолютистской реакции. Чтобы иметь свободные руки для усмирения внутренних врагов, Карл I поспешил заключить мир с Францией и Испанией.

Новые советники короля были людьми умными, деятельными и беспощадными, примером в своих действиях они избрали политику могущественного французского министра кардинала Ришелье, решившись беспощадно бороться с оппозицией. Недостаток в деньгах они пытались восполнить принудительными поборами, используя военную силу. В стране воцарился режим террора. Строжайшая цензура на печатное и даже устное слово призвана была принудить к молчанию пуританскую оппозицию, которая «сеяла мятеж». С удвоенной силой заработали чрезвычайные суды по политическим и церковным делам — Звездная палата и Высокая комиссия. Чтение запрещенных пуританских книг и непосещение приходской церкви, недоброжелательный отзыв о епископе и намек на легкомыслие королевы, отказ платить неутвержденные парламентом налоги, а также выступления против принудительного королевского займа являлись достаточным поводом для немедленного привлечения к безжалостному суду.

Пуританская оппозиция была вынуждена уйти в подполье. Много тысяч пуритан, опасаясь преследований, оказались за океаном. Начался «великий исход» из Англии. Между 1630 и 1640 гг. в эмиграцию выехали 65 тыс. человек. Из них 20 тыс. попали в Америку, в колонии Новой Англии.

В связи с вызванным Тридцатилетней войной на континенте повышенным спросом на английские товары в начале 30-х гг. во внешней торговле и в промышленности наступило некоторое оживление. Благоприятная рыночная конъюнктура несколько охладила горячность буржуазной оппозиции. В эти годы абсолютизм торжествовал. Т. Вентворт и министр финансов Р. Уэстон, стремясь обеспечить постоянный источник пополнения казны, возобновили в 1635 г. сбор старинного налога — «корабельных денег», распространив его на все население под предлогом необходимости защиты торговли и независимости страны. Так как данный сбор был установлен за 500 лет до этого, для снаряжения флота против пиратских набегов датчан, речь шла о возобновлении налога, взимавшегося до появления парламента. Советники короля указывали, что он мог, не нарушая положения «Петиции о правах», взимать этот налог. Им важно было создать прецедент, на который впоследствии можно было бы ссылаться, как на свершившийся факт, не опровергнутый законом и, следовательно, ставший законом. Т. Вентворт надеялся, пользуясь этим, расширить королевскую прерогативу еще

далее — относительно сбора налогов вообще. Однако с самого начала отказ от уплаты нового налога принял массовый характер. Сквайр Дж. Гемпден отказался от уплаты наложенных на него 20 шиллингов, потребовав от суда доказать ему законность налога, не одобренного парламентом. Судьи вынесли приговор в пользу короны семью голосами против пяти.

Карл I предпочитал не замечать усиливающееся недовольство населения и быстрое падение престижа королевской власти. Более того, он считал момент подходящим для распространения в Шотландии порядков англиканской церкви. С 1592 г. государственной религией в Шотландии было пресвитерканство. Пресвитерианами (греч. «presbyteros» — старшина) называли умеренное крыло шотландских и английских пуритан. Его последователи требовали строгого единообразия и упрощения культа, замены епископов выборными старшинами и централизации церкви. В ответ на попытки архиепископа Лода ввести в Шотландии, которая, находясь с Англией в личной унии, имела политическую и церковную автономию, литургию по образцу англиканской, шотландцы взяли за оружие. В Эдинбурге мятежники провозгласили независимое правительство — ковенант, и торжественно упразднили епископальное устройство. Карательная экспедиция 1639 г. провалилась, для продолжения войны нужны были средства. Король спешно вызвал из Ирландии Вентворта, даровал ему титул графа Страффорда и поручил подготовку новой военной экспедиции. Для этого необходимы были немалые средства. Стаффорд посоветовал королю созвать парламент и воззвать к патриотическим чувствам депутатов, отказ же парламента предоставить средства правительство рассчитывало использовать для оправдания чрезвычайных мер, к которым мог прибегнуть король.

Созванный в апреле 1640 г. парламент в ответ на требование королем субсидий выдвинул ряд условий, ограничивавших королевскую прерогативу и менявших церковную политику. Карл I, вопреки стараниям некоторых членов верхней палаты, не пошел на соглашение с палатой общин и 5 мая 1640 г. распустил парламент, вошедший в историю под именем Короткого парламента. Король надеялся выиграть время, необходимое для организации сильной армии, способной противостоять внешним и внутренним врагам. Но уже в августе шотландцы перешли пограничную реку Твид, разбили посланные против них английские войска и вскоре заняли северные графства

Камберленд, Нортумберленд и Дарем. Король не получил необходимого ему времени для организации своей армии. Военные и организаторские таланты Страффорда оказались в данной ситуации также бессильны. Созванное в сентябре Карлом I по старинному обычаю собрание пэров королевства не взяло на себя ответственность за продолжение войны и высказалось за созыв парламента. Королю ничего не оставалось делать, как заключить 14 октября 1640 г. перемирие с шотландцами о объявить о созыве нового парламента.

Открывшийся 3 ноября 1640 г. парламент получил название Долгого парламента, так как продолжал свою работу 13 лет — до весны 1654 г. Большинство в нем принадлежало пуританам, многие лорды также перешли на сторону оппозиции. Среди депутатов Долгого парламента было много выдающихся литераторов, юристов, ораторов и публицистов, им пришлось поднять почти все политические вопросы, волновавшие страну в течение следующих двух веков. Парламент 1640 г. отличался от своих предшественников не только по своему социальному составу, но и острым духом политического сопротивления. В нем друг другу противостояли вполне сложившиеся и хорошо организованные партии. Признанный глава оппозиции, противник королевского и церковного абсолютизма, Джон Пим объехал почти всю Англию, выступая с речами в защиту «вечных прав» английского народа и призывами поддержать парламент. Вскоре сторонников парламента стали называть «круглоголовые» за их коротко остриженные по пуританской моде волосы в противоположность сторонникам короля, которых именовали «кавалерами».

Созыв Долгого парламента знаменовал начало первого этапа Английской буржуазной революции. Он получил название конституционного, так как революционные по сути парламентские акты получали вынужденное одобрение короля. Первыми актами Долгого парламента стало разрушение институтов абсолютизма и отмена всех законов эпохи управления без парламента. Были уничтожены Звездная палата и Высокая комиссия, объявлена незаконной корабельная подать и запрещены какие-либо сборы без согласия парламента, признано несправедливым судебное решение по делу Гемпдена, освобождены из тюрем многие пуритане. В ответ на требование короля предоставить деньги для войны против шотландцев палата общин предъявила длинный список злоупотреблений правительства. Долго сдерживаемое недовольство прорвалось теперь

наружу и обратилось против графа Страффорда, который оказался олицетворением ненавистной системы и к тому же вызывал злобу как ренегат. Страффорда и архиепископа Лада заключили в тюрьму, сопротивление короля было сломлено, его принудили подписать закон, предоставивший парламенту право собираться через каждые 3 года, даже без королевского созыва. Палата общин начала судебный процесс против Страффорда, обвинив его в государственной измене. Процесс очень искусно вел Дж. Пим, но Страффорд блестяще защищался и необходимых доказательств его измены предъявить не удалось. Тогда парламент прибег к исключительному закону, объявившему Страффорда вне защиты права. Под воздействием народных волнений король выдал своего министра, и 12 мая 1641 г. Страффорд был казнен.

Карл I уступал все новым и новым требованиям парламента, надеясь на вмешательство посторонних сил. Согласился и на признание шотландского ковенанта, одновременно пытаясь привлечь на свою сторону ирландских католиков. Но с бытия вырвались из-под контроля короля. Осенью 1641 г., во время его поездки в Шотландию для примирения с лидерами ковенанта, в Ирландии вспыхнуло религиозное национально-освободительное восстание. В течение нескольких месяцев погибли тысячи протестантов и английских поселенцев.

Палата общин подготовила к этому времени и вручила Карлу I «Великую ремонстрацию» («Великий протест»), состоявшую из более чем 200 обвинительных пунктов против злоупотреблений правительства и излагавшую основы политических реформ. Оппозиция настаивала на передаче верховенства церковных дел парламенту вместо короля, т.е. на введении пресвитерианского строя и на установлении ответственности министров короля перед парламентом. Выполнение этих требований сделало бы короля орудием в руках парламента, и по этому поводу возникла острая политическая борьба. В составе оппозиции выделилась довольно многочисленная группа умеренных, не согласных с полной передачей власти парламенту. Но Карл I не захотел опереться на сочувствующую фракцию, вместо этого решил на насильственный переворот в духе личного вмешательства французских королей в заседания штатов и парламента. В этом направлении на него влиял и его жена Генриетта-Мария.

4 января 1642 г. король в сопровождении многочисленной вооруженной свиты явился в палату общин и потребовал выдачи вождей оппозиции, обвиняя их в измене. Те, будучи заранее предупреждены, вовремя скрылись, и король вынужден был уйти ни с чем, осыпая криками: «Привилегия! Привилегия!» (Так назывались освященные обычаем права членов парламента в противоположность королевской прерогативе). На сторону парламента открыто перешла лондонская милиция, столица заволновалась, и вскоре король из соображений безопасности вместе с двором переехал в Йорк.

Начало английской буржуазной революции. Гражданские войны середины XVII в

После начала открытого конфликта короля с парламентом обе стороны начали вербовать войска. Карл I собирал своих сторонников — «кавалеров» — в Йорке. Королева, женщина умная и бесстрашная, спешно отправилась на континент, пытаясь организовать поставки оружия для королевской армии. 22 августа 1642 г. в Ноттингеме король водрузил свой штандарт, старинный боевой символ военного главенства для вассалов короны. Конституционный период революции завершился, началась гражданская война. Население Англии разделилось между противоборствующими силами примерно поровну. Аристократия и джентри большей частью стояли за короля, в его армию устремились многие провинциальные дворяне. Некоторая часть дворянства, горожане, торгово-промышленное население, мелкие йомены выступили в поддержку парламента. Обнаружилось и острое религиозное противостояние — англикане и католики приняли сторону короля, пресвитериане и пуританские сектанты поддерживали парламента. Деление политическое и религиозное совпадало отчасти и с географическим Север и запад Англии, а также Уэльс, местности с населением сравнительно редким и менее развитые в экономическом отношении, поддерживали короля, тогда как южная и восточная Англия, с Лондоном и другими крупными городами, выступали за парламента.

Поначалу гражданская война велась весьма вяло, так как во главе обеих армий было немало сторонников примирения. Перевес в материальных ресурсах оказался на стороне парламента.

Его армия во главе с графом Эссексом насчитывала 25 тыс. человек, в основном — отряды местных милиций и наемников. Карл I, отчаянно нуждавшийся в деньгах, располагал всего 12 тыс. солдат и офицеров, но зато более опытными и дисциплинированными. Это обстоятельство способствовало первоначальному успехам королевской армии, которой командовал принц Руперт Пфальпский, племянник короля. Направленные королевой подкрепления и большое количество оружия, снаряжения и боеприпасов способствовали взятию Бристоля, второго по величине города страны. Конница принца Руперта достигла окрестностей Лондона. Ставка короля была перенесена в Оксфорд, откуда было менее 50 миль до Лондона.

Положение дел изменилось в пользу парламента после того, как Пим заключил союз с шотландскими пресвитерианами, пославшими в январе 1644 г. более 20 тыс. солдат в Англию. Стремясь к упрочению этого союза парламента уничтожил англиканский епископат и ввел в Англии церковное устройство по образцу шотландского ковенанта. Еще более важным обстоятельством стало массовое вступление в парламентскую армию представителей различных пуританских сект — индепендентов (независимых), выступавших против централизованного церковного устройства и фанатично поддерживавших идеи Реформации. В их среде вскоре выделился Оливер Кромвель (1599-1658), небогатый помещик, родственник Гемпдена и, по некоторым данным, потомок Т. Кромвеля, всесильного канцлера Генриха VIII.

Оливер Кромвель, убежденный индепендент, проявил качества выдающегося организатора и военачальника. Чрезвычайная набожность и приверженность пуританским догмам уживалась в нем с бескрайним честолюбием, прирожденное благородство и прямота — с проявлениями коварства и способностью к политическому интриганству. Он возглавлял первоначально кавалерийский полк из пуритан своей округи, получивших из-за своих кирас и за доблесть в боях прозвище «железнобоких». Кромвель сам водил их в атаку с пением псалмов, с молитвенником в одной руке и мечом в другой. В каждой его роте имелись пуританские проповедники, поднимавшие моральный и боевой дух солдат. 2 июля 1644 г. в битве при Марстон-Муре, в окрестностях Йорка, роялисты потерпели первое крупное поражение от парламентской англо-шотландской армии под командованием графа Манчестера. Это спасло

парламент от близившегося поражения и позволило перейти к более активным действиям, как того требовали индепенденты, которые находились в меньшинстве в парламенте и армии, но пользовались все возрастающим влиянием.

Разногласия между пресвитерианами и индепендентами давали роялистам шанс на исправление положения. К тому же в Шотландии в поддержку Карла I выступил маркиз Монтроз, лидер горных шотландцев. Против парламента был готов выступить и командующий расположенными в Ирландии войсками граф Ормонд. Но король не воспользовался этой возможностью. Битва при Незби, произошедшая 14 июня 1645 г., завершила перелом в гражданской войне. Армия парламента (около 14 тыс. человек) под командованием Т. Ферфакса разгромила войска Карла I (8 тыс. человек). Кавалерией правого фланга «круглоголовых» командовал О. Кромвель, под руководством которого с начала года проводилась реорганизация вооруженных сил парламента. Формировавшаяся на принципах добровольности «армия новой модели» стала прообразом регулярной английской армии. С этого времени традиционными для английских солдат становятся красные мундиры. Чтобы вытеснить графа Эссекса и других пресвитерианских генералов из армии, О. Кромвель добился принятия парламентом «билля о самоотречении», по которому членам парламента запрещалось занимать военные или гражданские должности. Для самого Кромвеля временно было сделано исключение. Тогда же главнокомандующим был назначен Т. Ферфакс, который, несмотря на свою молодость (ему было всего 33 года), показал себя опытным военачальником. Кромвель получил пост начальника кавалерии и заместителя командующего.

После поражения под Незби положение короля ухудшалось с каждым днем. Принц Руперт сдал Бристоль. Замки и крепости одна за другой переходили к парламентской армии. В мае 1646 г. Карл I тайно покинул Оксфорд и с небольшой свитой отправился в Шотландию. Как оказалось, это было очередным просчетом. Монтроз, потерпевший к этому времени поражение и бежавший в Норвегию, не мог оказать поддержки королю. Карл I оказался в положении пленника Эдинбургского правительства. Шотландские пресвитериане, не добившиеся от него гарантированных уступок, решили выдать короля англичанам за 400 тыс. фунтов (впрочем, формально деньги были выплачены за услуги шотландской армии). Используя удобный момент парламент попытался распустить армию, более чем на

половину состоявшую из индепендентов. Армия быстро превращалась во влиятельную политическую силу, в том числе требовала ввода обещанной веротерпимости. Позиции же пресвитерианской партии оказались к этому времени ослаблены из-за смерти графа Эссекса, уволенного со службы, но сохранявшего свое влияние и популярность в армии. Войска взбунтовались и, захватив короля, двинулись на Лондон. Кромвель, бывший вдохновителем мятежа, от лица армии потребовал удаления 11 членов парламента (пресвитериан). Недовольство в Лондоне было усмирено войсками Т. Ферфакса, который формально оставался главнокомандующим до 1650 г.

В создавшейся сумятице король бежал и попытался укрыться на острове Уайт, где опять оказался под контролем армии, но завел переговоры о восстановлении своей власти. Он пытался наладить отношения и с шотландцами, забеспокоившимися из-за перспектив усиления индепендентской партии в Англии, и с пресвитерианским парламентом и даже с Кромвелем, который получил предложение стать главнокомандующим, обещание ордена Подвязки и титула графа Эссекса. Но, узнав из перехваченного письма о двойной игре короля, Кромвель отбросил все сомнения и потребовал от парламента закона, запрещавшего всякие переговоры с королем. Кромвель произнес в парламенте, по своему обыкновению держась за рукоять шпаги: «Король человек умный и весьма даровитый, но он так лжив и коварен, что ему нельзя доверять». В то время как Карл I не мог решиться, с кем заключить соглашение: с шотландцами, предлагавшими теперь более умеренные условия, или с английским парламентом, боявшимся индепендентов больше, чем роялистов, Кромвель действовал решительно, быстро и успешно.

Вторая гражданская война оказалась быстротечной. Армия Кромвеля подавила восстание роялистов в Уэльсе, Кенте, Эссексе и других местностях, разбила вдвое превосходящую ее по численности шотландскую армию. Карл I вновь был захвачен в плен. Узнав о тайных переговорах парламента с королем, расвирепевшие индепенденты двинулись на Лондон. По приказу Кромвеля 6 декабря 1648 г. полковник Т. Прайд ворвался во главе своих солдат в зал заседаний палаты общин и арестовал 47 членов из пресвитерианской партии, 96 просто прогнал. «Очищенный» таким образом парламент, получивший название «охвостья» (Rump Parliament), начал судебный процесс

над королем, который был приговорен к смерти как «тиран, предатель, убийца и враг общественного строя» и казнен 30 января 1649 г.

**Индепендентская республика.
Режим протектората**

После казни Карла I власть в Англии перешла к армии. Парламент отменил королевские прерогативы, провозгласил республику (commonwealth), упразднил верхнюю палату как учреждение «ненужное и вредное» и назначил для управления страной Государственный совет из 40 человек под председательством юриста Дж. Бредшоу, ведшего процесс короля. Членами Государственного совета были О. Кромвель, знаменитый индепендентский публицист и выдающийся поэт Дж. Милтон, адмирал Р. Блейк. И др. После «прайдовой чистки» заседания парламента посещали не более 50-60 человек, из которых 31 одновременно были и членами Государственного совета. Таким образом, осуществлялась лишь видимость разделения властей. На деле при решении всех вопросов главную роль играл контролировавший армию Кромвель, а индепендентская республика оказалась военной диктатурой.

Укрепляя свою диктатуру, О. Кромвель прежде всего решительно избавился от растущего влияния в армии левеллеров (уравнителей), представителей радикального демократического направления, которое до 1647 г. примыкало к индепендентам и получило свое название за требование уравнивания в политических правах всех граждан, независимо от размера собственности, отмены некоторых налогов и «тирании властей». Левеллеры были выразителями недовольства народных низов социально-политическими результатами революции. Один из лидеров левеллеров, знаменитый публицист Джон Лилберн назвал власть индепендентов «новыми цепями Англии». Весной 1649 г. индепендентам при помощи верных войск пришлось подавлять открытые мятежи в полках, начавшиеся под воздействием левеллеровской агитации. После их разгрома в течение почти целого года центральные графства лихорадило движение так называемых диггеров (копателей), или «истинных левеллеров», выразителей чаяний огромной массы обезземеленных бедняков и держателей копигольда. Одним из их лидеров был разорившийся мелкий арендатор Джерард

Уинстэнли обосновавший в многочисленных памфлетах крестьянско-плебейскую программу революции, отрицавшую институт частной собственности на землю. Хотя действия диггеров носили мирный характер, и они пытались обрабатывать под пашню лишь неиспользовавшиеся пустоши, крупные землевладельцы увидели в плебейском движении серьезную угрозу своим правам. Диггеры подвергались всяческому преследованиям и репрессиям.

После восстановления порядка в армии О. Кромвель, получив от парламента чин лорда-наместника, отправился в Ирландию для подавления восстания роялистов. Инициаторы восстания призвали на свою сторону Карла II, старшего сына казненного короля, но уже вскоре мятеж перерос в открытое избиение англичан. Кромвель подавил его с особенной жестокостью. Огромное количество людей было отправлено в Америку на каторгу, население острова сократилось почти на треть. Из Исландии Кромвель поспешил на усмирение шотландцев, которые провозгласили Карла II королем в июне 1650 г. Разбив шотландскую армию, Кромвель занял Эдинбург, а год спустя, 3 сентября 1651 г., разгромил в битве при Ворчестере армию самого Карла II, который едва спасся бегством во Францию. Шотландия была присоединена к республике как завоеванная страна, лишена своего представительного собрания и принуждена посылать депутатов в английский парламент. Такой же статус получила и Ирландия.

Несмотря на успехи армии Кромвеля, внешнеполитическое положение республики оставалось очень сложным. Чрезвычайно обострились отношения с генеральными штатами Нидерландов. В Гааге английский посол был убит кавалерами-эмигрантами, которые во множестве находили там прибежище и поддержку. Разгневанный парламент издал 9 октября 1651 г. Навигационный акт, который запрещал привозить в Англию товары иначе, чем на ее собственных судах или судах ее колоний. Этот акт угрожал торговому могуществу Республики Соединенных провинций. Голландцы отправили военный флот под предводительством своих знаменитых адмиралов Тромпа и Рюйтера в Ла-Манш, и в мае 1652 г. между обеими республиками началась война. Обновленный за годы революции английский флот под командованием адмирала Блейка одержал блестящую победу при Лагосе в феврале 1653 г.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Кромвель решился на разгон «охвостья» Долгого парламента, который мешал всевластию армейского командования. 20 апреля 1653 г. он явился с солдатами в зал заседаний и разогнал депутатов «во славу Божию». Вслед за этим был распущен Государственный совет, и созван новый состав парламента — из надежных индипендентов, так называемых «святых». От него Кромвель принял титул лорда-протектора страны с неограниченными полномочиями, поистине королевской властью. Новой конституцией страны стал документ, озаглавленный «Орудие управления» («Instrument of Government»).

Теперь почти вся Европа искала дружбы всеильного лорда-протектора. Война с Нидерландами закончилась в апреле 1654 г. почетным миром и признанием Навигационного акта. Голландцы обязались изгнать Стюартов, а родственник им Оранский дом лишиться штатгальтерства. В союзе с Францией Кромвель объявил войну Испании, во время которой англичане овладели Ямайкой и Дюнкерком. Но внутри страны ширилось недовольство усиливавшейся диктатурой. Кромвель не видел необходимости сохранять хотя бы видимость парламентского правления, то распуская парламент почти сразу же после его созыва, то исключая из его состава пресвитериан и последовательных республиканцев. Социальная база протектората быстро сокращалась. Из-за гражданской войны хозяйственная жизнь в стране была нарушена. Цены росли, а заработки подмастерьев и рабочих падали. В этой ситуации ввод крупного имущественного ценза для избирателей (годовой доход в 200 фунтов стерлингов) вызвал отход от индипендентского движения широких народных масс. С другой стороны, политика Кромвеля по перераспределению земельных владений вызывала ненависть не только у роялистов из родовитого дворянства, но и значительной части «джентри».

В условиях растущего общественного недовольства режим протектората все больше приобретал черты военной диктатуры. Формально парламент ограничивал исполнительную власть протектора и Государственного совета, но в то же время полномочия избранных депутатов утверждал именно Государственный совет, члены которого назначались протектором. На местах режим протектората опирался на военную администрацию. Страна была поделена на 11 округов, во главе с генерал-майорами, наделенными чрезвычайными полномочиями.

Лорд-протектор являлся главнокомандующим армии и флота Англии, Шотландии и Ирландии, ведал сбором налогов и территориальной милицией и в перерывах между парламентами имел право издавать указы, имевшие силу закона. Парламент даже предложил Кромвелю принять королевскую корону. Но протектор отказался от официального восстановления монархии, присвоив себе лишь право назначать преемника. Тогда же была учреждена верхняя палата парламента из 61 назначенного протектором человека.

После смерти О. Кромвеля 3 сентября 1658 г. парламент провозгласил лордом-протектором его сына Ричарда. Но армейское командование восстало против нового протектора. Р. Кромвель добровольно отрекся от власти, получив за это крупную сумму и обещание уплаты всех его долгов. Во время Второй республики (1659-1660) Англия оказалась в руках генералов, не отличавшихся ни выдающимися способностями, ни политическим опытом. Для упрочения своей власти они учредили «комитет общественной безопасности». Над страной вновь нависла угроза гражданской войны. Под страхом возобновления народных волнений и вида разложение республиканского режима аристократия и купеческая верхушка все более склонялись к реставрации монархии Стюартов.

Реставрация Стюартов

Организатором роялистского переворота стал генерал Джордж Монк, главнокомандующий республиканской армией в Шотландии. Монк был профессиональным солдатом, во время первой гражданской войны сражался на стороне Карла I, попал в плен и принял предложение возглавить парламентские войска в Ирландии. Затем Монк участвовал в шотландской кампании О. Кромвеля, став одним из его самых доверенных лиц. Стремясь покончить с диктатурой лондонских генералов, он в согласии поддержать депутатов Долгого парламента в конце 1659 г. двинул свои войска на Лондон. 3 февраля 1660 г. Монк без боя вошел в столицу, где собрались все члены Долгого парламента, в том числе и пресвитериане, изгнанные Кромвелем. Индипенденты оказались в меньшинстве, утратив и влияние в армии. Все законы против прерогатив монархии были отменены, и парламент добровольно разошелся, назначив на 25 ап-

реля выборы конвента для определения дальнейшего политического устройства страны. Конвент, в котором большинство уже принадлежало роялистам, вступил в переговоры с Карлом II. Получив от него обещание амнистии, свободы вероисповедания и сохранения приобретенных в ходе революции прав собственности, 8 мая 1660 г. Конвент провозгласил Карла II королем трех соединенных королевств. 29 мая Карл II совершил торжественный въезд в Лондон и был встречен с искренней радостью представителями всех партий, утомленных анархией и военным деспотизмом. Началась эпоха реставрации (1660-1689).

Едва взойдя на престол, Карл II (1660-1685) сразу показал, что Стюарты в изгнании «ничего не забыли и ничему не научились». Вопреки амнистии, власти казнили и изгоняли «цареубийц», выбрасывали из могил кости вождей революции. Конфискованные имущества возвращались роялистам. Постановления республики были сожжены рукой палача. Армия была распущена, восстановлен епископат и палата лордов. Карл II оказался таким же убежденным приверженцем абсолютистских принципов, как и его отец и дед. Его взгляды о неограниченности королевской власти сложились под влиянием известного английского философа Томаса Гоббса. Но в качестве государя Карл II поспешил прежде всего вознаградить себя за лишения 17-летней эмиграции. Блестящий кавалер и любитель веселых развлечений, он не ограничивал в расходах ни себя, ни своих приближенных. Двор Карла II был занят интригами, постоянными праздниками и нескончаемыми увеселениями. В дела управления король вникал лишь изредка и весьма неохотно.

Несмотря на восстановление монархии, основные результаты революции нельзя было отменить. Сохранялся договорный характер правления короля. Большинство купленных в частном порядке земель осталось в руках новых собственников. Экономическая мощь нового дворянства и буржуазии и их влияние заставляли короля и парламент искать компромиссы по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Ряд законодательных актов революции, отменявших феодальные порядки в области землевладения, был подтвержден реставрационным парламентом. В 1677 г. был принят акт, разрешающий огораживание. Правительство поощряло вывоз сукон и строго наказывало за экспорт необработанной шерсти. Торговля Анг-

лии быстро росла. В результате в стране резко ускорился процесс накопления капитала.

Важным политическим достижением парламента, в котором палата общин все больше превращалась в «палату критиков», стало утверждение принципа ответственности министров перед парламентом. В 1660-1667 гг. кабинет министров возглавлял Эдвард Гайд, граф Кларендон, убежденный роялист, добившийся отмены парламентом Трехгодичного акта, обязывавшего короля созывать парламент не реже одного раза в три года. Ряд бедствий, пережитых страной: чума, сильный пожар в Лондоне, вторая война с Голландией (1665-1667) сделали его министерство крайне непопулярным. Гаиду пришлось бежать из страны, опасаясь осуждения по обвинению в государственной измене. На смену его министерству пришло еще более одиозное правительство «Кабал» (1667-1673), которое состояло из пяти человек и получило название от начальных букв их фамилий (Клиффорд, Эшли (Ashley), Бекингам, Арлингтон, Лодердейл).

Тяготясь своей зависимостью от парламента и постоянно нуждаясь в деньгах из-за своего расточительства, Карл II заключил тайный договор с французским королем о союзе и предоставлении денежных субсидий, а также уступил Людовику XIV Дюнкерк за 5 млн ливров. Но объявленная в 1672 г. в соответствии с этим договором третья война с Голландией (1672-1674) оказалась крайне непопулярной в стране. Не встретила она поддержки и в парламенте, так как угрожала установлением гегемонии Франции в Европе и подрыву английских интересов. Острое недовольство оппозиции вызвало и покровительство короля католикам — население прочно связывало воедино папизм и абсолютизм. Поэтому издание Карлом II в 1672 г. Декларации о веротерпимости, предоставлявшей свободу богослужения сектантам и католикам, было встречено бурей негодования. Народ обвинял правительство «Кабал» в подготовке возврата Англии к католицизму, тем более, что брат короля Яков, наследник престола герцог Йоркский, открыто перешел в католицизм и женился вторым браком на католичке принцессе Марии Моденской. Под натиском обеих палат король вынужден был отменить декларацию, и вместо нее в 1673 г. парламент принял Акт о присяге (Test Act), требовавший англиканского вероисповедания от лиц, занимавших государственные должности. Не желая приносить присягу, герцог Йоркский отказал-

ся от поста главного лорда-адмирала королевства. Усиливая нажим на королевскую власть, парламент постановил привлечь министров к ответственности за войну с Голландией.

Лорд Эшли, ставший графом Шефтсбери, и Бекингем, сын фаворита Якова I и Карла I, перешли на сторону оппозиции. «Кабал» распался и новое правительство возглавил граф Дэнби, приверженец англиканства, ревностный роялист, стремившийся занять промежуточное положение между королем и парламентом. Ненависть к католикам вновь вспыхнула в 1678 г. в связи с мнимым «заговором Отса», католического священника, якобы бы замышлявшего убить короля и возвести на престол его брата Якова. После этого парламент трижды пытался объявить Якова лишенным права на престол. Но Карл II проявил в этом вопросе неожиданное и несвойственное ему упорство, всякий раз распуская парламент. Когда это случилось в очередной раз, парламент, прежде чем разойтись, 2 мая 1679 г. принял знаменитый «Habeas Corpus Act», гарантирующий подданных от произвольного ареста и заключения без суда. Приверженцы биллей об отстранении Якова от наследования, составлявшие оппозицию, получили название «виги», сторонники короля стали называться тори. Первоначально эти слова были презрительными кличками, которыми оскорбительно называли друг друга политические оппоненты: слово «тори» ранее означало ирландских повстанцев-католиков, а «виги» — шотландских пресвитериан. Партия вигов опиралась на новое дворянство и буржуазию, тори получали поддержку старой земельной аристократии, консервативных сельских сквайров, королевского двора, крупных финансистов, связанных с короной.

«Славная революция»

После восшествия на престол Якова II (1685-1688) абсолютистская реакция приняла еще более свирепый характер. Новый монарх продолжал получать субсидии от Людовика XIV, покровительствовал иезуитам, правил без парламента и беспощадно преследовал своих противников, лично присутствуя при допросах и пытках. Быстрое подавление восстаний графа Аргайла в Шотландии и герцога Монмаута, незаконнорожденного сына Карла II, укрепили власть Якова II. Он открыто стремился к полному восстановлению в Англии абсолютизма.

Несоответствие радикальной политики короля новой социальной и политической ситуации заставило перейти в лагерь вигов значительную часть аристократии. Переломным моментом стало рождение наследника, которое отстраняло от прав на престол протестантских дочерей Якова от первого брака, Марию и Анну. Оппозиция подготовила заговор с целью изгнания Якова и приглашения на английский престол зятя короля штатгальтера Голландии Вильгельма Оранского, бывшего одним из главных участников военных коалиций против Франции. В заговоре участвовал военачальник короля граф Черчилль, получивший позднее титул герцога Мальборо. Организаторы переворота рассчитывали, что Вильгельм Оранский, призванный для защиты протестантской религии и наследственных прав своей супруги, принцессы Марии, не будет претендовать на верховенство над парламентом. Кроме того, восшествие Вильгельма Оранского на престол могло бы обеспечить личную унию и союз Англии и Голландии против Франции.

В ноябре 1688 г. Вильгельм Оранский высадился с войсками в Англии. Яков II, войска которого открыто переходили на сторону Вильгельма, бежал под защиту Людовика XIV, остаток жизни он провел во Франции, где и умер в 1701 г. 6 февраля 1689 г. парламент передал корону принцессе Марии совместно с ее супругом. Вильгельм Оранский, ставший королем под именем Вильгельма III, подписал «Декларацию прав» («Declaration of Rights»), закрепленную в октябре 1689 г. как «Билль о правах». Этот документ лишал короля права отменять или приостанавливать изданные парламентом законы, вводить налоги и собирать войско без согласия парламента.

Принятие «Билля о правах» окончательно закрепило в Англии режим ограниченной конституционной монархии. С этого времени в английской конституционно-правовой традиции закрепилось и особое представление о триединстве парламента — юридически его частями признавались Корона, Палата лордов и Палата общин. Поскольку министры правительства действовали в рамках компетенции Короны, классический принцип разделения властей в Англии так и не сложился. Вместо этого провозглашалось верховенство парламента, отражающего суверенитет английского народа и контролирующего благодаря своей тройственной структуре и законодательную, и исполнительную власть. Принципиальной важной чертой английской государственной системы становилась независимость судебной

власти, опирающейся на традиции «общего права» и «права справедливости».

Переворот 1688 г. получил название «Славной революции». Он стал выражением не только политического, но и социального компромисса между дворянством и буржуазией. В этом качестве «Славная революция» завершила длительный революционный процесс в Англии, охвативший большую часть XVII столетия. Англия стояла на пороге новой эпохи своего исторического развития. Новое дворянство и буржуазия получили возможность использовать государственную власть для проведения массовых огораживаний и сгона крестьян с земли, размещения выгодных государственных займов, смягчения налогового обложения, активизации колониальных захватов, поощрения торговли и промышленности. В годы революции продолжилась перестройка социальной структуры английского общества, сопровождавшаяся сменой форм собственности и ростом городского населения. Кратковременное господство пуритан привело к утверждению нового образа жизни, закреплению более строгих норм общественной морали, аскетической эстетики. На фоне революционных событий в Англии были созданы прогрессивные экономические и политические теории. Идеи конституционной парламентской монархии, республики, общественного договора, равенства людей в естественных правах оказали огромное воздействие на европейскую интеллектуальную элиту и во многом подготовили взлет идеологии Просвещения.

§ 10

Англия в XVIII-XIX вв.

Социально-экономическое и политическое развитие Англии в первой половине XVIII в.

Победа английской буржуазной революции открыла путь быстрому капиталистическому развитию страны. Государственный переворот 1688 г. стал победой буржуазии и нового дворянства. Он показал несостоятельность попыток реставрировать абсолютизм и восстановить феодальные порядки. Установление компромисса крупной торговой и финансовой буржуазии с земельной аристократией позволило им добиваться от правительства проведения политики, поощрявшей развитие мануфактур, рост внешней торговли и огораживания общинных земель. Фактически была прекращена практика монопольных ограничений внутренней торговли. Усилилось развитие мануфактурного производства. Хотя еще 4/5 населения Англии было связано с сельским хозяйством, постепенно росла доля населения, занятого в промышленности. Ведущей отраслью продолжала оставаться шерстяная промышленность. С начала 40-х гг. XVIII в. стоимость ежегодно производимой в стране шерсти достигла 3 млн. фунтов стерлингов, а стоимость выделываемых из нее тканей — 8 млн. фунтов стерлингов. Развивалось также производство бумажных тканей из хлопка, привозимого в Англию из колоний. Росту мануфактурного производства способствовало природное богатство Англии. В течение первой половины XVIII в. добыча каменного угля в Англии почти удвоилась. Значительно возросло производство железа.

Развитие шерстяных мануфактур содействовало дальнейшему обезземелению крестьян, так как расширение пастбищ шло в основном за счет уничтожения хозяйств мелких арендаторов, т.е. практики огораживаний, печально знаменитой

еще с XVI-XVII вв. Массовая экспроприация крестьян в результате огораживания становится отличительной особенностью периода первоначального накопления капитала в Англии. С XVII в. огораживания стали производиться с санкции парламента. С начала XVIII в. до 1760 г. парламнт издал более двухсот законодательных актов о разделе общинных земель. На основании этих актов было огорожено более 320 тыс. акров земли. В свою очередь развитие аграрной революции содействовало дальнейшему развитию овцеводства, производства шерсти и росту мануфактуры.

Развитию сукноделия содействовала также политика протекционизма, в частности строгое запрещение вывоза необработанной шерсти и премии за вывоз сукон. Высокие пошлины на ввозимые из-за границы промышленные товары охраняли английскую промышленность от иностранной конкуренции и повышали цены на внутреннем рынке. Эта ситуация благоприятствовала быстрому росту торгового капитала. К 1700 г. оборот английской внешней торговли превысил 14 млн. фунтов стерлингов, увеличившись почти в четыре раза по сравнению с началом XVII в.

Важным источником первоначального накопления капитала оставалась и система государственного заимствования. В XVIII в. государственный долг Англии стремительно возрастал. Это было связано с деятельностью Английского банка, возникшего в 1694 г. как частное акционерное общество. Вскоре он стал предоставлять правительству крупные займы и взимать по ним большие проценты. Рост государственного долга сопровождался повышением налогов, за счет которых должны были покрываться государственные расходы и выплачиваться проценты по займам.

Очень важным источником первоначального накопления капитала в Англии было ограбление колоний. Английские предприниматели распространяли рабовладельческое плантационное хозяйство на о. Ямайке и в ряде североамериканских колоний. Английские купцы и промышленники извлекали крупные доходы из торговли с колониями Северной Америки и с Индией. Процветала работорговля. В конце XVII-XVIII вв. английские работорговцы доставили в английские колонии более 2 млн. негров, насильственно захваченных в Африке и превращенных в рабов, а во французские и испанские — около 0,5 млн. негров.

Таким образом, в начале XVIII в. в Англии продолжался процесс первоначального накопления капитала, осуществляемый путем экспроприации крестьянского землевладения, политики государственных займов, усиления налогового обложения, захвата и ограбления колоний, работорговли. Быстрое накопление крупных капиталов в руках буржуазии и нового дворянства открывало путь дальнейшему развитию капиталистического производства.

Рост влияния верхушки торговой и финансовой буржуазии и нового дворянства содействовал дальнейшему ограничению королевской власти и развитию конституционной монархии. Виги пользовались при Вильгельме III (1688-1702) огромным влиянием на государственные дела. Это озлобляло партию торри и увеличивало ряды приверженцев изгнанного короля, так называемых якобитов. В 1689 г. при поддержке французского короля Яков II пытался использовать мятеж в Ирландии для реставрации своей власти. Однако якобиты были разгромлены английской армией, которой первоначально командовал сам Вильгельм III, а затем генерал Джон Черчилль, пожалованный за приверженность новому королю титулом графа Мальборо. Яков был вынужден бежать во Францию.

В 1701 г., незадолго до смерти Вильгельма Оранского, парламент принял «Акт о престолонаследии и статут об устройстве королевства». Этот документ лишал наследных прав находившегося в эмиграции сына Якова II. Наследницей престола была объявлена дочь Якова II ганноверская герцогиня Анна Стюарт. В случае ее бездетности престол, после ее смерти, должен был перейти к ганноверской династии. Через подробное регулирование порядка престолонаследия фактически провозглашалась подзаконность королевской власти, в том числе определялось, что монарх может принадлежать лишь к англиканской церкви, не может иметь владения вне Англии и покидать пределы страны без согласия парламента. Ограничивались prerogatives королевской власти, осуществляемые через Тайный совет. Акт устанавливал, что исполнительная власть может осуществлять свои действия только «по законам и обычаям королевства». Вводилась персональная ответственность членов правительства за принятые решения на основе правил ответственной контрасигнатуры — все акты исполнительной власти, помимо подписи короля, нуждались в подписи королевских министров, по совету и с согласия которых они приня-

ты. Король лишался права помилования министров, осужденных парламентом в порядке импичмента. Чтобы уменьшить влияние короны на деятельность палаты, запрещалось совмещение членства в палате общин с занятием должности королевского министра (это положение было вскоре отменено). Подконтрольность «судов справедливости» парламенту достигалась особым правилом, согласно которому судьи, назначаемые короной, могли оставаться на своих постах, «пока ведут себя хорошо», и отстранялись от должности только по представлению обеих палат парламента.

В 1702 г. Вильгельм Оранский умер и на престол вступила королева Анна Стюарт (1702-1714). Она отличалась семейными добродетелями и приветливостью в общении, но была женщиной ограниченного ума, нерешительная, не любившая усиленных занятий и очень зависимая от своих советчиков. Первое время огромное влияние на государственные дела имел Джон Мальборо, которого Анна возвела в герцогское достоинство, и его жена Сара Дженингс, первая статс-дама королевы и ее давняя и очень близкая подруга.

В 1707 г. английский парламент принял акт об унии Англии с Шотландией в единое государство, которое стало называться Великобританией. Шотландский парламент был упразднен, и 45 представителей от Шотландии было включено в состав палаты общин английского парламента, а к верхней палате добавилось 16 шотландских лордов. Устанавливалось единоеобразие торгового и таможенного законодательства. Остальные шотландские законы и правовые обычаи сохраняли свое действие на территории Шотландии. Однако английский парламент мог отменить любой из них в случае «очевидной пользы для подданных в Шотландии». Акт об унии урегулировал и положение церкви в Соединенном королевстве. Признавалось, что ни один из подданных Соединенного королевства не будет привлечен к ответственности за вероисповедание, и каждый из них навсегда свободен от какой-либо клятвы или, противоречащих протестантской религии и пресвитерианскому церковному управлению.

Победоносная Война за «испанское наследство» (1701-1714), продолжавшаяся во все годы царствования Анны Стюарт, и блестящие победы, которые одержал в ней герцог Мальборо, капитан-генерал британских войск и главнокомандующий союзными силами на континенте, укрепили престиж королевской власти. Однако война требовала огромных затрат — она

стоила Великобритании 50 млн. фунтов стерлингов, из которых почти половина была прибавлена к государственному долгу, достигшему к 1717 г. 54 млн. фунтов стерлингов. Население было недовольно ростом налогов. Кроме того, королева Анна тяготилась господством вигов. Постепенно привязанность королевы к герцогине Мальборо охладела, и место первой статс-дамы заняла Абиغال Мешем. Под ее влиянием после парламентских выборов 1710 г. королева удалила из министерства нескольких ревностных вигов и передала руководство правительством влиятельному представителю тори виконту Г. Болингброку. Герцог Мальборо был смещен со всех постов по обвинению в растрате и вынужден жить в изгнании. Пытаясь подорвать влияние вигов в палате общин, тори добились установления в 1711 г. крупного имущественного ценза для депутатов от графств — 600 фунтов стерлингов годового дохода с недвижимого имущества. Размер имущественного ценза для депутатов от городов был определен в 200 фунтов стерлингов.

Тори занимали достаточно умеренную позицию в вопросе о колониальных захватах и стремились ограничить участие Великобритании в европейских войнах. Тем не менее, в 1713 г. Болингброку, искусному политику и ловкому дипломату, удалось заключить с Францией и Испанией очень выгодный Утрехтский мир. Великобритания получила захваченные в ходе войны Гибралтар и Минорку, а также французские владения в Америке — Новую Шотландию, земли Гудзонова залива, Ньюфаундленд и Сан-Кристов. Испанский престол был передан Бурбонам с условием, что испанская и французская короны никогда не будут находиться в руках одного лица. Используя Гибралтар, Великобритания могла в дальнейшем успешно проводить захватническую политику в районе Средиземного моря. Кроме того, Великобритания вынудила Испанию подписать с ней контракт (асиенто), предоставлявший английским купцам монопольное право торговли рабами в испанских владениях в Америке и разрешавший доставку в течение 30 лет и испанские колонии в Америке по 4800 негров-рабов в год.

Королева Анна, бывшая замужем за датским принцем Георгом, имела 13 детей, но все они умерли в детском возрасте. Она очень хотела передать престол своему младшему брату Якову, жившему в изгнании во Франции. Болингброк поддерживал ее в этих устремлениях. Но подобные планы оказались несосу-

ществимы, и со смертью королевы династия Стюартов в Англии пресеклась. Со вступлением на престол курфюрста ганноверского Георга (1714-1727), правнука Якова I Стюарта, борьба между вигами и тори за парламентское большинство вновь обострилась.

Прибыв в сентябре 1714 г. в свое новое королевство, Георг I демонстративно отказался принять Болингброка, ненавистного ему своими якобитскими симпатиями, сместил его с поста государственного секретаря и составил новое министерство из одних вигов. Желая упрочить свое преимущество, виги провели в 1716 г. закон об увеличении срока полномочий парламента с трех до семи лет. С 1714 по 1783 г. виги непрерывно стояли у власти, а тори переживали длительный упадок, испытывая сильное недоверие ганноверского дома и не имея возможности создать влиятельную оппозицию в парламенте.

Проведший всю сознательную жизнь в Германии и отличившийся на военном поприще, Георг I не знал ни одного слова по-английски и мало интересовался вопросами государственного управления. Якобитский мятеж в Шотландии, поднятый в 1715 г. Яковом III, как его именовали роялисты, заставил обе партии сплотиться вокруг нового короля. Однако в английском обществе престиж новой династии был чрезвычайно низок. Георг I не обладал политическими талантами, не отличался он и личными качествами, которые бы могли внушить подданным уважение. В своей внешней политике он руководствовался исключительно интересами Ганновера. Но именно в период его правления окончательно закрепились принципы парламентского правления, когда партия, имеющая преобладание в палате общин, получала и полный контроль над деятельностью правительства.

Укрепление парламентской системы происходило и при Георге II (1727-1760), который был немногим более англичанином, чем его отец, всю жизнь не переставая ругать английский быт, английских поваров, английских кучеров и английскую конституцию. При Георге II влияние королевской власти на политическую жизнь страны стало совершенно незначительным. Все большей властью располагал кабинет министров, формально действующий от лица монарха. Неучастие короля в заседаниях кабинета министров стало с тех пор конституционным обычаем. Избирательная система в Великобритании оставалась архаичной — выборы в парламент были открытыми, про-

водились они обычно вслед за сменой правительства, а не предшествовали ей. Во время выборов широко применялся подкуп голосов, к тому же правительственная партия использовала свои официальные возможности для обеспечения своего большинства в парламенте.

В годы царствования Георга II Великобритания, управляемая вигскими кабинетами, из которых самыми значительными были кабинеты Роберта Уолпола (1721-1742) и Уильяма Питта Старшего (1756-1761), добилась выдающихся внешнеполитических успехов. Личность Р. Уолпола считается воплощением всех характерных черт вигизма того времени. Предприимчивый помещик, ловкий финансист, превосходный знаток коммерческой конъюнктуры, руководитель влиятельных вигских паров, человек живого ума, жадный до власти и денег, он показал себя политиком, совершенно лишенным каких бы то ни было идеалов. Составными частями политики вигов при Уолполе было стремление не ввязываться в войны, чтобы избежать ущерба торговли и высоких трат, а также снизить налоги, которыми облагались купцы и промышленники, и увеличить налоги на товары широкого потребления. Земельный налог также был значительно снижен, так как верхушка вигов сама состояла из землевладельцев и считала небезопасным вызывать враждебность сквайров.

Во времена министерства Уолпола роль оппозиции начали выполнять враждебные ему вигские группировки. Борьба между ними шла как за дележ доходных правительственных sinecur, так и за изменение политического курса страны. Сторонники активизации колониальной политики сумели в 1742 г. «свалить» Уолпола, возглавлявшего крыло умеренных вигов. Они заставили объявить войну Испании, подняв шумиху из-за споров, возникших по поводу торговли с испанскими колониями. Вскоре Великобритания оказалась втянута в общеевропейскую Войну за «австрийское наследство».

Активное вмешательство в европейские военные конфликты, направленное прежде всего на подрыв могущества Франции на континенте, было использовано Великобританией для расширения ее колониальных владений. Одержав победы в войнах за австрийское наследство (1740-1748) и Семилетней (1756-1763), англичане вытеснили французов из Северной Аме-

рики и Индии и обрели огромные владения в обоих полушариях. У. Питт Старший (1708-1778), получивший в 1766 г. титул графа Чатама, может быть с полным основанием назван основателем Британской колониальной империи. Именно он настаивал на восстановлении «имперского» характера внешней политики. Внук одного из крупных «набобов», как называли людей, сколотивших огромные состояния в Индии, член парламента с 1735 г., У. Питт, блестящий оратор, прославился своей критикой внешней политики кабинетов Р. Уолпола и его преемника Дж. Картерета, обвиняя их в защите интересов Ганновера в ущерб Великобритании. Вызвав этим озлобление короля, Питт снискал славу «великого парламентария» (Great Commoner), отстаивая необходимость защиты британской торговли и невмешательства в европейские дела. Впоследствии эта доктрина легла в основу британской внешней политики, направленной на охрану колониальной империи и поддержании «баланса сил» в Европе.

Назначенный государственным секретарем в 1756 г., У. Питт смог претворить свою внешнеполитическую стратегию в жизнь. Используя финансовое могущество Англии, он «купил» для нее надежного союзника на континенте — Австрию — используя удобный момент во время Войны за австрийское наследство. Таким же образом было обеспечено и союзничество Пруссии во время Семилетней войны. При помощи союзников и небольшого экспедиционного корпуса, посланного на континент, силы Франции удалось отвлечь от борьбы за колонии. Опираясь на мощь британского флота, Питт перенес всю тяжесть военных усилий в Северную Америку, где военные действия не прекращались, даже когда в Европе формально заключался мир. Результатом стал захват Квебека и другие триумфы «года побед», как называли англичане 1759 г. В Индии благодаря победам губернатора и командующего войсками Ост-Индской компании Р. Клайва под контроль Великобритании перешли Бенгалия, Пондишери, Карнатик. По парижскому миру 1763 г., завершившему Семилетнюю войну, Великобритания приобрела Канаду, острова Сен-Винсент, Доминику и Тобаго, а также Флориду, отнятую у Испании. Влияние Франции в Европе пошатнулось. Сама же Великобритания превратилась в наиболее в одно из самых могущественных и динамично развивающихся государств того времени.

Английское общество в период промышленного переворота

Важнейшими процессами внутренней жизни Великобритании во второй половине XVIII в. стали завершение аграрной революции и начало промышленного переворота. Суть промышленного переворота заключалась в переходе от мануфактурного к фабричному производству, в изменении энергетической базы производства вследствие широкого внедрения парового двигателя. Необходимыми предпосылками этого процесса стало накопление крупных капиталов, а также формирование резерва свободной наемной рабочей силы в ходе разорения крестьян и ремесленников.

Рост спроса на шерсть и другие сельскохозяйственные товары содействовал бурному развитию аграрного сектора. Во второй половине XVIII в. темпы и масштабы огораживания значительно увеличились. Разорение крестьян все чаще завершалось насильственным сносом их с земли лендлордами. С 1760 по 1780 г. парламент принял более тысячи биллей об огораживаниях. Во второй половине XVIII — начале XIX в. было огорожено до 3 млн. акров общинных земель. Завершению этого процесса содействовало принятие в 1800 г. английским парламентом билля о всеобщем огораживании. К концу XVIII в. в результате насильственной экспроприации английское крестьянство почти исчезло как класс. Лишившиеся земли крестьяне нанимались к крупным землевладельцам в качестве батраков, либо переезжали в города северо-запада страны, где бурно развивалась промышленность. Часть экспроприированных крестьян, не найдя работы на родине, покидала ее и переселялась в колонии в надежде найти там источник существования.

На фоне массовых огораживаний быстро росли крупные земельные поместья лендлордов и развивалось капиталистическое фермерское хозяйство. Несмотря на быстрый отлив населения из сельской местности, производительность аграрного сектора возрастала, так как лендлорды и фермеры стали применять новые методы разведения скота и обработки земли. В XVIII в. начался переход от устаревшего трехполья к улучшенному плодопеременному севообороту, травосеянию, к более тщательной обработке земли, селекции семян. Увеличение спроса со стороны фермеров и лендлордов на сельскохозяйствен-

ные орудия и минеральные удобрения стало еще одним важным фактором в развертывании промышленного переворота.

В середине XVIII в. производительность английских мануфактур оказалась уже недостаточной для удовлетворения быстро возраставшего на внутреннем и внешнем рынках спроса на промышленные товары. Стала остро ощущаться необходимость заменить ручной труд машинным производством. Технические условия для этого были налицо: детальное техническое разделение труда в мануфактурах постепенно подготовило замену ручного труда машиной. В мануфактурном производстве происходила специализация рабочих инструментов для лучшего использования их рабочими. К тому же централизованные мануфактуры позволяли накопить опыт в организации и управлении крупным производством. Процесс первоначального накопления капитала, в том числе активная колониальная экспансия, позволил сформировать мощную финансовую базу для создания фабрично-заводской промышленности, а массовые миграции населения в ходе огораживания обеспечили наличие необходимого количества наемной рабочей силы.

Промышленный переворот в Великобритании начался в 60-х гг. XVIII в., когда аграрная революция близилась к завершению. Это сочетание обусловило бурный характер социально-экономических изменений в Великобритании во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в.

Переход к машинному производству раньше всего охватил английское хлопчатобумажное производство. Причинами стали выгодная конъюнктура на ее товары, более быстрый оборот капитала, доступность сырья (хлопок поступал в достаточном количестве из Северной Америки и Индии). Механизация хлопчатобумажного производства требовала меньше капиталовложений, чем развитие тяжелой промышленности, а цеховая регламентация в этой отрасли практически отсутствовала. Очевидным было и технические преимущества хлопка как прядильного материала по сравнению с шерстью, шелком и льном. Еще в 1733 г., примерно за 30 лет до начала промышленной революции, был механизирован ткацкий станок, который снабдили «летучим» челноком, приводившимся в движение не рукой ткача, а с помощью специальных рычагов. Массовое применение «летучего» челнока началось лишь во второй половине XVIII в. Тогда же возник острый недостаток пряжи и стала ощущаться необходимость в усовершенствовании прядения.

В 1764 г. ткач Джеймс Харгривс изобрел механическую прялку, которая одновременно вытягивала и скручивала 1618 нитей. По имени своей дочери он назвал прялку «Дженни». Эта прялка была рабочей машиной, т.е. исполнительным механизмом, который, получая соответствующее движение, совершал своими орудиями те же самые операции, которые раньше подобными же орудиями выполнял рабочий.

В 1767 г. была изобретена водяная (ватерная) механическая прядильная машина. В отличие от прялки «Дженни» ватерная машина приводилась в движение не рукой, а водой. В 1771 г. Р. Аркрайт построил близ Дерби первую в Великобритании фабрику, оснащенную ватерными машинами. В 1772 г. прялка «Дженни» была усовершенствована английским механиком К. Вудом, который расположил веретена на подвижной каретке. В 1779 г. прядильщик С. Кромптон сконструировал мюль-машину, представляющую собой соединение «Дженни» с ватерной машиной. Мюль-машина получила широкое распространение, так как она давала крепкую и очень тонкую нить. Изобретение этих машин резко увеличило производство пряжи и вызвало отставание ткачества от прядения. Стала ощущаться необходимость перехода к машинному ткачеству, который был совершен с изобретением в 1785 г. Э. Картрайтом механического ткацкого станка. Широкое внедрение таких станков устранило отставание ткачества от прядения. Еще в 1777 г. была изобретена тюлевая машина, и производство кружев стало вскоре важной отраслью промышленности. Большое значение для развития текстильной промышленности имело изобретение машины для отделения хлопчатобумажных волокон от семян (1793). Создателем этой машины был американец Э. Уитни. Изобретение прядильных и ткацких машин сделало необходимой механизацию беления тканей и ситцепечатания. Таким образом, техническая революция в одной отрасли производства неизбежно влекла за собой революционные изменения и в других отраслях.

Дальнейшее развитие машинного производства настоятельно требовало создания универсального двигателя, не привязанного к природным источникам энергии. В 1784 г. Джеймс Уатт — ученый, механик, изобретатель и конструктор, более двадцати лет трудившийся над изобретением парового двигателя, получил патент на одноцилиндровую паровую машину двойного действия с вращающимся валом. Эта машина мог-

ла служить универсальным двигателем, более мощным, чем водяные или ветряные, одновременно приводящим в движение много рабочих механизмов. Уже в 1785 г. паровая машина Уатта была использована в качестве двигателя прядильных машин. Изобретение паровой машины Уаттом имело огромное значение для дальнейшего развития промышленной революции в Великобритании, а затем и в других странах, где также возникали экономические условия, необходимые для применения универсального парового двигателя.

Изобретение и широкое применение паровой и других машин требовали увеличения добычи угля и железной руды, улучшения качества железа и стали. В конце XVIII в. были сделаны важные изобретения в металлургической промышленности. В 1784 г. металлург Корт открыл способ получения ковкого железа путем плавки и перемешивания чугуна на коксовом огне для удаления из него углерода (так называемый процесс пудлингования). Корт усовершенствовал также процесс проката железа, предложив использовать прокатные вальцы; производительность труда при прокате железа возросла в 15 раз. В конце XVIII в. увеличилась разработка оловянных, медных и свинцовых руд.

В конце XVIII в. производство машин в Великобритании достигло значительных размеров. В 1800 г. в английской промышленности уже имелось более 300 паровых машин общей мощностью свыше 5 тыс. лошадиных сил. Первоначально производство машин осуществлялось машиностроительными мастерскими. Однако с ростом спроса на машины и с появлением более сложных машин производство их попало в техническое противоречие с ремесленной и мануфактурной основой создания этих машин. Развитие промышленной революции требовало перехода к производству машин машинами. Уже в XIX в. началась постепенная механизация машиностроения, т.е. началось создание нового технического базиса, соответствовавшего машинному производству. Промышленный переворот в Великобритании в основном закончился в первой трети XIX в. с созданием новой отрасли производства — развитого машиностроения.

Развитие промышленной революции требовало также коренного изменения средств связи и транспорта. Все более ощущалась необходимость использования парового двигателя для создания новых средств транспорта.

Важными результатами начавшейся промышленной революции были рост производительности труда и бурное развитие Кипри та листического производства. Применение машин в текстильной промышленности вызывало ее стремительный подъем. В последние 15 лет XVIII в. потребление хлопка в Великобритании увеличилось в 4 раза. Быстро росла металлургическая промышленность и добыча каменного угля. В течение второй половины XVIII в. количество добываемого в Великобритании каменного угля удвоилось.

Развитие промышленной революции содействовало снижению себестоимости производства. Цены на промышленные товары стали падать. Внутренняя и внешняя торговля Великобритании быстро расширились. Тоннаж английских торговых судов, вышедших из английских портов за последнее двадцатилетие XVIII в., почти утроился, достигнув к началу XIX в. почти 2 млн. т.

Переход к машинному производству сопровождался бурным ростом промышленных городов. В конце XVIII п. Манчестер, Бирмингем, Лондон, Шеффилд, Лидс стали крупными промышленными центрами. Первое место по уровню развития промышленного производства стали занимать северные и центральные районы страны.

Социальные результаты начавшейся промышленной революции были огромны. Коренным образом изменился сам облик английского общества, именно поэтому большинство историков употребляют термин «революция». По мере перехода к машинному производству росла численность промышленных рабочих и складывался новый общественный класс — пролетариат, вес которого в социально-политической жизни Великобритании постоянно рос. Другим классом, возникшим в результате промышленной революции была промышленная буржуазия. Промышленная революция вызвала колоссальное обогащение буржуазии и обнищание рабочих, подвергавшихся чрезмерной эксплуатации, исчезновение остатков крестьянского землевладения, разорение ремесленников.

Несмотря на быстрый рост производительности труда рабочих, реальная заработная плата во второй половине XVIII в. падала. Продолжительность рабочего дня в то время не была ограничена законом. Рабочие трудились по 14-18 часов в сутки. Не было также законов об обязательном еженедельном дне отдыха, о выдаче рабочим пособий по болезни и инвалидности

и пенсий по старости. Применение детского и женского труда на капиталистических промышленных предприятиях носило массовый характер, так как их труд оплачивался значительно ниже труда рабочих-мужчин. Большинство рабочих жило в грязных трущобах. Пища их была скудной и зачастую недоброкачественной, а одежда — жалкой. Нередко капиталисты уплачивали рабочим полностью или частично заработную плату испорченными продуктами и другими товарами самого низкого качества, подвергали рабочих штрафам и бессовестно их обсчитывали.

Изобретение и внедрение новых машин приводило к увольнению. Это вместе с тяжелой эксплуатацией вызывало возмущение рабочих, выражавшееся в самых примитивных формах. Рабочие считали, что главной причиной их тяжелого положения является использование машин и ломали станки и разрушали целые фабрики. В 1769 г. парламент принял специальный закон, каравший смертной казнью лиц, виновных в поломке машин и в разрушении фабричных зданий. Борьба рабочих против машин получила название луддитского движения по имени легендарного Недда Лудда, якобы первым разбившего станок. Несмотря на правительственные репрессии, движение рабочих за свои права продолжало развиваться, вскоре оно стало более организованным. В середине 60-х гг. XVIII в. первыми к стачечной борьбе прибегли углескопы и текстильщики. В конце XVIII в. в Великобритании стали возникать профессиональные союзы — тред-юнионы для взаимопомощи и борьбы за улучшение положения рабочих.

Попытки реставрации абсолютизма в Великобритании

Начало промышленного переворота сопровождалось обострением классовых противоречий и политической борьбы в Великобритании. Споры между вигами и тори осложнялись внутрипартийными разногласиями. В середине XVIII в. возник кризис партии вигов. Возникшая в это время группировка «новых вигов» предлагала расширения избирательного права с целью усилить в парламенте свое влияние. Однако значительная часть вигов враждебно отнеслась к этому требованию. Раскол среди вигов был использован партией тори. К тому же новый король Георг III (1760-1820) сразу же после восшествия

на престол дал понять, что не намерен мириться с всевластием парламентского лидера У. Пита. В 1761 г., в разгар Семилетней войны, Георг III добился отставки вигского кабинета Ньюкастла — Питта Старшего.

Георг III очень отличался по характеру и убеждениям от своих предшественников на английском престоле. Его отец, принц Уэльский Фредерик, умер, когда мальчику было 13 лет. Будущий король воспитывался матерью, принцессой Августой в чрезвычайной строгости, но не получил должного образования, о чем не без горечи говорил в зрелые годы. Король имел угрюмый и злопамятный характер и всю жизнь подозрительно относился к тем, кто превосходил его своими способностями. Однако он был очень тверд в своих мнениях и решениях. Георг с юных лет имел самые крайние абсолютистские убеждения. Он остро переживал бессилие английской монархии, ее полную зависимость от парламента. Стиль его правления, как и следовало ожидать, стал предельно жестким и агрессивным.

После ухода вигского кабинета король почти силой навязал министерский портфель своему любимцу графу Дж. Бьюту, который в 1763 г. подготовил и заключил Парижский мир. Однако должной опоры в парламенте у Бьюта не было, и его отставка стала неизбежной. Королю пришлось смириться с тем, что министерство опять возглавили виги. Он старался только почаще менять министров, назначая их из числа «королевских друзей». Подобная практика полностью отвечала идеям главного идеолога тори Г. Болингброка. Вернувшись из ссылки в 1725 г., Болингброк проявил себя яростным оппозиционером политике правительства Р. Уолпола. В своей книге «Размышления о короле-патриоте» (1749) он отстаивал право короля управлять страной через министров, назначаемых без какого-либо давления партий.

К началу 70-х гг. Георг III постепенно сосредоточил в своих руках почти полный контроль над текущей правительственной политикой. В 1770 г. он поставил во главе правительства преданного ему лорда Ф. Норта, члена партии тори. Но фактически Георг III сам возглавил правительство. В последующие годы король самовластно распоряжался государственными должностями, портфелями министров и церковными имуществами. Он сполна использовал систему официального фаворитизма и коррупции, отлаженную и монополизированную на полстолетия вигами. Парламентские же партии как бы поменялись местами — тори превратились в «патриотическую» партию, а виги переживали период слабости.

Усиление политического господства партии тори вызвало демократизацию парламентской оппозиции. Участились и массовые выступления протеста. В Лондоне нередко проходили митинги и демонстрации, участники которых требовали отстранения от власти ставленников короля. Большой резонанс вызвало так называемое «дело Уилкса». В 1763 г. известный журналист, член палаты общин Джон Уилкс опубликовал в газете «Северный британец» статью, в которой он резко критиковал тронную речь короля Георга III и обвинил его в наступлении на права парламента. Уилкса арестовали и заключили в тюрьму, но вскоре суд признал незаконным указ об аресте члена парламента и оштрафовал министров, издавших этот указ. Вокруг «дела Уилкса» разгорелась упорная борьба, в его защиту выступили все известные деятели оппозиции. Все завершилось в 1768 г. полной реабилитацией Уилкса и вторичным избранием его в члены парламента.

Еще одним политическим скандалом завершилось судебное разбирательство вокруг публикации в одной из лондонских газет анонимных «Писем Юниуса». Их автором был видный деятель оппозиции Филипп Фрэнсис, выступавший с жесткой критикой торийского министерства и призывавший бороться против усиления королевской власти. Не обнаружив, кто скрывался под псевдонимом «Юниус», власти обрушили свой гнев на издателя газеты, опубликовавшей «Письма».

В борьбу вигов и тори постепенно втягивались и внепарламентские общественно-политические группировки. Представителей наиболее активных из них стали называть радикалами. Отказывая в поддержке обним господствующим партиям, радикалы критиковали архаичную систему парламентского представительства, в особенности сохранение за многими обезлюдившими местечками, принадлежавшими знати, привилегии посылать депутатов в парламента. Радикалы требовали, чтобы избирательные привилегии этих «гнилых местечек» были упразднены, а парламентские выборы проводились ежегодно. Популярными требованиями были также свобода печати, борьба с коррупцией, введение равного парламентского представительства, оплата труда депутатов парламента.

В 1769 г. группа радикалов под руководством Горна Тука и с участием Дж. Уилкса образовала общество «Защитник билля о правах», борющееся за осуществление этих требований.

Вскоре радикалы внесли в парламента билль о парламентской реформе, который был отвергнут господствовавшими в парламенте тори. В конце XVIII в. движение радикалов возглавил майор Джон Картрайт. В 1776 г. он написал брошюру «Сделайте вывод» с изложением программы демократизации политического строя Великобритании. Картрайт руководил созданным в 1780 г. Обществом конституционной информации.

На новый уровень внутривнутриполитическая борьба в Великобритании вышла в конце 70-х гг., когда возник острейший кризис в отношениях метрополии со своими североамериканскими колониями. Когда в 1775 г. колонии объявили о своем отделении от Великобритании, Георг III начал против них упорную войну. Франция, а за ней и Испания, стремясь отомстить давнему сопернику, поддерживали американских колонистов. Остальные европейские державы формально объявили о своем нейтралитете, что фактически оставляло Великобританию в дипломатической изоляции.

Поражение в войне, ставшее очевидным уже к 1780 г., радикально изменило общественные настроения в Великобритании. До этого большинство англичан достаточно равнодушно относились к многочисленным нарушениям конституции, допускаемых Георгом III, а «угрозу королевского деспотизма» считали парламентской уловкой вигов. Теперь эти слова были у всех на устах. На митингах требовали «правильных выборов». В июне 1780 г. в Лондоне даже вспыхнуло восстание. Оно началось как протест против разрешения католикам владеть землей в Англии, но вскоре переросло в массовое движение, проходившее под лозунгами «Долой министров!», «Долой короля!», «Долой папство!». Восставшие разгромили особняк лорда Мэнсфилда, совершили нападение на здание верховного суда и долгой тюрьмы, пытались захватить банк и казначейство. Восстание пылало 8 дней и было с трудом подавлено войсками.

В 1782 г. министерство Норта было вынуждено подать в отставку. Король так переживал потерю власти, что пригрозил отречься от престола и удалиться в свое Ганноверское курфюршество. Этот маневр не возымел действия. В 1783 г. во главе правительства встал Уильям Питт Младший, лидер «новых тори». Он держался по отношению к королю почтительно, но твердо. Георгу III на много лет пришлось смириться с его влас-

тью. К тому же в это время стала проявляться его умственное расстройство. 1789 г. король в первый раз слег с тяжелым психическим недугом.

В последующие двадцать лет, несмотря на повторяющиеся припадки умопомешательства, популярность Георга III опять стала возрастать. Король имел много качеств, делавших его очень привлекательным в глазах среднего англичанина. Искренне набожный, безупречный в своей частной жизни, лично скромный и бережливый, он мог заслуженно пользоваться уважением своего народа. Личные апартаменты короля были очень скромны, зато он не жалел денег на перестройку и украшение Виндзорского замка, своей любимой резиденции. Также Георг III щедро покровительствовал английским художникам, музыкантам, писателям и положил основание Британскому музею. Его библиотека стала ядром книжного и рукописного собрания библиотеки музея. Королевская чета, прожившая многие годы в счастливом браке и имевшая 12 детей, сохраняла строгий образ жизни. Сам король был неутомим в изучении государственных бумаг, корреспонденции и немедленно отвечал на каждое письмо. Он также увлекался садоводством и огородничеством (на карикатурах оппозиции его часто изображали в виде фермера), занимался выделкой пуговиц из слоновой кости и любил разглядывать ночное небо в специально для него изготовленный телескоп. В 1810 г. Георг III окончательно ослеп и потерял рассудок. В феврале 1811 г. регентство официально было вручено старшему сыну короля Георгу. В начале 1820 г. старый король отказался принимать пищу и 29 января умер от истощения в возрасте 82 лет.

Великобритания в эпоху революционных и наполеоновских войн

У. Питт Младший (1759-1806), сын У. Питта Старшего, ставший в возрасте 24 лет самым молодым в истории Великобритании премьер-министром, возглавлял кабинет в 1783-1801 и в 1804-1806 гг. В отличие от «старых тори» «новые тори» поощряли развитие промышленности и торговли. Правительство У. Питта в 1784 г. провело реформу управления Индией, ставшую главной колонией Великобритании после утраты владений в Северной Америке. «Актом об Индии» управление колонией ставилось под контроль правительственного совета,

назначаемого королем. Тем самым правительство стремилось избежать злоупотреблений, процветавших во времена губернаторства в Индии Р. Клайва и У. Гастингса.

Захватив огромные владения, обладавшие несметными богатствами, британская Ост-Индская компания установила в них режим жесточайшего угнетения и подвергла их безжалостному ограблению. С местного населения Ост-Индская компания стала взимать огромные налоги. Введенная колонизаторами земельная подать разоряла крестьян. Ост-Индская компания завладела также монопольными правами на торговлю солью, табаком и на вывоз из Индии опиума. Колонизаторы расстроили экономическую жизнь и расхитили казну Бенгалии. В 1770 г. там свирепствовал голод, вызванный грабежом и спекулятивными махинациями колонизаторов. Он повлек гибель 7 млн. человек, третьей части ее населения в то время.

Английские колонизаторы вывозили из Индии необходимое для развития английской промышленности сырье (хлопок, индиго), а также шелковые ткани, золото и драгоценные камни. В то же время быстро возрастал и ввоз английских промышленных товаров в Индию, что влекло за собой упадок индийского ремесла. Уже в 1770 г. стоимость ввезенных Англией в Индию товаров превысила 14 млн. фунтов стерлингов.

Стремясь усилить позиции Великобритании и ослабить французское влияние в Европе, У. Питт поддержал интервенцию Пруссии против Голландии, которую Франция долгое время пыталась подчинить своему влиянию. К этому времени Великобритания окончательно завоевала первенство в мировой торговле, но соперничество с голландским купечеством продолжалось и привело в 1780-1784 гг. к очередной англо-голландской войне. Нидерланды оказались совершенно не готовы к войне и были быстро разгромлены. В результате Республика Соединенных провинций вынуждена была уступить Великобритании Негепатам и открыть английским предпринимателям доступ в другие колонии в Ост-Индии. Против власти штатгальтера выступила разношерстная в социальном и политическом плане «патриотическая» партия. Только вмешательство прусского короля Фридриха-Вильгельма II, брата жены наместника, принцессы Вильгельмины Прусской, спасло штатгальтера Вильгельма V. В апреле 1788 г. права Оранского дома и конституция Республики были гарантированы Пруссией и Великобританией. В том

же году возник тройственный союз между Великобританией, Пруссией и Голландией, направленный против Франции и России. Великобритания противодействовала стремлению России усилить свое влияние на Ближнем Востоке. Она поддерживала Турцию в войне против России, начавшейся в 1787 г. Подстрекательства Великобритании и Пруссии содействовали тому, что в 1788 г. Швеция также начала войну с Россией.

Засилье тори в парламенте и правительстве не могло устраивать вигов. Особенно активные протесты оппозиции вызывала практика «патронажа». Так называлось назначение членов палаты общин на различные посты в правительственные комитеты, число которых резко увеличилось в связи с усложнением управления армией, флотом, финансами, а также раздачей им и членам их семей титулов, пенсий, контрактов и поручений, оплачивавшихся правительством. В 1701 г. из 513 членов палаты общин 113 депутатов были подобными «ставленниками» (placemen). Преодолевая сопротивление палаты лордов, несколько раз отклонявшей билли об упразднении «патронажа», виги к 1782 г. добились ее запрещения. Особенно отличились своей критикой правительственных злоупотреблений Чарльз Джеймс Фокс и Эдмунд Бёрк, видные ораторы и вожди вигской оппозиции в парламенте.

Еще одним постоянным поводом для полемики в парламенте была проблема избирательного ценза. В конце XVIII в. в избрании 558 членов палаты общин принимали участие всего только 10 тыс. человек, да и это число было на деле фиктивным, поскольку выборы зависели от ограниченного круга влиятельных лиц. Система распределения избирательных округов оставалась неизменной в течение столетий и безнадежно устарела. Существовали так называемые «гнилые местечки» — совершенно обезлюдившие избирательные округа, в некоторых из них члена палаты общин единолично избирал лендлорд данной местности, имевший таким образом депутатское место «в кармане», откуда также вошло в обиход выражение «карманные местечки». Такими «карманными местечками» были Гаттон, целиком занятый парком, Олд Сэрам, представлявший собой поросший зеленью холм, Данвич, в течение нескольких столетий затопленный волнами Северного моря, и многие другие. В то же время крупные промышленные города, выросшие во время промышленной революции, вообще не имели права посылать депутатов в парламент. Вигская оппозиция задумала целый ряд либеральных поли-

тических реформ по исправлению этих пережитков и расширению избирательных прав экономически активного населения. Эти намерения были прерваны начавшейся во Франции революцией. Впечатления от нее раскололи лагерь вигов. Э. Берк ирландец по происхождению, выдающийся философ и политик, разошелся во взглядах на события во Франции со своим другом и лидером вигов Ч.Дж. Фоксом, восторженно принявшим революцию, будучи человеком сильных страстей, который, как отмечали современники, «не мог дышать иным воздухом, чем воздух свободы». Политические симпатии к аристократической форме правления выразились в осуждении Берком революции в парламенте и его знаменитом памфлете «Размышления о французской революции» (1790).

Раскол в партии вигов привел к утрате их влияния на политику страны, где все более крепились консервативные настроения. Попытки революционной Франции распространить идеи «свободы, равенства и братства» повсюду в Европе все больше рассматривались королем и лидером правительства У. Питтом как угроза политическому устройству Великобритании. Однако вплоть до казни Людовика XVI британское правительство занимало выжидательную позицию. После гибели французского монарха наступила развязка. Революционный конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Великобритании, Нидерландам и Испании. С этого времени основным направлением британской внешней политики стало участие в войнах против революционной Франции, а затем — против наполеоновской империи.

Вторжение французских войск в австрийские Нидерланды создавало непосредственную угрозу Британским островам, что вынудило английское правительство послать на континент экспедиционный корпус под командованием второго сына короля Фридриха Августа, герцога Йоркского. Кампания во Фландрии оказалась неудачной. Английские войска отступили на территорию Германии и были эвакуированы из Бремена в 1795 г. Провалом закончилась и совместная с французскими роялистами-эмигрантами высадка англичан в Вандее.

В то время, как на континенте удача постепенно склонялась на сторону Франции, англичане смогли почти полностью вытеснить французов из Вест- и Ост-Индии, а также захватили бывшие колонии Нидерландов, провозглашенных после французской оккупации Батавской республикой. Но в Европе

победы революционных армий привели к распаду Первой антифранцузской коалиции и изоляции Великобритании после Кампо-Формийского мирного договора 1797 г. Угроза вторжения на Британские острова усугубилась волнениями на флоте. Население страдало от усиливавшейся дороговизны и голода, вызванного неурожаем, английский банк приостановил размен банковских билетов. Вспышки открытого недовольства заставляли правительство усиливать репрессивную политику. В 1795 г. было даже приостановлено действие закона о неприкосновенности личности (Habeas Corpus Act), что облегчило применение смертной казни против «бунтовщиков».

Особое опасение вызвала французская экспедиция в Ирландию, пребывавшую в то время на грани восстания против британского владычества. Но попытка французов организовать десант потерпела неудачу из-за плохой погоды. Чтобы укрепить английское влияние на острове, правительство Питта разоружило патриотическую организацию «Объединенных ирландцев». После подавления восстания, Питт провел билль о слиянии ирландского парламента с английским, по которому оба государства уравнивались в правах. На деле 7/8 ирландского населения оставались лишенными всяких политических прав.

Вторая и третья коалиции против революционной Франции, сколоченные Великобританией, и военные действия в 1798-1801 и 1804-1805 гг. также не смогли остановить роста французского могущества. Несмотря на разгром в октябре 1805 г. адмиралом Г. Нельсоном испано-французского флота при Трафальгаре, триумфальная победа Наполеона при Аустерлице превратила Францию в бесспорного лидера европейского континента. Получив известие о сражении при Аустерлице Питт-младший заявил: «Сверните карту Европы, она не понадобится в течение 10 лет». Ослабленное здоровье премьер-министра не выдержало перенапряжения, и он умер в феврале 1806 г. Последними словами Питта были: «О моя страна, как я оставляю мою страну!».

Оставив свои надежды на высадку десанта на Британских островах, Наполеон попытался закрыть для англичан весь европейский континент. Введение блокады английских товаров должно было подорвать мощь британской экономики. Положение Великобритании особенно усугубилось после того, как в 1807 г. к континентальной блокаде присоединилась Россия. Новый разгром Австрии в 1809 г. в последовавшая затем же-

нитба Наполеона на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе казалось бы поставило Великобританию на грань политического краха. Тем не менее, министерства В.Г. Портленда и С. Персиваля, сменившие У. Питта, упорно продолжали войну. Английский экспедиционный корпус с успехом продолжал военные действия в Испании. Контрабандные товары проникали в Европу через территорию России, Турции, Австрии и Голландии. Но ситуация внутри страны оставалась сложной. Участились массовые волнения, особенно движение луддитов. Властям приходилось подавлять их, используя военную силу. Разногласия по вопросам внешней политики в самом правительстве достигали такой остроты, что в 1809 г. министр иностранных дел Дж. Каннинг и военный министр виконт Р.С. Каслри дрались из-за этого на дуэли. В 1812 г. С. Персиваль был застрелен в коридоре здания палаты общин, став единственным за всю историю Великобритании премьер-министром, павшим жертвой убийства. Однако регент принц Уэльский поддерживал воинственный курс тори, не оправдав надежды вигов на возвращение к власти. Премьер-министром был назначен граф Р. Ливерпуль который оставался у власти до 1827 г., а министерство иностранных дел было поручено виконту Каслри (Каслри).

Переломным моментом в ходе наполеоновских войн стал бесславный поход французской армии в Россию. После поражения Наполеона английский кабинет употребил все усилия, чтобы создать новую коалицию и побудить ее к активной борьбе. При заключении Парижского мира 1814 г. и в ходе Венского конгресса 1815 г. английская дипломатия всецело использовала плоды военных побед. К тому же благодаря разгрому Наполеона союзными войсками под командованием герцога Веллингтона в битве при Ватерлоо Великобритания наконец рассталась с имиджем «кредитора коалиции». В соответствии с решениями Венского конгресса были ликвидированы все ограничения для торговли. Великобритания получила большие территориальные приобретения — Франция уступила ей Мальту, Табаго, Сан-Люси и Сейшельские острова; Голландия — Демерари (?) (Гвиану) с ценными хлопковыми плантациями, мыс Доброй Надежды и весь Цейлон; Дания — Гельголанд. Стратегически важные Ионические острова также оказались переданы под покровительство Великобритании. Одновременно были улажены спорные проблемы с США, с которыми Великобритания с 1812 г. находилась в состоянии войны.

**Социально-экономическое и политическое развитие
Великобритании в первой половине XIX в.**

Триумфальное завершение наполеоновских войн не принесло Великобритании долгожданного спокойствия и благоденствия. Гигантские военные расходы оказались непомерными даже для такой мощной экономики, как английская. Только за время правления У. Питта государственный долг вырос на 334 млн, а к 1815 г. он равнялся астрономической сумме в 864 млн фунтов стерлингов. Одни лишь проценты по государственному долгу составляли 30,5 млн. фунтов стерлингов. Финансовые трудности усугублялись промышленным спадом. После разгрома Франции изменилась экономическая конъюнктура, прекратились военные поставки, что не могло компенсироваться открытием европейских рынков. Сокращение производства, в первую очередь в тяжелой промышленности, вызвало массовую безработицу, усилившуюся демобилизацией 300 тыс. солдат и матросов. Зарплата рабочих падала, инфляция, начавшаяся при Питте, продолжала расти. Плохие урожаи подняли цены на хлеб, которые и без того были искусственно завышенные «хлебными законами» 1815 г. по ограничению ввоза иностранного хлеба.

Послевоенный экономический кризис стал причиной роста социального напряжения в Англии. Многотысячные народные собрания, бунты голодающих все чаще сопровождались требованиями отмены хлебных законов и проведения избирательной реформы. Министерство тори отреагировало на это новым приостановлением действия Habeas Corpus act, стеснением печати, закрытием радикальных клубов и запрещением общественных собраний и ношения оружия. Печально знаменитым стал кровавый разгон восьмидесятитысячного митинга 16 августа 1819 г. на поле Св. Петра в Манчестере, получивший название «резни в Питерлоо». После этого события, оживившего тени гражданских войн, идея избирательной реформы становится «респектабельной» и среди высших слоев общества. В программе вигов она постепенно заняла ключевое место.

В такой обстановке всеобщего брожения 29 января 1820 г. регент вступил на престол под именем Георга IV (1820-1830). Он приобрел славу самого несимпатичного из всех представителей Ганноверской династии. Слалостлюбие, немислимое мотовство и распутство короля много лет скандализировали анг-

лийское общество. Впрочем, его младшие братья имели едва ли лучшую репутацию. Георгу III вообще не повезло с детьми — все шесть его взрослых сыновей вели распутный и разгульный образ жизни, ославили себя неразборчивыми любовными связями и непослушанием, несмотря на то, что в детстве родители пытались воспитывать их в строгости и привить любовь к труду и другим добродетелям. Первый акт правления Георга IV — неблагоприятный бракоразводный процесс с супругой Каролиной Брауншвейгской — еще более усилил нелюбовь народа ко двору и министрам.

Под давлением общественного мнения и оппозиции премьер-министр Р. Ливерпуль был вынужден проводить все более либеральную политику. Большой потерей для партии тори стало самоубийство Кэстльри (Каслри), сумевшего за несколько лет значительно укрепить внешнеполитические позиции Великобритании за счет «политики равновесия». Ливерпулю пришлось передать пост министра иностранных дел многолетнему противнику Кэстльри (Каслри) Джорджу Каннингу из группировки «прогрессивных тори». После этого британская дипломатия отказалась от активной защиты статус кво в европейской системе международных отношений и переориентировалась на принципы невмешательства в дела континентальных держав.

Несмотря на экономические трудности послевоенного периода Великобритания оставалась «мастерской мира», производившей товары лучшего качества. К 1840 г. доля ее в мировом промышленном производстве составляла 45%. Ведущей отраслью английского промышленного производства продолжала оставаться текстильная промышленность. Мощность паровых двигателей, действовавших на фабриках хлопчатобумажной промышленности, достигла в 1834 г. 33 тыс. лошадиных сил. На английских хлопчатобумажных фабриках работало тогда более 200 тыс. человек. Легкая промышленность все еще преобладала в экономике страны. Удельный вес продукции отраслей промышленности, производящих предметы потребления, составлял более 5/6 всей промышленной продукции Великобритании. В то же время быстро развивались тяжелая промышленность и новые виды транспорта. В 1834 г. производство железа в Англии достигло 700 тыс. т. Еще в 1813-1814 гг. Д. Стефенсон сконструировал свой первый локомотив, и в 1830 г. было завершено строительство первой железной дороги, соединившей Ливерпуль и Манчестер. В 1840-х годах все крупные города Англии

уже были соединены железными дорогами. Длина их в 1850 г достигла 10 тыс. км. Развитие железнодорожного транспорт явилось важным фактором экономического роста, так как с его помощью решалась проблема связи источников сырья, мест по его переработке и сбыту.

Промышленный подъем, начавшийся в 1820 г., способство вал снижению накала политических страстей, к тому же правительство делало ряд популярных шагов. В 1824 г. был отменен запрет на создание рабочих организаций, давшая импульс к созданию тред-юнионов, в 1826 г. — снижены хлебные пошлины. Но население ожидало от правительства дальнейших мер по улучшению экономического положения и новых политических реформ. Большой общественный резонанс вызвал вопрос об эмансипации католиков — предоставлении им равных с протестантами конституционных прав, что имело особенно большое значение для умиротворения Ирландии. Билль об эмансипации католиков, предложенный Дж. Каннингом, был отвергнут палатой лордов. После смерти Каннинга правительство сформировал национальный герой герцог Веллингтон. «Железный герцог» был представителем консервативно настроенных тори, но отдавал себе отчет в необходимости уступок. Его взгляды разделял другой лидер консерваторов Р. Пиль, занимавший пост министра внутренних дел. Пиль был инициатором важнейших реформ в области уголовного законодательства, организации тюремной системы и полиции. Подготовил он и умеренный законопроект по ирландскому вопросу, который вопреки мнению многих тори был принят в 1829 г. Однако проект парламентской реформы, внесенный в феврале 1830 г. лордом Росселем, был отвергнут большинством в 23 голоса.

В этот непростой для страны период на престол под именем Вильгельма IV взошел герцог Кларенский, четвертый сын Георга III (1830-1837). С самого детства он проявил страсть к мореходству и был определен родителями в военно-морское ведомство. Наследник участвовал во многих сражениях, проявив при этом большое мужество. Военно-морская карьера Вильгельма IV на всю жизнь наложила отпечаток на его характер и манеры: он был по-военному груб, развязан и по каждому поводу раздражался ужасными ругательствами. Личная жизнь принца также оставляла множество поводов для пересудов, временами шокируя общество. Став королем в 56 лет, Вильгельм не изменил образа жизни, часто совершал нелепые поступки в

весьма экстравагантной манере. Но, столкнувшись с угрозой массовых выступлений протеста, он с неохотой признал необходимость реформ и поддержал законопроекты виггов.

По предложению премьер-министра графа Ч. Грея Вильгельм IV заявил, что будет назначать столько новых лордов, сколько будет необходимо для принятия билля о конституционной реформе в верхней палате. Палата лордов капитулировала перед этой угрозой и приняла билль, который 7 июня 1832 г. был подписан королем. В результате реформы ликвидировалось 56 «гнилых местечек», а часть мелких избирательных округов сохранили право посылать лишь одного депутата вместо прежних двух. Всего было освобождено 143 депутатских места, из которых 13 предоставлялись Шотландии и Ирландии, а остальные распределялись между городскими и сельскими округами, при этом 65 мест получили города, выросшие за годы промышленного переворота (Манчестер, Лидс, Бирмингем, Шеффилд). Имущественный ценз в графствах повышался с 2 до 10, а иногда и до 50 фунтов стерлингов. В городах имущественный ценз составлял 10 ф. ст. До реформы из двадцатимиллионного населения Англии правом голоса пользовались только около 220 тыс. человек. Реформа увеличила число избирателей до 625 тыс. человек за счет слоев городской и сельской буржуазии, что лишало землевладельческую знать монополии в политической жизни страны.

На фоне политических успехов либерально-буржуазных кругов все более заметным становился рост социальной активности народных масс. Промышленный переворот привел к быстрому росту численности фабрично-заводских рабочих. Вместе со своими семьями промышленные и сельскохозяйственные рабочие уже составляли большинство населения страны, возросшего к середине XIX в. до 27,6 млн. человек. Особенно быстро увеличивалось население Лондона и крупных промышленных городов центра и северо-запада страны. На фоне быстрого обогащения предпринимательских кругов особенно заметным было ужасающее обнищание рабочего класса. Продолжительность рабочего дня достигала 15-18 часов в сутки. Рабочие получили нищенскую заработную плату, условия их существования были ужасны. Плохое питание и антисанитарные условия на фабриках и заводах и в рабочих бараках вели к широкому распространению тяжелых заболеваний — туберкулеза, тифа

и пр. В исключительно тяжелом положении находились безработные, число которых было особенно велико в годы кризиса. Широко применялся женский и детский труд.

В начале 1830-х гг. в связи с массовыми волнениями рабочих, боровшихся за парламентскую реформу и против жесткой эксплуатации, правительство было вынуждено начать разработку фабричного законодательства. Но в предпринимательских кругах такие проекты вызвали большое сопротивление. Против вмешательства государства в экономику выступали и либерально настроенные общественные деятели. По закону о бедных 1834 г. была существенно сокращена помощь безработным и разорившимся мелким ремесленникам и крестьянам со стороны приходов, а налог, взимавшийся для этих целей с собственников недвижимости, был вообще упразднен. Бедняки, численность которых превышала 3 млн. человек, могли теперь получать вспомоществование только в специальных рабочих домах, где они были вынуждены жить и работать в очень тяжелых условиях. Каторжная жизнь трудящихся в рабочих домах ярко описана в романе «Оливер Твист» Чарльза Диккенса. Чтобы избежать заключения в рабочие дома, бедняки готовы были наниматься на работу на предприятия за крайне низкую заработную плату.

Социальная напряженность в английском обществе резко выросла на фоне развернувшегося в 1836-1838 гг. кризиса перепроизводства. Цены на товары и курсы акций упали, вывоз товаров значительно сократился. Кризис особенно тяжело сказался на текстильной, металлургической, судостроительной, угольной и металлообрабатывающей промышленности, вызвал падение заработной платы рабочих и массовую безработицу. Это послужило толчком к возникновению в Великобритании мощного рабочего движения за политические реформы — чартизма. Название движения происходит от «Народной хартии» (People's Charter), в которой были изложены основные требования участников движения к правительству. Чартистское движение включило в себя несколько рабочих организаций и получило поддержку части либерально настроенной интеллигенции. Ведущим идеологом «Народной хартии» стал глава Лондонской ассоциации рабочих Вильям Ловетт. Основными требованиями хартии были ввод всеобщего избирательного права для мужчин и ежегодных парламентских выборов, тайного голосования на них, уравнивания избирательных окру-

гов, отмены имущественного ценза членом палаты общин, денежного вознаграждения членам парламента.

За осуществление требований хартии выступил также «Большой Северный союз», созданный адвокатом Фергюсом О'Коннором, и «Политический союз» в Бирмингеме, руководимый банкиром-либералом членом палаты общин Томасом Атвудом. Во многих городах происходили массовые митинги и демонстрации с требованиями принятия «Народной хартии». Нередки были требования покончить с засильем «высших классов», призывы запасаться оружием для будущей борьбы за хартию. В июне 1839 г. после представления Атвудом в парламенте петиции о принятии «Народной хартии», под которой стояло более 1 млн. 200 тыс. подписей, массовые митинги и демонстрации в поддержку хартии охватили всю страну. Но 12 июля 1839 г. палата общин отвергла петицию о «Народной хартии». Среди чартистов усилились разногласия между сторонниками мирных средств борьбы, или «моральной силы», но главе с Ловеттом и приверженцами «физической силы», руководимыми О'Коннором и Джеймсом О'Брайеном, также ирландцем по происхождению. О'Брайен, радикальный журналист, издававший в 1831-1835 гг. газету «Защитник бедняка», стал вскоре одним из выдающихся лидеров чартизма. Раскол привел к тому, что чартисты отказались от своей главной угрозы — проведения всеобщей стачки, так называемого «священного месяца». В сентябре 1839 г. чартистский конвент был распущен и движение временно пошло на спад, чему способствовал начавшийся экономический подъем. Тем не менее, в ряде мест вспыхивали восстания рабочих против репрессивных действий властей, как например в Ньюпорте.

В июле 1840 г. была создана Национальная ассоциация чартистов, в которой преобладающим влиянием пользовались сторонники «физической силы». Национальная ассоциация имела выборный исполнительный орган и около 400 местных организаций, собирала членские взносы. Новому подъему чартистского движения способствовал начавшийся в 1842 г. кризис перепроизводства. К этому времени в Национальной ассоциации чартистов числилось около 40 тыс. членов. В мае 1842 г. парламент отверг вторую петицию чартистов, в поддержку которой О'Коннор собрал более 3 млн. подписей. Всеобщая стачка, стихийно вспыхнувшая в ответ, была подавлена к концу августа 1842 г.

Противником чартизма стало фритредерское движение (англ. «free trade» — «свободная торговля»), в котором участвовали представители различных социальных сил. Главной мишенью сторонников введения свободной торговли стали «хлебные законы», ненавистные большинству населения. В 1838 г. манчестерские промышленники Р. Кобдэн и Дж. Брайт организовали Лигу борьбы против «хлебных законов». По их мнению, переход к свободной торговле позволил бы решить все проблемы страны и обеспечил бы ей процветание. Лига развернула широкую пропаганду идей фритредерства и быстро завоевывала сторонников в высших слоях общества и среди простых англичан.

Сменивший вигов после парламентских выборов 1841 г. торийский кабинет Р. Пиль упорно отказывался от рассмотрения чартистских требований, но прислушался к предложениям фритредеров. В 1846 г. Пиль, желая сплотить лендлордов и промышленников перед лицом чартистского движения, пошел на отмену «хлебных законов», что вызвало раскол в партии тори и возвращение к власти вигов, которых к этому времени все чаще называли либералами. Упадок партии тори привел к тому, что в течение 1856-1868 гг. они лишь около трех лет управляли страной: в 1852 г., в 1858-1859 и 1866-1868 гг. Новый глава кабинета Дж. Рассел поддержал полномасштабное введение свободной торговли, что стимулировало бурный экономический рост и вместе с законом об ограничении продолжительности рабочего дня 10 часами способствовало улучшению положения рабочих. Были отклонены и навигационные акты, препятствовавшие развитию торговли и промышленности.

Начавшийся в 1847 г. очередной экономический кризис показал, что политика фритредерства не является залогом экономического процветания и не гарантирует социальной стабильности. Кризис совпал со страшным неурожаем и последовавшим за этим голодом в Ирландии. Все это повлекло за собой быстрый рост социальной напряженности и в самой Англии. Начался новый виток борьбы за принятие хартии. Вспыхнувшие в начале 1848 г. революции в ряде стран континентальной Европы также способствовали активизации чартистского движения. Третья попытка заставить парламент принять петицию о Народной хартии была предпринята в 1848 г., но и она не увенчалась успехом из-за решительного противодействия виговского правительства. В столицу были стянуты войска, и О'Коннор, но избежание неизбежного кровопролития, отменил готовив-

шуюся демонстрацию. После этого правительство перешло в наступление. Начавшийся экономический подъем укрепил его позиции, движение чартистов постепенно пошло на спад.

«Викторианская эпоха»

Большая часть XIX столетия прошла в Великобритании под знаком правления королевы Виктории (1837-1901). Викторианская эпоха принесла наивысший подъем экономического и политического влияния Великобритании, а ее завершение совпало с началом упадка британского могущества.

Отец Виктории, герцог Кентский, никогда не отливавший примерным образом жизни, умер, когда дочери был< восемь месяцев. Ее мать, принцесса Саксен-Кобургская, воспитывала дочь в большой строгости и не баловала ее развлечениями. Будущая королева получила солидное образование. Наставником ее был лорд Мельбурн, дважды бывший премьер-министром. Он читал принцессе лекции по государству и праву, истории, знакомил ее с практикой конституционного правления Виктории свободно владела немецким, французским и итальянским языками. Королева вышла замуж в 1840 г. за принца Альберта Саксен-Кобургского. Под его влиянием юная королева, обожавшая балы, приемы и всевозможные увеселения превратилась в серьезную и трудолюбивую правительницу, сознающую свой долг перед народом. Виктория во всем слушалась советов супруга и всю жизнь страстно любила его. Англичане, впрочем, не разделяли ее увлечения и всегда немного недолюбливали Альберта. Супруга королевы подозревали в неуважении к английским конституционным обычаям и вмешательстве в государственные дела. Только скоростная смерть Альберта (в возрасте 42 лет) примирила нацию с его памятью. Для Виктории смерть мужа стала ударом, от которого она так и не смогла оправиться. Первое время, затворясь в четырех стенах, она отказывалась принимать участие в публичных церемониях. «Моя жизнь как жизнь счастливого человека окончилась, — писала она, — мир померк для меня». Главной целью жизни Виктория теперь считала увековечение памяти супруга. Она написала и издала несколько воспоминаний о нем, построила знаменитый круглый Альберт-холл — огромный зал, ис-

пользуемый для выставок, митингов и концертов. Виктория почти сорок лет носила траур по мужу и жаловалась, что ей не хватает его советов. Нового советчика королева нашла только в 1874 г. в лице лидера тори Б. Дизраэли. Он усердно взялся за укрепление института монархии, убедив Викторю и членов ее семейства не пренебрегать публичными обязанностями. В 1876 г. Дизраэли доставил королеве очень льстивший ей титул «императрицы Индии». Многолетний соперник Дизраэли У. Гладстон королеве никогда не нравился, и она постоянно ссорилась с его министрами. Как-то с раздражением Виктория отметила, что Гладстон является «единственным министром, который никогда не обращался со мной как с женщиной и королевой».

И в старости Виктория сохранила красивый голос, звонкий смех, а ее голубые, чуть-чуть навывкате глаза глядели молодо и пронизательно. Несмотря на невысокий рост, королева казалась очень величавой. До самого конца своей долгой жизни Виктория имела хорошее здоровье и завидную работоспособность. Пунктуальная до мании, она любила, чтобы дни ее были заполнены, методичны и монотонны. По утрам королева обычно выезжала кататься по парку, затем возвращалась во дворец и принималась за просмотр документов. Количество бумаг, которые ей приходилось подписывать, было огромно. Она дотошно вникала во все дела, и никогда ни одно важное решение не принималось без ее участия. Царствование Виктории длилось 64 года, и она по праву гордилась им. В эти годы Великобритания добилась величайших успехов в индустриальном развитии, торговле, финансах, морском транспорте и имперской политике, превратившись в символ устойчивости, порядочности и процветания. И современники, и потомки связывали эти успехи с именем королевы. Смерть и торжественные похороны 82-летней Виктории имели для всех англичан огромный символический характер. Вся нация осознала, что прощается с чем-то, что уже никогда не повторится.

В эпоху правления королевы Виктории Великобритания выступила в роли бесспорного промышленного и торгового лидера — «мастерской мира». Преимущества, связанные с более ранним и быстрым завершением промышленного переворота, и эксплуатация колоний, обеспечили ей монопольное господство на мировом рынке. Не опасаясь иностранной конкуренции на собственном рынке, английские предприниматели исполу-завали свободную торговлю в качестве орудия экономической

экспансии. В 1860-х гг. Великобритания добилась подписания ряда очень выгодных для ее промышленников торговых договоров с Францией, Бельгией, Италией, Австрией и германскими государствами.

Небывало быстрому развитию промышленности и торговли Великобритании способствовали открытие и разработка калифорнийских (1848) и австралийских (1851) золотых приисков, до огромных размеров увеличивших средства обращения на мировом рынке. В 1850-х—1860-х гг. железнодорожный транспорт, который поистине стал «даром Англии миру», одержал победу над всеми другими видами сухопутного транспорта, а морские винтовые пароходы начали вытеснять парусные суда. Перевозки грузов стали намного быстрее и дешевле. Экономические кризисы 1857 и 1866 гг. не изменили общей тенденции бурного роста английского капитализма.

К концу 1860-х гг. Великобритания добывала угля приблизительно в 4 раза больше, чем США, и 5 раз больше, чем Германия, не говоря уже о более отсталых странах Европы. Она держала в своих руках половину мирового производства чугуна. Но особенно велики были успехи Англии в текстильной промышленности. В 1860 г. она одна потребляла на своих фабриках столько же хлопка, сколько все остальные страны мира, вместе взятые, а число механических веретен на фабриках Соединенного королевства с 1850 по 1870 г. возросло с 21 млн. до 35 млн., в то время как число механических ткацких станков возросло с 250 тыс. до 440,7 тыс. Мощность паровых двигателей в английской промышленности и на транспорте достигла к 1870 г. 4,5 млн. лошадиных сил. Великобритания опережала в этом отношении Германию более чем в полтора раза, а Францию — в два раза. К 1870 г. удельный вес Великобритании в мировой внешней торговле все еще составлял 25% против 10,45%, приходившихся на долю Франции, 9,7% — Германии, 9,5% — британских колоний, 7,5% — США.

Огромные капиталы притекали в Великобританию из ее заморских колоний. В то же время английские капиталисты получали значительные прибыли и процент со своих зарубежных капиталовложений, поскольку вывоз капитала из Великобритании в качестве орудия ее экономической и политической экспансии уже в 50-60-х гг. XIX в. достиг крупных размеров. Невиданное накопление капитала сопровождалось

сосредоточением его в немногих руках. В Великобритании быстро росло число миллионеров, богачей и средняя торгово-промышленная буржуазия.

Британское сельское хозяйство в 1850-х гг. также переживало подъем. Огромный спрос на продукты сельского хозяйства, связанный с ростом городского населения, относительная дороговизна продуктов питания, а также наличие в стране свободных капиталов позволяли крупным землевладельцам и фермерам-предпринимателям применять в сельском хозяйстве новые технические усовершенствования. В результате мелиорации и применения химических удобрений и сельскохозяйственных машин средние урожаи в Англии, в 50-60-х гг. XIX в. были выше, чем во Франции, что позволяло ввозить в этот период только четверть потребляемого хлеба.

Национальный доход Великобритании возрос с конца XVIII в. к 1870 г. в 10 раз и превысил 2 млрд. фунтов стерлингов. Крупные капиталисты и лендлорды, составлявшие едва 2% населения, получали до 36% национального дохода, в то время как на долю трудового населения, составлявшего не менее 80%, приходилось лишь 40%. Канцлер британского казначейства У. Гладстон в речи, произнесенной в палате общин в 1864 г., отмечал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» Англии и признавал, что рост этот «всецело ограничивается имущими классами».

Экономическое могущество Великобритании стало основной росте ее международного авторитета. Почти три десятилетия внешняя политика Великобритании направлялась виконтом Г. Дж. Пальмерстоном. Получивший по наследству ирландское пэрство, Пальмерстон начал политическую карьеру в партии тори. В 1809-1828 гг. он был секретарем кабинета по военным делам. Входя в группу «прогрессивных тори» или «каннингитов», Пальмерстон поддерживал идею о необходимости парламентской реформы, что в итоге и привело к его разрыву с тори. В 1830-1834 и 1835-1841 гг. лорд Пальмерстон занимал пост министра иностранных дел в вигских кабинетах Ч. Грея и У. Мельбуерна, активно отстаивая британские интересы по всему миру.

Невмешательство в европейские дела, практиковавшееся Каннингом, сменились активными усилиями британской дипломатии по сохранению «равновесия сил» на континенте. Пальмерстон считал, что в интересах Великобритании уменьшить политический вес Франции и России. По его инициативе Ве-

ликобритания выступила защитницей суверенитета Бельгии в 1830-1831 гг. и инициатором «четверного союза» 1834 г. против претендентов на престолы Испании и Португалии, а также поддержала Турцию против России и Египта. В 1840 г. ради обеспечения беззастенчивой эксплуатации Китая была начата первая «опиумная» война.

Деятельность Пальмерстона на посту министра иностранных дел в министерстве лорда Дж. Рассела в 1846-1851 гг. принесла ему популярность в стране. С воодушевлением общественность восприняла отправку военной эскадры в Грецию для защиты интересов британских подданных. Личная популярность превратила Пальмерстона в одного из признанных лидеров партии вигов и позволила ему претендовать и на пост премьер-министра. Во время своего первого министерства (1855-1858) Пальмерстон добился победоносного завершения Крымской войны против России, беспощадного подавления восстания в Индии и провел вторую «опиумную» войну, стремясь усилить позиции Англии в Китае. Второе министерство Пальмерстона (1859-1865), в котором Рассел занимал пост министра иностранных дел, а Гладстон — министра финансов, также оказалось весьма прочным благодаря успешной внешней политике и снижению налогов внутри страны. В это время правительство признало Итальянское королевство, передало Греции Ионические острова и сохраняло нейтралитет между Севером и Югом во время гражданской войны в США, даже ценой уплаты компенсации за инцидент с военным кораблем «Алабама». Пальмерстон, снискавший славу выдающегося патриота и защитника британских интересов, пользовался популярностью у избирателей, но его высокомерие отталкивало от него большинство коллег по кабинету и раздражало королеву Викторию.

Несмотря на экономическую и внешнеполитическую стабильность, в 60-х — 70-х гг. XIX в. партийно-политическая система Великобритании претерпела существенные изменения. Основной причиной стала быстрая эволюция социальной структуры общества, в том числе динамичный процесс урбанизации. Происходило дальнейшее ослабление позиций земельной аристократии, сокращение числа нищих, возрастание активности средних классов, интеллигенции, увеличивался слой «рабочей аристократии» — квалифицированных, потомственных рабочих. Постепенно менялся облик крупнейших англий-

ских городов, прокладывались водопроводы и канализация, улучшались условия жизни основной части населения страны — пролетариата.

Численный рост рабочего класса сопровождался усилением его организованности. Профсоюзные организации — тред-юнионы — становились все более многочисленными, складывались кадры профсоюзных чиновников. В 1860 г. был образован Лондонский совет тред-юнионов, имевший целью преодолеть узко-профессиональную разобщенность английских профсоюзов. Лондонский совет тред-юнионов успешно руководил стачкой строительных рабочих в 1861 г., закончившейся удовлетворением требований рабочих о повышении зарплаты и сокращении продолжительности рабочего дня до 9 1/2 часов. В 1864 г. представители Лондонского совета тред-юнионов поддержали создание Международного товарищества рабочих (I Интернационала), войдя в его Генеральный совет. Сближение руководства британских тред-юнионов с деятелями международного рабочего движения способствовало их полевению и активизации борьбы за парламентскую реформу. По инициативе Генерального совета Интернационала в 1865 г. была создана массовая политическая организация — Национальная лига реформы, в состав которой вошли представители различных тред-юнионов. Вскоре Лига превратилась в серьезную политическую силу, она включала 100 лондонских и 300 провинциальных отделений.

Во второй половине XIX в. происходила и интенсивная организационно-идеологическая перестройка ведущих политических партий. Группировки вигов и тори постепенно превращаются в партии современного типа, добавляя к традиционной парламентской борьбе активную идейно-политическую и пропагандистскую деятельность. Именно в этот период закрепляются и новые названия двух партий — либеральная и консервативная. Отказ от исторических партийных прозвищ был символическим. Политическая элита Великобритании постепенно выходила за пределы клановой борьбы за власть и все чаще апеллировала к общенациональным интересам, мнению общественности. Обе партии нуждались в качественном расширении своей социальной базы. Но одновременно они были вынуждены вырабатывать и новый политический язык, определять свое отношение к социальным проблемам, волновавшим массового избирателя.

Ключевым вопросом в перестройке партийно-политической системы становилось проведение новой избирательной реформы. Уже в 1859 г. консервативное правительство Дерби-Дизраэли предприняло попытку внести на обсуждение парламента проект реформы, имевший довольно ограниченный характер. Однако билль был отвергнут либералами и радикалами, не желавшими отдавать инициативу в руки тори.

Инициатором идеологического и организационного обновления партии вигов, «отцом» английского либерализма стал Уильям Гладстон (1809-1898). «Великий старец», как его называли современники, Гладстон возглавлял либеральную партию на протяжении тридцати лет. Он родился в 1809 г. в Ливерпуле в семье богатого купца и владельца крупных плантаций в Вест-Индии, образование получил в аристократических учебных заведениях Итона и Оксфорда. Уже в молодые годы Гладстон отличался от своих сверстников повышенным интересом к политике, науке и литературе, глубокой религиозностью. Любовь к классической литературе и богословским учениям не покидала его всю жизнь. Но наряду с религиозными интересами и житейской практичностью молодой Гладстон обнаруживал и большие деловые способности, и ораторский талант. В 1832 г. он в возрасте 22 лет впервые избирается в парламент как кандидат от тори, а уже в 1834 г. входит в состав консервативного правительства Р. Пеля, курс которого на сближение с правыми вигами неизменно поддерживал.

В составе сменявшихся торийских кабинетов Гладстон занимал посты министра торговли, министра по делам колоний и канцлера казначейства. Приверженность Гладстона идеалам тори выразилась в одобрении им ввода чрезвычайного положения в Ирландии, защите института невольничества, борьбе против отмены хлебных пошлин и введения тайного голосования на выборах. В 1838 г. он опубликовал трактат в защиту государственной церкви и окончательно закрепил за собой репутацию ревностного охранителя традиций. Однако расхождения с лидерами тори по основным вопросам торговой и промышленной политики предрешили, вызвали переход Гладстона на позиции либералов. В 1859 г. Гладстон уже вошел в состав кабинета лорда Пальмерстона и получил пост министра финансов. После смерти Пальмерстона в 1865 г. он стал признанным лидером либералов в палате общин и министром финансов в кабинете лорда Рассела.

Со смертью Пальмерстона, главного противника парламентской реформы, либералы во главе Расселом и Гладстоном пересмотрели отношение к проблеме расширения избирательного права. В 1866 г. они внесли на рассмотрение парламента билль, по которому электорат должен был расширяться на 400 тыс. человек. Несмотря на явную умеренность, этот законопроект встретил сопротивление со стороны не только консерваторов, но и части правых либералов. В то же время идею парламентской реформы отстаивало и прогрессистское крыло партии тори во главе с Б. Дизраэли.

Бенджамин Дизраэли (1804-1881) происходил из зажиточной мелкобуржуазной еврейской семьи. Его отец, Исаак Дизраэли, пользовался известностью как писатель и поддерживал дружеские отношения со многими выдающимися литературными и политическими деятелями. До 17-летнего возраста Дизраэли учился в частной школе и под руководством отца, затем он пять лет работал в конторе одного лондонского стряпчего. С юных лет ему были присущи большие амбиции, стремление к известности. Следуя по стопам отца, будущий лидер консерваторов вступил на литературное поприще. В своих произведениях Дизраэли затрагивал острые проблемы политической жизни, его герои являлись носителями ярких мировоззренческих идей.

Потерпев поражение на выборах 1833 г. в качестве кандидата от виггов, Дизраэли сменил свою политическую ориентацию и сблизился с тори. В 1837 г. он наконец стал членом палаты общин, где проявил себя ярким противником отмены «хлебных законов». После падения правительства Р. Пиля и раскола партии в 1846 г. Дизраэли претендовал на роль лидера тори в палате общин, но главенство в партии сохранил лорд Дерби. В 1852, 1858 и 1866 г. Дизраэли входил в состав кабинетов под руководством Дерби в качестве канцлера казначейства. Он успешно провел билль об упразднении Ост-Индской компании. На сессии 1866 г. Дизраэли выступил противником билля о парламентской реформе, предложенного министерством Рассела-Гладстона и вскоре сам разработал новый законопроект. Впрочем, существенные поправки к нему удалось внести и оппозиции во главе с Гладстоном. В итоге, по закону 1867 г. избирательное право в городах было предоставлено всем владельцам или съемщикам домов, уплачивающим налог в пользу бедных, и квартирнанимателям, уплачивающим в год не меньше 10 фунтов стерлингов арендной платы (при цензе оседлости в один год); в сельской местности — всем арендаторам

земельных участков с годовым доходом в 12 фунтов стерлингов. При этом сохранялось открытое голосование, а также старое, крайне неравномерное распределение избирательных округов. В 1872 г. был принят билль, уничтоживший открытое голосование, что обеспечило сельскохозяйственным рабочим осуществление их права голоса.

Проведение билля о парламентской реформе стало политическим триумфом Дизраэли, обеспечившим ему восхождение к вершине власти. Когда в феврале 1868 г. лорд Дерби сложил с себя звание премьер-министра, Дизраэли принял этот пост, а вскоре стал и лидером партии. Но на выборах 1868 г. консерваторы неожиданно потерпели поражение. Правительство возглавил Гладстон. Он внес существенные коррективы в действия британской дипломатии на международной арене. Гладстон отставил принципы политики «блестящей изоляции» — отказа от вовлечения в долговременные союзы и блоки, военные и колониальные авантюры. Основное же внимание либералы уделяли внутренней политике. Правительство предприняло несколько популярных мер, в том числе принятие закона о всеобщем начальном обучении (1870), проведение реформы государственной службы (1870), уничтожение практики покупки чинов в армии (1871). Тем не менее либералы быстро теряли поддержку избирателей. Их нежелание пойти навстречу требованиям тред-юнионов, закрепить право заключать коллективные трудовые договоры и право на пикетирование предприятий вызвали массовый протест. На парламентских выборах 1874 г. либеральная партия потерпела поражение.

Годы второго премьерства Дизраэли (1874-1880) вошли в историю Великобритании как период укрепления ее международного престижа и расширения колониальных владений. В 1876 г. Дизраэли, действуя быстро и решительно, при поддержке английской ветви банкирского семейства Ротшильдов выкупил у египетского хедива контрольный пакет акций недавно открытого Суэцкого канала. Его действия, поставившие под контроль Великобритании эту важную транспортную артерию, были горячо одобрены обеими палатами. В том же году Дизраэли добился провозглашения королевы Виктории императрицей Индии. В 1878 г. английские войска вторглись в Афганистан под предлогом противодействия там российскому влиянию, вскоре были начаты военные действия в Африке

с целью вовлечения бурских государств в южноафриканскую федерацию под эгидой Великобритании, а также предпринята экспедиция против воинственных зулусов. Антироссийская направленность политики Дизраэли ярко проявилась во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда он умело использовал накал шовинистских настроений в стране. Популярная патриотическая песенка «Мы не хотим войны, но ей-ей (by jingo!), если уж придется...» ввела в политический жаргон термин «джингоизм» для обозначения крайнего шовинизма. Демонстративные приготовления Великобритании к войне заставили Россию пойти на созыв Берлинского конгресса 1878 г. и отказ от некоторых условий Сан-Стефанского мира. Великобритания же приобрела Кипр.

Правительство Дизраэли предприняло ряд важных шагов в области социального и экономического законодательства. На парламентских сессиях 1874-1876 гг. оно провело закон, разрешающий рабочим пикетирование, закон об ограничении детского труда, закон о народном здравоохранении, закон об улучшении жилищных условий рабочего класса, новый закон о мореходстве. Королева Виктория, симпатизировавшая Дизраэли, удостоила его в 1876 г. титулом графа Биконсфилда. Однако политическую мощь консерваторов подорвала их же активность. Войны и колониальные экспедиции, которые либеральная оппозиция клэймила как «дорогостоящий авантюризм» Дизраэли, привели к растущему дефициту бюджета. Правительство было вынуждено повысить подоходный налог, что радикально изменило настроения избирателей. На волне массового недовольства либералам удалось выиграть парламентские выборы 1880 г. В ходе этой предвыборной кампании Гладстон с успехом использовал новый прием — турне по избирательным округам в Мидл-тоне. Королева Виктория была вынуждена вновь поручить лидеру либералов сформировать правительство, хотя испытывала к нему плохо скрываемую антипатию.

***Великобритания в последней трети XIX в.:
противоречия экономического роста и имперской
политики***

70-е гг. XIX в. стали последним десятилетием, в течение которого викторианская Англия сохраняла статус «мировой фабрики». В 80-х — 90-х гг. экономика страны, достигнув предель-

ных темпов роста, вступила в новую полосу своего развития. Ее характеризовали два основных процесса — постепенная утрата промышленной гегемонии и начало трансформации капитализма свободной конкуренции в монополистический.

Оставаясь «владычицей морей», Великобритания все еще удерживала морское и колониальное первенство, играла главную роль в мировой банковской сфере. Но с 1880-х гг. стала проявляться тенденция к снижению промышленной и торговой роли Англии в системе мирохозяйственных связей. Внутренними факторами, обусловившими постепенное отставание Великобритании, стали устаревание технического оснащения производства, обновляемого с большими трудностями, а также недостаточная интенсивность внедрения в промышленность новых двигателей, передовых достижений химии и электротехники. Торгово-промышленная монополия и колониальная гегемония Великобритании, сохранявшаяся в середине века, не стимулировали капиталовложения в собственное производство. Огромная колониальная империя из важнейшего источника экономической мощи постепенно превращалась в тяжелое бремя. Освоение колониальных владений требовало огромных инвестиций, тогда как доля ежегодных капиталовложений в собственное производство в Великобритании снизилась в 1890-е гг. с 7,5% национального дохода до 4,5%. Специфическим явлением были и более низкие темпы монополизации британской промышленности по сравнению с ростом картелей, синдикатов и трестов в США и Германии.

Монополизация промышленного производства в Великобритании активизировалась с 1890-х гг., достигнув особых успехов в судостроительной, металлообрабатывающей и соляной промышленности. Наиболее мощными стали военно-промышленные объединения «Джон Браун», «Армстронг-Уитворт», «Виккерс». Но главенствующую роль при этом играли колониальные монополии: «Колониальная компания реки Нигер», «Имперская компания Британской Восточной Африки», «Британская Южноафриканская компания» и др. Монополистические объединения в легкой промышленности появились позднее и были немногочисленны. В целом, монополизация британской промышленности не носила всеобщего и устойчивого характера. Так, например, недолговечными оказались ассоциация по производству стали, образованная в 1886 г., и угольный син-

дикат, просуществовавший всего месяц в 1894 г. Более заметной была централизация банковской сферы. К концу XIX в. в стране господствовало 50 крупнейших банков.

Процесс монополизации ускорялся в периоды кризисов перепроизводства за счет поглощения слабых предприятий более сильными или их разорения. Очередной кризис 1873 г. открыл период длительной депрессии британской экономики. Угнетенное состояние экономики не было преодолено до 1878 г., когда разразился еще более глубокий кризис, длившийся до 1880 г. Новый разрушительный спад экономики последовал в 1882 г. и затянулся до 1888 г. Вся первая половина 1890-х гг. прошла под тяжестью очередного кризиса, который завершился в 1895 г. Экономические потрясения затрагивали все слои населения Великобритании. Массовая безработица, превышавшая иногда 11% занятых, позволяла предпринимателям занижать заработную плату, в результате чего в 1893 г. почти 83% английских рабочих не обеспечивали своим семьям официально установленного прожиточного минимума.

Изменение мировой экономической конъюнктуры вызвало застой и в сельском хозяйстве Великобритании, начавшийся в 1875 г. рядом неурожайных лет. Освоение огромных просторов американского Среднего Запада, а также удешевление доставки сельскохозяйственной продукции из США, Канады и Австралии вызвали падение цен в Великобритании, что повлекло снижение ренты почти наполовину, сокращение посевных площадей, делало невыгодным вложение капитала в сельское хозяйство. Господство фритредерских доктрин не оставляло возможности защитить сельское хозяйство при помощи повышения тарифов на заокеанские продукты. Оказавшиеся безработными многие тысячи батраков не усиливали социальной напряженности, находя работу на городских промышленных предприятиях или отправляясь в колонии или в США, которые принимали излишки быстро растущего населения. В результате в 1875-1885 гг. посевная площадь под пшеницей снизилась в Великобритании почти на миллион акров. Целые зерновые районы на западе, в центральных графствах и на севере обращались в пастбища, причем это не сопровождалось соответствующим увеличением количества домашнего скота, хотя и происходила значительная замена рогатого скота овцами. Ввоз замороженного мяса из Австралии, Новой Зеландии и Южной Америки стал новой чертой 80-х и 90-х гг. В 1891-1899 гг. последовала вторая волна сельскохозяйственной депрессии, столь

же суровой, как и депрессия 1875-1885 гг. К концу столетия посевная площадь зерновых в Англии и Уэльсе сократилась с восьми с лишним миллионов акров в 1871 г. до шести миллионов. Постоянные пастбища значительно возросли, но падение цен на скот и овец не отставало от падения цен на зерно.

Нарастание экономических противоречий заставило английские политические круги резко активизировать имперскую политику. Ярким выразителем господствовавших с то время настроений стал Сесиль Родс, владелец алмазной компании «Де Бирс», основатель и глава «Британской привилегированной компании Южной Африки». Под лозунгом «Расширение — это все!» Родс отстаивал идею объединения британских территорий в Африке от Кейптауна до Каира. «Империя, — говорил он, — это вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Популяризаторами имперских идей были известные английские литераторы Р. Киплинг, Р. Хаггард, А. Конан Дойл.

Будучи премьер-министром британской Капской колонии, С. Родс инициировал «рейд Джеймсона» — военное вторжение на территорию Трансвааля, отстаивавшего свою независимость в ходе первой англо-бурской войны 1880-1881 гг. Провал этой авантюры заставил его уйти в отставку. Однако дававшее почти треть мировой добычи золота государство буров (потомков переселенцев из Нидерландов) оставалось желанной целью для британских колонизаторов. Новая война разразилась в 1899 г. под предлогом защиты политических прав золотострателей-иностранцев (ойгландеров), в большинстве своем англичан. Став одной из первых империалистических войн начала нового столетия, эта война открывала новую эпоху для Великобритании. Она закончилась лишь в 1902 г., подорвав международный престиж страны и разделив общественное мнение. Несмотря на применение новейших видов вооружения, пулеметов, шрапнели, англичане пережили горечь поражений «черной недели», ужас от многочисленных потерь, забытых со времен Крымской войны. В разгар войны умерла королева Виктория, как бы не пережив позора тактики «выжженной земли» и концентрационных лагерей, устраиваемых англичанами, чтобы сломить сопротивление буров-партизан.

К началу XX в. британская империя уже охватывала территорию в 27,8 млн. кв. км с населением 352,5 млн. человек

В ее состав входили Канада, острова Вест-Индии, колонии «Австралазии» (Австралия, Новая Зеландия, Новый Уэльс, Виктория) и прилегающие тихоокеанские острова, Индия, территории в Южной Африке. Колониальные экспедиции стали причиной активной политики перевооружений, которую Великобритания начала проводить по примеру континентальных держав. В 90-х гг. был представлен ряд проектов с целью увеличить численный состав армии, не вводя обязательной воинской повинности, которая вызывала стойкое неприятие большинства англичан. В деле обеспечения национальной обороны правительство главное свое внимание обратило на флот. Кредитование военно-морского строительства осуществлялось в таком объеме, чтобы обеспечить превосходство британского флота над объединенными морскими милами двух следующих по мощи великих держав.

Общественно-политические движения и политика ведущих партий в Великобритании в конце XIX в.

Необходимость изменения государственного курса в условиях новой международной ситуации и сложной экономической конъюнктуры вызвала не только активную полемику между представителями двух ведущих политических партий Великобритании, но и формирование многочисленных внутрипартийных группировок, а также «неформальных» общественных движений, противостоящих двухпартийному парламентскому механизму.

В начале 80-х гг. большинство в парламенте представляли либералы. В этот период их партия окончательно оформилась в организационном плане. В 1877 г. была учреждена Национальная федерация либеральных ассоциаций, состоявшая из представителей местных либеральных организаций, выполнявшая в основном пропагандистские функции и действовавшая не только во время выборов, но и в период между ними. Признанным лидером партии оставался У. Гладстон, которого поддерживали «правые» и «умеренные» либералы. Но постепенно все больший политический вес приобретал один из создателей Национальной федерации Джозеф Чемберлен, промышленник из Бирмингема, прославившийся своими социальными экспериментами на посту лорда-мэра родного города.

С конца 70-х гг. Дж. Чемберлен стал лидером группировки радикалов в составе либеральной партии (по названию «Радикальной программы» социально-политических преобразований, разработанной под руководством Чемберлена). Его сторонники выдвигали требования всеобщего избирательного права для мужчин, равенства избирательных округов, предоставления жалования депутатам, ликвидации палаты лордов, отделения церкви от государства, расширения функций местного самоуправления, свободы во внутренних делах для национальных областей. Социальная часть их программы исходила из признания новой роли государства, всячески подчеркивала его патерналистскую сущность: государство призвано действовать «на стороне слабых против сильных, в интересах труда против капитала». Группировка Чемберлена предлагала также ввести прогрессивно-подходящий налог, осуществить аграрные преобразования (выкуп части земли у лендлордов, сдача ее мелкими участками в аренду батракам и городским рабочим), активизировать жилищное строительство для бедноты.

Завершался и процесс организационной перестройки консервативной партии. Уже с 60-х гг. консерваторы стали создавать в графствах регистрационные общества, ставшие впоследствии ячейками Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций (так официально стала именоваться партия). После смерти Дизраэли в 1881 г. лидером консерваторов стал маркиз Солсбери, блестящий интеллектуал, любимец королевы Виктории, олицетворявший респектабельность политической элиты поздневикторианской Англии. Внутри партии обозначилось два противоборствующих течения. Представители группировки «старые тори» выступали с традиционными лозунгами укрепления трона, палаты лордов и англиканской церкви. «Молодые тори» — Р. Черчилль, А. Бальфур и др. — настаивали на необходимости развития идей Дизраэли о «народном торизме», активном проведении реформаторского курса, расширении электората консерваторов. Развернувший активную пропагандистскую кампанию Рэндольф Черчилль провозгласил в борьбе за «широчайший народный базис» целую «программу социального прогресса» — в сфере здравоохранения, жилья, страхования и т.д. Вскоре «молодые тори» создали в палате общин даже собственную фракцию под названием «четвертой партии» (после «третьей» — депутатов парламента от Ирландии).

Современники отмечали, что особого различия между политическими программами либералов и консерваторов уже не существовало. С показательной регулярностью происходила и смена правительственных кабинетов — консервативных (Б. Дизраэли: 1874-1880; лорда Солсбери: 1885-1886, 1886-1892, 1895-1902) и либеральных (кабинеты У. Гладстона: 1868-1874, 1880-1885, 1886, 1892-1894; лорда Розбери: 1894-1895). При этом идеологическую основу правительственного курса неизменно составляли идеи либерализма — незыблемость частной собственности, свободное развитие рыночной экономики, конституционно-правовая модель государственности. Но в то же время все более очевидным становился внутренний раскол британской политической элиты, связанный не с партийной принадлежностью, а с пониманием роли государства в развитии общества. Образ «старой викторианской Англии» сплотил самые разнородные в социальном и политическом отношении силы, выступавшие против реформаторского курса. Их публичной трибуной стала внепартийная «Лига защиты свободы и собственности» (1883), объединившая в своем составе и представителей патриархальной аристократии, и сторонников фритредерской политики из кругов крупной буржуазии, и либерально настроенную интеллигенцию. Отстаиваемые ими принципы ортодоксального либерализма постепенно стали ассоциироваться с консервативной политической программой.

В противовес ультра-либеральной идеологии часть британской политической элиты пыталась выдвигать идеи социального реформизма. Возникло движение за «справедливую торговлю», которая была призвана заменить «свободную торговлю». Его представители выступали за введение протекционизма по примеру других стран. Один из лидеров «молодых тори» Р. Черчилль заявлял: «Свободный импорт убивает нашу промышленность». Многие представители «молодого поколения» консерваторов считали основой социальных реформ последовательную имперскую политику. Схожие настроения были распространены в обеих партиях. От расширения империи, как доказывали консерваторы, «должен выиграть каждый англичанин». Либерально настроенные общественные деятели также были увлечены идеей «цивилизаторской имперской миссии» Британии. Даже У. Гладстон считал, что «имперская миссия Англии состоит в распространении во всем мире конституционализма как лучшей опоры свободы и справедливости». Под эгидой имперских идей в 90-е гг. сформировалась группировка либерал-

империалистов во главе с лордом Розбери. Их активно поддерживал и Дж. Чемберлен.

На особых политических позициях стояла «третья партия» — парламентская фракция депутатов от Ирландии. После выборов 1874 г. в палате общин заседали 103 ирландских депутата, крайне разобщенные и не представлявшие никакой политической силы. Из них 36 были тори, почти все избранные от Ольстера, северо-западной части острова с преимущественно протестантским населением, и 67 — ирландские националисты, преимущественно католики. Своим объединением ирландские депутаты были обязаны Чарльзу Парнелу. Он родился в семье лендлорда, англичанина по крови и протестанта по вероисповеданию, но горячо преданного идее национального возрождения Ирландии. Избранный в парламент в 1875 г., Парнел, холодный и предельно корректный как истинный английский джентльмен, являл собой резкий контраст с шумными, небрежно одетыми ирландскими депутатами. Своим старанием не шокировать палату и действовать в рамках парламентских традиций Парнел внушил уважение даже своим противникам, а благодаря своему ораторскому таланту и искусной тактике он сумел сплотить ирландских депутатов в авторитетную фракцию.

Сторонники Парнела развернули активную политическую деятельность и в самой Ирландии. Они выступали за аграрную реформу, предоставление крестьянам права на землю за «справедливую» ренту. Заручившись помощью членов зарубежных ирландских националистических организаций и создав Национальную земельную лигу Ирландии, Парнел перешел к агитации в пользу идеи «гомруля», т.е. самоуправления Ирландии (Home rule). Вскоре Парнел получил признание как «некоронованный король Ирландии». Размах националистического движения был так велик, что правительство Гладстона было вынуждено отказаться от репрессивных мер. К тому же решение ирландского вопроса оказалось тесно связано с активной общественной дискуссией вокруг проекта новой парламентской реформы.

Гладстон предлагал изменить избирательное право в двух направлениях. Во-первых, право избирать депутатов в палату общин, предоставленное в 1867 г. старым городам (boroughs), должно было быть распространено и на графства (сельские ок-

руга и новые города). Избирателем становился каждый, кто по найму или в качестве собственника занимал дом, внесенный в податные списки (household franchise), или платил за наемную квартиру не 10 десяти фунтов в год (lodger franchise). Во-вторых, предполагалось отменить мандаты старых городов — бургов, — которые в среднем посылали в парламент одного депутата от каждых 40 000 жителей, и передать их графствам, где один депутат приходился на 78 000 жителей.

Изменение избирательной системы вызвало жаркие споры. Радикалы из либеральной партии требовали, чтобы округа были выровнены и установлены сообразно численности населения, а консерваторы считали, что столь радикальная реформа вообще нецелесообразна. Палата лордов задержала законопроект на год, пока Гладстон не обнародовал свой план «перераспределения» избирательного права и не начал апеллировать к общественности. В окончательном виде «Акт о народном представительстве» 1885 г. оставил за 34 наиболее населенными старыми бургами прежнее число представителей, избираемых по списку; для 37 бургов с населением ниже 60 000 человек сократил число депутатов до одного на каждый, уничтожил отдельные избирательные округа для 106 городов с населением ниже 16 000 человек и освободившиеся мандаты передал графствам, разделенным на округа по 50 000 человек в среднем, которые выбирали по одному депутату. В отличие от реформ 1832 и 1867 гг. Гладстон не удовольствовался перераспределением мандатов: он создал двенадцать новых мест в палате, что довело число депутатов до 670.

В целом, по закону 1885 г. число избирателей возросло до четырех с лишним миллионов, в том числе количество избирателей в Ирландии более чем утроилось (хотя число депутатов осталось прежним), а для всего Соединенного королевства оно возросло на 75%. В то же время 1 800 000 взрослых мужчин остались лишены права голоса: это были сыновья, живущие при родителях, съемщики меблированных комнат, домашние слуги, часть сельскохозяйственных рабочих. Действовал и ценз оседлости — не прожив 12 месяцев в одном месте, нельзя было быть внесенным в избирательные списки. При этом сохранялся «множественный вотум», когда собственники могли быть избирателями сразу во всех округах, где находилась их недвижимость (выборы не происходили везде в один день). Радикалы возражали против этого правила, противопоставляя ему формулу «одному человеку — один голос» («one

man — one vote»). Не было реализовано требование о введении парламентского вознаграждения (существующего в британских колониях).

Несмотря на агитацию феминистов и радикалов, женщины не получили в 1885 г. права голоса на парламентских выборах. Зато они на равных правах с мужчинами голосовали на всех муниципальных выборах — в комитеты общественного призрения (Boards of guardians), в школьные советы (School boards, 1870), в советы графств (1888) и приходов (1894). Они и сами могли быть избираемы в благотворительные и школьные советы и, действительно, фигурируют в большинстве из них, представляя в них главным образом диссидентские секты, радикализм, а иногда и социализм. Право для женщин голосовать на парламентских выборах было в принципе принято палатой общин в 1886 и 1897 г., но третье чтение, окончательно решающее судьбу всякого законопроекта, так и не было произведено. Гражданское равноправие было почти полностью предоставлено женщинам рядом таких мероприятий, относящихся к последним десятилетиям XIX в., как уничтожение или регламентация проституции, предоставление замужней женщине права свободно распоряжаться своей собственностью и доходами и пр. Движение в пользу эмансипации женщин происходило во всех английских странах, многие из колоний далеко опередили на этом пути саму метрополию.

На фоне дискуссий об избирательной реформе обострился и вопрос о «гомруле» — о статусе Ирландии в составе британского государства. В 1885 г. истекал трехлетний срок исключительных законов для Ирландии, установленный английским парламентом. Зная о намерении Гладстона внести билль о продлении исключительного положения, Парнел и 39 ирландцев вошли в соглашение с консерваторами и провалили правительственный законопроект об увеличении акциза на спиртные напитки. Гладстон подал в отставку, и в июне 1885 г. власть перешла к консервативному кабинету Солсбери. В дальнейшем за короткий период (15 месяцев) в Великобритании сменилось четыре правительственных кабинета. Новое министерство вплоть до января 1886 г. правило без большинства, однако либералы не свергали его — они ждали близкого роспуска и новых выборов по обновленной избирательной системе. Солсбери, в свою очередь, сделал попытку привлечь гомрулеров на свою сторону и

ний при разделе Африки. Общественное мнение Великобритании отнеслось одобрительно к этой стороне деятельности министерства и выказало сильное раздражение против действия Франции в вопросе о землях по течению реки Нигера и верхнего Нила. Кабинет получил поддержку общественности, высказавшись также за образование британской имперской федерации. Главным выразителем имперских идей стал министр колоний Дж. Чемберлен.

Во внутриполитической сфере важнейшей реформой, проведенной консерваторами стала демократизация управления графств. Закон 1888 г. заменил мировых судей, управлявших делами графств и назначавшихся короной из числа местных землевладельцев, выборными коллегиями. К ним перешли все несудебные функции мировых судей: общественные работы, надзор за дорогами, здравоохранением, сбором и расходованием налога в пользу бедных. Англия и Уэльс были разделены на 122 графства, в числе которых был Лондон, территория которого до этого принадлежала к трем графствам. Закон о совете графств был распространен в 1889 г. на Шотландию, а применение его к Ирландии было отложено до восстановления там спокойствия.

Важное место в общественной жизни по-прежнему занимал ирландский вопрос. Причиной нового всплеска националистических настроений послужил ввод Земельного акта 1881 г. Комиссия для определения размеров арендной платы, учрежденная этим законом, не обладала своей решительной силой. Поэтому лендлорды не повиновались ее указаниям, когда эти указания им не нравились. Радикальные ирландские депутаты советовали фермерам объединяться и заключать со своим помещиком коллективный договор об аренде, как делают тред-юнионы с работодателями. Правительство ответило серией арестов и назначением на пост министра по делам Ирландии Бальфура, сторонника жестких репрессий. Не закрывая официально Национальной лиги, занявшей место Земельной лиги, Бальфур объявил ее «опасной». Правительство предложило новые исключительные меры для наведения порядка в Ирландии, дававшие право мировым судьям упрощенным способом приговаривать к принудительным работам до десяти месяцев и разрешавшие устраивать процессы обвиняемых вне Ирландии. Все эти меры были приняты палатой общин на неограниченный срок.

Дублинский городской совет в знак протеста отказался принять участие в юбилее королевы. Гомрулеры и объединившиеся с ними глэдстонианцы пытались путем обструкций воспрепятствовать обсуждению и принятию законопроекта в парламенте. Но требованию кабинета палата стала неумолимо применять по отношению к ним постановление о прекращении прений, причем спикеру предоставлено было право приступать к голосованию, не давая никому слова. Оппозиция в виде протеста покинула в июне 1887 г. зал заседаний. Но вскоре лагерь сторонников гомруля оказался расколот из-за обвинения лидера националистов Парнела в прелюбодеянии (1890). Его жена разведенной женщине была расценена католическим клиром Ирландии как «величайший ужас», расколола ирландцев. Парнел потерял поддержку и заокеанских ирландцев, отказавшихся присылать ему деньги до примирения ирландских фракций, и после многочисленных митингов в Ирландии, в ходе которых он не смог переломить хода событий, он умер в октябре 1891 г.

На выборах в июле 1892 г. либеральная коалиция, благодаря избирателям из Уэльса, Шотландии и Ирландии, получила незначительное большинство (275 либералов и 80 ирландцев, из которых 71 были антипарнелистами). Консерваторы (270) и унионисты (45) прошли преимущественно в самой Англии. Предвыборные декларации Гладстона и его союзников обещали, помимо гомруля для Ирландии, еще и новую избирательную реформу, сокращение прерогатив верхней палаты, отделение церкви от государства в Шотландии и Англии, ряд аграрных и рабочих реформ.

Вернувшись к власти, все свои силы Гладстон посвятил проведению гомруля. Он внес новый законопроект, очень отличавшийся от проекта 1885 г.: предлагалось учредить в Ирландии двухпалатный парламент по образцу австралийского и с теми же названиями, сохранив в британском парламенте ирландскую группу депутатов в количестве уже не 103, а 80 человек. После жарких прений, длившихся 82 дня, и оживленной агитации в стране, проект был принят в нижней палате большинством в 35 голосов. Но верхняя палата отвергла его в первом же чтении 419 голосами против 41 (сентябрь 1893 г.). Гладстон, казалось, был готов или прибегнуть к новым выборам, в связи с вопросом о гомруле, или сократить права палаты лордов. Когда верхняя палата отвергла законопроект о приходских сове-

тах, Гладстон объявил в палате общин: «По нашему мнению, такое положение дел не должно более продолжаться», — и под рукоплескания либералов возвестил о готовящемся крупном событии (1 марта 1894 г.). Предполагалось, что Гладстон собирается осуществить план радикалов — преобразовать или уничтожить (*mend or end*) верхнюю палату. Однако правящая партия была не согласна с таким развитием событий. В знак протеста Гладстон вышел в отставку, и председателем совета был назначен министр иностранных дел лорд Розбери, новый лидер либеральной партии.

Лорд Розбери заявил о необходимости отсрочить реализацию проекта гомруля до достижения в этом вопросе общественного согласия. Он высказался в пользу активизации внешней политики страны, в том числе в отношении колоний. В области внутренней политики важнейшими стали две мероприятия — учреждение приходских советов, подготовленное еще Гладстоном и отложенное из-за сопротивления лордов, и установление прогрессивного налога на наследство, внесенного лидером радикалов Гаркуром в бюджет. Закон 1894 г. о местном самоуправлении, распространивший демократические принципы на низшую административную единицу — приход, оттягивался консерваторами, поскольку наносил удар по влиянию англиканского духовенства и поземельной аристократии (ранее в церковно-приходском совете председательствовал священнослужитель, действовавший под влиянием местного сквайра).

Сопротивление со стороны оппозиции и лордов встречали и другие законопроекты — ввод равного голосования, отделение церкви от государства в Уэльсе, ответственность предпринимателей за увечья рабочих, восьмичасовой рабочий день для рудокопов, закон о защите детей на фабриках. Гаркур, занимавший пост министра финансов, возбудил недовольство содержателей винных лавок, внося законопроект о предоставлении муниципалитетам права запрещать продажу спиртных напитков. В такой обстановке частичные выборы почти неизменно кончались победой консерваторов. Потеряв всякую надежду на успех, правительство либералов воспользовалось как предлогом к отставке поражением, которое оно случайно потерпело по одному второстепенному пункту военного бюджета, и в июне 1896 г. уступило место кабинету Солсбери.

Новые выборы, объявленные министерством Солсбери, дали ему огромное большинство: 340 консерваторов и 71 либерал-унионист против 177 либералов-радикалов и 82 ирландцев.

В Англии либералы были разбиты, в Шотландии за ними осталось большинство только в 6 голосов; свои позиции они сохранили только в населенном методистами Уэльсе, которому обещали отделение англиканской церкви от государства. Впервые со времени Биконсфилда консерваторы обладали достаточным числом голосов, чтобы править без союзников; правда, либералы-унионисты теперь растворились в массе торийской партии. Их лидеры — Спенсор Кавендиш (8-й герцог Девонширский и бывший маркиз Хартингтон) и Чемберлен — впервые вошли в торийский кабинет Солсбери.

Новый кабинет консерваторов предпринял ряд активных шагов в интересах своих избирателей. Поземельный налог был значительно снижен. В бюджет стала ежегодно вноситься сумма в 616 тыс. фунтов стерлингов на субсидии конфессиональным школам (1897). Законом 1898 г. был ужесточен прежний закон об ответственности хозяев за увечья рабочих 1880 г. Консервативное министерство признало, что Ирландия, переживавшая острый экономический кризис, платит слишком много налогов. Оно провело Ирландский земельный билль (*Irish land bill*), давший крестьянам возможность выкупить землю (1896) и даже позволило отпраздновать столетнюю годовщину ирландского восстания 1798 г.

Таким образом, укрепление позиций консервативной партии было во многом связано с проведением курса социальных реформ. Но одновременно в английском обществе рос интерес и к социалистическим идеям. Устойчивой популярностью пользовалась деятельность Фабианского общества. Оно образовалось в самом начале 1884 г. и было названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой. Среди членов Фабианского общества, которые не собирались вступать в борьбу с либеральной партией, было немало видных публицистов, государственных и общественных деятелей, таких как Б. Шоу, Г. Уэллс, Сидней и Беатриса Вэбб, будущий лидер лейбористов К. Эттли. Предоставление избирательных прав все большему числу граждан, расширение функций муниципалитетов и передача им отдельных отраслей хозяйства, распространение всякого рода коммунальных учреждений и в особенности мероприятий государства по упорядочению отношений между трудом и капиталом — все это фабианцы считали социализмом в действии.

Они пропагандировали принцип «малых дел», или «осиных укусов», т.е. обнажение язв современного общества с помощью обследований, памфлетов и публичных выступлений, рассчитанных на то, чтобы побуждать государство к дальнейшим реформам.

Социалистов в подлинном смысле слова в то время в Великобритании было немного, и они не оказывали никакого влияния на выборы. В 1881 г. в Лондоне была образована Демократическая федерация. В течение трех лет она существовала как небольшой интеллигентский кружок. В 1884 г. эта организация приняла название «Социал-демократической федерации» (СДФ). В ее программу под влиянием марксизма вошли требования восьмичасового рабочего дня, национализации банков и железных дорог, прогрессивного подоходного налога, государственного обеспечения безработных и т.д. СДФ возглавила в 1887 г. несколько крупных митингов и манифестаций. В целях пропаганды своих идей социалисты в 80-х гг. принимали активное участие в деятельности рабочих клубов (их насчитывалось до 200 только в Лондоне). Нередко манифестации и митинги заканчивались столкновениями с полицией. После крупнейшей демонстрации на Трафальгарской площади 13 ноября 1887 г. рабочие клубы СДФ и фабрианское общество создали Лигу защиты закона и свободы, пропагандировавшую идею независимого рабочего представительства в парламенте.

Тред-юнионы относились к пропаганде социалистов равнодушно и подчас враждебно. Они поддерживали на выборах в парламент различных либеральных или консервативных политиков, привлекавших своими обещаниями. Сами тред-юнионы в своей деятельности изначально ограничивались борьбой за более выгодные условия и оплату труда. Для организации взаимного страхования и взаимопомощи тред-юнионы облагали своих членов довольно высокими сборами (в среднем шиллинг в неделю). При таких условиях в них могли вступать только квалифицированные рабочие. Самыми значительными из тред-юнионов были союзы горняков, механиков, судостроительных рабочих, бумагопрядильщиков. Неквалифицированные рабочие в старые союзы совсем не допускались, так как не были в состоянии уплачивать регулярные крупные взносы. Так, союз каменщиков не принимал рабочих, разводящих известь; в союз железнодорожных рабочих не принимались члены рабочих артелей; в союзы прядильщиков и горняков — подсобные, рабочие.

В конце XIX в. нарастающая политическая активность рабочего класса привела к изменению тактики тред-юнионов. в 1868 г. был создан Конгресс тред-юнионов, призванный бороться за придание им легального статуса, который был введен специальным актом в 1871 г. В 1874 г. впервые двое тред-юнионистов были избраны как депутаты от либеральной партии, положив начало сотрудничеству либеральной партии и депутатов-рабочих, или лейбористов (Lib-Lab association). К началу 1890-х гг. число рабочих, объединенных в профессиональные союзы, уже превышало в Великобритании миллион. Многие союзы преобразовались в федерации, старавшиеся охватить всех занятых в одной и той же отрасли. Делегаты от всех тред-юнионов собирались ежегодно в одном из промышленных городов на конгресс, который играл роль руководящего органа. Исполнительным органом был парламентский комитет конгресса, включавший виднейших из рабочих депутатов (labour members).

В парламентский комитет входили преимущественно ветераны тред-юнионизма, привыкшие к реформистским идеям и умеренным методам борьбы. Многие молодые члены союзов, напротив, уже были затронуты пропагандой идей социализма и выступали с радикальными предложениями. Так, если на конгрессе 1875 г. дискуссия касалась преимущественно вопроса о сдельной оплате труда, то на конгрессах 1882 и 1883 г. обсуждались введение всеобщего избирательного права, требование национализации земли. В 1888 г. за национализацию земли высказалось уже большинство делегатов. Вслед за этим социалисты попытались развить свой успех. В 1889 г. после массовой стачки рабочие лондонских доков основали союз под руководством социалистов Джона Бернса и Томаса Манна. Еще раньше организовались служащие газовых обществ под руководством Вильяма Торна, члена Социал-демократической федерации. За ними последовали докеры других портов, матросы и кочегары торговых судов и пр. Новые союзы, объединявшие людей, получающих маленькую и нерегулярную заработную плату, были не в состоянии организовывать кассы для безработных и кассы взаимопомощи, которые существовали при старых союзах. Они организовывали только стачечные кассы, и в результате все их усилия стали направляться на борьбу с работодателями. Все это создавало благоприятную среду для социалистической пропаганды.

Представители новых союзов изменили политику Конгресса тред-юнионов. В 1890 г. конгресс высказался за законодательное введение восьмичасового рабочего дня. Норвичский конгресс 1894 г. принял резолюцию, требующую национализации земли (за нее голосовали уже в 1888 г.) и орудий производства. Но большинство парламентского комитета отказалось признавать делегатами тех, кто фактически не работал в представляемой им профессиональной группе. В результате Кардифский конгресс 1895 г. отказался от последней части резолюции, принятой в 1894 г. Спустя год соотношение сил вновь изменилось, и Эдинбургский конгресс 1896 г. закрепил принцип национализации земли, рудников и железных дорог, а для некоторых отраслей промышленности — принцип муниципального социализма. Конгрессы стали энергичнее высказываться за развитие рабочего законодательства и за вмешательство государства или местных органов управления.

Постепенно тред-юнионы начали выражать готовность более деятельное участвовать и в парламентской жизни. В 1892 г. шотландский шахтер К. Гарди и еще двое рабочих были избраны первыми независимыми лейбористскими депутатами. Гарди, известный лидер тред-юнионизма и сторонник независимого рабочего представительства, стал первым председателем основанной в 1893 г. Независимой лейбористской партии (НЛП). Конгресс тред-юнионов в Белфасте (1893) постановил основать специальный фонд для проведения в парламент рабочих депутатов (labour members) из числа сторонников обобществления орудий производства. После длительных дискуссий, в 1900 г. тред-юнионы, СДФ, НЛП и фабианское общество основали комитет рабочего представительства (Labor Representation Committee). Вскоре он был переименован в Лейбористскую партию, которая уже на выборах 1906 г. смогла провести в палату общин 29 депутатов. Этот успех стал предвестником радикальной перестройки британской двухпартийной системы.

§ 11

Английские переселенческие колонии в XVIII—XIX вв.

Переселенческие колонии в составе Британской империи

Переселенческие или, как их еще называли, «белые» колонии играли значительную роль в истории британского колониализма. Большинство их населения составляли европейцы, преимущественно британского происхождения, проводившие политику оттеснения, а нередко и физического уничтожения коренных народов осваиваемых ими земель.

История английских переселенческих колоний началась в эпоху Великих географических открытий, когда смелые и алчные авантюристы из Европы отправились в заморские путешествия на поиски золота. Относительно постоянные поселения этого типа возникли в начале XVII в. сначала в Северной Америке, а позднее — на Африканском и Австралийском континентах, а также в Новой Зеландии. В общих чертах они изначально воспроизводили систему общественно-экономических отношений, сложившуюся в метрополии. Однако по мере развития рыночного хозяйства роль переселенческих колоний в структуре Британской империи все больше приближалась к положению «сырьевого придатка». Политика метрополии была направлена на развитие в заморских поселениях добывающих и сельскохозяйственных отраслей, в то время, как прогресс обрабатывающей промышленности искусственно сдерживался посредством целого ряда запретительных мероприятий. Колониям не разрешалось вести внешнюю торговлю и завязывать самостоятельные отношения с другими государствами, иметь собственные вооруженные силы (за исключением войск, присылаемых из метрополии). Там отсутствовала единая система мер и веса, собственные денежные единицы и т.п. Управлялись эти немногочисленные сообщества, как правило, назначаемой

британской короной колониальной администрацией во главе < генерал-губернатором.

Жители «белых» колоний не имели собственного представительства в британском парламенте, хотя и считались под данными короны; при этом они в полном объеме несли тяготы налогового бремени, как и коренные британцы. По национальному и социальному составу их сначала небольшие, но постоянно расширявшиеся, колониальные сообщества представляли собой достаточно пестрый конгломерат. В число заморских переселенцев попадали не только жители Британских островов — англичане, шотландцы, ирландцы, валлийцы — но и эмигранты из других европейских стран, которые в стремлении повысить свой социальный статус рассчитывали поучаствовать в создании общества «равных возможностей».

Необходимо отметить, что общественное мнение метрополии позитивно воспринимало процесс переселения, видя в нем необходимое средство избавления от социальной нестабильности. Не случайно заморские территории становились в первую очередь местом ссылки преступников, а также прибежищем для нонконформистов различного толка, зачастую являвшихся носителями буржуазного экономического уклада. «Белые» переселенцы почти никогда не смешивались в местным населением, к которому они относились как к представителям «низшей расы». Борьба за новые территории, истинными хозяевами которых являлись местные племена, зачастую принимавшая характер открытых военных конфликтов, усугубляла представления англичан об особой «цивилизаторской миссии» Великобритании. Со временем идеология расизма приобрела все более определенные черты, и с ее помощью теоретики колониализма обосновывали идею «закономерного» исчезновения аборигенов. Только в последней четверти XIX в. среди британских колонистов начало постепенно распространяться иное отношение к коренному населению осваиваемых ими земель, возникшее под воздействием кропотливой деятельности ученых, прежде всего антропологов и этнографов, по изучению истории и быта автохтонов.

Отличительной чертой переселенческих колоний была меньшая, чем в метрополии, зависимость их хозяйства от феодальных пережитков и вследствие этого — более высокая степень социальной мобильности населения. К середине XIX в. темпы экономического развития «белых» колоний резко возросли. Из-

менялся сам и характер переселенческих потоков, значительную долю в которых составили предпринимательские слои, надеявшиеся на получение своей доли коммерческой прибыли или создание в колониях собственных предприятий. Метрополии, несмотря на все усилия, не удалось помешать возникновению в переселенческих колониях конкурентоспособной промышленности, что в конечном итоге привело к складыванию предпосылок для их постепенной суверенизации.

В конце XIX в. европейское население «белых» колоний, и прежде всего их окрепшая буржуазия, начинает выдвигать требования экономической независимости и введения самоуправления в рамках империи. В значительной мере успеху этого движения способствовало то обстоятельство, что стремление колоний к самостоятельности находило значительный отклик в либеральных политических кругах метрополии, поддерживавших требование британских фритредеров об ограничении политики меркантилизма и введении свободы торговли и предпринимательства.

Первой переселенческой колонией добившейся самоуправления в рамках империи стала Канада (1867), несколькими годами спустя ее примеру последовали Австралия (1901), Новая Исландия (1907) и Капская колония в Южной Африке (1910), при объединении с соседними территориями получившая название Южноафриканский Союз.

Канада

Канада была крупнейшей английской переселенческой колонией на территории Северной Америки. Ее важность особенно возросла после отделения 13 колоний в результате Войны за независимость (1775-1783) и образования США.

Происхождение слова «Канада» точно неизвестно. Возможно, своим возникновением оно обязано индейскому «каната» — т.е. «собрание хижин» или «группа людей». Ее колонизация началась еще в XVI столетии. Сначала наибольшую активность в освоении этих территорий проявили французы, а в начале XVII в. к ним присоединились и англичане. Начался длительный период англо-французской борьбы за обладание Канадой, завершившийся победой англичан. По итогам Семилетней войны (1756-1763) Новая Франция, как официально именовались

французские колониальные владения в этом регионе, фактически перешла под юрисдикцию британской короны.

Первая английская колония в Канаде получила название Квебек согласно королевскому указу 1763 г., а уже 2 мая 1774 г. так называемый «Квебекский акт» расширил ее границы далеко на запад. Он же закрепил феодальную структуру канадского общества. В колонию была назначена администрация во главе с генерал-губернатором, управлявшая вновь приобретенными территориями от имени британской короны.

В период Войны за независимость (1775-1783) в Канаду переместилось огромное число лоялистов из США. Около 20 тыс. из них поселилось на территории Новой Шотландии, порядка 10 тыс. осело в верховьях реки Святого Лаврентия, на берегах озера Онтарио и Ниагарском перешейке. Эти поселения положили начало формированию англоканадской нации, которая в скором времени оказалась в оппозиции к франкоканадцам, поселившимся здесь за целое столетие до описываемых событий. Лоялисты являлись носители консервативного торийского духа и хранителями старинных британских национальных традиций.

В 1791 г. британский парламент издал важнейший акт, даровавший колониям право избирать ассамблеи — собственные совещательные собрания жителей колонии. Генерал-губернатор по-прежнему являлся главой центрального колониального правительства, при котором учреждались исполнительный и законодательный советы. Для управления на местах была введена особая должность лейтенант-губернатора.

Новое административное деление колонии искусственно закрепляло исторически сложившуюся разобщенность отдельных частей Канады. Квебек был разделен по национальному принципу на две основные части — Верхнюю и Нижнюю Канаду: в первой преобладало английское население, во второй — французское. Кроме того, от Новой Шотландии в 1785 г. был отделен Нью-Брансуик, самостоятельное управление получили острова Кейп-Бретон, Принца Эдуарда и Ньюфаундленд.

К этому моменту ведущие позиции в экономике французской части Канады заняли представители английского капитала, что обостряло и без того непростые межнациональные отношения, к которым теперь примешивались и противоречия социального характера. Значительный вклад в процесс национальной консолидации внесла англо-американская война

1812-1814 гг., в которую поневоле оказалась втянутой и Канада. До указанных события Британская Северная Америка воспринималась в метрополии преимущественно в качестве плацдарма для борьбы с США, однако ожидания Англии не оправдались. Военные действия не принесли ощутимых результатов противоборствующим сторонам. В то же время вынужденная борьба с оккупантами из США способствовала формированию национального самосознания англоканадцев, а позиции метрополии в регионе значительно укрепились.

Слияние в 1821 г. Северо-Западной компании, выражавшей интересы монреальского купечества, и британской Компании Гудзонова залива создавало предпосылки для экономической интеграции между Верхней и Нижней Канадой. Началось развитие национальной банковской системы, дополнительный импульс получило производство и вывоз зерна.

В этот же период начинается формирование единой транспортной системы Канады. Из-за отсутствия регулярного доступа к Атлантике канадская торговля по полгода находилась в так называемом «ледовом плену», преодоление которого стало одной из важнейших общенациональных задач. Огромную роль в развитии путей сообщения играл капитал метрополии. При участии Великобритании в 20-30-е гг. XIX в. в Канаде были построены такие крупные транспортные артерии, как канал Рида, соединивший Монреаль и Оттаву с Кингстоном, канал Уэлленд между оз. Онтарио и оз. Эри в обход Ниагарского водопада и ряд других сооружений. В 1809 г. по реке Святого Лаврентия проплыл первый пароход, появились паровые двигатели и на производстве.

В первой трети XIX в. добыча мехов и торговля пушниной как основа канадской экономики уже утратили свое былое значение. На смену им пришла лесопильная и судостроительная промышленность, получившая толчок к развитию в эпоху колониальной блокады, объявленной Наполеоном в 1806 г. В целом на протяжении практически всего XIX в. уровень промышленного развития Канады оставался на мануфактурной стадии. Прогрессу буржуазных отношений в этой сфере препятствовал комплекс причин как объективного, так и субъективного характера: политика метрополии, наряду с сохранявшей свои позиции колониально-купеческой системой внутри самой Канады, дополнялась благоприятными для ведения сельского хозяйства естественно-географическими условиями кон-

тинента и, прежде всего — огромным земельным фондом, наличие которого способствовало постоянному оттоку трудовых резервов в аграрный сектор экономики.

На рубеже XVIII-XIX вв. большая часть населения Канады занималась земледельческим трудом и проживала в деревне. Здесь существовало две основные формы собственности — феодалная, сохранившаяся со времен французского господства, и буржуазная, возникшая уже в период английского завоевания. Сельское хозяйство таким образом носило многоукладный характер — от полунатурального, в котором трудились абитары (французские крестьяне-цензитари), и распространенного преимущественно в Нижней Канаде, до фермерского и крупного хозяйства капиталистического типа, более характерного для Верхней Канады. Все колониальные земли были поделены на тауншипы — участки 6x12 миль, которые в свою очередь разбивались на отрезки размером в 200 акров, выделяемых переселенцам. При этом каждый седьмой участок оставался в ведении колониальной администрации и столько же земли — в так называемом «церковном резерве».

В середине 20-х гг. XIX в. положение в аграрном секторе изменилось. Свободная раздача земель поселенцам фактически была прекращена. Она сохранялась только для привилегированных лиц колонии — лоялистов, чиновников, офицеров и т.п. — в то время как, остальные участки передавались в свободную продажу. Начальная цена на землю была относительно невелика, что облегчало ее покупку большими участками и концентрацию в руках немногих крупных земельных собственников. Последние по мере фактического заселения того или иного района перепродавали ее новым поселенцам. Процесс перепродажи земли приносил большую прибыль частным лицам, но ничего не откладывал в карман государства. Кроме того, новая система распределения не способна была затормозить отток рабочего населения из индустриального сектора экономики в аграрный. Попытка применить американскую систему продажи земель с аукциона (введена в Верхней Канаде в 1828 г.) не внесла принципиальных изменений в сложившуюся ситуацию. Характерно, что аналогичное положение в этот период отмечалось не только в Канаде, но практически во всех английских переселенческих колониях, что говорило о необходимости изменения земельной политики метрополии в целом.

В 1831 г. британское Министерство колоний ввело новые правила распродажи земли в колониях. Значительное влияние на разработку этого документа оказала идея «систематической колонизации» Эдварда Гиббона Уэйкфилда, суть которой заключалась в установлении единой высокой цены на землю, что затрудняло процесс ее приобретения иммигрантами и малоимущими слоями населения. Не имевший возможности купить личный участок поселенец естественным образом пополнял ряды наемных работников, вынужденных по несколько лет трудиться на хозяина, чтобы накопить необходимые деньги и обзавестись собственным земельным владением. В то же время половина дохода от продажи земли должна была пойти на поощрение эмиграции из метрополии. Еще в 20-е гг. XIX в. в Англии образовалось несколько крупных колониальных компаний, задачей которых стало получение новых территорий и последующая перепродажа их частным лицам, в 30-е гг. также возникают предприятия подобного типа, обязанные своим появлением инициативе Уэйкфилда.

По замыслу своих создателей «систематическая колонизация» в конечном итоге должна была интенсифицировать процесс освоения колонизируемых территорий. Однако ее практическое воплощение вызвало результаты прямо противоположные ожидаемым. Главные переселенческие потоки направились в США, где условия приобретения земли были более выгодными. В то же время Верхнюю Канаду охватила мощная волна земельных спекуляций, в результате которой упрочился немногочисленный, но очень влиятельный слой англоканадских магнатов, скупавших участки в огромных количествах и сколотивших значительные капиталы на этих операциях. В Нижней Канаде ускорился процесс разложения сеньориального строя, и более половины земельных владений французской аристократии также оказались в руках английских купцов и лендлордов. В конце концов правительство, озабоченное, с одной стороны, бесконтрольностью действий земельных компаний, и с другой — растущим возмущением среди колонистов, вынуждено было отказаться от проведения подобной политики.

Несмотря на остроту аграрного вопроса в 30-е гг. XIX в. масштабы иммиграции из Европы значительно возросли. Переселенцы из Англии ехали в основном в Верхнюю Канаду, где постепенно складывалась система фермерского хозяйства, шотландцы по-прежнему часто селились в Новой Шотландии.

дии, а ирландцы — на территории Нижней Канады. Причем, число бедняков и люмпенов среди них снизилось в сравнении с предшествовавшим периодом. Конфликт между сторонниками старого имперского управления (чиновниками колониальной администрации, крупными торговцами и земсельными спекулянтами) с одной стороны и представителями средних и мелких предпринимателей (фермерами, местными промышленниками, торговцами и ремесленниками), а также крестьянами французской части Канады с другой, постепенно обострялся и вышел на уровень противостояния исполнительной власти и местных выборных ассамблей, выдвигавших идею самоуправления колоний в рамках империи. Экономические мероприятия метрополии 20-30-х гг., проводившиеся в рамках политики свободной торговли, когда некоторые страны были допущены к торговле с Британской Северной Америкой, не внесли принципиальных изменений в настроения канадской общественности.

В 1837-1838 гг. в Канаде вспыхнуло антиколониальное восстание, жестоко подавленное властями. Важнейшим последствием этих событий стал Акт о союзе между Верхней и Нижней Канадой, принятый в 1840 г. и вошедший в силу с 1841 г. Появилась новая колония под названием Канада с единой системой управления, но при явном доминировании англоканадского меньшинства, ее столицей стал оплот лоялистов г. Кингстон. В результате этого объединения интересы франкоканадцев еще больше ущемлялись, чем ранее. Одна из статей Акта о союзе утверждала английский язык в качестве государственного, а экономический долг Верхней Канады, вопреки протестам, распространялся и на Нижнюю. Однако политика денационализации французов фактически провалилась еще в самом начале. Так, в частности, статья о языке была отменена уже в 1847 г.

После поражения восстания руководство движением за самоуправление единой Канады возглавили лидеры умеренных — англичанин Роберт Болдуин и француз Луи Ипполит Лафонтен. На первых выборах в ассамблею они выступили с общими требованиями создания ответственного правительства. Созданное через несколько лет коалиционное правительство Болдуина-Лафонтена многое сделало для разрешения внутренних проблем страны — началось активное дорожное и железнодорожное строительство, были взяты под контроль система образования и банковская система, появился канадский доллар (1853). В 1854 г. был заключен выгодный договор с США о

беспопынной торговле продовольствием и сырьем, а также о свободной навигации по реке Св. Лаврентия, Великим озерам и совместном использовании районов прибрежного рыболовства. В этот период британский генерал-губернатор уже превратился в номинальную фигуру, и Канада добилась фактической самостоятельности от метрополии в торговой и тарифной политике.

Важнейшим делом следующего коалиционного правительства либералов и консерваторов стало решение аграрного вопроса: ему удалось добиться передачи в продажу церковных земель, а крестьянам Нижней Канады было предоставлено право выкупа земли и сеньориальных повинностей. Однако это по-прежнему не снижало остроты национальных противоречий в Канаде. Одной из вех франко-английского противостояния стала борьба за светский характер школы, против которого выступали французы-католики. Все настойчивее становились требования пропорционального представительства обеих национальностей в ассамблеях.

К концу 50-х гг. стало очевидно, что существенное реформирование политической структуры Канады неизбежно. Поворотным событием в борьбе за создание Конфедерации явился кризис 1857 г., продемонстрировавший необходимость экономического союза всех канадских колоний. Важность политического объединения стала особенно очевидной в период Гражданской войны в США 1861-1865 гг., когда Англия своей нарочитой поддержкой южан фактически провоцировала экспансионистские настроения населения северных штатов, призывавших к захвату Канады. Перед лицом внешней опасности лидеры провинций оставили свои противоречия и обратились к правительству метрополии с просьбой об объединении канадских колоний.

В октябре 1864 г. состоялась Квебекская конференция, 33 делегата которой приняли решение о создании Канадской конфедерации, позднее одобренное населением провинций. В марте 1867 г. британский парламент принял Акт о Британской Северной Америке, которая получила статус «доминиона», (т.е. «владения») Великобритании. В одно государство со столицей в Оттаве объединились провинции Онтарио, Квебек (ранее входившие в состав провинции Канада), Новая Шотландия и Нью-Брансуик, что по существу было лишь началом длительного процесса территориальной и политической консолидации ко-

лоний. В основных чертах государственное устройство страны копировало британский образец. Главой государства номинал], но являлась английская королева, власть которой осуществлялась через генерал-губернатора и Тайный совет, однако фактически управление Канадой было сосредоточено в руках местного правительства во главе с премьер-министром. В доминионе также был учрежден собственный парламент, нижняя палата которого (палата общин) избиралась населением, а верхняя (сенат) назначалась генерал-губернатором.

Первое канадское правительство возглавил лидер консерваторов Джон Александр Макдональд (с 1867 по 1873 г.). Перед ним стояла сложнейшая задача окончательного объединения страны. В декабре 1869 г. в надежде обрести статус равноправной провинции с соблюдением гражданских прав индейцев и франкоканадских и англоканадских метисов население канадского Северо-Запада подняло восстание и предъявило свои требования Оттаве. В сложившейся обстановке правительство Макдональда приняло решение обратиться к Англии с просьбой взять на себя неприятную задачу по подавлению этого движения. В мае 1870 г. из метрополии прибыли войска под руководством полковника Уолсли и сопротивление мятежников было сломлено. Таким образом в составе Канады появилась новая провинция Манитоба, названная так в легкую руку Луи Риэля — одного из лидеров национально-демократического движения метисов.

20 июля 1871 г. к Канаде была присоединена Британская Колумбия, находившаяся в тот период в состоянии экономической депрессии после недавней «золотой лихорадки» и крайне заинтересованная в прокладке трансконтинентальной железнодорожной магистрали. Уже в следующем году правительство заключило «контракт века» на строительство этой дороги (КТЖД), соединившей побережья двух океанов. К ноябрю 1871 г. завершился вывод из Канады британских войск, а в июле 1873 г. в состав Конфедерации вошла еще одна провинция — о. Принца Эдуарда. Положение дел осложнялось тем, что территория между Великими Озерами и Скалистыми горами по-прежнему оставалась под властью британской Компании Гудзонова залива, но последняя за огромный выкуп согласилась передать эти земли Канаде.

В результате объединения разрозненных территорий в Канаде сформировался огромный государственный фонд земель, который по акту от 25 апреля 1871 г. подлежал межеванию по

образцу американских гомстедов. Государственные земли были поделены на тауншипы размером 6х6 миль. Каждый из них в свою очередь делился на 36 секций по 640 акров. По очередному земельному закону от 14 апреля 1872 г. четные секции «сдавались свободным поселенцам (по 1/4 поселенцу), а нечетные становились собственностью железнодорожных компаний. принятие данного акта в значительной степени стимулировало иммиграционный процесс и способствовало освоению западных территорий Канады.

В 1873 г. к власти в Канаде пришли либералы. Новому правительству во главе с Александром Макензи (с 1873 по 1878 г.) удалось провести ряд демократических реформ, однако оно так и не смогло найти общего языка с деловыми кругами страны, что стало важнейшей причиной его отставки в 1878 г. Кроме того, в этот же период в стране разразился тяжелый экономический кризис, заставивший Макензи приостановить строительство КТЖД. В результате на всеобщих выборах 1878 г. к власти почти на 20 лет вернулись консерваторы.

Второй период правления Дж. А. Макдональда (с 1878 по 1891 г.) часто называют «золотым веком» Канады, поскольку он стал временем стремительного экономического подъема. В ноябре 1885 г. завершилось строительство КТЖД, началось проведение Северо-Канадской железной дороги от Порт-Артура до Виннипега, завершённое к 1901 г., сооружено значительное число гидротехнических каналов, объединивших водную систему страны. В 1891 г. было установлено регулярное паромное сообщение на трассах Ванкувер-Токио-Гонконг и Ванкувер-Сидней и др. Правительством также был принят ряд мер по реорганизации сельского хозяйства, в котором центральное место уделялось агрономической подготовке фермеров. Значительно выросло и число промышленных предприятий. Если в 70-е гг. XIX в. их было 41 тыс., то в 1890 г. — уже 76 тыс., появились и первые монополии. Однако несмотря на бурное развитие производства, Канада к началу XX в. продолжала оставаться ареной борьбы английских и американских капиталов, заинтересованных в сохранении за ней статуса аграрно-сырьевого придатка.

После смерти Макдональда в 1891 г. консерваторы еще 5 лет находились у кормила власти, однако в 1896 г. победу на выборах вновь одержала либеральная партия во главе с франко-ка-

надцем Уилфредом Лорье (с 1896 по 1911 г.). Его деятельность совпала с периодом так называемой «золотой лихорадки», талантливо описанной ее очевидцем Джеком Лондоном, когда Юкон и Клондайк стали объектом притяжения многочисленных эмигрантов со всего мира, и прежде всего — из США.

К концу XIX в. среди канадского населения начали стремительно нарастать антианглийские настроения. Правительство Канады решительно отвергло выдвигавшуюся метрополией идею «имперской федерации», которая угрожала утратой внешнеполитической самостоятельности страны. Положение обострилось, когда министр иностранных дел Великобритании Джозеф Чемберлен обратился к Лорье с просьбой о посылке в Южную Африку экспедиционного корпуса для участия в англо-бурской войне. Лидер канадского правительства вынужден был дать положительный ответ, и Канада оказалась втянутой в эту бессмысленную войну на стороне Англии, которая со всей очевидностью продемонстрировала кризис самой Британской империи и приближение глобального конфликта начала века — Первой мировой войны.

Австралия

Австралийский материк был открыт в 1606 г. голландцем В. Янсоном, который назвал его Новой Голландией. Только в XIX в. за этими землями закрепилось современное название «Австралия», что в переводе с латыни означает «Южная Земля». После кругосветного путешествия 1768-1771 гг. во главе с английским мореплавателем Джеймсом Куком было вновь открыто для европейцев восточное побережье Австралии. Британское правительство приняло решение использовать эти земли для высылки преступников, и в 1788 г. там было основано первое поселение каторжников под названием Сидней. Однако вскоре в Австралию потянулись и первые вольные британские поселенцы и иммигранты из Европы.

Важность австралийских земель для империи в значительной мере определялась их выгодным географическим положением между Индийским и Тихим океанами, что позволяло контролировать морские подходы к Британской Индии с юго-востока. Многочисленные экспедиции отправлялись вглубь материка, пытаясь обнаружить земли, подходящие для развития сельского хозяйства, однако они показали, что центральные

районы Австралии непригодны для решения этих задач, и новые европейские поселения продолжали возникать в основном на побережье. Продвижение белых фермеров на новые территории сопровождалось оттеснением аборигенов вглубь материка и физическим истреблением коренного населения как самой Австралии, так и близлежащих островов (на острове Тасмания оно было полностью уничтожено).

В первой половине XIX в. основную массу жителей Нового Южного Уэльса — так называлась первая британская колония на материке — составляли заключенные и охранявшие их солдаты, а также небольшая по численности колониальная администрация. Жизнь и условия труда первых поселенцев были крайне трудными. Сначала преступники использовались на работах, проводившихся непосредственно колониальной администрацией, которая обеспечивала их минимальным питанием и одеждой, позднее заключенных разрешено было передавать для работы в хозяйства свободных поселенцев. В 1804 г. впервые было введено регулирование труда ссыльных, а с 1816 г. им начали платить ежегодное жалование, составлявшее 10 фунтов стерлингов для мужчин и 7 фунтов стерлингов для женщин. Однако отсутствие какого-либо контроля над использованием труда заключенных приводило к произволу фермеров. Это обстоятельство, а также отсутствие личной заинтересованности в результатах труда в конечном итоге делало использование подобной подневольной рабочей силы малоэффективным. Немногим лучше было и положение свободных рабочих, получавших зарплату продуктами, а чаще всего спиртом.

Первые 30 лет существования Нового Южного Уэльса его управление носило военно-полицейский характер. Губернатор обладал поистине диктаторскими полномочиями: он назначал всех чиновников местной администрации, ведал юстицией (ему подчинялись местные гражданские и уголовные суды) и фактически полностью руководил экономической жизнью колонии. Военные в этот период пользовались привилегированным положением, что выражалось прежде всего в создании благоприятных условий для развития их частных хозяйств: офицерам предоставлялись участки размером в 100 акров, солдатам — в 50, в течение 10 лет им бесплатно выдавались средства для обработки земли, семена и продукты питания. Свободные иммигранты и отбывшие свой срок заключенные также

получали поддержку от государства и земельный надел в виде дара, не превышавший размера 100 акров. Но система эта просуществовала недолго. В августе 1824 г. была окончательно установлена практика продажи коронных земель, которая положила начало массовому притоку свободных иммигрантов в Австралию и череде земельных спекуляций.

Уже в начале XIX в. среди населения колонии появились требования демократизации управления, и в 1823 г. правительство метрополии частично ограничило власть губернатора, создав Законодательный Совет из 5-7 членов, назначавшихся министерством колоний и имевший исключительно совещательные функции. Дополнительная инструкция к акту 1823 г., изданная двумя годами спустя, распространяла власть губернатора Нового Южного Уэльса на Землю Ван-Димена, где его представлял особый помощник. В обеих колониях создавались Исполнительные советы, также в некоторой степени ограничивавшие губернаторскую власть. Акт реформировал существовавшую в колониях судебную систему: учреждались высшие суды, главы которых назначались указом короля. Была предусмотрена и возможность пересмотра любого местного закона британским парламентом в течение трех лет. По мере возникновения новых колоний на территории Австралии на них распространялась аналогичная с Новым Южным Уэльсом система управления.

В 30-40-е гг. XIX в. политическая жизнь австралийских колоний заметно активизировалась благодаря притоку свободных иммигрантов. Ради привлечения новых переселенцев колонисты в 1835 г. создали специальный денежный фонд по финансированию их переезда из Англии, просуществовавший до 1856 г. В результате с 1820 по 1850 гг. в Австралию прибыло свыше 200 тыс. свободных иммигрантов, и к началу 50-х гг. XIX в. все население переселенческих колоний Британии там превысило 400 тыс. человек. В результате уже к 40-м гг. в социальной структуре австралийского общества значительно повысился удельный вес собственников, поэтому, если раньше группировки местных «тори» и «вигов» поддерживали противоположные установки — первые настаивали на введении олигархического строя и недопущении бывших преступников к политической жизни, а вторые активно выступали за самоуправление колоний и создание системы представительства с участием отбывших свой срок заключенных — то к началу 50-х гг. их требования унифицируются, и они поддерживают идею реформы управления и защиты интересов собс-

твенников. Все активнее раздавались требования к правительству метрополии изменить отношение к Австралии как к месту ссылки преступников, и расширить возможности для свободного освоения этих территорий.

В новых условиях британское правительство вынуждено было пойти на определенные уступки. Серия парламентских актов (1842, 1850, 1855 гг.) последовательно расширяла состав и полномочия законодательных советов, отныне на 2/3 избираемых на основе имущественного ценза, реорганизовала систему местного управления, вводила пост генерал-губернатора и т.п. Однако новое законодательство было не в состоянии удовлетворить важнейшие требования колонистов, заинтересованных в расширении свободы экономической деятельности и подлинной самостоятельности в принятии внутривластных решений.

Ведущей отраслью экономики британских колоний в Австралии с момента возникновения и практически на протяжении всей их истории являлось сельское хозяйство, специфика развития которого определила место континента в системе международного разделения труда. В XIX столетии в условиях промышленного переворота экономика метрополии испытывала растущую потребность в источниках сырья для развития фабричной системы. Поэтому территория Австралии, по-прежнему продолжавшая оставаться преимущественно местом ссылки преступников, начинает рассматриваться также как гигантское пастбище по производству шерсти для английской текстильной промышленности. Это обстоятельство подталкивало жителей «белых» колоний к занятию овцеводством. Первые овцеводческие фермы были созданы Дж. Маккартуром и С. Мерсденом еще в 1797 г., и с этого времени разведение овец начинает завоевывать ведущее место в хозяйстве Австралии. В погоне за растущей прибылью австралийские фермеры демонстрировали упорное стремление к расширению пастбищных площадей.

Британское правительство пыталось ограничить процесс стихийного захвата земель. Поселенцам запрещалось селиться и пастись свой скот за пределами 19 округов, на которые была поделена территория колоний в начале 30-х гг. XIX в. Однако в условиях слабого контроля эта мера была малоэффективной,

и колониальному правительству пришлось принять серию компромиссных решений, упорядочивавших процесс временного пользования коронными землями на условиях арендной платы. В 1847 г. все пастбища были поделены на 3 категории: заселенные, промжуточные и незаселенные, в которых право пользования землей составляло соответственно 1, 8 и 14 лет на условиях ренты. Размер ее устанавливался в зависимости от качества участка, кроме того, поселенец имел право приобрести в собственность 160 акров и более земли по цене 20 шиллингов за акр.

В середине XIX в. Австралию охватила «золотая лихорадка». Открытие многочисленных месторождений золота почти во всех колониях континента, за исключением Тасмании и Южной Австралии, вызвало стремительный приток свободных иммигрантов, преимущественно с Британских островов. В числе переселенцев были также американцы, немцы, французы, однако подавляющую массу приезжих составляли китайцы. Парламент метрополии даже вынужден был принять ряд законов, препятствовавших притоку дешевой рабочей силы из Азии. На общеавстралийской конференции в Сиднее в июне 1888 г. все колонии приняли единые правила, ограничившие въезд китайских иммигрантов.

В первые годы «золотой лихорадки» произошел резкий отток трудоспособного населения из сельского хозяйства и промышленности. В ряде колоний обнаружился устойчивый дефицит рабочих рук и сокращение объема капиталов. В 50-е гг. XIX в. золотодобыча почти полностью определяла экономическое положение таких колоний, как Новый Южный Уэльс и Виктория, где выросло число внешнеторговых операций, но земледелие начало заметно хиреть. В то же время в Южной Австралии и Тасмании площади обрабатываемых земель значительно увеличились благодаря грамотной политике правительства этих колоний, скупавших золотой песок и слитки по демпинговым ценам. В результате оттуда начался экспорт продовольствия в другие австралийские колонии.

В декабре 1854 г. на золотых приисках Виктории вспыхнуло восстание, в ходе которого выдвигались требования всеобщего избирательного права и отмены особых разрешений на добычу золота. Движение потерпело поражение, однако этот факт проявления открытого недовольства подтолкнул правительство метрополии к решению вопроса о предоставлении колониям внутреннего самоуправления: в 1855 г. новый статус полу-

чили Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория и Тасмания, в 1859 г. Квинсленд, а в 1890 г. — и Западная Австралия.

К концу 50-х гг. «золотая лихорадка» пошла на убыль, и к началу следующего десятилетия XIX в. овцеводство возвратило себе утраченные позиции. Главным овцеводческим районом стал Новый Южный Уэльс, а Австралия в целом укрепила свой статус главного поставщика шерсти для английской текстильной промышленности. Развитие скотоводства обострило земельный вопрос в колониях. Попытки правительства урегулировать его путем издания аграрных законов, регламентирующих процесс продажи земли в рассрочку относительно мелкими участками, не увенчались успехом, и скотоводы при поддержке банков и торговых компаний скупили большую часть коронных земель.

Во второй половине XIX в. важной статьёй австралийского экспорта наряду с шерстью становится продукция мясо-молочной отрасли и сахар. На сахарных плантациях в основном использовался полурабский труд представителей местных племен континента и жителей прибрежных островов. Белые хозяева обращались с ними жестоко, что приводило к многочисленным и бессмысленным смертям подневольных аборигенов.

Среди отраслей австралийской промышленности, во второй половине XIX в. наибольший вес приобрела горнодобывающая, ориентированная не только на получение золота, но также на разработку месторождений каменного угля и железа. Производство последнего напрямую было связано с прогрессом железнодорожного строительства, активно развернувшегося в 80-е гг. XIX в. и являвшегося главным объектом приложения иностранного капитала, преимущественно британского. Не случайно значительное развитие в этот период получила банковская сфера. К концу века в Австралии имелось порядка 17 крупных банков с отделениями в разных городах.

Динамичное развитие австралийской экономики было прервано кризисом начала 90-х гг., когда цены на сельскохозяйственную продукцию, в том числе на шерсть, резко упали. Начался стремительный отток иностранных капиталов из Австралии. Положение несколько стабилизировалось в самом конце XIX в., когда были открыты новые золотые копи в Квинсленде и Западной Австралии, оживившие уже было замерший процесс золо-

тодобычи. Впрочем сельское хозяйство сыграло в поддержании экономического роста не менее значительную роль, при этом основной толчок к развитию на указанном этапе получило не традиционное овцеводство, а земледелие и разведение пород крупного рогатого скота.

В связи с экономическим кризисом 90-х гг. XIX в. активизировалась деятельность рабочих и профсоюзных организаций, которая стала важным фактором ускорения процесса политического объединения колоний в единое государство. В этот период практически все население Австралии уже поддерживало идею создания федерации. Девизом сторонников объединения стал лозунг: «Один континент — одна нация». Однако путь реализации поставленной цели оказался непрост, поскольку между колониями существовали серьезные экономические противоречия. Одни из них поддерживали протекционизм, другие связывали судьбу единой Австралии со свободой экономической конкуренции. В результате длительных переговоров правительства колоний в 1897 г. пришли к соглашению о создании федерации. Решение это было одобрено как большинством «белого» населения Австралии, так и правительством метрополии, надеявшимся обрести нового союзника в борьбе с растущей конкуренцией США и Германской империи. В 1900 г. шесть колоний — Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Западная Австралия, Квинсленд, Виктория и Тасмания — вошли в состав Австралийского Союза, который в 1901 г. получил статус доминиона Британской империи.

Освоение Новой Зеландии

Вскоре после открытия Австралии внимание европейцев привлекли островные земли, находившиеся в непосредственной близости от нового материка, прежде всего архипелаг Новая Зеландия. Первыми европейцами, достигшими ее берегов в 40-х гг. XVII в. были голландцы под предводительством капитана Абея Тасмана (1603-1659), так и не догадавшегося о собственном открытии и полагавшего, что он достиг берегов Terra Australia. Новая территория получила название «Земля Штатов». Позднее она была переименована в Новую Зеландию в честь одной из голландских провинций, первой начавшей борьбу против испанского господства. Английский мореплаватель Джеймс Кук, впервые бросивший якорь в октябре 1769 г.

в бухте, названной им заливом Бедности (Поверти-Бей), также думал, что достиг берегов Австралии, которую он поспешил объявить собственностью британской короны.

В 80-е гг. XVIII в., когда в британском парламенте рассматривался вопрос о создании ссыльных поселений в Южных морях, в качестве одного из вариантов рассматривалась и Новая Зеландия. Однако тогда выбор пал на Австралию. Первое постоянное поселение европейцев в Новой Зеландии было основано британскими миссионерами во главе с Сэмюэлем Марсденом в 1814 г. Вскоре в освоение островов включились и бизнесмены.

На начальном этапе экономическое развитие Новой Зеландии было связано с прогрессом китобойного промысла, охоты на морских котиков и, более всего — с растущими потребностями колониальной администрации Австралии в лесе и льне. В 1825 г. группа британских политических деятелей и коммерсантов во главе с Джоном Лембдоном (будущим генерал-губернатором Канады) обратилась к правительству с просьбой об организации Новозеландской компании по торговле лесом и льном. Предложение было принято, и вслед за этим последовала череда не слишком удачных попыток колонизации новых земель.

До прибытия европейцев территорию Новой Зеландии населяли племена маори, некогда приплывшие сюда с островов Полинезии. К моменту колонизации они жили в условиях родо-племенного строя, не знали письменности и не имели понятия о денежном обращении. Контакт с европейской цивилизацией имел для маори страшные последствия. Помимо боллезней (гриппа, кори, венерических заболеваний), ранее неизвестных аборигенам, белые «пакеха» (чужеземцы) привезли в Новую Зеландию огнестрельное оружие, распространение которого повлекло за собой череду кровопролитных междоусобных войн. В результате численность маори резко сократилась с 200-300 тысяч человек во времена Кука до 100-150 тысяч в 1840 г.

Первое время страх перед воинственными маори сдерживал активность британских поселенцев. Правительство метрополии официально не вмешивалось в эти сложные взаимоотношения, всячески подчеркивая независимость Новой Зеландии от Британской короны, и даже благосклонно отнеслось к образованию так называемой Конфедерации Новой Зеландии и

подписанию племенами в 1835 г. при участии английского резидента Б. Басби Декларации о независимости страны.

Наряду с англичанами интерес к новозеландским землям проявляли американцы, успешно развивавшие китобойный промысел в Тихом океане, а также вкладывавшие значительные капиталы в лесоторговлю и строительство факторий на островах. В стремлении обезопасить собственные экономические интересы британские колонисты обратились с серией петиций к своему правительству, содержащих просьбу немедленного введения Новой Зеландии под английский протекторат. По инициативе Э.Г. Уэйкфилда в 1831 г. была образована Новозеландская ассоциация, поставившая своей целью установление британского суверенитета над Новой Зеландией и активное экономическое освоение этих земель силами свободных поселенцев для «создания крепких форпостов империи» в ее отдаленных уголках. Не снискав должной поддержки правительства и получив отпор со стороны британских миссионеров, боявшихся утратить собственные позиции в Новой Зеландии, эта организация вскоре переродилась в так называемую Новозеландскую земельную компанию, скупавшую землю у маори и перепродававшую ее заинтересованным лицам британского подданства.

Без ведома метрополии в Новую Зеландию направилось более полутысячи колонистов, которые основали ее будущую столицу г. Веллингтон (первоначальное название Порт-Николсон). Испугавшись того, что процесс колонизации новозеландских земель может выйти из-под имперского контроля правительство поспешило назначить туда консула (в будущем генерал-губернатора), подотчетного колониальной администрации Нового Южного Уэльса. Занявший этот пост Уильям Гобсон после напряженных переговоров подписал с маорийскими вождями договор у реки Уаитанги (1840) о сохранении их наследственных прав на землю племен и о передаче всех новозеландских владений под покровительство британской короны.

США и Франция вынуждены были смириться со сложившимся положением и признали британский суверенитет над Новой Зеландией. В конце 1840 г. королевским указом последняя была превращена в коронную колонию Англии, независимую от Нового Южного Уэльса, там учреждалась собственная колониальная администрация. Ее столицей до 1865 г. был Окленд.

Уже в 1847 г. произошла первая попытка реорганизации управления Новой Зеландией, территория которой была разделена на две провинции — Новый Ольстер и Новый Манчестер — возглавляемые губернаторами и имевшие собственные двухпалатные законодательные органы. Все земли, кроме закрепленных за маори Уаитангским договором, провозглашались собственностью британской короны.

Во второй половине 40-х — начале 50-х гг. XIX в. британские поселенцы начали проявлять растущее стремление создать в колонии органы самоуправления. Парламентским актом 1852 г. в Новой Зеландии вводилось уже шесть провинций. Главным законодательным органом колонии стала двухпалатная генеральная ассамблея. Главой колониальной администрации продолжал оставаться губернатор, а на местах власть находилась в руках суперинтендантов, председательствовавших в местных советах. В 1856 г. было сформировано и первое новозеландское правительство во главе с Генри Севеллом, подотчетное генеральной ассамблее.

Начиная с 40-х гг. поток колонистов в Новую Зеландию неуклонно возрастает. В период 1842-1852 гг. численность британского населения Новой Зеландии увеличилась с 10,9 тыс. до 18,2 тыс. человек, большинство из которых были посланы Новозеландской земельной компанией. К концу 50-х гг. XIX в. европейское население колонии уже значительно превышало коренное. Росту численности колонистов способствовало открытие в 1852 г. месторождений золота в провинции Отаго на Южном острове.

Основным занятием белых переселенцев являлись торговля и ремесло, а также административная деятельность. Земледелием по-прежнему занимались преимущественно местные жители, перенявшие у европейцев некоторые методы ведения сельского хозяйства. В 40-е гг. XIX в. в Новой Зеландии начинает развиваться скотоводство, достаточно быстро превратившее ее в аграрный придаток метрополии. Наряду с зерном и шерстью из Новой Зеландии в Англию и Австралию, бывших ее основными торговыми партнерами, экспортировались также лен, древесина, смола сосен каури, китовый жир. А в начале 60-х гг. ведущей статьёй новозеландского экспорта стал вывоз золота.

Однако вплоть до Первой мировой войны Новая Зеландия развивалась преимущественно как аграрная страна. Главное

ее богатство — земля, ради которой европейские поселенцы бросали насиженные места и отправлялись за моря — очень быстро превратилась в объект массовых спекуляций. Это вызвало справедливое возмущение маорийских вождей, которые в конце концов решили оказать открытое сопротивление заморским аксpropriаторам. Особенно активны в этой борьбе были аборигены севера. В череде англо-маорийских войн (1843-1872 гг.) коренные жители Новой Зеландии проявили твердость и воинское мастерство, благодаря которому вначале противостояния британцы потерпели поражение, несмотря на то, что часть туземных вождей перешла на их сторону. Ядром тактики маори была оборона так называемых «па» — временных крепостей, очень быстро возводившихся из фактически подручного материала, которые англичане вынуждены были постоянно осаждать. В ходе военных действий численность британских войск, собранных правительством для оказания сопротивления, постоянно увеличивалась, в то время, как силы маори постепенно иссякали. Однако это не могло сломить решимость коренных жителей в их борьбе за право быть хозяевами собственной земли. Даже вынужденные отступить, оставляя свои па, они уходили непокоренными. Обозленные англичане провозгласили своим девизом физическое уничтожение маори. В результате англо-маорийских войн численность маори значительно сократилась, и к 1896 г. их оставалось немногим более 40 тыс. человек.

Численное и технологическое превосходство колонизаторов, за которыми стояла вся мощь Британской империи, заведомо обеспечило им победу в этой длительной борьбе. Тем не менее маори удалось еще в период военных действий добиться определенных уступок. Значительная часть земли, принадлежавшая местным племенам, была за ними оставлена, маори получили право представительства в новозеландском парламенте.

В 80-е гг. XIX в. среди коренных жителей распространилась идея создания автономии, которая привела к образованию в 1892 г. так называемого «маорийского парламента». Деятельность этого представительного органа, состоявшего из двух палат, продолжалась вплоть до 1902 г. и была нацелена на решение вопросов, связанных с проблемами коренных жителей Новой Зеландии, включая их политические права и свободы. Однако британские власти долгое время игнорировали законопроект, исходившие от маорийских лидеров, и отказывались удовлетворить все их требования. Только в 1900 г.

после событий в Уреуэре, когда местное племя тухоэ добилося от правительства права распоряжения собственными землями, новозеландский парламент вынужден был принять два закона: о земле маори и о маорийских советах. Начавшееся в конце XIX в. «маорийское возрождение» позволило коренному населению не только отстаивать свои гражданские и политические права, но и сохранить свой язык и культуру, включившись при этом в общую экономическую жизнь колоний. К началу XX столетия численность маори начинает постепенно увеличиваться.

Новозеландская промышленность развивалась крайне медленно. Среди ее ведущих отраслей на первом месте стояла золотодобыча и добыча других металлических руд и угля, а также лесопильная, мукомольная и пивоваренная промышленность. На территории Новой Зеландии строились также судостроительные, машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, кондитерские фабрики и т.п. Лидирующее положение по числу промышленных предприятий занимали провинции Окленд, Отаго, Кентербери, а также Нельсон и Веллингтон. В 70-е гг. XIX в. началось активное железнодорожное строительство, развивалось телеграфное сообщение, банковская система. В результате в 80-е гг. новозеландский внешнеторговый баланс перестал быть пассивным, и доля экспорта постоянно росла.

В промышленном секторе экономики было занято исключительно европейское население, численность которого быстро прогрессировала за счет иммигрантов из Англии и Австралии. Росла и естественная рождаемость. Новозеландское правительство всячески стимулировало европейскую иммиграцию. До начала 90-х гг. XIX в. на это была направлена особая политика субсидий. В результате численность белых жителей Новой Зеландии увеличилась на 58%, более 97% из которых была британского происхождения. Причем, мужское население значительно преваляло над женским в процентном соотношении. Совершенно иная политика проводилась в отношении иммигрантов из Азии и прежде всего — из Китая. В 1881 г. новозеландский парламент, подобно австралийскому, принял закон о введении ограничений на въезд китайцев в страну. Это послужило толчком к развертыванию политики так называемой «белой Новой Зеландии», апогеем которой явилось ограничение въезда туда всех выходцев из Азии (1889).

На выборах 1890 г. к власти в Новой Зеландии пришла Либеральная партия. Важнейшей задачей нового правительственного курса стало ограничение политического влияния земельной олигархии и решение аграрного вопроса, т.е. расширение слоя мелких и средних собственников-фермеров. В рамках этой программы было принято решение о выкупе части территорий у маори и крупных частных белых владельцев. Правительство пошло даже на такие радикальные меры, как принятие закона о принудительном выкупе крупных земельных владений, если в этом возникнет государственная необходимость, а в 1892 г. — на законодательное ограничение продажи земли в руки частных лиц. Фермерам выдавались государственные кредиты, с помощью которых они получили возможность развивать такую важную для экономики Новой Зеландии отрасль, как мясо-молочное животноводство. В результате к концу XIX в. регион фактически превратился в сельскохозяйственную ферму Англии.

Под влиянием активизировавшегося профсоюзного движения, значительная часть представителей которого входила в парламентское большинство, правительство сделало большой шаг вперед и в решении рабочего вопроса. В 1891 г. было принято более 40 законов о труде, самых знаменитым среди которых стал так называемый «Фабричный акт», помимо обязательной государственной регистрации предприятия регламентировавший трудовую деятельность мужчин (48-часовая рабочая неделя), женщин (45 часов в неделю) и подростков, труд которых разрешалось использовать в исключительных случаях и с разрешения специального инспектора. Важной частью правительственной программы стали также «Акт о работе магазинов», ряд актов, посвященных санитарным условиям труда, компенсациям за несчастные случаи на производстве, а также урегулированию трудовых конфликтов. Устанавливался минимум заработной платы и пенсия по старости. Еще в 1877 г. в Новой Зеландии была введена единая система начального образования, мероприятия в этом направлении проводились и либеральным правительством. В конце XIX в. был принят важнейший закон об охране материнства и детства, который внес значительный вклад в формирование здоровья нации. В 1893 г. женщины Новой Зеландии впервые в истории получили избирательные права.

Комплекс упомянутых мероприятий благодаря своей ярко выраженной социальной направленности получил в западной

историографии наименование политики «государственного социализма».

Новозеландское руководство неоднократно заявляло о своей приверженности интересам Британской империи, особенно в вопросах внешней политики. Новая Зеландия единственная среди переселенческих колоний поддерживала уже упоминавшуюся инициативу Чемберлена о создании «имперской федерации», она неоднократно выступала поборником интересов метрополии в области реформ вооружения (имеется в виду военно-морская программа Великобритании) и предоставила свой воинский контингент для участия в англо-бурской войне. Она даже сама пыталась проводить «имперскую политику» в бассейне Тихого океана и с разрешения Англии аннексировала острова Кармадек и Кука в 1886-1888 гг.

Однако в вопросах внутренней политики правительство Новой Зеландии отстаивало интересы собственного белого населения и держало курс на достижение автономии. Этого удалось добиться в 1907 г., когда колонии был присвоен статус доминиона.

Капская колония

Африканский континент в XIX в. стал, пожалуй, главным яблоком раздора между европейскими колониальными державами, включая недавно возникшие на карте Германскую империю и объединенное итальянское государство. Капская колония, основанная в 1652 г. голландскими переселенцами-бурами на самом юге материка, перешла под власть Англии на рубеже XVIII-XIX в., что было окончательно оформлено решениями Венского конгресса 1814-1815 гг.

С момента своего возникновения хозяйство буров было преимущественно скотоводческим, в нем активно использовался труд чернокожих невольников из числа местных племен готтентотов и рабов, ввозившихся голландцами из их колониальных владений в Индонезии. В конце XVII в. на юг Африки прибыло значительное число французов-гугенотов, бежавших от религиозного преследования в Голландию, а оттуда на Мыс Доброй Надежды. В период голландского господства все население Капской колонии официально делилось на европейцев и рабов. Столицей ее был портовый город Капстад, выполняв-

ший также функции перевалочного пункта по пути в Азию и потому всегда полный матросского люда разных национальностей. После захвата колонии англичанами Капстад был переименован в Кейптаун, за которым сохранилась роль важной стратегической военно-морской базы и международного порта. В 70-е гг. XVIII в. буры впервые познакомились с воинственными народами банту, и первое же их столкновение потянуло за собой череду так называемых «кафрских войн» (1779-1781, 1789-17893, 1799-1803, 1811-1812, 1818-1819, 1834-1835, 1845-1846, 1850-1853, 1858, 1877-1879 гг.), в том числе и с англичанами, которые в конечном итоге закончились поражением местных племен.

Новые хозяева Капской колонии продолжали начатую голландцами политику оттеснения коренных народов и захвата их земель, сталкиваясь на этом пути с двумя важнейшими проблемами — сопротивлением местных вождей и сепаратизмом буров, противоречия с которыми обострились в связи с запретом работорговли (1807), а затем и отменой рабства (1834), т.е. самой экономической основы их хозяйства. Именно в ходе этого противостояния и в условиях войн с коса (одно из племен банту) английское правительство приняло решение направить в Южную Африку белых переселенцев. В 1820 г. в Капскую колонию прибыло около 5 тысяч иммигрантов, а в последующие 20 лет — еще 25 тыс. переселенцев британского происхождения и 12 тысяч немцев. Для управления колонией была учреждена администрация, стремившаяся распространить на всей подвластной территории английское законодательство.

Изменения и нововведения, осуществленные колониальными властями ставили британцев в привилегированное положение, что вызвало так называемый «великий трек», т.е. переселение значительного числа буров на север в 1830-1840 гг., где они после победы над зулусами (1838) основали новую республику Наталь. В долинах рек Вааля и Оранжевой в 1852 и 1854 гг. возникло еще две бурских республики — Трансвааль (Южноафриканская республика) и Оранжевое свободное государство. В 1843 г. англичане аннексировали Наталь, однако Трансвааль и Оранжевой республике удалось на некоторое время сохранить свою независимость.

Наряду с бурскими республиками на территории Южной Африки продолжали существовать и довольно крупные африканские политические объединения. Ярчайшим эпизодом борьбы одного из таких объединений против британского ко-

лонизализма является англо-зулусская война 1879 г. На начальном этапе сопротивления зулусы одержали крупнейшую победу из всех, которые знала черная Африка до этого времени, однако, в конце концов «Зузуленд» был захвачен и присоединен к колонии Наталь в 1887 г. Англо-зулусская война оказала определенное влияние на ход европейской политики, вызвав падение консервативного кабинета Дизраэли и поставив точку на истории династии Бонапартов (сын Наполеона III погиб в одной из стычек с зулусами). В скором времени еще два крупных независимых африканских народа — коса и басуто — в ходе войн были покорены англичанами соответственно в 1877-1879 и в 1880-1881 гг.

В 1869 г. завершилось строительство Суэцкого канала, сделавшего ненужным утомительный морской путь вокруг Мыса Доброй Надежды и облегчившего доступ европейцам к богатствам Востока. Казалось бы в этих условиях значение Капской колонии и ее экономический рост должны были необычайно снизиться. Однако этого не произошло благодаря стечению обстоятельств, которые по степени их важности часто приравнивают ко «второму открытию» Южной Африки. В 1867 г. недалеко от слияния рек Оранжевой и Вааля были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов, а через два десятилетия на небольшом отдалении от них (близ современного Йоханнесбурга) — столь же богатые золотоносные месторождения и крупные залежи меди.

В связи с этим колонизационная активность англичан необычайно оживилась. Алмазоносный округ был немедленно аннексирован (1871), и на его территории возник г. Кимберли, население которого быстро возрастало. На два десятилетия Южная Африка превратилась в новое Эльдorado, во многом неоправданно овеянное романтическим ореолом. Искатели приключений со всего света, и прежде всего — из англо-саксонских стран, ехали туда в поисках быстрого успеха, пополняя численность белого населения британских колоний (уйтлендеров). К 1887 г. алмазы составили 59% всего экспорта Капской колонии, роль золота была еще важнее.

Алмазно-золотой бум вызвал огромный приток капиталов в Южную Африку, особенно из Великобритании, который был прерван английским банковским кризисом 1890 г., но затем возобновился с новой силой. Во всех отраслях южноафриканской

экономики возникали новые компании, усилилась банковская деятельность. Добыча золота и алмазов дала толчок мощному железнодорожному строительству. К 1892 г. общая протяженность дорог в Южной Африке составила 2648 миль, 1892 из которых пролегали по территории Капской колонии. Все это быстро превращало Южную Африку в сырьевую базу и емкий рынок для британских товаров.

Во второй половине XIX в. в правящих кругах метрополии получила распространение идея образования Южноафриканской федерации белых колоний, которая приобрела более или менее ясные очертания уже в 70-е гг. В 1877 г. вышел «Закон о Южной Африке», в котором государствам и колониям континента открыто предлагалось объединиться в течение 5 лет. Однако этот проект не был поддержан даже законодательным органом Капской колонии, поскольку подобный союз был невозможен прежде всего без присоединения бурских республик. Приблизительно в это же время возник еще более смелая идея создания так называемой оси британских колоний «Кейптаун — Каир», предусматривавшая встречное продвижение колонизационных потоков с севера и юга Африки. Но возможная реализация данного плана осложнялась обострившимся англо-германским соперничеством на Африканском континенте в этот период. В 1884 г. возникла колония Германская Юго-Западная Африка, подписавшая торговый договор с Трансваалем и продемонстрировавшая тем самым истинные намерения Германии. Все это вызывало огромное беспокойство хозяев Капской колонии.

Главным вдохновителем завоевательной политики англичан во второй половине 80-х гг. XIX в. стал Сесил Родс (1853-1902). В 1888 г. этот активный и удачливый делец основал на территории Южной Африки компанию «Де Бирс», сосредоточившую в своих руках всю добычу алмазов, он же занял одно из главных мест среди крупнейших южноафриканских золотопромышленников. Амбиции и взгляды Родса в сочетании с незаурядными организаторскими способностями стали залогом его удачной политической карьеры. Сначала он добил-

ся членства в парламенте Капской колонии, а затем и поста ее премьер-министра (с 1890 г.).

Родс предложил более реальный, в сравнении с выдвинутыми ранее, проект расширения территории Капской колонии до реки Замбези, не имевший уже ничего общего с идеей «федерации белых государств». В 1889 г. при поддержке английских правящих кругов он организовал «Британскую Южноафриканскую привилегированную компанию», целью которой стал захват новых земель. Из рук королевы Виктории эта компания получила соответствующую хартию, которая также даровала ей право иметь собственную армию, полицию и флаг. В результате захватнической политики англичан 90-х гг. XIX в. на территории Южной Африки возникла целая империя. Территория в междуречье Замбези-Лимпопо, а также по другую сторону Замбези, ранее принадлежавшая племенам машона, матабеле, тонга, бемба, баротсе и многих других стали обозначаться на картах как Южная Родезия, Северо-Западная Родезия и Северо-Восточная Родезия, получившие свои экзотические названия от фамилии «Родс».

Единственным препятствием к полновластию британцев оставались бурские республики, война с которыми разгорелась в 1899-1902 гг. После неудачного первого этапа войны англичане стянули туда огромный и хорошо вооруженный воинский контингент (около 400 тыс.), что позволило им овладеть столицами Оранжевой республики (Блумфонтейном) и Трансвааля (Преторией) в апреле и июне 1900 г. Еще на протяжении двух лет продолжалась партизанская война буров, которую удалось прекратить только жесточайшими карательными мерами. При включении бурских республик в число британских владений англичане пошли им на уступки и отказались от предоставления политических прав «цветному» населению.

Вскоре после поражения буров английский парламент одобрил «Акт о Южной Африке» 1909 г. согласно которому 31 мая 1910 г. было провозглашено создание Южноафриканского Союза со статусом доминиона Британской империи. Это было унитарное государство с единой системой управления, основанное на компромиссе между различными сегментами «белого» населения Южной Африки. Ядром его идеологии стал расизм.

§ 12

**Испания и Португалия
в XVI-XIX вв.****Страны Пиренейского полуострова в эпоху
Великих географических открытий**

В конце XV в. на Пиренейском полуострове существовало пять государств: королевства Кастилия, Арагон, Португалия и Наварра, а также Гранадский эмират мавров. Брак Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, заключенный в 1469 г., открыл дорогу к формированию нового мощного государства — Испании. В 1479 г. была оформлена личная уния Кастилии и Арагона, а в 1492 г. была завоевана Гранада. В 1504 г. после смерти Изабеллы кастильский престол унаследовала принцесса Хуана, в то время как королем Арагона оставался Фердинанд. Но уже в 1516 г. внук Изабеллы и Фердинанда Карл I (1516-1556) восстановил унию. Поскольку еще в 1512 г. Фердинанду удалось присоединить к Арагону королевство Наварру, то после воссоединения Испании на Пиренейском полуострове осталось лишь одно независимое от нее государство — Португалия.

Завершение испанской Реконквисты совпало с началом особой эпохи в истории Европы и мира — эпохи Великих географических открытий. Еще в XIII в. европейцы познакомились с греческими представлениями о шарообразности Земли. Особенно заинтересовались этими идеями в итальянских торговых городах — с момента завоевания Востока турками и затруднения левантской торговли у итальянцев появилась мысль о возможности достигнуть восточного побережья Азии западным морским путем. Но первые крупные открытия были сделаны не итальянцами, находившимися довольно далеко от открытого выхода в океан, а португальцами и испанцами, жившими у самого океана.

Португальцев толкнуло на далекие путешествия стремление подорвать господство мусульман на северном побережье Африки и найти новые племена для обращения в христианство. Они также искали морской путь в Индию. Португальский

принц Генрих, прозванный Мореплавателем, организовал целый ряд морских дальних плаваний с целью обогнуть Африку морем с юга и тратил на эти предприятия громадные по тому времени средства. Настойчивые стремления португальцев увенчались успехом около конца XV в. Сначала Б. Диашу удалось достигнуть южной оконечности Африки (1488), а затем Васко да Гама, обогнув Африку, открыл морской путь в Индию (1499). Но самое важное открытие было сделано генуэзцем Христофором Колумбом, который нанялся на испанскую службу и на кораблях, снаряженных испанским правительством, достиг Америки. Колумб, подобно своим предшественникам, искал морской путь в Индию, только не мимо берегов Африки, а плывя по Атлантическому океану на запад от берегов Испании. Он не подозревал о существовании большого, неизвестного до тех пор, материка между Европой и Азией и до конца жизни был убежден, что открыл берег Индии. Магеллан соединил открытия португальцев и испанцев и завершил создание новой картины мира, которую вплоть до конца XIX в. европейцам приходилось лишь уточнять.

Испанцы стали первыми европейскими завоевателями Америки. Их привлекали в Америку не торговые соображения, потому что у них обрабатывающая промышленность была слабо развита, и не необходимость найти отлив для избыточного населения, а беспокойный поиск приключений и надежда на легкую наживу. Испанским завоевателям было не трудно справиться с ацтеками и инками, которые не знали огнестрельного оружия и были ненавидимы покоренными ими народностями, готовыми восстать при первом же случае. Мексику Ф. Кортес завоевал с отрядом в 400 солдат. Перу было подчинено другим испанцем, Ф. Писарро, невежественным и жестоким человеком, с помощью еще меньшего отряда — всего в 168 человек. Достаточно было захватить в плен правителей ацтеков и инков, чтобы решить исход обоих предприятий в пользу испанцев.

В покоренных Перу и Мексике испанские дворяне хотели обратить всех туземцев в крепостных, но этому воспротивилось испанское правительство, которое боялось возникновения в Америке сильной земельной аристократии, и объявило всю вновь завоеванную землю собственностью короля, а туземцев — подданными испанского правительства, отданными

только под покровительство местных владельцев. Но рабство все-таки не было устранено в Америке. Владельцы рудников и плантаций стали вывозить из Африки черных негров и обращать их в рабство.

Вслед за испанцами в Америку устремились и португальцы. Они стали заселять Бразилию в Южной Америке и установили монополию на торговлю пряностями, слоновой костью, жемчугом, золотым песком и прочими дорогими товарами с азиатским Востоком. Лиссабон стал центром торговли с Индостаном и Индокитаем. Испанцы и португальцы не сумели извлечь всей пользы из своих завоеваний. Отчасти это объясняется составом переселенцев в Мексику и Перу. Среди них было много знатных и ленивых дворян и слепо верующих, но исполненных узкой нетерпимости духовных лиц. И те и другие получили здесь громадные земельные владения, но сами заниматься хозяйством не умели и не хотели, а жили в городах на ренту от своих имений. Громадные доходы также давало им золото, награбленное в завоеванных государствах, и серебро, добытое в знаменитых рудниках в Порози. Но добытое грабежами богатство и чрезмерная прибыль, приобретаемая от торговли дорогими, но немногочисленными товарами, только на короткое время оживили экономическую жизнь пиренейских государств.

Ввоз пряностей, драгоценных металлов и предметов роскоши в Испанию и Португалию возрос в колоссальных размерах, но лишённые предприимчивости пиренейские купцы сами не могли распродать этих товаров и должны были искать посредников среди имевших большой торговый опыт купцов североитальянских, южнонемецких и фламандских городов. Те закупали пиренейские товары нередко еще тогда, когда они были на пути в Европу, и затем развозили их по всем частям света. Благодаря этому, значительная доля выгоды уходила из рук испанских и португальских купцов и попадала в руки немцев и итальянцев.

Торговое первенство Испании и Португалии не могло надолго сохраниться еще и потому, что внутри этих стран не было ни развитой промышленности, ни больших капиталов, ни даже среднего достатка у массы населения, что приводило к практическому отсутствию внутреннего рынка. Незрелость собственного производства заставляло испанцев и португальцев предоставлять иностранцам снабжение уходящего в Индию и Америку торгового флота, а отсутствие покупательной

способности у населения побуждало искать рынки сбыта американских и восточных товаров за границей. Драгоценные металлы только на время создали нездоровую роскошь и расточительность, а затем уплыли за пределы пиренейского полуострова. Еще большие разрушительные последствия для стран Пиренейского полуострова имела «революция цен».

Наплыв драгоценных металлов из Америки привел к тому, что ценность денег, численно чрезмерно возросших, понизилась, и соответственно с этим повысились цены на все другие товары. За короткий промежуток времени в 50-60 лет после открытия Америки цены на товары поднялись в 5, 6 и 10 раз. Конечно, повышение цен было выгодно тем, кто мог продавать какие-либо продукты, так как, продав одинаковое количество товаров, они получали большую прибыль. Поэтому купцы, промышленники и землевладельцы, производившие хлеб на своих полях и другие товары для продажи на рынке, в XVI в. получали большие выгоды. Наоборот, рабочие и чиновники проиграли, потому что на заработанную плату и жалованье, получаемое в прежнем размере, они могли приобретать гораздо меньше, чем прежде. Проигрывала также и значительная часть сельского населения. Многие из крестьян нанимались в качестве батраков к крупным землевладельцам в летнее время, и многие из мелких и средних помещиков не вели самостоятельных хозяйств, а жили или на судебные пошлины или на земельную ренту от своих поместий, отдаваемых в аренду. Но плата сельским батракам, а также пошлины и ренты теперь стали по большей части очень невелики, потому что их установили в те времена, когда деньги были еще дороги, и с тех пор очень неохотно меняли. Поэтому не только крестьяне, но и многие сельские дворяне в то время совершенно разорились и, чтобы поправить свое пошатнувшееся хозяйственное положение, охотно шли в города на военную и гражданскую службу, или массами отправлялись в Америку.

Постепенно ведущим европейским центром морской торговли и банковского дела стал фламандский город Антверпен. Здесь жили торговые агенты крупнейших немецких, английских, итальянских и французских фирм, заключавшие сделки на огромные денежные суммы. Сюда же съезжались предприниматели из самых разных стран для отдачи денег в кредит и для биржевой игры. Для Испании экономический расцвет Нидерландов имел огромное значение - с 1519 г. эта территория оказалась включена в огромную империю Карла V Габсбурга.

«Империя, где никогда не заходит солнце»

Рубеж XV-XVI вв. был связан с серией крупных войн и масштабным изменением политической карты Европейского континента. Французские короли Карл VIII, Людовик XII и Франциск I, германский император Максимилиан Австрийский и арагонский король Фердинанд вступили в борьбу из-за обладания Италией. Власть над ней давала возможность овладеть всем Средиземным морем и взят под контроль торговые отношения с Востоком. Итальянские войны продолжались около двух десятилетий, во время их французы захватили северную часть Италии, Фердинанд и испанцы — южную (Неаполитанское королевство), Максимилиан же, несмотря на свои широкие планы, не приобрел ничего. Однако династическая коллизия разом изменила политическую обстановку. Наследником Фердинанда Арагонского и Максимилиана Австрийского оказался Карл I Габсбург. К нему перешли и испанские земли вместе с их американскими колониями и неаполитанским королевством, и австрийские — юго-восток Германии и Нидерланды. В 1520 году Карл I был избран германским императором под именем Карла V.

Карл V (1500-1558) родился в нидерландском городе Генте. Его детство и юность прошли во Фландрии, которую он привык считать своей родиной. Отец его Филипп, эрцгерцог Австрийский, внезапно скончавшийся, когда Карлу едва исполнилось шесть лет, был сыном императора Максимилиана и Марии, единственной дочери герцога Бургундского Карла Смелого. Мать Карла Хуанна, вторая дочь Фердинанда, короля арагонского, и Изабеллы, королевы кастильской, сошла с ума вскоре после смерти мужа. Считалось, что сын походил на нее многими чертами характера и внешности. Он был среднего роста, имел бледное лицо с высоким лбом и синие глаза, в которых одновременно выражались глубокомыслие и меланхолия. Развитие физических и умственных сил Карла было замедленным и трудным. В детстве он страдал припадками, напоминавшими эпилептические. С возрастом они сменились мучительными головными болями. К тридцати годам Карл почувствовал первые приступы подагры, донимавшей его потом до самой смерти. Тем не менее, несмотря на слабости своего телосложения, он рано приобрел редкое искусство во всех физических упражнениях. Сначала он отличался на турнирах, а впоследствии,

пытался снискать любовь испанцев, выступил на арене и убил быка. Успехи Карла в науках были менее заметны, но обладая холодным и ясным умом, он постепенно приобрел необходимые познания, для того чтобы стать здоровым и проницательным государем.

В 1515 г. Карл, за которого до этого управляла его тетка Маргарита, был объявлен совершеннолетним. Все нидерландские провинции присягнули ему на верность. Через год умер его дед Фердинанд Арагонский, объявив его перед смертью своим наследником. Это известие застало Карла в разгар войны с герцогом Гельдернским. Поэтому он смог выехать в Испанию лишь в 1517 г. после заключения мира в Нойоне и разрешения неотложных дел. Первое впечатление испанцев о своем новом короле было очень неблагоприятное. Карл высадился в Виллависиосе, окруженный целой толпой фламандцев. Их ветреные французские манеры, непомерная жадность и высокое мнение о себе возбудили отвращение в серьезных и церемонных испанцах. Вскоре главные должности государства — архиепископа Толедского и первого канцлера — были отданы фламандским уроженцам. Молодой король на все смотрел их глазами и подчинялся их советам. Этим, а также своей холодной сдержанностью он доводил испанских вельмож до отчаянья. Утверждение Карла на кастильском и арагонском престолах прошло без трения. Кастильские кортесы, сословно-представительные органы, состоявшие из депутатов от дворянства и городов, собравшись в 1518 г. в Вальядолиде, после долгих прений все же провозгласили Карла королем. Затем точно так же он был признан государем в Арагоне и Барселоне. Но с каждым разом добиваться присяги у кортесов становилось все труднее, так как недовольство королем постоянно нарастало. Известие об избрании Карла германским императором, пришедшее в 1519 г., также очень встревожило испанцев, которые ожидали повышения налогов, так как было известно, что император для проведения своей воли в Германии не имел другого средства, кроме подкупа князей.

Сам же Карл был очень доволен этим избранием и имел все основания гордиться своей судьбой. Ведь девятнадцати лет от роду он сделался обладателем полудюжины разнообразных корон: кроме богатых Нидерландов, двух испанских королевств, королевства неаполитанского и сицилийского, вест-индских островов и новооткрытых американских земель, он унаследо-

вал владения Габсбургов в Австрии и получил сан императора. Со времен Карла Великого еще ни один из европейских монархов не соединял под своей властью таких обширных владений. Карл справедливо мог говорить, что в его землях «никогда не заходит солнце».

Он, впрочем, очень скоро убедился, что править таким большим числом подданных, часто имевших совершенно различные устремления и интересы, очень нелегкое дело. В Нидерландах Карлу предстояло обуздывать гордых горожан, всегда готовых взяться за оружие ради защиты своих вольностей. На Пиренейском полуострове он должен был считаться с болезненной национальной гордостью испанцев и сглаживать постоянно возникавшие противоречия между каталонцами и арагонцами. Сицилию и Южную Италию надо было защищать от африканских пиратов, Австрию — от турок. В Германии предстояло найти верный тон с владетельными князьями, связавшими ему при избрании руки обещанием соблюдать их многочисленные привилегии. Карла ждали также большие трудности в связи с начавшейся Реформацией. Он должен был, кроме того, зорко следить за французским королем Франциском I и постоянно расстраивать его интриги (испанские и французские интересы в это время сталкивались в Нидерландах, Наварре и Италии). Главной заботой Карла после избрания было коронавание в Ахене. Лишь после этого он мог формально вступить в императорские права.

Из-за коронации он оставил без внимания восстание, начавшееся в Толедо, и в мае 1520 г. отплыл из Ла-Коруньи в сопровождении множества испанских и фламандских вельмож. Протест против абсолютизма Карла и его нидерландских советников во имя национальных учреждений получил название восстания коммунаров, принявшего антифеодалный характер и напугавшего испанское дворянство, заставив его сплотиться вокруг короны. С победой дворянского ополчения при Вильяларе 21 апреля 1521 г. и казнью вождей восстание было усмирено. Карл V объявил полную амнистию, но воспользовался страхом, который движение нагнало на дворянство, для того, чтобы сузить старые льготы и вольности. Кортесы оказались неспособными к противодействию правительству, дворянство стало смотреть на лояльность как на главную свою обязанность, а народ терпеливо подчинился королевской власти и ее завоевательным планам. Кортесы беспрекословно стали снабжать Карла V деньгами для войны с Францией, предприятий про-

тив мавров в Африке, и имперской политики, целиком завладевшей всеми его мыслями.

Имперские интересы превалировали и в отношении Карла V к Реформации, имевшей к тому времени много сторонников в Германии. Хотя идейный вождь германской реформации Лютер смело отстаивал именно те права, за которые боролись с римскими папами многие германские императоры, Карл перед угрозой войны с Францией вынужден был прежде всего заботиться о защите Италии, где союз с папой был жизненно важен для его интересов. Франциск I был его соперником при избрании на императорский престол, но более богатый Карл заручился поддержкой крупных капиталистов (особенно аугсбургского банкира Фуггера) и с их помощью подкупил курфюрстов, чем и обеспечил себе избрание на престол. Став германским императором, он решил выбить Франциска из Северной Италии, отделявшей его южно-итальянские владения от немецких земель. В 1520 г. началась упорная борьба между германским императором и Францией, продолжавшаяся с перерывами 25 лет. В ней приняли участие римский папа, Англия, Венеция, Швейцария, многие немецкие князья. Отчасти они имели при этом в виду свои непосредственные выгоды, отчасти заботились о том, чтобы не дать какой-либо стороне совершенно раздавить другую, усилиться за ее счет и затем подчинить себе другие государства.

Такого рода политика получила название «системы политического равновесия». Борьба велась с крайним упорством и неслыханной жестокостью, стоила многих финансовых жертв обеим сторонам, но не имела непосредственных результатов: хотя в начале войны императору и удалось вытеснить французов из Италии, а после победы при Павии (1525 г.) он даже пленил Франциска I, но по окончательному миру в Крепи (1544 г.) обе стороны отказались от сделанных завоеваний. Соображения о торговле и промышленных выгодах играли значительную роль во всех этих войнах. Для капиталистов того времени было в высшей степени важно, в чьем владении окажется Италия — ключ к Средиземному морю, и будет ли чья-нибудь враждебная страна разделять владения германского императора. Поэтому они усиленно поддерживали своими деньгами ту сторону, преобладание которой для них почему-либо было выгодно. Не только крупные банкиры, но часто мало состоятель-

ные люди вкладывали свои капиталы в займы, заключаемые правительствами.

Во время войны правительства особенно чувствовали свою экономическую зависимость от капитала, потому что прежнее ополчение, которое содержалось на счет самих феодалов, обязанных лично отбывать воинскую повинность, и почти ничего не стоило королю, теперь сменилось войском, состоявшим из наемников, получавших жалованье из королевской казны и вооруженных на казенный счет. Казна пополнялась главным образом путем займов у крупных капиталистов, потому что податей, которые регулярно поступали бы в определенные сроки, тогда не было. Нужда в деньгах иногда бывала настолько сильна, что государи обращались к банкирам с унижительными просьбами о финансовой помощи. Так, в конце 40-х гг. Карл V умолял в собственноручном письме банкира Фуггера приехать к нему «ради самого неба».

После окончания войны с Францией для императора Карла V на первый план выдвинулись разногласия между протестантскими и католическими князьями в самой Германии. Протестанты еще в 1530 г., собравшись в г. Шмалькальдене, заключили оборонительный союз, обещав защищать друг друга от всякого нападения. Члены Шмалькальденского союза отказались признать выборы брата Карла V Фердинанда, которому он передал все австрийские владения Габсбургов, немецким королем. Тогда Карл V вынужден был примириться с ними ввиду надвигавшейся на Австрию турецкой угрозы. После заключения мира в Нюрнберге в 1532 г. рейхстаг предоставил императору деньги для борьбы с Турцией. Вторгшаяся в Венгрию огромная армия султана Сулеймана получила решительный отпор и Германия оказалась спасена от нашествия. В последующие годы император вынужден был отвлекать большие силы на борьбу против тунисских и алжирских пиратов, которые подрывали торговлю в Средиземном море. Победоносный поход против Туниса (1535) и неудачный — против Алжира (1541) принесли ему громкую славу искусного полководца и ревностного защитника христиан. В 1540 г. Карл V вынужден был подавлять мятеж в Нидерландах, своем родном городе Генте. Фламандцы сильно страдали от войны с Францией, их возмущали постоянные поборы и равнодушные императора к нидерландским интересам. Восстание в Генте оказалось первым предвестником великого национального восстания, охва-

тившего Нидерланды четверть века спустя, но на этот раз Карл V одним своим появлением усмирил город.

В 1545 г. император, пересилив упрямство папы, опасавшегося за свою власть, созвал в Триденте церковный собор, который должен был урегулировать религиозные споры. Но время оказалось упущенным, протестанты, набравшие в Германии за последние годы огромную силу (из четырех светских курфюрстов трое были протестантами), уже не желали подчиняться его решениям. Карл V не остановился перед тем, чтобы навязать свое мнение силой оружия. В 1546 г. началась так называемая Шмалькальденская война, очень удачная для императора, который уже к началу 1547 г. покорил всю Южную и Западную Германию, а в апреле разбил и пленил самого могущественного своего врага — курфюрста Саксонского. Летом сдался другой вождь протестантов — пфальцграф Гессенский. Города Северной Германии после этого изъявили свою покорность. Всюду в протестантских владениях Карл V приказывал срывать замки, выдавать ему артиллерию и налагал большие контрибуции. Следующие 5 лет были периодом его наибольшего могущества, но затем враги стали наносить ему один за другим все более чувствительные удары. В 1552 г. французский король Генрих II возобновил войну, вслед за этим Мориц Саксонский, бывший союзником императора, примирился со своими единоверцами и повел протестантскую армию в Тироль. Все успехи Шмалькальденской войны оказались сведены на нет. Постаревший и терзаемый подагрой, император вынужден был согласиться на условия мира, выработанного протестантами и католиками, равно уставшими от войны, в Пассау. Было решено, что каждый князь волен устанавливать в своих владениях то вероисповедание, которого придерживается сам, по принципу «чья власть, того и религия».

Снедаемый физическими недугами, Карл V принял решение добровольно отказаться от власти и посвятить последние дни спасению души. В 1555 г. он вызвал в Брюссель сына Филиппа и торжественно передал ему под управление Нидерланды. В январе следующего года он отдал ему Испанию и Италию, а в августе передал брату Фердинанду Германию. В сентябре он навсегда покинул Нидерланды и отплыл в Испанию, где специально для него был построен монастырь святого Юста. Карл прожил там два года в полном уединении, проводя время в молитвах и занятиях ремеслами, и умер в сентябре 1558 г.

Филипп II и складывание абсолютной монархии в Испании.

Филипп II Испанский (1527-1598), как и его отец, император Карл V, принадлежит к крупнейшим правителям в истории. С 1543 г. как регент, а с 1556 г. как король он 55 лет нес ответственность за судьбу Испании и пытался определять развитие огромной части Европы и всего мира. За время его правления произошли события, имеющие важные последствия для будущего. В большей части Германии и Северной Европы, несмотря на энергичное противодействие Испании, победила Реформация. Католическая реформа и Контрреформация быстро обновили католическую церковь в странах старой веры. Экономика, финансы и международная товарная кооперация развивались, было положено начало формированию мирового рынка. На антагонизме между Испанией, Италией, Священной Римской империей и Нидерландами Габсбургов, с одной стороны, и окруженной ими Францией, с другой, сложилась европейская система международных отношений Нового времени. Чрезвычайно опасной для Европы стала Османская империя, проводившая активную экспансию в Юго-Восточной Европе и Малой Азии. Средиземноморье, и прежде всего его западная часть, куда в XV-XVI вв. переместился центр европейской истории, оказались незащищенными от османской угрозы. В Америке, Азии и Африке европейцы осваивали новые области. Создавались и расширялись торговые фактории и вводились новые системы управления и администрации. Посредством христианского миссионерства новые земли приобщались к великим державам и европейской цивилизации, главным образом к Испании и Португалии. Новые географические открытия, а также дискуссия с Николаем Коперником по поводу доказанной им гелиоцентрической системы Вселенной вместе с новым, гуманистическим отношением к индивидуальному образованию и науке изменили представление о человеке и мире.

Родился и вырос Филипп в Кастилии. Когда инфанту минуло шесть лет, император Карл лично выбрал для него учителей и воспитателей, которые ориентировались на написанный Эразмом Роттердамским трактат «Воспитание христианских принцев». Под руководством наставников у Филиппа развилась любовь к чтению, он собрал обширную библиотеку, насчитывавшую 14000 томов. Среди книг, которые читал Филипп, ря-

дом с многочисленными классическими авторами были Эразм, Дюрер, Коперник, Пико делла Мирандола и многие другие, даже Коран. Филипп сделал большие успехи в латинском языке, но совершенно не преуспел в современных иностранных языках, что, учитывая размеры державы, впоследствии явилось ощутимым недостатком. Немецким Филипп вовсе не владел, по-итальянски и по-французски мог еще кое-как читать. Однажды это даже привело к конфузу: в 1555 г. Филипп принимал от отца Нидерланды и после первых слов вынужден был прервать свою франкоязычную речь, которую пришлось дочитать кардиналу Гранвеллю.

Большие склонности принц питал к точным наукам, прежде всего к математике. С раннего возраста были заметны в нем осторожность и скрытность. Медленная речь его была всегда хорошо обдуманна, а мысли серьезны не по летам. Даже будучи ребенком, он никогда не терял власти над собой. Когда он подросток, проявились многие черты характера, отличавшие Филиппа от отца. Он был равнодушен к рыцарским упражнениям, очень умерен в еде, питал отвращение к шумным забавам, столь обыкновенным в те времена, и не любил роскошь. Он приучил свое лицо неизменно сохранять спокойное величественное выражение и производил сильное действие этой бесстрастной серьезностью. С удивительным самообладанием он умел скрывать чувства, так что выражение его лица всегда было неизменно меланхолично. Впрочем его личные письма открывают обычные человеческие чувства: он относился с большой заботой к своим детям, кротко обходился со своей прислугой, восхищался красотами природы, великолепием старинных дворцов и садов, любил музыку. Он не лишен был даже известного добродушия, но все эти качества его души открывались только перед самыми близкими ему людьми. Перед всем остальным светом Филипп носил маску холодной надменности и высокомерной сдержанности.

Всю свою жизнь король Филипп оставался верен духовным ценностям и политическим целям отца. Он высоко ценил этику, обладал чувством долга и большой религиозностью. Для понимания Филиппа как правителя важно учитывать, что он совершенно серьезно считал себя ответственным перед Богом за спасение душ своих подданных. Филипп видел себя королем Испанского государства, главой дома Габсбургов, а также властителем Нидерландов и императором Священной Римской

империи. Высшая его цель состояла в сохранении и приумножении владений дома Габсбургов, защите их от турок, сдерживании Реформации и защите католической церкви в Европе.

Своему единственному наследнику Карл V готовился передать все владения, включая германскую империю. Укрепление политического положения Карл стремился добиться путем выгодных династических браков принца. Первая жена Филиппа, португальская инфанта Мария, прожила недолго: она умерла после того, как произвела на свет наследника. Овдовевши Филипп намеревался из политических расчетов жениться на другой португальской принцессе, но Карл V, нуждавшийся и английских деньгах и солдатах, задумал женить принца на королеве Марии Тюдор, которая была старше его на 12 лет и считалась очень некрасивой. Филипп, как послушный сын, согласился на это без всяких колебаний. Тем влиянием, которое Филипп приобрел на Марию, он пользовался только для своих политических целей, требуя от нее больших жертв, за которые не вознаграждал ее даже внешними знаками внимания. Третья супруга, Елизавета Валуа, напротив, внушала Филиппу сильную симпатию своей молодостью, изящными манерами и скромностью. К несчастью, брак с ней тоже был недолг. Сильным потрясением для королевского семейства стала душевная болезнь сына Филиппа от первого брака, дон Карлоса. Болзненннй от рождения наследник с самого раннего детства отличался неуравновешенным нравом и был склонен к бессмысленным и необузданным поступкам, часто идя наперекор воле отца. Его состояние особенно ухудшилось в результате падения с лестницы, после которого доктора всерьез опасались за его жизнь в течение целого месяца. Обострившиеся признаки умопомешательства наследника, который решил бежать в Германию, а оттуда пробираться в Нидерланды, чтобы начать борьбу против отца, заставили Филиппа, запретить его в одной из дальних комнат дворца и держать там в строгом заключении. Вскоре после этого дон Карлос скончался, что спасло Филиппа и Испанию от назревавшего глубокого внутри- и внешнеполитического кризиса.

У современников в Испании не было никаких сомнений в том, что решительные действия Филиппа II были вызваны государственной необходимостью и защитой династических интересов. Одновременно они дали материал для запущенной его противниками политической пропаганды, которая в виде так

называемой «*legenda negra*» («мрачная легенда») прошла по всей Европе. Отзвуки ее послужили основой для таких известных произведений немецкой литературы, как «Дон Карлос» Фридриха Шиллера, «Юность и зрелость короля Генриха IV» Генриха Манна, «Тонио Крюгер» Томаса Манна и др. Через несколько месяцев после принца Карлоса, на 23-м году жизни, умерла Елизавета. Так как у Филиппа не было сыновей, то необходимость иметь наследника заставила его поспешить с вступлением в новый брак. Он женился на приехавшей из Вены красивой эрцгерцогине Анне, которой было только 21 год. От нее родился тот болезненный ребенок, не имевший ни личной воли, ни ума, который впоследствии царствовал под именем Филиппа III.

Имея принципиально те же цели, что и его отец, Филипп II изменил и модернизировал инструменты и методы осуществления своей политики. В 1561 г. он избрал своей резиденцией Мадрид, вблизи которого по его распоряжению с 1563 по 1584 г. был возведен Эскориал — символический центр его владычества сочетавший в себе королевскую резиденцию, монастырь и династическую усыпальницу. С переносом двора и центральных органов власти в Мадрид Филипп осуществил для Испании то что во Франции и Англии уже было завершено. С этого момента Мадрид стал превращаться в испанскую столицу. В отличие от отца, который постоянно пересажал из одной страны в другую и сам участвовал в походах, Филипп все время проводил в кабинете; ему нравилось думать, что, не выходя из комнаты, он правит половиной земного шара. Он любил неограниченную власть еще более страстно, чем его отец, продолжив оформление в Испании абсолютной монархии.

Важнейшими центральными органами власти в период правления Филиппа II стали Советы, которые развивались в Кастилии из Королевского совета со времени Фердинанда и Изабеллы. Часть Советов обладала весьма емкими функциями: Государственный совет — важнейший орган решения внешнеполитических дел; Финансовый совет, ответственный за решение финансовых вопросов; окончательно оформившийся лишь при Филиппе Военный совет. Надрегиональную компетенцию имел созданный еще в 1483 г. Совет Инквизиции, который стал важнейшим центральным органом монархии Филиппа. Другие совещательные органы имели преимущественно региональную компетенцию, например Советы Кастилии, Арагона и замор-

ских территорий. В 1555 г. из Совета Арагона выделился в самостоятельный орган Совет Италии. Совет Португалии (1582) и Совет Нидерландов (1588) Филипп создавал при появлении нового круга задач и соответственно возникновении чрезвычайно актуальных проблем.

Коллегиально организованные совещательные органы обладали административными, законодательными и судебными функциями. Это были органы власти, помогавшие королю находить решения и служившие для обмена мнениями. Сам Филипп крайне редко принимал участие в заседаниях Советов. Как правило, совещательные органы представляли свои варианты решения письменно в форме рекомендаций. Посредником служил ответственный секретарь, также член Совета. С 80-х гг. XVI в. таких секретарей объединили в хунту, которая превратилась в важнейший орган правления при Филиппе. Отдельные хунты, в состав которых входили представители различных ветвей власти, создавались уже в 60-е гг. для организационного решения сложных вопросов.

Стиль правления Филиппа можно определить как авторитарный и бюрократический. У него были фавориты, служители, которыми он очень дорожил, но никогда не делил с ними не только своей верховной власти, но даже своих правительственных забот. Он сам был своим первым министром и до самой старости хотел все видеть своими собственными глазами. О своих правах, как и о своих обязанностях он имел самое высокое понятие и считал себя главным слугой страны. Королевское звание, говорил он, есть должность, и при том самая важная из всех. Отправляясь в Эскориал из Мадрида, король брал с собой массы деловых бумаг. Из некоторых его писем явствует, что он засиживался за бумагами до глубокой ночи, покидая рабочий стол лишь тогда, когда чувствовал крайнюю усталость и изнурение. Трудолюбие его было невероятно: он подробно рассматривал содержание депеш своих посланников, делая многочисленные пометки на полях. Его секретари посылали ему заранее написанные ответы на все доклады, но он пересматривал содержание этих ответов и своими поправками показывал как свою проницательность, так и глубокое понимание каждого дела. Это достоинство имело и обратную сторону, так как король в своей дотошности часто доходил до неважных мелочей, подолгу вникал в каждый вопрос и постоянно отлагал решение срочных дел.

Добиваясь централизации государственной власти, Филипп II придавал огромное значение религиозной политике. Он обладал правом выдвигать кандидатов на епископство и тем самым мог оказывать существенное влияние на церковь, нередко конфликтуя на этой почве с папой. Не считаясь с мнением Святого престола, Филипп II реформировал испанскую структуру епископств, разделив Кастилию на 5 архиепископств и 30 епископств, а Арагон соответственно — на 3 архиепископства и 15 епископств. В незатронутой Реформацией Испании духовенство, объединявшее в своих рядах приблизительно 90 тыс. человек, превратилось в оплот борьбы за «чистоту веры». Испанская Инквизиция с 15 трибуналами превратилась в агрессивное орудие противоборства с протестантизмом. В 1559 г. в Вальядолиде и Севилье были «разоблачены» группы лютеран, которые предстали перед трибуналом Инквизиции и были приговорены к смерти. Сам Филипп принимал участие в их казни в Вальядолиде. В дальнейшем Инквизицию не останавливали имуществом обвиняемых. Ужесточилась цензура, в первую очередь в отношении ввозимых книг. Испанские богословы сыграли большую роль в подготовке и проведении Триентского собора 1564 г., давшего толчок Контрреформации. Филипп II всеми силами претворял в жизнь решения собора в своем королевстве. К тому же, мотивируя свою имперскую политику служением Богу и церкви, королю удалось использовать финансовые ресурсы испанской церкви к собственной пользе. Принцип «государственной церковности» не оставлял никаких сомнений в главенстве светской власти и государства над церковью в Испании, которое Филипп отстаивал, даже противодействуя интересам папы.

Энергичное выступление Филиппа против Реформации трудно понять вне контекста международной борьбы. Филипп опасался формирования коалиции протестантских государств, а также поддержки с их стороны сепаратистских движений в самой Испании. В годы своего правления Филиппу пришлось столкнуться с восстанием морисков в Гранаде в 1568-1571 гг. и бунтом арагонцев в 1590-1592 гг. Корни этих конфликтов были совершенно различными, однако Филипп подозревал в обоих случаях вмешательство извне — турецкое в Гранаде и французское в Арагоне.

Морисками называли арабов, которые осели в Испании после завершения Реконквисты. Со времени падения Гранады

(1492) мавры, чтобы избавиться от насилий и вечной угрозы изгнания, массами принимали католичество, но, исполняя все церковные обряды, многие из них на деле оставались верны исламу. Путем систематических притеснений и предъявления мори́скам трудноисполнимых требований (например, запрещения женщинам закрывать лицо на улице, повеления учиться в три года испанскому языку, устраивать все домашние празднества так, чтобы любой прохожий мог войти в дом, и т.д.) правительство поставило арабское население Гренады в очень тяжелое положение. В 1568 г. мори́ски начали отчаянную вооруженную борьбу. Их восстание длилось больше двух лет, пока испанские солдаты под началом сводного брата короля дона Хуана Австрийского не положили ему конец. После варварского усмирения, сопровождавшегося свирепыми массовыми казнями, Филипп велел выселить всех мори́сков из страны. Очень многие из них были проданы в рабство, некоторые переселены в Старую и Новую Кастилию, а также в Эстремадуру.

Арагонский кризис начался уже в последнее десятилетие правления Филиппа, и был вызван нарушением особых прав и свобод арагонской короны, которые тщательно берегло арагонское дворянство и соблюдать которые Филипп поклялся в 1563 г. Как и в нидерландском кризисе, в арагонской политике Филипп недооценил силу своего противника. Когда в 1588 г., вопреки традициям, он назначил вице-королем Арагона кастильца, арагонцы усмотрели в этом нарушение своих прав. Вскоре произошел новый скандал. Бывший королевский секретарь Антонио Перес, отец которого был арагонцем, был арестован по обвинению в растрате, но сбежал в Сарагосу, чтобы предстать перед Верховным судом Арагона. Обнародовав секретные государственные документы в расчете на защиту арагонской юрисдикции, беглец тем самым спровоцировал кастильскую центральную власть. Филипп приказал Инквизиции предъявить Пересу обвинение и вывести его из-под арагонской юрисдикции. Это послужило сигналом к массовым беспорядкам, в ходе которых был смертельно ранен вице-король Арагона. Вскоре войска Филиппа вошли в Сарагосу. Зачинщики бунта, среди которых был член арагонского Верховного суда, были казнены. Но Антонио Пересу удалось скрыться во Франции, где он стал козырем направленной против Филиппа пропаганды. Напряженность между бюрократическим, кастильским по духу центральным государством и традиционными региональными

государственными правами, прежде всего в Арагоне, долго оставалась главной проблемой испанской истории.

Несмотря на убежденность Филиппа II в том, что события в Арагоне и Гренаде были инспирированы извне, оба кризиса оказались очень символичны. Становление абсолютистской системы не привело к адекватной консолидации различных частей многонациональной державы Филиппа II. Даже Пиренейский полуостров продолжал оставаться конгломератом феодальных владений, объединенных личной унией. Население разных частей Испании говорило на нескольких самостоятельных языках: кастильском, арагонском и каталонском, хранило верность своей самобытности и ревностно отстаивало древние привилегии. Основное налоговое бремя ложилось на Кастилию, наиболее густонаселенную и богатую часть королевства. Сохранялись сословные собрания, кортесы, объединявшие, как правило, представителей дворянства, городов и духовенства, — по-прежнему важные, традиционные и регионально ориентированные управленческие структуры Испанского королевства. Они распоряжались финансовыми средствами, в которых особенно нуждался король. За свое правление Филипп II 12 раз созывал кастильские кортесы для выколачивания денег.

На территории королевства Арагон собственные кортесы, собиравшиеся в Монсоне, представляли Арагон, Каталонию и Валенсию. Считаясь в принципе с правовым статусом кортесов, Филипп, как и его отец, пытался сдерживать их влияние. В 1538 г. Карл V признал освобождение дворянства от прямых налогов, после чего их представителей больше не приглашали на кастильские кортесы. Подобное произошло и с представительством духовенства. Поэтому когда Филипп II вступил на кастильский престол, местные кортесы выступили против него лишь в составе 36 представителей от 18 городов: Бургоса, Сории, Сеговии, Авилы, Вальядолида, Леона, Саламанки, Саморы, Торо, Толедо, Куэнки, Гвадалахары, Мадрида, Севильи, Кордовы, Хаэна, Мурсии и Гранады. В 1567 г. Филиппу удалось добиться того, что представителей городов больше не связывали обязательные мандаты, на заседаниях они могли принимать решения независимо, по своему усмотрению. Даже если власть кортесов несколько не убавилась, влияние короля на них возросло, что подготовило путь к абсолютизму в Испании.

Филиппу II удалось значительно отеснить высшее испанское дворянство от центров власти, высших органов управления и кортесов. Разумеется, король уважал широкую судебную и общественно-политическую компетенцию порой почти неограниченной власти дворянства, а также церкви и городов. Повседневная жизнь преобладающего большинства почти восьмимиллионного (1590) населения Испании в значительной степени определялась местными и региональными факторами, большинство жителей пребывали в зависимости от местных господ, прежде всего грандов. К концу правления Филиппа II эта группа высшей аристократии, сокращенная Карлом V до 25 семей, благодаря королевским привилегиям выросла. Так, например, Филипп возвысил друзей детства, князей Эболи, ставших позднее дельными советниками, до звания грандов, и тем самым расширил королевскую клиентелу в высшем кастильском дворянстве. Основная же масса благородного сословия — около 10% всего населения (на порядок больше, чем в других европейских странах) — состояла из среднего дворянства и мелкопоместных идалго. Последние по своему имущественному положению зачастую ничем не отличались от крестьян, что карикатурно изобразил М. Сервантес в «Дон Кихоте».

В течение XVI в. население в Испанском государстве без Португалии возросло при значительных региональных колебаниях приблизительно на 40% (с 5,2 млн. до приблизительно 8,1 млн.). В преобладающем большинстве это были крестьяне, ремесленники и рыбаки. К началу столетия в растущих городах, превращающихся в политические, экономические и культурные центры страны, проживало 5%, а к концу столетия около 20% населения. Мадрид и Севилья превратились в процветающие центры; первый — благодаря пребыванию в нем двора и центральных органов власти, а вторая — благодаря монополии на торговлю с Америкой. Во времена Филиппа II города представляли собой самые динамичные элементы общественного развития в Испанском королевстве. Здесь открывались новые ремесленные мастерские и мануфактуры по производству шерстяных и шелковых тканей, славившихся своим высоким качеством во всей Европе. Вообще ремесло и мануфактурная промышленность Испании переживали подъем в первой половине XVI в., что объясняется повышением спроса в связи с ростом населения и освоением заморских территорий.

Активная политика Филиппа II истощала финансовые ресурсы. Четырежды - в 1557, 1560, 1575 и 1596 г. - король был вынужден объявлять о неплатежеспособности государства. Финансовые кризисы были особенно драматичными при небывалом росте доходов. Экономика Испании, опиравшаяся главным образом на сельское хозяйство и производство и торговлю шерстью и текстилем, хотя и переживала в результате роста населения в середине XVI в. значительный подъем, но в 80-х гг. попала в затяжной кризис. В этой ситуации большую важность приобретали ресурсы итальянских и нидерландских владений, а также ввозимые из Америки благородные металлы.

В общей сложности ввозимые благородные металлы дали казне примерно 65 млн дукатов, причем в конце правления Филипп получал в год в 12 раз больше, чем в начале. Источником дополнительных нерегулярных доходов являлась также продажа должностей, главным образом на местном уровне, и торговля дворянскими титулами. Регулярный годовой доход возрос приблизительно с 3 млн в 1559 г. до более чем 10 млн дукатов в 1598 г. Налоговое бремя на среднего кастильского налогоплательщика за это время увеличилось примерно на 430%. Огромные денежные суммы, поглощаемые политикой Филиппа в основном расходовались за пределами Испании или попадали в карманы иностранных торговцев и банкиров. Попытки добиться средне- и долгосрочного увеличения государственных доходов неоднократно стояли в центре повседневных государственных забот короля и часто воздействовали на внутри- и внешнеполитические решения Филиппа.

Внешняя политика Испании во второй половине XVI в.

По наследству от отца Филипп II получил враждебные отношения с Францией и Римом. Папа Павел IV начал свой понтификат с того, что отлучил Карла и Филиппа от церкви и объявил Филиппа лишенным неаполитанской короны. Филипп принужден был двинуть против папы свою итальянскую армию под командованием герцога Альбы, одного из самых знаменитых военачальников того времени. В сентябре 1557 г. Павел IV капитулировал и подписал с Филиппом мирный договор.

В то время как шла война в Италии, в северную Францию вторглась англо-испанская армия под командованием герцога Сауэя. В августе был взят Сен-Кантен, под стенами которого потерпел поражение французский коннетабль Монморанси. После этого дорога на Париж была открыта. Но отсутствие денег, ставшее к тому времени хроническим, принудило Филиппа II согласиться на переговоры. Испания, получавшая огромные богатства из колоний, из-за беспрестанных войн своих королей становилась одной из беднейших стран Европы, которой они пытались навязать свою волю. 2 апреля 1559 г. в Като-Комбрези был подписан мирный договор, положивший конец многолетним Итальянским войнам.

Политику Филиппа II в значительной мере определяли религиозные убеждения, которые находились в постоянном взаимодействии и пересекались с государственными, а также династическими интересами. Империя Филиппа могла добиться впечатляющего превосходства, если надо было сконцентрировать ресурсы ее широких просторов против одного врага, но мощи Испании явно не хватало, если против Филиппа одновременно направляли свои силы несколько врагов, таких как Англия, Франция, восставшие Нидерланды, протестанты в Германии и Османская империя. Поэтому для внешней политики Испании характерным было стремление как можно дальше развести потенциальных противников и зоны конфликтов. Отчасти это Филиппу II удавалось: с заключением Като-Комбресийского мира он на долгое время избавился от серьезного соперника в лице Франции, которую в последующие десятилетия к тому же лихорадили внутренние кризисы. Испания смогла подняться до положения гегемона в Европе, которое утратила лишь в ходе Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. Мир 1559 г. был скреплен третьим браком Филиппа — с Елизаветой Валуа Французской.

Важным направлением внешней политики Филиппа являлись отношения с австрийскими Габсбургами, в которых, несмотря на некоторые разногласия, прежде всего в итальянской и германской политике, все же преобладали элементы сотрудничества. Этой цели послужил и четвертый брак Филиппа в 1570 г. с дочерью императора Максимилиана II, Анной Австрийской, который прежде всего должен был гарантировать, что при наследовании владения в Испании и Империи останутся в руках Габсбургов, так как у Филиппа все еще не было наследников. Поэтому с 1564 по 1571 г. король воспитывал при

своим дворе двух сыновей Максимилиана II — Эрнста и будущего императора Рудольфа II. За десять лет брака Анна родила пять детей; сначала одна за другой появились на свет четыре девочки, и только потом столь долгожданный для Филиппа наследник.

Взаимодействие с австрийскими родственниками облегчило в первую очередь борьбу с Османской империей, создав, однако, опасность войны на два фронта: в Юго-Восточной Европе и на Средиземном море. Выдающимся историческим событием стала победа Испании в союзе с папой и Венецией над турками в морской битве у Лепанто в 1571 г., которая, впрочем, не ликвидировала османскую угрозу. При поддержке императора Рудольфа II Филиппу удалось добиться важного успеха в Империи, когда его войска вмешались в спор об архиепископстве Кельнском и тем самым в 1583 г. окончательно обеспечили закрепление на этом важном фланге Нидерландов католиков Виттельсбахов.

Внешнеполитические успехи Филиппа II с середины 60-х гг. XVI в. стали блекнуть в результате бунта в Нидерландах, на родине его отца. Восстание стало самым тягостным личным переживанием для короля, конфронтация являлась величайшим политическим провалом, вызванным его собственными ошибками. Конфессионально неоднородные и богатые Нидерланды имели огромное значение для экономического единства всего государства Филиппа и были крайне важны для гегемонии в Северной и Центральной Европе. Однако в силу значительного удаления они в то же время были весьма уязвимы стратегически, особенно после того, как с 80-х гг. врагами Испании стали Франция, протестантские германские князья и наконец Англия, выступившая в поддержку восставших Нидерландов.

Политика Филиппа, проникнутая современными идеями централизации государства, равно как и тяжелым духом католицизма, и касавшаяся управленческой системы и института епископства, ограничивала местные свободы и в первую очередь дворянские привилегии, чем вызвала в 60-х гг. в Нидерландах волнения, провоцируемые поначалу дворянством. В 1566 г. большая депутация фламандских дворян вручила правившей Нидерландами герцогине Маргарите Пармской, сводной сестре Филиппа II, просьбу о смягчении эдикта против

еретиков. Когда Филипп, отказавшись удовлетворить это прошение, в Антверпене и некоторых других городах вспыхнули восстания. В следующем году восстания были подавлены, но Филипп решил пойти на самые крутые меры. Он назначил своим наместником в Нидерландах герцога Альбу, который неумеренной жестокостью довел страну в 1572 г. до нового восстания. В следующем году король сместил Альбу, однако было уже поздно. В 1575 г. Голландия и Зеландия объявили о своем отделении от Испании. Фламандские провинции заключили с ними оборонительный союз. В 1576 г. испанские войска, не получившие из-за острого финансового кризиса в Испании жалованье, взбунтовались и разграбили Антверпен, вследствие чего восстание получило новый импульс и поддержку нидерландских католиков. Несмотря на огромные финансовые и военные затраты, на драконовские меры герцога Альбы и военные успехи присланного в 80-е гг. наместником Алессандро Фарнезе, Филипп не смог долго сдерживать восстание в Нидерландах. В конце концов в 1581 г. с помощью Франции и Англии северные провинции обрели фактическую независимость. Казалось, военному конфликту не будет конца. Только после ожесточенной войны испанцам к 1585 г. удалось вновь овладеть южными католическими провинциями, но Голландия сохранила свободу.

Неудача Филиппа в Нидерландах тесно переплетается с провалами его английской политики и не в последнюю очередь — с войной против Франции 1590 г. Соперничество с Англией, угрожавшей испанской колониальной торговле, осложнялось династическими спорами и религиозной враждой. После смерти английской супруги, Марии Тюдор, Филипп тщетно пытался устроить свой брак с ее сводной сестрой, новой королевой Англии, Елизаветой. После 1559 г. при Елизавете Англия окончательно стала протестантской. В 1570 г. папа Пий V отлучил английскую королеву от церкви. Поэтому Филипп и испанские Советы чувствовали себя обязанными вернуть Англию к старой вере. После поражения в 60-е гг. поддержанного им католического повстанческого движения в Англии и открытых столкновений между Испанией и Англией в последующие годы за океаном и в Нидерландах, Филипп решил на вторжение на остров. Папа Сикст V особой буллой призвал католиков к крестовому походу, к священной войне с Англией и ее «королевой-еретичкой» — Елизаветой. Испания стала готовить вторжение, был снаряжен большой флот — «Непобеди-

мая армада» — основу которого составили 130 тяжелых кораблей, имевшие на борту 19 тыс. отборных солдат и более 2 тыс. орудий. Армада должна была пройти в Дюнкерк, взять там на борт испанские войска, находившиеся в Нидерландах, и затем высадить десант в устье Темзы, недалеко от Лондона. Испанцы рассчитывали, что их вторжение будет поддержано восстанием английских католиков.

Английская королева имела тогда не более 30 кораблей, к которым присоединилось полторы сотни частных судов. К счастью для Англии, страна уже обладала тогда достаточным количеством хороших моряков. К тому же бури и противные ветры сделали грозными врагами испанцев. Едва эскадра вышла из Лиссабона (август 1588 г.), над ней разразилась страшная буря, разметавшая корабли в разные стороны. Более 50 кораблей испанцы потеряли возле скалистых Оркадских и Гебридских островов, а также в опасных проливах у берегов Шотландии. В бурном море у бесприютных берегов тяжелые испанские корабли сделали легкой добычей быстрых и маневренных английских судов, имевших превосходство в артиллерии. На западном побережье Ирландии было взято в плен 5 тыс. испанцев. В испанские порты вернулись лишь 10 тыс. человек на 86 кораблях. С гибелью Непобедимой армады берега Испании оказались открыты для английских пиратов. В 1596 г. англичане взяли и разграбили Кадис.

Неудачей закончились и войны Филиппа во Франции. Он потратил огромные средства на поддержку Католической лиги, а после гибели в 1589 г. Генриха III выдвинул в качестве претендентки на французский престол свою дочь Изабеллу. Испанцы начали войну с Генрихом IV, овладели Руаном, Парижем и некоторыми городами в Бретани. Но вскоре как протестанты, так и католики объединились для борьбы с иноземцами. В 1594 г. Генрих взял Париж. В 1598 г. был подписан Вервенский мир, не давший Испании никаких выгод.

Особняком во внешнеполитическом курсе Филиппа II стоит португальская проблема. Тесные отношения с Португалией лежали в основе имперской политики Карла V и Филиппа II. Этому служили оба брака с португальскими принцессами. Но еще в период правления Мануэла I (1495-1521) Португалия превратилась в динамично развивавшуюся, влиятельную в экономическом и политическом отношении страну. Она не имела пос-

тоянной армии, но обладала мощным флотом. Португальцам удалось гораздо с большим, чем испанцам, эффектом использовать результаты колониальных захватов. Купеческий капитал в Португалии был гораздо сильнее, чем в Испании, да и дворянство с большей охотой принимало участие в колониальных экспедициях и предприятиях. Мануэл I всецело использовал завершения реконкисты для укрепления позиций королевской власти. При нем фактически складывается основа португальского абсолютизма. Опорой в этом процессе послужили городские советы и мелкое дворянство. В отличие от Испании, Мануэлу I удалось добиться унификации административного устройства страны, кодифицировать законодательство, отменить многие местные привилегии (форалы). Постепенно складывался централизованный чиновничий аппарат, уменьшалось политическое значение кортесов и, напротив, возрастало значение Государственного совета.

При Жоане III (1521-1557) становление португальского абсолютизма продолжилось. В общественной жизни Португалии значительно выросла роль церкви, огромные масштабы приобрела деятельность Святой инквизиции и ордена иезуитов. Однако при Себастьяне I (1557-1578) португальская монархия вступила в длительную полосу кризиса. В стране рос сепаратизм местных дворянских кланов. Португальское купечество быстро теряло свои позиции на европейских рынках. Гибель Себастьяна I и переход короны к престарелому кардиналу Энрике, младшему брату Жоана III, лишь усугубила эти проблемы. Португальский престол оказался без наследников. Развязка наступила в 1580 г., когда после смерти кардинала Энрике, в Португалию вторглась большая армия герцога Альбы. Испанцы разгромили противника в битве у Алькантары и захватили Лиссабон. В 1581 г. Филипп приехал в покоренную страну и принял «изъявление покорности» от своих новых подданных.

Объединение двух стран имело характер личной унии. Испанский монарх был провозглашен королем Португалии под именем Филиппа I. Он обещал португальским кортесам охранять самостоятельность Португалии, уважать права и привилегии португальского народа, назначать на государственные должности только португальцев и учредить из них особый совет, который должен был повсюду сопровождать короля и руководить португальскими делами. Колонии немедленно покорились испанскому владычеству, но в самой Португалии долгое

время не ослабевала борьба против захватчиков. С тех давних дней у португальцев сохранилась поговорка: «Из Испании не идет ни хорошего ветра, ни хорошего быта» («De Espanha nem bom vento, nem bom casamento»). Испанцы платили португальцам тем же, пренебрежительно называя их «малочисленными и сумасшедшими» («Portugueses pocos y locos»). Все первоначальные обещания Филиппа были нарушены - португальские интересы всегда приносились в жертву испанским, кортесы созывались только один раз (1619 г.), на главные должности постоянно назначались испанцы, овладевшие многими португальскими землями. Недовольство населения вызывала потеря ряда богатых колоний. Колониальное могущество Португалии фактически было сломлено соединенными усилиями голландцев, англичан и французов, завладевших половиной Бразилии, Молуккскими и Азорскими островами, Суматрой.

Все более сложным становилось и положение Испании. Цена, заплаченная за господство над половиной Европы, была огромной. Благодаря американским золотым рудникам Филипп II стал самым богатым из всех христианских монархов. Но золото не задерживалось в его руках. Содержание армии, дорогостоящего двора, подкуп огромного количества тайных агентов во всех странах, а главное - уплата грабительских процентов по прежним долгам, требовали все больших и больших сумм. Испания оказывалась недостаточно богата, чтобы расплачиваться за свою славу. При внешнем величии к концу царствования Филиппа II все в ней пришло в упадок - и торговля, и промышленность, и флот. Постоянно возрастающие расходы перекрывали все статьи доходов. Филипп принужден был прибегать к самым изощренным средствам для пополнения казны, но она во все время его царствования оставалась пуста. Потребность в деньгах постоянно господствовала над всякими другими соображениями. Не было таких интересов, прав и традиций, которые не приносились бы в жертву для ее удовлетворения. Доходы королевства были заложены задолго до их получения. Народ был доведен налогами до полной нищеты. С 1596 г. волна эпидемий и голода унесла жизни большого количества людей. В следующем году испанское население сократилось на 10%. Считается, что всего в годы правления Филиппа население Испании сократилось на 2 млн. человек за счет умерших от голода и эпидемий, погибших в войнах, эмигри-

Лишенное значительных внутренних и внешних потрясений, правление Филиппа III не преодолело тенденции упадка испанского великодержавия. Даже в духовной жизни, несмотря на продолжение «золотого века» испанской литературы, наблюдается застой. Деятельность Инквизиции порождала чрезмерную осмотрительность и душила в зародыше все новое. Университетская наука все больше коснела и вырождалась в рутинную схоластику. За свое стремление противостоять распространению еретических идей Испания расплачивалась академической отсталостью, распространение естественнонаучных знаний XVII в. практически ее не затронуло. К концу правления Филиппа III при испанском дворе возобладала партия поддержки австрийской внешнеполитической линии, ознаменовавшей активизацию испанских военных усилий в Европе. Испанские войска сыграли важнейшую роль в разгроме чехов в битве при Белой Горе (3 ноября 1620 г.), подтвердив славу испанской пехоты как лучшей в мире. Испания втянулась в Тридцатилетнюю войну на стороне своих австрийских Габсбургов, отстаивая династические интересы и защищая дело католической Контрреформации.

Филипп IV (1621—1665), по сравнению со своим отцом, обладал более живым характером. Поэтому при восшествии его на престол было много надежд, что положение Испании улучшится. Однако король не оправдал их. Он имел великодушный и ласковый характер, был сметлив и умен, любил литературу и сам ею занимался, оказывал покровительство поэтам и художникам, но лень, доставившая ему с момента вступления на престол прозвище Великого, рано сбита его с толку. Как человек до крайности ленивый, он чувствовал отвращение к делам и любил королевскую власть только за те наслаждения, которые она ему доставляла. Свой дух и свое здоровье он рано истощил распутством, поскольку не пропускал буквально ни одной привлекательной женщины, будь то знатная дама или простолюдинка (у короля было более трех десятков незаконнорожденных детей). Так как король занимался почти исключительно великолепными постройками и праздниками, все прочие обязанности он возложил на своего фаворита графа-герцога Оливареса, который был вдвое старше короля, закален в дворцовых интригах, обладал неистощимой энергией и считал себя способным играть роль первого министра.

Оливарес сделал ставку на усиление активности внешней политики, принесшую плоды в конце царствования Филиппа

III. Первые успехи позволяли говорить о правильности новой политики. В 1627 г. Филипп IV в речи перед Советом Кастилии констатировал укрепление международного положения Испании. Обновленный флот нанес поражения давним врагам — голландцам, которые после этого оказались крайне ослаблены. Хозяйственная блокада грозила задушить «отпавшие провинции». После побед императорской армии под командованием Тилля и Валленштейна уже строились планы порабощения держав Северной Европы, Балтика должна была стать *Mare nostrum* (т.е. «внутренним морем») Габсбургского дома. Филипп IV получил прозвище «*Rey Planeta*», «король мира». Однако затем поражения испанской армии следовали одно за другим. Войны с соседями, которые велись в течение всего царствования Филиппа IV, до крайности истощили морские и военные силы Испании. Еще более разрушительные последствия имели внутренние войны.

В 1637 г. в Португалии вспыхнуло восстание, вызванное попытками ввода кастильской системы управления и налогообложения. Репрессии заставили восставших сложить оружие, но уже в 1640 г. недовольством испанским господством вновь прорвалось наружу. Один из лидеров национального движения герцог Браганса был объявлен португальским королем под именем Жоана IV. Но военные действия в Португалии продолжались еще почти 20 лет. Одновременно, в 1640-1652 гг. испанцам пришлось вести упорную борьбу с восставшей Каталонией, население которой было возмущено нарушениями их старинных вольностей. Все эти неудачи привели в 1641 г. к падению Оливареса. Место его занял герцог Монторо, искренне стремившийся к проведению миролюбивой политики. Между тем, итог внешних войн оказался очень неутешительным. По Вестфальскому миру 1648 г., Испания признала независимость Голландии, окончательный мир между двумя государствами был подписан в 1661 г. Война с Францией продолжалась еще 11 лет и закончилась в 1659 г. подписанием Пиренейского мира. Испания лишилась Сердани, Русильона и графства Артуа. После этих поражений господствующее положение в Европе перешло к Франции.

Последнему испанскому королю из династии Габсбургов Карлу II (1665-1700) досталось весьма тяжелое наследие. Разгромленная на суше и на море, почти полностью лишившаяся армии и флота, Испания оказалась вычеркнутой из числа великих европейских держав. Но устоявшееся представление о

том, что «в царствование Карла II разложение и упадок охватили все сферы испанского государства», является не совсем верным. В немалой степени такому заблуждению способствовала картина деградация личности самого Карла II, которая ассоциировалась с состоянием дел в Испании вообще. Король был физически и умственно недоразвит, едва умел читать и писать, до конца жизни оставался похожим на ребенка. Все свободное время он проводил за играми в бирюльки или какие-нибудь детские игры со своими карликами. Неспособный самостоятельно править государством, он был игрушкой в руках своих фаворитов — испанских грандов и иностранных авантюристов. На период его правления приходится наивысший подъем политического влияния церкви. Иезуиты и высшие сановники церкви назначались на важнейшие государственные посты, Инквизиция усилила преследования и террор «вероотступников». В 1680 г. на Главной площади в Мадриде в присутствии короля и всего двора было устроено аутодафе и сожжены около 100 «еретиков». Религиозно-мистический настрой королевского окружения нашел выражение в экзорцизме, который был применен к болезненному королю по совету его духовника. Улучшения здоровья короля за этим не последовало, зато народ наградил его пренебрежительным титулом «el hechizado» («зачарованный»), под которым он и вошел в историю Испании.

Все же стоит отметить, что в правление Карла II были проведены некоторые реформы, которые не сразу дали результаты, но способствовали хозяйственному подъему Испании в XVIII в. Сюда надо отнести денежно-финансовые реформы, которые привели к стабилизации испанской валюты, создание Торговой комиссии, центрального органа управления коммерцией и реформирования мануфактурной и ремесленной промышленности. Главными направлениями реформистской деятельности стали колонизация, развитие шелковой промышленности, поощрение виноделия, усовершенствование цеховой системы и т.д. Для упорядочения сборов налогов была создана (по образцу французской и португальской моделей) система суперинтенданств, налоговое бремя на кастильцев заметно ослабело.

Со смертью Карла II мужская линия испанских Габсбургов пресеклась. Одна из сестер умершего короля Карла II была замужем за французским королем Людовиком XIV, вторая — за наследником австрийского престола Леопольдом I. Вследствие этого судьба Испании стала предметом ожесточенной борьбы австрийской и французской группировок при мадридском дво-

ре. В конце концов победила французская партия, и Карл II завещал престол своему племяннику по французской линии, внуку Людовика XIV, который в 1700 г. короновался под именем Филиппа V (1700-1746).

«Просвещенный абсолютизм» в Испании и Португалии

Переход испанского престола к Бурбонам грозил нарушить хрупкое европейское равновесие сил и вызвал резкое обострение противоречий между Австрийской империей и Францией, которое переросло в общеевропейскую Войну за испанское наследство (1701-1714). Против испанской армии, которую поддерживали присланные Людовиком XIV французские контингенты, действовали австрийские, английские и нидерландские войска, а также силы некоторых других малых европейских государств.

Территория самой Испании надолго стала ареной военных действий соперничавших держав. Каталония, Арагон и Валенсия приняли сторону австрийского эрцгерцога, надеясь с его помощью сохранить свои древние привилегии. Но Кастилия и другие провинции поддержали Филиппа в противовес другим претендентам, насаждавшимся иностранными захватчиками. По Утрехтскому миру (1713) Филипп V был признан королем Испании при условии отказа от прав на французский престол. Единство страны было восстановлено, но Испания потеряла значительную часть своих владений в Европе — Неаполитанское королевство, остров Сардинию, Тоскану, Миланское герцогство и Бельгию пришлось уступить Австрии, Менорка и Гибралтар были захвачены Англией, герцог Савойский получил Сицилию. Только после того как союзники отступились от каталонцев, Филипп V смог после упорной осады взять Барселону (сентябрь 1714 г.) и вернуть Балеарские острова (июль 1715 г.).

Победа над сепаратистами в Каталонии, Арагоне и Валенсии сделала возможной окончательную централизацию страны. Еще в 1707 г. были отменены старинные привилегии — «фуэрось» в Арагоне и Валенсии. Эти провинции утратили свою политическую и судебную автономию. Арагонский совет,

кортесы и трибунал юстиции упразднились навсегда. Вместо них в Сарагосе и Валенсии были учреждены королевские Аудиенции, члены которых назначались королем. Городами и селениями стали управлять, так же как в Кастилии, коррехидоры, вводились кастильские налоги. В 1714 г. лишились своей автономии Каталония и Балеарские острова. В 1716 г. были упразднены барселонские кортесы и введены единые для всей страны налоги. Неприкосновенными остались только «фуэросы» баскских провинций и Наварры. Благодаря отмене налоговых привилегий северных провинций и развитию системы интенданств значительно увеличилось поступление в казну, что позволило королю сформировать более или менее боеспособную армию и возродить флот. Многими современниками отход нидерландских и итальянских владений воспринимался как освобождение от тяжкого бремени, что открывало путь к внутренним реформам. Но, в целом, положение страны оставалось тяжелым. Ремесла, земледелие, торговля по-прежнему находились в упадке, подорванные долгой войной.

В это непростое время умерла королева Мария Луиза, имевшая сильное влияние на короля. Филипп вступил во второй брак с Елизаветой Фарнезе, дочерью герцога Пармского. Верх при дворе взяла итальянская партия во главе с Джулио Альберони. Этот предприимчивый и даровитый министр, вскоре сделавшийся кардиналом, сосредоточил в своих руках все нити управления. В 1717 г. он попытался вернуть Сицилию и южную Италию. Испанский флот неожиданно появился у итальянских берегов. Испанцы легко овладели Сицилией и Сардинией, но в августе 1718 г. их эскадра была уничтожена англичанами у мыса Пассаро. В декабре Филипп уволил Альберони и согласился очистить захваченные острова.

Вскоре после военных неудач, в январе 1724 г., Филипп V в припадке меланхолии отрекся от престола в пользу своего шестнадцатилетнего сына Людовика и поселился вместе с женой в замке Сент-Ильдефонсо. Но через восемь месяцев Людовик неожиданно умер от оспы, и под давлением своего окружения Филипп с большой неохотой согласился вернуться к управлению государством. Около 1730 г., король, который во время Войны за испанское наследство продемонстрировал личную храбрость, энергичность и решительность, чем заслужил прозвище «el Amínoso» (отважный), окончательно впал в состояние меланхолии и непреодолимой лени. С той поры от него нелегко было добиться даже простого слова. Он не стриг волос

и ногтей, оставался по целым дням в постели, вставал лишь ночью на несколько минут, чтобы поесть; нельзя было уговорить его подписать какие-либо документы. Только под действием пения он на короткий срок пробуждался к жизни. Королева Елизавета в 1737 г. специально пригласила в Мадрид певца Фаринелли, славившегося тогда по всей Европе своим удивительным голосом. Этот человек вскоре сделался совершенно необходимым для управления государством: послушав его, Филипп покорно шел к столу и ставил свои подписи в тех местах, где ему указывали.

В 1746 г. на испанский престол вззошел сын Филиппа V и Марии Луизы Савойской Фердинанд VI (1746-1759). Несмотря на вялость, набожность и ипохондрический характер, он стяжал любовь народа своими приветливыми манерами, тактичным поведением, миролюбием, бережливостью и верностью данному слову. Он получил прозвище «el prudente» (Благоразумный). Длительный мир, строгая экономия, сокращение вдвое расходов двора позволили Фердинанду поправить финансы и восстановить военный флот. Отмена системы налоговых откупщиков привела к повышению государственных доходов на 50%. Мракобесию также был нанесен сильный удар. Инквизиция, которая в предыдущее царствование отправила на костер около 800 человек, в эти годы добилась утверждения всего 10 смертных приговоров. Под конец жизни Фердинанд впал в безумие, сопровождавшееся эпилептическими припадками. Время правления его брата, Карла III (1759-1788), вошло в историю Испании как период реформ «просвещенного абсолютизма» и стало высшим пиком в развитии испанской монархии.

В 1731 г., после смерти последнего герцога Фарнезе и согласно договору с Францией и Англией, Карл III был провозглашен герцогом Пармским. Во время Войны за польское наследство, в 1733 г., Филипп V вступил в союз с Францией при условии, что Карлу III позволено будет овладеть Неаполитанским королевством и Сицилией. В начале 1734 г. 20-тысячная испанская армия выступила из Пармы на юг Италии. Неаполитанцы немедленно восстали против австрийцев и повсюду как освободителя приветствовали Карла III, который с большой пышностью короновался в Неаполе. Вскоре у Битонто в Апулии австрийская армия была разбита. Гаэта и Капуя открыли перед испанцами ворота. В ноябре победители переправились

в Сицилию, которая так же легко покорилась власти Бурбонов. По мирному договору 1738 г. император Карл VI признал Карла III королем Неаполя и Сицилии, взяв себе в качестве компенсации герцогство Пармское. Во время Войны за австрийское наследство (1743-1748) Карлу III пришлось опять защищать свои владения от австрийцев. В августе 1744 г. у ворот Валлетры и на улицах этого города произошло ожесточенное сражение. Нападение австрийцев было отбито.

Карл III проводил в Неаполитанском королевстве активную протекционистскую политику. Он украсил Неаполь прекрасными постройками, при нем был сооружен великолепный дворец в Казерте. По всей стране строились дороги и мосты. С помощью известного юриста Тануччи король провел важные законодательные реформы. Он существенно ограничил привилегии духовенства и дворянства, обложив их податями. Крупную аристократию он заставил переселиться из своих владений в столицу, благодаря чему королевская власть заметно окрепла. Когда в 1759 г. умер, не оставив потомства, его старший брат, испанский король Фердинанд, Карл III отказался от неаполитанской короны в пользу сына и вступил на испанский престол. В Испании он продолжал вести простой и воздержанный образ жизни итальянского горожанина. Его веселый нрав, доброта и обходительность очаровывали всякого, кто имел с ним дело. Отличаясь педантичной честностью и непоколебимой справедливостью, Карл III всегда с большой аккуратностью исполнял свои королевские обязанности. При глубокой набожности он обладал исключительной свободой духа и ясностью ума. Царствование его оказалось очень благотворным для страны, а сам он снискал славу «добротного короля».

Главной целью реформ Карла III была централизация государства. Все феодальные свободы провинций были отменены, только Наварра сохранила остатки автономии. Была проведена реформа органов исполнительной власти и местного самоуправления, кортесы перестали созываться. Власть сосредоточилась в руках королевских министров из числа приверженцев идей Просвещения. Гранды окончательно потеряли свое былое значение. Добиваясь ограничения разросшихся привилегий клира, его вмешательства в политику и даже самой численности, особенно членов монашеских орденов, реформаторы неизбежно вызвали недовольство церкви, которая настраивала прихожан против нововведений. Не только часть дворянства, духовенство, но и большая часть простого народа не-

прияженно относились к реформам, не всегда понимая суть производимых перемен. Реформаторы столкнулись даже с открытым сопротивлением иезуитов, и в 1767 г. Карл III запретил их деятельность и изгнал из страны. Могущество церкви было ограничено, и она должна была подчиняться всем указам короля. Церковные имущества были обложены податями. Карл, однако, не решился упразднить инквизицию, но за время его царствования на костер отправили всего четырех человек. Были проведены улучшения в административной системе, армии, основан целый ряд новых учебных заведений, построены военные мануфактуры. Продолжали строиться корабли, и была основана Морская академия, так что Испания могла поддерживать свой престиж морской державы (однако участие в Семилетней войне 1756-1763 гг. стоило Испании потери Флориды.) Создание новой, более сбалансированной налоговой системы позволило увеличить ежегодный государственный доход в четыре раза. Был принят закон о свободе передвижения, ввоза и вывоза зерна, уменьшены пошлины — все это оживило торговлю. Король всячески поощрял промышленность и земледелие. Столица королевства была благоустроена, а города были соединены прекрасными шоссейными дорогами. Много было сделано для народного просвещения и оживления деловой и предпринимательской активности испанцев, в этот период начинается духовное возрождение нации.

Политическая стабилизация стала необходимым условием для экономического возрождения Испании. Уже в первые десятилетия XVIII в. длительный упадок постепенно сменяется подъемом. Этому прежде всего способствовало то, что с 1713 по 1808 г. Испания не вела войн на своей территории. Значительно возросло население страны — с 7,5 млн. в 1700 г. до 10,4 млн. в 1787 г. и 12 млн. в 1808 г. С середины XVIII в. шло постепенное восстановление испанской промышленности, происходил рост городского населения (хотя в целом оно не достигало даже 10%): к началу XIX в. Мадрид насчитывал 160 тыс. жителей, Барселона, Валенсия и Севилья — по 100 тыс. Остальные города были невелики, не более 10—20 тыс. жителей. Подъем в промышленности проявился прежде всего в восстановлении мануфактурного производства. Особенно быстро развивалось производство хлопчатобумажных тканей в экономически наиболее развитой области — Каталонии. За 30 лет население

Барселона выросла в 3 раза (1759-1789). Отмечался подъем металлургии в Астурии, число занятых в ней рабочих выросло почти в два раза. Однако в большинстве городов еще преобладало цеховое ремесло. Его наиболее развитыми центрами были Галисия, Валенсия и Кастилия. В стране продолжалась сохраняться значительная хозяйственная обособленность от дельных провинций, формирование внутреннего рынка шло крайне медленно.

В XVIII в. Испания продолжала оставаться аграрной страной. В деревне преобладали феодальные отношения. Более половины всех земель принадлежало светским феодалам и церкви. Аграрные отношения в различных областях отличались большим своеобразием. На севере, в Галисии, Бискайе и Стране Басков, преобладало мелкое хозяйство крестьян-цензитариев (эредад). В Кастилии наряду с этой формой аграрных отношений была распространена аренда на основе половничества и отработок в хозяйстве помещика. На юге в Андалусии преобладало плантационное хозяйство с использованием сезонных батраков-поденщиков. В XVIII в. во многих районах натуральные и отработочные повинности были заменены денежной рентой. Крестьянин уплачивал денежный ценз сеньору, налоги государству (в том числе алькабалу) и баналитеты.

Большую часть дворянских владений составляли неотчуждаемые майоратные земли. Майораты передавались по наследству старшему сыну, не могли дробиться, их нельзя было продавать и закладывать. Сохранение системы майоратов пагубно отражалось на экономическом развитии страны, препятствовало развитию капитализма. Значительная часть земель изымалась из хозяйственного использования; в Кастилии, где было особенно много майоратов, обрабатывалась всего 1/3 пригодных для сельского хозяйства земель. Большой урон земледелию по-прежнему наносили ежегодные перегоны стад Месты (привилегированной организации крупных скотоводов-дворян). Как и в XVI в., стада мериносов двигались через засеянные поля, виноградники, оливковые рощи.

Социальная структура страны оставалась архаичной. По-прежнему главенствующее положение принадлежало дворянству, которое сохраняло многочисленные привилегии. В отличие от других стран Европы в Испании в XVII-XVIII вв. возросла численно и укрепила свои экономические позиции титулованная знать. Это было результатом эксплуатации колоний, доходы от которой шли главным образом в руки высшего дворянс-

тва, скапливаясь в форме сокровищ. К высшему дворянству принадлежали владельцы майоратов; большинство их не занималось никакой хозяйственной деятельностью. Только на юге, в Андалусии и Эстремадуре, крупные земельные собственники — дворяне вели предпринимательское хозяйство и использовали наемный труд. Многие из них участвовали в колониальной торговле через посредников.

На другом полюсе находилась огромная масса полунищих идальго, ничего не имевших, кроме дворянского титула и «чистоты крови». Многие из них жили в городах, где пользовались до середины XVIII в. привилегией занимать половину муниципальных должностей, которые часто были для них единственным источником дохода. Сильны были и экономические позиции церкви: она владела до 1/3 всех земель, заметную часть населения составляли монахи и служители церкви.

К третьему сословию (95% населения) принадлежали представители различных слоев — от бедных крестьян и поденщиков до купцов и финансистов. Его особенностью в Испании был низкий удельный вес буржуазии, что было связано с длительным экономическим упадком страны. Разбогатевшие выходцы из третьего сословия стремились купить идальгию (дворянское звание), чтобы не платить налогов. Получив дворянство, они, как правило, прекращали экономическую деятельность, так как она считалась несовместимой с идальгией.

Рестаурация и укрепление абсолютизма в Португалии

Провозглашение кортесами в 1641 г. независимости страны и принятие ими «Манифеста Португалии» открыло длительный период испано-португальских войн. В историю они вошли как «войны Рестаурации». Попытки Жоана IV (1604-1656) разорвать экономические связи с Испанией, искоренить кастильскую административную систему и пополнить ряды грандов выходцами из мелкого дворянства вызвали сопротивление части португальской аристократии и чиновничества. На короля было совершено несколько покушений, а многие дворяне сражались в «войнах Рестаурации» на стороне испанцев. После смерти Жоана IV Португалия была втянута в длитель-

ный династический кризис и оказалась на грани нового завоевания. Лишь героическая победа в битве при Вила-Висозе в 1665 г. окончательно закрепила суверенитет страны. В 1668 г. был подписан испано-португальский мирный договор, а годом ранее после очередного дворцового переворота на престол взошел младший сын умершего короля Педру II (1648-1706). В годы его правления королевская власть оставалась ослабленной. Значительно выросло значение кортесов, которые добились исключительного права вотировать королевские налоги и создали свой постоянно действующий исполнительный орган — Комитет трех сословий. Велика была политическая роль и королевских советов, которые контролировали гранды и высшая бюрократия.

На рубеже XVII-XVIII вв. Португалия переживала экономический подъем. После неудачного участия в Войне за испанское наследство на стороне Англии португальская казна была истощена. Но ситуация разом изменило открытие в Бразилии богатых месторождений золота и алмазов. Под руководством главного казначея графа Эрисейра правительство предприняло энергичные усилия по развитию национальной торговли и приостановке утечки золота из страны. Тогда же в Португалии появились и первые мануфактурные предприятия.

В 1706 г. на португальский престол взошел семнадцатилетний Жоан V (1689-1750). Несмотря на молодой возраст, он с первых лет своего правления проявил себя чрезвычайно целеустремленным, амбициозным человеком. Жоан V решительно пресек попытки крупной аристократии и бюрократии вторгаться в прерогативы королевской власти. Кортесы вообще перестали собираться. Жоан V был приверженцем политики протекционизма, покровителем искусств и, в особенности, архитектурного строительства. Со временем португальскому королю удалось превратиться в одного из наиболее авторитетных монархов Европы, к посредничеству которого охотно прибегали в самых деликатных и запутанных случаях. Святой престол даже даровал Жоану V особый титул Вернейшего короля (Rex fidelissimus).

Жозе I (1750-1777), благодаря попечению отца, был одним из наиболее просвещенных монархов своего времени. Он знал несколько языков, хорошо разбирался в математике, географии и истории. В молодости Жозе I питал склонность к развлечениям, но с возрастом стал очень религиозным, замкнутым и воздержанным человеком. Не отличаясь властолюбием, Жозе I

всецело передал бразды правления в руки министра магистра Помбала. Именно с деятельностью Помбала связано проведение в Португалии политики «просвещенного абсолютизма».

Помбал приобрел огромную власть после трагического землетрясения 1755 г., разрушившего большую часть португальской столицы. Для восстановления Лиссабона правительство прибегло к чрезвычайным мерам, которые затем переросли в последовательную политику централизации государственной власти. Борясь против аристократической оппозиции, Помбал использовал самые жесткие методы вплоть до массовых казней. В 1759 г. из Португалии были высланы иезуиты, и имущество ордена было конфисковано в пользу казны. Для оживления экономики Помбал окончательно запретил вывоз золота и серебра за пределы Португалии, увеличил сроки аренды земельных участков и запретил произвольный сгон арендаторов, ввел регулирование импорта хлеба и экспорта вина. Расцвет переживали королевские мануфактуры, а в области колониальной торговли были созданы мощные купеческие монополии. В 1761 г. на территории континентальной Португалии была запрещена работорговля. Увеличение государственных доходов позволило правительству реорганизовать армию и флот, осуществить важные меры по развитию образования, в том числе создать Астрономическую обсерваторию, Музей естественной истории, Ботанический сад.

После смерти Жозе I всемогущий маркиз Помбал попал в опалу и даже оказался под следствием. Здание монархии, которое он укреплял всеми силами, пошатнулось. У скончавшегося короля не было сыновей. На престол взошла Мария I (1777-1816), старшая дочь Жозе I и Марии Бурбон. Она мало интересовалась государственными проблемами, а после смерти своего супруга короля-консорта Педру III впала в умопомешательство. Регентом стал ее сын Жоан VI (1716-1826).

Страны Пиренейского полуострова в период революционных и наполеоновских войн

Расцвет испанской монархии прервался с восшествием на престол сына Карла III, Карла IV (1788-1808). Причиной тому были не только личные качества нового короля, челове-

ка совершенно безвольного и начисто лишённого способности к правлению, но и события внешние, прежде всего Великая французская революция. В отличие от отца, успешно лавировавшего между двумя противоборствовавшими фракциями реформаторов, возглавлявшимися графами Флоридабланка и Аранда, Карл IV поручал управление то одному из них, то другому, а затем передоверил все дела государства фавориту королевы Мануэлю Годой. Этот человек, несмотря на известную всем скандальную связь с королевой, пользовался одно временно и исключительным доверием самого короля. Годой происходил из обедневшей дворянской семьи и начал свою карьеру в гвардейском полку, где и был замечен женой будущего короля. Его чрезвычайная ловкость и умение обращаться с людьми помогли сделать головокружительную карьеру, вскоре монаршая чета удостоила его титулами маркиза Альвареса и князя Алькудия. В 1792 г. Годой становится государственным министром.

В отношении революционных событий во Франции Карла IV, как главу второй ветви Бурбонов, прежде всего заботило спасение жизни французской королевской семьи. Ради этого Годой деятельно принялся плести интриги, не останавливаясь перед покупкой голосов членов Конвента. Все эти попытки провалились. Более того, через несколько недель после казни Людовика XVI революционная Франция объявила Испании войну. Союзниками Испании стали Англия и Португалия. Однако военные действия оказались очень неудачными. Уже в 1794 г. испанская армия потерпела жестокое поражение в Пиренеях, и в 1795 г. Испания вынуждена была сепаратно присоединиться к Базельскому миру. Потерянные приграничные районы были возвращены в обмен на уступку Франции половины о. Санто-Доминго. Подобное развитие событий праздновалось в Мадриде как большой триумф, а Годой был удостоен титула «Князь мира». Однако его попытки оградить Испанию от дальнейшего участия в военных авантюрах не увенчались успехом. Уже в 1796 г. Испания была вынуждена заключить договор с Францией, повлекший войну с Англией. На несколько лет сообщение с американскими колониями было фактически прервано, что катастрофически отразилось на испанской экономике.

В 1799 г. Наполеон Бонапарт, ставший первым консулом, потребовал от Испании более активной антибританской политики. При этом Франция предъявила ультимативные требо-

вания и Португалии — разрыв отношений с Англией, передача крупных портов под французский и испанский контроль. Отказ вызвал вторжение в Португалию французской и испанской армий в 1801 г. В ходе «апельсиновой войны» Годой во главе 60-тысячной армии за три недели разгромил основные силы противника. Но эта победа не принесла Испании ни политических, ни экономических выгод. Кроме того, Наполеон постоянно требовал у Карла IV денег, кораблей и солдат для войны с Англией. В октябре 1804 г. под нажимом Наполеона Карл IV снова объявил войну Англии, но эта кампания не принесла ничего, кроме огромных убытков. В ходе Трафальгарского сражения (1805) англичане разгромили соединённый франко-испанский флот. В самой Испании ширилось общественное недовольство, обращённое прежде всего против всеильного Годоя.

В 1807 г. Наполеон предложил Карлу IV окончательно поделить Португалию, которая не желала присоединиться к континентальной блокаде. Уже осенью Португалия была захвачена французскими войсками. Королевская семья во главе с Жоаном VI и весь двор отплыли в Бразилию. Несмотря на этот быстрый успех, Наполеон под предлогом английской угрозы направлял в Испанию все новые и новые войска. Французы заняли Сан-Себастьян, Пампелуну и Барселону. Когда в марте 1808 г. Мюрат подступил к Мадриду, стали ясны намерения Наполеона захватить Испанию. Годой посоветовал Карлу IV бежать в Севилью, а если потребуется, то в колонии, и оттуда руководить борьбой против французов. Однако приготовления к отъезду не остались тайной для жителей столицы и вызвали сильное возмущение. Когда двор расположился в Аранхуэце, там собралась огромная толпа, пытавшаяся помешать отъезду короля. Агенты старшего сына короля принца Фердинанда, который ненавидел и Годоя, и своего безвольного отца, искусно разжигали возмущение. В ночь на 18 марта 1808 г. началось восстание, первой жертвой которого пал «Князь Мира». Дворец его был разграблен, а сам он едва избежал смерти. В страхе за собственную судьбу король объявил Годоя отрешённым от всех должностей, но бунт не прекратился. Тогда Карл IV подписал свое отречение в пользу сына Фердинанда.

Известие об отречении привело жителей Мадрида в восторг. В этих условиях даже занятие города французами прошло поч-

ти незамеченным. 24 марта Фердинанд торжественно въехал в столицу. Женщины усыпали перед ним цветами дорогу. Мужчины расстилали свои плащи под копыта его коня. Но радость была непродолжительна. Узнав о раздорах в королевском семействе, Наполеон решил воспользоваться ими в своих интересах. Уже 25 марта командовавший французской армией маршал Мюрат предложил Карлу IV заявить протест против своего низложения и обратиться за поддержкой к французскому императору. В конце апреля низложенный король встретился в Байонне с Наполеоном и без сопротивления уступил свои права на престол императору. Вскоре он вместе с королевой и Годоем переехал в Рим и жил там до самой смерти.

Услышав об отъезде отца, Фердинанд сам поспешил навстречу Наполеону, который потребовал отречения от престола. Взамен испанской короны Наполеон предложил ему королевство Этрурию, образованное из герцогства Тоскана. Фердинанд медлил с ответом. Между тем 5 мая пришло известие о восстании в Мадриде против французских войск. Наполеон обвинил Фердинанда в кровопролитии, осыпал его гневными угрозами и пригрозил смертью, если он немедленно не откажется от престола. 10 мая новый король подписал свое отречение и уехал в Баланса, замок князя Талейрана, которому было поручено наблюдать за ним. Наполеон объявил испанским королем своего брата Жозефа, но тому пришлось утверждать власть силой, так как испанцы не приняли Конституции, навязанной оккупантами.

В Испании началась упорная война против французов — герилья. Испанцы, действовавшие небольшими партизанскими отрядами, парализовали регулярную французскую армию, и даже нанесли ей несколько серьезных поражений. Наполеону пришлось лично возглавить 200-тысячную армию, вторгнувшуюся в Испанию для спасения короля Жозефа. Освободительная война испанского народа вскоре приобрела черты революции. Кортесы, собравшиеся в свободном от французов Кадисе, приняли в 1812 г. демократическую конституцию. Хотя она и объявляла личность короля священной и неприкосновенной, тем не менее ограничивала его власть: король, не мог распускать кортесов, а кортесы могли совещаться и без его разрешения. Конституция была основана на принципах народного суверенитета и разделения властей. Вводилось широкое избирательное право. В голосовании принимали участие мужчины с 25 лет, исключая домашних слуг и лиц, лишенных прав

но суду. Вслед за принятием Конституции кадисские кортесы приняли ряд антифеодальных и антиклерикальных декретов. Были отменены феодальные повинности и формы аренды, ликвидирована церковная десятина и другие платежи в пользу церкви, объявлялась распродажа части церковных, монастырских и королевских владений. Для Испании того времени это были чрезвычайно радикальные изменения.

После поражений в России и в Германии Наполеон в декабре 1813 г. вернул Фердинанду VII испанскую корону, рассчитывая удержать Испанию в орбите своей политики. В марте следующего года король возвратился в Испанию. По всей дороге от Валенсии до Мадрида его встречали с необузданным восторгом. Сначала Фердинанд клятвенно утвердил конституцию. Но, убедившись в прочности своего положения, он в мае объявил недействительными все законы, принятые кортесами в последние три года. Затем он отменил конституцию и распустил кортесы, избранные на ее основе. Новые кортесы были созваны по прежнему сословному принципу. Этот переворот был совершен без малейшего сопротивления. Реставрация абсолютной монархии привела к сохранению феодальных отношений в стране.

По оценкам современников, Фердинанд в дурных своих наклонностях превосходил самых испорченных из своих предшественников на испанском троне. Он был вероломен, коварен, жесток, труслив и недоверчив, лишен сострадания, чести и стыда. Однако Фердинанд обнаруживал черты, которые нравились простым испанцам. Подобно легендарному Харуну аль-Рашиду король любил ночью переодетым разгуливать по улицам Мадрида, охотно давал аудиенцию любому желающему и щедро раздавал милостыню. Для большинства испанцев он оставался символом порядка и оплотом традиций. Лишь позже пришло понимание того, что годы правления этого короля были временем упущенных возможностей и махровой реакции. Государственными делами при Фердинанде занимались не официальные министерства, а придворная камарилья, состоявшая из двоедушных и корыстолюбивых личностей. Восстановленная инквизиция быстро набрала силу, и в самое короткое время к ее суду были привлечены более 50 тыс. человек. Рядом с духовной тиранией свирепствовала светская. Все определенные на службу при короле Жозефе Бонапарте (так на-

зываемые «аfrancesados» — «офранцузенные») или во время регентства, учрежденного кортесами, потеряли места, множество людей подверглось преследованиям по политическим мотивам. При полном торжестве реакции армия становится центром недовольства. Несколько раз офицеры пробовали поднимать мятежи (пронунсиаменто) в защиту конституции, но неизменно терпели поражения, потому что не могли добиться поддержки народа. После того как в 1816 г. началась непопулярная и очень тяжелая война с восставшими американскими колониями, солдаты, не желавшие отправляться за океан, стали еще охотнее прислушиваться к пропаганде своих командиров. Армия с этого времени начинает играть все возрастающую роль в политической жизни Испании.

Политическая борьба Испании в 20-30-х гг. XIX в.

В начале 1820 г. нескольким офицерам удалось взбунтовать большой корпус, собранный в Кадисе для отправки в Америку. Эти события стали началом второй революции в Испании. В короткое время возмущение дошло до столицы. В марте 1820 г. король принужден был восстановить конституцию 1812 г., объявить амнистию и снять ограничения с печати. В июле открылось заседание кортесов, избранных по новому закону. Они объявили об отмене Инквизиции, изгнании иезуитов и закрытии нерентабельных монастырей. Король, запертый в своем дворце, поневоле должен был утверждать все эти постановления и вообще делать вид, что он сочувствует революции. Его собственная гвардия была разогнана. Революционные войска, занявшие дворец, бдительно наблюдали за Фердинандом как за пленником.

Из заточения короля спас французский экспедиционный корпус, направленный в Испанию по решению государей Священного союза. Едва оказавшись во французском лагере, Фердинанд дал волю своей мстительности. 10 сентября 1823 г. был обнародован декрет, уничтожавший и отменявший все, что было подписано или сделано Фердинандом с 10 марта 1820 г., включая обещанную им амнистию участникам революции. В ноябре, когда королевская семья вернулась в Мадрид, толпы народа приветствовали ее восторженными криками. Несколько энтузиастов выпрягли из кареты лошадей и сами довели

ее до дворца. Все участники революции подверглись жестоким гонениям. Десятки тысяч человек были брошены в тюрьмы, множество людей, не только участвовавших в революции, но и просто заподозренных в сочувствии к Конституции, были убиты без всякого суда бандами роялистов-фанатиков.

20-е гг. XIX столетия были во всех странах Европы отмечены наступлением политической реакции, в Испании же террор против либеральных устремлений достиг страшного размаха. Виселица сделалась эмблемой правительства. Военные комиссии присвоили себе права судебной власти; полиция составила «черную книгу», в которой отмечалось, по указанию монахов, поведение каждого испанца в годы революции. Король предоставил ультрароялистам полную свободу действий. С каждым годом положение Испании становилось все безысходней. Финансы находились в таком расстройстве, от которого было недалеко до государственного банкротства; торговля, промышленность, земледелие пришли в совершенный упадок с тех пор, как отпадение колоний закрыло для них самые выгодные рынки.

Несмотря на неслыханный террор, развязанный внутри страны, ультра-клерикалы роптали на короля, который, по их мнению, был недостаточно тверд в искоренении инакомыслия и не давал инквизиции развернуться в полную силу. Они жили надеждой на то, что Фердинанд, преждевременно состарившийся от невоздержанности и чувственных наслаждений, кончит жизнь бездетным и что на престол вступит его младший брат дон Карлос, человек ограниченный и во всем послушный монахам. Поэтому ультрамоны были очень встревожены, когда после смерти бездетной Марии Саксонской Фердинанд женился в 1829 г. в четвертый раз. Едва стало известно о беременности королевы Марии Кристины, король принял меры, которые должны были обеспечить права его потомства на престол. В мае 1830 г. он опубликовал Прагматическую хартию (принятую кортесами еще в 1789 г., но скрываемую от народа и общества). Этим декретом восстанавливались древние законы Кастилии и Наварры, позволявшие королю, если он не имел наследников мужского пола, завещать престол своей старшей дочери.

Дон Карлос объявил хартию незаконной. Сторонники его стали готовиться к войне. Тем временем 10 октября 1830 г. у короля родилась дочь Изабелла, а через три года Фердинанд умер.

Наследницей была провозглашена его малолетняя дочь Изабелла, регентшей — вдовствующая королева Мария Кристина. Одновременно с притязанием на испанский престол выступил дон Карлос. Его сторонники (их стали называть карлистами) развязали в конце 1833 г. гражданскую войну. Карлистам удалось первоначально привлечь на свою сторону часть сельского населения Страны Басков, Наварры, Каталонии, используя религиозность крестьян, а также их недовольство усилением централизма и ликвидацией старинных местных вольностей. Их девизом стали слова: «Бог, отчина, король и фуарос!» Мария Кристина вынуждена была искать поддержку среди либерального дворянства и буржуазии. Династический конфликт превратился в открытую борьбу между феодальной реакцией и либералами, Испания вступила в период третьей буржуазной революции (1834-1843).

В январе 1834 г. сформировалось правительство умеренных либералов — «модератос», которые приступили к преобразованиям, отвечающим интересам верхушки буржуазии и либерального дворянства. Правительство отменило цехи и провозгласило свободу торговли. Конституция 1812 г. заменялась «Королевским статутом» (1834), согласно которому в Испании создавались двухпалатные кортесы, обладавшие лишь совещательными функциями. Высокий имущественный ценз позволял участвовать в выборах 16 тыс. человек из 12-миллионного населения Испании. Ограниченный характер мероприятий либерального правительства и его нерешительность в борьбе с карлизмом вызвали резкое недовольство мелкой буржуазии и городских низов. К середине 1835 г. волнения охватили крупнейшие города — Мадрид, Барселону, Сарагосу; на юге страны власть перешла в руки революционных хунт, которые требовали восстановить конституцию 1812 г., уничтожить монастыри, разгромить карлизм.

Размах революционного движения заставил «модератос» в сентябре 1835 г. уступить место левым либералам, которые впоследствии стали называться «прогрессистами». В 1835-1837 гг. «прогрессистские» правительства провели важные социально-экономические преобразования. Центральное место среди них заняло решение аграрного вопроса, где особую роль играло законодательство о дезамортизации, т.е. о принудительной продаже недвижимого имущества, распространявшееся на собственность церкви, дворянские и общинные земли.

«Прогрессисты» отменили майораты, сеньориальные привилегии, баналитеты и личные повинности крестьян, уничтожили церковную десятину. Были конфискованы церковные земли и начата их распродажа; земли продавались с аукциона, большая часть их перешла в руки буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Буржуа, купившие дворянские и церковные земли, увеличивали арендную плату, нередко сгоняли крестьян с земли, заменяя их крупными арендаторами. Рост крупного буржуазного землевладения упрочил союз между буржуазией и либеральным дворянством и противопоставил буржуазию крестьянам. Поземельные повинности сохранялись и рассматривались как своеобразная форма арендной платы; это привело к постепенной утрате крестьянами владельческих прав и превращению бывших держателей в арендаторов, а бывших сеньоров — в полновластных хозяев земли.

В августе 1836 г. восстал гарнизон королевского поместья Ла-Гранха, солдаты принудили Марию Кристину подписать декрет о восстановлении Конституции 1812 г. Однако буржуазия и либеральное дворянство опасались, что введение всеобщего избирательного права и ограничение королевской власти могут обратиться против правящего блока. Поэтому уже в 1837 г. либералы разработали новую Конституцию, более консервативную, чем конституция 1812 г. Сохранялся высокий имущественный ценз, хотя избирательный корпус увеличился до 264 тыс. человек. Конституция 1837 г. явилась компромиссом между «модератос» и «прогрессистами», которые объединились в борьбе против движения народных масс, с одной стороны, и против карлизма — с другой.

В середине 30-х гг. карлизм представлял грозную опасность. Карлистские отряды совершали глубокие рейды по территории Испании. Однако к концу 1837 г. в войне произошел перелом, обусловленный внутренним кризисом лагеря абсолютистской реакции. Карлизм не нашел сторонников в городах; среди крестьян Страны Басков, Каталонии и Наварры, которые первоначально поддержали претендента, росла усталость от гражданской войны. Летом 1839 г. часть карлистских войск сложила оружие; к середине 1840 г. были разгромлены последние карлистские отряды.

С окончанием карлистской войны угроза реставрации старого порядка была устранена. Это привело к обострению противоречий между «модератос» и «прогрессистами». Их противоборс-

тво вылилось в затяжной политической кризис, окончившийся в октябре 1840 г. отречением Марии Кристины. Власть перешла в руки одного из лидеров «прогрессистов» — генерала Б. Эспартеро, который в 1841 г. был провозглашен регентом. В 1840-1841 гг. Эспартеро пользовался поддержкой народных масс, которые видели в нем героя войны против карлизма, защитника и продолжателя революции. Но он не осуществил радикальных социально-экономических и политических преобразований, его политика оттолкнула от него крестьян и городские массы. Подготовка торгового договора с Англией, который открывал испанские рынки для английского текстиля, привела к конфликту между промышленной буржуазией и правительством. Наконец, запрещение барселонской ассоциации рабочих текстильной промышленности лишило диктатуру Эспартеро поддержки ремесленников и рабочих. К началу 1843 г. сложился блок разнородных политических сил, стремившихся покончить с господством Эспартеро. Летом 1843 г. диктатура Эспартеро была свергнута, и к концу 1843 г. власть в стране вновь перешла в руки «модератос».

В целом к середине XIX в. в испанском обществе произошли большие перемены. Три буржуазные революции ликвидировали часть феодальных пережитков и создали возможности для развития капиталистических отношений. Майораты, сеньориальные права дворянства, цехи, отмененные в ходе третьей буржуазной революции, не были восстановлены. В то же время еще не распроданные церковные земли возвращались церкви, ряд задач буржуазной революции не был разрешен, что подготовило почву для последующих революций. В 1845 г. вступила в силу новая конституция, составленная в форме поправок к конституции 1837 г. (повышался имущественный ценз, урезались полномочия кортесов, увеличивались права королевской власти), которая стала важным инструментом для вмешательства короны в политическую жизнь страны.

Испания во второй половине XIX в.

Правление королевы Изабеллы II (1843-1868) называют генеральским режимом. Сначала фактически правил изгнанный Эспартеро генерал Р. Нарваэс, затем — генерал Л. О'Доннель, ирландец по происхождению. Сама королева, преждевременно, в 13 лет, объявленная совершеннолетней, была абсолютно

не готова к правлению и не стремилась стать достойной своей роли. Из всех занятий она предпочитала музыку, обожала собак, лошадей и открытые экипажи, очень скоро выучилась сама ими управлять, но до самой смерти писала с ошибками. Тон при дворе задавали представители «модератос» и всевозможные клерикалы, пользовавшиеся покровительством королевы. Проблема ее брака стала предметом обсуждения представителей великих европейских держав, из которых только Великобритания и Франция (конституционные монархии) признали ее власть законной. Испания, как и соседняя Португалия, все больше ориентировалась на эти две страны, вступив с ними в Четверной союз, открыто противопоставивший себя реставрационному Священному союзу. Эта ориентация, а также безусловный приоритет внутренних интересов над внешними будут определять внешнюю политику Испании целое столетие.

По политическим соображениям мужем королевы был выбран самый слабый из кандидатов — Франсиско Асисский, герцог Кадисский, бывший ее кузеном как с отцовской, так и с материнской линии. Это был человек лишенный физической и духовной привлекательности, чья всесторонняя несостоятельность делала его объектом насмешек и простого народа, и двора. Британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон в письме к своему мадридскому послу называл его «полным идиотом». Изабеллу буквально заставили выйти за него замуж, она покорилась своему окружению и государственной необходимости, но чувства шестнадцатилетняя королева демонстрировала с детской непосредственностью, ее постоянные увлечения становились причиной громких скандалов, хотя и не вредили ее популярности в народе. В политике королева отдавала предпочтение «модератос» в ущерб «прогрессистам» и зарождавшейся тогда демократической партии. Несмотря на то, что Конституция 1845 г. давала монархии много рычагов для формирования политики и воздействия на кортесы, политическая жизнь отличалась неустойчивостью правительств, которые в правление Изабеллы II менялись 33 раза; «правительство-молния», из которого в октябре 1849 г. вытеснили генерала Нарваэса, просуществовало всего сутки. При сохранении общего умеренного курса это объясняется соперничеством между различными фракциями «модератос», смена правительств происходила не в результате выборов, а через ставшие привыч-

ными «пронунсиаменто», как это было со свержением Эспарто ро и при переворотах 1854 и 1868 гг.

В экономической сфере «изабеллинская эпоха» отмечена до статочным подъемом. Хотя Испания по-прежнему оставалась аграрной страной, бурно развивалась текстильная, горнодобы вающая и металлургическая промышленность, начался же лезнодорожный бум. К 1865 г. было построено более 3600 км железнодорожных путей. Отпадение американских колонии благотворно сказывалось на приложении национального ка питала, недостаток которого становился одной из главных проблем. Социальная структура общества также претерпе ла значительные изменения: позиции церкви были существен но подорваны, старая аристократия была заметно потеснена новой знатью, связанной с армией, финансовыми и промыс ленными кругами. Правительство всячески поддерживало ка питалистическое развитие, а сама королева беспрестанно раз езжала по стране, открывая новые железнодорожные линии, порты, демонстрируя поддержку короной усилий либералов по модернизации страны. Значительно были активизированы и внешнеполитические усилия Испании, выразившиеся в ряде колониальных войн. Все это должно было способствовать воз рождению духа былого испанского величия и сделать Изабел лу новой *Isabella Católica* (Изабеллой Католической).

Однако рост благосостояния народа происходил медленно, несмотря на начатую при генерале О'Доннель, который воз главлял правительство в 1858-1863 гг., широкомасштабную программу общественной занятости. Это, а также исключение большинства населения из политической жизни вызывало расту щее недовольство народа, которое не могло больше сдержи ваться только имиджем «народной» королевы. С 1864 г., ког да разразился железнодорожный кризис, положивший начало длительному спаду в экономике, монархия начинает терять свои позиции. Правительство все более правееет и в попытках сохранить режим все чаще прибегает к кровавым репрессиям. Популярность Изабеллы II окончательно падает во время эпи демии холеры, поразившей Мадрид летом 1865 г., когда коро лева, покинула столицу и свой народ и укрылась в загородной резиденции. Почти одновременная смерть давних противников генералов О'Доннель и Нарваэса как бы показывала, что ре жим изжил себя. Осенью 1868 г. в результате очередного «про нунсиаменто» генерала Х. Прима (сами участники назвали его «*Gloriosa*» — «Славная революция») Изабелла II бежала во

Францию, где ей оказали радушный прием Наполеон III и его жена, происходившая из испанской знати, и где она прожила до самой смерти в 1904 г.

Период 1868-1874 гг. получил в истории Испании названия «демократического шестилетия». Учредительные кортессы, со званные на основе всеобщего избирательного права всех граж дан старше 25 лет (это составило почти четверть населения страны, почти в 9 раз большее количество избирателей, чем во время выборов 1865 г.), 1 июня 1869 г. приняли конституцию, которая благодаря статье об основных правах и включению принципа разделения властей может быть названа самой ли беральной в тогдашней Европе. 33-я статья, принятая 214 го лосами против 71, провозглашала «формой правления испан ской нации монархией». Предстояло репить вопрос о выборе нового монарха, при этом приходилось учитывать и возможные международные осложнения. Глава кабинета министров гене рал Прим, сосредоточивший в своих руках всю полноту влас ти, отверг кандидатуры Альфонса, сына Изабеллы II, герцога Монпансье из Орлеанского дома, женатого на сестре бывшей королевы и дона Карлоса Младшего (внука первого претенден та — дона Карлоса Старшего). Трехпартийный союз либералов, «прогрессистов» и демократов-монархистов стремился не толь ко обуздать революционный порыв испанцев, но и подавить реставрационные силы и защитить создаваемую «демократи ческую монархию». В ситуации обострения международной на пряженности (формально поводом для начавшейся в 1870 г. франко-прусской войны стала появившаяся кандидатура при нца из дома Гогенцоллернов) все фракции склонились в пользу Амадея Савойского, сына итальянского короля Виктора Эма нуила II, который и был избран королем 16 ноября 1870 г.

Правление Амадея I, оказавшееся очень коротким, чуть больше двух лет, началось с дурного предзнаменования. Едва сойдя на землю Испании, новый король узнал о смерти генера ла Х. Прима, ставшего жертвой покушения. Коалиция, возвед шая Амадея на престол, потеряла свою цементирующую силу, «демократическая монархия» оказалась беззащитной от напа док справа — со стороны карлистов и сторонников Бурбонов и слева — перед лицом активизации сил I Интернационала, ко торые с момента основания испанской секции (1868) избрали преимущественно анархистское направление. До отречения

Амадея I Испания пережила три состава кортесов, семь кабинетов министров и более ста смен министров. Король, который являл пример образцового поведения и искренне желал воцарения мира, все же остался чужаком для большинства испанцев и не смог стать надежным гарантом конституционной монархии в ситуации, когда началась буквально «война всех против всех»: республиканцы-федералисты подняли кантональные восстания, карлисты начали вторую войну (1872-1876), манифесты консерваторов требовали реставрации Бурбонов. Центральное правительство оказалось парализованным, и Амадей I при первом же подходящем случае объявил об отречении. В тот же день, 11 февраля 1873 г. обе палаты кортесов, объявив себя Национальной ассамблеей, провозгласили Испанию республикой.

Первая республика в Испании просуществовала всего лишь несколько месяцев и принесла с собой настоящий хаос. Гражданские смуты, происки карлистов, углубление испано-кубинского кризиса, экономические трудности, голод в результате целого ряда неурожайных лет, эпидемия холеры — все вместе, казалось, ставило под вопрос само существование испанской нации и целостность государства. Церковь, крайне отрицательно относившаяся к республике, усугубляла негативные настроения верующих в отношении центрального правительства, власть которого была номинальной и не распространялась дальше Мадрида. За рубежом испанская республика не была признана никем, за исключением США и Швейцарии. Народ устал от потрясений и желал обрести стабильность. Агония республики была прекращена очередным пронунсиаменто 29 января 1874 г., в результате которого была реставрирована монархия Бурбонов. Новым королем был провозглашен сын Изабеллы II Альфонс XII (1874-1885).

Альфонсу XII пришлось начать свое правление с подавления карлистского мятежа, самого тягостного наследия эпохи «шестилетия». Прекращение гражданской войны, а также длительной, жестокой и разорительной колониальной войны с Кубой снискало новому королю славу Миротворца (*Rey Pacificador*). При нем Испания действительно смогла обрести спокойствие и достаточную политическую стабильность.

Подлинным создателем режима Реставрации в Испании стал выдающийся государственный деятель А. Кановас дель Кастильо, чьи политические взгляды легли в основу Конституции 1876 г. Кановас был убежденным сторонником консти-

туционной монархии, противником всеобщего избирательного права и считал необходимым уменьшить влияние церкви и армии на политику. Образцом он и Альфонс XII, получивший военное образование в Англии, считали британскую парламентскую монархию и ее двухпартийную систему, воссоздать которую они попытались в Испании. Глава монархического лагеря Кановас стал лидером консервативной партии, известный публицист М. Сагаста основал либеральную партию. Консерваторы и либералы пользовались поддержкой олигархии и осуществляли свое правление и передачу власти через систему «касикизма». Касики, как называли в Испании деятелей, осуществлявших контроль над ситуацией на местах (крупных землевладельцев, банкиров, городских домовладельцев, состоятельных торговцев и др.), обеспечивали прохождение в кортесы нужных депутатов, используя подкуп или запугивание избирателей, а также многочисленные фальсификации. В условиях политического безразличия и апатии избирателей они давали более трех четвертей избирательных округов. «Касикизм» отстранял от политической жизни народ, обеспечивал монополию власти двух крупнейших партий в обход других немногочисленных республиканских партий и католических союзов, также участвовавших в выборах.

В 1885 г. со смертью Альфонса XII (скончавшегося в 28 лет от туберкулеза) в стране вновь наступил династический кризис. Королем был провозглашен его сын Альфонс XIII, родившийся через полгода после смерти отца. В 1886-1902 гг. регентшей при малолетнем сыне была королева Мария-Кристина, женщина хорошо образованная, не лишенная политического чутья и осторожности. За несколько часов до кончины Альфонса XII Кановас и Сагаста, встретившись в королевской резиденции — дворце Эль-Пардо, заключили соглашение о поддержке монархии (некоторые историки говорят в этой связи о «пакте Эль-Пардо»). Королева Мария-Кристина вскоре отдала предпочтение Сагасте, который, в свою очередь, питал к ней большое уважение. На втором этапе реставрации режим претерпел значительные либеральные изменения, например, введение суда присяжных и всеобщее избирательное право для мужчин старше 25 лет. Либерализм принес также право граждан объединяться в общественные организации, что отвечало общеевро-

пейскому демократическому развитию и было необходимо для Испании, где развивалось рабочее движение и возник социализм марксистского толка.

По темпам экономического развития Испания продолжали отставать от ведущих стран Европы, не удалось преодолеть и дефицит бюджета. Тем не менее наблюдался рост производства, прежде всего в добывающей, металлургической и текстильной промышленности. Все это давало надежду на возрождение страны. И все же конец века принес Испании новые разочарования: в результате сокрушительного поражения в войне с США в 1898 г. были потеряны все заокеанские владения — Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины. Итоги войны были восприняты в стране как национальная катастрофа и положили начало глубокому политическому кризису.

Португалия в XIX в.

Несмотря на окончание наполеоновских войн, португальский королевский двор не спешил возвращаться на родину. Рио-де-Жанейро в эти годы стал центром португальской монархии. В Бразилию переселились многие знатные португальские фамилии. Ситуация изменилась в 1820 г. 24 августа в Порту началось восстание артиллерийского полка. Солдаты и офицеры требовали введения конституционного строя. После присоединения к восстанию лиссабонских частей в столице было образовано временное правительство — Хунта, — и объявлено о созыве кортесов. Начался процесс разработки конституции. Жоан VI принял решение вернуться в Европу, после чего Бразилия была объявлена независимой империей. Ее главой стал сын португальского короля Педру I.

В начале 1822 г. кортесы завершили разработку Конституции. В соответствии с нею Португалия становилась конституционной монархией. Были отменены феодальные привилегии, упразднена инквизиция, пущены в продажу церковные имущества. Провозглашалась свобода всех португальцев и их равенство перед законом; предполагался созыв однопалатного парламента, депутаты которого должны были избираться всеобщим тайным голосованием. Жоан VI присягнул конституции, но кортесы не имели достаточного влияния в стране для закрепления нового строя. Уже в мае 1823 г. в Вила-Франка вспыхнул мятеж под руководством графа Амаранте. Кортесы

были вынуждены добровольно самораспуститься. Вскоре Жоан VI обнаруживал новый вариант конституционной хартии, восстанавливавший многие институты абсолютизма. Однако добиться политической стабилизации не удалось. В начале 1823 г. вызов королю бросил его младший сын Мигел, вдохновляемый своей матерью Карлотой Жоакиной. Так начались гражданские войны, известные как «мигелистские». С перерывами они длились почти 11 лет.

30 апреля 1823 г. верные принцу войска захватили королевский дворец в Мадриде. Жоану VI удалось спастись на борту английского военного корабля. Вслед за этим был обнародован указ об изгнании принца, с которым Мигелу пришлось смириться. Но в 1826 г. Жоан VI скончался. Страна вновь оказалась в состоянии гражданской смуты. Официальным наследником стал старший сын Жоана VI, взошедший на престол под именем Педру IV. Но покинуть Бразилию новый монарх не захотел. Он надеялся примирить враждующие стороны, приняв новую конституционную хартию, составленную в умеренно-роялистском духе, а также предложив Мигелу жениться на своей семилетней дочери Марии. В пользу Марии Педру IV и отрекся от португальского престола. Мигел колебался. Он признавал предложенный вариант разрешения конфликта вполне разумным, но сторонники абсолютизма из его ближайшего окружения требовали решительных действий. В 1828 г. Мигел вернулся на родину из изгнания и совершил новый переворот. 3 мая кортесы провозгласили его королем под именем Мигела I (1828-1834). Мария, так и не доехав до Лиссабона, бежала в Англию.

Педру IV был вынужден вступить в борьбу за права своей дочери. Его оплотом стал Порту, тогда как столица поддержала Мигела. Летом 1832 г. династический конфликт перерос в яростную гражданскую войну. Поражение Мигела 16 мая 1834 г. в битве при Ассейсейре стало фатальным для абсолютистской партии. Мигел был снова приговорен к изгнанию и более уже не вернулся в страну. 20 сентября 1834 г. кортесы объявили Марию совершеннолетней, и королева Мария II да Глория (1834-1853) присягнула на верность Конституции. Ее отец Педру IV скончался спустя четыре дня. Мария II в 1835 г. вышла замуж за герцога Лейхтенбергского, сына принца Евгения Богарне, но 26 марта того же года герцог умер от анги-

Учебное издание

*Родригес Александр Мануэльевич,
Мельянцева Виталий Альбертович,
Пономарев Михаил Викторович и др.*

**НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ
XVI-XIX века**

Учебник для студентов вузов

Зав. редакцией *Л.Р. Новоселова*
Редактор *В.В. Артемов*
Зав. художественной редакцией *И.А. Пиеничников*
Корректор *Т.Я. Кокорева*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.03.953.Д.004993.08.05 от 16.08.2005.
Сдано в набор 20.06.05. Подписано в печать 01.10.05.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 39,00. Тираж 20 000 экз. (1-й завод 1-10000 экз.).
Заказ № 14359 (к-г.).

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
119571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru
<http://www.vlados.ru>

Открытое акционерное общество
«Смоленский полиграфический комбинат»
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.